

Bestseller

ТАЙНЫ
БРОНЗОВОЙ
СТАТУИ

Р.Макдональд
Ж.Ш.Бальёль

Annotation

Этот сборник из серии «Bestseller» необычен по составу. Современность «Варварского берега» Р. Макдональда и далекое прошлое «Тайн бронзовой статуи» Ж.Ш. Бальёля, написанных в XIX веке, ничуть не противоречат друг другу. Крутой остросюжетный детектив и великолепный рыцарский роман, полный приключений и страшных тайн, сближают благородство духа и мужество главных героев, абсолютное неприятие ими лжи, подлости и насилия.

- [ТАЙНЫ БРОНЗОВОЙ СТАТУИ](#)

- [Росс Макдональд](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Жак Шарль Бальёль](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)

- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)

- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)
- [Глава 77](#)
- [Глава 78](#)
- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Глава 84](#)
- [Глава 85](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

ТАЙНЫ БРОНЗОВОЙ СТАТУИ

Р. Макдональд

Ж. Ш. Бальёль

**Росс Макдональд
Варварский берег**

Глава 1

В южной части побережья Малибу над морем возвышается выступ скалы, на котором расположился спортивный клуб «Чэннел». Над его высокими коричневого цвета зданиями, подобно парадной лестнице, застланной роскошным ковром, террасами взбираются вверх сады. Парк, разбитый вокруг строений, обнесен высоким сетчатым забором с тремя рядами колючей проволоки наверху, замаскированной пышными кустами олеандров.

Я остановил машину у ворот и посигналил. Из сторожевой будки вышел мужчина в синей униформе. Его черные косматые волосы, не помещавшиеся под фуражкой, были как будто посыпаны перцем. Несмотря на изуродованные уши и сломанный нос, лицо сочетало в себе нежность и силу – выражение, которое встречается иногда на лицах старых индейцев. Кожа тоже была смуглой, как у индейца.

– Я видел, как вы подъехали, – дружелюбно улыбнулся он, – не надо было сигналить, а то прямо в ушах звенит.

– Простите.

– Да ладно уж. – Он по-стариковски шаркал ногами, его тучный живот прикрывал даже пряжку ремня, на котором висела кобура. Подойдя, он доверчиво облокотился о дверцу моей машины. – Что вы хотели, мистер?

– Мистер Бассетт пригласил меня к себе, но не изволил объяснить, зачем я ему понадобился. Меня зовут Арчер.

– Да-да, конечно, он ждет вас. Проезжайте сюда.

Он повернулся и, бренча ключами, направился к воротам из прочной сетки. В этот момент за его спиной из-за олеандров выбежал какой-то человек и бросился вперед, явно намереваясь проскочить мимо сторожа, когда тот откроет ворота. Это был высокий, крепкий парень в голубом костюме, без головного убора, с торчащими во все стороны светло-рыжими волосами. Он двигался почти бесшумно.

Однако сторож заметил его вовремя. Он резко повернулся и схватил молодого человека за талию. Тот вырвался из его объятий и прижал сторожа к стойке ворот, что-то невнятно бормоча. Его рука резко дернулась и сбила со старика фуражку.

Сторож безуспешно пытался вытащить пистолет из кобуры. Его глаза сузились и сделались совсем маленькими. С кончика носа упала капля крови и испачкала голубую рубашку, обтягивающую круглый живот.

Наконец он вытащил пистолет. Я поспешил выйти из машины.

Молодой человек стоял в воротах вполоборота ко мне. Его профиль казался вырубленным из сырой доски, с горящим голубым глазом, вставленным в один ее угол. Он упрямо проговорил:

– Мне необходимо увидеть Бассетта. Вы не остановите меня.

– Пуля в моем пистолете остановит, – заметил охранник. – Если ты двинешься, я выстрелю. Это частное владение.

– Тогда передайте Бассетту, что я хочу его видеть.

– Я уже говорил ему. Но он не желает видеть тебя, парень. – Охранник двинулся прямо на него, выставив левое плечо вперед, крепко сжимая в правой руке пистолет. – А теперь подними мою фуражку, подай мне ее и проваливай отсюда, пока цел.

Молодой человек некоторое время стоял не двигаясь. Затем наклонился, поднял фуражку и даже попытался отряхнуть с нее пыль, прежде чем отдать владельцу.

– Извините меня. Я не хотел вас обидеть. Против вас я ничего не имею.

– Зато я имею кое-что против тебя, парень. – С этими словами охранник выхватил у него из рук свою фуражку. – Убирайся, пока я не оторвал тебе башку!

Я положил руку на широкое мускулистое плечо молодого человека.

– Лучше поступить так, как вам посоветовали.

Проведя правой ладонью по лицу, он повернулся ко мне. У него была тяжелая челюсть, и отметины на ней свидетельствовали о драчливом характере ее владельца. Несмотря на это, светлые брови и неволевой рот придавали его физиономии неопределенное выражение. Усмехнувшись, он спросил у меня:

– Еще один телохранитель мистера Бассетта?

– Я не знаком с мистером Бассеттом.

– Я слышал, как вы о нем спрашивали.

– Ну и что из этого? Послушай, парень, если ты будешь здесь носиться, оскорбляя людей, и совать свой нос куда не следует, кончится тем, что твой прекрасный профиль станет плоским, как оструганная доска. Или еще похуже.

Он сжал правую руку в кулак и перевел взгляд с него на мое лицо. Я немного напрягся, готовый в любую минуту парировать удар, а может быть, и нанести встречный.

– Полагаю, это надо рассматривать как угрозу?

– Как дружеское предупреждение. Не знаю, какая муха тебя укусила.

Но прими мой совет: тебе лучше уйти и забыть все это...

– Я уйду не раньше, чем увижу Бассетта.

– И, ради Бога, держи руки подальше от старика.

– Я уже извинился. – Он даже покраснел.

Охранник подошел к нему сзади и ткнул в спину пистолетом.

– Извинения не принимаются. Когда-то я мог справиться с двумя такими, как ты, одной рукой, а вторая была привязана к туловищу. Ты сам уберешься или мне тебя выпроводить отсюда?

– Ладно, – бросил молодой человек через плечо. – Но вы не заставите меня уйти с автострады. А он рано или поздно поедет куда-нибудь.

– Какие у тебя претензии к мистеру Бассетту? – поинтересовался я.

– Я не собираюсь обсуждать их с первым встречным. Я хочу говорить с ним лично, с глазу на глаз. – И он окинул меня оценивающим взглядом, покусывая нижнюю губу. – Не передадите ли вы Бассетту, что я хотел бы с ним потолковать? Это очень важно для меня.

– Пожалуй, я могу это сделать. От кого я должен буду передать просьбу?

– От Джорджа Уолла из Торонто. – Он помолчал, – Это насчет моей жены. Скажите ему, что я не уйду, пока не встречу с ним.

– Это ты так думаешь, – сказал охранник. – Марш отсюда, прогуляйся немного.

Джордж Уолл сдал позиции и нарочито медленно пошел к дороге, как бы подчеркивая свою независимость. Длинная утренняя тень тащилась сзади него, пока он не скрылся за поворотом. Охранник убрал свое оружие и вытер кровоточащий нос тыльной стороной руки. Затем он слизнул кровь, как будто не желал потерять даже ничтожное количество белка.

– Парень прямо какой-то зацикленный, или как их там называют, – проговорил он. – Мистер Бассетт его даже не знает.

– Это из-за него мистер Бассетт меня пригласил?

– Может быть, не знаю. – Он пожал плечами.

– Давно он здесь околачивается?

– С тех пор, как я заступил на дежурство. Насколько мне известно, он провел ночь в кустах. Собственно говоря, мне следовало бы сдать этого типа полиции, но мистер Бассетт не разрешил. Уж слишком он мягкосердечный. Он сказал, чтобы я сам с ним справился, дескать, не надо вмешивать сюда власти.

– Вы и справились.

– Еще бы! Как я уже говорил, было время, когда я сладил бы с двумя такими, как он. – Он согнул правую руку, напряг мышцы, любовно их

ощупал и довольно улыбнулся. – Когда-то я был боксером – и неплохим. Тони Торресе. Может быть, вы слышали мое имя? «Бойцовый петух» из Фресно?

– Конечно же слышал. Вы выдержали шесть раундов против Армстронга.

– Да. – Он важно кивнул. – Я тогда уже был в годах, тридцати пяти-тридцати шести лет. Ноги были уже не те. А то бы я и все десять раундов продержался. Чувствовал я себя прекрасно, и если бы не ноги... Так вы знаете? Вы видели тот бой?

– Я слушал его по радио. Тогда я еще в школе учился, так что денег на билет не было.

– Кто бы мог подумать? – проговорил он мечтательно. – Вы слышали тот бой по радио!..

Глава 2

Я оставил машину на асфальтированной площадке перед главным зданием. Над входом висела перевернутая ярко-красная рождественская елка. Построенное из дерева и грубого камня приземистое здание с плоской крышей не произвело на меня впечатления чего-то грандиозного, пока я не вошел. Через внутреннюю стеклянную дверь вестибюля виднелся бассейн в пятьдесят ярдов длиной. Его водная гладь сливалась с безбрежной синевой океана, который как-бы являлся продолжением бассейна.

Дверь была закрыта. Единственным человеком, которого я увидел, был темнокожий парень в белых шортах. Он чистил дно бассейна специальным вакуум-насосом для подводных работ с длинной ручкой. Я постучал монетой по стеклу.

Через некоторое время он услышал стук и быстрым шагом направился к двери. Внимательно глядя через стекло своими темными умными глазами, он, казалось, размышлял, к какой категории посетителей меня следует отнести – людей богатых или не очень. Наконец, открыв дверь, он сказал:

– Если вы что-то продаете, мистер, то вы выбрали неподходящее время. Во всяком случае, сейчас не сезон, а мистер Бассетт в отвратительнейшем настроении. Он только что накинулся на меня. Но разве я виноват, что они побросали тропических рыбок в бассейн?

– Кто «они»?

– Те люди, которые были здесь вчера вечером. Хлорированная вода убила их, бедняжек. Теперь я должен их убрать.

– Людей?

– Тропических рыбок. Они вылавливали их из аквариума и швыряли в бассейн. Они – это гости, которые на вчерашней вечеринке слишком много выпили, ну и забыли об элементарных приличиях. А мистер Бассетт сделал из меня козла отпущения.

– Не держите на него зла. Мои клиенты всегда бывают в расстроенных чувствах, когда обращаются ко мне.

– Вы владелец похоронного бюро или что-то в этом роде?

– Что-то в этом роде.

– Я просто так поинтересовался. – Его лицо осветила белозубая ослепительная улыбка. – У меня тетка занимается похоронными делами. Для себя подобной профессии я даже не представляю Уж больно жутко А

ей ничего, нравится.

– Ну и отлично. Бассетт – владелец этого клуба?

– Нет Только управляющий По его манере говорить может показаться, что клуб принадлежит ему. На самом же деле владельцами клуба являются его члены.

Я шел следом за спасателем, невольно разглядывая его стройную фигуру с широкими плечами и тонкой талией, вдоль галереи, сквозь мерцающие отблески зеленого света, отражающегося от водной глади бассейна. Наконец парень остановился и постучал в серую дверь, на которой висела табличка: «Управляющий». Голос, ответивший на стук, был резок, как скрип мела на влажной классной доске:

– Кто там?

– Арчер, – сказал я спасателю.

– Мистер Арчер хотел бы вас видеть, сэр.

– Очень хорошо. Одну минуту.

Спасатель подмигнул мне и быстро удалился, шлепая босыми ногами по кафельному полу. Замок щелкнул, и дверь приоткрылась. Выглянувший человек был немного ниже меня ростом. Его глаза казались тусклыми и слишком широко расставленными, к тому же слегка навывкате, они напоминали глаза рыбы. Из рта с тонкими губами, похожего на рот никогда не целованной старой девы, вырвался вздох облегчения:

– Рад вас видеть. Прошу, входите.

Он запер за мной дверь и указал на кресло перед своим столом. Жест был чрезвычайно нервным. Сев за стол, он открыл кисет из свиной кожи и начал набивать большую трубку, сделанную из корня верескового дерева, темным листовым английским табаком. И эта его трубка, и табак, и пиджак из харисского твида, и «оксфордские» широкие брюки, и коричневые ботинки на толстой подошве, и даже произношение, свойственное жителю восточного побережья, – все как нельзя лучше гармонировало между собой. Несмотря на то, что его волосы были искусно покрашены в каштановый цвет, а на щеках играл румянец, я решил, что ему около шестидесяти.

Я оглядел кабинет. В нем не было окон, освещали его скрытые лампы дневного света. Мебель – темная и тяжелая. Стены увешаны изображениями яхт под парусами, фотографиями как бы застывших в воздухе прыгунов в воду и теннисистов, с натянутыми улыбками приветствующих друг друга. На столе стояло несколько книг между двумя книгодержателями в виде слонов, высеченных из какого-то полированного черного камня.

Бассетт поднес газовую зажигалку к трубке и, затянувшись, проговорил сквозь плотную завесу голубого дыма:

– Я слышал, мистер Арчер, что вы опытный телохранитель.

– Надеюсь, что я неплохой специалист, но я нечасто выполняю функции телохранителя.

– Как я понял... Но почему нечасто?

– Потому что при этом надо постоянно находиться рядом с каким-нибудь чудаком. Некоторые хотят иметь телохранителей, чтобы было с кем поболтать. Или же страдают различными маниями.

Мистер Бассетт криво усмехнулся.

– Едва ли это можно принять за комплимент. Или вы не меня имели в виду?

– А что, у вас возникла нужда в телохранителе?

– Я даже не знаю. – И он добавил, тщательно подбирая слова: – До тех пор, пока ситуация не прояснится, я действительно не могу сказать, что мне нужно.

– Кто сообщил вам обо мне?

– Не так давно один из членов нашего клуба упомянул ваше имя. Джошуа Северн, телевизионный продюсер. Если хотите знать, он считает вас просто гением в вашей области.

– Угу. – У лести есть один недостаток: те, кто к ней прибегают, ожидают, что им заплатят той же монетой. – Зачем же вам понадобился детектив, мистер Бассетт?

– Сейчас я все объясню. Какой-то парень угрожает... угрожает моей безопасности. Слышали бы вы, как он говорил со мной по телефону.

– Вы беседовали?

– Только одну минуту, вчера вечером. Это было в разгар вечеринки – нашей ежегодной вечеринки, которую мы проводим сразу же после Рождества. Он позвонил из Лос-Анджелеса и заявил, что собирается приехать прямо сюда и не оставит меня в покое до тех пор, пока не получит какие-то интересующие его сведения. Все это выбило меня из колеи.

– Какие сведения ему нужны?

– Такие, каких у меня просто нет. Я подозреваю, что сейчас он где-то там, снаружи, устроил засаду. Вечеринка закончилась очень поздно, и я провел ночь здесь, вернее остаток ночи. Утром охранник позвонил сюда и сообщил, что какой-то молодой человек желает меня видеть. Но я приказал ему не впускать этого типа. Сразу после этого, собравшись с мыслями, я позвонил вам.

– И что же вы в сущности от меня хотите?

– Помочь мне избавиться от него. Должны же у вас быть какие-то специальные способы и средства. Я не хочу допускать никакого, насилия, во всяком случае до тех пор, пока не окажется, что без этого никак не обойтись. – Его глаза тускло поблескивали за облаком дыма. – Может быть, оно и потребуется. У вас есть оружие?

– В машине. Но я не даю его напрокат

– О, разумеется, нет. Вы меня не так поняли, дружище. Возможно, я не совсем точно выразился. Я вообще с отвращением отношусь к насилию. Просто я имел в виду, что вы могли бы использовать пистолет как... ну, как инструмент убеждения, что ли. Не могли бы вы просто проводить этого типа до станции или аэропорта и посадить на автобус или самолет?

– Нет. – Я встал.

Он дошел следом за мной до двери и схватил за руку. Мне такая фамильярность не понравилась, и я освободился довольно резким рывком.

– Послушайте, Арчер, я не богатый человек, но у меня есть кое-какие сбережения. Я готов заплатить три сотни долларов, если вы разделаетесь с этим парнем.

– Разделаюсь с ним?

– Без насилия, конечно.

– К сожалению, я не иду на сомнительные сделки.

– Пятьсот долларов.

– Не выйдет. То, чего вы от меня хотите, запрещено законом.

– Боже правый, я совсем не то имел в виду. – Он искренне огорчился.

– Подумайте хорошенько. Для человека вашего положения вы имеете весьма смутное представление о законе. Почему вы не хотите, чтобы им занялась полиция? Вы же заявляете, что он вам угрожает.

– Ну да. Он что-то говорил о хлысте. Но нельзя же с такой чепухой обращаться в полицию.

– А почему бы и нет?

– Нет, я так не могу. Это же до нелепости старомодно. Я буду посмешищем всего южного побережья. Мне кажется, дружище, вы не понимаете, что тут дело не только личного характера. Я управляющий и секретарь весьма престижного клуба. Самые известные и влиятельные люди побережья доверяют мне своих детей, своих юных дочерей. Я должен быть вне всяких подозрений, чист, как Кальпурния^[1], понимаете? Нельзя допустить даже намека на скандал.

– Какой же может быть скандал?

«Кальпурния» вытащил изо рта трубку и выпустил несколько колечек дыма.

– Я надеялся, что мне не придется вдаваться в подробности. И конечно, не предполагал подвергнуться допросу с пристрастием. Однако необходимо что-то предпринять, пока ситуация не ухудшилась необратимо.

То, как тщательно он подбирал слова, раздражало меня, и это, видимо, отразилось на моем лице. Взглянув на меня, он умоляюще сказал:

– Могу ли я вам довериться? Полностью довериться?

– В том случае, если вы не нарушили закон.

– О Господи, конечно же, все вполне законно. Я попал в небольшую переделку, хотя и не по своей вине. Я не совершил ничего плохого, но люди могут подумать, что я в чем-то виновен. Понимаете, в этом деле замешана женщина.

– Жена Джорджа Уолла?

Его лицо как бы расплзлось по швам. Он попытался вновь стянуть его к трубке, крепко зажатой в зубах, но не мог справиться с гримасой, которая растянула концы его губ в виде круглой скобки.

– Вы знаете? Всем уже все известно?

– Скоро станет известно, если Джордж Уолл будет слоняться вокруг клуба. Я наткнулся на него по пути...

– Бог ты мой, значит, он уже здесь.

Бассетт весьма неуклюже, но быстро пробежал в другой конец комнаты, открыл ящик стола и вытащил оттуда пистолет.

– Положите его на место, – сказал я. – Вы очень заботитесь о своей репутации, а пистолет-то уж точно разобьет ее вдребезги. Уолла я встретил за воротами. Он пытался проникнуть сюда, к вам. Но не смог. Просил меня передать, что не уйдет, пока не встретится с вами. Все.

– Проклятье! Почему вы сразу не сказали? Мы же теряем время.

– Вы, но не я.

– Хорошо. Не будем ссориться. Мы должны убрать его отсюда, пока не появились члены клуба.

Он взглянул на часы на правом запястье. При этом его пистолет оказался направлен на меня.

– Уберите эту штуку, Бассетт. Вы слишком взволнованы, чтобы обращаться с оружием.

Он положил пистолет на тисненый журнал перед собой и робко улыбнулся,

– Извините. Я немного, нервничаю. Не привык к такой суматохе.

– Что же все-таки произошло?

– Молодому Уоллу, по всей видимости, пришла в голову нелепая мысль, будто я украл его жену.

– Вы вправду это сделали?

– Не считайте меня идиотом. Девушка слишком молода, чтобы быть даже моей дочерью. – Глаза его стали влажными от смущения. – Мои отношения с ней не выходили за рамки приличий.

– Значит, какие-то отношения были?

– Конечно. Я знаю ее уже много лет, гораздо дольше, чем достойный Джордж Уолл. Она занималась в этом бассейне еще подростком. Она и сейчас-то не слишком взрослая. Двадцать один, двадцать два года.

– Как ее зовут?

– Эстер Кэмпбелл, прыгунья в воду. Вы, может быть, слышали о ней. Два года назад она почти выиграла Национальный чемпионат. Затем исчезла из виду. Ее семья переехала отсюда, и она ушла из любительского спорта. Я даже и не знал, что она вышла замуж, пока снова не встретил ее.

– Когда это случилось?

– Пять или шесть месяцев назад. Шесть месяцев, в июне. То время, что она отсутствовала, видимо, было не самым лучшим для нее. Сначала Эстер гастролировала с группой водной феерии, потом потеряла работу и оказалась в Торонто. Она осталась без средств к существованию. Встретила молодого канадского спортивного репортера и от отчаяния вышла за него замуж. Очевидно, брак не удался. Через год, даже меньше, она ушла от него и, вернулась сюда – без гроша в кармане и страшно подавленной. Естественно, я сделал для нее все, что мог. Убедил членов правления клуба принять ее на работу в бассейн – инструктором по прыжкам в воду. Она довольно хорошо справлялась со своими обязанностями. А когда сезон кончился и она осталась без учеников, я, откровенно говоря, немного помогал ей материально. – Он развел руками. – Если это преступление, тогда я преступник.

– Если это все, то не понимаю, чего вы боитесь?

– Вы не понимаете, потому что не представляете себе той ситуации, в которой я оказался, всей вражды и интриг, с которыми я здесь сталкиваюсь ежедневно. Среди членов клуба есть люди, которые были бы рады, лишись я вдруг своего места. И если Джордж Уолл станет утверждать во всеуслышание, что я использовал свои возможности, чтобы покровительствовать молодой женщине...

– Каким образом он это сделает?

– Я имею в виду, что он, как угрожает, доведет до суда. Продажный судья может начать процесс против меня. Девушка говорила, что собирается развестись с мужем, и я, кажется, вел себя не вполне благоразумно. Несколько раз меня могли видеть с ней вдвоем. Иногда я

приглашал ее на обед, который готовил собственноручно. – Он слегка покраснел. – Стряпня – одно из моих хобби. Сейчас я понимаю, что приглашать ее к себе домой было безумием.

– Из этого он ничего не сможет раздуть. Мы живем не во времена королевы Виктории.

– Как бы не так. В некоторых кругах до сих пор твердо придерживаются определенных принципов. Вы представить себе не можете, в каком опасном положении я нахожусь. Боюсь, что будет достаточно одного обвинения...

– А вы не преувеличиваете?

– Если бы это было так. Но я чувствую, что пропал.

– Я бы вам посоветовал откровенно поговорить с Уоллом. Выложите ему все факты.

– Я пытался это сделать по телефону вчера вечером. Но он не стал меня слушать. Этот человек просто вне себя от ревности. Подумайте только, он воображает, что я где-то прячу его жену.

– А может, так оно и есть?

– Вы что, смеетесь? Я не видел ее с начала сентября. Она уехала отсюда совершенно неожиданно, даже не попрощавшись. И не оставила адреса.

– Она убежала с мужчиной?

– Вполне вероятно, – ответил Бассетт. Вот и скажите об этом Уоллу.

Лично

– О, только не это. Я не смогу. Этот человек просто буйно помешанный, скорее всего он тут же на меня набросится

Дрожащими руками Бассетт пригладил волосы, взмокшие на висках. Даже к мочкам ушей у него стекали маленькие ручейки пота. Он вытащил из кармана носовой платок и вытер лицо. Мне захотелось помочь ему. Он так откровенно трусил, что я невольно почувствовал жалость.

– Я смогу сдержать его, – сказал я. – Позвоните в привратницкую. Если он еще поблизости, я пойду и приведу его сюда

– Сюда?

– Если у вас нет более подходящего места.

После минутного колебания он согласился:

– Хорошо. Полагаю, мне действительно надо с ним встретиться. Нельзя допустить, чтобы он буйствовал на виду у публики. В любой момент могут прийти члены клуба на утреннее купание.

В его голосе послышалось прямо-таки благоговение, когда он заговорил о членах клуба. Они, наверное, были существами высшей расы:

сверхчеловеками или кем-то еще в этом роде. И сам мистер Бассетт, похоже, одной ногой касался земного рая.

Неохотно он поднял трубку внутреннего телефона.

– Тони? Что нового? Этот молодой маньяк все еще вне себя от ярости?.. Ты уверен?.. Абсолютно уверен? Ну хорошо. Дай мне знать, если он появится снова. – Бассетт положил трубку.

– Ушел?

– По-видимому, да. – Открыв рот, он глубоко вздохнул. – Торресе говорит, что он ушел пешком несколько минут назад. Я был бы вам очень признателен, если бы вы остались здесь еще ненадолго, так, на всякий случай.

– Хорошо Это вам обойдется в двадцать пять долларов.

Он сразу же расплатился со мной наличными, вытащив деньги из ящика стола. Затем из другого ящика он достал зеркало и электробритву. Я сидел и наблюдал, как он бреется. Крошечными ножничками он выстриг волоски в ноздрях и подправил брови. В общем, это был один из тех случаев, из-за которых я терпеть не могу работу телохранителя

От нечего делать я просмотрел книги, лежащие на столе. Здесь были календарь высшего света Южной Каролины, киноальманах за прошлый год и толстый фолиант в потрепанной обложке зеленого цвета с неожиданным названием «Семья Бассеттов», Я раскрыл его на титульном листе, который гласил, что в книге описываются генеалогия и подвиги потомков Уильяма Бассетта со времен его обоснования в штате Массачусетс в 1634 году и до начала первой мировой войны. Автор Клэрэнс Бассетт.

– Не думаю, что вам будет интересно, – застенчиво улыбнулся Бассетт, – но для члена семьи история довольно любопытная. Эту книгу написал мой отец на закате дней своих. Когда-то мои предки действительно были местной аристократией в Новой Англии, ну, знаете, губернаторами, профессорами, священниками, деловыми людьми.

– Я слышал что-то об этом.

– Простите, надеюсь, вам не наскучило слушать меня? – неуверенно спросил он и продолжил с неожиданной самоиронией: – Довольно странно, я последний отпрыск рода, который носит фамилию Бассетт. И только это заставляет меня сожалеть о том, что я так и не женился. Но, с другой стороны, я никогда не был особенно чадолюбивым.

Склонившись к зеркалу, он принялся выдавливать прыщик где-то между носом и верхней губой. Я встал и прошелся вдоль стен, рассматривая висевшие на них фотографии. У одной я остановился. На снимке были запечатлены три прыгуна в воду – мужчина и две девушки, в

момент синхронного прыжка с вышки. Их тела, одинаково выгнутые дугой, четко выделялись на фоне светлого летнего неба. Они словно парили в воздухе, прежде чем гравитации удалось поймать их и вернуть на землю.

– Это Эстер слева, – сказал Бассетт, подойдя сзади.

Ее тело было натянуто, как струна. Ветер откинул блестящие на солнце волосы. Девушка справа – смуглая брюнетка – производила поразительное впечатление своей полной прекрасной грудью. Мужчина посередине был тоже очень смуглым, с черными кудрями и рельефными мускулами, словно отлитыми из бронзы.

– Это одна из моих любимых фотографий, – заметил Бассетт. – Она сделана два года назад, когда Эстер готовилась к Национальному чемпионату.

– Здесь, в бассейне?

– Да. Как я уже говорил, мы разрешили ей пользоваться вышкой для тренировок.

– А кто эти двое рядом с ней на фотографии?

– Парень работал у нас спасателем. А девушка – подруга Эстер. Она тоже работала здесь, в баре-закусочной, а Эстер готовила ее к соревнованиям по прыжкам в воду.

– Она все еще работает в клубе?

– К сожалению, нет. – Его лицо вытянулось. – Габриэль погибла.

– Несчастный случай при прыжке с вышки?

– Если бы. Ее нашли на берегу с огнестрельной раной.

– Убийство?

Он кивнул.

– Кто ее убил?

– Преступление так и не было раскрыто. И, скорее всего, уже никогда не станет известно, кто это сделал. Это случилось почти два года назад, в марте прошлого года.

– Как, вы сказали, ее звали?

– Габриэль. Габриэль Торресс.

– Какая-то родственница Тони?

– Его дочь.

Глава 3

Вдруг в дверь громко постучали. Бассетт шарахнулся, как испуганная лошадь.

– Кто там?

Стук повторился. Я подошел к двери. Бассетт вскрикнул:

– Не открывайте!

Я повернул ключ в замке и приоткрыл дверь на несколько дюймов. Передо мной стоял Джордж Уолл собственной персоной. Его лицо казалось серо-зеленым в отраженном водой свете. Из брюк был вырван клоч, и через дыру виднелась свежая ссадина на ноге. Он выдохнул прямо мне в лицо:

– Он здесь?

– Как вы сюда попали?

– Через забор. Бассетт здесь?

Я взглянул на Бассетта. Он присел в дальнем углу, и над краем стола сверкали только его белесые глаза и черный ствол пистолета.

– Не впускайте его. Пусть он лучше меня не трогает.

– Он и не собирается вас трогать. Положите пистолет.

– Нет. Я буду защищаться, если понадобится.

Я отвернулся от этого воинственного, объятых ужасом человечка.

– Вы слышали, что он сказал, Уолл? У него в руках оружие.

– Мне плевать на это. Я хочу с ним потолковать. Эстер здесь?

– Вы на ложном пути. Он ее не видел несколько месяцев.

– Конечно, он будет так говорить.

– Я это подтверждаю. Она работала здесь летом, а в начале сентября исчезла.

Кажется, он смутился. Его голубые глаза потемнели. Непрерывно облизывая нижнюю губу, он продолжал:

– Почему же он отказывался встретиться со мной?

– А вы не помните? Вы же сами упомянули о хлысте. Это было в высшей степени недипломатично.

– У меня нет времени разводить дипломатию. Завтра я должен вернуться домой.

– Отлично.

Он просунул в щель плечо и всей тяжестью налег на дверь. Бассетт на октаву повысил голос:

– Держите его подальше от меня!

Оказывается, он уже покинул свое убежище и теперь стоял рядом со мной. Прижавшись к двери спиной, я вырвал пистолет у него из рук и опустил в свой карман. Он был слишком напуган и зол, чтобы вымолвить хоть слово. Я вновь повернулся к Уоллу, который продолжал давить на дверь. Решимости у него поубавилось, но он по-прежнему упрямо пытался проникнуть в кабинет. Я уперся рукой ему в грудь и сдерживал его тяжелое, как у каменной статуи, тело.

Тут я увидел, что по ступенькам, из вестибюля, спустился невысокий широкоплечий мужчина. Он направлялся в нашу сторону какой-то суетливой гусиной походкой, глядя на бассейн и море за ним так, будто они принадлежали лично ему. Ветерок шевелил серебристой хохолок у него на затылке. Самодовольство, которым дышала вся его фигура, казалось, раздувало отлично скроенный пиджак из голубой фланели. Он не обращал никакого внимания на женщину, идущую в нескольких шагах позади него.

– Боже мой! – прошептал Бассетт прямо мне в ухо. – Это мистер и миссис Графф. Я не могу устраивать скандал перед мистером Граффом. Пусть Уолл войдет. Быстрее.

Я впустил Джорджа. Бассетт уже приветливо кланялся и улыбался, когда седовласый мужчина приблизился к нам. Он остановился и втянул носом воздух. Его загорелое лицо казалось отполированным.

– Бассетт! Вы нашли помощников на сегодняшний вечер? А оркестр?

– Да, мистер Графф.

– А насчет напитков... Возьмите обычный «Бурбон» из бара, а не из моего личного запаса. Все они полные профаны в этом, по крайней мере, ни один не заметит разницв1.

– Разумеется, мистер Графф. Желаю вам приятно поплавать.

– Спасибо.

Женщина, шедшая следом за ним, пребывала в каком-то сумеречном состоянии, как будто солнечный свет раздражал ее. Черные волосы, зачесанные назад, открывали широкий плоский лоб, который ровной линией соединялся с греческим носом. На мертвенно-бледном лице только глаза, горевшие мрачным огнем, казались вместилищем энергии и чувств. Она была одета в черный костюм без всяких украшений, как вдова.

Бассетт пожелал ей доброго утра. Внезапно оживившись, она ответила, что для декабря сегодня чудесный день. Ее муж прошел к купальным кабинам. Она последовала за ним, как бесстрастная тень. Бассетт вздохнул с облегчением.

– Это тот самый Графф из студии «Гелио-Графф»? – полюбопытствовал я.

– Да.

Он прошел мимо Уолла к своему столу, присел на угол и занялся трубкой и кisetом с табаком. Руки у него едва заметно дрожали. Уолл остался у двери. Его лицо покрылось красными пятнами. Мне не понравился холодный пристальный взгляд, которым он уставился на Бассетта. Я стоял между ними, глядя то на одного, то на другого, как судья на теннисном корте.

Наконец Уолл заговорил осипшим голосом:

– Вы все врете, вы должны знать, где она. Вы платили за уроки танцев, которые она брала.

– За уроки танцев? Я? – Удивление Бассетта выглядело весьма правдоподобным.

– В балетной школе Антуана. Я разговаривал с Антуаном вчера. И он мне сообщил, что Эстер брала у него уроки танцев, а расплатилась за них вашим чеком.

– Так вот как она распорядилась деньгами, которые я ей ссудил!

Уолл скривил губы в усмешке.

– У вас на все готов ответ, не так ли? Зачем вы давали ей деньги?

– Она мне нравится.

– Еще бы! Где она сейчас?

– Откровенно говоря, не знаю. Она уехала отсюда в сентябре, и с тех пор я в глаза не видел мисс Кэмпбелл.

– Ее зовут миссис Уолл, миссис Джордж Уолл, к вашему сведению. Она моя жена.

– Я верю вам, дружище. Но здесь она работала под своей девичьей фамилией. Как я понял, она собиралась разводиться.

– И кто ж это ее надоумил?

Бассетт одарил его терпеливым взглядом.

– Если вы уж так хотите знать правду, то я как раз таки пытался отговорить ее от подобного шага и убеждал вернуться к вам в Канаду. Но у нее были другие планы.

– Какие это другие?

– Она мечтала сделать карьеру, – сказал Бассетт с легким оттенком иронии. – Вы знаете, она выросла здесь, на Юге, и поэтому желание стать актрисой впитала с молоком матери. И конечно же, пока она успешно занималась прыжками в воду, она привыкла быть в центре внимания. Поверьте мне, я сделал все, что было в моих силах, пытаюсь образумить ее. Но, боюсь, мне ничего не удалось добиться. Она вполне уверила себя, что должна развивать свой талант, – полагаю, этим объясняются и уроки

танцев.

– А у нее действительно есть талант? – спросил я.

Уолл ответил:

– Во всяком случае, она так думает.

– Ну, полно, – проговорил Бассетт, устало улыбнувшись, – давайте отдадим леди должное. Она – очаровательная девочка и вполне может стремиться к совершенству...

– И поэтому вы оплачивали ее уроки танцев?

– Я одолжил ей деньги, но не знаю, на что она их потратила. Как я уже говорил вам, Арчер, она уехала отсюда неожиданно. В один прекрасный день она еще спокойно жила в Малибу, занималась со своими учениками, заводила полезные знакомства. А на следующий исчезла, словно ее здесь никогда и не было.

– Что за знакомства она заводила? – спросил я.

– Большинство членов нашего клуба заняты в киноиндустрии.

– Не могла она уехать с кем-нибудь из них?

Бассетт неодобрительно покачал головой.

– Насколько мне известно, нет. Поймите, я не пытался выслеживать ее. И если она сочла нужным уехать, какое я имел право вмешиваться?

– У меня есть право, – произнес Уолл низким прерывающимся голосом. – Я полагаю, вы говорите неправду. Вы знаете, где она, и пытаетесь отделаться от меня.

Его нижняя челюсть выдвинулась вперед, отчего лицо стало сразу бесформенным и уродливым. Плечи напряглись, а руки судорожно сжались в кулаки.

– Веди себя прилично, – предупредил я его,

– Я должен ее найти, должен узнать, что с ней случилось.

– Подождите, Джордж. – Бассетт выставил вперед свою трубку наподобие пистолета, струйка дыма довершала сходство.

– Не говорите мне «Джордж». Так зовут меня лишь друзья.

– Я вам не враг, старина.

– И не называйте меня «старинной».

– Ну тогда, если вам так больше нравится, молодой человек. Я глубоко сожалею, что между нами произошло недоразумение. Искренне сожалею. Поверьте мне, я никому не хочу причинять вреда, и вам желаю только хорошего.

– Почему же тогда вы не хотите мне помочь? Скажите правду – Эстер жива?

Бассетт взглянул на него с ужасом.

Я спросил:

– С чего ты взял, что ее нет в живых?

– Потому что она боялась. Она боялась, что ее убьют.

– Ты разговаривал с ней? Когда?

– Позавчера. В рождественскую ночь. Она позвонила в нашу квартиру в Торонто. Была ужасно расстроена, плакала.

– Она сказала, что случилось?

– Ее грозили убить, но она не сказала кто. Она хотела выбраться из Калифорнии. И спрашивала меня, приму ли я ее обратно. Конечно же, я с радостью согласился. Но разговор прервался прежде, чем мы успели обо всем условиться.

– Откуда она звонила?

– Из балетной школы Антуана, что на бульваре Сансет. Звонок был записан на счет, поэтому я смог узнать, откуда он. И как только уладил свои дела, сразу же вылетел сюда и встретился с Антуаном. Но он ничего не знает о ее звонке – или только говорит, что не знает. В ту ночь он устраивал что-то вроде вечеринок для своих учеников, и в доме была порядочная суматоха.

– Ваша жена и в последнее время брала у него уроки?

– Не знаю. Думаю, что да.

– Тогда он должен знать адрес.

– Он утверждает, что у него есть только адрес клуба «Чэннел». – Джордж бросил на Бассетта подозрительный взгляд. – Вы уверены, что она не живет здесь?

– Не сходите с ума. Здесь она никогда не жила. Можете сами проверить. Она снимала коттедж в Малибу. Я поищу ее адрес, если хотите. Домовладелица, кажется, живет рядом, и вы можете расспросить ее. Это миссис Сара Лам – мой старый друг и наша бывшая сотрудница. Скажите ей, что вы от меня.

– Чтобы она, так же как и вы, наплела мне кучу всяких сказок? – спросил Уолл.

Бассетт поднялся и подошел к нему.

– Можете вы, наконец, рассуждать здраво, приятель? Я помогал вашей жене. Не кажется ли вам, что довольно-таки несправедливо злиться на меня за мои же добрые поступки. У меня нет времени спорить. Я должен готовиться к важному приему сегодня вечером.

– Меня это не касается.

– Разумеется нет. А я не имею никакого отношения к вашим проблемам. Но у меня есть одно предложение. Мистер Арчер – частный

детектив. Я охотно заплачу ему из собственного кармана, чтобы он помог разыскать вашу жену. При условии, что вы прекратите преследовать меня. Ну так как, принимаете мое предложение?

– Вы действительно сыщик?

Я кивнул.

Он нерешительно взглянул на меня.

– Если бы я был уверен, что это не подстроено... Вы друг Бассетта?

– Первый раз увидел его сегодня утром. Между прочим, мистер Бассетт, со мной насчет этой сделки вы еще не посоветовались.

– Но это как раз по вашей части, – примирительно сказал Бассетт. – Или у вас имеются возражения?

У меня их не было. Правда, меня не оставляло ощущение тревоги, как бы разлитой в воздухе. К тому же минувший год был тяжелым для меня, и я чувствовал, что порядком устал. Я взглянул на рыжеволосого воинственного Джорджа Уолла. Он казался прирожденным возмутителем спокойствия, представлявшим опасность как для себя самого, так и для других. Возможно, если я буду следовать за ним по пятам, мне удастся предотвратить неприятности, на которые он нарываяется.

В глубине души я неисправимый мечтатель.

– Ну так как, Уолл?

– Я с радостью приму вашу помощь, – медленно ответил он. – Только расплачусь я с вами сам.

– Нет, нет! – быстро проговорил Бассетт. – Вы должны позволить мне хоть что-то сделать. Я тоже заинтересован в судьбе Эстер.

– Я думаю. – Голос Уолла звучал угрюмо.

Чтобы утихомирить страсти, я сказал:

– Бросим жребий. Орел – платит Бассетт, решка – Уолл.

Я подбросил вверх двадцатипятицентовую монету, и она упала на стол. Решка. Таким образом, я принадлежал Джорджу Уоллу. Или он мне.

Глава 4

Когда мы с Джорджем вышли из кабинета Бассетта, Графф плыл на спине вдоль края бассейна. Его загорелый коричневый живот возвышался над поверхностью воды, как панцирь галапагосской черепахи. Миссис Графф, полностью одетая, сидела в одиночестве, ярко освещенная солнцем. Казалось, что ее черное платье, черные волосы и черные глаза поглощают солнечный свет. Эта женщина отличалась той особенной красотой, которая появляется у долго страдавших людей.

Она возбуждала мое любопытство. А я ее ни капельки не интересовал. Она даже не подняла глаз, когда мы проходили мимо. Подойдя к машине, я сказал Уоллу:

– Тебе лучше пригнуть голову к сиденью, когда мы будем проезжать ворота. А то Тони ненароком пальнет в тебя.

– Да ну, не может быть!

– Еще как может. Эти старые боксеры обычно легко выходят из себя, особенно если над ними так глупо подшутить.

– Я не хотел этого делать. Конечно, я вел себя просто отвратительно.

– Да уж точно, не как человек, имеющий голову на плечах. По крайней мере, дважды этим утром тебя чуть не подстрелили. Бассетт был настолько напуган, что мог бы нажать на спуск, а Тони – так этот вообще какой-то сумасшедший. Я не знаю, как там у вас в Канаде, но у нас не принято быть слишком заносчивым. Многие безобидные с виду простаки держат оружие под рукой.

Джордж опустил голову.

– Прошу меня простить.

Более чем когда бы то ни было он походил сейчас на подростка, еще не успевшего повзрослеть. Но несмотря на это, он мне нравился. Он имел неплохие задатки и вполне мог стать нормальным человеком, при условии, что у него хватит времени для их развития.

– Мне не нужны твои извинения. Ты подвергаешь опасности свою собственную жизнь.

– Но я в самом деле виноват. Мысль о том, что Эстер с этим старым мозгляком... думаю, от такого я совсем потерял голову.

– Ну, теперь не теряй ее больше. И ради Бога, забудь про Бассетта. Едва ли его можно назвать сердцеедом.

– Он давал ей деньги. Он сам это признал.

– Он когда-то давал ей деньги. А вот кто оплачивает ее счета теперь?

В ответ Джордж глухо прорычал:

– Кто бы он ни был, я убью его.

– Нет, ты этого не сделаешь.

Он упрямо молчал, пока мы не подъехали к воротам. Ворота были открыты. Тони помахал мне из своей будки, но при виде Уолла его лицо вытянулось.

– Подождите, – попросил Джордж, – я хочу извиниться перед ним.

– Не надо. Сиди на своем месте.

Я повернул налево и выехал на прибрежную автостраду. Повторяя все изгибы крутого берега, она постепенно спускалась к морю. Мы неслись мимо небольших коттеджей, которые тянулись, как нескончаемые облупившиеся вагоны товарного поезда.

– Представляю, каким ужасным типом я вам кажусь, – выпалил Джордж. – Но вообще-то я не такой. У меня вовсе нет привычки шататься где не надо, размахивая кулаками и пугая людей.

– Понятно.

– Послушайте, – продолжал он, – просто... Видите ли, у меня выдался очень скверный год.

И он поведал почему. Все началось в августе, на Канадской национальной выставке. Джордж работал спортивным обозревателем газеты «Стар» в Торонто, и ему поручили написать о группе водной феерии. Эстер была одной из главных участниц выступления. До этого он никогда не интересовался прыжками в воду – его основной темой в газете был футбол, – но Эстер показалась ему какой-то особенной, ее как будто окружало сияние. Он еще раз пришел посмотреть на нее, уже в нерабочее время, и проводил ее после представления.

А во время третьего выступления Эстер слишком быстро вышла из двух с половиной оборотов и плашмя ударилась об воду. Когда ее вытащили, она была без сознания. Ее увезли, прежде чем он успел пробраться к ней. На следующий день Эстер на представлении не было. В конце концов он разыскал ее в отеле на улице Йонг. Она выглядела такой несчастной, глаза у нее покраснели, а под глазами были темные круги. И она сказала, что с прыжками в воду покончено, так как у нее сдали нервы.

Она рыдала у него на плече, а он не знал, как ее успокоить. У него совершенно не было опыта общения с женщинами, если не считать одного-двух случаев, которые для него ничего не значили. На исходе ночи он предложил ей выйти за него замуж. Она согласилась, и три дня спустя они уже были мужем и женой.

Наверное, он не был достаточно откровенным с Эстер. Глядя на то, как он тратит деньги, она приняла его за богача. А возможно, он делал вид, что является значительной фигурой в газетных кругах Торонто, а был всего лишь молодым, неопытным репортером, год как из колледжа, и получал только пятьдесят пять долларов в неделю. Эстер оказалось тяжело привыкать к жизни в двухкомнатной квартирке на авеню Спадина. После травмы у нее было плохо с глазами, долгое время они оставались воспаленными. Неделями она не могла выйти из квартиры. Она перестала ухаживать за волосами, пользоваться косметикой, перестала даже умываться. Она отказалась готовить для него и постоянно твердила, что потеряла привлекательность, карьеру, потеряла все, ради чего стоило жить.

– Я никогда не забуду прошлую зиму, – проговорил Джордж. Он сказал это с такой силой, что я повернул голову и посмотрел на него, но не встретился с ним взглядом. В глубокой задумчивости он смотрел мимо меня на сверкающую синь океана. Зимний солнечный свет играл на поверхности воды, как на мятой фольге. – Было очень холодно, – продолжал Уолл. – Снег скрипел под ногами, и нос пощипывало от стужи. На окнах появились морозные узоры. В подвале день и ночь работало отопление. Эстер подружилась с женщиной – смотрительницей дома, которая жила в квартире рядом с нами. Вместе с миссис Бин – так звали эту женщину – она начала ходить в церковь, в странную небольшую церквушку, расположенную неподалеку. Когда я возвращался домой с работы, я слышал, как в спальне они ведут разговоры об искуплении грехов, перевоплощении и прочей ерунде.

Однажды ночью, после ухода миссис Бин, Эстер сказала мне, что Бог наказывает ее за грехи. Вот почему она потерпела неудачу при прыжке в воду и застряла со мной в Торонто. Потом добавила, что должна очиститься от скверны, чтобы ее следующее воплощение прошло на более высоком уровне. В течение целого месяца мне пришлось спать на диване... Боже, как я мерз!

В Сочельник она разбудила меня среди ночи и объявила, что уже очистилась. Христос пришел к ней во сне и отпустил все ее грехи. Сначала я не принимал этой чепухи всерьез. Подшучивал над ней, высмеивал ее терзания. Так что, в конце концов, она рассказала мне, что имеет в виду, твердя о своих грехах.

И тут он замолчал.

– Так что же она имела в виду? – спросил я.

– Лучше я не буду говорить.

Джордж сказал это изменившимся сдавленным голосом. Я снова

искоса взглянул на него. Яркий румянец выступил у него на щеках, и даже уши покраснели.

– Как бы там ни было, – продолжил Джордж, – у нас произошло что-то вроде примирения. Эстер оставила свое увлечение религией. Вместо этого она вдруг помешалась на танцах. Танцевала ночи напролет, а днями отсыпалась. Я не мог вынести такого темпа. Я должен был каждый день отправляться на службу. Да еще вкладывать немалый энтузиазм в свои писания о баскетболе, хоккее и других детских забавах. И она приобрела привычку ходить в Вилледж без меня.

– По твоим словам я понял, что ты живешь в Торонто.

– В Торонто есть свой Вилледж. Он очень похож на нью-йоркский, только, конечно, поменьше. Эстер ходила туда с компанией любителей бальных танцев. Она лезла из кожи вон, занимаясь с учителем по имени Пэдрайк Дейн. Сделала короткую стрижку и проколола уши для сережек. Даже дома ходила в белой шелковой рубашке и брючках вроде трико. И постоянно делала антраша, или как там еще они называются. Она обращалась ко мне по-французски – хотя я не сказал бы, что она знает этот язык, а когда я не мог ее понять, вообще переставала со мной разговаривать.

Иногда она сидела, уставившись на меня, не моргая, в течение доброй четверти часа. Как будто я был предметом мебели, и она решала, куда бы меня поставить. А возможно, тогда я вообще перестал существовать для нее. Представляете?

Я мог себе это представить. У меня тоже когда-то была жена, и я знал, что значит такое молчание. Но я не сказал об этом Джорджу Уоллу. А он все говорил и говорил, словно его чувства долгое время были заморожены, и вот наконец-то калифорнийское солнце растопило их. Видимо, сегодня он готов был излить душу даже бетонному столбу или деревянному индейскому божку.

– Теперь я понимаю, почему она делала все это, – сказал он. – Она пыталась таким безумным способом вернуть себе уверенность, собиралась с духом, чтобы порвать со мной. Все эти люди, с которыми она общалась, Пэдди Дейн со своими эльфами и феями подталкивали ее к этому. Мне следовало бы предвидеть такой конец.

В конце весны они поставили нечто вроде танцевальной пьесы на сцене маленького театра, который когда-то был церковью. Эстер играла мужскую роль. Я пошел на представление, но не мог ничего понять. Пьеса была о человеке, страдающем раздвоением личности и влюбленном в самого себя. После представления я услышал, какой ерундой друзья Эстер

забивали ей голову. Они утверждали, что она зря теряет время в Торонто, что совершила ужасную глупость, выйдя замуж за такого недотепу, как я. Что ей необходимо ехать в Нью-Йорк или вернуться в Голливуд... Я не стал слушать дальше, а когда наконец она пришла домой, мы поссорились. Я хотел заставить ее расстаться с этими людьми и выбросить из головы их бредовые советы. Я требовал, чтобы она оставила уроки танцев, игру в театре, чтобы сидела дома, носила такую одежду, как все нормальные женщины, и вела хозяйство, как порядочная жена.

Он рассмеялся, но смех прозвучал так, как будто внутри у него сломанные ребра терлись друг о друга.

– Да, я оказался великим знатоком женской психологии, – с сарказмом заметил Уолл. – Утром, после того как я ушел на работу, Эстер отправилась в банк, сняла все деньги, которые я откладывал на покупку дома, и села в самолет, летевший в Чикаго. Я разузнал об этом в аэропорту. Она не оставила мне даже маленькой записочки. Видимо, это было наказание уже за мои грехи. Я не имел ни малейшего понятия, куда она уехала. Я встретился с некоторыми из ее странных друзей в Вилледже, но они тоже ничего не знали. Она бросила их так же, как и меня.

Не знаю, как я прожил следующие шесть месяцев. Мы были женаты недолго и не стали настолько близки друг другу, как должны быть муж и жена. Но я любил ее и продолжаю любить. Вечерами я бесцельно бродил по улицам и каждый раз, когда встречал девушку со светлыми волосами, меня точно пронизывало электрическим током. Когда звонил телефон, мне казалось, что это она. И однажды она позвонила.

Это было в рождественскую ночь, позавчера. Я сидел дома один и пытался не думать о ней. Я чувствовал, что еще немного – и у меня произойдет нервный срыв. Куда бы я ни смотрел, везде видел ее лицо. А потом зазвонил телефон, и это была Эстер. Я уже говорил вам – она боялась, что ее убьют, и хотела уехать из Калифорнии. Можете себе представить, что я почувствовал, когда связь прервалась. Сначала хотел звонить в полицию Лос-Анджелеса, но что я мог им сообщить? Почти ничего. Поэтому я установил, откуда был звонок, и первым же самолетом вылетел из Торонто.

– Почему ты не сделал этого шесть месяцев назад?

– Я не знал, где ее искать, – она ни разу мне не написала.

– Но были же какие-то предположения?

– Да, конечно. Я понимал, что она может вернуться сюда, но не решался преследовать ее. Это не имело смысла. Я почти убедил себя в том, что ей в самом деле лучше оставить меня. – Помолчав, он добавил: – Как

бы там ни было, она, наверное, этого хотела.

– Вот ты бы и выяснил все у нее самой. Но сначала нам нужно найти ее.

Глава 5

Мы заехали в тупик между автострадой и пляжем. Машину затрясло на разбитом асфальте. Коттеджи, тянувшиеся вдоль улицы, выглядели жалкими и грязными, но автомобили, стоявшие перед ними, почти все были самых последних марок. Когда я выключил двигатель, мы окунулись в тишину, которую нарушал только плеск волн где-то внизу, за коттеджами, да крик серых чаек, кружащихся над морем.

Дом, в котором жила Эстер, походил на грубо сколоченный деревянный ящик или никому не нужный списанный контейнер. Ветер, несущий с берега песок, как наждаком счистил краску с его стен и выщербил доски. Коттедж рядом с ним был побольше и в лучшем состоянии, но не намного.

– Это же просто лачуга, – удивился Джордж, – а я-то думал, что Малибу – знаменитый курорт.

– Да, конечно. Одна половина и есть знаменитый курорт. Но это – вторая.

Мы поднялись по ступенькам на веранду миссис Лам, и я постучал в ржавую раздвижную дверь. Открыла пожилая женщина, очень полная, с каким-то бульдожьим лицом и крашенными хной волосами, отливающими на солнце нахальным оранжевым цветом. На лбу между бровями у нее был приклеен кусочек пластыря, который, по всей вероятности, предназначался для разглаживания морщин и придавал ей весьма эксцентричный вид.

– Миссис Лам?

Она величественно кивнула, держа перед собой чашку с кофе и не переставая жевать.

– Я слышал, что вы сдаете коттедж рядом с вашим домом.

Она наконец проглотила кусок, который был у нее во рту, и отпила кофе.

– Но я должна вам сразу же заявить, что не сдаю жилье одиноким мужчинам. Если вы женаты, тогда другое дело. – Она выжидающе помолчала и сделала второй глоток, оставив на краю чашки красный след в форме полумесяца.

– Я не женат.

Вот и все, что я смог ответить.

– Очень жаль, – провозгласила миссис Лам. Ее мощный голос с канзасским прононсом гудел, как провода на порывистом ветру. – Лично я

всецело за супружество. За всю жизнь я имела дело с четырьмя мужчинами, и двое из них были моими мужьями. Первый брак длился тридцать три года, и, надеюсь, мой муж был счастлив. Он не надоедал мне разной ерундой и не разводил грязь в квартире. Меня вообще не как просто вывести из терпения. Когда он умер, я снова вышла замуж, и этот брак также был не плох. Мог быть лучше, а мог оказаться и хуже. Тем не менее, когда второй муж умер, я почувствовала что-то вроде облегчения. За семь лет, что мы были женаты, он и пальцем не пошевелил, чтобы хоть немного заработать. К счастью, я была в состоянии его содержать.

Ее колочие глаза, окруженные сеткой мелких морщинок, перебежали с меня на Джорджа и обратно.

– Вы оба весьма привлекательные молодые люди и вполне могли бы найти девушек, которые охотно попытают счастья с вами.

Она свирепо улыбнулась, поболтала оставшийся кофе в чашке и одним глотком выпила его.

– У меня есть жена, – угрюмо проговорил Джордж. – Я как раз сейчас ее разыскиваю.

– Что же вы молчите? Почему сразу не сказали?

– Я пытался это сделать.

– Не сердитесь. Я слишком болтлива, не правда ли? Как ее зовут?

– Эстер.

Ее глаза округлились.

– Эстер Кэмпбелл?

– Эстер Кэмпбелл-Уолл.

– Ну и ну! Черт меня побери! Я даже не подозревала, что она замужем.

А что произошло? Она от вас сбежала?

Уолл мрачно кивнул.

– Еще в июне.

– Никогда бы не подумала У нее, оказывается, еще меньше мозгов, чем я предполагала. Убежать от такого парня!

Она буквально впилась взглядом в его лицо и закудаhtала еще громче-

– Да, я считала, что она стала благоразумнее С детства у нее голова была забита всякой ерундой

– Так вы знали ее еще ребенком?

– Еще бы! И ее, и ее сестру, и их мать. Мать всегда была высокомерной особой, напускала на себя этакую важность.

Вы знаете, где живет ее мать сейчас?

– Несколько лет я ее в глаза не видела, так же как и сестру.

Я взглянул на Джорджа Уолла.

Он покачал головой.

– Я даже не знал, что у нее есть мать. Она никогда не говорила о своей семье. И я решил, что она сирота.

– У нее есть семья, – сказала старая женщина. – Ее мать, миссис Кэмпбелл, по-своему заботилась о ней и о ее сестре. Она непременно хотела сделать из них что-то особенное, чтобы все ими восхищались. Не представляю, как она умудрялась обучать их и музыке, и танцам, и плаванию, где брала деньги на все эти уроки?

– У миссис Кэмпбелл нет мужа?

– Во всяком случае, когда я с ней познакомилась, уже не было. Во время войны она работала продавщицей в магазине спиртных напитков; там-то мне и пришлось с ней встретиться, благодаря моему второму мужу. Миссис Кэмпбелл всегда хвасталась своими девочками, но, в сущности, она мало думала о их благополучии. Она была так называемой киноматерью, которая, как я полагаю, рассчитывала, что малышки в конце концов станут содержать ее.

– Она все еще живет где-то здесь?

– Нет, насколько мне известно. Я уже сказала, что несколько лет назад потеряла ее из виду. И надо заметить, это не разбило мне сердца.

– И вы не знаете, где сейчас может находиться Эстер?

– Я не видела девушку с сентября. Она переехала, и все. Здесь у нас, в Малибу, все так быстро меняется.

– Куда она переехала? – спросил Джордж.

– Понятия не имею, – Миссис Лам перевела взгляд на меня. – Вы тоже ее родственник?

– Нет. Я – частный детектив.

Она не выразила удивления.

– Ну что ж, тогда я с вами поговорю. Входите и выпейте чашечку кофе. Ваш друг подождет на улице.

Уолл не стал спорить, но было ясно, что он недоволен. Миссис Лам раздвинула дверь, и я прошел за ней в крошечную белоснежную кухню. Скатерть на столе и занавеска над раковиной были из ткани в краснобелую клетку. На электрической плитке потихоньку булькал кофейник.

Миссис Лам разлила кофе в две чашки. Усевшись за стол, она жестом пригласила меня сесть напротив.

– Не могу жить без кофе. Эта привычка появилась у меня, когда я заведовала буфетом. По двадцать пять чашечек в день, глупая старуха. – По тому, как она проговорила это, было ясно, что она вполне довольна собой. – Я думаю, что, случись мне порезаться, так вместо крови кофе потечет.

Мистер Финни – он мой духовный наставник в церкви – советует мне переключиться на чай, но я не могу. Я ему сказала, что в тот день, когда вынуждена буду отказаться от своей слабости, я просто сложу руки на груди и отбуду в лучший мир.

– Bravo, – произнес я. – Вы собирались что-то поведать об Эстер.

– Да, да. Мне не хотелось говорить об этом в присутствии ее мужа. Я прогнала ее с квартиры.

– За что?

– За легкомысленное поведение, – решительно ответила она. – Девчонка просто виснет на мужчинах. Разве он об этом не знает?

– Мне кажется, подозревает в глубине души. Что это за люди?

– Особенно один.

– Надеюсь, не Клэрэнс Бассетт?

– Мистер Бассетт? Боже сохрани, нет. Я знаю мистера Бассетта уже десять лет – я заведовала буфетом в клубе, пока меня не подвели ноги, – и уж поверьте мне на слово, он не какой-то там легкомысленный тип. Мистер Бассетт был ей вроде отца. Думаю, он приложил все усилия, чтобы спасти ее от неприятностей, по его старания пропали даром. Впрочем, так же, как и мои.

– В какие еще неприятности она вляпалась?

– Неприятности, связанные с мужчиной, как я уже сказала. Возможно, еще не произошло ничего такого, что имело бы отношение к вашей профессии, но я своими глазами видела, как она сама сует голову в петлю. Один из тех типов, которые приходили к ней домой, сильно смахивал на гангстера. Я предупредила Эстер, что, если она и впредь будет приводить таких подонков, да еще оставлять их на всю ночь, пусть ищет для этих целей другую квартиру. Я знаю ее с детства, поэтому считала себя вправе разговаривать с ней подобным образом. Но она отнеслась к моим словам иначе и заявила, что, дескать, она не вмешивается в мои дела и я не должна лезть куда не надо. Тогда я напомнила ей, что, поскольку она находится в пределах моей собственности, все это имеет ко мне самое прямое отношение. Она же обозвала меня старой клячей, сующей нос не в свои дела, и добавила, что съезжает с квартиры немедленно. Может быть, я, конечно, и старая кляча, но я не потерплю таких оскорблений от легкомысленной девчонки, которая якшается с гангстерами.

Она умолкла, чтобы перевести дух. В углу кухни взволнованно заворчал холодильник. Я отхлебнул кофе и выглянул в окно, выходящее на улицу. Джордж Уолл с отрешенным видом сидел в машине. Я повернулся к миссис Лам.

– Вы знаете, как зовут того гангстера?

– Нет, имени не знаю. Эстер никогда его не упоминала. Но когда я высказала ей свое недовольство, она заявила, что он менеджер ее парня.

– Ее парня?

– Да, Ланса Торресса, как он себя называет. Когда-то он был порядочным молодым человеком, по крайней мере, казался таким, когда работал спасателем.

– Он работал спасателем в клубе?

– Два или три сезона. Это Тони упросил принять его. Но работа спасателя оказалась для него слишком скучным занятием. Он хотел сразу стать важной шишкой. Я слышала, некоторое время он был боксером, а затем попал в какую-то историю, и в прошлом году его посадили в тюрьму.

– А что за история с ним приключилась?

– Об этом мне ничего не известно. В мире столько достойных людей, заслуживающих моего внимания, и чтобы я интересовалась каким-то бездельником? Я онемела от удивления, когда Ланс неожиданно появился здесь, увиваясь вокруг Эстер.

– Откуда вы взяли, что его так называемый менеджер – гангстер?

– Я видела, как он стрелял, вот откуда. Однажды утром меня разбудили отрывистые хлопающие звуки, доносившиеся с пляжа. Как будто стреляли. И я убедилась, что так оно и есть, увидев собственными глазами, как этот парень расстреливал пустые пивные бутылки из ужасного черного пистолета. И в тот день я сказала: или ты, Эстер, прекращаешь водиться с бездельниками, или мы распрощаемся.

– Но кто же он?

– Я уже объяснила, что понятия не имею. По тому, как он ловко обращался со своим кургузым пистолетом, я поняла, что он бандит. А Эстер утверждала, что он менеджер Ланса.

– Как он выглядел?

– Он напоминал покойника. Безжизненные коричневые глаза, плоское лицо мертвенно-бледного цвета. Я обратилась прямо к нему, спросила, как ему не совестно бить бутылки там, где люди могут порезаться. Он даже не взглянул на меня, вставил другую обойму и молча продолжал пальбу. Наверное, точно так же он мог бы и меня застрелить, по крайней мере, у него был такой вид.

От бессильной ярости у нее на щеках выступила краска.

– Мне не по нутру, когда от меня отделяются подобным образом. Это не по-человечески. И меня раздражает стрельба, особенно с тех пор, как в прошлом году застрелили мою приятельницу. Прямо на пляже, на

несколько миль южнее того места, где вы сейчас сидите.

– Вы имеете в виду Габриэль Торресе?

– Да, ее. Вы уже слышали о Габриэль, не так ли?

– Кое-что. Значит, вы с ней дружили?

– Конечно. У некоторых могло бы возникнуть предубеждение из-за того, что она наполовину мексиканка, но только не у меня. Я считаю, что если девушка работает с тобой, то она достойна и твоей дружбы. – Ее мощная грудь бурно вздымалась под цветным халатом.

– Я слышал, что до сих пор не известно, кто ее убил.

– Кто-то да знает. Тот, кто это сделал.

– А вы кого-нибудь подозреваете, миссис Лам?

На какое-то время ее лицо как бы окаменело. Потом она покачала головой.

– Может, тут замешаны ее кузен Ланс или его менеджер?

– Не исключено. Только зачем им это?

– Но вы о них думали?

– А что еще я могла подумать? Они то приезжали в соседний коттедж, то уезжали, то стреляли на пляже из пистолета. В тот день, когда Эстер уезжала, я сказала, что ей следует извлечь урок из того, что случилось с ее подругой.

– Но она тем не менее отправилась с ними.

– Думаю, что да. Я не видела, как она уезжала. Не имею понятия ни куда она покатилась, ни с кем. В тот день я навещала свою дочь, которая живет в Сан-Берду.

Глава 6

Выйдя из коттеджа, я вкратце изложил все это Джорджу Уоллу, который уже начинал терять терпение. По пути в Лос-Анджелес я свернул на аллею, ведущую к клубу «Чэннел». Джордж стал тревожно озираться вокруг, как будто я заманивал его в засаду.

– Зачем мы возвращаемся сюда?

– Хочу поболтать с охранником. Может быть, он хоть намеком прояснит, где искать твою жену. Если нет, я попытаюсь что-нибудь выяснить у Антуана.

– Не вижу в этом смысла. Я вчера разговаривал с Антуаном, и вы знаете, что он мне ответил.

– Возможно, мне удастся выжать из него немного больше. Я знаю Антуана, как-то работал на него.

– Вы думаете, он не все рассказал мне?

– Вполне вероятно. Антуан не большой любитель расставаться с чем-то, даже с информацией. А сейчас сиди здесь и смотри, чтобы никто ни с кого не сбивал фуражки. Я хочу поговорить с Тони, а ты вызываешь у него неприятные ассоциации.

– Зачем тогда я вообще здесь нужен? – мрачно спросил он. – С таким же успехом я могу вернуться в отель и выспаться.

– Очень неплохая мысль.

Я поставил машину так, чтобы ее не было видно от ворот, и пошел вдоль извилистой аллеи, обсаженной с двух сторон пышными кустами олеандров. Тони услышал мои шаги и вышел из будки мне навстречу, блеснув в улыбке золотыми коронками.

– Что случилось с вашим безумным другом? Вы потеряли его?

– К счастью, нет. Тони, у вас есть племянник?

– У меня куча племянников. – Он растопырил пальцы. – Пять, нет, шесть штук.

– Мне нужен один, которого зовут Ланс.

Улыбка на его лице мгновенно погасла.

– Что с ним? – недовольно проворчал старик.

– Как его настоящее имя?

– Мануэль, – ответил он медленно и как будто с трудом. – Мануэль Торресе. Имя, которое дал ему мой брат, было для него недостаточно хорошим. Поэтому он сменил его.

– Вы знаете, где он сейчас?

– Нет, мистер, не знаю. И знать не хочу! Не имею ничего общего с этим типом. Одно время он был мне как сын. Теперь нет. – Он медленно покачал головой. – Мануэль снова попал в переделку?

– Пока не могу сказать точно. Кто его менеджер, Тони?

– У него нет менеджера. Ему больше не разрешают драться. А раньше я был его менеджером и тренером одновременно. Работал с ним упорно, не торопясь, учил его действовать левой и всяким комбинациям. Он жил тогда у меня. Я заставил его соблюдать жесткий распорядок: подъем в шесть утра, скакалка, легкий и тяжелый мешок, пятимильная пробежка вдоль берега. Ноги были крепкие, как из железа, прекрасные. И все это он разрушил.

– Каким образом?

– История стара как мир, – сказал Тони, – я за свою жизнь много раз встречался с подобными. Он выиграл три боя, два – из четырех раундов, а один из шести, в Сан-Диего. И сразу же стал важной персоной, решил, что теперь он шишка на ровном месте. А дядя Тони, бедный старикашка дядя Тони, слишком глуп, чтобы вести его дела. Дядя Тони неизвестно почему не разрешает бездельничать, заводит девочек, курить марихуану, заставляет продать рычащий и чадящий мотоцикл, чтобы не сломать себе шею, и утверждает, что нужно бороться за блестящее будущее. Но это блестящее будущее нужно парню немедленно. Прямо сию минуту.

Он не захотел меня слушать. А потом сделал нечто такое, что мне не понравилось, ну совсем не понравилось. И я сказал ему: «Ты хотел уйти от меня, так и убирайся ко всем чертям. У нас нет контракта, и я считаю, что мы ничем не связаны». Он взгромоздился на свой мотоцикл и уехал назад в Лос-Анджелес. Там он и жил бездельник бездельником.

Ему тогда еще не было и двадцати одного года. И моя сестра Десидерия во всем обвиняла меня, послушать ее, так я за ним должен был ползти на коленях. – Тони покачал головой. – Ну уж нет, сказал я ей, я и так слишком долго нянчился с ним. Так же как и ты, но ты – женщина и не понимаешь, как обстоят дела на самом деле. У парня в штанах завелись муравьи, и их уж не выведешь. Пусть он идет своим путем, мы не можем прожить жизнь за него.

Ну и так далее. Один из проходимцев, каким и он мечтал стать, увидел, как Мэнни работает в зале, и предложил заключить контракт, на что тот с радостью согласился. Он выиграл несколько боев, а несколько проиграл, заработал деньги каким-то нечестным путем и потратил их на какие-то грязные делишки. В прошлом году его накрыли на перевозке

наркотиков и засадили в тюрьму. Когда он вышел, его отстранили от боев – и вообще он оказался там, откуда начал, в армии голодающих. – Тони в сердцах сплюнул. – Когда-то давным-давно я пробовал объяснить ему, что мой отец, его дед, был брасего (*батрак (ит.)*). Отец Мэнни и я родились в курятнике во Фресно. Мы – вся наша семья – вышли из ничего. И уж если судьба послала нам неожиданную удачу, мы должны сделать все возможное, чтобы удержаться на плаву. Но разве он слушал меня? Наоборот, сунул голову в петлю.

– И сколько он просидел в тюрьме?

– Думаю, весь прошлый год. Но наверняка не знаю. В то время у меня были свои неприятности.

Плечи у него опустились, словно на них легла страшная тяжесть. Я хотел спросить его о смерти дочери, но увидел в его глазах такую тоску, что у меня язык прилип к нёбу. Глубокие морщины на лице Тони казались шрамами, оставшимися от жестоких ударов. И удары эти были нанесены чем-то потяжелее боксерских кулаков. Я задал другой вопрос:

– Вы знаете фамилию человека, который заключил с ним контракт?

– Стерн.

– Карл Стерн?

– Да. – Искоса взглянув на меня, он увидел, какой эффект произвело это имя. – Вы с ним знакомы?

– Видел пару раз в ночном клубе да слышал о нем несколько историй. Если они правдивы хотя бы на десять процентов, то это опасный тип. И ваш племянник все еще связан с ним, Тони?

– Не знаю. Бьюсь об заклад, он опять попал в беду. Думаю, вы об этом знаете, только мне не говорите.

– Почему вы так решили?

– Потому что я видел его на прошлой неделе. Он был разодет как кинозвезда и сидел за рулем спортивного автомобиля. – Он взмахнул рукой. – Откуда у него такие деньги? Он не работает и выступать больше не может.

– Почему же вы не спросили его об этом?

– Не смешите меня. Спросить его? Да он даже «привет» не сказал своему дядюшке Тони. Слишком был увлечен ездой и блондинкой рядом с ним.

– Он был с девушкой?

– Ну да.

– А ее вы знаете?

– Конечно. Она работала здесь прошлым летом. Ее зовут Эстер

Кэмпбелл. Я думал, у нее все-таки не так мало мозгов, чтобы носиться на машине с моим племянником Мэнни.

– Сколько времени она с ним?

– Понятия не имею.

– Где вы их видели?

– На Венецианской скоростной дороге.

– Эстер Кэмпбелл была подругой вашей дочери?

Он еще больше помрачнел.

– Вроде бы. К чему все это, мистер? Сначала вы расспрашивали о племяннике, а сейчас перешли на дочь.

– Я услышал о ней только сегодня утром. Она была подругой Эстер Кэмпбелл, а я интересуюсь именно ею.

– А я нет. Я ничего не знаю. Оставьте меня в покое. Что я могу знать? – Его настроение резко изменилось. Он сделал идиотски-тупое лицо. – У меня травма головы. Я плохо соображаю. Моя дочь погибла. Мой племянник – бесчестный гангстер. А какие-то люди приходят и бьют меня кулаком по носу.

Глава 7

Студия Антуана, окна которой выходили на бульвар, располагалась во втором этаже оригинального здания с лепными украшениями, в восточной части Голливуда.

Здание было не старым, но местами обшарпанным и заново покрашенным в разные цвета: розовый, белый, голубой, так что выглядело оно несколько странно. Войти в дом можно было только со двора, в центре которого возвышался фонтан в стиле тераццо и несколько киосков, торгующих сувенирами. Бетонная нимфа стояла по колено в воде. Одной рукой, как фиговым листиком, она стыдливо прикрывала свои прелести, а другой манила к себе.

Я медленно поднялся по наружной лестнице на балкон второго этажа. Сквозь открытую дверь видны были с полдюжины девушек в трико, растягивающих связки у станка вдоль стены. Женщина с плоской грудью, но довольно массивными бедрами громко, как армейский инструктор по строевой подготовке, отдавала команды:

– Grand battement, s’il vous plaît. Non, non, grand battement.

Я прошел в конец балкона, преследуемый сладкосоленным запахом пота молодого тела. Антуан сидел за столом в своем кабинете, коротенький и широкий, одетый в габардиновый костюм цвета лимонного мороженого. Он легко поднялся мне навстречу, как бы демонстрируя свою вечную молодость. Лицо у него было загорелым, а на протянутой руке блеснули два кольца: печатка и перстень с бриллиантом, который составлял пару с камнем в заколке фулярового галстука. Он сжал мою руку, как рак своими клешнями.

– Мистер Арчер.

Антуан появился в Голливуде гораздо раньше меня, но все еще произносил мою фамилию как «Аршер». Возможно, акцент был частью его делового имиджа. Но, несмотря на это, он мне нравился.

– Удивительно, что вы все еще помните меня.

– Я вспоминаю вас с огромной благодарностью, – с улыбкой проговорил он, – и довольно часто.

– Которая по счету жена у вас в данный момент?

– Подумать только! Вы все так же вульгарны. – Он изящно всплеснул руками, заодно проверив, в порядке ли у него маникюр. – Пятая. И мы предельно счастливы. Так что, надеюсь, ваши услуги не потребуются.

- Пока.
- Полагаю, вы пришли не для того, чтобы обсудить мои семейные проблемы. Какое у вас дело ко мне?
- Я ищу девушку.
- Эстер Кэмпбелл?
- Вот именно.
- И вас нанял ее муж, этот наивный здоровях?
- Вы просто ясновидящий.
- Он натуральный дурак. Любой, кто бежит за женщиной в нашем городе, особенно если это парень его возраста и сложения, – дурак. Почему он не остановится? Тогда они сами роem будут виться вокруг него.
- Его интересует только одна. Ну, так что же вы о ней скажете?
- Что скажу? – повторил он, простирая вперед руки ладонями вверх, словно демонстрируя их чистоту. – Она брала у меня уроки танцев три или четыре месяца подряд. Молодые девушки приходят и уходят. И я не могу отвечать за их личную жизнь.
- А что вы знаете о ее личной жизни?
- Ничего. И не желаю знать. Мой друг Пэдди Дейн из Торонто напрасно порекомендовал ей обратиться ко мне. Эта девушка просто помешана на том, чтобы сделать карьеру. От подобных особ можно ждать любых неприятностей.
- Зачем вы натравили ее мужа на Клэреиса Бассетта?
- Он удивленно поднял брови.
- Я натравил его на Бассетта? Я просто ответил на его вопросы.
- Вы заставили его поверить, что она жила с Бассеттом. А Бассет не видел ее почти четыре месяца.
- Откуда мне было знать об этом?
- Не дурачьте меня, Антуан. Вы не были знакомы с Бассеттом раньше?
- Pas trop^[2]. Возможно, он меня и не помнит.
- Он подошел к окну и раздвинул жалюзи. Послышался шум проезжающих по бульвару машин, и под его аккомпанемент голос Антуана зашипел, как старая пластинка:
- Но я не забыл его. Пять лет назад я обратился с просьбой включить меня в число членов клуба «Чэн-нел». Они отказали мне, не объяснив причин. Потом я узнал, что Бассетт даже не представил мои документы в комиссию по рассмотрению заявлений. Он, видите ли, не пожелал иметь в своем клубе какого-то учителя танцев.
- Поэтому вы и решили втравить его в неприятности?
- Может быть. – Он взглянул на меня через плечо блестящими и

пустыми глазами, как у птицы в солнечный день. – Ну и как? Достиг я цели?

– Мне удалось предотвратить самое страшное. Но вы едва не спровоцировали убийство.

– Ерунда. – Он повернулся и подошел ко мне, ступая с кошачьей мягкостью по ковру. – Этот муж – ничтожный истеричный тип. Он не представляет никакой опасности.

– Очень сомневаюсь. Он крепкий парень, к тому же с ума сходит по своей жене.

– Он богат?

– Вряд ли.

– Тогда передайте ему, чтобы он забыл о ней. Я видел многих девиц вроде нее, влюбленных лишь в самое себя. Им кажется, что они стремятся к высокому искусству, играя на сцене, танцуя или занимаясь музыкой. Но на самом деле они стремятся лишь к деньгам и тряпкам. Появляется мужчина, который может все это предоставить, и наступает конец всем стремлениям. – Он сложил руки лодочкой, выпуская воображаемую птицу, а затем послал ей прощальный поцелуй.

– А как было с Эстер? У нее тоже кто-то появился?

– Не исключено. На рождественском вечере у меня в студии она выглядела необыкновенно преуспевающей. На ней был палантин из норки, который я похвалил, поздравив ее с успехом. В ответ она сообщила, что завела знакомство с кинопродюсером.

– С кем же именно?

– Она не сказала, да это и не важно. Она все это сочинила. Небольшая фантазия в мою честь.

– Почему вы так думаете?

– Я знаю женщин.

В этом я не сомневался. Стена над его столом была увешана фотографиями молодых женщин с надписями на память.

– Кроме того, – сказал он, – ни один продюсер в здравом уме не заключил бы контракт с этой девушкой. Ей чего-то не хватает – истинного таланта, чувства. Она молода, но уже очень цинична, и даже не пытается этого скрывать.

– Как она вела себя в тот вечер?

– У меня не было времени наблюдать за ней. Знаете, когда в доме больше сотни гостей... Мне было ие до нее.

– Она звонила отсюда. Вы знали об этом?

– До вчерашнего дня понятия не имел. Ее муж сказал, что она была

чем-то напугана. Может быть, она просто слишком много выпила. На моем вечере никто не мог ее напугать – было множество молодежи, развлекающейся, танцующей, флиртующей.

– С кем она пришла?

– С каким-то весьма привлекательным парнем. – Он щелкнул пальцами. – Она познакомила нас, но я забыл его имя.

– Ланс Торресе?

Он прищурился.

– Может быть. Очень смуглый. Похож на испанца. Хорошо сложен. В общем, один из тех юношей нового типа, которые смахивают на апашей. Возможно, мисс Силли знает его. Я видел, как она говорила с ним. – Он приподнял манжет рубашки и посмотрел на часы. – Мисс Силли сейчас в кафе пьет кофе, но с минуты на минуту вернется.

– Пока мы будем ее ждать, не сообщите ли вы мне адрес Эстер? Настоящий адрес.

– К чему мне облегчать вашу задачу? – спросил Антуан усмехаясь. – Мне не нравится парень, на которого вы работаете. Он слишком агрессивный. К тому же я стар, а он молод. И почему я должен помогать англичанину из Торонто?

– Итак, вы не хотите, чтобы он нашел свою жену?

– О нет, вы получите ее адрес. Просто я хотел выразить свои чувства по этому поводу. Она живет в отеле «Виндзор» в Санта-Монике.

– Вы знаете ее адрес наизусть?

– Случайно вспомнил. На прошлой неделе еще один детектив спрашивал меня о ней.

– Детектив из полиции?

– Частный. Утверждал, что он адвокат и ему надо передать ей деньги по завещанию, но вся эта история была такой неуклюжей, а я не дурак. – Он снова посмотрел на часы. – Извините меня, я должен переодеться к уроку. Вы можете подождать мисс Силли здесь, если хотите.

И, прежде чем я успел задать ему следующий вопрос, он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Я уселся за его стол и отыскал в телефонном справочнике номер отеля «Виндзор». Дежурный ответил, что мисс Эстер Кэмпбелл в отеле больше не живет. Она выехала две недели назад и не оставила своего нового адреса.

Я пережевывал этот факт, когда вошла мисс Силли.

Я помнил ее еще с того времени, когда помогал Антуану развестись с его третьей женой. Она немного постарела, немного похудела. Строгий элегантный костюм в тонкую полоску подчеркивал стройность ее фигуры,

а шею и запястья, как и прежде, украшали пышный кружевной воротник и такие же манжеты.

– О, мистер Арчер! – Мое появление сразило ее. – Неужели у нас опять проблемы с женой?

– Вы правы. Но на сей раз шеф здесь ни при чем. Просто он сказал, что вы можете сообщить мне кое-какую информацию.

– Случайно, не мой номер телефона? – И она весело улыбнулась.

– Это бы тоже не помешало.

– Я польщена. Продолжайте в том же духе. Для разнообразия я могу немного поболтать о чем-то приятном. В нашем заведении не так часто можно встретить положительного во всех отношениях мужчину.

Мы обменялись еще несколькими комплиментами, прежде чем я спросил ее, видела ли она Эстер на вечере. Она ответила утвердительно.

– Вы не помните человека, который ее сопровождал?

– Весьма смутно. Впрочем, он был очень привлекателен. По крайней мере, для тех, кому нравятся мужчины испанского типа. Сама я такими мужчинами не увлекаюсь, но мы с ним хорошо поладили. Правда, пока он не предстал в своем истинном виде.

– Так вы говорили с ним?

– Немного. Он как-то стеснялся всех на вечере, ну, я и взяла его под свое крылышко. Он рассказал мне о своей карьере, вот и все. Он актер. Студия «Гелио-Графф» заключила с ним долгосрочный контракт.

– Как его зовут?

– Ланс Леонард. Оригинальное имя, не правда ли? Он сказал, что придумал его сам.

– Он не назвал вам своего настоящего имени?

– Нет.

– И у него контракт с «Гелио-Графф»?

– Да, он так заявил. Вообще-то, внешние данные у него подходящие. И артистический темперамент.

– Вы хотите сказать, что он приставал к вам?

– О нет. Я ни за что бы этого не позволила. И кроме того, он влюблен в Эстер, это же очевидно. Я наблюдала, как в баре они пили из одного стакана, тесно прижавшись друг к другу. – Она проговорила это с легкой завистью в голосе. И добавила, как бы утешая себя – Но зато потом он предстал во всей красе.

– Каким образом?

– Это было ужасно, – сказала она с увлечением. – Эстер пришла сюда, в кабинет, чтобы поговорить по телефону. Я дала ей ключ. Должно быть,

она звонила другому мужчине, потому что Ланс ворвался в комнату и устроил ей сцену. Эти испанцы такие эмоциональные!

– Вы присутствовали при этом?

– Я слышала, как он кричал. Мне надо было кое-что сделать здесь, и в тот момент я оказалась в своем кабинете, так что ничего не оставалось, как подслушивать. Он обзывал ее ужасными словами – «сука» и такими, какие я просто не могу повторить. – Она тщетно попыталась покраснеть от смущения.

– Он угрожал ей?

– Еще бы! Сказал, что она не протянет и недели, если не будет участвовать в операции. Что она завязла в ней глубже, чем все остальные, и чтобы она и думать не смела увильнуть и заставить их упустить такую счастливую возможность.

Мисс Силли была сдержанной женщиной, но она не смогла скрыть ликования, которое так и тренетало в уголках ее губ.

– Он не сказал, что это за операция?

– Нет, ничего такого я не слышала.

– А не угрожал ли он убить ее?

– Он не говорил, что сам собирается расправиться с ней. Что же он сказал... – Она подняла глаза к потолку и дотронулась пальцами до подбородка. – Он сказал, что если она выйдет из игры, то ею займется его друг. Кто-то по имени Карл.

– Карл Стерн?

– Может быть. Он не называл его фамилии. Он только все время повторял, что Карл пришьет ее.

– Что случилось потом?

– Ничего. Они вышли из кабинета и ушли. Должна сказать, что выглядела она довольно подавленной.

Глава 8

Во дворе была телефонная будка, и я заперся в ней, чтобы изучить местные справочники. Но не нашел в них ни Эстер Кэмпбелл, ни Карла Стерна, ни Ланса Леонарда, или Ланса Торресса. Тогда я позвонил Питеру Колтону, который недавно ушел с поста главного следователя федерального окружного суда.

Он мне сообщил, что Карл Стерн тоже недавно вышел в отставку. То есть он перебрался в Лас-Вегас и легализировался, если, конечно, в Лас-Вегасе это возможно. Стерн вложил средства в строительство огромного отеля-казино и таким образом надеется отмыть свои грязные деньги.

– Откуда у него капитал, Питер?

– Из различных источников. Он же входил в Синдикат. Когда Сигель порвал с Синдикатом и потому погиб, Стерн стал одним из его наследников. Он сделал большие деньги на телеграфном агентстве. Когда комиссия по уголовным делам прикрыла это дело, некоторое время он финансировал шайку торговцев наркотиками.

– Весьма вероятно, что от него просто отделались.

– Ты знаешь обстановку не хуже меня, Лу. – Колтон говорил сердитым, но как бы извиняющимся тоном. – Наша работа, по существу, сводится к расследованию. Мы работаем с тем, что нам предоставляют полицейские. Карл Стерн использовал полицейских в качестве телохранителей. Политики, которые нанимают и увольняют полицейских, продолжают ловить с ним рыбу в Акапулько.

– И поэтому он ухитрился получить разрешение на строительство игорного дома в Неваде?

– А кто тебе сказал, что он получил разрешение? При его репутации ему бы его никто не дал. Он, вероятно, нашел подставное лицо.

– А ты не в курсе, кто бы мог быть этим подставным лицом?

– Симон Графф, – ответил Колтон. – Ты, конечно, слышал о нем. Они собираются назвать их общее предприятие «Казбах».

Эта новость удивила меня.

– Я полагал, что «Гелио-Графф» приносит хорошие доходы.

– Возможно, Графф почуял, что здесь можно неплохо нажиться. Я сказал бы тебе все, что я думаю об этом деле, но боюсь, у меня подскочит давление. – Но он все же продолжал говорить, задыхаясь от волнения. – Они ничего не стесняются, у них нет ни малейшего чувства гражданской

ответственности – у этих проклятых, мерзких голливудских воротил, которые постоянно ошиваются в Лас-Вегасе, привлекают к сотрудничеству воров и потворствуют бандитам, а также покрывают убийц.

– Стерн тоже убил кого-то?

– Человек десять или больше, – сказал Колтон. – Тебе нужно его подробное досье?

– Не сейчас. Спасибо, Питер. Не принимай все так близко к сердцу.

У меня был знакомый на студии «Гелио-Графф», сценарист Сэмми Свифт. Телефонистка соединила меня с его секретаршей, а та позвала Сэмми к телефону.

– Лу? Все так же одержим страстью к детективным приключениям?

– Они-то и держат меня в тонусе. Кстати, что такое тонус? Ты, как писатель, должен это знать.

– Оставим этот вопрос какому-нибудь научно-исследовательскому институту. Так сказать, разделение труда. Короче, старина, что ты хотел? Я тут заканчиваю сценарий, а бюро размножения не дает мне покоя. – По его голосу чувствовалось, что он спешит, и метроном в его голове отсчитывает секунды.

– У тебя, как всегда, грандиозные планы?

– До конца недели я должен вылететь в Италию с готовым сценарием. Графф собственной персоной решил заняться историей Карфагена.

– Историей Карфагена?

– «Саламбо», исторический роман Флобера. Откуда ты свалился?

– Из класса географии. Карфаген, насколько я помню, находится в Африке.

– Находился. А теперь нет. Шеф строит его в Италии.

– Я слышал, что он и в Вегасе кое-что строит?

– Ты имеешь в виду казино? Да, ты прав.

– Странно, что такой крупный независимый продюсер вкладывает деньги в забегаловку с игровыми автоматами.

– Все, что делает шеф, довольно неожиданно. Ты бы подбирал более изысканные выражения.

– А тебя что, прослушивают?

– Не будь дураком, – сказал он неуверенно. – Ну так какие проблемы у тебя возникли?

– Никаких. Просто мне нужен один ваш новый актер, Ланс Леонард. Ты слышал о нем?

– Да. Я видел, он где-то здесь околачивается. Зачем он тебе?

Я начал импровизировать.

– Мой друг, репортер, хотел бы взять у него интервью.
– О карфагенской истории?
– А что, Леонард имеет к ней отношение?
– Небольшая роль, его дебют. Ты что, не читаешь газет?
– По возможности, нет. Я полный невежда.
– Как и газетчики. И Леонард тоже, но я не хочу, чтобы твой друг упоминал об этом. Парень должен отлично справиться с ролью варвара из Северной Африки. У него мускулы получше, чем у Брандо, когда тот был боксером.

– Как он попал в картину?
– О, его открыл сам шеф.
– И где же эти прекрасные мускулы обитают?
– Думаю, в Каньоне Колдуотер. Моя секретарша может дать тебе его адрес. Только не говори, что получил его от меня. Парень сторонится прессы. Но реклама ему не повредит. – Сэмми перевел дыхание. Несмотря на занятость, ему явно хотелось поболтать. Ему нравилось все, что отрывало его от работы. – Надеюсь, это не одна из твоих хитрых уловок, Лу?

– Тебя не проведешь. Я давным-давно утратил всю свою хитрость. Теперь я уже не в цене.

– Как и все мы, старина. Ну пока.

Я узнал у секретарши адрес Леонарда в Каньоне Колдуотер и вышел на улицу. Солнце блестело на крыше моего автомобиля. Джордж Уолл сидел на переднем сиденье, запрокинув голову. Лицо его было красным и потным, глаза закрыты. Внутри машины было жарко, как на раскаленной сковороде.

Шум мотора разбудил его. Он выпрямился, протер глаза.

– Куда мы едем?

– Я, а не мы. Тебя я заброшу в отель. В какой?

– Но я не желаю, чтобы меня куда-нибудь забрасывали. – Он схватил меня за руку. – Вы узнали, где она, не так ли? Вы не хотите, чтобы я ее увидел?

Я не ответил. Он дернул меня за руку так, что машина резко вильнула в сторону.

– Это так?

Я оттолкнул его.

– Ради Бога, Джордж, возьми себя в руки. Выпей что-нибудь успокаивающее, когда вернешься в отель. Ну, куда тебя везти?

– Я не собираюсь возвращаться в отель. Вы не можете меня заставить.

– Ну хорошо, поедem вместе. Если ты обещаешь остаться в машине. У меня есть план, который может удасться, а может и провалиться. Но, если ты вмешаешься, он провалится наверняка.

– Не буду я вмешиваться. – Через некоторое время он добавил: – Вы не представляете, что я испытываю. Только что, когда я уснул в машине, мне приснилась Эстер. Я пытался поговорить с ней. Но она не ответила, и тогда я понял, что она мертва. Я прикоснулся к ней. Она была холодной как снег.

– Расскажи все это своему психиатру, – резко оборвал я. Мне начинала действовать на нервы его жалость к себе.

Он обиженно умолк и молчал всю дорогу, пока мы ехали в Каньон. Ланс Леонард жил почти у самой вершины, в новом деревянном доме красного цвета, стоящем над крутым спуском. Я припарковался у дома и огляделся. Поблизости не было других строений, хотя дальше склоны пестрели коттеджами на любой вкус. Холмы ярусами спускались от гребня, напоминая тяжелые шторы, ниспадающие к поверхности моря.

Я еще раз попытался взглядом пригвоздить Джорджа к сиденью и направился вниз по наклонной заасфальтированной аллее. Деревья перед домом, лимоны и авокадо, видимо, посадили совсем недавно: вокруг корней была расстелена желтая джутовая ткань. В гараже стояли пыльный серый «ягуар» и легкий гоночный мотоцикл. Я нажал кнопку звонка у входной двери и услышал раздавшийся внутри мелодичный звон.

Дверь открыл смуглый молодой человек. Его лицо оказалось на одном уровне с моим, хотя я стоял на ступеньку ниже. Его можно было бы назвать красивым, если бы не капризный рот и тускловатые глаза. Вопросительно глядя на меня, он не переставал тщательно приглаживать свои черные кудри яркой инкрустированной расческой. Из-под голубой нейлоновой пижамы виднелись смуглые босые ноги. Я сразу узнал его. Это был тот самый прыгун в воду с фотографии Бассетта.

– Мистер Торресе?

– Леонард, – поправил он меня, затем наконец положил расческу в карман пижамы и улыбнулся, уверенный в своей неотразимости. – Я взял себе новое имя, более подходящее для моей новой карьеры. В чем дело, приятель?

– Я хотел бы видеть миссис Уолл.

– Никогда не слышал о такой. Вам дали неправильный адрес.

– Ее девичья фамилия Кэмпбелл. Эстер Кэмпбелл.

Он оцепенел.

– Эстер? Но она же не замужем.

– Она замужем. Разве она не сообщила вам?

Он оглянулся через плечо, затем снова посмотрел на меня. Движения у него были быстрыми, как у ящерицы. Он взялся за ручку двери.

– Никогда о ней не слышал. Извините.

– А кому принадлежит расческа? Или вы просто обожаете яркие вещицы?

На мгновение он замер в нерешительности. Этого мне было достаточно, чтобы просунуть в дверь ногу. Я успел разглядеть раздвижную стеклянную перегородку в конце холла и за ней нависающую над каньоном террасу, на которой, лежа в шезлонге, загорала девушка. Мне была видна только длинная шоколадная спина с поразительно тонкой талией и выгнувшееся дугой белое бедро. Да еще головка с волосами, похожими на взъерошенные перья экзотической птицы.

Леонард шагнул вперед, оттеснив меня на мощенную плитами дорожку, и закрыл за собой дверь.

– Ты надоел мне, приятель. Нам не о чем говорить. Я не знаю никакой Эстер, или как ее там зовут.

– Но минуту назад ты знал.

– Может быть, когда-то я и слышал это имя. Я слышу множество имен каждый день. Вот, например, как тебя зовут?

– Арчер.

– Чем ты занимаешься?

– Я детектив.

Он вызывающе усмехнулся и сощурил глаза. Совсем недавно он покинул место, где полицейских боятся и ненавидят, и ненависть сидела в нем, как хроническая болезнь.

– И чего ты хочешь от меня?

– Мне нужна Эстер, а не ты.

– Она попала в переделку?

– Скорее всего, если уж связалась с тобой.

– Нет, нет. Она дала мне отставку, честное слово. Я ее не видел уже целую вечность.

– Попробуй поискать ее на террасе.

Его кулаки судорожно сжались. Он подался вперед, рот его открывался и закрывался, как раковина красного двустворчатого моллюска.

– Ты продолжаешь утверждать, что я лгу? Ну так вот, я должен держаться в соответствии с моим общественным положением, и только поэтому я стою здесь и терплю, как какой-то джентльменишка. Но если ты сейчас же не уберешься отсюда, я поколочу тебя и не посмотрю на то, что ты сыщик.

– Газеты проявят к этому большой интерес. Вся история будет иметь несомненный успех у публики.

– Какая история? Что ты имеешь в виду?

– Это ты мне должен сказать.

Он нервно взглянул на дорогу, где стояла моя машина. Лицо Джорджа виднелось в окне, как зловещая розовая луна.

– Кто твой приятель?

– Ее муж.

В пустых глазах Леонарда мелькнул проблеск мысли.

– Это что, шантаж? Ну-ка, покажи свой значок.

– У меня нет никакого значка. Я – частный детектив.

– Закопайте его, – проговорил Ланс, обращаясь к воображаемым зрителям.

И в тот же самый момент его правое плечо опустилось, и он, не выпрямляя руки, снизу нанес мне удар кулаком в солнечное сплетение. Все произошло так стремительно, что я не успел закрыться и уселся на каменные плиты, где обнаружил, что не могу встать. В голове было прохладно и ясно, как в аквариуме, но блестящие мысли и благородные стремления, которые плавали в нем подобно золотым рыбкам, не имели никакой связи с ногами.

Леонард ждал, когда я поднимусь, с кулаками наготове. Иссиня-черные, как вороново крыло, волосы упали ему на глаза, босые ноги переступали по каменным плитам. Я попытался дотянуться до них, но поймал воздух. Леонард улыбнулся мне, пританцовывая:

– Ну, давай вставай! Я немножко разомнусь.

– Сейчас я тебя разомну, молокосос, – прорычал я, тяжело дыша.

– Только не ты, старина.

Дверь за его спиной приоткрылась, и из нее высунулась головка в серебристых перьях. На девушке были темные очки, инкрустированная оправа которых составляла пару расческе. Лицо у нее блестело от масла для загара. Вместо халата она обмоталась махровым полотенцем, которое здорово подчеркивало все выпуклости и изгибы ее фигуры.

– Что случилось, дорогой?

– Ничего. Иди в дом.

– Кто этот тип? Это ты ударил его?

– А кто же еще?

– Ты сумасшедший! Ты рискуешь своей карьерой!

– Я рискую? А кто трепал языком по телефону? Ты привела сюда этого ублюдка!

– Хорошо. Тогда я хотела выйти из игры. Теперь я передумала.

– Заткнись! – Он угрожающе повел плечом в ее сторону. – Я сказал, войди в дом.

По аллее застучали ноги бегущего человека. Джордж Уолл закричал:

– Эстер! Я здесь!

Насколько я успел заметить, у нее на лице не отразилось ровным счетом ничего. Леонард мгновенно втолкнул ее в дом и захлопнул дверь. Он повернулся как раз в ту минуту, когда Джордж набросился на него, и встретил своего противника жестким ударом в лицо слева. Джордж замер. Леонард ждал, лицо его было спокойным и сосредоточенным, как у человека, слушающего музыку.

Мне наконец удалось подобрать под себя ноги, а затем и встать. Джордж давно жаждал драки, и к тому же у него было преимущество в росте, весе и в размахе, так что поначалу я решил не вмешиваться. Я стоял и смотрел. Впечатление было такое, как будто я наблюдал за человеком, попытавшимся сразиться с машиной. Леонард сделал шаг вперед, уперся подбородком в грудь великана Джорджа и принялся молотить его в живот. Его локти, плотно прижатые к телу, двигались как поршни в смазанных пазах. Когда он отступил, Джордж перегнулся пополам, упал на колени, но тут же снова вскочил, бледный как полотно.

В тот момент, когда его руки оторвались от каменных плит, Леонард ударил справа ему в лицо. Джордж отступил на мягкий, недавно засеянный газон, и запрокинул голову, обескураженно уставившись в небо, как будто на него оттуда что-то свалилось. Затем он встряхнулся и пошел на Леонарда, но споткнулся о садовый шланг и чуть не упал.

Я шагнул между ними, повернувшись к Леонарду.

– Ну все, с него хватит. А то ты его прикончишь.

Джордж оттолкнул меня в сторону. Я схватил его за руку.

– Пропустите-ка меня к этому коротышке, – проговорил он, с трудом разлепив кровоточащие губы.

– Ты хочешь, чтобы он зашиб тебя до смерти?

– Побеспокойтесь лучше о нем.

Он был сильнее меня, поэтому легко высвободился, отбросив меня в сторону. Но другой мощный бросок, от которого затрепал по швам его пиджак, не достиг цели. Леонард отклонил голову на два или три дюйма и с интересом наблюдал, как кулак Джорджа пронесся мимо. Джордж потерял равновесие, Леонард ударил его между глаз правой рукой, затем левой, и тот свалился, глухо стукнувшись головой о дорожку. После этого он лежал не шевелясь.

Кончиками пальцев левой руки Леонард поглаживал костяшки правого кулака, как бы полировал их, точно они были произведениями искусства, отлитыми из бронзы.

– Тебе не следует испытывать их на дилетантах.

Он рассудительно ответил:

– Я и не испытываю, пока меня не вынуждают. Только иногда я чертовски раздражаюсь, когда всякие жлобы хотят, чтобы я сдрейфил перед ними. Меня достаточно запугивали, но больше я этого не потерплю. – Балансируя на одной ноге, большим пальцем другой он коснулся откинутой руки Джорджа. – Может быть, тебе лучше отвезти его к врачу?

– Может быть.

– Я ударил его довольно-таки сильно.

И он показал костяшки пальцев правой руки. Они вздулись и прямо на глазах налились синевой. А в общем, драка пошла ему на пользу. Он как-то встряхнулся, сделался гораздо менее церемонным и гарцевал как жеребец. Из окна за ним наблюдала серебристоволосая девушка. Сейчас на ней было льняное платье. Она заметила, что я смотрю на нее, и исчезла.

Леонард включил шланг и направил струю воды в лицо Джорджа. Тот открыл глаза и попытался сесть. Леонард отвел шланг.

– С ним все будет в порядке. Он не пришел бы в себя так быстро, если бы получил серьезное повреждение. Как бы там ни было, я ударил его защищаясь, ты свидетель. Если меня попытаются обвинить, свяжись с Лероем Фростом со студии «Гелио».

– Так, значит, Лерой Фрост – твой адвокат?

Он улыбнулся мне, но спросил с легкой тревогой:

– Ты знаешь Лероя?

– Немного.

– Может быть, мы тогда не будем его беспокоить? У Лероя и так хватает неприятностей. Сколько ты зарабатываешь в день?

– Когда работаю, пятьдесят.

– Отлично! Как насчет того, что я вручу тебе полсотни долларов, а ты позаботишься об этой туше? – Он включил все свое неоновое обаяние. – Между прочим, я должен извиниться. На минуту я, кажется, потерял голову. Мне не следовало бить тебя из-за этого молокососа. Когда-нибудь ты мне вернешь долг.

– Да, уж теперь обязательно.

– Несомненно, и я разрешаю. Как твое брюхо, шеф?

– Как порванная теннисная ракетка.

– Но резкой боли нет?

- Резкой нет.
- Отлично, отлично.

Он протянул мне руку. Я собрался с силами и ударил его в челюсть. Конечно, это было не очень умно с моей стороны. Все-таки ноги у меня еще подкашивались и чувствовал я себя довольно вяло. Если бы я промахнулся, он бы мог одной левой измочалить меня в клочья. Но попадание в цель было стопроцентным.

Я оставил его лежать там, где он упал. Дверь оказалась не заперта, и я вошел в дом беспрепятственно. Девушки не было ни в гостиной, ни на террасе. Махровое полотенце валялось на полу в спальне, рядом с ним лежала светлая соломенная шляпа. На кожаной ленте внутри шляпы была надпись: «Сделано в Мексике для магазина «Таос»».

Совсем рядом послышалось рычание и чихание мотора. Я увидел боковую дверь, которая вела через небольшой коридор прямо в гараж. Эстер сидела за рулем «ягуара», глядя на меня и улыбаясь во весь рот. Она захлопнула дверцу раньше, чем я успел схватиться за ручку. Затем ручка выскользнула из моей руки, чуть не оторвав мне кисть.

«Ягуар» взвизгнул на повороте, оставив за собой шлейф черного дыма, и выпрыгнул с подъездной аллеи на дорогу. Я упустил ее. Не мог же я бросить Джорджа с Леонардом.

Они сидели перед домом по разные стороны аллейки, мощенной каменными плитами, обмениваясь мрачными взглядами. У Джорджа из разбитой губы текла кровь, под одним глазом уже появился синяк. У Леонарда на физиономии не оказалось никаких отметин, но, когда он встал, я увидел, что сам он изменился.

Теперь у него был такой отталкивающий вид, как будто одним ударом я вновь отправил его в прошлое. Прикрывая руками нос и рот, он злобно уставился на меня.

- Не беспокойся, – утешил я его, – ты все еще великолепен.
- Мерзавец! Ты думаешь, это очень смешно? Я убил бы тебя, если бы не это. – Он снова показал мне опухшую правую руку.
- Ты же сам напросился на ответный удар. Теперь мы квиты. Куда она поехала?
- Какое мое дело? И ты можешь отправляться ко всем чертям!
- Где она живет?
- Пошел ты!..
- Ты спокойно можешь сказать мне ее адрес. Все равно я разыщу ее по номеру машины.
- Валяй! – Он взглянул на меня с торжеством. Видимо, это означало,

что «ягуар» принадлежит ему.

– О чем она говорила? Почему хотела выйти из игры?

– Я не умею читать чужие мысли. И ничего о ней не знаю. Послушай, я обслуживаю множество женщин, они сами меня просят, вот я и доставляю им удовольствие. По-твоему, я должен отвечать за любую из них?

Мне опять захотелось его ударить. Он отступил на шаг назад и весь сжался.

– Убери от меня руки! И уноси отсюда свою задницу, это частное владение! Предупреждаю, у меня в доме есть заряженный пистолет.

Он направился к двери. Джордж все еще стоял на четвереньках. Я закинул его руку себе на шею и поднял незадачливого супруга на ноги. Он шел как акробат, пытающийся удержать равновесие на батуте.

Когда я в последний раз оглянулся на дом, Леонард стоял на ступеньках и причесывался.

Глава 9

Машина медленно шла под уклон в Беверли-Хиллз. Сегодня я чувствовал себя неудачником. Бывают дни, когда можно сразу ухватить суть дела, и тогда все идет нормально. А бывают другие.

Джордж тревожил меня. Он сидел сторбившись, обхватив руками голову, и время от времени стонал. У него вообще это здорово получалось, даже лучше, чем у меня, – соваться не в ту дверь и получать по носу. Он явно нуждался в ангеле-хранителе, и, кажется, им был назначен я собственной персоной.

Я отвез его к своему врачу по фамилии Вулфсон, который принимал пациентов на бульваре Святой Моники. Вулфсон разложил Джорджа на столе, обитом железом, в небольшой приемной, ощупал его лицо и череп своими толстыми, но ловкими пальцами, посветил маленьким фонариком в глаза и проделал другие принятые в подобных случаях манипуляции.

– Как это случилось?

– Он упал и разбил голову о дорожку, мощенную каменными плитами.

– Кто толкнул его? Вы?

– Один наш общий друг. Не будем вдаваться в подробности. С ним все в порядке?

– Возможно небольшое сотрясение. У вас раньше никогда не было травмы головы?

– Была, когда я играл в футбол, – ответил Джордж.

– Серьезная?

– Думаю, что да. Во всяком случае, я терял сознание.

– Все это мне не очень нравится, – сказал Вулфсон, обращаясь ко мне/– Отвезите его в больницу. Он должен, по крайней мере, несколько дней отлежаться в постели.

– Нет! – Джордж сел, оттолкнув врача. Он тяжело дышал. – Несколько дней – это все, что у меня есть. Я должен ее увидеть.

Вулфсон удивленно поднял брови.

– Увидеть кого?

– Его жену. Она ушла от него, – пояснил я.

– Ну и что? Это случается со многими, буквально каждый день. И с вами случилось, молодой человек. Лучше отлежитесь.

Джордж медленно спустил со стола ноги и встал, пошатываясь. Лицо его было цвета свежесамешенного цемента. Он упрямо повторил:

– Я отказываюсь ехать в больницу.

Толстого добродушного Вулфсона беспокоили только две вещи на свете – музыка и медицина.

– Вы принимаете серьезное решение, – холодно проговорил он.

Джордж Уолл мог вывести из терпения кого угодно.

– Я попытаюсь уложить его в постель у себя дома. Этого достаточно?

Вулфсон взглянул на меня с сомнением.

– Вы сможете удержать его в лежачем положении?

– Думаю, мне это удастся.

– Хорошо, – торжественно заявил Джордж, – я согласен на такой компромисс.

Вулфсон пожал плечами.

– Ну что же, это все, что мы можем сделать. Я введу ему успокаивающее, а позже навещу.

– Вы знаете, где я живу, – заключил я.

Жилищем мне служил оштукатуренный снаружи коттедж с двумя спальнями. Сначала одна спальня пустовала. Потом какое-то время она была занята. Когда она снова освободилась, я продал кровать торговцу подержанными вещами и устроил там кабинет, которым, по некоторым причинам, не любил пользоваться.

Я уложил Джорджа в свою постель. Женщина, которая убирала квартиру, сегодня уже приходила, так что простыни были свежие. Вешая его разорванную одежду на спинку стула, я спрашивал себя, зачем мне все это нужно. Взглянул на дверь второй спальни, где уже не было кровати и где никто не спал. Горло сдавила тоска. Мне казалось очень важным, чтобы Джордж отыскал свою жену и увез ее из Лос-Анджелеса. И чтобы они были всю жизнь счастливы.

Джордж метался в постели. Он был в полузабытьи. Не знаю, что подействовало на него сильнее: паральдегид или успокаивающие кулаки Леонарда.

– Послушайте, Арчер, – вдруг открыв глаза, проговорил он. – Вы – мой лучший друг.

– Я?

– Единственный друг в радиусе двух тысяч миль. Вы должны отыскать ее для меня.

– Я уже нашел ее один раз. И что вышло?

– Конечно, я не должен был врываться к ней таким образом, я испугал ее. Я всегда делаю не то, что надо.

Господи, но разве я могу причинить ей зло? Да я и волоску не дам

упасть с ее головы. Вы должны объяснить ей это. Обещайте, что объясните.

– Хорошо. А сейчас давай спи.

Но он не все еще сказал, что хотел.

– По крайней мере, мы знаем, что она жива, не правда ли?

– Ну, если она и труп, то весьма привлекательный.

– Кто те люди, с которыми она связалась? Что это за прохвост в пижаме?

– Парня зовут Торресе. Раньше он был боксером, если это может служить тебе утешением.

– Он один из тех, кто ей угрожал?

– Очевидно.

Джордж приподнялся на локтях.

– Я уже слышал фамилию Торресе. Когда-то у Эстер была подруга Габриэль Торресе.

– Она рассказывала тебе о Габриэль?

– Да. В ту ночь, когда признавалась в своих грехах.

Его взгляд тупо бродил по комнате и, наконец, остановился, сосредоточившись на чем-то невидимом, сухие губы беспрестанно двигались.

– Ее подругу застрелили из пистолета прошлой весной. Сразу после этого Эстер уехала из Калифорнии.

– Почему?

– Не знаю. Похоже было, что она винит себя в смерти девушки. К тому же она боялась, что, если дело дойдет до суда, ее могут вызвать в качестве свидетеля.

– Но этого так и не случилось.

Джордж молчал, глаза его все еще что-то высматривали в пустом углу.

– О чем еще она рассказывала тебе, Джордж?

– О мужчинах, с которыми спала чуть ли не с подросткового возраста.

– А с этим типом она тоже спала?

– Да. И это волнует меня больше всего, не знаю почему.

Ничего удивительного, подумал я.

Джордж закрыл глаза. Я опустил жалюзи и вышел в другую комнату. Решил все-таки позвонить в управление дорожной инспекции, где диспетчером работал мой друг Мерсеро. К счастью, у него было дневное дежурство. Хорошо, сказал он, в данную минуту он не особенно занят, правда, его могут отвлечь в любой момент: несчастные случаи всегда происходят по несколько сразу, чтобы запутать его. Он постарается как можно быстрее выяснить, кто является владельцем «ягуара», и сообщить

мне.

Я сел у телефона, зажег сигарету и попытался призвать на помощь свою выдающуюся интуицию, как делают все сыщики в детективных романах, а некоторые – и в реальной жизни. Но единственное, что мне пришло в голову, так это то, что «ягуар» наверняка принадлежит Лансу Леонарду, и мои поиски движутся по замкнутой кривой.

От сигаретного дыма у меня заурчало в желудке. Я вспомнил, что страшно голоден. Пошел на кухню, сделал себе бутерброд с сыром и ветчиной и открыл бутылку пива. На кухонном столе я обнаружил записку от женщины, которая приходила убирать квартиру:

«Уважаемый мистер Арчер. Пришла в девять часов утра, ушла в двенадцать. Мне сегодня нужны деньги. Если Вы уйдете, пожалуйста, оставьте 3 доллара 75 центов в почтовом ящике.

Искренне Ваша Беатрис М. Джексон».

Я положил в конверт четыре доллара, написал сверху ее имя и вышел на крыльцо. Влюбленная парочка корольков, нежно воркующих под крышей, напомнила мне кое о чем. Почтовый ящик был полон: четыре счета, две просьбы об оказании денежной помощи от благотворительных организаций, размноженное на ротаторе письмо от члена конгресса, в котором утверждалось, что ему грозит опасность, брошюра, рекламирующая книгу «Секреты супружеского счастья», цена на которую снизилась до двух долларов девяноста восьми центов и которая продается только врачам, священникам и работникам общественных учреждений, и новогодняя открытка с лирическими стихами от девушки, с которой однажды на рождественском вечере мы напились до потери пульса.

Я сел за стол в холле, поставил перед собой бутылку пива и попытался сочинить ответ. Это оказалось нелегкой задачей. Мона напивалась на всех вечеринках, потому что потеряла мужа в Корее, а маленького сына – в детской больнице. Я подумал, что у меня тоже нет сына. А мужчина в сорок лет, один в пустом доме, без детей и близких, чувствует себя страшно одиноким. Мона была довольна привлекательна и умна, и все, что ей требовалось, так это ребенок. А чего ждал я? Богатую девственницу, имя которой занесено в календарь высшего света?

Я решил позвонить Моне. И когда я уже протянул руку, чтобы снять трубку, раздался звонок.

– Мерсеро?

Но в мое ухо с придыханием зашептал голос Бассетта:

- Я пытался связаться с вами раньше.
- Я здесь уже около получаса.
- Это значит, что вы ее нашли? Или прекратили поиски?
- Нашел и снова потерял. – И я вкратце объяснил ему, как все произошло, под аккомпанемент охов и ахов на другом конце провода. – Так что, в общем, пока похвастаться нечем. Самой большой моей ошибкой было то, что я взял с собой Уолла.
- Надеюсь, он не очень сильно пострадал? – Вместе с искренним беспокойством в голосе Бассетта звучало некоторое удовлетворение.
- Ничего, у него крепкая голова.
- Как вы думаете, почему она опять убежала от него?
- Вероятно, просто паника. А может быть, и нет. По-видимому, тут не заурядный случай со сбежавшей женой. И все время появляется Габриэль Торресе.
- Странно, что вы заговорили о ней. Все утро после нашей встречи с вами я вспоминал ее – с тех пор, как вы смотрели ее фотографию.
- Представьте, и я тоже. На фотографии они втроем: Габриэль, Эстер и Ланс. Габриэль убита, убийца не найден. Двое других – очень близкие ей люди: Ланс – кузен, а Эстер была ее лучшей подругой.
- Неужели вы думаете, что Ланс или Эстер?.. – Он замолчал, но смысл оборванной фразы был вполне ясен.
- Я только размышляю. Нет, вряд ли Эстер убила свою подругу. Но я считаю, она знает об убийстве то, о чем никто, кроме нее, не догадывается.
- Она что-то говорила?
- Не мне. Своему мужу. Мне почти ничего не известно, если не считать того, что почти два года спустя она оказалась в Каньоне Колдуотер, и на нее неожиданно свалилось богатство, так же как и на ее друга – коротышку с большими кулаками.
- И только на этом вы строите всяческие предположения? – Он нервно хихикнул. – Ну и что же вы там придумали?
- Очевиднее всего, здесь имеет место шантаж, а я никогда не исключаю очевидное. Ланс утверждает, что подписал контракт со студией «Гелио-Графф», и, видимо, это правда. Весь вопрос в том, как он умудрился этого добиться? Он, конечно, весьма привлекательный малый, но в наши дни одной привлекательности недостаточно. Вы знали его, когда он работал спасателем в клубе?
- Ну разумеется. Откровенно говоря, я бы никогда не взял его на работу, если бы так не просил его дядя. Обычно летом у нас работают студенты.

- Он мечтал о карьере актера?
- Насколько мне известно, нет. Он хотел быть боксером и усиленно тренировался, – произнес Бассетт с оттенком презрения в голосе.
- Но теперь он актер. Конечно, можно предположить, что в нем внезапно проявилась природная одаренность – иногда случаются довольно странные вещи, – но мне в– это мало верится. А кроме того, Эстер тоже собирается подписать контракт.
- Со студией «Гелио-Графф»?
- Пока не знаю. Но собираюсь выяснить.
- Попробуйте счастья на студии. – Его голос стал резким. – Я все не решался дать вам подобный совет, хотя только для того и позвонил. В моем положении лучше держать язык за зубами. Однако утром я говорил с одним человеком, и в разговоре всплыло имя Эстер. А также имя Симона Граффа. Их видели вместе при довольно компрометирующих обстоятельствах.
- Где?
- Кажется, в отеле «Виндзор» в Санта-Монике.
- Совпадает. Она там жила. Когда это было?
- Несколько недель назад. Мой знакомый заметил, как они выходили из номера на одном из верхних этажей. Собственно, вышел мистер Графф. Эстер только выглянула из двери.
- Кто он ваш знакомый?
- Этого, приятель, я сообщить не могу. Один из членов нашего клуба.
- Симон Графф тоже член клуба.
- Уж не думаете вы, что я забыл об этом? Мистер Графф – самый влиятельный из наших друзей.
- Говоря это, вы, небось, вытянулись в струнку?
- Да, конечно. Надеюсь, мое доверие к вам – к вашему благоразумию – не будет подорвано...
- Успокойтесь. Я нем как рыба. А ваша телефонистка?
- Я сам за телефонистку, – ответил Бассетт.
- Графф все еще там?
- Нет, он давно ушел.
- Где его можно найти?
- Не имею понятия. Сегодня он проводит вечер в клубе, но вы не должны подходить к нему. Ни в коем случае.
- Хорошо. – Но мысленно я сделал оговорку. – А ваш секретный осведомитель, случайно, не миссис Графф?
- Конечно нет, – ответил Бассетт, но как-то вяло и неуверенно. Либо он врал, либо решение рассказать об эпизоде в отеле «Виндзор» истощило его

силы. – Вы даже и думать так не должны.

– Вот и славно, – успокоил его я.

Пора было звонить в автодорожную инспекцию. Мне ответил Мерсеро:

– Извини меня, Лу, но ничем не могу помочь. С тех пор как ты позвонил, произошло три аварии, и я просто разрываюсь на части. – И он повесил трубку.

Но это уже не имело значения. Эпизоды выстраивались в дело, подобно тому как лейтмотив, нарастая, переходит в кульминацию, полную взрывов и диссонансов. Что у меня было? Соломенная шляпа из магазина в Санта-Монике, а также странное чувство, зреющее во мне, как нарыв, – чувство, что нечто должно вот-вот произойти.

Я взглянул на Джорджа перед тем как выйти из дому. Он храпел. И все-таки мне не следовало оставлять его одного.

Глава 10

Магазин «Таос» у прибрежной автострады был настоящей ловушкой для туристов. Здесь вперемежку продавались пончо, бусы из морских ракушек, корзинки и шляпы, керамика. Блондинка с волосами пепельного оттенка в коричневой индейской кофточке лениво звякнула своим ожерельем из раковин и спросила, что бы я хотел найти в их магазине: может быть, подарок своей жене? Я ответил ей, что ищу как раз жену – только чужую. У девушки были глаза цвета спелой сливы с мечтательно-романтическим выражением, и, по-видимому, ей понравился оборот дела. Она обрадованно сказала:

– Как это восхитительно! Вы сыщик?

Я кивнул.

– Как здорово!

Но, когда я спросил про шляпу, она с сожалением покачала головой.

– Конечно же я уверена, что это одна из наших шляп, все правильно – мы сами привозим их из Мексики. Но мы их столько продаем, что я просто не знаю... – Она взмахом тонкой гибкой руки указала на полку в дальнем углу, заваленную шляпами. – Может быть, если вы опишете ее?..

Я описал Эстер как можно живописнее. Но девушка печально вздохнула.

– Я никогда не смогла бы отличить одну голливудскую блондинку от другой.

– Так же как и я.

– Во всяком случае, девяносто девять процентов их – крашенные. Если бы я захотела, я могла бы выглядеть точно так же, как они. Только у меня есть чувство собственного достоинства. – Она наклонилась ко мне, ее ожерелье маняще звякнуло о прилавок. – Жаль, но ничем не могу вам помочь.

– Спасибо и на этом. Должен признаться, я, в общем-то, почти и не надеялся.

И, уже выходя из магазина, на всякий случай я сделал последнюю попытку:

– Между прочим, ее зовут Эстер Уолл. Это вам ни о чем не говорит?

– Эстер? Я знаю Эстер, но ее фамилия не Уолл. Когда-то ее мать работала в нашем магазине. Эстер Кэмпбелл – вот как ее звали.

– Это она. Кэмпбелл – девичья фамилия.

– До чего замечательно! – Она улыбнулась, на щеках у нее появились ямочки, большие глаза заблестели, – Вы только подумайте, какие удивительные вещи происходят с людьми! Вы, вероятно, разыскиваете ее по поводу наследства?

– Наследства?

– Ну да! Миссис Кэмпбелл и уволилась с работы из-за наследства, которое получила ее дочь. Неужели ее ждет еще одно?!

– А первое она от кого получила?

– От мужа, от покойного мужа. – Девушка замолчала, и ее губы дрогнули. – Конечно, печальное событие, но ведь нельзя получить наследство без того, чтобы кто-то не умер.

– Верно. Так вы говорите, что ее муж – покойник?

– Да. В Канаде она вышла замуж за какого – то богача, и вот он скончался.

– Об этом вам рассказала Эстер?

– Нет. Миссис Кэмпбелл. Я не знакома с Эстер лично. – Она неожиданно смутилась. – Надеюсь, это не ошибка? Мы все были так взволнованы, когда миссис Кэмпбелл получила это известие. Она очень милая, ну просто прелесть для своего возраста, и знаете, когда-то она была весьма состоятельной дамой. Мы все радовались за нее, и никто не позавидовал ее счастью.

– Когда это было?

– Недели две назад. А уволилась она в начале этой недели. Она собиралась переезжать к дочери.

– Значит, она и поможет мне разыскать Эстер. Конечно, если вы дадите мне адрес миссис Кэмпбелл. А телефона у нее нет?

– Нет, обычно она пользуется телефоном соседей. Знаете, последние несколько лет у Тинни Кэмпбелл была довольно тяжелая жизнь. – Вдруг она замолчала и окинула меня подозрительным взглядом. – Но я не дам вам ее адрес, если это принесет ей неприятности. Зачем вы ищете Эстер?

– Один из ее канадских родственников хочет связаться с ней.

– Родственник мужа?

– Да.

– Поклянитесь!

– Клянусь, – сказал я, чувствуя, что именно такая ложь и грозит в конце концов неприятностями. Так оно в результате и оказалось. – Чтоб мне умереть на этом месте.

Миссис Кэмпбелл жила в бедном квартале, в достаточно обшарпанном коттедже, который скрывали от посторонних взглядов огромные старые

дубы. В их тени в свои вечные военные игры играли малыши: пиф-паф, ты убит, я не убит, ты сам убит. Грузовик, вывозящий мусор, не на шутку взволновал окрестных собак, охранявших хозяйское добро, и они подняли отчаянный лай.

Коттедж миссис Кэмпбелл был обнесен облезлым оштукатуренным забором, но ржавая железная калитка, по-видимому, всегда стояла открытой нараспашку. На калитке висела новая дощечка с надписью: «Продается». Во дворе росли две чахлые липки, а сквозь их ветви виднелись горшки с геранью, стоявшие на окнах, отчего деревца казались покрытыми красными цветами, горевшими пурпуром на солнце. Крылечко и крыша были увиты диким виноградом.

Я вступил под его прохладную тень и постучал в дверь, завешенную марлей для защиты от мух. В двери было небольшое зарешеченное окошечко, прикрытое изнутри. Окошечко мгновенно открылось, и на меня уставился голубой глаз, как бы немного выцветший, но живой и ясный, да еще окруженный длинными загнутыми вверх ресницами. Раздался голосок, который вполне мог бы принадлежать воробью, чирикающему в ветвях дуба:

– Доброе утро! Вы от мистера Грегори?

Я промямлил нечто нечленораздельное, что, впрочем, могло означать, что я действительно от мистера Грегори.

– Вот хорошо! Я вас жду. – Она отперла дверь и гостеприимно распахнула ее. – Входите, мистер...

– Арчер, – сказал я.

– Я так рада вас видеть, мистер Арчер.

Передо мной стояла невысокая стройная женщина в голубом ситцевом платье, пожалуй, слишком коротком и игривом для ее возраста. Ей было около пятидесяти, хотя все вокруг нее, казалось, отрицало этот факт. На какое-то мгновение в тускло освещенной крошечной прихожей ее птичий голосок и грациозность создали иллюзию, что передо мной молоденькая девушка.

Но в залитой солнцем гостиной эта иллюзия сразу же исчезла как дым. Ее глаза и рот окружали мелкие морщинки – свидетели житейского опыта, которые не может разгладить уже ни одна улыбка. Светлые волосы пепельного оттенка были почти седыми, чего не могла скрыть даже короткая стрижка «под мальчика». Но несмотря ни на что, она мне почти понравилась. И она поняла это. Уж глупенькой-то она не была.

Она легко прошла по небольшой гостиной, приподнимая чистые пепельницы и тут же опуская их на место.

– Садитесь. Или вы сначала хотите оглядеться? Как хорошо, что вы заинтересовались моим маленьким гнездышком! Пожалуйста, можете полюбоваться видом на море, это одно из моих удовольствий. Не правда ли, красиво?

Она замерла в элегантной позе, протянув к окну слегка согнутую в локте руку с оттопыренными пальчиками. Из окна действительно видно было море: узкой голубой лентой оно сверкало сквозь ветви дубов.

– Прекрасный вид. – Я мысленно спросил себя, для кого она играет и как долго будет принимать меня за состоятельного покупателя.

Комната была заставлена громоздкой, потемневшей от времени мебелью, которая выглядела бы уместнее в более просторной гостиной и явно предназначалась для людей более внушительной комплекции: резной длинный обеденный стол, окруженный стульями с высокими спинками в испанском стиле, большой, слишком туго набитый красный плюшевый диван. Тяжелые красные шторы на окнах создавали мрачный контраст с окрашенными в зеленый цвет стенами. На потолке в нескольких местах виднелись потеки, причиной чему, видимо, была прохудившаяся крыша.

– Даю вам гарантию, больше такого не случится. Прошлой осенью крышу наконец починили. Я откладывала деньги и на ремонт этой комнаты, но вот внезапно пришлось переезжать. Представляете, мне сказочно повезло или, точнее, моей дочери. – Она сделала паузу, приняв очередную театральную позу – задумчивую. – Но позвольте предложить вам кофе. Бедняжка, вы выглядите совершенно измученным! Я знаю по себе, что такое поиски дома.

Ее приветливость стесняла меня. Неловко было, обманывая ее, еще и принимать знаки внимания. Но прежде чем я нашелся что ответить, миссис Кэмпбелл легкой танцующей походкой вышла на кухню, отделенную от гостиной вращающейся дверью, и через несколько минут вернулась с подносом, на котором гордо сверкал серебряный кофейный сервиз. Водрузив его на стол, она принялась колдовать над чашками. Я не без удовольствия наблюдал за тем, как она разливает кофе, и даже отважился похвалить сервиз.

– Вы очень добры, мистер Арчер. Когда-то я получила его в подарок на свадьбу и берегла все эти годы. Теперь я так рада, что сохранила много вещей, – теперь, когда я возвращаюсь в большой дом. – Она дотронулась до губ кончиками пальцев и засмеялась музыкальным смехом. – Но вы, конечно, не понимаете, о чем я говорю, если только мистер Грегори не ввел вас в курс дела.

– Мистер Грегори?

– Мистер Грегори, агент по продаже недвижимости. – Она уселась на диван рядом со мной. – Вот почему я не ищу выгоды, а только хочу получить настоящую стоимость дома. Я собираюсь переехать в начале следующей недели и жить с моей дочерью. Понимаете, она летит в Италию – на месяц или даже больше – и хочет, чтобы я скорее переселилась и присматривала за хозяйством. И должна вам сказать, я буду это делать с радостью.

– Вы переезжаете?

– Да, так и есть. Я возвращаюсь в свой собственный дом, в дом, где родились мои девочки. Вы, может быть, и не обратили внимания на эту обстановку, если, конечно, не разбираетесь в хорошей мебели, но когда-то я жила в огромном доме на Беверли-Хиллз. – Миссис Кэмпбелл решительно кивнула головой, как будто я пытался возразить ей. – Я потеряла его – мы потеряли его еще до войны, когда мой муж оставил нас. Но теперь моя умная доченька выкупила его! И хочет, чтобы я жила с ней! – Она обхватила обеими руками свою худую грудь. – Как она все же любит свою мамочку! Вы согласны?

– Ну разумеется, – не стал возражать я. – Она получила наследство?

– Да. – Она схватила меня за рукав, – Я всегда твердила ей, что так и случится, что судьба улыбается тем, кто усердно трудится и старается понравиться достойным людям. В тот день, когда нам пришлось покинуть наш прекрасный дом, я сказала своим девочкам, что когда-нибудь мы обязательно вернемся. И действительно, так оно и случилось. Эстер достались все урановые денежки.

– Она нашла уран?

– Мистер Уоллингфорд нашел. Он был одним из канадских магнатов горной промышленности. Эстер вышла замуж за человека гораздо старше ее, как и я когда-то. К сожалению, бедняжка умер, и года не прожив с молодой женой. Я так и не познакомилась с ним.

– Как его звали?

– Джордж Уоллингфорд. Теперь Эстер получает доход от поместья. Ну и зарабатывает деньги, снимаясь в кино. Все это для нее так неожиданно.

– Чем она занимается в кино?

– Многими вещами, – ответила она, взмахнув рукой. – Танцует, плавает, прыгает с вышки – она была профессиональной прыгуньей, – ну и, конечно же, играет в фильмах. Ее отец был довольно известным актером в доброе старое время. Вы, наверное, слышали о Раймонде Кэмпбелле?

Конечно, я слышал о нем. Это имя принадлежало звезде немого экрана, «шальному Раймонду», который попытался сказать свое слово и в

звуковом кино, но был выбит из седла приближающейся старостью. Я помнил, как в начале двадцатых годов в кинотеатрах на Лонг-Бич по субботам крутили многосерийные приключенческие фильмы с Кэмпбеллом в главной роли. Собственно, они оказали решающее влияние на мою жизнь: его инспектор Фейт из лаймхаусского сериала вызвал у меня такое восхищение, что я твердо решил стать полицейским, уж не знаю, из радости или на горе. А когда полицейских невзлюбили, намять об инспекторе Фейте помогла мне уйти из полиции Лонг-Бича.

Миссис Кэмпбелл полуутвердительно проговорила:

– Вы помните Раймонда, не так ли? Вы знали его лично?

– Только по экрану. Это было так давно. Что же с ним случилось?

– Он умер, – ответила она, – умер от разбитого сердца еще во времена великой депрессии. В течение нескольких лет он не снялся ни в одном фильме, друзья о нем забыли, он был по уши в долгах. Так и умер. – Ее глаза затуманились слезами, но она храбро улыбнулась сквозь слезы, как одна из героинь кэмпбелловских лент. – Но как бы там ни было, я осталась верной ему. Я тоже была актрисой, пока не посвятила свою жизнь Раймонду, и воспитывала своих девочек так, чтобы они пошли по его стопам, как он хотел. По крайней мере, одна из них полностью использовала представившуюся ей возможность.

– А чем занимается ваша вторая дочь?

– Рина? Она медсестра в психиатрической больнице, можете себе представить? Меня всегда удивляло, что две девушки, почти одинакового возраста и настолько похожие друг на друга внешне, могут иметь такие разные характеры. У Риной, вообще-то, никакого характера и нет. Несмотря на артистическое воспитание, которое я постаралась ей дать, она выросла уж слишком холодной, строгой и практичной. Меня бы, пожалуй, удар хватил, если бы Рина вдруг предложила мне жить вместе. Но нет! – патетически воскликнула она. – Рина охотнее проводит время с сумасшедшими. И зачем это молодой красивой девушке!

– Вероятно, она хочет помогать людям.

Миссис Кэмпбелл казалась озадаченной.

– Она могла бы это делать как-то иначе. Более женственно. Эстер же доставляет радость другим, не роняя своего достоинства.

Должно быть, я не сумел удержаться от насмешливой улыбки. Миссис Кэмпбелл внимательно посмотрела на меня, затем, во всю ширь распахнув глаза, включила свое очарование на полную мощь.

– Я, наверное, надоела вам своими семейными делами. Извините меня. Вы же пришли осмотреть дом. В нем всего лишь три комнаты, но он очень

удобный. И прекрасная кухня.

– Не беспокойтесь, миссис Кэмпбелл. Это я должен просить у вас прощения, что воспользовался вашим гостеприимством.

– Ну что вы. Вовсе нет.

– Видите ли, я – частный детектив.

– Частный детектив? – Крошечные пальчики вцепились в мою руку и сжали ее. Голос сразу изменился, понизился на целую октаву и утратил всякое сходство с птичьим щебетанием. – Что-нибудь случилось с Эстер?

– Насколько мне известно, пока нет. Я просто разыскиваю ее.

– У нее какие-то неприятности?

– Вполне возможно.

– Я так и знала. Я все время боялась, что случится что-то ужасное. Нам всегда не везет. Всегда все выходит не так, как было задумано. – Она провела кончиками пальцев по лицу, которое стало вдруг похоже на мятую бумагу, – Я оказалась просто в безвыходном положении, – проговорила она охрипшим голосом, – уволилась с работы из-за нее и задолжала кучу денег разным людям. Если все рухнет, я просто не знаю, что делать. – Уронив руки, она вздернула подбородок. – Ну, давайте выкладывайте. Так, значит, это все сказки?

– Что именно?

– Ну все, о чем я вам рассказывала. То, что я услышала от нее. Контракт и путешествие в Италию, а также богатый умерший муж. Знаете, у меня с самого начала были сомнения насчет ее басен – не такая уж я дура.

– Да нет, кое-что, возможно, и правда. Но только какая-то часть. Ее муж не умер. Он не старик и не богач, и хочет вернуть ее. Вот потому-то я и пришел к вам.

– И это все? Не может быть. – Она с подозрением посмотрела на меня. Перенесенный удар как будто превратил ее в другого человека. Любопытно было бы знать, в какой мере ее внезапная суровость вызвана шоком, а в какой – является свойством ее натуры. – Вы что-то не договариваете. Вы же признались, что она попала в беду.

– Я только высказал предположение. Почему вы так в этом уверены?

– От вас очень трудно чего-нибудь добиться. – Миссис Кэмпбелл стояла передо мной, упершись кулаками в худые бедра и наклонившись вперед, словно боксер легчайшего веса. – Не пытайтесь отделаться туманными отговорками, хотя одному Богу известно, как я привыкла к этому, прожив здесь тридцать лет. Так попала она в беду или нет?

– Я не могу ответить на ваш вопрос, миссис Кэмпбелл. Насколько мне известно, конкретного ничего нет. Все, что мне нужно, так это поговорить с

ней.

– На какую тему?
– На тему ее возвращения к мужу,
– Почему бы ему самому не побеседовать с ней?
– Именно это он и собирается сделать. В данный момент он немного нездоров. У нас было много волпе-ний, пока мы пытались ее найти.

– Кто он?
– Молодой репортер из Торонто по имени Джордж Уолл.
– Джордж Уолл, – повторила она, – Джордж Уоллингфорд.
– Да, подходит.
– А что за человек этот Джордж Уолл?
– Мне кажется, он хороший человек, или будет таким, когда повзрослеет.

– Он любит ее?
– Очень. По-моему, даже слишком.
– А от меня вы хотите получить ее адрес?
– Если вы его знаете.
– Да уж, должна бы знать. Я прожила там почти десять лет. Беверли-Хиллз, улица Мэнор Крест, четырнадцать. Но, если это все, что вам нужно, почему вы сразу не спросили об этом? Взамен вы позволили мне трепать языком и поставить себя в глупое положение. Почему вы так поступили со мной?

– Прошу прощения. С моей стороны это было страшно невежливо. Но боюсь, дело не только в том, что Эстер сбежала от мужа. Вы сами высказали предположение, что она попала в беду.

– Для меня слово «сыщик» уже связано с неприятностями.
– А раньше у нее случались серьезные неприятности?
– Не будем говорить об этом.
– Вы часто встречались с ней нынешней зимой?
– Очень редко. Но один уик-энд провели вместе – на прошлой неделе.
– В доме на Беверли-Хиллз?

– Да. Она только что въехала туда и хотела посоветоваться со мной об отделке некоторых комнат. Люди, которые там жили до Эстер, не содержали дом в должном порядке – не то что в то время, когда у нас работала чета японцев: муж с женой. – Взгляд ее голубых глаз проник сквозь десятилетие в прошлое и вновь вернулся в настоящее. – Во всяком случае, мы чудесно провели уик-энд вдвоем, наедине: я и Эстер. Мы болтали, пересмотрели весь ее гардероб и представляли себе, что старое доброе время вернулось. И в конце концов Эстер предложила мне

переехать к ней в первых числах января.

– Как мило с ее стороны.

– Не правда ли? Я очень удивилась и обрадовалась. В течение многих лет мы не были с ней близки по-настоящему. Собственно, я ее почти не видела. И вдруг, совершенно неожиданно, она просит меня жить вместе.

– Как вы думаете, почему?

Я задал этот вопрос потому, что, несмотря на весь свой романтизм, миссис Кэмпбелл производила впечатление человека, способного мыслить трезво. Присев на краешек стула в задумчивой позе, она прижала пальцы к вискам.

– Трудно сказать. Ну, разумеется, не из-за моих красивых синих глаз. Она собирается уехать на некоторое время, и кто-то должен остаться и присматривать за домом. А еще я думаю, она ужасно одинока.

– И напугана?

– Этого я не заметила. Хотя, конечно, все может быть. Но даже если бы она чего-то боялась, она бы мне не сказала. Мои девочки не делятся со мной своими секретами. – Она прикусила костяшку большого пальца на правой руке. Лицо у нее сморщилось, как у новорожденной обезьянки. – Как вы думаете, я могу все же переехать к ней в начале января?

– Я бы на это не рассчитывал.

– Но дом-то принадлежит ей. Иначе она не стала бы тратить такие деньги на ремонт. Мистер Арчер – я правильно называю ваше имя? Арчер? – откуда у нее эти деньги?

– Не имею ни малейшего представления, – ответил я, хотя кое-какие мысли на этот счет у меня уже появились.

Глава 11

Мэнор Крест была одной из тех тихих, обсаженных пальмами улочек, планировка которых закончилась до начала кризиса двадцатых годов. Дома не выглядели такими огромными и вычурными, как строения в стиле рококо на близлежащих холмах, но явно претендовали на оригинальность. Некоторые были построены в пышном псевдотюдоровском стиле. Другие имитировали испанский стиль, толстые стены и узкие окна делали их похожими на крепости, воздвигнутые для сопротивления воображаемым маврам. Улица в целом выглядела неплохо, но была немного обшарпанной, как будто мавры уже побывали здесь.

Дом под номером четырнадцать оказался одной из таких двухэтажных испанских крепостей. Он стоял в стороне от дороги, скрытый от посторонних глаз изгородью из монтерийских кипарисов. Над изгородью, переливаясь в струях и брызгах поливальной системы, висел осколок радуги. На подъездной дорожке был припаркован пыльный серый «ягуар».

Я проехал чуть дальше, оставил машину у соседнего дома, вернулся и подошел к «ягуару». К рулевой стойке была прикреплена регистрационная карточка, из которой следовало, что владельцем «ягуара» был Ланс Леонард.

Я осмотрел фасад здания. Мелкие капли из разбрызгивателя попали мне в лицо, и это было единственным признаком жизни. Дом казался наглухо закрытым – темная дубовая дверь, зашторенные окна, и даже красная черепичная крыша прижимала дом сверху, как крышка от кастрюли.

Я поднялся по ступенькам крыльца, нажал на кнопку звонка. Его звук раздался где-то в глубине. Мне показалось, что я слышу шаги, приближающиеся к запертой двери, и даже чье-то затаенное дыхание. Я постучал. Все звуки на той стороне, если только они мне не почудились, сразу же прекратились.

Я несколько раз ударил кулаком по двери, но тщетно.

Возвращаясь к подъездной аллее, краем глаза я уловил какое-то движение в одном из окон, как будто отдернули штору. Я быстро оглянулся и посмотрел туда, но штора уже упала на место. Пробравшись к окну, я постучал просто так, почти из озорства. Но, конечно же, никакого ответа не получил.

Я сел в машину, на ближайшем перекрестке развернулся, проехал

мимо родового гнезда Кэмпбеллов и припарковался так, чтобы наблюдать за его парадным входом через зеркало заднего вида. Улица была очень тихой. По обеим ее сторонам листья пальм недвижно висели в воздухе, словно беззвучные зеленые взрывы, остановленные стоп-кадром. Вдали, на фоне плоского голубого неба, застыла такая же плоская белая башня городской ратуши. Не происходило ничего, что могло бы отметить бег времени. Только стрелки моих часов пересекли отметку «два» и двинулись дальше.

Примерно в два часа десять минут я увидел машину, старый черный «линкольн», длинный и тяжелый, как катафалк, сходство с которым еще более подчеркивали темные шторы на задних окнах и черная фетровая шляпа водителя. Машина мчалась со скоростью около пятидесяти миль в час, хотя в этой зоне скорость не должна превышать двадцати пяти миль, и начала тормозить, лишь въехав в квартал, в котором я находился.

Я взял с заднего сиденья вчерашнюю газету и развернул ее, чтобы прикрыть лицо. Заголовки казались извлеченными откуда-то из древней истории. Прошла вечность, пока «линкольн» не проехал мимо. Я успел разглядеть человека за рулем. Его лицо с маленькими глазками, седловидным носом и как бы резиновым ртом относилось к разряду незабываемых. Незабываемых в силу своей неприглядности.

«Линкольн» свернул в подъездную аллею, к дому номер четырнадцать, и, мелькнув в моем зеркале заднего вида, припарковался рядом с «ягуаром». Человек, вышедший из машины, двигался быстро и мягко, не размахивая руками. Его фигура с покатыми плечами, в длинном черно-сером пальто покроя реглан, напоминала торпеду, скользящую по стартовой площадке.

Дверь отворилась, прежде чем он успел постучать. Мне не удалось увидеть, кто ее открыл. На две или три минуты, которые мне показались вечностью, дверь закрылась, затем открылась снова.

Из дома вышел Ланс Леонард. Он как-то странно, суетливо, точно марионетка, которую дергают за ниточки, спустился по ступенькам и прямо через газон побежал к «ягуару», не обращая внимания на разбрызгиватели, хотя его белая шелковая, с открытым воротом, рубашка сразу стала мокрой.

«Ягуар» зарычал, дал задний ход и вылетел на проезжую часть. Когда он с визгом пронесся мимо меня, я мельком увидел лицо Ланса Леонарда. Оно напоминало застывшую маску. Нос и подбородок заострились, а черные глаза сверкали, как антрацит. Меня он не заметил.

«Ягуар» стремительно унесся в тишину. Я вытащил пистолет тридцать восьмого калибра, который хранился в ящичке для перчаток на приборной

доске, вышел и пересек улицу. Регистрационная карточка гласила, что «линкольн» принадлежит Теодору Марфельду, проживающему на Прибрежной автостраде в Южном Малибу. Внутри машина была обита облезлой черной кожей, от которой воняло кошками. Заднее сиденье и пол прикрывали листы грубой оберточной бумаги. Часы на приборной доске стояли, стрелки застыли на 11.20.

Я поднялся по ступенькам и только собрался постучать, как вдруг заметил, что дверь слегка приоткрыта. Я распахнул ее и вошел в тускло освещенную прихожую с круглым потолком в мавританском стиле. Впереди, слева от меня, уходила вверх громоздкая лестница, выложенная красной мозаикой. Справа открытая внутренняя дверь отбрасывала конус света на пол и на чистую оштукатуренную боковую сторону лестницы.

И вот на это яркое пятно света упала тень человека в шляпе. В дверном проеме показались голова и плечи того типа с седловидным носом.

– Мистер Марфельд? – спросил я.

– Да. Кто вы такой, черт вас подери? Вы не имеете права вторгаться в частное владение. Убирайтесь отсюда ко всем чертям!

– Я хотел бы поговорить с мисс Кэмпбелл.

– О чем? Кто вас послал? – процедил он сквозь зубы.

– Дело в том, что меня направила сюда ее мать. Я друг семьи. А вы тоже друг семьи?

– Да. Вы совершенно правы. Друг семьи.

Марфельд поднес правую руку к лицу.левой не было видно из-за двери. Я, не вынимая рук из карманов, держал палец на спусковом крючке пистолета. Марфельд казался озадаченным. Он обхватил свой подбородок и машинально потянул его вниз. Большой палец у него был испачкан чем-то красным, что оставило отпечаток с одной стороны его вдавленного носа.

– Порезались?

Он посмотрел на палец и быстро сжал руку в кулак.

– Да, порезался.

– Я умею оказывать первую помощь. Если вам больно, то у меня в машине есть обезболивающее. И еще пятипроцентная настойка йода, чтобы устранить опасность заражения крови или другой серьезной инфекции.

Он сердито отмахнулся. Голос, внезапно сорвавшийся на писк, выдал владевшее им нервное напряжение.

– Заткнись, будь ты проклят, терпеть не могу пустых слов! – Он постарался взять себя в руки и заговорил на полтона ниже: – Слышишь, я сказал, чтобы ты убирался отсюда. Чего ты ждешь?

– Обычно друзья семьи так не беседуют друг с другом.

Марфельд шагнул вперед. Теперь дверь больше не скрывала его. В его левой руке блеснул металлический стержень. Это была медная кочерга. Он переложил ее в правую руку и подошел ко мне так близко, что я почувствовал его дыхание на своем лице.

– Ах ты проклятый болтун!

Я мог бы застрелить его, не вынимая пистолета из кармана. Вероятно, так и следовало поступить. Загвоздка была в том, что я знал его недостаточно хорошо, чтобы сразу убить. Кроме того, я надеялся на скорость своей реакции, забыв о нокауте, полученном от Леонарда, и о слабости в ногах, которая еще напоминала о себе.

Марфельд поднял кочергу. Темная капля сорвалась с ее конца на гладкую оштукатуренную стену, оставив яркую отметину, вроде пятнышка красной краски. Я задержал на нем взгляд на какую-то долю секунды дольше, чем следовало. Кочерга чиркнула по моей голове. К счастью, удар был скользкий, а то я бы испустил дух на месте. Но как бы там ни было, мне показалось, что пол внезапно принял вертикальное положение и ударил меня по коленям, локтям, лбу. Пистолет выскользнул из кармана и со стуком упал прямо в круг света.

По все еще наклонному полу я попытался подползти к нему. Марфельд наступил мне на пальцы. С трудом приподнявшись, я левой рукой вцепился ему в ногу, уперся плечом в его колено и толкнул изо всех сил. Он тяжело повалился назад и на какое-то время оставил меня в покое.

Я наконец подполз к двери и попытался ощупью отыскать пистолет среди колеблющихся пятен света. Комната за дверью ослепила меня ярким видением, скорее похожим на галлюцинацию в белых, черных и красных тонах. Девушка в льняном платье, со светлыми волосами, лежала на белом коврике перед резным черным камином. Ее лица я не видел, оно было повернуто в другую сторону. Вокруг как будто были разбрызганы темно-красные чернила.

Сзади послышался какой-то звук, и в тот момент, когда я оглянулся, на мою бедную голову обрушился очередной удар, который погрузил меня в глухую красную тьму.

Я пришел в себя от ощущения тряски и непонятного шуршания в животе, которое постепенно отделилось от меня и оказалось звуком автомобильного мотора. Я сидел на переднем сиденье, зажатый с двух сторон. Открыв глаза, я узнал часы на приборной доске, стрелки которых остановились на 11.20.

– Люди погибают, попав туда, – послышался голос Марфельда справа.

Я взглянул на него, причем мне показалось, что это движение

отозвалось в моих глазницах явственным скрипом. У Марфельда на коленях лежал мой пистолет. Водитель, сидевший слева от меня, сказал:

– Приятель, ты меня просто изумляешь. Каждый раз, когда мы проезжаем это место, ты повторяешь одну и ту же древнюю шутку.

Мы проезжали Форест Лоун, старое кладбище. В воздухе, над телами блаженных, веяли такие мягкие волны тепла, что я вдруг ощутил острую тоску по покою, представив, как хорошо лежать на красивом кладбище и слушать органную музыку. Но затем я увидел руки водителя на руле, и это зрелище внезапно привело меня в ярость – огромные, невымытые лапищи с длинными грязными ногтями. Просто невозможно спокойно смотреть.

Я протянул руку к пистолету. Марфельд убрал его, как прячут леденцы от младенцев. Мои движения были такими слабыми и вялыми, что я испугался. Он постучал стволом пистолета по костяшкам моих пальцев.

– Ну и как, соня? Проснулся?

Одеревеневший язык с трудом мне повиновался, и я еле выговорил:

– Ты, шутник, знаешь, какое наказание тебя ждет за похищение человека?

– Похищение? – У водителя было маленькое кривое лицо, которое довольно странно сочеталось с его массивным туловищем. Он скосил на меня глаза. – Что-то я не слышал ни о каком похищении. Тебе, должно быть, что-то приснилось.

– Да, – пробурчал Марфельд, – не пытайся меня одурачить, сыщик. Я пятнадцать лет служил в окружной полиции, так что знаю законы – что можно делать, а чего нельзя. Нельзя вваливаться в частный дом с оружием. Если ты это совершил, я имею право остановить тебя. Господи, да если бы я пришиб тебя на месте, на меня бы и дело не завели.

– Считаю, что тебе повезло, – добавил второй. – Вы, ищейки, ведете себя так, как будто вам все позволено, даже убийства.

– Кое-кто и впрямь совершает убийства.

Марфельд резко повернулся и ткнул мне в бок пистолетом.

– Что такое? А ну повтори, что ты сказал! Я что-то не понял.

Мои мозги все еще были не на месте. Но все же при мне осталась капелька серого вещества, и я уже начинал соображать. Они не должны раньше времени догадаться, что я видел белокурую девушку, лежащую на полу в светлой комнате. Если она мертва, то лучше мне об этом не знать. Иначе можно считать, что я еду на собственные похороны.

– Так что ты там проямлил насчет убийства?

Марфельд с такой силой надавил на пистолет, что я почувствовал во рту вкус ржаного хлеба, который ел недавно. Пришлось собрать все силы,

чтобы подавить это ощущение.

Через некоторое время Марфельду надоело тыкать в меня пистолетом, и он снова положил его себе на колени.

– Хорошо. Ты объяснишь все мистеру Фросту.

Он проговорил это таким многообещающим тоном, как будто хуже уже ничего не могло со мной случиться.

Глава 12

Лерой Фрост был не только шефом частного полицейского управления студии «Гелио-Графф». Он выполнял и другие обязанности, как весьма значительные, так и малозаметные. Он мог налагать наказание за распространение наркотиков или за управление автомобилем в нетрезвом виде. Знал, каким образом оказать на кого-то нажим, чтобы уладить дело о разводе или не довести до суда обвинение в изнасиловании. В его ловких руках умышленное отравление барбитуратом превращалось в несчастный случай с передозировкой лекарства. Одно время он служил заместителем начальника службы безопасности в вашингтонском телеграфном агентстве. Я едва был с ним знаком, ровно настолько, насколько мне требовалось.

Студия «Гелио-Графф» занимала целый квартал и была окружена высоким белым бетонным забором со стороны Сан-Фернандо. Мистер Перекошенное Лицо припарковал «линкольн» на полукруглой подъездной аллее. Фасад административного здания, украшенный белыми колоннами, легкомысленно скалился на солнце. Марфельд вышел из машины и опустил мой пистолет в карман своего пальто. Круглое отверстие, выпирающее под тканью, было направлено на меня.

– Пойдем.

Я повиновался. В вестибюле здания, в стеклянной будке, сидел одетый в голубое охранник. Еще один охранник в такой же униформе вышел из-за деревянной дубовой стойки и повел нас вверх по глухому, без окон коридору с наклонным полом из пробкового дуба и стеклянной крышей. По стенам тянулись ряды огромных фотографий– портретов звезд, которых Графф, а до него Гелиопулос, вывели на мировой киноэкран.

Охранник отпер дверь с полированной медной табличкой: «Служба безопасности». За дверью оказалась просторная полупустая комната, вся обстановка которой состояла из шкафов с картотекой и нескольких конторских столов. На столах были пишущие машинки, а за одной из них сидел мужчина в наушниках и стучал по клавишам как сумасшедший. Мы прошли в приемную, где не было совсем никого. Здесь Марфельд покинул меня, скрывшись за дверью с табличкой: «Л. Фрост».

Охранник остался со мной, правую руку он не снимал с кобуры. У него было бесстрастное серьезное лицо, как и должно быть у охранника. Нижняя челюсть так сильно выдавалась вперед, что напоминала толстый конец окорока, а рот казался маленькой узкой щелью. Он стоял, гордо

выпятив грудь, подтянув живот, и, видимо, был совершенно уверен в том, что его голубая униформа является самым прекрасным мундиром на свете.

Я даже не попытался вступить с ним в разговор. Сел на жесткий стул с высокой прямой спинкой, у стены, и стал дожидаться. Тускло освещенная маленькая комнатка походила на приемную врача-неудачника, например не пользующегося популярностью дантиста. Марфельд вышел из кабинета Фроста с таким видом, как будто только что услышал, что ему придется немедленно удалить все зубы. Униформа, с виду похожая на человека, жестом пригласила меня войти.

Я впервые оказался в кабинете Фроста. Своими огромными размерами он соответствовал по крайней мере кабинету режиссера-постановщика, подписавшего долгосрочный контракт. Тяжелая, случайно подобранная мебель, видимо, попала сюда в разное время из разных кабинетов: кожаные кресла, небольшой горбатый английский диван, а также огромный письменный стол из розового дерева, в стиле ампир, на котором спокойно можно было играть в теннис.

Фрост сидел за столом, прижав к уху телефонную трубку.

– Прямо сейчас, – ответил он своему невидимому собеседнику. – Я хочу связаться с ней немедленно.

Он положил трубку на рычаг и перевел взгляд вверх, но не на меня, давая этим понять, что я для него не представляю никакого интереса. Откинувшись на спинку вращающегося кресла, он расстегнул жилет и не спеша застегнул его снова. Пуговицы на жилете были перламутровые. За спиной Фроста, на стене, висели скрещенные кавалерийские шашки и несколько фотографий видных политических деятелей с автографами.

Несмотря на всю эту мощную поддержку и вопреки названию своего отдела, Фрост выглядел неуверенным в своей безопасности. Внушительность, которую его лицу придавали густые коричневые брови, была обманчивой. Глаза с нездоровой желтизной смотрели мрачно. В последнее время он, видимо, резко похудел, кожа под глазами и под подбородком висела складками, как наполовину слезшая кожа змеи. Короткая спортивная стрижка только подчеркивала его усталый, болезненный вид.

– Все в порядке, Лэшмен, – сказал он, обращаясь к охраннику. – Ты можешь подождать за дверью. Мы с Л у Арчером давнишние приятели.

Тон его был ироничным. Наверняка он намекал на то, что однажды мы с ним обедали «У Муссо» и я совершил глупость, позволив ему уплатить по счету, так как он мог списать это как расходы на деловые нужды, а я не мог. Он даже не пригласил меня сесть. Однако я без приглашения уселся на

валик одного из кожаных кресел.

– Мне не нравится все это, Фрост.

– Тебе не нравится. А я, по-твоему, в восторге. Я-то думал, что мы с тобой друзья и наши отношения строятся по принципу: живи сам и давай жить другим. Боже мой, Лу, надо доверять друг другу, или все расползется по швам.

– Ты имеешь в виду то грязное белье, с которым ты возишься ради своих клиентов?

– О чем ты говоришь? Я хочу, чтобы ты принимал меня всерьез, Лу, иначе это оскорбляет мое профессиональное достоинство. Не то чтобы я страдал болезненным самолюбием. Я просто так же, как все люди, зарабатываю себе на жизнь – маленький винтик большой машины. – Он скромно опустил глаза. – Очень большой машины. Знаешь ли ты, каковы наши капиталовложения в производственные средства, контракты, не выпущенные еще фильмы и так далее?

Он выдержал внушительную паузу. Я смотрел в окно на кинопавильоны, огромные, как ангары, и на ряд открытых съемочных площадок, изображающих песчаную набережную, городок на Среднем Западе, деревушку на морском побережье и улицу из какого-нибудь вестерна, где дюжины пластмассовых героев предпринимали смертельные прогулки. По всей видимости, студия сейчас не работала. Съемочные площадки были пустынные, фантастические декорации покинуты своими призрачными обитателями и беспокойными духами, создавшими их.

– Приблизительно пятнадцать миллионов, – проговорил наконец Фрост тоном священнослужителя, открывающего величайшую тайну. – Огромные инвестиции. А ты знаешь, от чего зависит сохранность этих денег?

– От пятен на солнце?

– Нет. Это не повод для шуток. Пятнадцать миллионов долларов – совсем не смешно. Я скажу тебе от чего. Хотя ты и сам знаешь, но все же я повторю еще раз. – Он назидательно покачал соединенными пальцами обеих рук. – Во-первых, от романтического ореола, окружающего нас, а во-вторых, от престижа фирмы. Эти две вещи зависят друг от друга и в значительной степени взаимосвязаны. Некоторые думают, что нынешняя публика проглотит все, какую бы отвратительную чепуху ей ни подсунули, но я знаю, что это не так. Я занимался изучением этой проблемы. Здесь можно просто растерять зрителей. Особенно в наши дни, когда кинопромышленность со всех сторон подвергается нападкам. Мы должны сохранять свой имидж. Престиж фирмы – я не преувеличиваю – имеет

стратегическую важность. Это психологическая война, Лу, а я на передней линии огня.

– И поэтому твои солдаты нападают на мирных граждан? Ты что, ждешь от меня награды? Ордена, быть может?

– Ты не совсем мирный гражданин, Лу. Ты так быстро перемещаешься с места на место и совершаешь столько ошибок. Например, ты мчишься к Лансу Леонарду, посягаешь на его покой и ведешь себя довольно вызывающе. Я только что говорил с Лансом по телефону. Ты поступил с ним в высшей степени неэтично, и это тебе не забудется.

– Да, я вел себя довольно неосторожно, – признал я.

– Но по сравнению со всем остальным еще блестяще. Боже милостивый, Лу, а я-то думал, что ты всегда правильно оцениваешь ситуацию. Теперь мы подходим к финалу – ты пытался ворваться в дом к молодой женщине, не будем называть имени... – Он широко развел руки и опустил их, как бы не сумев выразить словами весь позор моего поведения.

– А что происходит в этом доме? – спросил я.

Фрост прикусил нижнюю губу, наблюдая за выражением моего лица.

– Если бы ты был благоразумным, таким, каким я привык тебя считать, ты бы не задавал подобных вопросов. Забудь об этом – вот что я тебе посоветую. Чем меньше ты знаешь, тем лучше для тебя. Чем больше, – тем хуже. У тебя была хорошая репутация, так что решай сам, сохранить ее или нет.

– Постараюсь.

– О-хо, ты не так глуп, парень. Малый не промах. Но ты ставишь себя под удар, и сам знаешь это. Ты в состоянии следить за моей мыслью, или я должен изложить ее попроще?

– Я тебя не совсем понимаю.

Он встал из-за стола, обошел его, старательно избегая встречаться со мной взглядом, и, приблизившись, облокотился на спинку моего кресла. Я почувствовал запах каких-то пряных специй, исходящий то ли от волос, то ли изо рта, когда он многозначительно зашептал мне в ухо:

– Такой умный и любознательный молодой человек, постоянно сующий нос не в свои дела, должен, наконец, понять, что ему не следует этого делать.

Я встал и посмотрел на него в упор.

– Я ждал подобного поворота событий, Фрост. И уже задавал себе вопрос: когда же мы перейдем к угрозам.

– Называй меня Лерой. Черт побери, я не собираюсь угрожать тебе. – Он отмахнулся от моих слов обеими руками. – Ты же знаешь, я не

сторонник насилия. Мистеру Граффу не по душе жесткие меры, и я полностью согласен с ним. То есть в тех случаях, когда этого удастся избежать. Но, видишь ли, в подобной ситуации, когда затрагиваются интересы влиятельных лиц, можно ненароком кого-то и задавить, если этот кто-то стоит у нас на пути. Понимаешь, наше дело заводить друзей, и у нас повсюду они имеются: в Лас-Вегасе, в Чикаго – повсюду. Некоторые из них, правда, Немного грубоваты и могут вбить себе в голову, в свою малюсенькую твердолобую головенку, некую идею – но ты лучше меня знаешь, как это бывает.

– Напротив. Я вообще очень медленно соображаю. Разъясни.

Он улыбнулся одними губами, глаза же оставались холодными, как тусклые желтые камни.

– Дело в том, что ты мне нравишься, Лу. Я так обрадовался, узнав, что ты находишься в городе, пребываешь в добром здравии и все такое прочее. И мне не хотелось бы, чтобы о тебе говорили по междугородному телефону.

– Ну и что же? Такое и прежде случалось. А я жив, здоров, чувствую себя превосходно, чего и тебе желаю.

– Ну и прекрасно! Буду с тобой откровенен, как со старым другом. Есть одна важная персона, которая уничтожила бы тебя в минуту, узнай, что ты замышляешь. И вполне вероятно, что все уже известно. Так что прими мое дружеское предупреждение к сведению.

– Значит, дружеское. А у этой персоны есть имя?

– Возможно, оно тебе даже известно, но не будем об этом говорить. – Фрост еще ниже склонился над спинкой моего кресла, пальцы вцепились в кожаную обивку. – Образумься, Лу. Неужели ты не понимаешь, что здесь пахнет убийством!

– Из-за чего вся эта мелодрама? Я искал женщину. И нашел ее.

– Ты ее нашел? Ты видел ее, говорил с ней?

– Мне не удалось с ней побеседовать. Один из твоих головорезов остановил меня у двери.

– Так ты, выходит, и не видел ее?

– Нет, – солгал я.

– Ты знаешь, кто она?

– Знаю, как ее зовут. Эстер Кэмпбелл.

– Кто нанял тебя для ее поисков? Кто стоит за этим?

– Мой клиент.

– Ну, давай продолжай, не останавливайся на полпути. Так кто тебя нанял, Лу?

Я не ответил.

– Это Изабель Графф? Верно?

– Ты, кажется, немного не в своем уме.

– Пока не жалуясь. Но если это все-таки она, позволь мне кое-что тебе сообщить. Она просто-напросто больная женщина – шизофреничка с незапамятных времен. Я могу рассказать тебе такие вещи об Изабель, что ты не поверишь.

– Попробуй.

– Так это она?

– Я даже не знаком с этой леди.

– Честное слово?

– Честное-пречестное.

– Так откуда же исходит вся суматоха? Я должен узнать, Лу. Такая уж моя работа. Я должен защищать шефа и организацию.

– От чего защищать? – И я спросил наугад: – От наказания за убийство?

Эксперимент дал отличные результаты. Страх тенью промелькнул в глазах Лероя Фроста. Но он ответил подчеркнуто мягко:

– Лу, об убийстве не было сказано ни слова. Зачем заводить разговор о мнимых проблемах? У нас и настоящих вполне достаточно. Они, как я представляю, в данный момент относятся к голливудскому сыщику по имени Лу Арчер, который иногда такой умник, а иногда просто дурак, и которому, видимо, жмут его распрекрасные брюки.

Пока он произносил эту тираду, его страх превратился в злость.

– Так ты ответишь на мой вопрос, Л у? Я спросил, кто и зачем тебя нанял?

– Весьма сожалею, но я не отвечу.

– Сейчас ты будешь сожалеть еще больше.

Он обошел кресло, встал передо мной и оглядел с ног до головы, как портной, снимающий мерку для костюма. Затем повернулся ко мне спиной и щелкнул переключателем селекторной связи:

– Лэшмен! Зайди ко мне!

Я посмотрел на дверь. Она оставалась закрытой. Фрост повысил голос и еще раз проговорил в селектор:

– Лэшмен! Марфельд!

Никакой реакции. Фрост взглянул на меня, выпучив свои желтые глаза.

– Не бойся, я не бью старых больных людей, – успокоил я его.

Он что-то ответил сдавленным голосом, но я не расслышал. За окном в это время наперебой закричали какие-то люди. Несколько слов мне удалось

разобрать.

– Он побежал к тебе! – И еще: – Я вижу его!

Под окном бежал рыжеволосый мужчина в темном костюме, как бы преследуя свою собственную тень, несущуюся впереди него по голой земле. Это был не кто иной, как Джордж Уолл. Он спотыкался, его заносило из стороны в сторону, и казалось, он вот-вот упадет. Прямо за ним, как вторая, более громоздкая, тень, пытающаяся догнать его самого, мчался Марфельд с пистолетом в руке.

Фрост пробормотал скороговоркой:

– Что там происходит?

С треском распахнув окно, он прокричал тот же вопрос. Но никто его не услышал. Они бежали в облаке пыли вверх по игрушечной улице, взрывая обманчивую тишину картонного городка. Джордж слишком медленно передвигал ноги, и Марфельд уже догонял его. Впереди Джорджа, в деревушке южного побережья, из-за угла хижины из пальмовых листьев появился Лэшмен.

Джордж, увидев его, попытался свернуть в сторону. Но ноги подвели, и он упал, затем с трудом поднялся, покачиваясь, и тут Лэшмен и Марфельд с двух сторон подбежали к нему. Марфельд толкнул парня плечом, и тот снова упал. Лэшмен схватил его за шиворот и поднял на ноги. Потом спина Марфельда полностью заслонила от меня Джорджа.

Фрост высунулся из окна и перегнулся через подоконник, наблюдая за ходом событий. Я же только видел, как плечо Марфельда, склонившегося над Джорджем, резкими толчками двигалось из стороны в сторону. Оттолкнув Фроста – он был легким как пушинка, – я выскочил в окно и одним махом пересек автомобильную стоянку.

Марфельд и Лэшмен не обратили на меня никакого внимания. Марфельд иступленно молотил Джорджа пистолетом, а Лэшмен держал бедолагу. Кровь текла по лицу Джорджа и капала на темно-серый костюм. Я отметил про себя, как обстоятельство, не имеющее отношения к делу, что костюм этот принадлежал мне: последний раз я его видел висящим в стенном шкафу моей спальни. Я двинулся на них в ледяной ярости. Вцепившись одной рукой в гладкий ствол пистолета, другой я схватил Марфельда за ворот и рванул его к себе, а потом резко отбросил назад. Человек и пистолет разделились. Человек упал навзничь, а пистолет остался у меня в руке. Мой собственный пистолет. Я повернулся и направил его на Лэшмена:

– Отпусти парня! Положи на землю!

Узкая щель в массивной челюсти открылась и закрылась. Возбуждение

исчезло из его глаз. Он осторожно опустил Джорджа на белый привозной песок. Парень был без сознания, и только белки его глаз поблескивали из-под полуприкрытых век.

Свободной рукой я вытащил пистолет из-за пояса Лэшмена, отступил на шаг назад и быстро прицелился в Марфельда, уже поднявшегося с земли.

– Эй вы, чертовы бандиты, что вы тут затеяли? Ради шутки решили позабавиться?

Марфельд перекатился с носков на пятки, но не проронил ни слова. Лэшмен вежливо ответил двум пистолетам в моих руках:

– Парень какой-то сумасшедший. Он ворвался в кабинет мистера Граффа и грозил убить его.

– Он объяснил причину?

– Да, говорил что-то о своей жене.

– Заткнись! – прорычал Марфельд. – Лэшмен, ты болтаешь много лишнего.

Услышав позади себя шаги, приглушенные сухим песком, я обошел Марфельда и Лэшмена и прижался спиной к бамбуковой стене хижины. Фрост и охранник из вестибюля направлялись к нам. На плече охранника висел карабин. Он остановился и вскинул его.

– Опустит карабин, – посоветовал я. – Фрост, прикажи ему.

– Опустит, – буркнул тот.

Карабин с глухим стуком ударился о землю, подняв небольшое облачко пыли. Пока я владел ситуацией. Но этого было недостаточно.

– Что происходит? – ворчливо спросил Фрост. – Кто это?

– Муж Эстер Кэмпбелл. И если вы хотите нарваться на скандал, можете его еще немножко отделать.

– Черт побери!

– Тогда лучше доставить его к врачу.

Никто из них даже не пошевелился. Фрост просунул руку себе под жилет и ощупывал грудную клетку, видимо, желая выяснить, не остановилось ли у него сердце. Он тихо спросил:

– Это ты притащил его сюда?

– Тебе лучше знать.

– Парень пытался убить мистера Граффа, – вставил Лэшмен. – Он гонялся за мистером Граффом по кабинету.

– С Граффом все в порядке?

– Да, конечно. Я услышал, как этот псих кричал и ругался, и выгнал его, прежде чем он натворил глупостей.

Фрост повернулся к охраннику, который стоял с опущенным карабином.

– Как он прошел сюда?

Тот смутился, затем помрачнел и с трудом разжал губы:

– Он предъявил удостоверение журналиста. Утверждал, что у него назначена встреча с мистером Граффом.

– И ты не связался со мной?

– Вы же были заняты, просили, чтобы вас не беспокоили.

– Я без тебя знаю, о чем я просил. Проваливай! Твоя карьера закончена. Кто тебя принимал на работу?

– Вы, мистер Фрост.

– Прикончить меня надо за это. Убирайся с моих глаз. – Голос его стал вкрадчивым. – И никому не рассказывай о том, что здесь произошло, вообще никому, а лучше бы тебе совсем уехать из города. Сэкономить на больничных расходах.

Лицо охранника стало зернисто-белым, цвета рисового пудинга. Он несколько раз открыл и закрыл рот, но так ни слова и не вымолвил, повернулся на пятках и поплелся к воротам.

Фрост взглянул на лежащего на песке человека, истекающего кровью, и заскулил от жалости – но только к самому себе:

– Что мне с ним теперь делать?

– Оторви свою задницу и вези его в больницу.

Фрост оглянулся и смерил меня оценивающим взглядом. Покончив с этим, он попытался изобразить улыбку Санта-Клауса, но у него плохо получилось. Нервное подрагивание одного века придавало его лицу странное выражение, будто он заговорщицки подмигивал, намекая на какое-то тайное соглашение между нами.

– Я немного грубо разговаривал с тобой в кабинете. Забудем об этом, Лу. Ты мне нравишься. Нет, правда, ты мне очень нравишься.

– Отвези его в больницу, – повторил я, – или тебя самого туда доставят.

– Конечно, конечно, сию же минуту. – Он возвел глаза к небу, как режиссер, которого внезапно охватило вдохновение. – Некоторое время назад, уже довольно давно, я размышлял о том, что ты мог бы поработать в нашей организации, Лу. Тебе бы не хотелось съездить в Италию? Все расходы мы возьмем на себя. Тебе почти ничего не придется делать, просто под твоим руководством будут работать несколько человек. У тебя получатся как бы каникулы.

Я посмотрел на его изможденное неглупое лицо и на жестокие тупые рожи двух типов рядом с ним. Они здорово гармонировали с бутафорскими

постройками, которые окружали их, как мертвенное, жуткое подобие настоящей жизни.

– Я ни за что не позволил бы тебе оплатить мою дорогу на побережье Пизмо. А теперь разворачивайся и шагай отсюда, Фрост. И вы тоже, Марфельд, Лэшмен. Держитесь поближе друг к другу. Мы пойдем к телефону и позвоним в приемный покой. Мы и так потеряли слишком много времени.

У меня было очень мало надежды выбраться отсюда и вытащить Джорджа. И тем не менее я решил попытаться. Но и эта крошечная надежда внезапно растаяла. Впереди показались два человека, которые бежали, пригнувшись, за чистеньким белым частоколом городка

Среднего Запада. Один из них был охранник, которого Фрост выгнал с работы. Оба держали автоматы наготове.

Увидев меня, они укрылись за большой красивой верандой, на которой стоял старинный диван-качалка. Фрост и его головорезы остановились. Я проговорил в спину Фросту:

– Сейчас ты должен быть очень осторожным. Ты будешь первым, кого я продырявлю. Прикажи им выйти на середину улицы и бросить автоматы.

Фрост обернулся и отрицательно покачал головой. Краем левого глаза я увидел третьего человека, который бежал к нам, низко пригнувшись, прячась за стенами хижин южной деревушки. В руках у него был карабин. Я почувствовал себя так, словно в меня уже выстрелили.

Фрост скорчил издевательски-скорбную мину, отчего у него заметно прибавилось морщин.

– Тебе отсюда живым не выбраться. – Он повысил голос и скомандовал: – Брось пистолеты, Лу! Считаю до трех.

Человек, которого я видел слева, подбирался все ближе ко мне. Когда Фрост начал считать, он замер и прицелился. Я бросил пистолеты на счете «два». Марфельд и Лэшмен резко повернулись, так что песок заскрипел у них под ногами.

Фрост одобрительно кивнул:

– Вот теперь ты умница.

Марфельд нагнулся и поднял пистолеты. Лэшмен шагнул вперед. В руках у него был черный кожаный ремень. Человек с карабином в руках рысью бежал к нам. Охранники, скрывавшиеся за верандой, вышли из своего укрытия и тоже двинулись в нашу сторону, сначала осторожно, а затем прибавив шаг. У того парня, которого Фрост уволил, на губах блуждала глупая вымученная улыбка. Возможно, ему было стыдно за происходящее, ко он ничего не мог поделать.

В отдалении, за автомобильной стоянкой, в дверном проеме маячил Симон Графф, наблюдая, как Лэшмен размахивает ремнем.

Глава 13

Время снова начало неравномерно отсчитывать секунды. Боль вспыхивала у меня в голове, как молния среди туч, пульсируя в такт ударам сердца. Я лежал на спине на чем-то твердом, а сверху, надо мной, Ланс Леонард взволнованно и громко говорил:

– Было бы хорошо, чтобы Карл приехал сюда.

Я здесь бывал много раз. Он разрешает мне распоряжаться без него. Когда он в отъезде, я часто пользуюсь этим домом. Для дам – лучшего места не найти.

– Помолчи, – раздался голос Фроста.

– Я просто объясняю, – обиженно произнес Леонард. – Я знаю этот дом как свои пять пальцев. Могу предложить вам виски или вино, что пожелаете.

– Я не пью.

– Я тоже. Вы на наркотиках?

– Вот именно, – с горечью ответил Фрост. – А сейчас заткнись. Я должен подумать.

Леонард умолк. На некоторое время воцарилась полная тишина. Кожей я ощущал солнечное тепло, сквозь сомкнутые веки пробивался алый свет. Когда же я немного приоткрыл глаза, слепящий луч, как скальпель хирурга, врезался в мой мозг.

– У него дрогнули веки, – сказал Леонард.

– Посмотри-ка получше.

Раздался шаркающий звук шагов по бетону. Я почувствовал, как мне в бок ткнулся носок ботинка. Леонард присел на корточки и приподнял мне веко, потянул за ресницы. Я успел закатить глаза.

– Он все еще без сознания.

– Полей его водичкой. Вон там шланг, с другой стороны бассейна.

Струя воды хлынула мне в лицо, сначала горячая от солнца, потом теплая. Я слегка разомкнул губы, чтобы смочить пересохший рот.

– Все равно не приходит в себя, – мрачно сказал Леонард. – А что, если он вообще не очнется? Что тогда мы будем делать?

– Это проблема твоего друга Стерна. Однако я думаю, он очнется. Это хитрый тип, самоуверенный до мозга костей. Я почти хочу, чтобы он не пришел в себя.

– Карл уже давно должен быть здесь. Может, его самолет разбился?

– Да, скорее всего, так и есть. Самолет разбился, а ты остался бедным сиротой. – В голосе Фроста чудилось шипение гремучей змеи.

– Вы издеваетесь надо мной, да? Не так ли? – Голос Леонарда дрожал. Видимо, такое предположение привело его в смятение.

Фрост даже не попытался возразить. Опять наступила полная тишина. Упорно не открывая глаз, я попытался послать несколько импульсов к моим бесчувственным конечностям. Мне потребовалось немалое время, чтобы сделать это, но когда наконец удалось, я смог согнуть пальцы правой руки. Затем попробовал пошевелить пальцами на ногах, и тоже успешно. Надежда снова затеплилась в моей душе.

За стеной зазвонил телефон.

– Держу пари, что это Карл, наконец-то, – весело сказал Леонард.

– Не бери трубку. Будем сидеть и гадать, кто это.

– Хватит язвить. Все равно Флейк возьмет трубку. Он там смотрит телевизор.

Телефонные звонки прекратились. Раздался свистящий звук раздвигаемой стены. Затем я услышал голос человека с перекошенным лицом:

– Это Стерн. Он в Викторвилле, просит, чтобы за ним приехали.

– Он еще на линии? – спросил Леонард.

– Да, хочет поговорить с тобой.

– Иди, иди, – сказал Фрост с издевкой, – положи конец его страданиям.

Шаги удалились. Я открыл глаза и уставился в ослепительно голубое небо, на котором заходящее солнце висело, подобно раскаленному медному тазу. В висках толчками пульсировала кровь. Немного приподняв голову, я увидел мерцающий овальный бассейн, с трех сторон окруженный забором из стекловолокна. Четвертая сторона представляла собой стеклянную стену загородного дома. Между мной и бассейном, в шезлонге, под голубым тентом развалился Фрост. Он сидел вполоборота ко мне, прислушиваясь к приглушенному голосу, доносившемуся из дома. Расслабившись, он лениво свесил правую руку, в которой был пистолет.

Я медленно сел, опираясь на руки. Все вокруг выглядело очень расплывчато. Я попытался сфокусировать взгляд на шее Фроста, похожей на шею костлявого оципанного петуха. Ее совсем нетрудно было бы свернуть. Я осторожно подобрал ноги, стараясь не шуметь, но все-таки одна туфля слегка царапнула по бетону.

Фрост услышал этот тихий звук, скосил глаза в мою сторону и сразу же вздернул пистолет. И все же я пополз к нему, истекая красноватой жидкостью. Он с трудом вылез из своего шезлонга и отступил к дому.

– Флейк! Иди сюда!

Перекошенное Лицо появился в проеме раздвижной стены. Я плохо соображал, все мои движения были замедленны. С трудом поднявшись, я, шатаясь, бросился к Фросту, но тут же упал на колени. Я увидел, как он поднял руку, чтобы ударить меня, но не успел увернуться. Небо взорвалось тысячей ярких искр. Что-то еще ударило об меня, и все стало черным.

Я висел в черном пространстве, вероятно, поддерживаемый неким небесным крюком, над ярко освещенным местом действия. Глядя, таким образом, сверху вниз, я видел все очень отчетливо. Фрост, Леонард и Перекошенное Лицо стояли над чьим-то расprostертым телом и вели пустые разговоры. Во всяком случае, для меня их речи были ничего не значащими словами. Собственные глубокие мысли занимали меня. Перед глазами как будто мелькали картинки волшебного фонаря. Вот Голливуд – воплощение бессмысленной мечты, придуманное для выколачивания денег. Затем очертания менялись, расползались по простирившемуся ландшафту и вновь загустевали. Меня преследовали жуткие видения, которые, впрочем, были не кошмарнее реальной жизни.

В некотором смятении я вдруг понял, что тело мужчины, лежащее на земле, принадлежит мне. Я соскользнул к нему по воздуху и вполз обратно, как крыса, живущая в чучеле. Оно было хорошо знакомо мне и даже уютно, если не обращать внимания на течь. Однако я все еще немного галлюцинировал. Жалость к самому себе простиралась передо мной как голубой, манящий прохладой бассейн, куда хотелось погрузиться с головой. И я нырнул. Но вопреки собственным намерениям вдруг поплыл на другую сторону. В бассейне оказалась барракуда, жаждущая человеческой плоти, и я поспешил выбраться из воды.

Придя в себя, я обнаружил, что не сдвинулся с места ни на дюйм. Фрост и Леонард куда-то ушли, а Перекошенное Лицо сидел в шезлонге, раздетый до пояса, и наблюдал, как я пытаюсь приподняться. Черные волосы пучками покрывали его торс, и вообще, он здорово смахивал на гориллу. В огромной лапе был зажат неизменный пистолет.

– Ну наконец-то, – раздался его голос. – Не знаю, как ты, но старина Флейк хотел бы пойти посмотреть телевизор. Здесь жарче, чем на сковородке.

Я двигался как на ходулях, но все же сумел войти в дом и прошел через большую комнату с низким потолком в другую, размерами поменьше. Стены ее были обшиты панелями из темного дерева, а в углу возвышался телевизор с огромным матовым экраном. Флейк пистолетом указал мне на кожаное кресло рядом с собой.

- Сядешь сюда. Включи мне вестерн.
- Вестерн? А что, если у меня не получится?
- В это время всегда показывают вестерны.

Он оказался прав. Целую вечность я слышал лишь стук копыт да звуки выстрелов. Флейк сидел прямо перед экраном, зачарованный тем, как бесхитростно добро побеждает зло с помощью кулаков, пистолетов и примитивных рассуждений. Повторялся старый как мир сюжет – идиотская, кочующая из фильма в фильм несбыточная мечта. Уличный торговец в паузах трудился в поте лица, рекламируя столь необходимые нам новые механические товары.

Время от времени я сгибал руки и ноги, пытаюсь заново научиться управлять ими. Сверху на телевизоре стояла медная лампа с толстым основанием. Она казалась довольно тяжелой и при удобном случае могла бы послужить оружием. Если бы только я нашел в себе силы и мужество воспользоваться ею и если бы Флейк на каких-нибудь две секунды забыл о своем пистолете.

Фильм закончился целомудренными объятиями, от которых у Флейка навернулись слезы. А может быть, гйаза у него просто слезились от напряжения. Пистолет свисал между его широко расставленными коленями. Я встал и схватил лампу. Она оказалась не такой уж тяжелой. Тем не менее я со всего маху опустил ее на голову Флейка.

Флейк был скорее удивлен, чем напуган, но от неожиданности выстрелил. Уличный торговец на экране взорвался посреди очередной бессмертной фразы. Под градом осколков мне удалось выбить из руки Флейка пистолет, который, описав дугу, ударился о стену и выстрелил еще раз. Флейк в ярости нагнул слишком маленькую для него, какую-то помятую голову и ринулся на меня.

Я отступил в сторону. Его громадный кулак пробил обшивку стены. Прежде чем он восстановил равновесие, я применил полунельсон, а затем и полный нельсон.

Флейка было не так-то легко согнуть, но все же мне это удалось. Его голова стукнулась о край телевизора. Он сделал рывок в сторону, протаскивая меня через всю комнату. Но я удерживал хват, стиснув изо всех сил его шею. Наконец я ударил его затылком о металлический угол кондиционера на окне и, почувствовав, что он обмяк, разжал руки.

Опустившись на колени, я взял пистолет и с трудом выпрямился. В коленях ощущалась предательская дрожь. Флейк лежал без сознания и сопел разбитым носом.

Я пробрался на кухню, напился прямо из-под крана и вышел из дома.

Уже наступил вечер. Под навесом для машин стояли только английский велосипед со спущенными шинами да старый мотороллер, который вряд ли можно было завести. Я представил себе, как встречу здесь с Фростом, Леонардом и Стерном, но все, что я мог придумать, так это пристрелить всех троих. Я неважно себя чувствовал и страшно устал. Еще чуть-чуть таких физических упражнений – и они смело могут заказывать мне место на городском кладбище. Я был в этом совершенно убежден.

Я отправился вниз по пыльной дороге, которая спускалась с невысокого холма к высохшему руслу речушки в центре широкой ровной долины. Долину обрамляли горные цепи. На вершинах южной гряды, выше темноглубой линии хвойных лесов, нестерпимо белым сиянием сверкали шапки снега. Западная гряда темными неровными зубцами выступала на фоне яркого вечернего неба, где всеми красками играли последние отблески зари.

Я направился к восточной гряде. За ней была Пасадена. С этой стороны, в центре долины, крошечные автомобильчики стремительно неслись по прямой дороге. Один из них свернул в мою сторону, свет его фар поднимался и опускался в такт движению машины на выбоинах. Я залег в заросли шалфея у обочины.

Это был «ягуар» Леонарда. Он сам был за рулем. Мельком я увидел лицо человека, сидящего рядом: бледный плоский овал, похожий на фарфоровое блюдо, на котором нарисованы плоские глаза. Острый подбородок покоился на пятнистом галстук-бабочке. Прежде мне – уже приходилось видеть это старое и одновременно молоджавое лицо – в газетах после смерти Сигеля, по телевизору во время слушания дела Кефавера, один или два раза за столом, в ночном клубе, в окружении целой шайки головорезов. Это было лицо Карла Стерна.

Я сошел с дороги, срезав угол к главной автомагистрали. Становилось прохладно. В темноте, поднимающейся от земли к небу, одиноко сияла вечерняя звезда. У меня все еще немного кружилась голова, и звезда казалась похожей на что-то, что я некогда безвозвратно потерял: на женщину или мечту.

Жалость к самому себе незаметно подкралась снова, идя за мной след в след. Она была невидима, но я вдыхал ее вкрадчивый запах. Однажды она даже потерлась, как кошка, о мои ноги, и я отшвырнул ее пинком. Деревья, растущие вдоль дороги, махали мне своими ветками и, вероятно, посмеивались надо мной.

Глава 14

Голосуя на шоссе, я остановил лишь четвертую проезжающую мимо машину, настоящий драндулет, к крыше которого была привязана пара лыж, а за рулем сидел студент, возвращающийся в Вестервуд. Я заявил ему, что попал в аварию на грунтовой дороге. Он был достаточно молод, чтобы выслушать мой рассказ, не задавая лишних вопросов, – и достаточно добр, чтобы позволить мне уснуть на заднем сиденье.

Он подвез меня прямо к приемному покою больницы Святого Джона. Дежурный хирург наложил несколько швов на мой многотрадальный череп, дал мне какое-то успокаивающее снадобье и посоветовал полежать. Я взял такси и поехал домой. Немногочисленные машины на бульваре мчались с бешеной скоростью. Бывали дни, когда я просто ненавидел город.

Дом показался мне маленьким и каким-то обветшавшим. Я включил свет во всех комнатах. Костюм Джорджа Уолла валялся в спальне на полу, и было похоже, что это сам его владелец рухнул, не добравшись до кровати. Пусть катится ко всем чертям, подумал я и повторил эту мысль вслух. Затем принял ванну, выключил везде свет и завалился спать.

Но сон не пошел мне на пользу. Меня преследовали кошмары. Бесчисленное множество меняющихся лиц, которые все время перемещались, неожиданно заполнило мою спальню. Здесь было лицо Эстер, просвечивающее сквозь лицо Джорджа. Оно расплывалось, исчезало, вновь появлялось и вновь исчезало, улыбаясь, глядя на меня из красной тьмы ничего не выражающими глазами.

Лихорадочно прометавшись в постели какое-то время, я сдался, встал, оделся и направился в гараж.

Только там я сообразил, что моей машины нет. Если полицейские в Беверли-Хиллз не увезли ее, она все еще припаркована на улице Мэнор Крест, через дорогу от дома Эстер. Пришлось опять ловить такси. Я вышел на углу, не доехав полквартила до нужного дома. Машина была там, где я ее бросил, только под щеткой стеклоочистителя белела повестка о штрафе за стоянку в неполюженном месте.

Я перешел через дорогу, чтобы осмотреть дом. Подъездная аллея была пуста, окна не освещены. Я поднялся на крыльцо и позвонил. Внутри раздалась мелодичная трель, как будто застрекотал сверчок над погасшим очагом. Блюз пустого дома, плач покинутого жилища по ушедшей девушке.

Я толкнул дверь, но она была заперта. Оглядел улицу. На перекрестках горели фонари, мягко светились окна домов, мирные обитатели которых спокойно занимались своими делами.

Обойдя дом, я через скрипучую деревянную калитку попал в обнесенный забором внутренний дворик. Он был вымощен неровными каменными плитками, между которыми буйно разрослась трава, и завален разной рухлядью. Я с трудом пробрался между кованными железными столами и распотрошенными креслами к застекленным двустворчатым дверям, ведущим в дом.

Луч карманного фонаря сквозь пыльное стекло осветил веранду, полную отвратительных теней, которые отбрасывали каучуконосы и кактусы, растущие в керамических горшках. Рукояткой фонарика я разбил одно из стекол, просунул в дыру руку и, с трудом отодвинув задвижку, открыл дверь.

Дом имел приличный вид в основном с фасада, в духе декораций на студии Граффа. Задняя половина была отдана в распоряжение призраков и пауков. Пыльная паутина висела на бамбуковой мебели и черных дубовых балках, складываясь в петли, гамаки и розетки. Я чувствовал себя как археолог, копающийся в древнем захоронении.

Через дверь в конце веранды я прошел в чулан, заполненный вещами, когда-то дорогими, а теперь – ненужным старым хламом: высокими неудобными стульями в испанском стиле, огромным роялем, оскалившим пожелтевшие клавиши, потемневшими картинами в позолоченных рамах. Из чулана был еще один выход – во внутренние помещения дома. Открыв дверь, я очутился в гостиной.

Луч фонарика высветил белые стены и потолок, а затем пол, покрытый ковром цвета слоновой кости. Низкая черно-белая секционная мебель была сгруппирована в углах комнаты. Сбоку от камина, облицованного черными плитками, лежала квадратная белая кожаная подушка для сидения. С другой стороны, на ковре, проступало расплывшееся темное пятно.

Я опустился на колени. Пятно было еще влажное, размером с большую обеденную тарелку, неопределенного цвета. Ни сильный запах моющего средства, ни другие запахи в комнате – духов, сигаретного дыма и сладковатый аромат коктейля – не могли заглушить запаха крови. Этот запах обычно стоек, и, несмотря на все старания, его трудно уничтожить.

Все еще стоя на коленях, я перевел взгляд на рельефный камин. На его решетке висел медный набор: щетка, совок, пара кузнечных мехов, – все совсем новое, похоже, еще ни разу не использованное. Но кочерги на месте не оказалось.

В стене за камином был арочный проход без двери, который, вероятно, вел в столовую. Большинство подобных домов строились по единому плану, и я не раз бывал в них. Я двинулся к арке, намереваясь осмотреть весь первый, а затем и второй этаж, как вдруг за окном раздался шум мотора. Свет фар скользнул по зашторенным окнам, выходящим на улицу. Подойдя к окну, я осторожно выглянул сквозь узенькую щелку между шторой и рамой. Старый черный «линкольн» стоял на подъездной аллее. За рулем сидел Марфельд. Его физиономия, ярко освещенная с одной стороны, выглядела вполне гротескно.

Он заглушил двигатель и вылез из машины. С другой стороны вышел Лерой Фрост. Я узнал его по суетливой неуверенной походке. Они прошли в трех или четырех футах от меня, направляясь к входной двери. Фрост нес блестящий металлический стержень, слегка опираясь на него, как на трость.

Я через арку прошел в следующую комнату. В центре ее находился полированный стол, отражающий тусклый свет, просачивающийся сквозь окна с тюлевыми занавесками. В проходе стоял высокий буфет, а в углу, за ним, стул, почти неразличимый в густой тени. Я сел на него, прижавшись спиной к стене и держа наготове пистолет.

Спустя несколько секунд я услышал, как повернулся ключ в замке входной двери, затем раздался голос Лероя Фроста. Он говорил отрывисто от волнения:

– Я возьму ключ. А где другой?

– Ланс отдал его девке.

– С его стороны глупо было так поступать.

– Но это ваша идея, шеф. Вы мне приказали не говорить с ней.

– Ну хорошо, хорошо. Как бы там ни было, она получила его. – Фрост пробормотал еще что-то неразборчивое. Я слышал, как он прошаркал в гостиную. Вдруг он взорвался: – Где здесь свет, черт тебя подери! Ты шатаешься туда-сюда и думаешь, я тоже буду всю ночь рыскать на ощупь в темноте?

В гостиной зажегся свет. Послышались шаги, и Фрост сказал:

– Ковер ты, конечно, почистил неважно.

– Я сделал все, что можно было успеть. Никто же пока не собирается разглядывать его.

– Надейся, надейся на лучшее. Ты бы хоть взял подушку да положил ее на пятно, пока оно не высохнет. Не надо, чтобы она его видела.

Я услышал, как Марфельд тащит подушку по ковру.

– Отлично, – сказал Фрост. – Теперь вытри отпечатки моих пальцев с

кочерги и повесь ее на место.

Послышался звук металла, звякнувшего о металл.

– Вы вполне уверены, шеф, что на ней не осталось следов?

– Не будь дураком, это другая кочерга. Я отыскал подходящую в магазине.

– Черт возьми, вы всегда все предусмотрите. – Марфельд просто захлебывался от восхищения. – А куда вы дели ту?

– Туда, где ее никто не найдет. Даже ты.

– Я? Зачем она мне сдалась?

– Ладно, хватит.

– Черт, вы мне не доверяете, шеф?

– Я никому не доверяю. С трудом доверяю самому себе. А теперь давай убираться отсюда.

– А как же девка? Мы не будем ее ждать?

– Нет, она придет сюда еще не скоро. И чем меньше она будет встречаться с нами, тем лучше. Ланс растолковал ей, что она должна делать. Ни к чему, чтобы она задавала нам лишние вопросы.

– Наверное, вы правы.

– Без тебя знаю. Кроме меня в этом городе никто не может покончить с шантажом. Заруби это себе на носу, если у тебя когда-нибудь появятся подобные мыслишки.

– Я что-то не пойму, шеф. Какие мыслишки вы имеете в виду? – произнес Марфельд голосом оскорбленной невинности.

– Ну, например, мысли об отставке с приличной пенсией.

– Нет, сэр. Это не для меня.

– Но все же, полагаю, тебе лучше кое-что уяснить. Если ты будешь требовать денег взаймы у меня или моих друзей, то учти – это самый легкий способ получить дыру в башке. Она будет отлично гармонировать с теми, которые у тебя уже имеются, и вполне завершит картину.

– Я знаю, мистер Фрост. Но, Боже всемогущий, я же так предан вам! Неужели я этого еще не доказал?

– Все может быть. Так ты уверен, что видел то, о чем говоришь?

– Когда, шеф?

– Сегодня после обеда, здесь.

– Боже мой, ну конечно. – Марфельд своим неповоротливым умом уловил какой-то подвох, и это его встревожило. – Господи, мистер Фрост, я никогда не стал бы вам врать.

– Еще как стал бы, если бы был в этом замешан. Довольно ловкий трюк – совершить убийство и надуть организацию, чтобы она покрывала

тебя.

– Пожалуйста, не надо так говорить, шеф. Зачем мне кого-то убивать?

– А так, ради шутки. Просто из озорства, если покажется, что останешься безнаказанным. Или захочешь сделаться героем... хотя для этого надо иметь побольше мозгов.

– Героем? – через нос выдохнул Марфельд.

– Да. Марфельд приходит на помощь и снова спасает компанию. Это просто случайное совпадение, что ты присутствовал при двух убийствах? Человек, на которого всегда можно положиться. Или ты так не думаешь?

– Это какой-то бред, шеф, честное слово. – Голос Марфельда затрепетал от искренности, затих и продолжил на новой ноте: – Я всю жизнь был верным, сначала шерифу, потом вам. Я никогда ничего не просил для себя.

– Кроме денежных вознаграждений время от времени, не так ли? – засмеялся Фрост.

Теперь, когда Марфельд всерьез испугался, Фросту стало весело. Его смех шуршал, как осенние листья в саду.

– Ладно, получишь свою премию, если мне удастся провести ее мимо ревизоров.

– Спасибо, шеф. Я думаю, это будет по-честному.

– Ну, уж конечно.

Свет погас. Входная дверь захлопнулась за ними. Я подождал, пока шум мотора «линкольна» не замер вдали, а затем поднялся по лестнице на второй этаж. Из всех комнат наверху пользовались лишь одной спальней. Ее розовые стены и кровать под розовым шелковым балдахином свидетельствовали о воплощении детской мечты девушки. По содержимому ящиков туалетного столика и стенного шкафа я понял, что хозяйка спальни тратит огромные суммы на одежду и косметику и что почти все ее вещи на месте.

Глава 15

Я покинул дом тем же путем, как и вошел в него, и поехал в Каньон. Редкие звездочки выглядывали из-за туч, несущихся по ветру вдоль горного хребта. Освещенные окна домов, разбросанных по склону, выглядели крошечными островками в океане крошечной тьмы, из которой лучи фар моего автомобиля выхватывали белую ленту дороги.

Завершив крутой поворот, я увидел далеко внизу, слева от себя, огни прибрежного городка. Казалось, одна из фосфоресцирующих воли прибора застыла, обрушившись на берег.

В доме Ланса Леонарда свет не горел. Я оставил машину на посыпанном гравием склоне, в ста ярдах от подъездной аллеи, отсыревшей и скользкой от стелющегося тумана. Парадная дверь была закрыта, и никто не ответил на мой стук.

Я попытался открыть дверь гаража. Она подалась легко, стоило мне только приподнять ручку. «Ягуар» вернулся в затон, и мотоцикл также был на своем месте. Я протиснулся между ними к боковой двери, ведущей в дом. Она тоже оказалась незапертой.

Круг света от моего фонарика двигался впереди меня по полу чулана, по кухонному линолеуму в шахматную клетку, по натертому дубовому паркету гостиной, далее скользнул вверх вдоль стеклянной стены, к которой плотно прилип ночной мрак, затем вокруг облицованного полированным камнем камина. Дымящееся в нем полено уже готово было рассыпаться в золу, но по нему еще перебежали тусклые огоньки. На каминной полке стояли подставка для трубок, коробка с табаком, часы, которые показывали без трех минут одиннадцать, и шикарная, оправленная в серебро, фотография Ланса Леонарда, улыбающегося очаровательной улыбкой хитрого кота.

Самого Ланса я нашел у входной двери. На нем был нарядный клетчатый вечерний пиджак, темно-синие брюки и бальные туфли такого же цвета. Но и а бал он не попал. Он лежал на спине, и носки его туфель были направлены в разные углы потолка. Один иссиня-черный глаз не мигая смотрел на свет фонарика. Другой был выбит пулей, прошедшей навывлет.

Я надел перчатки, встал на колени и увидел еще одну пулевую рану – на левом виске. Она не кровоточила, волосы вокруг нее были опалены, па коже – следы пороха. Опустившись на четвереньки и сдвинув в сторону

одну, закоченевшую уже, ногу убитого, я нашел стреляную медную гильзу среднего калибра. Очевидно, она рикошетом отскочила от стены или от одежды убийцы, откатилась по полу, и Леонард упал прямо на нее.

Гораздо больше времени потребовалось на поиски второй гильзы. Наконец, открыв входную дверь, я увидел ее в щели между порогом и бетонной ступенькой. Сидя на корточках в проеме двери, спиной к мертвецу, я попытался восстановить картину убийства. На первый взгляд она казалась очень простой. Кто-то, держа пистолет наготове, постучал в дверь, подождал, пока Ланс откроет, и выстрелил ему прямо в глаз. Затем, когда Ланс упал, выстрелил еще раз для пущей уверенности и ушел, захлопнув за собой автоматический замок.

Я положил гильзы на место и тщательно осмотрел дом. Гостиная была безликой, как номер в отеле. Даже трубки на каминной доске были куплены в наборе, и лишь одной из них кто-то пользовался. Табак в коробке совершенно высох. И, кроме табака, в ней ничего не было. Так же, как в ящичке для дров лежали только дрова. Передвижной бар в углу комнаты был полон всевозможных бутылок, большей частью закупоренных.

Я прошел в спальню. Передо мной предстал комод светлого дуба, до отказа забитый предметами мужского туалета из магазина Миракли Милля: штабелями рубашек, сшитых на заказ из английского поплина, шерстяного габардина и шелковой ткани в полоску, галстуками, раскрашенными вручную, носками из разноцветной шерсти, шелковыми шарфами, кашемировыми свитерами всех цветов радуги. В отдельном маленьком ящичке лежали золотые запонки и заколки для галстуков с монограммами, золотой браслет с выгравированным именем Ланса Леонарда, потускневшая медаль, которой был награжден Мануэль Торресе (как гласила надпись на обороте) за победу на промежуточных соревнованиях по легкой атлетике в средней школе города Серены, пять дорогих наручных часов и один будильник. Парень поистине спешил обогнать время.

Стоило заглянуть и в стенной шкаф. На деревянной подставке для обуви было не меньше дюжины пар туфель, а над ними висела дюжина костюмов и пиджаков, гармонирующих с туфлями по цвету. В углу стояла двустволка, а рядом грудой были навалены комиксы и детективы. Я пролистал несколько, открыв наугад: страх, похоть, ужас, убийства, кровь.

На полке в изголовье кровати лежало несколько книг другого рода. Катехизис в сафьяновом переплете, на обложке которого женской рукой было выведено: «Мануэль Торресе». Биография Джека Демпси, зачитанная до дыр, с надписью на форзаце: «Мэнни Грозный Торресе, улица Уэст Нопал, 1734, Лос-Анджелес, Калифорния, Соединенные Штаты, Западное

полушарие, планета Земля, Вселенная». Учебник разговорного английского языка, первые страницы исчерканы карандашом, в уголке на обложке – имя Леонарда Ланса.

На той же полке я обнаружил альбом, переплетенный в тисненую кожу и содержащий вырезки из газет. На первой странице была приклеена газетная фотография, на которой камера запечатлела веселого, широкоплечего, с осиной талией Ланса. Подпись гласила, что Мэнни Торресса тренирует его дядя Тони, ветеран клуба боксеров, и что, по утверждениям знатоков, у парня есть все шансы на победу в легком весе в соревнованиях на приз «Золотая перчатка». Дополнительных комментариев к подписи не было. Следующая вырезка являла собой краткий отчет о первом выступлении Ланса в качестве профессионала: он нокаутировал своего соперника в полусреднем весе во втором раунде, через две минуты после начала боя. Затем рассказывалось о двадцати последующих боях, от шести раундов до двенадцати. Но ни в одной вырезке не упоминалось о его аресте и конце спортивной карьеры.

Я положил альбом на полку и вернулся к мертвецу.

В его нагрудном кармане я нашел бумажник из крокодиловой кожи, набитый деньгами, и записную книжку ему под пару с телефонными номерами девушек от Нэшнэл-Сити до Огайо. Здесь были и Эстер Кэмпбелл, и Рина Кэмпбелл. Я записал для себя их телефонные номера в Лос-Анджелесе.

В боковом кармане пиджака лежал золотой портсигар, заполненный сигаретами с марихуаной. В том же кармане я обнаружил приглашение на имя Ланса Леонарда, эсквайра, проживающего в Каньоне Колдуотер: мистер и миссис Симон Графф просили его почтить своим присутствием римскую сатурналию, которая состоится сегодня вечером в клубе «Чэннел».

Я сложил все это обратно в его карманы и поднялся с колен. Собравшись уходить, я остановился в дверях, чтобы оглянуться еще раз. Лицо Ланса, освещенное фонариком, было цвета старой слоновой кости. Казалось, он сорвался и упал, попытавшись сделать потрясающий прыжок к самому солнцу.

– Ланс Мануэль Леонард Торресе, – произнес я вместо эпитафии.

На улице я почувствовал на своем лице холодные слезы тумана. Довольно неуклюже плюхнувшись на сиденье, я, прежде чем включить мотор, услышал шум другого двигателя, завывающего на подъеме, со стороны бульвара Вентура. Устремленные вверх лучи фар, рассеиваясь в тумане, на мгновение осветили низко несущиеся тучи и выскользнули из-

под последнего поворота. Выключив свет в своей машине, я наблюдал, как темный седан с массивным хромированным бампером решительно свернул на подъездную аллею и остановился прямо перед домом Леонарда. Передняя дверь открылась, из нее вышел мужчина и, пройдя сквозь конус света, отбрасываемого фарами, направился к входной двери. На нем был темный плащ, перетянутый в талии широким поясом, ступал он легко и твердо, Лица его я не видел, только затылок с коротким темным «ежиком».

Постучав и не получив ответа, он вытащил из кармана тускло блеснувший ключ и отпер дверь. В окнах гостиной зажегся свет, и в тот же миг я услышал громкий крик, очень похожий на карканье вороны, лишь слегка приглушенный деревянными стенами. Свет погас. Карканье еще некоторое время продолжалось в полной темноте. Но еще прежде, чем дверь отворилась снова, наступила тишина.

Человек вышел. Теперь я узнал его. Это был Карл Стерн. Несмотря на короткую стрижку и аккуратный галстук-бабочку, его лицо напоминало лицо старухи, которая вдруг лишилась всех своих близких.

Он с трудом развернул седан и пронесся мимо моей машины, даже не заметив ее. Мне еще надо было завести мотор и развернуться, но я догнал его у подножия холма. Он мчался по бульвару, не обращая внимания на светофоры, как будто за ним гнался взвод мотоциклистов. А я несся следом. Я не мог его упустить.

Вскоре мы оказались на улице Мэнор Крест. По-видимому, наше катание на «Русских горках» подходило к концу. Дом Эстер был освещен снизу доверху, в отличие от дома Ланса. На втором этаже за шторами виднелся грациозный силуэт молодой женщины.

Стерн выскочил из своего седана, не выключая двигателя, постучал в дверь, вошел и тут же вышел обратно, так что я даже не успел придумать, что мне предпринять. Он сел в машину и уехал. На сей раз я за ним не последовал. Было похоже, что Эстер вернулась домой.

Глава 16

Через разбитую дверь веранды я вошел в дом. Над головой раздавалось быстрое цоканье каблучков и девичий голосок, что-то мурлыкающий без слов. Хватаясь за перила, я поспешил взобраться по лестнице на второй этаж. Дверь спальни в конце коридора была приоткрыта, и оттуда пробивалась полоска света. Осторожно пройдя вдоль стены, я заглянул в комнату.

Девушка, стоявшая ко мне спиной, выглядела скромно: твидовая юбка и белая кофточка с короткими рукавами, светлые волосы гладко зачесаны назад. На кровати перед ней лежал открытый белый кожаный чемодан с голубой шелховой подкладкой, и девушка осторожно, укладывала в него что-то вроде черного платья.

Она выпрямилась и, чуть покачивая бедрами, прошла в другой конец комнаты. Талия у нее была удивительно тонкая и гибкая. Открыв зеркальную дверь шкафа, она принялась рыться внутри, а когда обернулась с охапкой одежды в руках, я уже был в комнате.

Девушка застыла как изваяние. Яркие платья посыпались на пол. Она отступила назад к зеркальной дверце, захлопнувшейся с резким стуком.

– Привет, Эстер. А я уже считал вас мертвой.

Она поднесла ко рту сжатый кулачок, прикусила костяшки пальцев и проговорила, не разжимая зубов:

– Кто вы?

– Меня зовут Арчер. Разве вы забыли сегодняшнее утро?

– А, так вы тот самый детектив, с которым подрался Ланс?

Я молча кивнул.

– Что вам от меня нужно?

– Хочу немного поговорить.

– Убирайтесь отсюда. – Ока перевела взгляд на телефон цвета слоновой кости, стоявший возле кровати, и добавила неуверенно: – Или я вызову полицию.

– В этом я очень сомневаюсь.

Эстер убрала руку ото рта и приложила к груди, как будто почувствовала там резкую боль. Лицо ее исказилось от гнева и страха, но она была из той породы девушек, которые выглядят привлекательно при любых обстоятельствах. Она напоминала изваянную из камня дорогую статуэтку и держалась с таким прирожденным достоинством, точно ее

красота должна была во что бы то ни стало защитить ее от всех неприятностей.

– Имейте в виду, – предупредила она, – в любую минуту сюда могут прийти мои друзья.

– Прекрасно. Я как раз торю желанием с ними познакомиться.

– Да неужели?

– Представьте себе.

– Ну что ж, пожалуйста, раз уж вы так хотите, – сказала она. – Но, если вы не возражаете, я буду продолжать укладывать вещи.

– Продолжайте, Эстер. Вы ведь Эстер Кэмпбелл, не так ли?

Она не ответила и даже не взглянула на меня. Подняла упавшие платья, бросила этот шуршащий сноп на кровать и принялась разбирать его.

– Куда же вы собрались в такой поздний час? – поинтересовался я.

– Пусть это вас не волнует.

– Но это может разволновать полицию.

– Полицию? Так идите и сообщите им, почему бы нет? Делайте что вам угодно.

– Однако вы довольно дерзки для девушки, которая спасается бегством.

– Я вовсе не спасаюсь бегством, как вы утверждаете. Не пытайтесь запугать меня.

– Значит, вы просто едете в деревню на уик-энд?

– А почему бы и нет?

– Я же слышал, как вы утром говорили Лансу, что хотели бы выйти из игры.

Она не отреагировала, как я надеялся. Ее проворные руки сворачивали в этот момент последнее платье. Я готов был восхищаться ее мужеством, но затем у меня мелькнуло сомнение. Вполне могло оказаться, что у нее в чемодане спрятан пистолет. Однако, когда она наконец повернулась ко мне, в руках у нее ничего не было.

– Так из какой игры вы хотели выйти?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, и мне это совершенно безразлично.

Ко было видно, что она нервничает все сильнее.

– Эти ваши друзья, которые должны прийти сюда... Ланс Леонард не один из них?

– Да, и вам лучше удалиться до его прихода.

– Вы уверены, что он появится?

– Скоро вы сами убедитесь.
– На это стоило бы посмотреть. Интересно, кто будет нести корзину?
– Корзину? – переспросила она высоким от волнения голосом.
– Насколько мне известно, Ланс не в состоянии больше передвигаться самостоятельно. Его можно только переносить в корзине.

Она снова схватилась за грудь. Вероятно, боль поднялась выше. Сердито передернув плечами, она попыталась проскочить между кроватью и мной. Я преградил ей путь.

– Когда вы видели его в последний раз?
– Сегодня вечером.
– В какое время?
– Я точно не помню. Несколько часов назад. Это имеет какое-то значение?

– Да, для вас имеет. И большое. Как он себя чувствовал, когда вы расстались?

– Прекрасно. А почему вы спрашиваете? С ним что-нибудь случилось?
– Послушайте, Эстер. Вы оставляете за собой следы разрушения, как Шерман^[3], прошедший по Джорджии.

– Что случилось? Он ранен?
– И очень тяжело.
– Где он?
– Пока дома. Но скоро будет в морге.
– Он умирает?
– Он мертв. Разве Карл Стерн не сообщил вам об этом?

Она отчаянно затрясла головой, но это больше походило на конвульсии, чем на жест отрицания.

– Этого не может быть. Вы сумасшедший.
– Иногда мне кажется, что я единственный, кто пока еще в своем уме.
Девушка присела на край кровати. Несколько крошечных капелек пота выступили у нее на лбу у самых волос, и она машинально смахнула их. Она смотрела на меня остановившимся взглядом, глубоко потрясенная. Если она притворялась, ее смело можно было назвать великой актрисой.

Но я полагал, что она не притворяется.
– Ваш лучший друг мертв, – повторил я еще раз. – Кто-то застрелил его.

– Вы лжете.
– Может, мне следовало принести с собой труп? Сказать, куда попали пули? Одна в висок, а другая в глаз. Или вам все уже известно? Я не хочу быть занудой.

Она наморщила лоб, углы ее рта поползли вниз, придавая ему форму трагического треугольника.

– Вы ужасный тип. Вы лжете, чтобы заставить меня все вам выложить. Вы то же самое сказали и обо мне – мол, я мертва. – У нее на глазах выступили слезы. – Вы что угодно выдумаете, чтобы вынудить меня говорить.

– А о чем вы могли бы мне рассказать, если бы пожелали?

– Я не хочу отвечать ни на один ваш вопрос.

– Подумайте немного, может быть, и захотите. Похоже, что вас просто обвели вокруг пальца.

Она ошеломленно взглянула на меня.

– Неужели вы настолько наивны, что и впрямь считаете своих приятелей приличными людьми? Ничего себе, компания! Да они же наверняка подставляют вас. Им выпал редкий шанс поймать двух зайцев: убрать Ланса и подстроить все так, чтобы вас обвинили в его убийстве.

Я использовал все свое красноречие, лихорадочно пытаюсь сориентироваться и отыскивая решение на ходу. Она жадно слушала. Затем произнесла осипшим голосом:

– Кто это мог сделать?

– Тот, кто уговорил вас ехать туда, куда вы собрались.

– Никто меня не уговаривал. Я сама решила.

– А чья это была идея? Лероя Фроста?

Ее взгляд вспыхнул и погас.

– Что Фрост приказал вам? Куда вы должны ехать?

– Это не Фрост. Со мной держал связь Ланс. Того, о чем вы твердите, просто не может быть. Он не мог спланировать свое собственное убийство.

– Конечно нет, если только он знал, что его ожидает. Но, очевидно, это не так. Они надули его так же, как и вас.

– Никто меня не надувал, – повторяла она упрямо. – Зачем им меня надувать?

– Перестаньте, Эстер, вы же не ребенок. Вы лучше меня знаете, что вы натворили.

– Я не сделала ничего противозаконного.

– У людей разные критерии, не так ли? Некоторые считают шантаж самой грязной игрой в мире.

– Шантаж?

– Оглянитесь вокруг и бросьте притворяться. Только не рассказывайте мне сказок, что Графф дарит вам все эти вещи за красивые глазки. Я достаточно повидал шантажистов, чтобы чуют их по запаху. А вы по

самую шею увязли в этой грязи.

Она инстинктивно обхватила пальцами свою грациозную шейку. По всему было видно, что ее сопротивление слабело. Она растерянно оглядела розовые стены. Постепенно ее щеки приняли тот же цвет, залившись такой неподдельной краской стыда, какую мне давно не приходилось наблюдать у современных девушек. Моя уверенность поколебалась.

– Вы все сочиняете, – еще раз повторила она.

– А что мне делать? Вы же мне ничего не говорите. Я делаю выводы из того, что вижу и слышу. Девушка бросает своего мужа, сближается с безработным боксером, который водит дружбу с гангстерами. И в мгновение ока оба при деньгах. Ланс подписывает контракт со студией, вы становитесь владелицей роскошного огромного дома в Беверли-Хиллз. А Симон Графф выступает в роли сказочной феи, осыпавшей вас своими дарами. С чего бы все это?

Она не ответила и, опустив голову, уставилась на свои руки, зажатые между колен.

– Что вы продали Граффу? – спросил я. – И какое отношение к происходящему имеет Габриэль Торресе?

Ее лицо моментально стало мертвенно-бледным, а под глазами выступили темные круги. Она совершенно погрузилась в себя. Очевидно, перед ее отрешенным взглядом встал образ убитой девушки, и это повергло ее в ужас.

– Думаю, вы знаете, кто ее убил. Если я прав, то лучше скажите мне. Пора уже сделать это, пока еще кого-нибудь не убили. Следующей жертвой можете стать вы, Эстер.

Ее губы шевельнулись, как у куклы, управляемой актером-чревовещателем.

– Я не... – Но тут воля вернулась к ней, и фраза осталась незаконченной.

Она неистово затрясла головой, так что слезы брызнули из глаз, и, закрыв лицо руками, бросилась боком на кровать. Всю ее, подобно электрическому току, сотрясал неуправляемый страх, который она больше не могла скрывать. Внутри у меня зашевелилось что-то похожее на жалость. А жалость обычно переходит либо в отвращение, либо в сочувствие.

Немного успокоившись, девушка посмотрела на меня, приподнявшись на локте и круто изогнув бедро.

– Так вы расскажете мне о Габриэль?

– Я не знаю ничего такого, что могло бы вас заинтересовать, – произнесла она слабым приглушенным голосом.

- Вам известно, кто застрелил Ланса?
- Нет. Оставьте меня в покое.
- Что сказал вам Карл Стерн?
- Ничего, У нас с ним была назначена встреча, и он просто хотел перенести ее, вот к все.
- Какая встреча?
- Это не ваше дело.
- Он намерен взять вас с собой на прогулку?
- Возможно.
- На прогулку в одну сторону?

Она, разумеется, поняла, что я имею в виду, и, вскочив, закричала срывающимся голосом: – Убирайся отсюда, садист проклятый! Я знаю таких, как ты! Я видела много раз, как сыщики из полиции мучают беспомощных людей! Если в вас есть хоть капля порядочности, уходите отсюда!

Она раскачивалась из стороны в сторону, ее груди напряглись под белой кофточкой, алые губы скривились, а глаза метали голубые молнии. Она была особенно хороша в этот момент, но кроме красоты в ней было еще кое-что, не менее привлекательное, – неподдельная искренность, которой дышал весь ее облик.

Я поймал себя на том, что утратил уверенность в правильности своих умозаключений. Девушка оказалась совсем не такой, как я ожидал. Кроме того, в обвинении, брошенном мне, была доля правды. Пожалуй, стремясь немедленно покарать зло, я сам стал слишком жесток, а к жалости, которую во мне вызывала Эстер, подмешивалось достаточно сильное влечение. Размышляя таким образом, я почувствовал себя крайне неловко. Самое лучшее было пожелать девушке доброй ночи и удалиться.

Не так-то просто любить людей и пытаться спасти их, ничего не желая взамен. Во всяком случае, у меня это не очень-то получалось.

Глава 17

Подъехав к клубу «Чэннел», я увидел, что ворота открыты настежь. Никто не вышел мне навстречу, будка охранника пустовала.

Празднество, затеянное Симоном Граффом, было в самом разгаре. Музыка и яркий свет выплескивались наружу из распахнутых окон. На площадке перед зданием стояло несколько десятков машин. Я припарковался между черным «порше» и «кадиллаком» цвета лаванды с откидным верхом и светлыми кожаными чехлами с золотой бахромой и снова прошел под перевернутой рождественской елкой красного цвета. Елка, по-видимому, что-то символизировала, но я не мог понять, что именно.

Подойдя к кабинету Бассетта, я постучал в дверь, но не получил ответа. Бассейн, освещенный сверху и снизу прожекторами, казался плитой из огромного сияющего изумруда. Гости собрались в дальнем конце, под ажурной алюминиевой вышкой для прыжков в воду. Спустившись по ступенькам, я направился туда вдоль выложенной кафелем кромки бассейна.

В основном здесь собрались молоденькие голливудские девицы, холеные и самоуверенные, в открытых вечерних платьях или купальниках, явно не предназначенных для воды. Среди мужчин я узнал Симона Граффа и Сэмми Свифта, а также спасателя-негра, с которым разговаривал сегодня утром. Все они, закинув головы, смотрели на девушку, неподвижно стоявшую на площадке десятиметровой вышки.

Спустя несколько секунд она разбежалась и взлетела в воздух, пересеченный лучами прожекторов. Ее тело согнулось, она плавно выполнила сальто в полтора оборота и, прежде чем войти в воду, превратилась из птички в рыбку. Зрители бурно зааплодировали. Один из них, проворный человек лет сорока, в смокинге, щелкнул фотоаппаратом с лампой-вспышкой, когда она поднималась по лесенке и с нее каплями стекала вода. Девушка надменно стряхнула воду с коротких черных волос и отошла в угол вытереться. Я подошел к ней.

– Прекрасный прыжок.

– Вы так думаете? – Она повернула ко мне свое загорелое лицо, и я увидел, что девушкой она была давным-давно. – Сама бы я себе дала от силы три балла. Координация была не на высоте. Когда я в форме, я делаю это сальто с винтом, но все равно, спасибо.

Она вытерла махровым полотенцем сначала одну ногу, потом другую. В ее обращении с собственным телом чувствовалась искренняя и бескорыстная привязанность, как будто она ухаживала, к примеру, за любимой лошадейю.

– Вы участвуете в соревнованиях по прыжкам в воду?

– Одно время участвовала. А почему вы спрашиваете?

– Меня просто интересует, что заставляет женщин проделывать все эти штуки. Ведь вышка такая высокая.

– Человек должен в чем-то проявить себя. Я не красавица. – Она грустно улыбнулась. – Доктор Фрей, мой друг, психиатр, утверждает, что вышка – это фаллический символ. А знаете, что говорят пловцы? Прыгун в воду – это тот же пловец, но с мозгами набекрень.

– А я-то думал, что прыгун в воду – это пловец с сильной волей.

– Так говорят сами прыгуны. А вы много знаете прыгунов в воду?

– Нет, но хотел бы. Скажите, Эстер Кэмпбелл, случайно, не ваша подруга?

Ее лицо стало замкнутым.

– Я знаю Эстер, – сказала она осторожно. – Но вряд ли могу назвать ее подругой.

– А почему?

– Это длинная история, а я замерзла.

И, резко отвернувшись, она быстрым шагом направилась к раздевалке. Ее мускулистые бедра при ходьбе оставались почти неподвижными.

Откуда-то сверху раздался громкий мужской голос:

– Прошу внимания! – Он легко перекрыл шум. – Вам предстоит стать свидетелями чуда нашего века.

Голос принадлежал седовласому пожилому человеку, стоявшему на площадке пятиметровой вышки. У него были костлявые ноги, дряблая кожа на груди, а живот, как коричневый тугий мяч, растягивал светлые шорты. Присмотревшись, я узнал Симона Граффа.

– Леди и джентльмены! – Графф приставил ко лбу ладонь и игриво огляделся. – А вообще-то, присутствуют здесь какие-нибудь леди? А джентльмены?

Женщины захихикали. Мужчины загоготали.

– Смотрите, девочки и мальчики! – прокричал Графф резким неестественным голосом. – Великий Графф-фиссимо совершает уникальный прыжок и бросает вызов смерти!

Он решительно сделал несколько шагов и прыгнул вниз, вытянув руки по швам, «солдатиком», как обычно прыгают мальчишки. Его гости

дождались, пока он появится на поверхности, и лишь затем начали аплодировать, изо всех сил хлопая и свистя.

Сэмми Свифт оказался в толпе рядом со мной. Он заметил, что я не присоединился к хору приветствий, и удивленно уставился на меня, но не узнавал, пока я не позвал его по имени. От его дыхания можно было спички зажигать.

– Лу Арчер, черт меня побери. Что ты делаешь в этой galere^[4]?

– Просто любопытствую.

– Еще бы! Кстати о любопытстве, тебе удалось встретиться с Лансом Леонардом?

– Нет. Мой друг внезапно заболел, и мы вынуждены были отказаться от интервью.

– Жаль. Парня ждет успех. Стоит о нем написать.

– Да брось заливать.

– Да-да. – Он закивал головой. – Посоветуй своему другу все же встретиться с избранником славы. Я слышал, что существуют как официальная, так и неофициальная версии его необыкновенного успеха.

– Можешь подробно рассказать о них?

– Я не знал, что ты тоже подвизаешься на репортерском поприще, Лу. В чем дело? Что ты пытаешься выведать?

Его затуманенный взор прояснился, глаза сузились. Он оказался не настолько пьян, как я думал, а тема была слишком рискованной, поэтому я уклонился от разговора.

– Я просто хотел оказать услугу приятелю.

– И сейчас ты ищешь Леонарда? Я его не видел здесь сегодня вечером.

Графф снова завопил:

– Внимание, внимание! Время попрактиковаться в спасении утопающих.

В глазах у него была пустота. Губы отвисли. Он сделал шаг к группе хихикающих девушек и выбрал одну из них – в серебристом вечернем платье. Ткнул ее в плечо указательным пальцем и громко спросил:

– Ты! Как тебя зовут?

– Марта Мэтью. – Она улыбалась в порыве восторга. Молния ударила в нее.

– Ты прелестная малышка, Марта.

– Благодарю вас. – Она преданно смотрела на него сверху вниз, длинноногая акселератка. – Большое спасибо, мистер Графф.

– Как ты смотришь на то, чтобы я спас тебя, Марта?

– Я просто в восторге.

- Тогда вперед. Прыгай!
 - А как же мое платье?
 - Можешь сиять его.
- Ее улыбка стала растерянной:
- Снять?
 - Именно так!

Она стянула платье через голову и сунула его в руки одной из подруг. Графф толкнул ее в бассейн. Проворный фотограф успел запечатлеть этот момент. Графф последовал за девушкой и подтащил ее к лесенке, стиснув поперек туловища своей волосатой рукой со вздувшимися венами. Она продолжала улыбаться. Чернокожий спасатель бесстрастно наблюдал за ними.

Я испытывал сильное желание отдубасить кого-нибудь. Но рядом никого подходящего не было, и я только отошел подальше, а Сэмми Свифт потащился следом за мной. Остановившись у другого края бассейна, мы прислонились к рельефной кадке с буйно разросшейся бегонией и закурили. В полутьме лицо Сэмми казалось худым и бледным.

- Ты довольно хорошо знаешь Симона Граффа, – заметил я.
- Его светлые глаза вспыхнули и погасли.

– Чтобы чувствовать к нему то, что чувствую я, его в самом деле надо хорошо узнать. Я изучал этого человека почти пять лет. Того, что я о нем не знаю, и не стоит знать. Но и то, что мне известно, тоже не слишком интересно. Знаешь, зачем он, к примеру, демонстрирует этот трюк со спасением утопающих? Он проделывает его на каждой вечеринке, прямо как заводной механизм, но держу пари, я один-единственный раскусил, в чем тут дело. Бьюсь об заклад, Симон даже сам не подозревает причин.

- Не сочиняй.

Сэмми напустил на себя ученый вид и сказал тоном профессора-психоаналитика:

– Сим страдает неврозом навязчивых состояний, он вынужден делать то, что делает. Его преследует мысль о девушке, которую убили в прошлом году.

- О какой еще девушке? – спросил я, пытаюсь скрыть волнение.

– Ее тогда нашли на берегу, пробитую пулями. Это произошло вот здесь, внизу. – И он указал на невидимый во тьме океан, который простирался за стеклянной стеной. – Сим был в нее по уши влюблен.

- Весьма трогательно, если это правда.

– Черт подери, уж поверь мне на слово. Я был с Симом тем утром, когда он получил известие о ее смерти. У него в кабинете стоит телетайп –

он всегда хочет знать все первым, – и когда он увидел ее имя на ленте, он побелел как полотно, лучше сравнения и не придумаешь, закрылся в ванной комнате и целый час оттуда не выходил. Когда же наконец вышел, то выглядел как с глубокого похмелья. Он очень изменился с тех пор, как девушка погибла. Как же ее звали? – Он щелкал пальцами, тщетно пытаясь вспомнить. – Вроде бы Габриэль.

– Кажется, я что-то слышал об этом. Но не была ли она слишком молода для него?

– Черт возьми, он как раз в таком возрасте, когда сходят с ума по молоденьким девушкам. Да Сим не так уж и стар. Поседел он только в этом году, очевидно, смерть девушки на него так повлияла.

– Ты уверен?

– Уверен... конечно уверен. Я видел их вместе раза два прошлой весной, а у меня не глаза, а рентгеновский аппарат, парень. Для писателя это самое важное.

– Где ты их видел?

– Да здесь, в этих местах, а один раз в Лас-Вегасе. Они лежали рядышком возле бассейна в одном из роскошных отелей и курили одну сигарету. – Он взглянул на тлеющий кончик своей собственной сигареты и щелчком отбросил ее в воду. – Может быть, мне не следовало так много болтать, но ты же не выдашь меня, и, кроме того, все это в далеком прошлом. Остались только безумные трюки со спасением утопающих. Понимаешь, он вновь и вновь разыгрывает ее смерть и каждый раз успевает спасти. Только, изволь заметить, он практикуется в бассейне с подогретой водой.

– Все это только твои фантазии.

– Да, но они не лишены смысла, – сказал он убежденно. – Я наблюдаю за ним уже несколько лет, как за мухой, которая ползает по стене, и могу утверждать, что знаю его, читаю, как книгу.

– И кто же написал эту книгу? Фрейд?

Казалось, Сэмми не слышит меня. Он уставился туда, где Графф с девушками позировал перед фотографом. Я всегда удивлялся, как фотографам не надоедает снимать.

Наконец Сэмми сказал:

– Я действительно терпеть не могу этого ублюдка.

– Что он тебе сделал?

– Не мне, а Флоберу. Я пишу сценарий о Карфагене, уже шестую версию, а Сим Графф стоит у меня за спиной. – Его голос изменился, он копировал произношение Граффа: – «Мато играет молодого героя, и мы не

может позволить ему умереть. Мы должны сохранить его живым для девушки – это элементарно. Я это понял. Она спасает и выхаживает его. Отличная мысль, правда? Мы ничего не потеряем, а завоюем любовь и восхищение публики. Понимаешь, Саламбо перевоспитает его. Парень был прежде кем-то вроде революционера. Но вот он спасен добродетельной женщиной от последствий собственной глупости. Ради нее он избавляется от варваров. Девушка наблюдает за ним с расстояния пятидесяти ярдов. Они обнимаются. И наконец женятся». – Сэмми продолжил своим собственным голосом: – Ты читал «Саламбо»?

– Давным-давно, в переводе. Я не помню сюжета.

– Тогда тебе не понять, о чем я говорю. «Саламбо» – это трагедия, основная тема которой – смерть. А Сим Графф приказывает мне закончить ее счастливым концом. И, черт меня побери, я пишу так, как он хочет! – В его голосе прозвучало неподдельное удивление. – Уже написал. Что заставляет меня издеваться над собой и Флобером? Я же преклоняюсь перед Флобером.

– Может быть, деньги? – высказал я предположение.

– Да, деньги, деньги, деньги, – несколько раз произнес он, меняя интонацию. Казалось, он пытался отыскать новые оттенки смысла этого слова.

Чувствительность, свойственная подвыпившим людям, внезапно вызвала у него слезы. Но он быстро успокоился и, слегка похлопав себя ладонями по глазам, глупо хихикнул.

– Ну что ж, бесполезно лить слезы над пролитой кровью. Не пропустить ли нам по рюмочке, а, Л у? Нет, в самом деле, по рюмочке виски?

– Подожди минутку. Тебе известна девушка по имени Эстер Кэмпбелл?

– Да, я как-то встречал ее здесь.

– Недавно?

– Нет, давно.

– Не знаешь, какие у нее отношения с Граффом?

– Не знаю и знать не хочу, – отмахнулся он. Предмет разговора причинял ему беспокойство, и он попытался укрыться за шутовством. – Никто мне ни о чем не рассказывает, я просто-напросто мальчик-интеллектуал на побегушках. Интеллектуал-неудачник. Такая вот песня.

И он начал напевать приглушенным тенором, тут же импровизируя мелодию:

– Он так достоин порицания, однако он незаменим, он объясняет, что к чему, и он один моя утеха. Это интеллектуальный, а также очень

сексуальный мальчик-лакей, которого уже ничто не может огорчить... Посмотр-ри-ка на этого щеголя.

– Посмотрел.

– Он отмечен печатью гения, старина. Я никогда тебе не рассказывал, что когда-то я был гением? Я учился в средней школе в Иллинойсе, и коэффициент моего умственного развития равнялся ста восьмидесяти трем. – Он наморщил лоб. – Что с тех пор случилось со мной? Что произошло? Я же любил людей, и у меня действительно был талант, черт меня подери. Но я ни к чему не относился всерьез, и вот приехал сюда, просто так, из озорства, стал выступать с шутками в эстрадном обозрении, получал пятьдесят семь долларов за словесную игру и' все посмеивался. А потом вдруг оказалось, что это совсем не шуточки, что это навсегда, это твоя жизнь, единственное, что у тебя есть. А Сим Графф держит тебя под башмаком, и ты больше не можешь мыслить самостоятельно. Ты уже не принадлежишь себе и не являешься самим собой.

– Так кто же ты, Сэм?

– Это уж мои проблемы. – Он засмеялся и тут же поперхнулся. – На прошлой неделе меня посетил мой собственный призрак, я видел его ясно, как в фильме, – в непристойном фильме, но не стоит обращать на это внимания. Я был кроликом, бегущим по равнине. На заднем плане. – Он засмеялся и снова закашлялся. – Противненьким, жирненьким, как сдобная булочка, кроликом с беленьким хвостиком, облизывающим свою расщепленную губу, который бежал по великой американской равнине.

– А кто гнался за тобой?

– Не знаю, – сказал он, криво усмехнувшись. – Я боялся посмотреть.

Глава 18

Графф приближался к нам с весьма самодовольным видом, окруженный своим хихикающим гаремом и евнухами. Я отвернулся и подождал, пока он не прошел мимо. Сэмми враждебно молчал.

– Нет, мне действительно необходимо выпить, – воскликнул он затем.
– Я только об этом и думаю. Что ты скажешь насчет того, чтобы присоединиться ко мне в баре?

– Может быть, попозже.

– Ну, пока. Смотри не выдавай меня.

Я дал обещание, что не выдам, и Сэмми ушел туда, где горел свет и звучала музыка.

В этот момент в бассейне никого не было, кроме чернокожего спасателя, который все еще возился под вышкой для прыжков. Он прошел мимо меня с охапкой использованных полотенец и отнес их в освещенную комнатку, расположенную за кабинами для переодевания.

Я подошел и постучал в открытую дверь. Спасатель поднял голову от большого полотняного мешка, куда он складывал грязные полотенца. На парне была серая, пропитанная потом, униформа с надписью «Клуб «Чзннел»» на груди.

– Я могу быть полезен чем-то, мистер?

– Спасибо, не беспокойся. А как поживают тропические рыбки?

Он ухмыльнулся.

– Сегодня вечером мне причиняют хлопоты не тропические рыбки, а люди. Только люди. И почему это на подобных сборищах им хочется еще и плавать? Думаю, выпивка их подстегивает. Уму непостижимо, сколько они пьют.

– Кстати, о выпивке. Твой босс, видимо, не прочь пропустить рюмочку-другую?

– Мистер Бассетт? Да, в последнее время он беспробудно пьянствует, с тех пор как умерла его мать. Тропическая рыбка. Мистер Бассетт был уж слишком ей предан. – Черное лицо было вежливым и спокойным, и только в глазах мелькнула усмешка. – Он как-то говорил мне, что она была единственной женщиной, которую он любил.

– Тем лучше для него. А ты не знаешь, где Бассетт сейчас?

– Где-то здесь. – Он помахал в воздухе рукой. – На таких вечерах он всегда ходит от одной компании к другой. Вы хотите, чтобы я разыскал его?

– Спасибо, не сейчас. Скажи пожалуйста, ты знаешь Тони Торресса?
– Конечно. Мы работаем вместе уже много лет.
– А его дочь?
– Немного знал, – ответил он сдержанно, – Она тоже работала здесь.
– А сейчас Токи все еще в клубе? Я не видел его у ворот.
– В самом деле, ночью он уходит домой, даже когда здесь бывают вечеринки. Его сменщик не явился сегодня вечером. Может быть, мистер Бассетт забыл вызвать его.

– Ты, случайно, не знаешь, где живет Тони?
– Конечно знаю. Собственно, он живет у вас под ногами. Он занимает помещение рядом с бойлерной, – переехал туда в прошлом году. Сказал мне, что по ночам начал мерзнуть.

– А ты не проводишь меня к нему?

Он взглянул на часы.

– Уже половина второго. Вы же не собираетесь будить его среди ночи?

– Собираюсь, – ответил я.

Парень пожал плечами и повел меня по коридору с нагретым воздухом, пропитанным мыльными испарениями душевых, вниз по бетонным ступенькам в жаркую, как парник, сушильную, где купальные костюмы, похожие на сброшенную змеиную кожу, висели на деревянных стойках между двумя огромными бойлерами, отапливающими бассейн и все здания клуба. Позади них я увидел как бы комнату в комнате, грубо сколоченную из больших листов фанеры.

– Тони живет здесь, потому что таково его желание, – объяснил спасатель, словно защищая его от меня. – Он не смог жить в своем доме на берегу моря и теперь сдает его в аренду. Мне кажется, не стоит его будить. Тони – старый человек и нуждается в отдыхе.

Но Тони уже проснулся. Его пятки зашлепали по полу. В щелях между листами фанеры показался свет. Тони открыл дверь и смотрел на нас прищурившись, – маленький старый человечек с большим животом, в длинной ночной рубашке, с цепочкой на шее, на которой висел, должно быть, крестик или образок.

– Простите, что поднял вас с постели. Мне нужно с вами поговорить.

– О чем? Что случилось? – Он поскреб за ухом, под взъерошенными седыми волосами.

– Ничего особенного. – Если не считать двух убийств в его семье, об одном из которых, как предполагалось, я еще не знаю. – Можно войти?

– Конечно. Я тоже хотел бы с вами поговорить. – Он широко распахнул дверь и, отступив на шаг назад, пригласил меня в свое жилище едва ли не

изысканным жестом. – А ты зайдешь, Джо?

– Нет, мне нужно вернуться наверх, – ответил спасатель.

Я поблагодарил его и вошел. Небольшая, очень жаркая комната, освещенная лампочкой без абажура на свисающем шнуре, почему-то показалась мне похожей на монашескую келью, хотя я никогда не был в настоящем монастыре. Комод, облицованный покоробившейся фанерой под дуб, железная кровать, табурет, шкаф без дверок, служивший одновременно и буфетом и шифоньером, в котором висел голубой костюм, непромокаемая куртка и чистая, тщательно выглаженная униформа. Из-под кровати, покрытой ветхими простынями из голубой фланели, выглядывал старый чемодан с медными застежками. На стене, в изголовье кровати, висели две фотографии. Одну, по-видимому, сделали в фотостудии и слегка отретушировали. Это был портрет прелестной темноволосой девушки в белом выпускном платье. Другая была цветной репродукцией с иконы деви Марии, держащей в протянутой руке ярко горящее сердце.

Тони указал мне на табуретку, а сам опустился на кровать. Все еще почесывая голову, он неподвижно уставился в пол своими черными, как антрацит, глазами. Правая рука с припухшими костяшками была сжата в кулак.

– Да, я хотел поговорить с вами, – повторил он. – Я думал об этом весь день и половину ночи. Мистер Бассетт сказал, что вы сыщик.

– Да, частный детектив.

– Угу, частный. Это мне подходит. Эти окружные полицейские, ну разве можно им доверять? Они носятся в своих ревущих автомобилях и хватают людей только за то, что у кого-то не горит задняя фара на машине, а кто-то бросил пустую банку из-под пива не в ту канаву. А когда случается что-нибудь действительно серьезное, их никогда не доищешься.

– Ну что вы, Тони, они всегда должны быть на месте.

– Возможно. Но за свою жизнь я повидал немало разного. Вроде того, например, что произошло в прошлом году в моей собственной семье.

Он медленно повернул голову влево, точно под каким-то непреодолимым давлением, пока не уперся взглядом в фотографию девушки в белом платье.

– Ведь вы, наверное, уже слышали о Габриэль, моей дочке?

– Да, слышал.

– Я нашел ее застреленной на берегу. В прошлом году, двадцать первого марта. Всю ночь ее не было дома, я думал, она ночует у подруги. А нашел ее утром, мою единственную доченьку. Ей только-только исполнилось восемнадцать.

– Мне очень жаль, Тони.

Его взгляд буравил мое лицо, измеряя глубину моего сочувствия. Широкий рот скривился, будто Тони испытывал физическую боль, давая наконец выход своим тяжелым мыслям.

– У меня сердце обливается кровью. Я во всем виноват, я предчувствовал это. Но как я мог воспитать ее один? Девочку без матери? Молодую девушку, такую хорошенькую? – Он опять посмотрел на фотографию и медленно повернулся ко мне. – Разве мог я научить ее, как себя вести?

– Что случилось с вашей женой, Тони?

– С моей женой? – Вопрос удивил его. На минуту он задумался. – Много лет тому назад она сбежала от меня. Сбежала с мужчиной, и когда последний раз я о ней слышал, она была в Сиэтле. Она всегда с ума сходила по мужикам. Думаю, Габриэль пошла в нее. Я ходил в католическую церковь, советовался, что мне делать с дочерью, которая рвется с привязи, как молодая кобыла во время течки... ну, конечно, я выразился не совсем такими словами. Священник порекомендовал мне поместить ее в монастырскую школу, но у меня не было таких средств. Требовалось слишком много денег, чтобы спасти жизнь моей дочери. – Он отвернулся и сказал, обращаясь к деве Марии: – Я подлый старый дурень.

– Вы же не могли жить за нее, Тени.

– Не мог. Но я мог держать ее взаперти, чтобы за ней присматривали порядочные люди. Я мог не подпускать Мануэля к своему дому ближе чем на пушечный выстрел.

– Он не был причастен к ее гибели?

– Когда это произошло, он сидел в тюрьме. Но он был одним из тех, кто втянул ее в распутство. Я долго ничего не замечал, он научил ее врать мне. То она ходила на баскетбольные матчи, то занималась плаванием или же гостила у подруги. А сама все это время носилась на мотоцикле и училась быть грязной... – Его губы сомкнулись на так и произнесенном слове.

Немного помолчав, он продолжал уже более спокойно:

– Та девушка, которую я видел с Мануэлем на Венецианской автостраде в открытой машине, была Эстер Кэмпбелл. Габриэль собиралась остаться ночевать у нее в ту ночь. Сегодня утром вы расспрашивали меня о Мануэле. Ваш приход заставил меня задуматься. Кто мог совершить убийство? Мануэль и эта блондинка – почему они все время вместе, можете мне ответить?

– Позже, возможно, и смогу. Но скажите мне, Тони, вы только

размышляли все это время?

– Что?

– Сегодня днем или вечером вы не уходили из клуба? Не видели своего племянника сегодня?

– Нет. Это ответ на оба вопроса.

– Сколько у вас пистолетов?

– Один.

– Какого калибра?

– Кольт, сорок пятого. – Он не мог понять, куда я клоню, и был слишком поглощен своими мыслями, чтобы возмутиться вмешательством в его личные дела. – Вот он.

С этими словами он вытащил свой пистолет из-под помятой подушки и вручил мне. Обойма была полна, и ничто не указывало на то, что из колта недавно стреляли. Во всяком случае, гильзы, которые я нашел у тела Ланса, были среднего калибра, возможно, тридцать второго. Я взвесил на руке пистолет.

– Хорошее оружие.

– Да. Око принадлежит клубу, у меня есть разрешение на пользование им.

Я отдал пистолет. Тони навел его на дверь и сухо проговорил старческим, холодным, вселяющим ужас голосом:

– Если я когда-нибудь узнаю, кто убил ее, вот что он получит. Я не буду ждать, пока бессовестные фараоны выполнят эту работу за меня. – Он наклонился вперед и легонько постучал стволом по моей руке. – Мистер, вы сыщик, отыщите убийцу, и вы получите все, что у меня есть. Деньги в банке, свыше тысячи долларов, я откладывал их все это время. Сдаваемый в аренду участок на берегу, с выкупленными закладными.

– И так далее, и так далее. Уберите пушку, Тони.

– Я был старшиной-артиллеристом во время войны и знаю, как обращаться с оружием.

– Вот и докажите это. Вряд ли я смогу что-то сделать, если вы сейчас нечаянно продырявите меня.

Он сунул пистолет под подушку и встал.

– Слишком поздно, не так ли? Прошло почти два года, это немало. И вас не интересуют подобные дела, вы заняты другим.

– Очень интересуют. Поэтому-то я и хотел с вами поговорить.

– Это то, что называется стечением обстоятельств, да? – Похоже, он гордился, что знает такие мудреные слова.

– Я не особенно доверяю случайным совпадениям. Если взглянуть

поглубже, то, скорее всего, окажется, что они далеко не случайны. И сейчас я в этом почти уверен.

– Вы имеете в виду, – медленно произнес он, – Габриэль, Мануэля и ту блондинку?

– И вас, и многое другое. Все это связано, Тони.

– Другое?

– Не будем сейчас вдаваться в подробности. Что полицейские сказали вам в марте прошлого года?

– Заявили, что нет никаких улик. Несколько дней покрутились здесь и прикрыли дело. Сказали, возможно, преступление совершил какой-нибудь грабитель, но я не верю. Какой грабитель застрелит девушку за семьдесят пять центов?

– Она была изнасилована?

Антрацитовые глаза Тони затуманились. Напрягшиеся мышцы, проступившие под смуглой кожей, как-то сразу изменили его лицо. Я увидел проблеск той бойцовской, петушиной страстности, которая помогла ему выстоять на его слабых ногах шесть раундов против самого Армстронга.

– Не изнасилована, – выдавил он с трудом. – Доктор, производивший вскрытие, сказал, что она была с мужчиной той ночью. Но я не хочу об этом говорить. Подождите, мистер.

Он наклонился и вытащил из-под кровати чемодан, поднял крышку, порылся среди сваленных в кучу рубашек, выпрямился, тяжело дыша, и протянул мне журнал с обтрепанными углами.

– Вот, возьмите, – резко бросил он. – Прочтите сами.

Это было издание в грязно-бурой обложке, содержащее отчеты о совершенных преступлениях. Я сразу же открыл его на статье, озаглавленной: «Изнасилование и убийство девушки», рассказывающей об убийстве Габриэль Торресе и проиллюстрированной фотографиями ее самой и ее отца. Один из снимков оказался довольно тусклым воспроизведением фотографии, висящей на стене. Тони был запечатлен во время разговора с помощником шерифа в штатском, подпись гласила, что это не кто иной, как Теодор Марфельд. Он явно постарел с марта прошлого года. Я начал читать отчет:

«На побережье Малибу, где весело и беззаботно проводит время все население киностолиты, опустилась благоуханная весенняя ночь. Но теплый тропический ветерок, подгоняющий волны к берегу, таил в себе угрозу, по крайней мере так казалось Тони Торрессу, выдающемуся боксеру в прошлом, а в данное время охраннику первоклассного клуба «Чэннел».

После многих лет, проведенных на ринге, его трудно было вывести из душевного равновесия, но сегодня Тони был страшно обеспокоен отсутствием своей прелестной восемнадцатилетней дочери Габриэль. Что могло задержать ее? Тони спрашивал себя снова и снова. Она обещала вернуться к полуночи. Но вот уже три часа ночи, четыре, а Габриэль все нет. Дешевый будильник Тони безжалостно отсчитывал минуты. Волны, грохочущие внизу, на побережье, казалось, отзывались эхом в его ушах, подобно гласу судьбы...»

Можно было потерять терпение, читая избитые фразы и пустые слова, которые явно свидетельствовали о том, что репортеру практически нечего сказать. Он и не сказал. Я бегло просмотрел статью до конца. Немногие конкретные факты, изложенные туманным псевдопоэтическим языком, производили жуткое впечатление.

Габриэль имела скверную репутацию. Говорили, что она была близка со многими мужчинами. В ее теле обнаружили мужскую сперму и две пули. Первая попала в бедро и нанесла неглубокую, но, видимо, мучительную рану, из-за которой она потеряла много крови. Предполагалось, что по крайней мере несколько минут прошло между первым и вторым выстрелом. Вторая пуля угодила в спину, прошла между ребрами и остановила сердце.

Обе пули были двадцать второго калибра, выпущены из одного пистолета с длинным стволом. Оружие найти не удалось. Полицейские эксперты по баллистике не могли больше ничего сказать. Теодор Марфельд заявил – его словами и заканчивалась статья: «Наши дочери должны быть защищены. И я даю слово, что раскрою это ужасное преступление, даже если мне придется посвятить этому остаток жизни. Но пока никаких определенных улик у нас нет».

Я взглянул на Тони.

– Чуткий парень этот Марфельд.

– Да уж, – Он уловил иронию. – Стало быть, вы с ним знакомы, не правда ли?

– Правда.

Я поднялся со стула. Тони взял у меня журнал, засунул обратно и ногой запихнул чемодан под кровать. Затем потянулся к выключателю, щелкнул им, и комната, до краев полная горя, погрузилась во мрак.

Глава 19

Я поднялся по лестнице и вдоль галереи прошел в кабинет Бассетта. Но там его все еще не было, и я отправился на поиски выпивки. Под вогнутой крышей внутреннего дворика танцующие пары скользили по навощенным мозаичным плиткам под музыку небольшого оркестра. «Джереми Крейн и его веселые ребята», – гласила надпись на барабане. Музыканты печальными глазами свысока смотрели на веселье внизу, играя меланхоличную мелодию Гершвина «Кто-то должен охранять меня».

Моя знакомая прыгунья в воду с оригинальной походкой, при которой бедра оставались неподвижными, танцевала с типом, производящим впечатление вечного холостяка, обожающим фотографировать все подряд. Ее бриллианты сверкали на его покатоном правом плече. Ему страшно не понравилось, когда я отнял у него партнершу, но он элегантно раскланялся.

На ней было платье тигровой расцветки с глубоким вырезом и широченной юбкой, которое ей совершенно не шло. Но танцевала она действительно с какой-то тигриной грацией. Она двигалась так, точно привыкла лидировать всегда и везде. Наш танец был вежливо-напряженным, как схватка борцов, которые не тратят слов попусту. Когда музыка стихла, я обратился к ней:

– Меня зовут Лу Арчер. Можно мне с вами поговорить?

– Почему бы нет?

Мы сели за один из мраморных столиков, отделенных стеклянной стеной от бассейна. Я предложил:

– Выпьем что-нибудь?

– Спасибо, я не пью. Вы не член клуба и не служащий Симона Граффа. Попробую угадать, кто вы. – Она постучала пальцами по своему заостренному подбородку, и ее бриллианты вспыхнули разноцветными искрами. – Репортер?

– Попробуйте еще раз.

– Полицейский?

– Или вы чересчур проникательны, или моя профессия настолько бросается в глаза.

Она, прищурившись, окинула меня взглядом и слегка улыбнулась.

– Я бы не сказала, что так уж бросается. Но вы расспрашивали меня об Эстер Кэмпбелл. Поэтому я и подумала, не полицейский ли вы.

– Не совсем понимаю ход ваших рассуждений.

- Разве? Слушайте, а почему вы ей интересовались?
- Боюсь, не могу вам ответить. Пока я вынужден молчать.
- А я нет, – заявила она. – Скажите, ее разыскивают? Хотят задержать за воровство?
- Я не говорил, что ее разыскивают.
- А надо бы. Она воровка, если хотите знать. – Губы ее скривились в язвительной усмешке. – Она украла у меня кошелек. Я его оставила в раздевалке, в своей кабинке, однажды прошлым летом. Было раннее утро, вокруг никого, кроме обслуживающего персонала, поэтому я не стала закрывать кабинку. Несколько раз прыгнула с вышки, приняла душ, а когда вернулась в раздевалку, мой кошелек исчез.
- Почему вы решили, что именно она взяла его?
- У меня нет никаких сомнений. Я видела, как она проскользнула по коридору к душевой, как раз перед тем как я обнаружила пропажу. Она как-то виновато улыбалась, а в руке держала что-то завернутое в полотенце. Я сразу поняла, в чем дело, когда увидела, что кошелек исчез. Подошла к ней и напрямик спросила, брала ли она его. Она, конечно, все отрицала, но по ее лживым глазам я поняла, что это так.
- Но лживые глаза не очень-то веская улика.
- О, это же был не единственный случай... У других членов клуба тоже пропадали вещи, и всегда это совпадало с присутствием в бассейне мисс Кэмпбелл. Я вижу, вы думаете, что у меня предвзятое мнение, но это совсем не так. Когда-то я делала все возможное, чтобы помочь этой девушке. Я считала ее своей протеже, понимаете? Поэтому меня так сильно оскорбило то, что она стащила мой кошелек. В нем лежало больше ста долларов, разрешение на занятия прыжками в воду и ключи, которые были мне очень нужны, так что пришлось срочно заказывать дубликат.
- Так вы поймали ее?
- В общем-то, да. Конечно, она ничего не признала. А кошелек тем временем где-нибудь спрятала.
- А вы сообщили о краже? – Мой голос прозвучал резче, чем мне бы хотелось.
- Она барабанила по крышке стола пальцами с аккуратно закругленными ногтями.
- Должна сказать, я не ожидала такого сурового допроса. Я добровольно сообщаю вам сведения и делаю это не потому, что желаю кому-то зла. Понимаете, я любила Эстер. Ей не везло, когда она была ребенком, и я жалела ее.
- Поэтому вы и не сообщили никому о случае с кошельком?

– Разумеется, в полицию я не сообщила. Но обсудила происшествие с мистером Бассеттом. Правда, это не дало никакого результата. Она его совершенно обворожала. Он просто не мог поверить, что она способна так поступить, пока с ним не произошло то же самое.

– А что именно?

– Эстер и его обворовала, – ответила она с невольной-торжествующей улыбкой. – То есть я не могла бы поклясться, что она это сделала, но в душе уверена. Мисс Хамблин, его секретарша, – моя подруга, и мы с ней иногда болтаем, так что я кое-что слышала. Мистер Бассетт был ужасно расстроен в тот день, когда Эстер исчезла. – Она наклонилась ко мне через стол так, что я мог видеть ложбинку между ее грудями. – Так вот, мисс Хамблин сказала мне, что он в тот же день изменил шифр на своем сейфе.

– Все это как-то расплывчато. Он что же, сообщил о краже?

– Конечно нет. Он ни слова никому не сказал. Ему было слишком стыдно, что он так в ней обманулся.

– И вы тоже никому ни слова не сказали?

– До сих пор.

– Почему же вы заговорили об этом сейчас?

Женщина молчала, только ее пальцы продолжали барабанить по столу. Уголки рта у нее опустились, нижняя часть лица приняла печальное, страдальческое выражение. Она слегка повернула голову, так что ее глаза оказались в тени.

– Потому что вы спросили меня.

– Я не спрашивал у вас ничего особенного.

– Вы говорите так, будто вы ее друг.

– А вы?

Она прикрыла лицо рукой и пробормотала:

– Я считала ее своей подругой. И простила бы ей даже кошелек. Но на прошлой неделе я встретила ее у Мирина. Подошла прямо к ней, решила забыть все обиды, понимаете? Но она отнеслась ко мне в высшей степени пренебрежительно. Притворилась, что не узнает меня. – Ее голос стал глухим и резким, а рука, закрывающая лицо, сжалась в кулак. – Поэтому я подумала, если уж она так разбогатела, что может покупать одежду у Мирина, почему бы ей не вернуть мои сто долларов?

– Вам очень нужны эти деньги?

Она даже замахала кулаком, отвергая мое предположение так решительно, как будто я уличил ее в чем-то постыдном.

– Нет, разумеется, я не нуждаюсь в деньгах. Но здесь дело принципа. – Подумав мгновение, она добавила: – Я вам ни капельки не нравлюсь, не так

ли?

Я не ожидал подобного вопроса и не был готов ответить сразу. В ней было своеобразное сочетание силы и слабости, часто встречающееся у богатых незамужних женщин.

– Мы с вами принадлежим к разным слоям общества, – сказал я наконец. – Я должен помнить об этом. Это имеет значение?

– Имеет. Но вы меня не поняли. – Она подалась вперед, ее глаза выплыли из полутьмы, а худая грудь с силой прижалась к краю стола. – Деньги для меня мало что значат. Я думала, что Эстер любит меня. Считала ее настоящей подругой. Готовила к соревнованиям по прыжкам в воду. Разрешала пользоваться бассейном отца. Однажды я даже устроила вечер в ее честь – в день ее рождения.

– Сколько же лет ей тогда исполнилось?

– Восемнадцать. В то время она была самой прелестной девушкой в мире. И самой порядочной. Не могу понять, что произошло со всей ее порядочностью?

– Такое случается со многими. Не только с ней.

– Это в мой адрес?

– Да нет, – вежливо объяснил я, – в адрес нас всех. Может быть, это результат радиоактивных осадков или чего-то еще.

Я чувствовал, что нуждаюсь в выпивке более чем когда-либо. Поблагодарил ее и, извинившись, отправился на поиски бара, вскоре увенчавшиеся успехом.

Убранство бара вполне соответствовало общему стилю клуба «Чэннел». Целую стену занимала резная стойка из красного дерева. Другие стены были украшены фресками из жизни Голливуда. В зале находилось несколько десятков подвыпивших гостей, тихо осыпающих друг друга полуночными оскорблениями и ругающих порядки филиппинских барменов. Здесь были актрисы с неподвижным масляным взором, будущие актрисы, в глазах которых застыло постоянное ожидание, какие-то типы, похожие на младших администраторов, старательно терпящие друг друга, их жены, пристально следящие друг за другом, но не забывающие мило улыбаться, и другие.

Филиппинец в белом пиджаке наконец подал мне виски с содовой. Я сел за стойку, оказавшись между двумя совершенно незнакомыми мне людьми, и невольно прислушался к разговорам. Все присутствовавшие здесь так или иначе были причастны к миру кино, а разговоры велись о телевидении. Болтали о средствах массовой информации, о черном списке и увольнении, о плате за второй показ, о том, кто получает деньги за

экспериментальные фильмы, а также о том, что говорят их менеджеры.

Мужчина справа от меня походил на старого актера, но из его слов можно было заключить, что он режиссер. Может, он и был актером, который занялся режиссерской работой. Он что-то оживленно объяснял своей соседке – блондинке с голосом как у лягушки.

– Понимаешь, это значит – с тобой что-то происходит. Ты влюблена в девушку или в парня, смотря по обстоятельствам. То есть девушка, которую он очаровывает, – не та, что на экране, а ты сама.

– Переживания, сопереживания, – проквакала она со смешком. – Почему не назвать это просто сексом?

– Это не секс. Но включает в себя элементы секса.

– Тогда я за это. За все, что включает в себя секс. Это мой собственный философский подход к жизни.

– Прекрасная философия! – воскликнул другой мужчина. – Секс и телепередачи – настоящий опиум для публики.

– А я считал марихуану опиумом для публики.

– О, марихуана – это марихуана.

Слева от меня сидела девушка. Краем глаза я взглянул на ее профиль: молодой, нежный, словно фарфоровый. Она говорила серьезно и горячо, обращаясь к мужчине, сидящему рядом, – стареющему комику, которого я видел примерно в двадцати фильмах.

– Ты сказал, что будешь поддерживать меня, чтобы я не упала, – почти прошептала она.

– Тогда я сам крепче держался на ногах.

– А еще обещал жениться на мне, если когда-нибудь отважишься на такой шаг.

– Я думал, у тебя хватит ума не принимать этого всерьез. Я уже два года на пенсии.

– Ты очень романтичен. – Она готова была заплакать.

– Это мягко выражаясь, дорогая моя. Но несмотря ни на что, у меня есть чувство ответственности. Для тебя я сделаю все, что смогу. Пожалуй, я дам тебе свой телефон. И можешь посоветовать ему прислать счет мне.

– Мне не нужен твой вонючий телефон и не нужны твои грязные деньги.

– Не упрямясь. Хочешь еще выпить?

– Да, закажи мне коктейль с синильной кислотой, – хмуро проговорила она.

– Со льдом?

Я оставил стакан недопитым. Мне захотелось немедленно выйти на

воздух. За одним из мраморных столиков во дворе, под узорной тенью бананового дерева, сидел Симон Графф со своей женой. Его седые волосы еще не высохли после душа. Он нарядился в розовую рубашку с широким красным поясом и в смокинг. На плечи миссис Графф была накинута шуба из голубой норки поверх черного вечернего платья с золотой отделкой. Такие давно уже вышли из моды. Графф что-то говорил, обращаясь к жене, со скучающим и холодно-насмешливым выражением. Ее лица я не видел. Через стеклянную стену она упорно смотрела на водную гладь бассейна.

В машине у меня был контактный микрофон, и я отправился на стоянку, чтобы взять его. Автомобилей перед зданием поубавилось, но появился один новый: седан Карла Стерна. Регистрационная карточка свидетельствовала, что машина взята напрокат. Мне было некогда осмотреть ее подробнее.

Графф все еще говорил, когда я вернулся к бассейну. Мелкие волны бились о бортики и переливались золотом. Прожекторы по-прежнему ярко освещали пустой бассейн. Скрытый от Граффа деревом, я пододвинул плетеный стул ближе к стене и приставил микрофон к гладкой поверхности стекла. Этот трюк всегда отлично срабатывал, сработал и сейчас. Я услышал голос Граффа:

– О да, конечно, это моя вина, я же твой персональный *bete noire*^[5]. Приношу свои глубокие извинения.

– Прошу тебя, Симон...

– Какой Симон? Здесь нет Симона. Я – суций дьявол, кошмарный, ужасный тип, знаменитый гулящий муж. Нет! – Он резко выкрикнул последнее слово. – Подумай минутку, Изабель, если у тебя осталась хоть капелька мозгов! Вспомни, что я для тебя сделал, какие страдания вынес и что я продолжаю терпеть. Подумай, где бы ты сейчас была, если бы не я. Я всегда старался помочь тебе...

– Это ты называешь помощью?

– Не будем спорить. Я знаю, чего ты хочешь. Знаю, с какой целью ты нападаешь на меня. – Его голос сделался совсем мягким – как сливочное масло, подсолненное слезами – Ты страдаешь и хочешь, чтобы я тоже страдал. А я отказываюсь. Ты не можешь заставить меня мучиться.

– Будь ты проклят, – быстро прошептала она.

– Будь я проклят, так? Сколько ты уже выпила?

– Какая разница?

– Ты же знаешь, что тебе нельзя пить, алкоголь – смерть для тебя. Может, мне позвонить доктору Фрею, чтобы он тебя снова запер?

– Нет! – Она была напугана до смерти. – Я не пьяна.

– Конечно. Ты – олицетворение трезвости. Ты идеал праведницы из христианского женского общества трезвости, *mens sana in corpore sano*^[6]. Но позвольте сообщить вам одну вещь, миссис Трезвость. Ты не испортишь моего праздника, несмотря ни на что. Если ты не можешь или не хочешь вести себя как хозяйка, уезжай отсюда. Токо отвезет тебя.

– Почему бы тебе не попросить ее исполнить обязанности хозяйки?

– Кого – ее? Кого ты имеешь в виду?

– Эстер Кэмпбелл, – ответила миссис Графф. – Только не рассказывай мне, что ты не встречаешься с ней.

– Исключительно в деловых целях. И имей в виду, если ты наняла сыщиков, ты пожалеешь об этом.

– Мне не нужны сыщики, у меня есть свои источники информации. Ты выкупил ее дом тоже в деловых целях? И подарил ей столько вещей тоже для дела?

– Что ты знаешь об этом доме? Ты была в нем?

– Это тебя не касается.

– Касается. – Слово вырвалось с шипением, как пар под давлением вырывается из котла. – Это как раз-таки меня касается. Так была ты в этом доме сегодня?

– Возможно.

– Отвечай мне, сумасшедшая женщина!

– Ты не имеешь права так говорить со мной! – И миссис Графф в ярости принялась обзывать его хриплым низким голосом. Казалось, она что-то ломает в себе самой, освобождая совсем иную, возможно, более сальную личность.

Внезапно умолкнув, она резко поднялась и пошла прочь, глядя прямо перед собой и никуда не сворачивая, продвигаясь среди танцующих с таким видом, будто это были всего лишь призраки, плоды ее воображения. Ударившись бедром о дверной косяк, она зашла в бар. Но сразу же вышла через другую дверь. Слабый отблеск света скользнул по ее лицу, и я заметил, что она очень бледна и встревожена. Возможно, что-то испугало ее. Она прошла вдоль края бассейна, громко стуча высокими каблуками, и скрылась в одной из кабинок.

Я отправился в другой конец бассейна и поднялся на открытую галерею. Вышка для прыжков поблескивала на фоне тумана, наплывающего с моря. Берег здесь ограждал массивный сетчатый забор. Бетонная лестница, нижние ступеньки которой были уже подточены постоянно набегающими волнами, спускалась на пляж от запертой на висячий замок калитки.

Я зажег сигарету. Пришлось заслонить ладонью огонек спички от потока холодного воздуха, поднимавшегося снизу, от воды. Казалось, что я стою на палубе медленно плывущего корабля, который держит курс в туманную мглу.

Глава 20

Вдруг за моей спиной раздался резкий женский голос. Ему ответил заглушивший его мужской баритон. Я обернулся и взглянул на сияющий пустынный бассейн. Двое стояли близко друг к другу в дрожащей полосе света, так близко, что казались одним темным, без четких очертаний, телом. Они находились ярдах в сорока от меня, но я совершенно отчетливо слышал их голоса.

– Нет! – еще раз вскрикнула женщина. – Это ты сумасшедший, а не я.

Я медленно пошел в их сторону, держась в тени.

– Я-то совсем не сумасшедший, – говорил мужчина. – Нам известно, кто здесь сумасшедший, моя дорогая.

– Оставь меня! Не прикасайся ко мне!

Я узнал голос женщины. Он принадлежал Изабель Графф. Но я не мог сообразить, с кем она разговаривает. Мужчина сказал:

– Ты – сука. Ты – грязная сука. Зачем ты это сделала? Чем он тебе не угодил?

– Я ничего не делала. Отпусти меня, мерзавец. – Она добавила несколько слов покрепче, упомянув его происхождение. Неожиданное богатство ее словарного запаса заставило меня задуматься.

Он отвечал ей глухо и неразборчиво, точно во рту у него были стеклянные шарики. Теперь я подошел достаточно близко, чтобы узнать его. Это был Карл Стерн.

Из его горла вырвался какой-то кошачий мяукающий стон, и он с силой наотмашь два раза ударил ее по лицу. Женщина протянула к нему руку со скрюченными, как когти, пальцами, но он успел перехватить ее запястье. Норковая шуба соскользнула с ее плеч и теперь лежала на полу, как большое голубое животное без головы. Я побежал, стараясь, впрочем, производить поменьше шума.

Стерн отбросил ее в сторону, и она, глухо ударившись о дверь раздевалки, сползла на пол. Он стоял над ней, этакий широкоплечий фронт в темном плаще. Зеленоватый свет как бы покрыл его голову патиной.

– Зачем ты убила его?

Рот ее открылся, закрылся, открылся еще раз, но она не произнесла ни звука. Поднятое вверх лицо с темными провалами глаз было похоже на бледный лунный диск с его пятнами. Стерн склонился над ней в бессильной ярости. Он был настолько поглощен своими чувствами, что не

замечал меня, пока я его не ударил.

Я оттолкнул его плечом, крепко схватив за руки, и быстро ощупал со всех сторон, ища оружие. Но пистолета у него не было. Брыкаясь и фыркая, как лошадь, Стерн пытался стряхнуть меня. Он и силен был как лошадь. Отчаянно вырываясь, он пинал меня по голениям, топтал носки моих туфель и в конце концов попытался укусить за руку.

Я немного ослабил хватку и, когда он повернулся ко мне лицом, ударил его кулаком в челюсть справа. Терпеть не могу мужчин, которые кусаются. Стерн рухнул ничком как подкошенный, но тотчас же неуловимым движением его рука нырнула под штанину. Он вскочил и развернулся одним прыжком, как кошка. Его глаза показались мне похожими на черные шляпки гвоздей, заколоченных в худое, словно выпиленное из фанеры лицо. Кожа вокруг рта побелела. В ярости вскинув голову, он свирепо раздувал ноздри, и они казались еще одной парой темных глаз, злобно уставившихся на меня. Конечно же, на ноге, под брюками, он носил нож, и лезвие этого ножа, дюйма в четыре длиной, нацеленное на меня, теперь торчало из его прижатого к животу кулака.

– Брось нож, Стерн.

– Сначала я выпущу тебе кишки, – Его голос стал скрипучим, как скрежет металла.

Но он не успел этого сделать. Я резко выбросил вперед правую руку и ударил его в лицо. Он качнулся в сторону. Левым хуком в челюсть я завершил комбинацию и вырубил Стерна. Он еще несколько секунд стоял, раскачиваясь, а затем рухнул во весь рост. Нож сверкнул и, звякнув, упал на кафельный пол. Я поднял и закрыл его.

Послышался звук торопливых шагов. По галерее в нашу сторону почти бежал Клэрэнс Бассетт, грудь которого тяжело вздымалась под крахмальной рубашкой.

– Господи, что здесь происходит?.

– Ничего серьезного. Мышиная возня.

Он помог миссис Графф встать. Она облокотилась о стену и поправила перекрученные чулки. Подняв ее шубу, Бассетт так почтительно и осторожно смахнул с нее пыль, будто норка в его глазах имела такое же значение, как и ее хозяйка.

Карл Стерн медленно поднялся и, все еще нетвердо держась на нотах, одарил меня тяжелым, полным ненависти взглядом.

– Кто ты такой?

– Меня зовут Арчер.

– И ты, конечно, сыщик?

– Да, и, кроме того, я считаю, что женщин бить не полагается.

– А, этаким Дон Кихот. Ты еще проклянешь себя за это, Арчер.

– Не думаю.

– Зато я думаю. У меня есть кое-какие связи. В Лос-Анджелесе для тебя карьера закончилась, понимаешь?

– Угу. Осталось оформить это документально, и я с превеликим удовольствием избавлюсь от здешнего смога.

– Кстати, о связях, – сдержанно проговорил Бассетт, обращаясь к Стерну, – вы не являетесь членом этого клуба.

– Я – гость, приглашенный членом клуба. Так что поубавьте-ка пыла.

– Вот как. А не будете ли вы любезны сообщить, чей именно вы гость?

– Симона Граффа. Я хочу видеть его. Где он?

– Я не собираюсь тревожить мистера Граффа. И позвольте мне сказать вам вот что. Уже довольно поздно, по крайней мере для некоторых. Я полагаю, вам лучше удалиться.

– Меня не интересует мнение прислуги.

– В самом деле? – Улыбка на губах Бассетта показалась мне очень странной, когда он повернулся ко мне, и я увидел выражение его глаз.

Я сказал:

– Хочешь еще раз приземлиться, Стерн? Я с большим удовольствием окажу тебе эту услугу.

Стерн молча уставился на меня, в его маленьких глазках плясали злобные огоньки. Но ничего не произошло. Постепенно огоньки исчезли, и он процедил:

– Хорошо, я ухожу. Верни мой нож.

– Если ты обещаешь перерезать им себе горло.

Он снова попытался довести себя до бешенства, но ему не хватило сил. Он выглядел ужасно измученным. Я бросил сложенный нож, он поймал его на лету, опустил в карман и, повернувшись, направился к выходу. Несколько раз он споткнулся. Бассетт шел за ним сзади, на некотором расстоянии, как полицейский надзиратель.

Я обернулся. Миссис Графф возилась с ключом у двери кабинки. Руки дрожали, не подчиняясь ей. Я повернул ключ в замке и включил свет, отразившийся от четырех сторон куполообразного потолка. Комнатка была обставлена в старомодном стиле тихоокеанского побережья: бамбуковые жалюзи на окнах, травяные циновки на полу, плетеные кресла и шезлонги. Даже бар в углу комнаты был плетеным. Две раздвигающиеся двери вели в раздевалки. Стены были задрапированы полинезийской тканью из древесной коры и увешаны репродукциями картин Руссо, по прозвищу

Таможенник, в бамбуковых рамках.

Единственной диссонирующей нотой казалась афиша, рекламирующая Ниццу, выполненная в ярких сочных красках. Миссис Графф на минуту задержалась перед ней и проговорила, ни к кому не обращаясь:

– У нас была вилла под Ниццей. Отец подарил нам ее на свадьбу. – Она рассмеялась неизвестно чему. – В те дни она была для Симона дороже всего на свете. И я тоже. А теперь он больше не берет меня с собой в Европу. Говорит, в поездках я доставляю ему одни неприятности. Но это неправда. Я веду себя смирно, как сложенное одеяло. И все-таки он один совершает трансконтинентальные перелеты, а меня оставляет здесь гнить в жаре или в холоде.

Она крепко, обеими руками, обхватила голову. Волосы торчали между пальцами, как черные неряшливые перья. Невысказанная боль, которую она пыталась сдержать, была пронзительней вопля.

– С вами все в порядке, миссис Графф?

Я осторожно дотронулся до ее спины, вернее, до голубой норки. Отодвинувшись, она сбросила шубу на кушетку. Ее спина и плечи были ослепительны, а нежная грудь в вырезе черного вечернего платья белела, как взбитые сливки. Она держалась с какой-то робкой, стыдливой гордостью, как молоденькая девушка, внезапно осознавшая прелесть своего тела.

– Вам нравится мое платье? Оно не новое. Я уже сто лет не была на вечеринках. Симон никуда меня больше с собой не берет.

– Этот противный старикашка Симон, – добавил я и повторил: – С вами все в порядке, миссис Графф?

Изабель Графф ответила мне с ослепительной кинематографической улыбкой, которая так не вязалась с отчаянием в ее глазах:

– Я прекрасно себя чувствую. Просто прекрасно.

Она сделала несколько танцевальных па, чтобы доказать это, и даже попыталась прищелкнуть пальцами, но они все еще плохо слушались ее. На белоснежных предплечьях проступили синяки, размером и цветом напоминающие виноградины сорта «Конкорд». Двигалась она механически, потом споткнулась и потеряла золотую туфельку-лодочку, но, вместо того чтобы надеть ее, скинула и вторую. Села на стул у бара и, обвив одну ногу другой, потеряла их друг о друга. Ноги в тонких светлых чулках были похожи на странных слепых зверьков телесного цвета, которые украдкой занимались любовью под подолом ее платья.

– Между прочим, – спохватилась она, – я еще не поблагодарила вас. Спасибо.

– За что?

– За спасение от того, что еще хуже моей жизни. Этот гнусный торговец наркотиками убил бы меня. Он силен как зверь, не правда ли? – Затем она с презрением добавила: – Хотя обычно их не считают сильными.

– Кого? Торговцев наркотиками?

– Голубых. Считается, что они должны быть слабыми. Так же, как все сутенеры считаются трусами, а все греки – владельцами ресторанов. Хотя, в самом деле, мой отец был греком, по крайней мере, киприотом, и, ей-Богу, он действительно держал ресторан в Ньюарке, в штате Нью-Джерси. Большие дубы вырастают из маленьких желудей. Чудеса современной науки. От жирных ложек в Ньюарке к богатству и упадку, и все в одном поколении. Это проявление современного ускоренного темпа жизни с автоматизацией всех процессов.

Она оглядела чужую ей комнату.

– Господи, лучше бы он остался на Кипре. Какая мне польза от всего этого? Я сижу в лечебной палате, занимаясь изготовлением поделок из глины и плетением циновок, проклятыми кустарными промыслами. И я же еще и плачу им. Всегда и за все расплачиваюсь я.

Казалось, она приходит в себя. Я снова попытался установить с ней контакт.

– Вы всегда столько говорите?

– Я болтаю слишком много? – Она еще раз улыбнулась мне своей ослепительной улыбкой, ее зубы так и просились наружу. – Ради Бога, скажите, а мои слова имеют хоть какой-нибудь смысл?

– Иногда.

Ее улыбка стала более естественной.

– Прошу прощения. Я часто увлекаюсь разговором и не всегда правильно подбираю слова. Возможно, смысл искажается. Как у Джеймса Джойса. Только со мной все происходит на самом деле. Вы знаете, что у его дочери была шизофрения? – Она не ждала ответа. – Иногда я в своем уме, а иногда просто кретинка, как они называют меня. – Она протянула мне руку, покрытую синяками. – Садитесь, давайте выпьем, и вы наконец-то скажете, кто вы такой.

Я представился.

– Арчер, – повторила она задумчиво, но на самом деле я не интересовал ее. Впечатления ярко вспыхивали, а затем тлели в ее сознании, как огонь под слоем пепла, раздуваемого ветром. – Я ничего особенного собой не представляю. Хотя когда-то считала себя особенной. Мой отец – Питер Гелиопулос, по крайней мере, он так себя называл, вообще-то, его

имя было гораздо длиннее и гораздо сложнее. И я тоже была гораздо сложнее. Настоящая принцесса, отец так и звал меня – Принцесса. А теперь... – Ее голос сорвался на резкий фальшивый звук. – Теперь дешевый голливудский торговец наркотиками может сбить меня с ног и спокойно уйти прочь. Да во времена моего отца с него бы заживо содрали кожу. А что делает мой муж? Он занимается бизнесом. Они партнеры, друзья-приятели. Они в здравом рассудке.

– Вы имеете в виду Карла Стерна, миссис Графф?

– Кого же еще?

– Каким бизнесом они занимаются?

– Чем занимаются в Лас-Вегасе? Азартными играми и пьяными кутежами! Я там никогда не бываю, да я и вообще нигде не бываю.

– Откуда вам известно, что Стерн торгует наркотиками?

– Сама покупала их у него, когда сбегала от врачей: и желтые «колеса», и демерол, и такие малюсенькие таблетки с красной полоской. Однако сейчас я наркотики не употребляю. Вернулась к напиткам. Единственное, что удалось доктору Фрею. – Она посмотрела прямо на меня и произнесла тоном, не терпящим возражений: – Но вы же так ничего и не выпили. Идите налейте себе, да и мне принесите тоже.

– Вы считаете, что это неплохая мысль, Изабель?

– Не говорите со мной так, будто я ребенок. Я не пьяна и могу еще держать рюмку в руках. – На ее губах появилась веселая улыбка. – Единственная проблема в том, что немного сумасшедшая. Но не в данный момент. Я на минутку расстроилась, но вы такой спокойный и приятный. Такой любезный, сердечный, доброжелательный. – Она издевалась над собой.

– Все, – сказал я.

– Все, – согласилась она. – Но вы ведь не будете смеяться надо мной? Иногда я просто сатанею – с ума схожу от злости, ну, когда задевают мое чувство собственного достоинства. Не знаю, порой мною овладевает такое нервное возбуждение, что себя не помню. Но сейчас я еще не в трансконтинентальном полете, – добавила она с кривой усмешкой. – Полет в безумное, мрачное, потустороннее ничто.

– Тем лучше для вас.

Она важно кивнула, как бы поздравляя саму себя.

– Хотя это вовсе не похоже на полет или на что-то вроде ухода и возвращения. Восприятие предметов меняется, вот и все, и я перестаю чувствовать границу между собой и кем-то другим. Когда умер отец и я увидела его в гробу, со мной случился первый припадок. Мне казалось, что

я лежу в гробу, я ощущала себя мертвой, мое тело заледенело, в моих жилах был бальзамирующий состав, и я чувяла его запах. В одно и то же время я лежала в гробу и сидела на скамье православной церкви, оплакивая свою собственную смерть. А когда они закопали его, земля – я явственно слышала, как она падает на крышку моего гроба, – душила меня, и я сама была этой землей.

Она схватила меня за руку и держалась за нее, вся дрожа.

– Не давайте говорить мне так много. Это причиняет мне вред. Сейчас я почти ушла, как тогда.

– Куда же вы ушли?

– В мою раздевалку. – Она жестом показала на одну из раздвигающихся дверей. – Какую-то долю секунды я была там, наблюдая за нами через дверь и слушая свои собственные слова. Пожалуйста, налейте мне виски. Оно пойдет мне на пользу, честное слово. Шотландское виски со льдом.

Я обошел бар, достал лед из небольшого бежевого холодильника, открыл бутылку «Джонни Уокера» и смешал в двух бокалах довольно крепкий напиток. Я чувствовал себя более спокойно по другую сторону бара. Эта женщина волновала меня – так, как волновал бы голодный ребенок, раненая птица или больная кошка. Казалось, она с трудом балансирует на грани психического срыва. И очевидно, она сама об этом знала. Я боялся сказать что-нибудь такое, что столкнуло бы ее за грань.

Она взяла бокал. Рука у нее дрожала, и кубики льда в коричневом разбавленном напитке тихонько позвякивали. Словно пытаясь продемонстрировать свое самообладание, она едва пригубила виски. Я отхлебнул из своего бокала и облокотился на крышку бара в позе опытного бармена, внимательно выслушивающего заказ.

– Так что же произошло, Изабель?

– Что произошло? Вы имеете в виду Карла Стерна?

– Да. Он вел себя ужасно грубо.

– Да, он ударил меня, – сказала она без всякой жалости к себе. Глоток виски мгновенно изменил ее настроение, как капля кислоты изменила бы цвет голубой лакмусовой бумажки. – Интересный факт с точки зрения медицины. У меня очень быстро выступают синяки. – Она внимательно рассматривала свои руки. – Держу пари, что все тело у меня сплошь покрыто такими же отметинами.

– Почему Стерн сделал это?

– Люди такого склада, как он, по своей натуре садисты, во всяком случае большинство из них.

– А вы многих знаете?

– Достаточно, чтобы судить об этом. Очевидно, я притягиваю их как магнит. Не знаю почему. А может быть, и знаю. Женщины, похожие на меня, не требовательны. Я вообще ничего никогда не требую.

– Ланс Леонард – один из них?

– Полагаю, что да. Я почти не знаю – почти не знала эту маленькую рыбешку.

– Когда-то он служил здесь спасателем.

– Я не имею ничего общего со спасателями, – проговорила она довольно резко. – В чем дело, Арчер? Я думала, мы станем друзьями, повеселимся вместе. Я никогда не развлекаюсь.

– Неужели никогда?

Ей это вовсе не казалось смешным.

– Меня запирают на замок и наказывают, а это несправедливо, – заявила она. – Однажды в жизни я действительно совершила нечто ужасное, и теперь меня винят во всем, что случается плохого. Стерн – мерзкий лжец. Я не прикасалась к его любовнику, я даже не знала, что он мертв. Зачем мне, было стрелять в него? На мне и так достаточно грехов, вполне достаточно.

– Например?

Она уставилась на меня. Ее лицо окаменело.

– Например? Вы пытаетесь что-то выведать у меня, не так ли? Пытаетесь докопаться до чего-то?

– Да, пытаюсь. Что такое ужасное вы совершили?

Что-то странное произошло с ее лицом. Один глаз лукаво прищурился, а другой широко открылся и смотрел на меня с суровым осуждением. Рот скривился в сторону прищуренного глаза, и показалась полоска белых блестящих зубов. Она пробормотала:

– Я – гадкая, гадкая, гадкая девчонка. Я следила за ними, когда они этим занимались, стояла за дверью и наблюдала. Чудеса современной науки. Я была и в комнате, и снаружи.

– И что же вы сделали?

– Я убила свою мать.

– Каким образом?

– Проклятиями, – проговорила она хитро. – Я прокляла ее. Я накликала смерть своей матери. Ну так как, мистер Любитель Задавать Вопросы, вы удовлетворены моими ответами? А может быть, вы психиатр? Это Симон нанял вас?

– Нет, нет и еще раз нет.

– И своего отца я тоже убила. Разбила ему сердце. Признаться вам и в других преступлениях? Я нарушила почти все десять заповедей. Зависть и злоба, гордыня, похоть и страсть. Я сидела дома и строила планы его смерти, мечтала его повесить, сжечь, застрелить, утопить, отравить. Сидела дома и представляла его с ними, с молодыми девушками. Воображала, как он обнимает их стройные тела и гладит их белые ноги. Сидела дома и пыталась тоже завести себе друзей – друзей-мужчин. Но мне это никогда не удавалось. Я отпугивала их. Один из них сказал мне это прямо в лицо, мерзкий педерастиска. Они пили мое виски, уходили и никогда больше не возвращались. – Она отхлебнула из своего бокала и воскликнула: – Вперед! Выпейте до дна.

– И вы тоже, Изабель. А потом я отвезу вас домой. Где вы живете?

– Рядом, на берегу. Но я пока не собираюсь уезжать. Вы же не заставите меня? Я так давно не была на вечеринках. Почему бы нам не пойти потанцевать? Может быть, на меня противно смотреть, но танцую я хорошо.

– Вы очень красивы, но я не особенно ловкий танцор.

– Я безобразна, – твердила она. – Не смейтесь надо мной. Я знаю, что я некрасива. Я знала это всегда, с самого детства. И никто никогда не любил меня по-настоящему.

Дверь за ее спиной широко распахнулась. В проеме стоял Симон Графф с совершенно неподвижным, окаменевшим лицом.

– Изабель! Что это за вальпургиева ночь! Что ты здесь делаешь?

Умолкнув, она на мгновение оцепенела. Затем медленно и осторожно повернулась, встала со стула и замерла, высокомерно вздернув голову. Бокал дрожал в ее руке.

– Что я делаю? Выбалтываю свои секреты. Поверю свои маленькие гнусные тайны моему дорогому новому другу.

– Ты дура. Поехали домой.

Графф быстро шагнул к ней. Не двигаясь с места, она вдруг швырнула свой бокал, целясь ему в голову, но промахнулась. Бокал пролетел мимо и, ударившись о стену рядом с дверью, разбился на мелкие осколки. Брызги попали Граффу в лицо.

– Сумасшедшая, – процедил он сквозь зубы. – Ты сейчас же поедешь со мной домой. И я вызову доктора Фрея.

– Почему это? Ты мне не отец. – Она повернулась ко мне. Ее лицо все еще было искривлено жутковатой застывшей усмешкой.

– Я должна ехать с ним?

– Не знаю. Он ваш законный опекун?

Графф ответил вместо нее:

– Да, конечно. А вы лучше держитесь подальше отсюда.

Он снова обратился к жене:

– Ты же знаешь, что тебе будет очень плохо, да и всем нам, если ты попытаешься освободиться от меня. Тогда ты действительно погибнешь. – В его голосе появились новые нотки. В нем звучали великодушные, усталость и безысходная грусть.

– Я уже погибла. Что еще женщина может потерять?

– Узнаешь, Изабель. Если не поедешь со мной и не будешь делать то, что я тебе скажу.

– Такое обращение давно вышло из моды, – не вытерпел я. –

– Еще раз говорю вам, не лезьте не в свое дело. – Он смотрел куда-то поверх моей головы таким тяжелым, ледяным взглядом, что макушкой я даже почувствовал холодок. – Эта женщина – моя жена.

– Ей повезло.

– Кто вы?

Я назвался.

– Что вы делаете здесь, в клубе, на этом вечере?

– Изучаю животных.

– Я спрашиваю серьезно и требую точного ответа.

– Попытайтесь избрать другой тон и, может быть, вы его получите. – Я обошел бар и встал рядом с Изабель. – Вас избаловали подхалимы, среди которых вы провели всю свою жизнь. Я же человек несговорчивый.

Он посмотрел на меня с неподдельным удивлением. Наверное, впервые за много лет кто-то осмелился возражать ему. Затем он вдруг вспомнил, что должен быть в ярости, и повернулся к жене:

– Он пришел сюда с тобой?

– Нет. – В ее голосе послышалась робость. – Я думала, он один из твоих гостей.

– Что он делает в этой комнате?

– Я предложила ему выпить. Он помог мне, когда меня ударил мужчина. – Теперь, когда ее возбуждение улеглось, она говорила робко, почти жалобно.

– Кто тебя ударил?

– Ваш друг, Карл Стерн, – снова вмешался я. – Он буквально набросился на нас с кулаками, толкнул на пол. Мы с Бассеттом вышвырнули его отсюда.

– Вы его вышвырнули? – Удивление Граффа перешло в ярость, которая опять обратилась против жены. – И ты допустила это, Изабель?

Нагнув голову, она приняла неуклюже-задиристый вид, раскачиваясь на одной ноге, как школьница.

– Вы что, неправильно меня поняли, Графф? Или вы не возражаете, когда всякие бандиты издеваются над вашей женой?

– Я сам позабочусь о своей жене, по собственному усмотрению. У нее немного расстроена психика, иногда ей требуется решительное обращение. Вам тут нечего делать. Уходите.

– Сначала я допью свое виски. – Меня интересовал еще один вопрос. – Что вы сделали с Джорджем Уоллом?

– С Джорджем Уоллом? Я не знаю никакого Джорджа Уолла.

– Зато ваши парни прекрасно знают – Фрост, Марфельд и Лэшмен.

Мне все-таки удалось привлечь его внимание.

– Кто такой этот Джордж Уолл?

– Муж Эстер.

– Не знаю никакой Эстер.

Миссис Графф искоса метнула да мужа быстрый хмурый взгляд, но ничего не сказала. Я смотрел на него

в упор, пытаюсь привести в замешательство. Глаза Граффа походили на тусклые отверстия, в которых можно было увидеть только мрачную необитаемую пустоту.

– А вы лжец, Графф.

Он покраснел до ушей, но краска тут же схлынула с его лица, и оно приняло мертвенно-бледный оттенок. Подойдя к двери, он громким дрожащим голосом позвал Бассетта. Когда Бассетт появился, Графф сказал:

– Я хочу, чтобы этот человек убрался отсюда. Я не позволю, чтобы всякие головорезы...

– Мистер Арчер совсем не головорез, – сдержанно произнес Бассетт.

– Он ваш друг?

– Да, я считаю его другом. Скажем, недавним другом. Мистер Арчер – частный детектив, которого я пригласил, исходя из личных соображений.

– Из каких это личных соображений?

– Какой-то сумасшедший угрожал мне прошлой ночью. И я попросил мистера Арчера заняться этим делом.

– В таком случае скажите ему, чтобы он оставил моих друзей в покое. Карл Стерн – мой компаньон, и я хочу, чтобы с ним обращались уважительно.

Глаза Бассетта заблестели от волнения, голос дрогнул, но он не сдавался:

– Я – управляющий этого клуба. И пока я им являюсь, я буду требовать

от посетителей соблюдения порядка – неважно, чьи они друзья.

Изабель рассмеялась неприятным металлическим смешком. Оказывается, она уселась на свою шубу и теперь нервно выщипывала из нее мех.

Графф сжал кулаки и весь затрясся от гнева.

– Убирайтесь отсюда вон!

– Пойдемте, мистер Арчер. Предоставим мистеру Граффу возможность немного прийти в себя.

Бассетт был бледен. Он явно перепугался, но старался не подавать виду. Я и не предполагал, что он способен держаться так мужественно.

Глава 21

Пройдя вдоль галереи, мы свернули в кабинет Бассетта. Управляющий шел с подчеркнuto решительным видом, высоко подняв плечи. И все-таки он казался лишенным собственной воли, как будто его движениями управляло что-то извне.

Вытащив стаканы и бутылку, он налил мне крепкого виски, а себе еще крепче. Это была уже другая бутылка, не та, которую я видел утром, и она была почти пуста. Однако пьянство в течение целого дня, долгого, как череда лет, каким-то непостижимым образом пошло Бассетту на пользу. Он утратил свою юношескую застенчивость и вообще не притворялся моложе, чем он есть. Его лицо с высоким крутым лбом осунулось и похудело за несколько последних часов.

– Вот это было представление! – ободряюще воскликнул я. – А я-то думал, вы немного боитесь Граффа.

– Вы правы, я его боюсь, когда абсолютно трезвый. Он же в совете опекунов не последнее лицо и, можно сказать, контролирует мою работу. Но существует какой-то предел, выше которого чувствуешь себя бесстрашным.

– Надеюсь, у вас из-за меня не будет неприятностей.

– Не беспокойтесь. Я достаточно взрослый, чтобы позаботиться о себе.

– Он указал мне на стул, а сам сел за свой стол, не выпуская из руки стакан с неразбавленным виски. Он пил и исподлобья смотрел на меня. – Что привело вас опять сюда, дружище? Случилось что-нибудь новенькое?

– Много чего. Я видел Эстер сегодня вечером.

Он взглянул на меня так, будто я сообщил ему, что встретился с привидением.

– Вы видели ее? Где?

– В ее доме на Беверли-Хиллз. Я говорил с ней. Но это ни к чему не привело.

– Сегодня вечером?

– Да, около полуночи.

– Значит, она жива?

– Если, конечно, это был не ее дух. А вы считали ее мертвой?

Прошло какое-то время, прежде чем он ответил. Его глаза подернулись влагой и как бы потускнели. С ним происходило что-то непонятное. Быть может, с души у него упала тяжесть?

– Да, правда, я ужасно боялся, что ее уже нет в живых. Я весь день думал, вдруг Джордж Уолл убьет ее.

– Ерунда. Уолл сам исчез. Должно быть, попал в переplet. Возможно, люди Граффа убили его самого.

Но Бассетта не интересовал Уолл. Он вышел из-за стола и положил мне на плечо вдруг потяжелевшую руку.

– Вы меня не обманываете? Вы уверены, что с Эстер все нормально?

– Два часа назад она была в полном порядке, по крайней мере физически. Я не знаю, что о ней думать. Она производит впечатление порядочной девушки, но в то же время она, похоже, связана с самой паршивой шайкой на всем Юго-Западе. Например, с Карлом Стерном. А вы какого мнения о ней, Бассетт?

– Не знаю, что и сказать.

Он облокотился о стол, прижал ладонь ко лбу, затем провел ею по своему длинному лицу и, медленно подняв веки, посмотрел мне прямо в глаза. Я физически ощутил тупую боль, которой был полон его взгляд.

– Вы любили ее, верно?

– Очень любил. Думаю, вам будет не так-то легко понять мое отношение к этой девушке. Больше всего оно походило на отеческую любовь, лишенную какой бы то ни было чувственности. Я знал Эстер с детства, так же как и ее сестру. Их отец был членом нашего клуба, одним из моих самых близких друзей.

– Вы живете здесь уже так давно?

– Я двадцать пять лет работаю управляющим этого клуба. А когда-то был его привилегированным членом. Сначала нас было двадцать пять человек, и каждый вложил по сорок тысяч долларов.

– И вы тоже?

– Разумеется. Одно время мы были обеспеченными людьми – моя мать и я. Кризис двадцать девятого года практически разорил нас. Когда это случилось, мои друзья в клубе предложили мне место управляющего. Это первая и единственная работа, которой я занимаюсь.

– А что же произошло с Кэмпбеллом?

– Он допился до смерти. Собственно говоря, теперь я делаю то же самое, только медленнее. – Мрачно усмехнувшись, он поднял стакан и залпом осушил его. – Жена Кэмпбелла оказалась глупой женщиной и совершенно непрактичной. После смерти Раймонда его семья жила в Каньоне Топанга. Я старался, как мог, помочь двум девчушкам, оставшимся без отца.

– В прошлый раз вы не рассказали мне всего этого.

– Не рассказал. Не так уж я воспитан, чтобы афишировать свою филантропическую деятельность.

Его речь сделалась официальной и несколько туманной. Видимо, виски действовало на него. Он медленно перевел взгляд с моего лица па бутылку и обратно, и даже это движение явно стоило ему усилий. Я отрицательно покачал головой. Тогда Бассетт плеснул виски только в свой стакан и отхлебнул из него. Я подумал, что, если он не снизит темпа, его тоска, скорее всего, примет какую-нибудь неожиданную форму. Алкоголь может сыграть плохую шутку с тем, кто ищет в нем забвения. На какое-то время он уносит вас из реальности, но затем всегда возвращает назад – и дорога тянется между холмами адского пепла.

И пока он еще не скрылся в водах Леты, я наугад бросил вопросик, как рыболовный гарпун:

– Эстер обманула вас?

Бассетт казался ошеломленным. Он попытался уйти от ответа, подбирая слова с осторожностью, усиленной алкоголем.

– Боже мой, о чем вы говорите?

– Я слышал, будто Эстер что-то украла у вас перед тем, как уехать отсюда.

– Украла у меня? Какая чепуха!

– Так она не лазила в ваш сейф?

– Бог ты мой, ну конечно нет. Эстер не способна на такой поступок. Правда, у меня и красть нечего. Знаете, мы не держим наличных здесь, в клубе, все расчеты ведутся по счетам...

– Меня это не интересует. Все, что я хотел услышать, – заверение, что Эстер ничего не стащила из вашего сейфа в сентябре.

– Конечно нет. Ума не приложу, кто мог такое сказать. У людей злые языки. – Он наклонился ко мне, слегка качнувшись. – Кто это был?

– Неважно.

– Нет, очень важно. Вы должны проверять свои источники, дружище. А иначе подорвете репутацию. Как вы думаете, что из себя представляет Эстер?

– Как раз это я и пытаюсь выяснить. Вы знаете ее лучше других и утверждаете, что она не может украсть.

– Во всяком случае, у меня.

– А у других?

– Я не знаю наверняка, на что она способна.

– А она решится на шантаж?

– Должен заметить, вы задаете нелепые вопросы.

– Еще вчера вы не считали шантаж чем-то невозможным. Вы должны быть со мной предельно откровенны. Симона Граффа кто-нибудь шантажировал?

Он решительно покачал головой.

– Чем можно шантажировать мистера Граффа?

Я взглянул на фотографию, запечатлевшую трех прыгунов в воду.

– Габриэль Торресе. Я слышал, что у нее с Граффом была связь.

– Какая связь?

– Не притворяйтесь, Клэрэнс. Вы совсем не дурак. Вы знали эту девушку. Она работала здесь. Между ней и Граффом что-то было, и вы не могли об этом не слышать.

– Если между ними что-то и было, – бесстрастно проговорил Бассетт, – мне об этом ничего не известно. – Он задумался на несколько секунд, медленно покачиваясь из стороны в сторону. – Бог ты мой, уж не думаете ли вы, что он убил се?

– Все может быть. Но я имел в виду миссис Графф.

Бассетт молчал, угрюмо уставившись на меня.

– Что за ужасная мысль, – наконец выдавил он.

– Вы бы сказали то же самое, если бы хотели выгородить их.

– Но это же сов-вершенно... – Запнувшись, он скривился и начал снова: – Но это же совершенно абсурдно и смешно.

– Почему? В припадке безумия Изабель вполне могла совершить убийство, тем более что мотив для этого у нее был.

– Она не сумасшедшая. Она... одно время она страдала эмоциональной неустойчивостью.

– Ее помещали в лечебницу?

– Вряд ли. Правда, иногда она проводит какое-то время в частной клинике. У доктора Фрея в Санта-Монике.

– Когда она была там последний раз?

– В прошлом году.

– В начале или в конце года?

– Весь год. Так что сами видите. – Он помахал рукой перед лицом, как бы отгоняя надоедливую муху. – Это просто невозможно. Изабель была под замком, когда застрелили девушку. Абсолютно исключено.

– Вы уверены?

– Разумеется. Я регулярно ее навещал.

– Изабель – ваш близкий друг?

– Да. Очень близкий.

– Настолько близкий, что можно и солгать в его пользу?

– Не говорите чепухи. Изабель и мухи не обидела бы.

Его глаза затуманились, язык заплетался, но стакан он держал твердо. Залпом осушив его, он присел на край стола, слегка покачиваясь и сжимая стакан обеими руками, точно он был его единственной опорой.

– Очень близкий друг, – повторил он мечтательно. – Бедняжка Изабель. У нее трагичная история. Ее мать умерла совсем молодой. Отец дал ей все, кроме любви. А она так нуждалась в сочувствии, ей требовалось, чтобы хоть кто-то выслушал ее. И я попытался стать ее другом.

– Вы?

Он печально и задумчиво посмотрел на меня. Временный подъем, вызванный виски, уже проходил. Лицо Бассетта приняло оттенок вареного мяса, тонкие волосы рассыпались и упали на лоб. Он с трудом оторвал одну руку от стакана, чтобы откинуть волосы назад.

– Я понимаю, что вам трудно поверить. Но это же происходило двадцать лет назад. Не всегда ведь я был стариком. К тому же Изабель нравились мужчины старше ее. Она была предана своему отцу, но между ними никогда не было того взаимопонимания, в котором она нуждалась. Тогда ее только что исключили из колледжа, в третий или четвертый раз. Она была ужасно замкнутой и проводила дни напролет здесь, на пляже, в одиночестве. Мы познакомились, и постепенно она привыкла беседовать со мной. Мы проговорили все лето, до самой глубокой осени. Она ужасно не хотела возвращаться в колледж, не хотела расставаться со мной, так как влюбилась в меня.

– Вы шутите.

Я нарочно дразнил его, и он отреагировал с остротой, вызванной слишком большой дозой алкоголя. Лицо его вспыхнуло, на щеках проступили старческие багровые жилки. С трудом сдерживая обиду и гнев, он произнес дрожащим голосом:

– Истинная правда, она любила меня. Мне тоже немало пришлось пережить, и я был единственным, кто мог понять ее. Она уважала меня. Между прочим, я окончил Гарвард, это вам известно? А в первую мировую войну провел три года во Франции, служил санитаром.

Я подумал, что ему лет шестьдесят. Значит, когда они встретились, ему было сорок, а Изабель около двадцати.

– А какие чувства вы испытывали к ней? Тоже отеческие?

– Я любил ее. Она и моя мать – вот две женщины, которых я действительно любил. И я бы женился на Изабель, если бы ее отец не отказал наотрез. Питер Гелиопулос отверг меня.

– И выдал ее за Симона Граффа.

– Да, за Симона Граффа. – Он содрогнулся от наплыва чувств – слабый и робкий человек, который редко позволяет своим эмоциям вырываться наружу. – За самоуверенного карьериста, блудника и мошенника. Я знал Симона Граффа, когда он был простым иммигрантом и ничего собой не представлял. Помощник режиссера халтурных вестернов. У него тогда был сдин-единственный приличный костюм. Но я к нему хорошо относился. А он делал вид, что я ему нравлюсь. Я ссужал ему деньги, ввел рядовым членом в наш клуб, представил влиятельным людям. Господи, это же я и познакомил его с Гелиопулосом. Два года Графф работал у него на студии режиссером-постановщиком, а потом женился на Изабель. Все, что у него есть, чего он добился, пришло к нему с этой женитьбой. И у него хватает совести так обращаться с ней.

Он встал и попытался подчеркнуть свои слова широким гневным жестом, который отбросил его в сторону, к стене. Выронив стакан, он обеими руками уперся в стену, чтобы удержаться на ногах. Однако ему, вероятно, показалось, что стена падает на него. В действительности он сам, врезавшись лбом в штукатурку, согнулся пополам и с глухим звуком уселся на пол, покрытый ковром. Теперь Бассетт смотрел на меня снизу вверх, глупо хихикая. Собственно, прямо на меня был устремлен только один его глубоко запавший голубой глаз, а другой закатился, отчего лицо его приняло странное сомнамбулическое выражение.

– Сильно кружится голова, – сообщил он как бы в свое оправдание.

– Надо уменьшить дозу.

Я взял его под мышки, приподнял и подтащил к креслу. Он свалился как мешок, руки свесились, касаясь пола, а подбородок уткнулся в грудь. Ему наконец удалось остановить свой блуждающий взгляд – разумеется, на бутылке, и он протянул к ней руку. На дне оставалось пять или шесть унций виски. Я испугался. Этого было вполне достаточно, чтобы окончательно вывести его из строя или же вовсе убить. Поэтому я быстро взял бутылку, заткнул пробкой и поставил в бар. Ключ от бара торчал в замке. Я повернул его и опустил к себе в карман.

– По какому праву вы конфискуете мою выпивку? – Бассетт с таким трудом ворочал языком, что был похож на верблюда, жующего жвачку. – Это противозаконная конфискация. Я требую соблюдать закон о неприкосновенности личности.

Он попытался дотянуться до моего стакана. Но я успел перехватить его и отставить в сторону.

– Клэрэнс, вам уже достаточно.

– Позвольте мне судить самому. Я решительный человек, особенный

человек. Человек, который спокойно выпивает в день по бутылке, ей-Богу. Перепью вас запросто.

– Не сомневаюсь. Но вернемся к Симону Граффу. Кажется, вы его недолюбливаете?

– Я ненавижу его, – процедил он сквозь зубы. – Будем откровенны. Он украл у меня единственную женщину, которую я любил. Кроме матери. А также украл моего метрдотеля. Лучшего метрдотеля на всем побережье, моего Стефана. Они предложили ему двойную оплату и сманили в Лас-Вегас.

– Кто они?

– Графф и Стерн. Он им потребовался в их так называемом клубе.

– Кстати, о них – почему Графф терпит наглость этого бандита?

– Ну, это самый трудный вопрос, на который у меня нет ответа. Но если бы даже я и знал, вам бы ни за что не сказал. Потому что я ведь не правлюсь вам, да?

– Ну что вы, Клэрэнс. Встряхнитесь. Вы мне очень нравитесь.

– Ложь. Жестокая и бесчеловечная. – Две слезинки выкатились из уголков его голубых затуманенных глаз и скатились вниз, блеснув, как маленькие серебряные пульки, и оставив на щеках влажные дорожки. – Не даете мне выпить. Заставляете меня говорить, а выпивку спрятали. Так нечестно, это гнусно.

– Прошу прощения. Но на сегодня виски достаточно. Вы же не хотите убить себя.

– А почему бы и нет? Один-единешенек во всем мире. Никто меня не любит. – Он внезапно залился такими обильными слезами, что все его лицо сразу стало мокрым. Судорожные рыдания жестоко сотрясали его, как будто из его щуплого тела пыталось прорваться наружу нечто огромное.

Это было не очень приятное зрелище. И я собрался уходить.

– Не оставляйте меня, – с трудом выговорил он. – Не оставляйте меня одного.

Он вылез из-за стола, пытаясь меня удержать, но споткнулся обо что-то – о какую-то невидимую проволоку – и в полный рост растянулся на ковре, уже ничего не видя, не слыша и не говоря. Я повернул его голову так, чтобы он не задохнулся, и вышел.

Глава 22

Стало заметно прохладнее. Из бара все еще доносились смех и звон бокалов, но оркестра во дворе уже не было. Чья-то машина медленно, словно с трудом, выбиралась по подъездной аллее вверх, на автостраду, за ней еще одна. Компания разъезжалась по домам.

В комнате спасателя, за кабинками для переодевания, горел свет. Я заглянул в дверь. Молодой негр читал книгу. Увидев меня, он захлопнул ее и поднялся со стула. Я прочитал название книги – «Основы социологии».

– Как поздно ты читаешь.

– Лучше поздно, чем никогда.

– Что вы обычно делаете с Бассеттом, когда он напивается до потери сознания?

– Он опять отключился? Где он?

– На полу своего кабинета. Его можно где-нибудь здесь уложить в постель?

– Да, в задней комнате. – Скорчив смиренную физиономию, он шутовски изобразил христианскую любовь к ближнему. – Думаю, я должен помочь ему, не так ли?

– Ты справишься один?

– У меня большая практика. – И он улыбнулся мне, не так официально, как раньше. – Вы друг мистера Бассетта?

– Не совсем.

– Он предложил вам какую-то работу?

– Ты прав, дружище.

– Здесь, в клубе?

– Отчасти.

Он был слишком вежлив, чтобы продолжать расспросы.

– Я вот что скажу. Пока я буду укладывать мистера Бассетта, оставайтесь здесь, а я вернусь и приготовлю вам чашечку кофе.

– От кофе не откажусь. Кстати, меня зовут Лу Арчер.

– А меня Джозеф Тобиас. – И он словно клещами стиснул мою руку. – Пожалуйста, подождите немного.

Он быстро вышел, Я осмотрелся. Комнатка была забита разноцветными зонтами, штабелями сложенных шезлонгов, надувными пластиковыми поплавками, из которых был выпущен воздух, и пляжными мячами. Разложив один шезлонг, я с наслаждением растянулся на нем.

Усталость свалила меня лучше пентонала. Почти мгновенно я уснул.

Когда я проснулся, Джозеф стоял рядом со мной. Он открыл электрический щит на стене, передвинул несколько рычажков, и мгла за открытой дверью стала непроницаемой. Обернувшись, он посмотрел на меня.

– Не хотел вас будить. Вы выглядите таким уставшим.

– А ты никогда не устаешь?

– Нет. Почему-то никогда. Правда, было время, когда я страшно уставал, – в Корее. Там я просто валился с ног от усталости, ведя свой джип по непролазной грязи. Будете сейчас пить ваш кофе?

– Пожалуй.

Он привел меня в ярко освещенную комнату с ослепительно белыми стенами, на двери которой было написано: «Закусочная». За стойкой, в стеклянной кофеварке, булькала вода. Электрические часы на стене торопливо и жадно откусывали маленькие кусочки времени. Было без пятнадцати четыре утра.

Я уселся на высокий табурет с мягким сиденьем. Тобиас перепрыгнул через стойку и, приземлившись, повернулся ко мне, напустив на себя каменно-непроницаемый вид.

– Кучулайн – ирландская гончая, – вдруг воскликнул он, немного изменив голос. – Когда Кучулайн чувствовал себя уставшим и измученным после боев, он спускался на берег реки и упражнялся в прыжках и беге. Таким образом он отдыхал. – И без всякого перерыва продолжал: – Я включил рашпер на тот случай, если мы захотим поджарить яйца. Я лично съел бы две или три штуки.

– Я тоже.

– Три?

– Три.

– А как насчет того, чтобы сначала выпить по стаканчику томатного сока? Он хорошо прочищает глотку.

– Прекрасно.

Он открыл большую банку и наполнил два стакана. Подняв свой стакан, я посмотрел на него. И зря. Темнокрасный цвет жидкости в фосфоресцирующем свете казался особенно густым. Я поставил стакан.

– Что-то не так?

– Нет, все в порядке, – проговорил я довольно неуверенно.

Джо всерьез расстроился. Ему показалось, что он недостаточно гостеприимен.

– Что такое? Может быть, что-то попало в сок? – Он перегнулся через

стойку, озабоченно наморщив лоб. – Я сию минуту открыл банку. Если что и попало, так только на консервном заводе. Хозяева некоторых из этих огромных корпораций думают, что могут безнаказанно выпускать некачественную продукцию. Я открою другую банку.

– Не беспокойся.

Я залпом выпил красную жидкость. На вкус она оказалась действительно томатным соком.

– Все нормально?

– Очень вкусно.

– Я уже испугался, что с соком что-то случилось.

– С ним – нет. Что-то случилось со мной.

Он вынул из холодильника шесть яиц и разбил их над рашпером. Они уютно зашипели, сразу же став белыми по краям. Тобиас сказал через плечо:

– То, что я сказал о больших корпорациях, остается в силе. Массовое производство и массовый сбыт существуют в конечном счете для общественной выгоды, но их теперешние объемы зачастую не соответствуют истинным потребностям общества. Мы достигли того момента, когда необходимо учитывать общественные интересы. Вы как любите яйца?

– Вкрутую.

– Вот вам вкрутую. – Он снял с помощью лопаточки яйца и вставил в тостер четыре куска хлеба. – Вы сами намажете маслом тосты или мне их намазать? У меня есть специальная кисточка для масла. Но лично я предпочитаю нож.

– Намажь уж лучше ты за меня.

– Хорошо. А какой кофе вам нравится?

– В это время ночи – или, скорее, утра – черный. У тебя здесь прямо первоклассное обслуживание.

– Стараемся угодить, – улыбнулся он. – Я работал барменом в автобусе-буфете до того, как устроился в клуб. Зарплата та же, зато у меня остается больше времени для занятий.

– Ты ведь студент, да?

– Да. – Он подал яйца и налил кофе. – Держу пари, вы удивлены, что я с такой легкостью выражаю свои мысли.

– Ты угадал. Еще как удивлен.

Джозеф засиял от удовольствия и откусил кусочек тоста. Прожевав и проглотив его, он сказал:

– Обычно я здесь так не говорю. Знаете, чем богаче люди, тем меньше

им нравится то, что какой-то негр способен удачно выразиться. Мне кажется, они считают, что нет никакого смысла быть богатым, если не можешь чувствовать себя выше и лучше других. Я изучаю английский на университетском уровне, но если я начну демонстрировать это, то сразу же потеряю работу.

– Ты занимаешься в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе?

– На подготовительном курсе. Готовлюсь к поступлению туда. Черт побери, – воскликнул он, – мне только двадцать пять лет, у меня уйма времени впереди! Конечно, я мог бы уже достичь большего, если бы занялся учебой раньше. Но мне потребовалась служба в армии, чтобы выйти из состояния бездумного самодовольства. – Он любовно обкатывал фразы. – Однажды холодной ночью я проснулся на холме, на обратном пути из Ялу. И внезапно я словно прозрел – начал размышлять обо всем, что меня окружало.

– О войне?

– Обо всем. О войне и о мире. О жизненных ценностях. – Он подцепил вилкой яйцо, отправил его в рот и некоторое время сосредоточенно пережевывал. – Я понял, что не знаю, кто я. Понимаете, я носил что-то вроде маски на лице и на душе, такой черной маски, и не знал, кто я на самом деле. И я решил, что должен наконец выяснить, кто я есть, и стать человеком. Если, конечно, удастся. Наверное, это звучит довольно глупо в устах такого парня, как я?

– По-моему, наоборот, весьма разумно.

– Да, вот и я так подумал. Да и сейчас думаю. Еще чашечку кофе?

– Нет, спасибо. А ты выпей.

– Нет, я не пью больше одной чашки. Разделяю вашу приверженность к умеренности. – Он улыбнулся собственным словам.

– А чем ты собираешься заняться в конце концов?

– Работать в школе учителем. Учителем и тренером.

– Неплохая перспектива.

– Еще бы! Я так этого жду. – Он помолчал, как бы пытаясь заглянуть в будущее. – Мне нравится говорить людям что-то важное. Особенно детям. Хотелось бы донести до них общечеловеческие ценности, некоторые идеи. А вы чем занимаетесь, мистер Арчер?

– Я – частный детектив.

Тобиас взглянул на меня немного разочарованно.

– По-моему, скучноватое занятие. Я хочу сказать, что вам не часто приходится иметь дело с идеями. Нет, – добавил он быстро, испугавшись, что ненароком обидел меня, – я, конечно, не ставлю идеи выше всех других

ценностей. Эмоций. Действий. Благородных поступков.

– Да, это черная работа, – согласился я. – Видишь людей с самой плохой стороны. Кстати, как там Бассетт?

– Спит мертвым сном. Я уложил его в постель. Пусть проспится хорошенько. Я ничего не имею против того, чтобы немного помочь ему. Он неплохо ко мне относится.

– Ты давно здесь работаешь?

– Уже больше трех лет. Я сначала устроился в этот бар, а позапрошлым летом стал работать спасателем.

– Значит, ты знал Габриэль?

Он помолчал. Потом ответил без всякого выражения:

– Да, знал. Я вам уже говорил.

– Ты дружил с ней в то время? Перед тем, как ее убили?

Его лицо сразу стало замкнутым, глаза погасли. Как будто он спрятался в раковине, створки которой захлопнулись от неосторожного прикосновения.

– Не понимаю, зачем вам...

– Тебя это не касается. Не стоит пугаться, Джозеф, только потому, что я задал тебе несколько вопросов.

– Я не испугался. – Голос его звучал невыразительно и отчужденно. – Я уже ответил на все вопросы.

– Что ты имеешь в виду?

– Вы должны догадаться, если вы детектив. Когда

Габриэль... когда мисс Торресе убили, меня арестовали в первую очередь. Они привезли меня в резиденцию шерифа и допрашивали по очереди весь день и половину ночи.

Голова его поникла под тяжестью воспоминаний. Было почти невыносимо смотреть на его изменившееся, как бы сразу погасшее лицо, утратившее всю свою живость.

– Почему они забрали именно тебя?

– Они сделали это без всяких объяснений. – Он поднял отливающую чернотой руку и помахал перед глазами.

– А кого-нибудь еще они допрашивали?

– Конечно, когда я им доказал, что провел всю ту ночь дома. Они задержали несколько пьяниц и половых извращенцев в окрестностях Малибу и в каньонах, да еще каких-то бродяг, шляющихся поблизости. И побеседовали с мисс Кэмпбелл.

– С Эстер Кэмпбелл?

– Да. Предполагали, что Габриэль провела вечер именно с ней.

– Откуда ты знаешь?

– Так сказал Тони.

– А где она провела вечер на самом деле?

– Понятия не имею.

– Я думал, у тебя есть какие-нибудь предположения.

– Ну так вы ошиблись. – Его взгляд прежде упорно избегал моего, ко при этих словах Джо посмотрел мне прямо в глаза. – Вы вновь подняли дело об убийстве мисс Торресе? Мистер Бассетт нанял вас?

– Не совсем. Я начал заниматься совсем другим делом, и расследование привело меня к истории Габриэль. Ты хорошо знал ее, Джозеф?

Он осторожно ответил:

– Мы работали вместе. По субботам и воскресеньям она принимала заказы на сэндвичи и выпивку в бассейне и в раздевалках. А я разносил напитки, потому что для этого она была слишком молода. С мисс Торресе было очень приятно работать. Меня потрясло то, что с ней случилось.

– Ты видел все своими глазами?

– Я имел в виду другое. Конечно же нет. Но я был здесь, в этой самой комнате, когда Тони вернулся с пляжа. Вы, вероятно, знаете, что кто-то стрелял в нее и оставил лежать внизу, на пляже. Они с отцом жили недалеко отсюда. Тони ждал, что Габриэль вернется домой к полуночи. Когда она не вернулась, он позвонил Кэмпбеллам, они сказали, что не видели ее, и он отправился на поиски. И нашел ее утром – с двумя пулевыми ранениями, омываемую волнами. В тот день, с утра, она должна была помогать миссис Лам, и Тони пришел первым делом сюда, чтобы сообщить о случившемся несчастье.

Тобиас облизал сухие губы. Его глаза смотрели сквозь меня.

– Он стоял вот здесь, перед стойкой, и долгое время не мог вымолвить ни слова. Он не мог разомкнуть губы и сообщить миссис Лам, что Габриэль мертва. Однако она поняла, что ему плохо, что он нуждается в утешении. Она обошла стойку с этого края, обняла его и прижала к себе, как ребенка. И тогда он сказал ей. Миссис Лам велела мне сходить в кабинет мистера Бассетта и позвонить в полицию.

– Так это ты вызвал полицию?

– Я собирался. Но мистер Бассетт был у себя и сделал это сам. Потом я подошел к краю бассейна и посмотрел вниз через забор. Она лежала там на песке, лицом вверх. Я видел даже песчинки в ее глазах. Хотел спуститься и смахнуть их, но не решился.

– Почему?

– На ней не было никакой одежды. И она казалась такой белоснежной. И я боялся, что они придут и застанут меня там, и им в голову придет безумная мысль, что это моих рук дело. Но когда они приезжали, им эта мысль все же пришла в голову. Они арестовали меня тем же утром. Я почти ожидал этого.

– Почему?

– Надо же было на кого-то свалить вину. А нас обвиняют во всех грехах вот уже три столетия кряду. Я знал, что это случится. Я не должен был давать волю чувствам, дружить с ней. И потом, в довершение всего, у меня в кармане оказалась сережка, принадлежащая Габриэль.

– Что за сережка?

– Маленькая круглая перламутровая сережка в виде спасательного круга, с дырочкой посередине и с надписью «США, Малибу». А хуже всего то, что другая сережка, ну та, которая составляла этой паре, все еще была в ухе Габриэль.

– Как же случилось, что сережка оказалась у тебя?

– Я просто-напросто подобрал ее, – ответил он, – и собирался вернуть Габриэль. Я нашел ее у бортика бассейна, – добавил он через секунду.

– Тем утром?

– Да. Еще до того, как узнал, что она мертва. Марфельд и остальные полицейские такое из этого раздули. Думаю, они были совершенно уверены, что уже расследовали дело, пока я не сумел доказать им свое алиби. – Он издал странный звук, одновременно похожий и на смешок и на всхлип. – Как будто я мог поднять руку на Габриэль.

– Ты был влюблен в нее, Джозеф?

– Я этого не говорил.

– И тем не менее это правда, не так ли?

Он облокотился о стойку и оперся подбородком на руку, как бы желая таким образом обрести более устойчивое состояние.

– Возможно, я и влюбился бы, – с видимым усилием признался он, – если бы у меня был хоть какой-то шанс. Но это было абсолютно безнадежно, и я не мог позволить себе... Она никогда не видела во мне настоящего человека.

– Все это очень похоже на повод для убийства.

Я наблюдал за ним. Он замер. Неподвижное лицо со слегка впалыми щеками напоминало какую-то древнюю маску, высеченную из полированного черного камня, которую поддерживала такая же черная узкая ладонь.

– Разве не ты убил ее, Джозеф?

Он отшатнулся, будто я ударил его по незажившей ране, и повторил:

- Я бы и волоса на ее голове не тронул, вы же знаете.
- Ну ладно. Не будем об этом.
- Нет уж. Или вы возьмете свои слова обратно, или убирайтесь отсюда.
- Хорошо. Беру обратно.
- Вам не следовало так говорить. Она была моим другом. И к вам я отнесся как к другу.
- Прости меня, Джозеф. Но я должен был задать эти вопросы.
- Почему? Кто вас заставляет? Надо очень осторожно говорить о таких вещах. Вы знаете, как поступил бы Тони Торрес, если бы решил, что я стрелял в его дочь?
- Убил бы тебя.
- Правильно. Он уже хотел это сделать, когда полиция отпустила меня. Мне еле-еле удалось разубедить его. Но эта идея прочно засела у него в голове, как репей прицепилась. Он и теперь полон ожесточения.
- Как и все мы.
- Вы правы, мистер Арчер. Я и сам это чувствую. Но вы все-таки плохо представляете себе, на что способен Тони. Когда-то в молодости он кулаком убил человека.
- На ринге?
- Не на ринге и не случайно. Он сделал то, что хотел. Это произошло из-за женщины. Однажды ночью, месяца два назад, он пригласил меня к себе вниз и, напившись допьяна, рассказал мне эту историю. Думаю, он здорово мучился. Понимаете, той женщиной была мать Габриэль. Он убил мужчину, с которым она путалась, и она ушла от него. У противника Тони был нож, поэтому судья из Фресно признал, что убийство совершено в целях самозащиты, но сам Тони утверждал, что это не так. Он винил себя, что гибель Габриэль – Божья кара за его грех. Тони очень суеверный.
- Ты знаешь его племянника?
- Да, я его знаю. – По тону, которым он произнес это, стало ясно, как Джо относится к Лансу. – Некоторое время назад он работал здесь спасателем, а я тогда только устроился в закусочную. Но он оказался до такой степени ленив, что никак не мог справиться с работой без помощи своего дяди. Тони обычно занимался уборкой, пока Ланс прыгал с вышки в бассейне. Понимаете, Тони любил его.
- А как относится к нему Тони теперь?

Джозеф почесал в затылке.

- Мне кажется, он наконец-то понял, что тот собой представляет. Я бы

сказал, что он почти ненавидит Ланса.

– Достаточно, чтобы убить его?

– Какой странный разговор, мистер Арчер. Случилось что-то особенное?

– Я скажу тебе, если ты способен сохранить это в тайне.

– Я не выбалтываю секреты.

– Посмотрим. Твоего друга Ланса застрелили вчера вечером.

Он даже не поднял глаз.

– Он не был моим другом. Он вообще для меня никто.

– Но для Тони он что-то значил.

Он медленно покачал головой.

– Мне не следовало вам рассказывать о том, что Тони совершил когда-то. Тогда он был молод и обезумел от ревности. Он не мог бы сделать ничего подобного еще раз. Он и мухи-то не обидит, если она его не укусит.

– Выбирай уж одно из двух, Джо. Ты, сказал, что Токи ненавидит Ланса.

– Я сказал «почти».

– Почему он его ненавидит?

– У него на то есть причина.

– Ответь какая.

– Не отвечу, если вы используете слова во вред Тони. Этот Ланс не достоин даже шнурки у него на башмаках завязывать.

– Ты же сам считаешь, Джо, что Тони мог бы его застрелить.

– Я так не говорил. Я вообще ничего об этом не думаю.

– Ты заявил, что у него есть причина ненавидеть Ланса. Что за причина, Джо?

– Габриэль, – произнес он, уставившись в пол. – Ланс сбил ее с толку, когда она была еще подростком, в школе. Она сама рассказывала. Он научил ее пить, и вообще всему научил, всему, что в конце концов ее погубило. И если Тони застрелил этого проходимца, то оказал услугу обществу.

– Возможно, но не себе. Значит, все это тебе рассказала Габриэль?

Он кивнул, и его черная печальная тень кивнула вместе с ним.

– Вы с ней были близки?

– Никогда, если я правильно вас понял. Я уже объяснял. Она обращалась со мной так, точно я был не живым существом. Она мучила меня, рассказывая обо всем, чем он учил ее заниматься. – Джо с трудом заставлял себя говорить. – Думаю, она и не догадывалась, как мне тяжело. Она просто считала, что я вообще не могу испытывать никаких чувств.

– А ты, похоже, испытываешь слишком много.

– Да. Иногда мне кажется, что они рвут меня на куски изнутри. Так было, когда она рассказывала мне, что он хотел от нее. Он предлагал ей уехать с ним в Лос-Анджелес и жить в отеле, а он бы устраивал ей свидания с мужчинами. Я так обозлился, что пошел и передал все Тони. Тогда он и порвал отношения с Лансом, потребовал уволить его отсюда и с позором выгнал из своего дома.

– А Габриэль ушла с ним?

Нет. Я думал, что, расставшись с ним, она изменится. Но оказалось слишком поздно. Уже ничего нельзя было исправить.

– Что же произошло в клубе потом?

– Послушайте, мистер Арчер, – сказал он сухо. – Вы навлекаете на меня неприятности. Слежка не входит в мои служебные обязанности.

– В самом деле?

– Конечно, в крайнем случае я сумею найти другую работу. Но у меня могут быть действительно серьезные неприятности.

– Извини. Я вовсе не собирался осложнять твою жизнь, Джозеф. Мне казалось, что ты сам хочешь мне помочь.

Глава 23

Джозеф посмотрел на свет. Лицо его было спокойным. Никаких внешних признаков волнения. Но я не сомневался, что его напряжение вот-вот вырвется наружу.

– Габриэль мертва, – констатировал он, глядя немигающим взглядом на лампу. – Какую пользу я могу ей принести?

– Есть и другие девушки, с которыми может произойти то же самое.

Наступило длительное молчание.

Наконец он сказал:

– Не такой уж я трус, как вы думаете. Я пытался все выложить еще в полиции. Но они не хотели слушать об этом.

– О чем?

– Если вы считаете, что я должен рассказать, я расскажу. Прошлой зимой Габриэль каждый день приходила в одну из раздевалок и оставалась там около часа.

– Одна?

– Вы сами знаете, что нет.

– Кто бывал с ней, Джозеф?

Я почти не сомневался в том, каким будет ответ.

– Мистер Графф.

– Ты уверен в этом?

– Да, уверен. Вам, наверное, трудно понять Габриэль. Она была очень молодая, почти девочка, гордилась, что такой человек, как мистер Графф, обратил на нее внимание, и не утаивала этого. Кроме того, она хотела, чтобы я прикрывал ее, принимал заказы, когда она... в общем, когда она занималась другим делом. – И он с горечью добавил: – Ей не было стыдно, что я все знаю. Она только боялась, как бы не узнала миссис Лам.

– Они когда-нибудь встречались здесь ночью? – спросил я. – Я имею в виду Симона Граффа и Габриэль.

– Может быть. Я не знаю. Я не работал по ночам тогда.

– Она была в клубе в ту ночь, когда ее убили, – сказал я. – Нам это известно.

– Откуда? Тони нашел ее на пляже.

– А сережка? Где ты ее подобрал?

– На полу в галерее перед раздевалками. Но Габриэль могла обронить ее там раньше.

– Не могла, если вторая сережка все еще оставалась на ней. Ты сам видел, что сережка была у нее в ухе, или это они тебе сказали?

– Я видел сам. Во время допроса они повели меня вниз, туда, где лежала Габриэль. Подняли простыню, которой она была покрыта, и заставили взглянуть на нее. И тогда я увидел маленькую белую сережку у нее в ухе.

В глазах Джо блеснули слезы. Память нанесла ему предательский удар. Сделав вид, что ничего не замечаю, я продолжил:

– Значит, она наверняка была в клубе как раз перед тем, как ее убили. Когда девушка теряет одну сережку, она снимает вторую. Видимо, у Габриэль не было времени, чтобы заметить пропажу. Сережка могла выпасть в те минуты, когда девушка была уже ранена, между первым и вторым выстрелами. Покажи мне то место, где ты нашел сережку, Джозеф.

Мы вышли.

Восточная часть неба уже окрашивалась первыми проблесками зари, а на западе таяли редкие звезды, как крупинки снега, упавшие на камни. Под легким дуновением предрассветного ветерка поверхность бассейна серебрилась и морщилась точно так же, как бесконечная ширь океана.

Тобиас провел меня вдоль галереи. Мы миновали полдюжины закрытых пустых кабинок, в том числе и раздевалку Граффа. Я заметил, что походка парня утратила легкость, он уныло шаркал кроссовками по бетону.

Остановившись, Джозеф повернулся ко мне.

– Она лежала вот на этом самом месте, застряла в решетке. – Он указал на круглую проволочную решетку, прикрывающую небольшое отверстие в каменном полу, предназначенное для стока воды. – Кто-то мыл галерею шлангом, и сережку смыло в этот дренаж. Я заметил, как она блестит, и поднял ее.

– Откуда ты знаешь, что кто-то в то утро мыл галерею?

– Потому что я видел, что кое-где на полу вода еще не просохла.

– Ты не знаешь, кто мог это сделать?

– Наверное, один из тех, кто с утра работал в бассейне. Или кто-то из посетителей. Никогда невозможно предсказать, что им в голову взбредет.

– Кто работал в бассейне в то время?

– Я, Габриэль, Тони и спасатель... Нет, никаких спасателей как раз не было. Я сам начал работать спасателем летом. А тогда место спасателя занимала мисс Кэмпбелл.

– Она была здесь в то утро?

– Кажется, да. Да, вспомнил, точно была. Что вы хотите узнать, мистер Арчер?

– Я хочу узнать, кто убил Габриэль, зачем, где и каким образом.

Он прислонился к стене, высоко подняв плечи. Глаза сверкали на его черном базальтовом лице.

– Ради Бога, мистер Арчер, вы не смеетесь надо мной?

– Ни в коем случае. Меня интересует твое мнение. Я думаю, что Габриэль была убита в клубе, возможно, как раз на этом месте. Уже потом убийца оттащил ее на пляж, а может, у нее хватило сил доползти туда самой. На полу остался кровавый след, который надо было смыть. И тогда же из уха девушки выпала сережка, которую потом ты нашел в решетке. А убийца не заметил ее.

– Маленькую сережку нелегко заметить.

– Да, – согласился я, – нелегко.

– Вы думаете, это сделала мисс Кэмпбелл?

– Во всяком случае, я хочу знать твое мнение. Не было ли у нее какой-нибудь причины для этого?

– Может, и была. – Он облизал губы. – Она тоже пыталась очаровать мистера Граффа, но он увлекся не ею.

– Это Габриэль тебе рассказала?

– Она говорила, что мисс Кэмпбелл ревнует. Но она могла и не говорить. Я сам видел.

Что ты видел?

Хотя бы те сумрачные взгляды, которыми они обменивались последнее время. Пожалуй, они все еще оставались подругами, – ну вы знаете, как это бывает у девушек, но уже не относились друг к другу с такой любовью, как раньше. Потом, когда произошло это несчастье, сразу после следствия мисс Кэмпбелл уехала, и никто не знал куда.

Но она же вернулась.

– Больше года спустя, после того как все затихло. Но ее все еще интересовало это дело. Приехав, она задала мне уйму вопросов. Рассказывала сказки, будто она и ее сестра Рина собираются написать статью в журнал, но я сразу подумал, что она допрашивает меня с другой целью.

– О чем она тебя спрашивала?

– Да не помню уже, – произнес он устало. – Кажется, она задавала те же вопросы, что и вы. Вы уже целую кучу задали.

– Ты говорил ей о сережке?

– Может быть. Не помню. Это так важно? – Он оттолкнулся от стены и побрел через галерею, все так же шаркая ногами и поглядывая на бледнеющее небо. – Я должен поехать домой и поспать хоть немного,

мистер Арчер. В девять утра мне снова заступать на дежурство.

– А я думал, ты никогда не устаешь.

– Сейчас я чувствую себя страшно угнетенным. Вы вызвали к жизни именно то, о чем я не хотел вспоминать. А вы заставили меня вновь пережить весь этот кошмар.

– Прости меня. Я тоже устал. Но, мне кажется, не стоит жалеть усилий, чтобы раскрыть это убийство.

– Вы полагаете? Ну, скажем, вы распутаете его, и что тогда? Что произойдет? – Его лицо казалось особенно мрачным в серой предрассветной полумгле, а в голосе зазвучала долго скрываемая горечь. – То же самое, что всегда. Полицейские примут у вас дело и прикроют его, и ничего не изменится, даже никого не арестуют.

– Именно так и было в прошлый раз?

– Убежден, что именно так. Когда Марфельд понял, что не может засадить меня в тюрьму, он сразу же потерял интерес к делу. Ну и я тоже потерял.

– Я попытаюсь обратиться в более высокие инстанции.

Ну и что? Для Габриэль это уже слишком поздно да и для меня тоже

Он повернулся на пятках и пошел прочь Я сказал глядя на его поникшую спину

– Я могу подвезти тебя, Джо

– У меня своя машина. Благодарю вас

Глава 24

Да, пока мне было трудно гордиться собой. Я прошел вдоль бассейна – последний участник праздника, – ощущая предутренний упадок сил, вызванный замедлением тока крови. С моря поднимался туман. Клубясь, он медленно плыл на запад, где еще не рассеялась ночная мгла. Кое-где уже стала видна похожая на черный мрамор чистая поверхность воды.

Внезапно невдалеке от берега я заметил какой-то предмет, но не сразу понял, что это такое. Сначала я принял его за корягу, обломок ствола со скрюченными ветвями. Он медленно, останавливаясь, скользил туда-сюда, подталкиваемый волнами прибоя, и я подумал, что ветки уж слишком гибкие. А когда волна наконец выбросила его на сырой песок, я увидел, что это труп мужчины в темном, подпоясанном ремнем плаще, лежащий вниз лицом.

Калитка в заборе была заперта на висячий замок. Оглядевшись, я обнаружил поблизости металлическую стойку с тяжелым бетонным основанием, на которой был укреплен знак: «Не входить». Сбив замок этой штукой, я открыл калитку. Затем спустился по бетонным ступенькам на берег и перевернул Карла Стерна на спину. На лбу у него была глубокая рана, нанесенная каким-то тяжелым предметом. То ли его ударили, то ли он сам на что-то наткнулся. Вторая рана – на горле – зияла, как лишенный зубов рот, распахнутый в беззвучном крике.

Уже подойдя к своей машине, я вспомнил, что вдоль этого берега проходит течение, направляющееся к югу со скоростью около мили в час. В трех милях севернее клуба «Чэннел» автострада тянулась над крутым обрывом, нависающим уступом над морем, где для любителей достопримечательностей была оборудована смотровая площадка, вымощенная гладкими плитами и обнесенная оградой. Седан, взятый напрокат Карлом Стерном, стоял, упершись хромированным бампером в витую ограду.

Ветровое стекло, приборная панель и переднее сиденье были забрызганы кровью. Кровь запеклась и на лезвии ножа, который валялся на коврик. Нож, похоже, был тот самый, который я видел у Стерна.

Я ни к чему даже не прикоснулся. Мне вовсе не хотелось оказаться замешанным в смерти этого гангстера. Отправившись напрямик домой, я завалился спать. Мне снился мужчина, живущий в полном одиночестве среди каких-то развалин и безуспешно пытающийся восстановить в памяти

монументы и здания, некогда сложенные из этих камней. Кажется, когда-то он слышал неясное предание о том, что давным-давно здесь стоял город. И еще более смутное предание (а возможно, это был просто сон во сне), что люди, которые построили город, или их потомки когда-нибудь вернуться и восстановят его. И он так хотел бы жить в этом городе.

Глава 25

Моя секретарша позвонила мне ровно в семь тридцать утра.

– Вставайте и наводите глянец, мистер Арчер.

– А что, я обязательно должен сиять, как начищенный медный чайник? Я чувствую себя таким тусклым. Лег в постель примерно час назад.

– А я еще и не ложились. В конце концов, иной раз вы могли бы нарушить режим и отменить ваши солдатские побудки.

– Сегодня я отменяю их навсегда. – Я пребывал в том неопределенном, как бы взвешенном состоянии, когда все кажется либо смешным, либо вызывающим слезы, в зависимости от того, в каком положении вы держите голову. – А теперь повесьте эту проклятую трубку, я опять лягу. Что за жестокость!

– Вот это да! В каком мы сегодня прекрасном настроении с утра! – не утерпела она. Но инстинкт вышколенной секретарши тут же взял верх. – Подождите, не отключайтесь. Я приняла два междугородных вызова, оба из Лас-Вегаса. Первый – в час сорок, звонила молодая женщина, которая, по-видимому, очень хотела поговорить с вами, но не сообщила ни своего имени, ни номера телефона. Она сказала, что позвонит еще раз, но не позвонила. Вы слышите меня? Второй – в три пятьдесят. Доктор Энтони Ривз, молодой врач из Мемориальной больницы, заявил, что звонит по поручению пациента по имени Джордж Уолл, которого подобрали в аэропорту с тяжелыми ушибами головы.

– В аэропорту Лас-Вегаса?

– Да. Это вам о чем-нибудь говорит?

Я испытал немалое облегчение, узнав, что Джордж жив, но тут же до меня дошло, что теперь мне самому нужно немедленно тащиться в Международный аэропорт и взбираться на борт самолета.

– Не закажешь ли ты мне билет, Вера?

– На первый самолет в Лас-Вегас?

– Именно.

– Был еще один телефонный звонок вчера после обеда. Мужчина, назвавшийся Мерсеро, из управления дорожной инспекции, просил передать, что «ягуар» зарегистрирован на имя Ланса Леонарда. Это тот актер, который застрелился вчера вечером?

– Ты уже прочитала утренние газеты?

– Нет, я слышала по радио.

– Что ты еще слышала?

– Больше ничего. Это было короткое информационное сообщение.

...Еще не было и десяти часов утра, а я уже разговаривал с доктором Энтони Ривзом в его кабинете в больнице штата Южная Невада. Этой ночью он дежурил, так что именно он оказал первую помощь Джорджу Уоллу, которого привезли сюда люди шерифа. Полицейские обнаружили Джорджа, когда он бродил по аэропорту. В больницу его доставили в весьма плачевном состоянии. У него была разбита скула, подозревались сотрясение мозга и даже трещина в черепе. Джорджу необходим полный покой – по крайней мере в течение недели, а может случиться, что ему придется лежать целый месяц. Посетители ему противопоказаны.

Спорить с молодым доктором Ривзом было бесполезно, хотя он и казался тихоней. Поэтому я отправился на поиски какой-нибудь впечатлительной медсестры и в конце концов наткнулся на пухленькую рыженькую девицу в белом колпаке, на которую произвел необходимое действие мой старый полицейский значок – я носил его с собой на всякий случай. Она привела меня к двухместной палате, на двери которой висела табличка: «Посетители не допускаются». Джордж оказался единственным обитателем палаты. Он спал. Я обещал не будить его.

Плотные шторы почти не пропускали света. Было так темно, что я едва различил белую забинтованную голову Джорджа на подушке. Сев в кресло, стоящее между двумя кроватями, я прислушался. Слабое дыхание Джорджа было спокойным и ровным. Через некоторое время я сам чуть не уснул.

Из сонного оцепенения меня вывел крик боли. Сначала мне показалось, что кричит Джордж, но крики и стоны доносились из соседней палаты. Затем все стихло.

Шум разбудил Джорджа. Он зашевелился, застонал и попытался сесть, подняв обе руки к забинтованному, как у мумии, лицу, но покачнулся и чуть не упал с кровати. Я удержал его за плечи.

– Спокойно, парень.

– Пустите меня. Кто вы?

– Арчер, – ответил я. – Местная Флоренс Найтингейл^[7].

– Что со мной? Почему я ничего не вижу?

– Ты в бинтах по самые глаза. К тому же здесь темно.

– Где это – здесь? В тюрьме? Я в тюрьме?

– Ты в больнице. Разве ты не помнишь, что просил доктора Ривза позвонить мне?

– Боюсь, что я ничего не помню. Который теперь час?

– Воскресное утро, ближе к полудню.

Это известие, видимо, сразило его наповал. Некоторое время он лежал молча, затем озадаченно проговорил:

– Кажется, у меня пропал целый день.

– Успокойся. Его уже не веротишь.

– Я совершил что-то непоправимое?

– Я еще не знаю, что ты там совершил. Ты задаешь слишком много вопросов, Джордж.

– Вы просто щадите мое самолюбие, не так ли? – От волнения голос его стал хриплым. – Наверное, я вел себя как последний осел.

– Большинство из нас время от времени ведет себя именно так. Лучше попытайся что-нибудь вспомнить.

Он поискал выключатель в изголовье кровати, нащупал шнур и дернул за него. Потрогав бинты на лице, он уставился на меня сквозь узкие щелки в них. Ниже повязки виднелись распухшие, сухие и потрескавшиеся губы.

Когда Джордж заговорил снова, в его голосе прозвучал какой-то благоговейный страх:

– Эта маленькая мартышка в пижаме – это она меня так отделала?

– Отчасти. Когда ты последний раз видел его, Джордж?

– Вы должны это знать, ведь вы были со мной. Что вы подразумеваете под словом «отчасти»?

– Ему кто-то помог

– Кто?

– А ты не помнишь?

– Кое-что вспоминаю. – Голос его звучал по-детски неуверенно, от былой напористости не осталось и следа. – Это был какой-то кошмар. Нечто похожее на обрывки старинных фильмов, которых полно у меня в голове. Только я сам играл главную роль. И за мной все время гнался мужчина с пистолетом. А декорации менялись. Этого просто не могло быть на самом деле, никак не могло.

– Но это было. Ты ввязался в драку с охранниками в студии Симона Граффа. Имя Симона Граффа тебе ни о чем не напоминает?

– Напоминает. Я лежал в постели в каком-то убогом домишке в Лос-Анджелесе, кто-то говорил по телефону и назвал это имя. Я встал, вызвал такси и попросил шофера отвезти меня к Симону Граффу.

– Это я разговаривал по телефону, Джордж. Ты находился в моем доме.

– Я был у вас дома?

– Не далее как вчера. – Видимо, его память работала избирательно. Это меня раздражало, хотя я не сомневался в его искренности. – И еще ты стащил жалкий старый серый костюм, принадлежащий мне, за который,

кстати, я уплатил сто двадцать пять долларов.

– Я стащил? Весьма сожалею.

– Еще больше будешь сожалеть, когда получишь от меня счет. Ну ладно, довольно об этом. Как ты попал из студии Граффа в Лас-Вегас? И чем занимался все это время?

Глядя в налитые кровью глаза Джорджа, я физически ощущал, как его мысль с трудом продирается сквозь дебри забвения.

– Кажется, я летел на самолете. Это важно?

– Более или менее. На рейсовом или частном самолете?

После долгой паузы он произнес.

– Должно быть, на частном. Нас там было только двое, я и еще один парень По-моему, как раз тот, который бегал за мной с пистолетом. Он сказал, что Эстер в опасности и ей нужна моя помощь. В какое-то мгновение я потерял сознание, отключился. Затем, помню, я шел по улице и перед глазами у меня светились и мигали бесчисленные вывески. Я вошел в тот отель, который мне назвали, но она уже уехала, а администратор не мог сказать, куда именно.

– В какой отель?

– Я точно не помню. Вывеска на нем была в форме бокала Какое-то вино? Мартини? Сухой мартини. Может так звучать название?

– Да, есть такой отель в городе. Когда ты был там?

– Точно не помню, но знаю, что была ночь. Я потерял ориентацию во времени. Должно быть, остаток ночи я провел в поисках Эстер. Я встретил множество девушек, похожих на нее, но каждый раз оказывалось, что это не она. Дальше опять провал. А потом я очутился совсем в другом месте. Это было ужасно, прямо в глаза мне светили прожекторы, вокруг беспорядочно двигались толпы народа, и все думали, что я пьяный. Даже полицейский решил, что я пьян

– Забудь об этом, Джордж. Все уже кончилось.

– Как я могу забыть? Эстер в опасности. Разве нет?

– Может быть, я не знаю. Лучше бы ты выбросил ее из головы. Ну почему ты не можешь? Влюбись в какую-нибудь медсестру. При твоём стремлении к подвигам тебе непременно нужно жениться на медсестре. И, между прочим, сейчас тебе лучше лечь, а то нам обоим попадет.

Но вместо того чтобы лечь, он уселся повыше, подняв плечи под больничной рубашкой, и уставился на меня из-под бинтов безумным измученным взглядом.

– С Эстер что-то случилось. Вы от меня скрываете.

– Не сходи с ума, парень. Расслабься. Ты и так уже нажил себе кучу

неприятностей.

Он рассердился.

– Если вы не хотите мне помочь, я сейчас же встаю и ухожу отсюда.

Кто-то должен хоть что-нибудь предпринять.

– Далекo тебе не уйти.

Вместо ответа он сбросил одеяло и спустил ноги. Кровать была очень высокой. Он с трудом дотянулся до пола босой ногой и встал, покачиваясь, но тут же упал вперед, на колени, бессильно уронив голову, как подстреленный олень. Я с трудом поднял его и снова уложил в постель. Видимо, Джордж потерял сознание. Он лежал неподвижно, дыхание было поверхностным и учащенным.

Я нажал на кнопку вызова медсестры и вышел, столкнувшись с ней в дверях.

Глава 26

«Сухой мартини» оказался небольшим отелем в центре города, в квартале, где в основном располагались игорные дома. Я открыл дверь. Две пожилые женщины играли в канасту на деньги в небольшом холле, похожем на ящик, обитый сучковатыми деревянными панелями. За стойкой администратора сидел тучный мужчина в рубашке из искусственного шелка. На его лице застыло то неизменно жизнерадостное выражение, которое так приятно видеть на лицах толстяков.

– Чем могу быть вам полезен, мистер?

– У меня назначена встреча с миссис Кэмпбелл.

– Боюсь, что миссис Кэмпбелл еще не вернулась.

– А в какое время она ушла?

Он сцепил руки на животе и принялся вертеть большими пальцами.

– Дайте мне подумать. Я заступил на смену в полночь, она зарегистрировалась примерно час спустя, поднялась, оставалась в номере ровно столько, чтобы успеть переодеться, и сразу ушла. Значит, это было немногим позже часа ночи.

– Вы очень наблюдательны.

– Ну, на такую кошечку не мудрено обратить внимание. – И он одобрительно прищелкнул языком.

– Кто-нибудь сопровождал ее?

– Нет, она приехала одна и уехала тоже одна. А вы ее друг, не так ли?

– Да.

– И вы знаете ее мужа? Такой здоровенный парень со светло-рыжими волосами?

– Да, я знаю его.

– Чудной тип. Ворвался сюда среди ночи, страшный, как Божий гнев. Все лицо разбито, в волосах запеклась кровь, а разговаривает, как ненормальный. Он вбил себе в голову, что с его женой что-то стряслось, а я будто бы замешан в этом. Утверждал, что я должен знать, где она. Черт побери, я еле от него отвязался.

Я посмотрел на часы.

– Да, за это время она вполне могла попасть в какую-нибудь историю. Уже одиннадцать часов, как она отсутствует.

– Не берите в голову. Такие дамочки обычно кутят сутки напролет, а некоторые из них и еще полсуток прихватывают. Может, ей повезло, пошел

выигрыш за выигрышем, она и понеслась во весь опор. Или у нее просто свидание. Ведь кто-то же отдал ее мужа по первое число. Если, конечно, он действительно муж.

– Муж, все правильно. Какие-то типы избили его. И он сам хочет разобраться во всем. Сейчас он в больнице, и я пытаюсь отыскать его жену по его просьбе.

– Так вы частный детектив?

– Да. А у вас точно нет ни малейшего представления о том, куда она могла отправиться?

– Если это так важно, я попробую разузнать. – Он оценивающе оглядел меня с головы до ног, прикидывая стоимость моего костюма и пытаясь определить содержимое бумажника. – Но это вам будет кое-что стоить.

– Сколько?

– Двадцать, – с некоторым сомнением сказал он.

– Послушай, приятель, я не собираюсь покупать тебя со всеми потрохами.

Он не возражал.

– Ну ладно, десять. – И добавил: – Это лучше, чем совсем ничего.

Взяв у меня деньги, он вразвалку направился в заднюю комнату. Вскоре я услышал его голос, – он говорил по телефону с кем-то по имени Руди. Вернулся он весьма довольный собой.

– Ночью я вызывал ей такси, а сейчас беседовал с диспетчером. Он пришлет сюда таксиста, который выполнял заказ.

– Сколько он с меня возьмет?

– Об этом вы с ним сами договоритесь.

Я ждал, стоя за стеклянной входной дверью и поглядывая на улицу. По дороге проносились автомобили с номерами всех американских штатов, но, конечно же, большинство номерных знаков принадлежало штату Южная Каролина. Поистине, этот город с его вечным праздником был самым отдаленным предместьем Лос-Анджелеса.

От потока машин,двигающихся на запад, отделилось видавшее виды такси желтого цвета и затормозило у края тротуара. Водитель вышел из машины и пересек тротуар. Хотя он был еще не стар, у него оказалось вытянутое, с ввалившимися щеками, лицо, а фигура – как у гончей, которую долгое время кормили объедками. Я вышел ему навстречу.

– Это вы тот джентльмен, который интересуется блондинкой?

– Да, я.

– Обычно мы не даем информацию о своих клиентах. Разве только по официальному заявлению.

– Десять долларов – достаточно официально?

Он встал по стойке «смирно» и вскинул руку, как бы отдавая мне честь.

– Что бы вы хотели знать, шеф?

– В какое время ты ее подвозил?

– В час пятнадцать. Я проверил это по своему графику.

– А где ты ее высадил?

Он ухмыльнулся, обнажив желтые прокуренные зубы, и подчеркнуто лихо сдвинул фуражку. Она висела теперь почти вертикально, зацепившись за выступающий затылок своего владельца.

– Не торопитесь, приятель, сначала покажите, какого цвета у вас банкноты.

Я заплатил ему, сколько обещал.

– Она вышла прямо на улице, – сказал он. – Мне не хотелось высаживать ее в такой поздний час, но, думаю, она знала, что делает.

– Где это было?

– Сразу за бывшим аэропортом. Если хотите, могу отвезти вас туда. Это будет стоить два доллара по счетчику.

Он открыл заднюю дверцу. Я сел в такси. Судя по удостоверению личности, шофера звали Чарльз Мейер. Пока мы проезжали мимо фасадов многоэтажных зданий, на которых голливудские дивы с афиш восторженно улыбались безмянным миллионерам, он поведал мне о своей жизни. У Чарльза Мейера было слишком много проблем. Пьянство подточило его здоровье. Женщины разбили ему жизнь. Азартные игры вконец его разорили.

Его жалобный голос звучал настойчиво и монотонно:

– Три месяца я рысачил в этом проклятом городе, пытаюсь скопить денег, чтобы немного прибаракхлиться, купить какой-нибудь драндулет да выбраться отсюда. На прошлой неделе я решил: все, дело сделано, долги уплачены, и у меня осталось двести тридцать долларов. Зашел в аптеку купить инсулин. Мне дали сдачу серебром, два доллара и две монеты по двадцать пять центов. И вот просто так, от нечего делать, я опустил их в игровой автомат. И что из этого вышло? – Он горестно закудахтал: – Туда же ушли и остальные двести тридцать долларов. Чтобы спустить их, мне потребовалось чуть больше трех часов. Такой уж я азартный игрок.

– Может, тебе купить билет на автобус?

– Ну уж нет, мистер. Я буду торчать здесь, пока не заработаю на автомобиль послевоенной марки, такой, как у меня был когда-то, и на приличный костюм. Я не собираюсь притащиться назад в Дого, как

бродяга.

Мы проехали мимо нескольких строящихся зданий. Надписи возле них свидетельствовали о том, что здесь возводятся клубы-отели с затейливыми названиями. Один из них принадлежал Симону Граффу. Это был его «Казбах», строила которого возвышались на краю пустыря, как арматура для ярких, но фальшивых декораций.

Бывшая взлетная полоса была превращена в нескончаемый ряд дешевых мотелей, владельцы которых, похоже, из последних сил пытались придать им какую-то жалкую роскошь. Чарльз Мейер развернулся на сто восемьдесят градусов и остановился недалеко от заведения, именуемого «Фиеста мотор-корт». Он повернулся ко мне, свесив свое вытянутое крысиное лицо через спинку сиденья.

– Вот здесь я ее и посадил.

– Кто-нибудь встречал ее?

– Если и встречал, то я не видел. Когда я отъехал, она стояла на улице одна-одинешенька.

– Но машины-то на автостраде были?

– Да, здесь всегда довольно большое движение.

– Она никого не ждала, как по-вашему?

– Откуда мне знать? Она была немного не в себе, какая-то слишком возбужденная.

– Возбужденная? В каком смысле?

– Ну, знаете, такая расстроенная, нервная, почти в истерике. Мне очень не хотелось оставлять ее одну в таком состоянии. Но она сказала, чтобы я уезжал. Я и уехал.

– Как она была одета?

– В красном платье, пальто из темного драпа, без головного убора. Да, еще одна деталь. На ней были туфли на очень высоких каблуках. Я еще подумал, что на таких каблучищах она далеко не уйдет.

– В каком направлении она пошла?

– Ни в каком. Она просто стояла на тротуаре, до тех пор пока я мог ее видеть. Теперь отвезти вас назад в «Мартини»?

– Задержись здесь на несколько минут.

– Хорошо. Но я оставляю счетчик включенным.

Хозяин мотеля «Фиеста мотор-корт» сидел за столиком под пляжным зонтом в маленьком внутреннем дворике, рядом со своей конторой. Он курил кальян, обмахивался потрепанным веером, сделанным из пальмового листа, и был похож на счастливого македонца или разочарованного в жизни армянина. В глубине дворика несколько темноглазых девчушек, должно

быть, его дочерей, занимались тем, что вытаскивали и снова загоняли тележки в крошечные гаражи.

Нет, он не видел молодой женщины в красном платье. В одиннадцать двадцать пять он обычно вывешивает табличку: «Мест нет» и отправляется спать, так что о том, что происходит после одиннадцать тридцати, ему ничего не известно. Когда я уходил, до меня донесся его голос. Он рявкал какие-то команды своим темноглазым дочерям, как будто на собственном примере хотел продемонстрировать, как следует воспитывать будущих женщин, чтобы уберечь их от грозящих им неприятностей.

Войдя в гостиницу «Колониаль», расположенную рядом, я очутился в небольшом уютном холле, где меня встретил маленький опрятный человечек с аккуратно подстриженными усиками. Акцент выдавал в нем уроженца севера, в голосе слышалось астматическое придыхание. Нет, он, конечно же, не мог заметить девушку, о которой идет речь, в то время он был занят более важными делами. И сейчас у него есть дела поважнее, чем разговаривать о чужих женах.

Я пошел дальше, выбрав направление наугад. Попытал удачу в «Барикс-туристе», в «Желанном путнике» и в «Оазисе». Получил три ответа, и все отрицательные. Чарльз Мейер не спеша следовал за мной в своем такси, ухмыляясь и кивая головой.

Гостиница «Эльдорадо» представляла собой как бы двойной ряд курятников, окрашенных в пастельные цвета и увешанных гирляндами неоновых трубок. В холле никого не было. Я звонил до тех пор, пока не получил ответа, твердо решив не покидать своего поста до последнего. Наконец вышла женщина с длинным носом, испещренным следами угрей, с черными маленькими глазками и черными волосами, закрученными на бигуди. Она выглядела так невзрачно, что мне стало ее жаль. Было почти оскорблением говорить ей о яркой блондинке в красном платье

– Да, – буркнула она, – я видела ее. – Глаза ее злобно блеснули. – Она стояла ночью на углу в течение десяти-пятнадцати минут. Я вовсе не претендую на роль судьи, вообще не берусь судить людей, но меня просто взбесило то, как она выставила себя напоказ, нарочно, чтобы ее кто-нибудь подобрал. Но у нее ничего не вышло. – В голосе женщины зазвучали ликующие нотки. – Мужчин не так-то легко увлечь. Ни один не остановился ради нее.

– Чем же она вызвала у вас такое раздражение?

– Ничем Просто мне противно было смотреть, как она выламывается под фонарем на моем углу. Кроме того, подобные вещи могут повредить бизнесу. У меня здесь семейный мотель. Поэтому я в конце концов вышла

на улицу и предложила ей пройти подальше. Я была достаточно вежлива с ней. Просто спокойным тоном велела ей убираться и заниматься своими делами в другом месте. – Она помолчала, поджав губы, потом спросила: – Как я полагаю, она ваша подруга?

– Нет. Я – детектив.

Ее лицо озарилось улыбкой.

– Понимаю. Ну так вот. Я видела, как она входила в отель «Капля росы», что в двух шагах отсюда. Давно пора кому-нибудь навести порядок в этом вертепе. Вы ее преследуете за совершение какого-то преступления?

– За слишком яркую красоту.

Смысл моих слов, видимо, дошел до нее не сразу, так как только через несколько секунд она захлопнула дверь у меня перед носом.

Отель «Капля росы» был всего лишь захудалым флигелем с облупившейся штукатуркой, покосившимися ставнями и дверьми, которые давно следовало покрасить. На мой стук открыла женщина в немного потрепанном купальном халате, туго стянутом в талии. У нее были ярко-рыжие кудрявые волосы, кожа, обожженная безжалостными солнечными лучами, только в глубоком вырезе небрежно запахнутого халата ослепительно сверкала белоснежная грудь. Она перехватила мой заинтересованный взгляд и ответила на него тем, что пошире распахнула и халат и дверь.

– Я ищу женщину.

– Какое счастливое совпадение. А я ищу мужчину. Только для меня это слишком рано. Я еще немного пьяна с прошлой ночи.

Зевая, она потянулась одной рукой вверх, а другую закинула за голову и выгнулась всем телом. Вместе с легким запахом джина от нее шел ток волнующей женственности.

– Входите же, я не кусаюсь.

Сказав это, она осталась стоять в дверях, так что мне пришлось протискиваться, тесно прижавшись к ней. Не так уж я ее и интересовал, просто она действовала по привычке. В холле царил ужасный беспорядок. На стойке в углу я увидел два стакана со следами губной помады. По полу были разбросаны религиозные журналы.

– Провели бурную ночь? – спросил я.

– О да. Весьма бурную. До четырех утра пила коктейли, а в шесть уже проснулась и не смогла больше уснуть. Эти бракоразводные процессы... Ну ладно, не все в жизни потеряно.

Я приготовился выслушать еще одну драматическую историю. Что-то в моем лице, вероятно, слишком доверчивый взгляд, располагало людей к

откровенности. Но она пощадила меня.

– Ладно, Джо, не будем ходить вокруг да около. Вам нужна блондинка в красном платье.

– Вы на редкость проницательны.

– Да. Ну так вот. Ее здесь нет. И я не знаю, где она. А вы гангстер или кто там еще?

– Странный вопрос.

– Да, верно, очень странный, особенно если у вас под мышкой пистолет, а вы не Дэйви Крокетт.

– Вы вдребезги разбиваете мои иллюзии.

Она одарила меня суровым, даже мрачным взглядом. Ее глаза были похожи на кусочки какого-то зеленого минерала вроде малахита.

– Ну давайте, продолжайте, что вы скажете на это? Крошка утверждала, что ее преследуют гангстеры. А вы, значит, не гангстер?

– Я – частный сыщик. Ее муж обратился ко мне, чтобы я разыскал ее. – Неожиданно я подумал, что, мчась сломя голову по кругу, я очутился там же, откуда начал, только в другом штате, двадцать восемь часов спустя. А мне казалось, что прошло уже двадцать восемь дней.

Женщина поинтересовалась:

– А если вы найдете ее, что он собирается сделать с ней? Зверски избить?

– Он хочет заботиться о ней. Ей это крайне необходимо.

– Возможно. Так это все выдумки насчет гангстеров? Я хочу сказать, она что же, водила меня за нос?

– Не думаю. Она называла какие-нибудь имена?

Женщина энергично кивнула.

– Одно. Карл Стерн.

– Вы раньше слышали о нем?

– Еще бы! «Сан» раскопал занятные сведения о том, что это за субъект, и поместил их на первой странице прошлой осенью, когда Стерн добивался разрешения на строительство казино. Случайно, это не он ее муж?

– Ну нет. Ее муж – весьма приличный парень из Торонто, Джордж Уолл. Один из друзей Стерна уложил его в больницу. Я хочу отыскать его жену раньше, чем они доберутся и до нее.

– Без обмана?

– Совершенно серьезно.

– Чем она досадила Стерну?

– Вот этот вопрос я и хотел бы ей задать. Где она сейчас?

Она еще раз смерила меня недоверчивым взглядом своих малахитовых

глаз.

– Разрешите взглянуть на ваш патент. Конечно, патент еще ничего не доказывает. Парень, который недавно получил от меня развод, тоже был частным детективом с патентом, но он был еще и таким первоклассным негодяем, каких свет не видывал.

– Я не такой, – заявил я с несколько принужденной улыбкой и протянул ей свое удостоверение.

Она внимательно рассмотрела его.

– Вас зовут Арчер?

– Да.

– Ну не странное ли совпадение, а? Девушка пыталась дозвониться до вас сегодня ночью, именно до вас. Постучала в мою дверь около двух часов ночи, бледная, еле держась на ногах, и попросила разрешения воспользоваться телефоном. Я спросила, что за беда с ней стряслась. Она и рассказала мне, что ее преследуют гангстеры и, возможно, скоро они будут здесь. Бедная крошка хотела позвонить в аэропорт, заказать билет на самолет и немедленно улететь. Я позвонила сама, но рейсов до утра не было. А потом она начала трезвонить вам.

– Зачем?

– Она мне не сообщила. Но если вы ее друг, вы сами должны знать. Вы друг Рины Кэмпбелл или нет?

От изумления я поперхнулся.

– Кого?

– Рины Кэмпбелл. Той девушки, о которой мы ведем речь.

Да. Это было открытие не из приятных. Я постарался взять себя в руки.

– Думаю, друг. Она все еще здесь?

– Я дала ей нембутал и сама уложила в постель. Не слышала, чтобы она выходила. Наверное, она все еще спит, бедняжка.

– Я хочу ее видеть.

– Да, я это поняла. Только запомните, мы живем в свободной стране и, если она не пожелает встречаться с вами, вы не сможете заставить ее.

– Я не собираюсь ее заставлять.

– Да уж, лучше и не пытайтесь, братец. Только попробуйте, я лично вас пристрелю.

– Значит, она вам понравилась, не так ли?

– А почему бы и нет? Она кажется очень порядочной девушкой, не хуже любой другой. И мне абсолютно безразлично, что она там сделала.

– Вы и сами, наверное, всегда поступаете добропорядочно?

– Я? В этом я очень сомневаюсь. Конечно, когда-то, когда мне было столько лет, сколько Рине, я тоже была довольно-таки добродетельной. И даже потом я пыталась сохранить остатки порядочности – на крайний случай. Если вы не можете дать хоть кому-то немного тепла и заботы в этом жестоком мире, лучше вам забиться в нору и затаиться, как крыса.

– Как, вы сказали, вас зовут?

– Я еще не представилась. Меня зовут Кэрол, миссис Кэрол Буш. – Она протянула мне красную, грубоватую руку. – Но запомните, если она передумала и не хочет вас видеть, вы сразу же сматываетесь.

С этими словами миссис Буш скрылась за внутренней дверью, плотно закрыв ее за собой.

Я вышел на улицу Чарльз Мейер ждал меня, сидя за рулем.

– Ну и как? Повезло?

– Нет Хватит. Я прекращаю поиски. Сколько я тебе должен?

Он наклонился и взглянул на счетчик.

– Три доллара семьдесят пять центов. А разве вы не поедете в город? Я бы отвез вас за полцены.

– Я прогуляюсь. Не мешает немного размяться. Таксист хмуро посмотрел на меня. Он был уверен, что я говорю неправду, и знал причину: я не доверял ему. Миссис Буш окликнула меня из двери номера, выходящей прямо на улицу.

– Все в порядке, она проснулась и хочет говорить с вами.

Глава 27

Миссис Буш осталась на улице, милостиво позволив мне войти одному. В комнате было сумрачно и прохладно. Жалюзи и тяжелые шторы не пропускали солнечных лучей. Единственным источником света была лампа под абажуром, стоявшая на прикроватной тумбочке. Девушка сидела на незастеленной, прямо-таки голливудской кровати, отвернув лицо от лампы.

Я понял причину этого, когда она, на секунду забывшись, взглянула прямо на меня. От нембутала или слез ее веки опухли, светлые блестящие волосы были небрежно заколоты, а красивое платье сидело на ней мешком. Похоже, за одну ночь ей пришлось утратить прежнюю уверенность в том, что ее красота сама о себе позаботится. Голос у нее был тихий и хрипловатый.

– Привет.

– Привет, Рина.

– Вам уже известно, кто я? – проговорила она хмуро.

– Да, известно. Я должен был догадаться раньше. Где же твоя сестра, Рина?

– У Эстер возникли неприятности, и она покинула страну.

– Ты уверена?

– Я ни в чем не уверена с тех пор, как узнала, что Ланс мертв.

– Ты же не поверила мне, когда я сказал тебе об этом.

Потом пришлось поверить. В отеле я купила лос-анджелесскую газету и сразу увидела заметку о нем, то есть о его смерти. – Ее веки поднимались с трудом, и выражение синих глаз стало совсем другим за эти тринадцать часов, она увидела много такого, что не могло ей понравиться. – Это моя сестра, это Эстер его убила?

Не исключено, но я так не думаю. Они сообщили тебе, куда именно она уехала – в Мексику, в Канаду, на Гавайи?

– Нет, не сообщили. Карл Стерн сказал, что лучше мне не знать об этом.

– А как ты сама думаешь, чем ты здесь занимаешься? Обеспечиваешь ей алиби?

– Наверное, да. По крайней мере, разговор шел именно об этом. – Она вновь взглянула на меня. – Пожалуйста, не смотрите на меня так. Я сама хочу рассказать вам все, что знаю, не надо меня допрашивать. Поверьте, у

меня была ужасная ночь.

Она закрыла лицо руками, а когда отняла их, они были совсем мокрые. На тумбочке рядом с кроватью стояла коробочка с гигиеническими салфетками. Я вытащил одну и подал ей. Рина промокнула глаза и высморкалась. Неожиданно она спросила по-детски тоненьким голоском:

– Скажите, вы добрый человек?

– Надеюсь... – начал было я, но ее прямота смутила меня. – Нет, – сказал я честно, – не добрый. Когда я думаю об этом, я стараюсь быть добрым, но с каждым годом получается все хуже. Это то же самое, что пытаться подтянуться на одной руке. Можно всю жизнь тренироваться время от времени и все же никогда этого не добиться.

Она попробовала улыбнуться. Но уголки нежных губ не желали подниматься.

– Вы ответили как порядочный человек. Зачем вы приходили в дом Эстер сегодня ночью? Как вы туда вошли?

– Взломал дверь.

– Зачем? Моя сестра в чем-то виновата?

– Не знаю. Ее муж попросил меня разыскать ее. Этим я и занимался.

– У нее нет мужа. То есть, я имею в виду, муж Эстер умер.

– Это она сказала, что он умер, верно?

– Разве это не правда?

– Кажется, она вообще не говорит правды, когда можно обойтись ложью.

– Я знаю. – И она сухо добавила: – Но Эстер мне сестра, и я люблю ее. Я всегда делала для нее все, что могла. И буду делать.

– Поэтому ты и оказалась здесь?

– Да, именно поэтому. Ланс и Карл Стерн заявили, что я могу вызволить Эстер из большой беды, может быть, даже спасти от тюремного заключения. Все, что от меня требуется, так это прилететь сюда, зарегистрироваться под ее именем в отеле, а затем исчезнуть. Мы договорились, что я возьму такси, уеду за город, за аэропорт, а Карл Стерн подберет меня там. Но я почему-то не встретила с ним. И вот в конце концов я очутилась здесь, и у меня совершенно сдали нервы.

– И поэтому ты звонила мне?

– Да. После того как я увидела записку о Лансе, я задумалась. Если вы сообщили мне правду о нем, так, возможно, и все остальное тоже была правда. Я вспомнила кое-что, о чем вы говорили ночью, – первое, что у вас вырвалось, когда вы увидели меня в комнате Эстер. Вы спросили, – она старательно подбирала слова, как ребенок, повторяющий урок, – вы

решили, что я – это Эстер, и сказали, что вы думали, что я мертва, – то есть, что она мертва.

– Да, я говорил это.

– Это правда?

Я не знал, что ответить. Она встала с кровати, пошатнулась и крепко схватила меня за руку.

– Эстер мертва? Не бойтесь сказать мне правду. Я выдержу.

– К сожалению, я сам точно не знаю.

– А как вы думаете?

– Я думаю, что мертва. Думаю, ее убили здесь, на Беверли-Хиллз, вчера, ближе к вечеру. И алиби, которое им нужно, не для Эстер. А для того, кто убил ее.

– Я не совсем понимаю...

– Допустим, Эстер была убита вчера. Ты выдаешь себя за нее, прилетаешь сюда, регистрируешься в отеле, исчезаешь. И ее уже не будут искать в Лос-Анджелесе.

– Я буду.

– Если сама останешься живой.

Ей потребовалась секунда, чтобы осознать то, что я сказал, и еще одна, чтобы соотнести это с действительностью. Она вздрогнула всем телом, заморгала, а затем замерла, неподвижно глядя на меня округлившимися синими глазами, в которых застыл ужас.

– Что же мне делать?

– Исчезнуть. Затаиться. Я постараюсь разобраться во всем. Но сначала ответь мне на несколько вопросов. Ты еще не объяснила, почему позволила им одурачить себя. И что ты знаешь о делишках твоей сестры. Она когда-нибудь говорила тебе, чем занимается?

– О, она и не думала откровенничать. Но я догадывалась. Я вам все расскажу, мистер Арчер. В некотором отношении я так же виновата, как и Эстер. На мне тоже лежит ответственность за все, что произошло.

Она немного помолчала, скользнув взглядом по желтым пластиковым стенам. Казалось, ее угнетала неприглядность комнаты, в которой она очутилась по воле случая. Вдруг ее взгляд остановился на двери за моей спиной и замер. Она оцепенела.

Я обернулся. Резкий солнечный свет, полоснувший меня по глазам, отразился на трех пистолетах. Один из них держал Фрост. Лэшмен и Марфельд прикрывали его с флангов. Позади них, по дорожке, посыпанной гравием, ползла миссис Буш. А на шоссе было еще видно обшарпанное желтое такси, в котором катил к городу мой знакомец Чарльз Эдейер. Он

даже не оглянулся.

Все это я разглядел в то первое мгновение, когда моя рука сама рванулась к пистолету. Но я так и не дотронулся до него. Я соображал явно недостаточно быстро, но все же успел понять, что они только и ждут, когда у меня в руках окажется оружие. Поэтому я замер, прижав руку к груди.

Фрост сиял. На фоне лазурного бездонного неба он чем-то напоминал бабочку мертвая голова. На нем была цветная рубашка из переливчатого шелка, на голове – панама с такой же радужной лентой. Костюм из белой шерстяной фланели придавал ему сходство с теннисистом-профессионалом. Крепко сжимая пистолет, он приставил его к моему животу.

– Руки за голову. Что за приятный сюрприз!

Я подчинился.

– Мне тоже очень приятно.

– А теперь кругом.

В этот момент миссис Буш наконец удалось встать на ноги. С криком: «Грязные ублюдки!» она, как кошка, бросилась на спину гангстера, стоявшего к ней ближе других. Им оказался Марфельд. Вырвавшись, он с размаху ударил женщину в лицо рукояткой пистолета. Она упала ничком и затихла. Ее разлетевшиеся во все стороны волосы были похожи на яркий костер.

– Я убью тебя, Марфельд.

Он повернулся ко мне. Его физиономия была откровенно счастливой. Я и не предполагал, что он способен испытывать это чувство.

– Ты или кто-нибудь другой, мой мальчик? Тебе бы лучше помолчать. Ты уже попался, усек?

Он ударил меня пистолетом по голове. Небо куда-то поплыло, как голубой воздушный шарик.

Фрост резко бросил Марфельду:

– Перестань! И, ради Бога, не трогай женщину. – Затем он обратился ко мне более спокойным тоном: – Держи руки за головой и повернись на сто восемьдесят градусов.

Я выполнил его приказание, чувствуя, как струйки крови, просочившись сквозь волосы, текут по лицу. Рина по-прежнему сидела на кровати. Подобрав ноги, она прижалась к стене и дрожала, как осиновый лист на ветру.

– Ты разочаровала нас, куколка, – сказал Фрост. – И ты тоже, Лу.

– Я сам себя разочаровал.

– Да, и это после всех моих хлопот, добрых советов и многолетних

дружеских отношений между нами,

– Твои слова глубоко тронули меня. Ничто меня так глубоко не трогало с тех пор, как я последний раз слышал вой гиены.

Фросг больно ткнул меня стволом пистолета. Марфельд, энергично размахивая руками, обежал кругом и заглянул мне в лицо.

– В таком духе с мистером Фростом не говорят.

Он замахнулся. Я успел опустить подбородок, чтобы прикрыть горло, и ребром ладони он попал мне по губам. Ответный удар я нанес почти автоматически, и тут же Лэшмен вцепился в мою руку и повис на ней всем телом. Правое плечо Марфельда резко опустилось, он с силой ткнул меня в живот кулаком. Я согнулся пополам и только через несколько секунд смог выпрямиться, сглотнув при этом отрыгнувшийся горький кофе.

– Ну ладно, хватит, – Фрост уже наслаждался зрелищем и смиловивился. – Возьми его на мушку, Лэш.

Фрост подошел к кровати. Он двигался по-прежнему вяло, опустив плечи. И голос у него звучал глухо и устало:

– Ты готова идти с нами, крошка?

– Где моя сестра?

– Ты же знаешь, что она вынуждена была покинуть страну. И ты хочешь сделать все, что нужно для ее пользы, не правда ли?

Он склонился к ней и попытался улыбнуться. Но Рина, оскалившись, как зверек, зашипела на него:

– Да я бы с тобой и улицу не перешла! Ты, вонючка! Где моя сестра?

– Ты пойдешь с нами, детка, даже если тебя придется тащить. Ну давай, поторапливайся.

– Нет! Оставьте меня в покое! Вы убили мою сестру!

Она спрыгнула с кровати и бросилась к двери. Марфельд успел поймать ее и сделал вид, что борется с ней, прижимая ее к себе и гнусно ухмыляясь. Наконец ей удалось вцепиться ногтями в его щеку. В ярости он схватил девушку за руку, едва не ломая ей пальцы, и несколько раз ударил наотмашь по голове. Она покорно замерла, прижавшись к отвратительной желтой стене.

Вдруг я почувствовал, что пистолет Лэшмена больше не упирается мне в спину, и быстро обернулся. Лэшмен своими похотливыми, затуманенными от удовольствия глазами полового извращенца наблюдал, как избивают девушку. Я вырвал у него пистолет, прежде чем он успел выстрелить, и тут же изо всех сил ударил его в правый висок рукояткой. Он рухнул прямо на пороге.

Марфельд повис у меня на спине. Он был тяжелый и здоровый, да еще

обладал врожденной уверенностью в том, что сила всегда права. Он обхватил меня за шею и начал душить. Напрягшись, я сумел развернуться вместе с ним и с размаху стукнуть его о косяк двери, хотя при этом у меня чуть голова не оторвалась. Он свалился на Лэшмена лицом вверх. Рукояткой пистолета я еще для верности двинул ему между глаз.

Потом, не теряя времени, повернулся к Фросту и успел отскочить в сторону именно в тот момент, когда он нажал курок. Пули прошили стену у меня над головой. Я тоже выстрелил и попал ему в правую руку. Его пистолет с громким стуком упал на пол. Быстро подняв его, я выпрямился и, прислонившись к стене, обвел взглядом комнату.

В наступившей вдруг тишине отчетливо был слышен звук работающего кондиционера. У противоположной стены застыла бледная как полотно девушка. Между нами на полу сидел Фрост, как ребенка, прижимая к груди левой рукой раненую правую. Кровь стекала у него между пальцев. Он посмотрел на них, потом на меня. Тень смерти, которую я всегда замечал в его глазах, теперь покрывала все лицо. В дверном проеме лежал Марфельд, нежно прижавшись щекой к груди Лэшмена и закатив глаза. На лбу у него виднелась глубокая вмятина синего цвета. Шум кондиционера не мог заглушить его хриплого дыхания.

В дверях показалась миссис Буш. Она слегка покачивалась. Один ее глаз, окруженный лиловым кровоподтеком, совсем заплыл, по подбородку стекала кровь. Но она улыбалась, сжимая обеими руками автоматический пистолет сорок пятого калибра. Фрост заглянул в черное отверстие ствола, направленного на него, и попытался залезть под кровать. Но она оказалась слишком низкой. Тогда он улегся на пол и заскулил:

– Пожалуйста, не стреляйте. Я больной человек.

Женщина расхохоталась:

– Взгляните только, как он пресмыкается. Вот это да!

– Не убивайте его, – попросил я. – Это может показаться странным, но он мне еще нужен.

Глава 28

Рина сидела за рулем «кадиллака» Фроста, а я рядом с самим Фростом – на заднем сиденье. Она наложила на его рану давящую повязку и подвесила руку, использовав для этого несколько полотенец из отеля «Капля росы». Теперь он сидел с несчастным видом, не произнося ни слова, только указывая, в каком направлении ехать.

За аэропортом мы свернули к горам, ярко освещенным полуденным солнцем. Издали они были похожи на чисто выбритое морщинистое лицо старика, потому что на их каменистых склонах не росло ни кустика, ни клочка травы. Дорога шла все вверх и вверх и чем дальше, тем становилась все хуже, пока наконец не превратилась просто в неровную тропу, усеянную осколками камней. Мы пересекли невысокий горный хребет, и перед нами открылась бесплодная равнина.

На склоне одного из холмов, почти у самого гребня, прилепилось бетонное строение с закругленной крышей. Без окон, приземистое, оно походило на военное укрепление. В действительности это был заброшенный полевой склад.

Фрост сказал:

– Она там.

Рина взглянула на него через плечо. Нервы у нее были на пределе. Она так нажала на тормоз, что машина, резко дернувшись, встала как вкопанная. Мы вышли под палящее солнце, высоко стоящее на безоблачном небе, которое, как длинный белый шрам, перерезал след реактивного самолета. Я попросил Рину остаться в машине.

– Можешь убрать свой пистолет, – сквозь зубы проговорил Фрост. – Кроме нее, там никого нет.

Я велел ему идти впереди. Мы двинулись вверх по склону. Обшитая проржавевшим железом дверь бетонной постройки была приоткрыта. Сломанный замок висел в одной петле. Я широко распахнул дверь, держа Фроста на прицеле... Изнутри повеяло нагретым воздухом и запахом горелого мяса.

Фрост отшатнулся. Я подтолкнул его вперед. Мы остановились на пороге, всматриваясь в полумрак. Бетонный пол склада был примерно на шесть футов ниже уровня входной двери, да еще мы стояли в проеме, загораживая собой свет. Отодвинув Фроста в сторону, я увидел то, что лежало на полу, сморщенное, похожее на мумию, почерневшее и иссохшее,

но не от времени, а от огня.

– Кто это сделал?

Фрост ответил, запинаясь и тщетно пытаясь придать уверенность своему дрожащему голосу:

– Черт побери, ну конечно же, ее муж. Тебе следовало бы допросить его. Да будет тебе известно, что он последовал за ней сюда из Лос-Анджелеса. Ну и убил ее и сжег тело.

– Ты бы придумал что-нибудь поумнее, Фрост. Я говорил с ее мужем. Ты для того и привез его сюда в самолете Стерна, чтобы потом обвинить в убийстве. Возможно, вы и тело везли на том же самолете. Так что это вранье не пройдет в любом случае, и не надейся. Ни одна из твоих грязных, подлых затей не удастся.

Некоторое время он не мог вымолвить ни слова. У него начало судорожно подергиваться веко. Потом он сказал:

– Это была не моя затея, а Стерна. И бензин – тоже его идея. Он посоветовал сжечь ее, чтобы, когда тело обнаружат, невозможно было установить точное время смерти. Понимаешь, Лу, девушка уже была мертва. Мы только кремировали ее.

Он взглянул вниз на тело. Это зрелище окончательно повергло его в смятение и заставило замолчать. Неожиданно он протянул здоровую руку и схватил меня за плечо.

– Может быть, уйдем отсюда, Лу? Я больной человек, я не могу этого вынести. – Он умоляюще смотрел на меня.

Я стряхнул его руку.

– Только после того, как ты мне скажешь, кто убил девушку.

Опять наступила тишина, в которой слышалось только его прерывистое дыхание.

– Ее убила Изабель Графф, – выдавил он наконец.

– Откуда ты знаешь?

– Марфельд видел ее. Видел, как она выскочила из дома Эстер вся в слезах, и ее била нервная дрожь. Он вошел. Эстер лежала в гостиной на полу. Голова у нее была разбита кочергой, которая валялась рядом. Мы должны были предпринять что-то, и немедленно. Полиция в любую минуту могла выйти на Граффа...

– У Эстер был роман с Граффом?

– По крайней мере, Изабель думала так. Не будем больше об этом. Так или иначе, решать, как избавиться от трупа, пришлось мне. Я хотел просто сбросить его в море, но Графф не позволил – у него в Малибу на побережье имеется вилла. Тогда Ланс Леонард предложил другой план.

– А каким образом Леонард оказался замешанным в этом деле?

– Он был другом Эстер. Она позаимствовала его автомобиль, и он зашел, чтобы забрать его. У Леонарда был ключ от дома. Войдя, он увидел и Марфельда, и мертвую девушку. У него были собственные причины бояться огласки, поэтому он и предложил использовать ее сходство с сестрой. Они похожи почти как близнецы, а Леонард был хорошо знаком и с той и с другой. Это он уговорил Рину прилететь сюда.

– Как вы собирались поступить с ней?

– Этим должен был заняться Карл Стерн. Но, видно, в последний момент он решил от всего уклониться. Только не представляю, каким образом.

– Похоже, ты потерял с ним связь, – заметил я Ты научился принимать решения, Фрост. Когда ты смирился с тем, что тупые бандиты делают это за тебя?

Фрост сморщился, как от боли, и опустил голову

– Это не я. Последние три месяца я был под завязку напичкан демеролом.

– Так ты теперь сидишь на демероле?

– Я умираю, Лу Мои внутренности уже сгнили. И вот сейчас я испытываю невыносимую боль. Я не выдержу, если ты станешь гонять меня туда-сюда.

– Никто не собирается тебя гонять. Ты будешь сидеть в камере.

– Ты жестокий человек, Лу.

– Все продолжаешь называть меня Лу. Прекрати. Следовало бы оставить тебя здесь, чтобы ты сам отыскал дорогу назад.

– Ты не сделаешь этого? – Он вновь вцепился в меня, стуча зубами от страха. – Послушай, Лу... э-э, мистер Арчер. Помнишь, я говорил тебе о поездке в Италию? В течение двадцати шести недель ты будешь получать по пятьсот долларов в неделю. Я устрою это для тебя. Никаких обязанностей, никаких дел. Оплаченный отпуск...

– Кончай. Я даже в резиновых перчатках не дотронусь ни до одной твоей грязной монеты.

– Но ты не бросишь меня здесь?

– А почему бы и нет? Ты же бросил ее.

– Ты не понимаешь. Я сделал только то, что вынужден был сделать. Мы попали в ловушку. Девушка сама виновата в случившемся. У нее что-то было против шефа и его жены, какие-то улики, и она передала их Карлу Стерну. Собственно, он-то и заставил нас поступить таким образом. Я бы уладил все по-другому.

– Итак, это Стерн во всем виноват.

– Я этого не говорю, но... Он шантажировал нас в течение нескольких месяцев. Даже использовал имя мистера Граффа для прикрытия своей очередной аферы. И шефу пришлось согласиться на это.

– Что это были за улики?

– Хочешь, чтобы я сказал?

– Да, ты сейчас же мне все расскажешь. Ты мне до смерти осточертел, Фрост.

Он отступил к дверному косяку. Свет упал сбоку на его лицо. Я смотрел на его мертвенно-бледный профиль, словно вырезанный из листа бумаги. Как будто этот человек и в самом деле весь истлел изнутри, и осталась только пустая оболочка.

– Пистолет, – сказал он. – Пистолет, принадлежащий мистеру Граффу. Некоторое время назад Изабель застрелила из него девушку.

– Где Стерн хранил пистолет?

– В сейфе. Я только это и узнал, а добраться до него не смог. Хотя вчера вечером пистолет был у него в машине. Он показывал его мне. – Тусклые глаза Фроста блеснули желтым светом. – Понимаешь, Лу, я могу заплатить сто тысяч долларов за этот маленький пистолетик. Ты крепкий и сообразительный парень. Что, если ты выудишь его у Стерна?

– Кто-то уже выудил. А самому Стерну перерезали горло. Может, хочешь что-то добавить?

– Нет. Я не знал об этом. Конечно, это меняет дело.

– Только не для тебя.

Мы вышли. Долину затягивало белесое марево. След реактивного самолета, прорезавший небо, уже расплылся. В этом диком, безлюдном месте «кадиллак», стоящий на дороге, выглядел так же нелепо, как, вероятно, выглядел бы космический корабль, увязнувший в кратере Луны. Рина ждала меня у подножия холма с запрокинутым опустошенным лицом. А я нес ей страшную весть.

Глава 29

Но поговорить не торопясь мы смогли только гораздо позже, в конце дня, на борту самолета ДС-6. Лерой Фрост, несмотря на его протесты, отказ от своих признаний и требование немедленно вызвать адвоката и врача, был взят под стражу и помещен в специальную палату в больнице вместе с Марфельдом и Лэшменом. Останки Эстер Кэмпбелл лежали в морге, в подвальном помещении того же здания. Я рассказал шерифу и окружному прокурору достаточно, чтобы воспрепятствовать возможной передаче Фроста и его людей в другой штат в связи с подозрением в убийстве. До окончательного решения дела, похоже, было еще неблизко.

Самолет оторвался от взлетной полосы и взмыл в голубое небо. В самолете находилось не более десятка пассажиров, а весь передний салон занимали только мы с Риной. Когда погасла надпись: «Не курить», девушка закинула ногу на ногу и закурила сигарету. Не глядя на меня, она произнесла:

– Думаю, что, как обычно пишут в романах, я обязана вам жизнью. – Ее голос дрогнул, она смутилась и, сделав над собой усилие, вызывающе добавила: – Не знаю, чем смогу отплатить вам. Разве что предложить переспать со мной. Вас это устраивает?

– Нет, – ответил я. – Ты совершила ошибку и оказалась в затруднительной ситуации. Я был вынужден вмешаться. Тебе пришлось нелегко. Но не надо отыгрываться на мне.

– Я и не собираюсь отыгрываться, – возразила она упрямо. Я совершенно серьезно предложила вам свое тело, так как ничего лучшего предложить не могу.

Мне показалось, что она на грани истерики.

– Рина, перестань!

– Или я не достаточно привлекательна, а?

– Ты несешь вздор. Но я тебя не виню. Просто ты потеряла голову от страха и вообще от всего этого, и еще не пришла в себя.

Она надулась и некоторое время молча смотрела через иллюминатор вниз, на гряды гор, напоминающих Великую Китайскую стену. Наконец она сказала нормальным голосом:

– Вы совершенно правы. Я испугалась, смертельно испугалась. Пожалуй, мне было так страшно первый раз в жизни. Согласитесь, здесь нет ничего странного. И еще я почувствовала себя – как бы это выразить –

ну, почти что шлюхой, сама себе была противна.

– Такие подонки именно этого и добиваются. Им нравится, когда человек чувствует себя дрянью. Тогда они могут делать с ним все, что захотят. Хотя, думаю, это все-таки не пройдет. Как бы там ни было, подлость нигде не уважаема, даже в Лос-Анджелесе. Вот поэтому они и создали Лас-Вегас.

Она не улыбнулась.

– Это действительно такое ужасное место?

– Все зависит от того, кого выбирать себе в друзья. Ты выбрала – хуже некуда.

– Я их не выбирала. Они мне не друзья. И никогда ими не были. Я их презираю. Еще несколько лет тому назад я предупреждала Эстер, что Ланс погубит ее. А Карлу Стерну я прямо в лицо высказала все, что о нем думаю.

– Когда? Вчера ночью?

Несколько недель назад я решила встретиться с Эстер и Лансом, провести с ними вечер. Наверное, это было глупо, но я очень хотела понять, что с ней происходит. Эстер пригласила Карла Стерна, чтобы он за мной ухаживал, можете себе представить? Его считали миллионером, а Эстер всегда придавала деньгам большое значение. Она так и не смогла понять, почему я не заигрываю со Стерном. – Рина помолчала. – Как будто от этого была бы какая-то польза, – добавила она, криво усмехнувшись. – Он интересовался мной не больше, чем я им. Мы бродили весь вечер по разным ночным клубам, и он все время пожимал ножки Ланса под столом. Эстер этого не замечала, или ей было наплевать. В некоторых вещах она была беспросветной тупицей. А я беспокоилась за нее. И в конце концов высказала все, что думала об этой троице.

– Что именно?

– Только истинную правду. Что Карл Стерн – педераст, а может быть, и похуже, а Эстер, скорее всего, просто помешалась, раз путается с ним и с его красавчиком.

– Ты случайно не упомянула о шантаже?

– Упомянула. Сказала, что подозреваю их.

– Это было очень опасно, Рина. Потому Стерн и хотел, чтобы ты умерла. Я почти уверен, что он намеревался убить тебя сегодня ночью. Тебе повезло. Он умер первым.

– Правда? Не могу поверить... – Но она поверила. У нее так пересохло в горле, что некоторое время она не могла вымолвить ни слова. Молчала и делала судорожные глотательные движения. – Только потому... из-за того,

что я что-то подозревала?

– Ну да, и еще обозвала его педерастом. Убийство для Стерна – пара пустяков. Сегодня я изучил список всех его преступлений – в штате Невада на него составлено полное досье. Не удивительно, что он не смог получить официальное разрешение на строительство игорного заведения. Еще в тридцатых годах он был одним из молодчиков Анастасиа. Их подозревали в совершении свыше тридцати убийств.

– А почему его не арестовали?

– Его арестовали, но не признали виновным. Не спрашивай меня почему. Лучше спроси всех этих грязных политиков, которым подчиняется полиция в Нью-Йорке, в Джерси, в Кливленде, повсюду. Спроси у людей, которые отдадут им на выборах свои голоса... Карьера Стерна в Лас-Вегасе была закончена, но есть и другие места. Он работал на Ленке, на Миллера в Кливленде, на Лефта Кларка в Детройте, на банду «Транс-Америка» в Лос-Анджелесе. Он обучался своему ремеслу под руководством Сигеля», а после того как Сигель получил по заслугам, занялся бизнесом самостоятельно.

– Каким бизнесом?

– Тайная служба предупреждения букмекеров, торговцев наркотиками, проституток, всех тех, кто делает быстрые и грязные деньги. Он действительно был миллионером, даже, можно сказать, мультимиллионером. Только в «Казбах» он вложил миллион.

– Не понимаю, зачем тогда ему было заниматься шантажом?

– Он действовал в традициях Синдиката. Для мафии шантаж является одним из основных способов достичь власти. Да, ему не нужны были деньги, ему требовалось положение в обществе. Использование в своих целях имени Симона Граффа давало ему возможность легализоваться и даже приобрести некоторый вес в официальных кругах.

– А я помогла ему. – Ее лицо так исказилось, что казалось почти уродливым. – Я сделала это реальным. Мне следовало бы откусить себе язык.

– Но прежде я хотел бы, чтобы ты объяснила, что ты имеешь в виду.

Она порывисто вздохнула.

– Ну так вот. Прежде всего надо вам сказать, что я работаю медсестрой в санатории для психически больных людей.

Она замолчала. По всему было видно, что ей нелегко начать.

– Твоя мать сообщила мне об этом, – попытался я помочь ей.

Девушка искоса взглянула на меня.

– Когда вы встречались?

- Вчера.
- И какого вы о ней мнения?
- Она мне понравилась.
- В самом деле?
- Мне вообще нравятся женщины, я не слишком придирчив.

Зато я, кажется, слишком, – сказала Рина. – Я всегда с недоверием относилась к матери. Мне не нравилось ее дешевое жеманство и большие претензии. Впрочем, наша антипатия была взаимной. Своей любимицей и подружкой она всегда считала Эстер. Или сама была ее подружкой. Мать вконец избаловала мою сестру и в то же время предъявляла к ней непомерные требования: хотела – ни больше ни меньше, – чтобы Эстер стала знаменитостью. В течение пятнадцати лет я сидела в сторонке и наблюдала, как две девочки играют в пинг-понг. Или в пинг-понг. Они играли очень эмоционально. Но я оказалась не таким уж восторженным зрителем, – третьей стороной, составляющей толпу, настроенную отнюдь не благосклонно. – Похоже было, что этот монолог она уже много раз произносила про себя. В ее голосе звучала привычная, умело сдерживаемая горечь. – Я разделалась со всем этим, как только смогла, как только окончила среднюю школу. Уехала в Санта-Барбару, в школу медсестер, а потом начала работать в Камарильо.

Рассказывая, Рина понемногу приходила в себя, к ней возвращалась уверенность. Плечи у нее распрямились, она подняла голову и наконец взглянула мне прямо в глаза.

– Мать решила, что я сошла с ума. Мы страшно поссорились, чуть до драки не дошло, и с тех пор я очень редко встречаюсь с ней. Она не может понять, что мне нравится помогать больным, особенно людям с нарушенной психикой. Мне кажется, это именно то, что мне необходимо. Сейчас меня особенно интересует трудотерапия. Я в основном этим и занимаюсь у доктора Фрея.

– Это не тот доктор Фрей, который заведует санаторием в Санта-Монике?

Она кивнула.

– Я работаю там более двух лет.

– Тогда ты, вероятно, знаешь Изабель Графф.

– Ну конечно. Она поступила в санаторий уже при мне. Она бывала там и раньше. Доктор сказал, что на этот раз ей хуже, чем обычно. Вы знаете, миссис Графф страдает шизофренией в течение двадцати лет, и когда болезнь обостряется, у нее начинается параноидальный бред. Доктор говорит, что раньше, когда был жив ее отец, этот бред был направлен

против него. Теперь ее бред обычно связан с мистером Граффом. Она пребывает в полной уверенности, что ее муж замышляет что-то ужасное, и хочет добраться до него первой.

Доктор Фрей считает, что ради собственной безопасности мистер Графф должен бы поместить ее в психиатрическую клинику. Дело в том, что в состоянии параноидального бреда больной может совершать самые неожиданные поступки. И, вы знаете, в конце концов так и случилось.

Можно сказать, я своими глазами видела, как это произошло. Доктор Фрей провел несколько курсов лечения препаратами метразола, и миссис Графф постепенно вышла из стадии обострения и успокоилась. Я все не решалась оставлять ее без присмотра, но доктор уверил меня, что это уже не опасно, что он знает ее лучше, чем я. В конце концов, он был ее лечащим врачом.

В середине марта он разрешил ей гулять по участку. Я не должна этого говорить, но доктор совершил ошибку. Ей еще нельзя было предоставлять свободу. Первое же незначительное происшествие свело на нет все наши усилия.

– А что случилось?

– Я точно не знаю. Может быть, при ней сказали какие-то неосторожные слова, или просто посмотрели на нее как-то не так, или не тем тоном заговорили. Ведь мозг шизофреника похож на мощную антенну. Он улавливает самые слабые сигналы и многократно усиливает их. Но что бы ни случилось, Изабель сбежала и отсутствовала всю ночь. Она вернулась поистине в ужасном состоянии, с тусклыми, как бы подернутыми пленкой глазами на неподвижном лице. Ей было гораздо хуже, чем при поступлении в санаторий.

– Какого числа все это произошло?

– Двадцать первого марта. Я, наверное, никогда не забуду этот день. Девушка по имени Габриэль Торресе, с которой я была знакома в Малибу, погибла в ту же ночь. Тогда я не связывала эти два события между собой.

– А сейчас?

Она опустила голову.

– Их связала Эстер. Видите ли, ей было известно то, о чем я не подозревала, – что Симон Графф и Габриэль были любовниками.

– А как ты об этом узнала?

– Однажды, прошлым летом, мы обедали вместе. Эстер в то время была без гроша, и я, когда могла, кормила ее обедом. Мы болтали о том о сем, и она заговорила об этом деле. Она как раз вернулась в клуб «Чэннел», вела там занятия по прыжкам в воду. Она рассказала мне об их связи, –

очевидно, Габриэль поверяла ей свои секреты. А я, без всякой задней мысли, сказала, что Изабель убежала в ту ночь. Эстер сразу же забросала меня вопросами. Я думала, ей не дает покоя гибель подруги. Мне хотелось быть с ней откровенной, и я поведала все, что знала об Изабель: о ее побеге и психическом состоянии по возвращении.

В тот день, рано утром, я как раз была на дежурстве в санатории. Доктор Фрей еще не пришел. Изабель притадилась перед самым рассветом. Она, как я уже говорила, была в ужаснейшем состоянии, и не только психически. Казалось, она просто в изнеможении. Теперь я понимаю, что она, вероятно, проделала весь путь из Малибу пешком, а кое-где и ползком, по берегу моря. Она промокла до нитки и была вся в песке. Первым делом я приготовила ей горячую ванну.

– Она ничего тебе не рассказывала?

– Нет, и слова не вымолвила. По правде, долгое время после этого она вообще ни с кем не разговаривала. Доктор Фрей беспокоился, что она вошла в ступор. Но, даже когда Изабель стало немного лучше и она снова начала говорить, она никогда не вспоминала ту ночь – по крайней мере вслух. Я наблюдала за ней в комнате, где наши больные занимаются разными ремеслами. Это было уже позже. Она лепила из глины. Обычно я спокойно отношусь к тому, что приходится видеть в лечебницах для душевнобольных, но некоторые из ее поделок глубоко потрясли меня.

Рина закрыла глаза и продолжала подчеркнуто спокойным тоном-

– Чаще всего она лепила маленьких куколок-девочек, а потом откручивала им головы, разрушала по частям, как какая-то злая колдунья. А еще – ужасных кукол мужского пола с огромными... членами. Совокупляющихся животных с человеческими лицами. Пистолеты и части человеческого тела все вперемешку

Да, на такое не очень приятно смотреть, – согласился я, – но это же что-то должно было означать, не так ли? Она когда-нибудь говорила с тобой об этом?

Нет, со мной не говорила. Доктор Фрей не рекомендует медсестрам самостоятельно заниматься психиатрией

Рина повернулась на сиденье, ее колено слегка задело мое и сразу же отпрянуло. Она подняла на меня глаза. Было странно, что у девушки, столько видевшей и пережившей, такой невинный доверчивый взгляд

– Вы хотите встретиться с доктором Фреем?

– Скорее всего, придется.

– Пожалуйста, не говорите ему обо мне, хорошо?

– Зачем бы я стал это делать?

– Понимаете, считается грубым нарушением профессиональной этики, если медсестра рассказывает кому-нибудь о своих пациентах. Последние несколько месяцев, с тех пор как я все выболтала Эстер, меня мучают угрызения совести. Надо же быть такой душой! Поверить, что раз в жизни она говорит искренне и ее тревожит только гибель Габриэль. Я ни за что не должна была давать ей такую опасную информацию. Слишком поздно я поняла, для чего она ей понадобилась. А тогда мне просто не пришло в голову, что она может воспользоваться моей болтливостью, чтобы шантажировать мистера и миссис Графф.

– Когда ты догадалась об этом, Рина?

Она долго не отвечала. Я ждал. Ее глаза стали почти черными от волнения. Наконец она решилась.

– Трудно сказать. Вы можете что-то знать, но не придавать этому значения. Когда вы любите человека, требуется так много времени, чтобы сказать себе правду о нем. Вообще-то, я с самого начала что-то подозревала. С тех пор как Эстер ушла из клуба. Было непонятно, откуда у нее столько денег. Но все окончательно стало на свои места в тот ужасный вечер, который мы провели вчетвером. О нем я уже рассказывала. Карл Стерн крепко выпил и начал хвастаться своим новым делом в Лас-Вегасе и тем, что Симон Графф всецело у него в руках. А Эстер сидела с сияющими глазами. Мне пришла в голову странная мысль, что она специально пригласила меня для того, чтобы показать, как она преуспевает. Каких высот она в конце концов достигла в жизни. Вот тут-то я и вышла из себя.

– А какая была их реакция?

Я не стала дожидаться никакой реакции. Просто ушла оттуда – мы сидели в баре «Дикси» – и одна поехала домой на такси. И с тех пор не видела Эстер. Вообще никого из них не видела до вчерашнего дня, когда Ланс позвонил мне.

– Чтобы попросить тебя слетать в Лас-Вегас под именем Эстер?

Она молча кивнула.

– Почему ты согласилась?

Вы знаете почему. Я считала, что обеспечиваю ей алиби.

– Это не объяснение, Рина.

– Разве надо объяснять? Просто я так решила, и все. – Через некоторое время она добавила: – Я чувствовала, что обязана сделать что-то для Эстер. Может быть, я так же виновата, как и она. Эта ужасная история никогда бы не произошла, если бы не я. Невольно я подтолкнула ее и считала, что должна помочь ей. А ведь Эстер тогда была уже мертва...

Ее всю пронизала дрожь так, что даже зубы застучали. Я осторожно

обнял Рину и подождал, пока она немного успокоится.

– Не вини себя так.

– Разве вы не понимаете? Изабель Графф убила Эстер, и я тому виной.

Я покачал головой.

– Не понимаю. Человек должен отвечать только за свои собственные поступки. А кроме того, у меня имеются серьезные сомнения насчет того, что именно Изабель убила твою сестру. Я даже не уверен, что она застрелила Габриэль Торресс. Для того чтобы утверждать это, необходимы достаточно серьезные доказательства: ее собственное признание, показания свидетелей или оружие, из которого было совершено убийство.

– Вы это просто так говорите.

– Нет, не просто. Я уже принял определенное решение.

Она не спросила, что я имею в виду, и, пожалуй, правильно сделала. Честно говоря, я все еще не был уверен в ответе.

– Послушай, Рина. На тебя в самом деле свалилось несчастье, и ты склонна винить во всем себя. Возможно, тебя воспитали в таком духе, что ты привыкла всегда считать себя виноватой.

Я почувствовал, как она, нервно вздрогнув, вся сжалась под моей рукой.

– Вы правы. Эстер была младшей. С ней вечно случались всякие неприятные истории, а попадало за это мне. Только откуда вы знаете? Вы так необыкновенно проникательны?

– К сожалению, иногда моя проникательность запаздывает. Ну, как бы там ни было, а в одном я уверен твердо. Ты не отвечаешь за то, что случилось с Эстер, и ты не сделала ничего плохого.

– Вы правда так думаете? – недоверчиво спросила она.

– Конечно, я убежден.

Она была порядочной девушкой, тут миссис Буш не ошиблась. Но сейчас она был еще очень уставшей, печальной и взволнованной.

Некоторое время мы провели в неловком молчании. Звук двигателей изменился. Самолет, приближаясь к Лос-Анджелесу, постепенно начал снижаться прямо в пылающее зарево заката. Но прежде чем он коснулся земли, Рина немного поплакала и успела вздремнуть на моем плече.

Глава 30

В аэропорту я забрал со стоянки свою машину. Рина попросила высадить ее возле дома миссис Кэмпбелл в Санта-Монике. Я так и сделал, но сам не зашел, а сразу направился через Уилшир в санаторий доктора Фрея.

Санаторий располагался за городом, на большом участке земли, бывшем когда-то частным владением и обнесенном высокой стеной. Служитель в униформе открыл ворота и сообщил, что доктор Фрей, вероятнее всего, сейчас обедает.

Центральное здание представляло собой белоснежный особняк в стиле эпохи короля Эдуарда с некоторыми современными дополнениями. Оно стояло на склоне холма. На террасах прогуливались обычные люди. Обычные, если не считать того, что вся их жизнь протекала за каменной стеной.

Стоя на веранде в ожидании доктора Фрея, я какое-то время смотрел вниз, на видневшийся вдали океан. Над его выпуклой поверхностью уже клубился туман и собиралась темнота, а у самого горизонта все еще тлело заходящее солнце.

Я поговорил с горничной в форменном платье, с седовласой экономкой. Наконец ко мне вышел сам доктор, оказавшийся сутулым пожилым человеком в смокинге. В руке он держал высокий стакан с виски. Глубокие морщины, избородившие его лицо, кажется, проступили еще резче, когда он услышал, что Изабель Графф подозревается в убийстве. Доктор поставил стакан на каминную полку и повернулся ко мне с таким воинственным видом, словно собирался защищать от меня всех своих подопечных.

Насколько я понимаю, вы полицейский

– Частный детектив. Позже я обязан буду передать дело в полицию. Но сначала я хочу потолковать с вами.

– Наша беседа вряд ли будет для вас интересна, – проговорил он. – Не можете же вы всерьез рассчитывать на то, что я стану обсуждать такой вопрос с совершенно незнакомым мне человеком. Я вас не знаю.

– Зато вы хорошо знаете миссис Графф.

Он развел руками.

– Я знаю, что я врач, а она моя пациентка. Какого еще ответа вы от меня ожидали?

– Например, вы могли бы заявить, что все это совершенно невозможно.

– Отлично. Я так и сделаю. Это совершенно невозможно. А сейчас прошу извинить, меня ждут.

– Надеюсь, миссис Графф сейчас находится здесь?

Вместо ответа он спросил:

– Позвольте узнать, чего вы хотите добиться вашим расследованием?

– Четыре человека убиты, три из них в последние два дня.

Он даже бровью не повел.

– Эти люди были вашими друзьями?

– Пожалуй, нет. Но все же они были представителями человеческой расы.

С высоты своего возраста он с горькой иронией произнес:

– Так вы альтруист, молодой человек, да? Этаким непобедимый голливудский герой с отличными мускулами? И вы собираетесь в одиночку очистить авгиевы конюшни?

– Я не настолько честолюбив. Прошу вас, доктор, давайте поговорим не обо мне, а об Изабель Графф. Если она убила четырех человек или даже только одного, ее необходимо изолировать, чтобы она не представляла опасности для окружающих. Разве вы не согласны со мной?

С минуту он хранил молчание. Затем неохотно сказал:

– Сегодня утром я подписал заключение о том, что ее следует взять под стражу.

– Это должно означать, что она сейчас находится в государственной клинике?

– Должно бы, но боюсь, это не так. – Я видел, что он испугался. – Прежде чем я успел отдать распоряжение, миссис Графф... э-э... сбежала. Она оказалась более решительной, чем можно было ожидать. Я ошибся, и признаю это. Мне давно следовало поместить ее в закрытую клинику. Сегодня, незадолго до завтрака, она выбила окно стулом и удрала, спрятавшись в кузове автомобиля, который отвозит белье в прачечную.

– Как идут поиски?

– Об этом лучше спросить ее мужа. Поисками занимаются его охранники. Он запретил... – Доктор Фрей замолчал и взял свой стакан. Сделав глоток, он сказал: – Пожалуй, нам не стоит продолжать разговор. Если бы вы были официальным лицом... – Он пожал плечами и снова умолк. Кубики льда тихонько звякали в стакане.

– Вы хотите, чтобы я обратился в полицию?

– Если у вас есть какие-нибудь доказательства.

– Вот я и пытаюсь их получить. Как вы думаете, доктор, миссис Графф убила Габриэль Торресе?

– Мне это неизвестно.

– Она могла совершить другие убийства?

– Не могу сказать.

– Но вы же видели ее, говорили с ней?

– Ну разумеется. Последний раз сегодня утром.

– Как вы оцениваете ее психическое состояние?

Он устало улыбнулся.

– Это не зал судебного заседания. Теперь вы попытаетесь сформулировать гипотетический вопрос. На который я вообще откажусь отвечать.

– Вопрос как раз не гипотетический. Стреляла ли она в Габриэль Торресе в ночь на двадцать первое марта прошлого года?

– Если это и не гипотетический вопрос, то, во всяком случае, чисто теоретический. Миссис Графф сейчас психически нездорова, так же как и двадцать первого марта прошлого года. И ее просто невозможно признать виновной в убийстве или каком-то другом преступлении. Так что мы оба теряем время, не правда ли?

– Мне не жаль этого времени. Похоже, я кое-чего достиг. Вы, в сущности, признали, что она стреляла в ту ночь.

– Я признал? Не думаю. Молодой человек, вы слишком настойчивы.

– Я к этому привык.

– А я нет. – Он подошел к двери и открыл ее. – Если вы соизволите выйти, то избавите меня от необходимости выставить вас силой.

– Последний вопрос, доктор. Что заставило ее сбежать именно в тот мартовский день? Может быть, кто-то приходил к ней накануне?

– Что? – озадаченно переспросил он. – Мне об этом ничего не известно.

– Насколько я знаю, Клэрэнс Бассетт регулярно навещал ее.

Он пристально посмотрел на меня из-под полуприкрытых век.

– У вас имеется осведомитель среди моих сотрудников?

– Все гораздо проще. Я говорил с Бассеттом. Кстати, с него-то все и началось.

– Почему вы сразу не сказали? Я очень хорошо знаю Бассетта.

Доктор Фрей закрыл дверь, подошел ко мне и спросил:

– Так, значит, Бассетт нанял вас, чтобы расследовать эти убийства?

– Я искал пропавшую девушку, и это обернулось расследованием убийства, прежде чем я нашел ее. Девушку звали Эстер Кэмпбелл.

– Что вы говорите! Я несколько лет знал ее по клубу. А ее сестра работает у меня. – Он помолчал, стараясь скрыть волнение, и только рука, державшая стакан, слегка дрожала. – Значит, одна из жертв – Эстер Кэмпбелл?

– Она была убита вчера, во второй половине дня.

– И у вас есть основания предполагать, что это сделала миссис Графф?

– Изабель Графф несомненно замешана тут. Хотя я не знаю, насколько. Очевидно, она была на месте преступления. Ее муж, скорее всего, считает ее виновной. Но это не доказательство. Кроме того, вполне возможно, что кто-то использовал ее в качестве орудия для совершения убийств. Я хочу сказать, что в состоянии бреда она действительно совершила их, но кто-то подтолкнул ее. Можно сделать такое предположение?

– Чем больше я узнаю о человеческой психике, тем меньше я ее знаю.

– Он попытался улыбнуться. – Я же говорил, что вы будете задавать гипотетические вопросы.

– Я пытался не делать этого, доктор. Но все-таки пришлось. И вы еще не ответили, приходил ли сюда Бассетт?

– Да ведь ничего особенного в его визитах не было. Он навещал миссис Графф каждую неделю, а иногда и чаще. Они вообще очень дружны – когда-то они даже собирались пожениться, много лет тому назад. Иногда я думаю, что ей было бы лучше выйти замуж за Клэрэн-са. Он обладает поистине женской способностью к сочувствию, а это ей крайне необходимо. Они оба слабые люди, не способные выстоять в одиночку. Так сказать, комплекс неполноценности. Вместе, если бы у них была возможность вступить в брак, они создали бы функциональный союз.

– Что вы имеете в виду, говоря, что они не способны выстоять в одиночку?

Доктор Фрей задумчиво посмотрел на меня.

– Ну вот хотя бы миссис Графф. Она подвержена шизофреническим проявлениям с четырнадцати-пятнадцати лет. Собственно, она до сих пор обладает сознанием девочки-подростка, неспособной справиться с требованиями взрослой жизни. А от Симона Граффа она почти не получала поддержки.

– Вам известно, от чего началась ее болезнь?

– Этиология этого заболевания все еще не изучена. Но о болезни Изабель я кое-что знаю. Она осталась без матери совсем юной, а Питер Гелиопул ос оказался не самым лучшим отцом. Он не хотел понимать, что Изабель еще ребенок. Ребенку нужна была семья, простые человеческие отношения. Он лишил ее всего этого, зато предъявлял к ней огромные

требования, продиктованные исключительно его амбициями. Он вынудил ее раньше времени стать взрослой. Эти требования были непомерными для девочки, возможно, с рождения предрасположенной к шизофрении.

– А Клэрэнс Бассетт? Он что, тоже психически нездоров?

– Я не могу этого утверждать. Он управляющий моего клуба, а не мой пациент.

– Вы же сами сказали, что он страдает комплексом неполноценности.

– Я имел в виду, что он неполноценен в социальном и сексуальном отношениях. Чужая жизнь всегда интересовала его больше, чем собственная. Его устраивает езда по обочине, понимаете? Он привык чувствовать себя хуже других. Его привлекают только беспомощные молодые девушки и ущербные личности вроде Изабель, которые никогда не станут взрослыми. Все это весьма типично и является частью установки.

– Какой установки?

– Установки на собственную натуру. Его слабость заставляет его уклоняться от соприкосновения с реальной жизнью, с так называемой грубой действительностью. Несколько лет назад, когда умерла его мать, он пережил тяжелое потрясение. С тех пор он сильно пьет. Осмелюсь высказать предположение, что его пьянство в сущности можно «рассматривать как акт самоубийства. Он в буквальном смысле заливает горе вином. Подозреваю, что он был бы только рад присоединиться к своей горячо любимой мамочке в могиле.

– Вы не считаете его потенциально опасным?

Доктор, немного подумав, ответил:

– Все может быть. Так называемый инстинкт смерти – подсознательное стремление к смерти – всегда амбивалентен. Это значит, что он может быть направлен как против себя самого, так и против других. Известно, что неполноценные мужчины нередко пытаются утвердиться с помощью насилия.

Мне показалось, что все эти общие рассуждения нужны доктору только для того, чтобы заглушить мучающую его тревогу. И еще – уйти от прямого ответа. Но меня это не устраивало.

– Так вы допускаете, что Клэрэнс Бассетт мог стать убийцей?

– Ни в коем случае. Я говорил только в общих чертах.

– Да, конечно, зачем создавать себе неприятности, так, по-вашему?

Доктор ответил мне странным взглядом, выражающим одновременно и сочувствие, и острое желание, чтобы я оставил его в покое. Наверное, за свою жизнь он потратил немало сил, пытаясь расчистить бескрайние авгиевы конюшни, и ему трудно было сохранить веру в человечество

– Я уже стар, – вздохнул он, – по ночам часто лежу без сна и думаю о том, что может случиться с людьми. Вы не знакомы с новейшими теориями в психиатрии – о человеческих взаимоотношениях? С концепцией так называемого folie a deux^[8]?

Я ответил отрицательно.

– Безумие на двоих, как это понимать? Безумная тяга к насилию может возникнуть у людей, вступивших в определенные взаимоотношения, хотя каждый из них сам по себе является совершенно безобидным существом

В последнее время мои ночные размышления касались Клэренса Бассетта и Изабель. Двадцать лет назад между ними, скорее всего, возник бы прочный союз. Союз двух надломленных людей... Такие отношения могут, конечно, испортиться, разладиться. А бывает и еще хуже. Я не говорю, что это непременно должно произойти. Но вероятность все же имеется – она возникает, когда две личности охвачены одной и той же бессознательной тягой к смерти.

Я повторил свой вопрос:

– Так Бассетт побывал у миссис Графф перед ее исчезновением в марте прошлого года?

– Кажется, да. Но вам лучше посмотреть журнал регистраций.

– Не беспокойтесь. Я спрошу у него самого. Скажите, доктор, по ночам вы размышляете еще о чем-нибудь?

– Может, и так. Но наш разговор и без того уже слишком затянулся. – Он нерешительно поднял руку к лицу, как бы защищаясь. – Вы буквально засыпали меня вопросами, и им конца не видно. Я устал. Я старый человек, я уже объяснял. И меня заждались мои гости.

Попрощавшись и поблагодарив его, я вышел. Тяжелая дверь гулко хлопнула за моей спиной. Люди, неторопливо прогуливающиеся по террасам, повернули на этот звук свои бледные, сумрачные лица, и мне показалось, что я отчетливо вижу вечный испуг, застывший в их глазах.

Глава 31

Я добрался до Малибу уже глубокой ночью. На стоянке клуба «Чэннел» была всего одна машина, потрепанный, довоенного выпуска «додж», принадлежащий, как явствовало из надписи на руле, Тони Торрессу. Не встретив ни души, я дошел до кабинета Бассетта, постучал, но не получил ответа. Прошагал по галерее, спустился к воде. Вокруг все казалось заброшенным. Наверняка сегодня я был единственным гостем.

Я воспользовался этим обстоятельством, чтобы проникнуть в кабину, принадлежавшую Симону Граффу. Открыв дверь с помощью отмычки, я вошел и включил свет, почти уверенный, что встречу кого-нибудь. Но тщательно прибранная комната была пуста. Почему-то меня удивило, что здесь ничего не изменилось, даже яркие картины по-прежнему украшали стены – как будто время, мчавшееся с невероятной быстротой, вдруг остановилось.

Несколько секунд я стоял неподвижно. Меня охватило странное ощущение, которое иногда возникает в конце расследования какого-нибудь безнадежного дела – казалось, я могу заглянуть в самые темные закоулки человеческого сознания, в самые сокровенные уголки чужой души.

Я распахнул двери в две маленькие смежные раздевалки. Через любую из них можно было выйти прямо в коридор, ведущий к душевым. В правой кабинке я обнаружил серый стальной шкафчик, набитый мужскими вещами: махровыми халатами, плавками, «бермудами», спортивными рубашками и кроссовками. В раздевалке слева, принадлежавшей, по всей видимости, миссис Графф, не было ничего, если не считать деревянной скамьи и пустого шкафа.

Войдя, я остановился, еще толком не зная, что ищу. Мной овладела уверенность, что это место как-то связано с давней весенней ночью, когда Изабель сбежала из санатория и когда погибла Габриэль. «Какую-то долю секунды я была там, слушая свои собственные слова... Пожалуйста, налейте мне виски», – молнией промелькнуло у меня в голове.

В верхней части двери было небольшое окошечко для вентиляции, забранное жалюзи. Поднявшись на цыпочки, я посмотрел между планками. Изабель могла бы встать на скамейку.

Я тоже подтащил скамейку к двери и встал на нее. Примерно в шести дюймах ниже уровня глаз, на планке жалюзи, было несколько вмятин, похожих на следы зубов, а вокруг них расплывшийся полукруг красной

губной помады, потемневший от времени. Я невольно вздрогнул, подумав, что испытывала женщина, которая стояла на этой скамейке в темноте, наблюдая за происходящим сквозь щели в жалюзи, грызя от отчаяния дерево.

Я выключил свет, вышел и остановился перед литографией Матисса, изображающей побережье лазурного моря. И вдруг ощутил щемящую тоску по этому яркому, несуществующему миру, где никто не жил, никто не умирал и где никогда не заходило солнце.

За моей спиной раздалось деликатное покашливание. Я оглянулся и увидел Тони, прищурившего глаза от яркого света. Его рука лежала на кобуре.

– Мистер Арчер, вы взломали дверь?

– Взломал.

Он осуждающе покачал головой. На замке блестела свежая царапина, а на краю двери осталась небольшая зазубрина. Тони провел по ним жестким смуглым пальцем.

– Мистеру Граффу это не понравится. Он просто помешан на своей кабинке, сам обставил ее, не то что другие.

– Давно он это сделал?

– В прошлом году, перед началом летнего сезона. Он пригласил специалистов-декораторов, начистил тут все и целиком заменил обстановку. – Он не мигая смотрел на меня своим невеселым взглядом. Затем сиял фуражку и почесал затылок. – А взломанный замок на калитке – тоже ваша работа?

– Моя. Похоже, я оказался в роли завязанного разрушителя. Это так важно?

– Полицейские считают, что да. Капитан Сперо все хотел допытаться, кто мог взломать замок. Вы знаете, что они нашли еще один труп на берегу, мистер Арчер?

– Труп Карла Стерна?

– Да. Одно время он был менеджером моего племянника. Капитан Сперо утверждает, что это убийство – дело рук гангстеров, но я не верю. А вы как думаете?

– Я тоже в этом сомневаюсь.

Тони присел на корточки прямо в дверях. Казалось, ему не хочется заходить в раздевалку Граффа. Он снова почесал в затылке и спросил:

– Мистер Арчер, что случилось с моим племянником Мануэлем?

– Вчера ночью в него стреляли и убили.

– Это я знаю. Капитан Сперо сказал, что он мертв, убит выстрелом в

глаз. – И Тони правым указательным пальцем прикоснулся к левому веку.

– О чем еще говорил Сперо?

– О том, что и это убийство, вполне вероятно, совершила банда гангстеров, он спросил меня, были ли у Мануэля враги. Я ответил, что его самого большого врага звали Мануэль Торресе. Что мне было известно о его жизни, о его друзьях? Он давным-давно порвал со мной и отправился своим путем, напрямиком в ад – на своем шикарном автомобиле.

Тони немного помолчал, и я тоже не знал, что ему сказать. Потом он снова поднял на меня глаза, в которых затаилась глубокая, непроходящая печаль.

– Я хотел, но так и не смог вырвать этого парня из сердца. Одно время он был для меня как сын.

Он тяжело вздохнул.

– Думаю уехать отсюда, здесь не повезло ни мне, ни моей семье. У меня есть друзья во Фресно. И мне надо было оставаться там, не уезжать. Я совершил ту же ошибку, что и Мануэль, решил, что добьюсь, чего захочу. А вместо этого остался один-одинешенек – ни жены, ни дочери, ни Мануэля.

Он сжал кулак, посмотрел на него, а затем обвел взглядом комнату. Видимо, это напомнило ему о его обязанностях.

– А что вы здесь делаете, мистер Арчер?

– Ищу миссис Графф.

– Почему вы сразу не сказали? Вам незачем было взламывать дверь. Миссис Графф приходила сюда несколько минут назад. Она хотела видеть мистера Бассетта, но не застала его.

– Где она сейчас?

– Спустилась на пляж. Я пытался удержать ее, но куда там. Во всяком случае, меня она не послушалась. Как вы думаете, может, лучше позвонить мистеру Граффу?

– Если сумеешь дозвониться. Где Бассетт?

– Не знаю. Я видел, как он упаковывал свои вещи. Наверное, собирается в отпуск. Он всегда уезжает на месяц в Мексику в межсезонье. А потом показывает мне цветные фотографии...

Я пошел на берег. Калитка была распахнута. Я посмотрел сверху на пляж, окаймленный колеблющейся полоской белой пены. Вид прибоя вызвал у меня чувство тошноты: он напомнил мне о Карле Стерне, совершающем свое последнее плавание.

Океан штормил. Волны, как призраки, появлялись из плотной стены тумана и обрушивались на берег с таким грохотом, будто были сделаны из камня. Когда я спустился по бетонным ступенькам, до меня сквозь шум

прибоя донеслись странные отрывистые звуки. Я узнал резкий, как крик чайки, голос Изабель, разговаривающей с океаном. Подойдя ближе, я увидел, что она сидит сгорбившись, обняв одной рукой колени, а другой, сжатой в кулак, грозит рокошущей стихии:

– Ты, вонючая отстойная яма, я не боюсь тебя!

Я тронул ее за плечо. Она съежилась и прикрыла лицо рукой.

– Оставьте меня! Я не хочу назад. Лучше умереть.

– Где вы были весь день, Изабель?

Ее влажные глаза блеснули из-под пальцев.

– Не ваше дело. Уходите!

– Думаю, мне лучше остаться.

Я сел рядом с ней на плотный, слежавшийся песок так близко, что наши плечи соприкоснулись. Она слегка отстранилась, но не попыталась уйти. Вдруг, рывком повернувшись ко мне, она произнесла своим обычным голосом:

– Привет!

– Привет, Изабель. Где вы пропадали весь день?

– На берегу. Мне захотелось совершить приятную длительную прогулку. Маленькая девочка отдала мне свой стаканчик с мороженым, правда, она заплакала, когда я взяла его, и это просто ужасно, но у меня за весь день не было ни крошки во рту. Я обещала заплатить ей, но побоялась зайти домой. Там мог оказаться этот грязный старик.

– Что еще за грязный старик?

– Тот, который приставал ко мне, когда я приняла снотворное. Потом он исчез. От него пахло тухлыми яйцами, как от отца, когда он умер. А в его глазах копошились черви. – Все это она произнесла ничего не выражающим голосом.

– В чьих глазах?

– В глазах старика с длинной белой грязной бородой. – Она была в ужасном состоянии, но еще могла отвечать на вопросы. – Он долго приставал ко мне, но утром я опять вернулась сюда, к этим равнодушным и похотливым людишкам. Что же мне делать? Я боюсь воды, а снотворное не помогает. Они просто откачивают тебя, трясут, отпивают кофе, и ты возвращаешься назад.

– Когда вы принимали снотворное?

– О, давным-давно, когда отец заставил меня выйти замуж за Симона. А я была влюблена совсем в другого человека.

– В Клэренса?

– Да. Всю жизнь я только его и любила. Клэр был так добр ко мне.

Мне хотелось смеяться и плакать одновременно. Я заглянул в лицо, склонившееся к моему плечу. Эта женщина была уже не очень молода и измучена болезнью, но сейчас она напоминала ребенка. Ребенка с помрачившимся рассудком, который сбился с пути и в тумане повстречался со смертью.

– Что же мне делать? – пробормотала она. – Я не вынесу, если меня навсегда запрут в комнате.

– Самоубийство, – это смертный грех, Изабель.

– Я совершила кое-что и похуже.

Я ждал. Завеса тумана приблизилась к нам вплотную, потом полностью накрыла нас. Мы словно попали в преддверие ада, где можно говорить все что угодно. И Изабель наконец призналась:

– Я совершила самый ужасный грех из всех грехов. Они были вдвоем, в ярком свете, а я стояла одна в темноте. Потом все разлетелось на тысячи мелких осколков у меня перед глазами, но все же я смогла выстрелить. Я выстрелила ей прямо в пах, и она умерла.

– Это случилось в вашей раздевалке?

Она чуть заметно кивнула. Я скорее почувствовал это движение, чем увидел его.

– Я застала их там вместе с Симоном. Но она сумела выползти оттуда и умерла на берегу. Волны приблизились и унесли ее с собой. Лучше бы они забрали меня.

– А что произошло с Симоном?

– Ничего. Он сбежал. Чтобы заняться тем же самым в другой день и продолжать, продолжать без конца. Он страшно испугался, когда я вышла из своей раздевалки с пистолетом в руке. Это его я хотела убить, но он удрал.

– Где вы взяли пистолет?

– Это был пистолет Симона. Он хранил его в своем шкафчике для одежды. Симон сам научил меня стрелять, на этом самом берегу. – Она коснулась моей руки. – Что вы теперь думаете обо мне?

Я не ответил. В тумане, откуда-то сверху, раздался мужской голос, выкрикивавший имя Изабель.

– Кто это? Не позволяйте им схватить меня. – Она встала на колени и вцепилась в меня обеими руками, холодными как лед.

Кто-то спускался к нам с фонарем в руке. Я поднялся и пошел навстречу. Луч фонарика скользнул по ступенькам. Я различил тускло освещенную фигуру Граффа. В руке он сжимал пистолет. Но я уже держал его под прицелом.

– Бросайте оружие, Графф.

Я услышал, как зашуршал песок, наклонился и поднял пистолет. Это была одна из первых моделей немецкого «вальтера», двадцать второго калибра, со сделанной на заказ ореховой рукояткой, слишком маленькой для моей руки. Пистолет был заряжен. Я поставил его на предохранитель и засунул за пояс.

– Давайте и фонарик.

Он отдал фонарь. Направив его луч в лицо Граффу, я спросил:

– Откуда у вас этот пистолет, Графф?

– Много лет тому назад его изготовил в Германии Карл Вальтер по моему заказу.

– Я спрашиваю не об этом. Где вы взяли его сегодня?

Он осторожно ответил:

– Все эти двадцать лет он был со мной.

– Черта с два. Вчера ночью он был у Стерна, вплоть до его смерти. Вы сами его убили, чтобы забрать оружие?

– Это возмутительно!

– Так вы убили его?

– Нет.

– Но кто-то сделал это. Вы должны знать кто, и могли бы сообщить мне. Так или иначе, все скоро прояснится. Даже ваши деньги не могут этому помешать.

– Вы хотите получить деньги? Вы их получите. – В его голосе послышалось презрение – ко мне, а возможно, и к себе самому.

– Меня купить нелегко, – усмехнулся я. – Начальник ваших гангстеров уже пытался. Теперь он в тюрьме в Лас-Вегасе.

– Я знаю, – проямлил Графф. – Но я говорю об очень большой сумме. Сотни тысяч долларов наличными. Прямо сейчас. Этой ночью.

– Интересно, где вы возьмете такую сумму немедленно?

– У Клэренса Бассетта. Из его сейфа. Я заплатил ему сегодня вечером. Это была плата за пистолет. Заберите деньги у него, они – ваши.

Глава 32

В кабинете управляющего горел свет. Я застучал так, что отшиб себе костяшки пальцев. Бассетт открыл дверь и замер. Я молча смотрел на его землистое лицо с черными кругами вокруг глаз. Полубезумный взгляд остановился на мне, с трудом узнавая.

– Арчер? В чем дело, дружище?

– Все дело в вас, Клэрэнс.

– О, надеюсь, что нет. – Он заметил, кто стоит у меня за спиной, и радостно заворковал: – Вы нашли ее, мистер Графф. Я так рад.

– Да неужели? – угрюмо произнес Графф. – Изабель во всем призналась вот этому человеку. Верните мне мои деньги, Бассетт.

Выражение лица Бассетта изменилось так резко, что оно стало почти неузнаваемым.

– Как это понимать? Я верну деньги, и мы поставим точку па этом деле? И молчок? – проговорил он с усмешкой, больше похожей на звериный оскал.

– Разговор только начинается. Верните ему деньги, Бассетт.

Он стоял в дверях, загораживая мне дорогу. Мысль о каком-то действии промелькнула в его глазах и исчезла

– Их здесь нет.

– Откройте сейф, и мы проверим:

– У вас нет на это права.

– Послушайте, Бассетт. Помочь мне – в ваших собственных интересах. Разве не так?

Он поднял руку к горлу и оттянул кожу на шее повыше воротника.

– Ваше появление немного взволновало меня. Но как бы там ни было, извольте. Мне нечего скрывать.

Он резко повернулся, прошел через всю комнату и снял со стены фотографию, на которой застыли в полете три прыгуна в воду. За ней, в стене, оказался встроенный сейф. Я держал его на прицеле, пока он набирал номер на ярко блестящем хромированном диске. Пистолет, из которого он застрелил Леонарда, скорее всего покоился на дне моря, но в сейфе мог оказаться еще один. Однако там оказались лишь пачки денег, завернутые в коричневую бумагу

– Берите их, – сказал мне Графф. – Они ваши

– О, они сделают из меня бездельника. И, кроме того, я не в состоянии

уплатить налог с такой суммы.

– Вы шутите? Вам же нужны деньги. Вы работаете ради денег, разве не так?

Да, они мне очень нужны, – ответил я спокойно. – Но эти деньги взять я не могу. Они не будут принадлежать мне, это я буду им принадлежать. Они потребуют, чтобы я делал кое-что, чего я совсем не хочу делать. Например, держать в секрете все ваши грязные мерзкие делишки.

Графф пожал плечами и пристально посмотрел на Бассетта, плотно прижавшегося к стене. Страх смерти вдохнул силы в немощное тело управляющего. Он резким движением выбил пистолет из моей руки, бросился на пол и хотел схватить его. Но прежде чем он успел это сделать, я ногой отшвырнул пистолет в сторону, поднял Бассетта за шиворот и усадил за его же собственный стол.

Изабель Графф упала в кресло по другую сторону стола. Она откинула голову назад, и ее волосы рассыпались черной волной. Бассетт избегал ее взгляда. Он сидел сгорбившись, дрожа всем телом и тяжело дыша.

– Я не совершил ничего, за что мне может быть стыдно. Мы с Изабель старые друзья. Я просто спасал старого друга. Ее муж считал нужным отблагодарить меня.

– Да, я впервые слышу такое объяснение шантажа. Но скажите, Бассетт, вы убили Леонарда и Стерна тоже для того, чтобы защитить Изабель Графф?

– Не понимаю, о чем вы.

– А когда вы попытались подстроить все так, чтобы Изабель сочли виновной в убийстве Эстер Кэмпбелл, это тоже была ее защита?

– Ничего подобного я не делал.

Женщина поддакнула:

– Клэрэнс ничего подобного не делал.

Я повернулся к ней.

– Вы заходили в дом на Бевсрли-Хиллз вчера после обеда?

Она кивнула.

– Зачем?

– Клэр сообщил мне, что Симон путается с ней. Только он всегда мне все рассказывает, больше никто не беспокоится обо мне. Клэр сказал, что, если я поймаю их вместе, то могу заставить Симона дать мне развод. Только, когда я вошла в дом, она была уже мертва. – Она проговорила все это таким обиженным тоном, как будто Эстер Кэмпбелл обманула ее.

– Откуда вы узнали, где живет Эстер?

– Клэр объяснил. – И она благодарно улыбнулась ему. – Вчера утром,

когда Симон плавал.

– Какая ерунда! – воскликнул Бассетт. – Миссис Графф все это придумала. Я вообще не знал адреса Эстер, вы сами можете быть тому свидетелем, Арчер!

– Это не так, как бы вам ни хотелось убедить меня. На самом деле вы выследили ее и угрожали ей. Потому-то вы и не могли позволить Джорджу Уоллу найти ее, пока она была жива. Но вам было необходимо, чтобы в конце концов он ее нашел. И для этого понадобился я. Вы хотели, подтасовав факты, использовать меня, чтобы ложно обвинить Джорджа. Но на всякий случай вы решили подстраховаться и направили миссис Графф в дом Эстер. Обмануть мистера Граффа и его доблестную когорту вам удалось. И они оказали вам неоценимую помощь.

– Я не имею никакого отношения к этому, – произнес за моей спиной Графф. – Я не отвечаю за дурацкие идеи Марфельда или Фроста. Они действовали по своему усмотрению. – Он стоял в стороне, ближе к двери, как бы подчеркивая свою непричастность ко всему происходящему.

– Но они ваши люди, – напомнил я ему, – и хотите вы того или нет, вы несете ответственность за их действия. Все вы являетесь соучастниками преступления, так как покрывали убийцу. И вам, и им следовало бы надеть наручники.

Слушая наш спор, Бассетт приободрился.

– Вы просто блефуете, – сказал он. – Вы же знаете, что я любил Эстер. Да у меня просто не было оснований убивать ее.

– Я не сомневаюсь в том, что вы ее любили – по-своему. Возможно, у вас была связь? Хотя нет, она-то вас не любила. Правда, она бы не отказалась подцепить вас на крючок, если бы смогла. А в сентябре она сбежала и унесла с собой самую ценную для вас вещь.

– Я бедный человек. У меня нет ценностей.

– Я имею в виду пистолет. – И я издала показал ему «вальтер». – Я точно не знаю, как он попал к вам первый раз. Но знаю, как вы заполучили его вторично. В последние четыре месяца, после того, как Эстер Кэмпбелл стащила его из вашего сейфа, он все время переходил из рук в руки. Она отдала пистолет своему другу Лансу Леонарду. Тот не мог решиться заниматься вымогательством сам и обратился к Карлу Стерну, имевшему богатый опыт по этой части. К тому же Стерн располагал связями, благодаря которым он был вне досягаемости для головорезов Граффа. Но вы сумели с ним справиться. И это я ставлю вам в заслугу, Клэрэнс. Надо было иметь мужество, чтобы разделаться со Стерном, даже с моей помощью. У вас больше мужества, чем у Граффа и его личной гвардии.

– Я не убивал его, – твердил Бассетт. – Вы же знаете, что не убивал. Вы видели, как он ушел.

– А вы последовали за ним, разве не так? У вас было достаточно времени, чтобы оглушить его на стоянке, запихать в машину, отвезти к утесу, а там перерезать ему горло и скинуть в море. Конечно, это нелегко для человека вашего возраста. Но вам, наверное, позарез нужен был этот пистолет. Вы так жаждали получить эти несколько тысяч долларов?

Бассетт посмотрел мимо меня на открытый сейф.

– Деньги здесь ни при чем, – медленно выговорил он. – Я не знал, что пистолет у него в машине, до тех пор пока он не попытался взять меня на мушку. Тогда я ударил его гаечным ключом и сбил с ног. Да, это было убийство. Но я убил его, защищаясь.

– Не очень-то похоже, Бассетт. Когда защищаются, не перерезают своему противнику горло.

– Это был страшный человек, преступник, и он вечно совал свой нос в чужие дела. Я уничтожил его, как уничтожают опасных зверей. – Он явно гордился тем, что сделал. Торжество, отразившееся на его лице, придавало ему глупый вид. – Гангстер, торговец наркотиками – разве его можно сравнивать со мной? Я воспитанный человек, родом из хорошей семьи.

– И поэтому вы перерезали глотку Стерну, застрелили Ланса Леонарда, убили кочергой Эстер Кэмпбелл. Не нашли лучшего способа доказать свою воспитанность.

– Они все этого заслуживали.

– Так вы признаете, что убили их?

– Я ничего не признаю. Вы не имеете нрава запугивать меня. У вас нет доказательств.

– У полиции найдутся. Они узнают каждый ваш шаг, найдут свидетелей, чтобы припереть вас к стенке, отыщут пистолет, из которого вы убили Леонарда.

– Да неужели? – Выдержка все еще не изменила ему.

– Будьте уверены. Вы сами ответите на их вопросы, Бассетт. Вы уже начали выбалтывать свои секреты. Не пытайтесь выдавать себя за хладнокровного преступника. Прошлой ночью, когда все было кончено и все трое были мертвы, вам пришлось оглушить себя спиртным, чтобы не оставаться один на один с мыслями о том, что вы натворили. Как вы думаете, сколько вы выдержите без бутылки?

– Вы ненавидите меня, – сказал Бассетт. – Вы ненавидите и презираете меня, не так ли?

– Я не хочу отвечать на ваш вопрос. Лучше вы ответьте на мой. Только

вы можете сделать это. Скажите, как назвать мужчину, который использует больную женщину в качестве орудия для своих грязных дел? И как назвать мужчину, оборвавшего жизнь молодой девушки, только для того, чтобы нажиться на ее смерти?

Вздрогнув всем телом, Бассетт отчаянно замотал головой. Казалось, его сотрясают конвульсии. Потом, непослушными губами, он почти прошептал:

– Вы все не так поняли.

– Так поправьте меня.

– Зачем? Вы все равно никогда не поймете.

– Я понимаю больше, чем вы думаете. Я понимаю, что вы следили за Граффом, когда его жена была в санатории. Вы заметили, что он использует свою раздевалку для свиданий с Габриэль. Бесспорно, вам было известно о пистолете, спрятанном у него в шкафу. И все это вы рассказали Изабель Графф. Возможно, вы же и помогли ей удрать из санатория и снабдили необходимыми ключами. В сущности, вы занимались подстрекательством к убийству. Мне все это понятно. Но я не могу понять, что вам сделала Габриэль? Может быть, вы тоже ее добивались, а она предпочла Граффа? Или просто она была слишком молода, а вы состарились и вам невыносимо было видеть, как она живет и наслаждается в этом лучшем из миров?

Он произнес заикаясь:

– Я не имею никакого отношения к ее смерти.

Но при этом он съезжился в своем кресле и низко опустил голову, как будто невыносимая тяжесть придавила его. И впервые взглянул на Изабель, быстро и виновато.

Она же, наоборот, выпрямилась в кресле и, застыв как изваяние, не сводила с Бассетта ледяного взгляда.

– Ты это сделал, Клэрэнс, – вымолвила она.

– Нет, я не хотел этого. У меня и мысли не было о шантаже. Я не желал ее смерти.

– А чьей смерти вы желали?

– Смерти Симона, – заявила Изабель Графф. – Это Симон должен был умереть. А я все испортила, ведь так, Клэр? Я виновата в том, что все вышло не так, как было задумано.

– Успокойся, дорогая. – Первый раз Бассетт обратился непосредственно к ней. – Не говори больше ничего.

– Вы собирались застрелить своего мужа, миссис Графф?

– Да. Мы с Клэром хотели пожениться.

Графф фыркнул полусердито, полунасмешливо. Изабель повернулась к

нему.

– Не смей насмехаться надо мной. Ты запер меня в психушке, а сам разбогател за мой счет. Ты обращался со мной, как с рабыней. – Ее голос сорвался на крик. – Жалею, что не убила тебя!

– И после этого ты бы мирно и счастливо жила со своим побитым молью охотником за богатыми невестами?

Да, мы бы были счастливы, – упрямо сказала Изабель Графф. – Разве не так, Клэр? Ты ведь любишь меня? Ты все эти годы любил меня, правда?

– Все эти годы, – эхом повторил Бассетт. Но в его голосе не было тепла, и глаза оставались тусклыми. – А теперь, если ты любишь меня, помолчи, дорогая, – неприязненно, почти грубо, добавил он.

Изабель обладала глубокой, хотя и бессознательной интуицией. Ее настроение резко изменилось.

– Я знаю, – голос ее стал хриплым, – ты хочешь во всем обвинить меня. Хочешь, чтобы меня навсегда заперли, а ключи закинули подальше. Но ты тоже виноват. Ты сказал, что меня никогда не признают виновной. Ты уверил меня, что, если я убью Симона на месте... на месте преступления, то они лишь запрут меня ненадолго – и все. Разве ты не говорил так, Клэр?

Он ничего не ответил и даже не взглянул на нее. Ненависть окончательно изуродовала его черты. Женщина обратилась ко мне:

– Теперь вы понимаете. Я хотела убить Симона. Его девка была обыкновенным животным, которым он пользовался, маленьким двуногим зверьком. Я бы никогда не стала убивать прелестного зверька. – Помолчав, она удивленно добавила: – Но все же я убила именно ее. Дело в том, что, пока я стояла в темноте за дверью, у меня возникла мысль. Я подумала, что эта девушка – источник зла. Что она помогает грязному старику. Поэтому я выстрелила в нее. Клэр был страшно зол на меня. Он не видел, как омерзительно она себя вела.

– Разве он не был там с вами?

– Он пришел потом. Я пыталась смыть кровь – кровь хлестала из нее на мой красивый чистый пол. Я занималась этим, когда вошел Клэр. Он, должно быть, ждал где-то поблизости и видел, как маленькая потаскушка выйолзла из двери. Она уползла прочь и умерла. А Клэр рассердился и обругал меня.

– Сколько раз вы стреляли в нее, Изабель?

– Один.

– Куда вы целились?

Она смущенно опустила голову.

– Я не могу сказать при всех. Я уже вам говорила.

– В Габриэль Торресе стреляли дважды, один раз в пах, а другой – в спину. Первая рана не была смертельной, она бы зажила без всяких последствий. Вторая пуля попала ей в сердце. Габриэль была убита вторым выстрелом.

– Я стреляла в нее один раз.

– Разве вы не пошли за ней на берег, чтобы закончить начатое?

– Нет. – Она взглянула на Бассетта. – Скажи ему, Клэр. Ты же знаешь, что я не делала этого.

Бассетт уставился на нее, выпучив глаза и не говоря ни слова.

– Откуда он знает, миссис Графф?

– Потому что он забрал пистолет. Я уронила его на пол в раздевалке. Клэр поднял его и вышел вслед за ней.

Наконец Бассетт заговорил:

– Не слушайте ее. Она ненормальная, у нее галлюцинации. Меня там не было.

– Ты был там, Клэр, – спокойно произнесла Изабель.

С этими словами она перегнулась через стол и наотмашь ударила его по щеке. Он не шевельнулся. Женщина разрыдалась и сквозь слезы проговорила:

– У тебя был пистолет, когда ты пошел за ней. Затем ты вернулся и сказал мне, что она умерла, что я убила ее, но ты сохранишь все в тайне, потому что любишь меня.

Бассетт перевел взгляд с нее на меня. Из уголка рта у него стекала струйка крови.

– Мне надо выпить, дружище. Я все скажу, только сначала дайте выпить.

– Одну минуту. Вы застрелили ее, Клэрэнс?

– Пришлось, – еле слышным шепотом ответил он.

Изабель Графф воскликнула:

– Лжец! А еще притворялся моим другом! Это из-за тебя я жила в аду!

– Я избавил тебя от более страшного ада, дорогая Она ползла к своему дому Она бы все разболтала

– Так ты совершил убийство ради меня, ты, грязный лжец!

Ее чувства были на пределе. Она уже не плакала, голос срывался от ярости.

– Ради себя, – поправил я. – Все произошло не так, как он рассчитывал. Ваш муж не умер, и все планы Бассетта рухнули. И вдруг ему представилась возможность получить утешительный приз, если удастся

убедить Граффа, что это вы убили Габриэль. Сложилась такая идеальная ситуация для ложного обвинения, что он сумел обмануть даже вас.

Бассетт снова задергался в конвульсиях, его лицо скривилось.

– Все было совсем не так. Я никогда не думал о деньгах.

– А что же лежит у вас в сейфе?

– Я только эти деньги и получил. Мне они были необходимы, чтобы уехать навсегда в Мексику. И никогда я не думал о шантаже, пока Эстер не украла пистолет и не выдала меня этим бандитам. Разве вы не понимаете, что они просто вынудили меня убить их – вынудили своей жадностью и невоспитанностью.

Я взглянул туда, где стоял Графф, но он исчез. Дверной проем был пуст. Я сказал Бассетту:

– Никто не заставлял вас убивать Габриэль... Почему вы не дали ей уйти?

– Просто не мог, – ответил он. – Она ползла вдоль берега домой к отцу. Я должен был что-то сделать. Знаете, я никогда не мог смотреть, как мучаются животные, никогда и мухи не обидел.

– Так вы еще й жалостливый!

– Нет, кажется, я не смогу вам объяснить так, чтобы вы поняли. Мы были вдвоем, там, на берегу, в темноте. Волны бились о берег, она стонала и тащила свое тело по песку. Нагая, истекающая кровью девушка, которую я знал еще невинным ребенком. Ситуация была невыносимой. Разве не понятно, что я каким-то образом должен был положить этому конец?

– Как вчера должны были убить Эстер Кэмпбелл?

– Это – другой случай. Она напускала на себя святую невинность, втерлась ко мне в доверие. Звала меня «дядя Клэрэнс», притворялась, что любит меня, а сама только и охотилась за пистолетом в моем сейфе. Я давал ей деньги, обращался с ней, как с дочерью, а она предала меня. Очень печально, когда маленькие девочки вырастают, взрослеют и становятся вульгарными, вероломными и похотливыми.

– Поэтому вы и позаботились о том, чтобы они не смогли повзрослеть, не так ли?

– Да, они лучше выглядят мертвыми.

Я взглянул на него и увидел обычное лицо простодушного пожилого человека, совсем не похожее на лицо злодея, как обычно мы себе его представляем. Однако оно принадлежало настоящему дьяволу, который был одержим смутной и страстной жадной омерзительных, страшных деяний.

Бассетт посмотрел на меня как будто издали. Затем – как на что-то постороннее, он уставился на свои стиснутые руки.

Я снял трубку телефона и набрал номер окружной полиции. Мне хотелось побыстрее избавиться от этого дела.

Когда я положил трубку на рычаг, Бассетт подался вперед.

– Послушайте, дружище, – вежливо обратился он ко мне, – вы обещали дать мне выпить. Мне это просто необходимо. Нужно хоть немного успокоиться.

Я подошел к бару и вытащил из него бутылку. Но Бассетта успокоило другое. В открытую дверь шаркающей походкой, опустив плечи, вошел Тони Торресе с тяжелым кольцом в руках. Пламя, вырвавшееся из ствола, было совсем бледным, но грохот – просто оглушительным. Голова Бассетта дернулась в сторону, и больше он не шевелился.

Изабель Графф посмотрела на него в мрачном изумлении. Потом встала, схватилась обеими руками за воротник блузки и, разрывая ее, подставила грудь под пистолет.

– Убей и меня! Убей меня тоже!

Тони покачал головой. Лицо его оставалось неподвижным.

– Мистер Графф сказал, что это сделал мистер Бассетт.

С этими словами он вложил пистолет в кобуру В комнату, как представитель похоронного бюро, робко вошел Графф. Он подошел к столу, за которым сидел Бассетт, протянул руку и толкнул мертвеца в плечо. Тело шлепнулось на пол, издав какой-то странный звук, похожий на слабый плач ребенка, зовущего свою мать.

Графф в смятении отпрянул назад, словно испугался что это его прикосновение убило Бассетта. В каком-то смысле так оно и было.

– Зачем надо было втягивать Тони? – спросил я.

– Я подумал, что это самый лучший выход. Все равно закончилось бы тем же самым. Я оказал Бассетту услугу.

– Но не Тони.

– Не беспокойтесь за меня, – произнес Тони. – Почти два года я жил только ради того, чтобы найти негодяя и отплатить за ее смерть. Мне теперь наплевать, вернусь я во Фресно или нет. – Он смахнул со лба крупные капли пота. Затем вежливо спросил: – Можно, я пока выйду? Здесь слишком жарко. Я буду где-нибудь поблизости.

– Не возражаю, – ответил я.

Графф проводил его взглядом, затем повернулся ко мне с вновь обретенной самоуверенностью.

– Я заметил, что вы даже не попытались остановить его. У вас же был пистолет, вы могли предотвратить выстрел.

– Я?

– По крайней мере, теперь самое худшее не появится в газетах.

– Вы имеете в виду то, что вы соблазнили несовершеннолетнюю девушку и в конце концов погубили ее?

Он шикнул на меня и нервно оглянулся, но Тони уже не мог услышать его.

– Я думаю не только о себе.

И он многозначительно взглянул на свою жену, которая сидела прямо на полу в самом темном углу комнаты, уткнувшись подбородком в колени. Глаза у нее были закрыты, и вообще она казалась такой же неподвижной и молчаливой, как Бассетт.

– Не слишком ли поздно вы задумались о ней?

– Вы не правы. У нее редкая способность к восстановлению. Я видел ее и в худшем состоянии, чем теперь. Но нельзя принуждать ее выступать публично в суде, это бесчеловечно

– Ей и не придется этого делать. Перед судом вы предстанете один.

Как? Почему я должен пострадать больше всех? Я творческая личность, мне просто необходимо чувствовать к кому-то любовь и нежность. Я влюбился в молодую женщину, вот и все мое преступление

Когда загорается дом, преступником считается тот, кто чиркнул спичкой

– Но я не сделал ничего особенного. Немного развлекся, и все. Разве справедливо погубить меня за такую малость?

Мне захотелось ударить его, но я сдержался.

– Только не говорите мне о справедливости, Графф. Почти два года вы скрывали убийство.

– Я ужасно страдал все эти два года. И, кроме того, это убийство стоило мне огромных денег.

– В этом я очень сомневаюсь. Чтобы расплатиться со Стерном, вы использовали лишь свое имя. А Леонарду и Эстер Кэмпбелл заплатила ваша корпорация.

По всему было видно, что я попал в точку. Графф даже не пытался возражать. Он посмотрел на пистолет в моей руке – единственную неоспоримую улику, доказывающую его причастность к делу.

– Отдайте мой пистолет, – настойчиво сказал он.

– Чтобы вы избавились от меня с его помощью?

Где-то на автостраде завывала сирена.

– Быстрее, – торопил он. – Это полиция. Вытащите гильзы и верните пистолет. И заберите деньги из сейфа.

– Не могу, – ответил я. – Видите ли, Графф, мне еще нужна эта штука.

Может быть, на суде я сумею доказать, что Тони совершил убийство в целях самозащиты.

Он посмотрел на меня так, будто усомнился в моей умственной полноценности. Не знаю, какие чувства выразились в моем ответном взгляде, но он опустил глаза, повернулся и пошел прочь.

Закрыв сейф, я повесил на место фотографию. Две юные девушки и парень парили между небом и землей в вечном полете.

Вой сирены приближался, становился все громче. Перед тем как полицейские вошли в комнату, я положил «вальтер» на пол, рядом с откинутой рукой Бассетта. Теперь дело было за специалистами по баллистике.

Жак Шарль Бальёль
Тайны бронзовой статуи

Глава 1

Приключение в лесу

Рассказ наш начинается в июле. Целый день стоял тяжелый и душливый жар, а к вечеру над обширным лесом в Богемии разразилась гроза.

Хотя дождь уже перестал час назад, вдали еще слышались раскаты грома, время от времени сверкали молнии и ветер ревел, врываясь в горные ущелья.

Лесные ручьи, обыкновенно столь спокойные, превратились в потоки, и шум их вод, разбивавшихся о скалы, примешивался к стенаниям гигантских деревьев. Дикие звери, испуганные этим расстройством природы, подняли такой вой, что иногда заглушали завывания бури.

Массивные черные тучи двигались по небу, налетая одна на другую, и когда внезапная молния раздирала их, они казались отвратительными чудовищами, извергающими пламя. Ветер мрачными отголосками отражался от глубины леса и скал, точно это кричали и стонали адские духи, изгнанные ураганом из пещер, где они основали свои жилища. Ночной мрак сгущался.

По дороге, тянущейся вдоль леса, ехал всадник. Нужно, однако, сказать, что он вовсе не предавался суеверному страху. Он был высок и, похоже, силен, с удивительно пропорциональной фигурой, видом благородным и исполненным достоинства: изгиб верхней губы говорил о характере гордом и, возможно, презрительном, но этот недостаток искупался доброй улыбкой и великодушием, которое читалось в каждой черте лица. Яркий блеск глаз смягчался длинными ресницами, а бледный лоб, увенчанный копною вьющихся от природы черных волос, сиял умом. Этот человек выглядел лет на двадцать пять, одежда его была богата, но проста и без претензий. На поясе у него висели кинжал и шпага.

Скорее всего местность, в которой он находился, была незнакома ему, ибо время от времени он останавливал лошадь и озирался по сторонам в надежде приметить сквозь темноту огонек какой-нибудь хижины.

– Но я же не сворачивал с дороги, – бормотал он себе под нос. – Крестьянин, у которого я переждал грозу, велел мне ехать по рубежу леса, но, верно, он дурно рассчитал расстояние или я сам ошибся, иначе давно бы добрался до замка Альтендорф.

Он продолжал осматриваться вокруг; луна выглянула из облаков, и

теперь ее серебристые лучи сияли над деревьями.

Внезапно путешественник вздрогнул: он услышал пронзительный крик в лесу, а следом шум множества голосов. Потом опять раздался крик, более глухой, чем первый, словно чья-то рука закрыла рот жертвы. Путешественнику показалось, что в сотне шагов от него происходит борьба. Спрыгнуть наземь, чтобы привязать лошадь за узду к деревцу, было для него делом одного мгновения. Удостоверившись, что шпага его легко вынимается из ножен, он бросился в лес, туда, где раздавались крики. Через несколько секунд он услышал впереди шелест листьев и треск сухих ветвей. Не сомневаясь, что шум производят идущие ему навстречу люди, он ускорил шаги и скоро очутился лицом к лицу с тремя мужчинами, тащившими бесчувственную женщину. Не колеблясь; он кинулся на того, кто шел первым, и ударил его так, что человек замертво повалился на траву.

Издав испуганное восклицание, второй уронил женщину, которую до сих пор поддерживал, и немедленно убежал в глубину леса, воображая, без сомнения, что на них напал многочисленный противник. Третий, и последний, обругав своего трусливо удравшего товарища, обнажил шпагу и бросился на путешественника.

Оружие скрестилось, сталь ударила о сталь. Наш путешественник оказался в невыгодных условиях: лунный свет бил ему прямо в лицо, и неприятель мог следить за всеми его движениями, между тем как сам он видел перед собой только смутную, едва намеченную фигуру, выпады которой невозможно было предвидеть. Но путешественник мастерски владел шпагой и отличался храбростью. Он не только сумел уберечься от ударов врага, но даже выбил шпагу у него из рук. Обезоруженный противник сразу убежал.

Путешественник убрал шпагу в ножны и чуть приподнял женщину с земли. Она все еще не пришла в себя, и защитник ее опасался, что жизнь уже не вернется к ней. Но, приложив руку к ее сердцу, он почувствовал его стук, и в ту же минуту, при лунном свете, увидал, как губы ее вздрогнули.

Трудно описать, сколь прекрасно и совершенно было мраморно-бледное лицо, которым любовался путешественник. Судя по одежде, эта молодая женщина, а точнее девушка, принадлежала к крестьянскому сословию, но с первого взгляда на нее, лежащую неподвижно в его руках, подобно статуе, он понял, что красота незнакомки превосходит все его мечты.

Сильно беспокоясь о том, как бы она не умерла без необходимой помощи, путешественник начал осматриваться вокруг и, заметив вдали огонек, вскрикнул от радости. Надеясь, что его выручат и впопыхах

позабыв о человеке, которого опрокинул наземь и который по-прежнему не двигался, путешественник понес девушку к свету, становящемуся все ярче по мере приближения к нему.

Через пять минут путешественник добрался до вполне приличного домика, выстроенного на лесной поляне. Он торопливо постучался в дверь, и ему немедленно отворила пожилая женщина почтенной наружности. Увидев при огне свечи, которую она держала в руке, мраморное лицо девушки, женщина вскрикнула от испуга.

– О, Вильдон! Вильдон! Наша бедная Анжела! – завопила она. – Неужели бедняжка умерла?

– Нет... она придет в себя, если ей окажут помощь, – ответил путешественник, входя со своею ношей в дом. Ему навстречу поспешно шагнул человек лет пятидесяти с честным и доброжелательным лицом. Он и жена его, покрыв поцелуями Анжелу, которая уже начала подавать признаки жизни, отнесли ее в другую комнату.

Пока они отсутствовали, путешественник осмотрел помещение, в котором его оставили: повсюду царствовал строгий порядок, копченые окорока, висевшие на потолке, говорили о том, что обитатели хижины прочей пище предпочитали лесных кабанов.

Воротившийся через несколько минут Вильдон сообщил, что Анжела очнулась, но еще не в силах объяснить, что произошло с нею. Путешественник описал ему случившееся, рассказал и о своем участии в приключении. Вильдон поблагодарил его в самых энергичных выражениях.

– Я полагаю, что очаровательная Анжела ваша дочь? – спросил гость.

– Нет, – ответил Вильдон. – Но мы любим ее как родную. Полчаса назад она пошла за родниковой водой, и, вероятно, негодяи, которых вы так славно отделали, попытались похитить ее. Мы уже начали тревожиться, что ее так долго нет: когда вы появились, я как раз собирался взять ружье и отправиться на поиски. От нее и от нас снова и снова выражаю вам нашу искреннюю признательность.

– Вы догадываетесь, кто эти мерзавцы? – поинтересовался путешественник.

– Не имею ни малейшего понятия, – ответил Вильдон. – Но, возможно, потом Анжела сообщит такое, что наведет нас на след. Мы не богаты, – продолжал он, – но если вам угодно, то наше гостеприимство...

– Прежде чем я решусь, – перебил незнакомец, – я спрошу вас, далеко ли отсюда до замка Альтендорф?

– Одна миля, не более. Дорога вдоль леса, – Вильдон махнул рукой, указывая направление, – ведет прямо к замку.

– Скажите, – задал новый вопрос путешественник, – а что говорят о бароне Альтендорфе? Пользуется ли он хорошей репутацией в вашей стране? Вы, наверное, служите у него?

– Нет, – покачал головой Вильдон. – Этот лес принадлежит графу Розембергу, его замок в трех милях отсюда, к западу. Я его лесничий... и вы сами видите, – прибавил он, самодовольно озираясь вокруг, – что я служу щедрому господину.

– Да... я слышал много лестных отзывов о графе Роземберге, – пробормотал путешественник, словно разговаривая сам с собой. А через минуту добавил с живостью: – Но барон Альтендорф иной человек? Он не слывет ни добрым, ни щедрым?

– Сказать по правде, – промолвил лесничий, – я не знаю ни одной вещи, в которой можно было бы упрекнуть барона Альтендорфа. Люди, что ему служат или зависят от него, называют барона человеком жестоким и строгим. О нем болтают разные разности, уверяют даже, будто из замка порой доносятся странные вздохи и загадочный шум. Дело в том, что правый флигель там заперт уже много лет... Практически, на моей памяти, он был заперт всегда. А я с самого детства живу в этом краю. Но если вы спросите, известно ли мне хоть одно преступление или дурной поступок барона Альтендорфа, я не колеблясь отвечу отрицательно.

– Вы говорите как честный человек, – заметил путешественник. Будучи сам личностью откровенной и великодушной, он умел ценить эти качества в других. – У барона, кажется, есть сын?

– Да, господин Родольф, ему двадцать один год, – кивнул лесничий. – Порой в нем проскальзывает что-то свирепое... Некоторые называют его злым, но я никогда не мог пожаловаться на него. Правда, я ни в чем не завишу от господина Родольфа, но с позволения моего господина он часто охотится в нашем лесу, и мне случалось несколько раз встречаться с ним. Если он немножко ветрен и легкомыслен, то, наверное, оттого, что никогда не испытал материнской заботы. Его матушка умерла, когда ему было несколько месяцев.

– Крестьянин, у которого я пережидал грозу, говорил, что жена барона скончалась скоростижно и даже как-то таинственно двадцать лет назад, – вставил путешественник.

– В то время действительно ходили подобные слухи, – подтвердил Вильдон, – Но я сомневаюсь в их справедливости. Люди качали головами со значительным видом, и предположения делались самые невероятные, но если бы и вправду совершилось дурное дело, граф Роземберг не перенес бы случившееся спокойно, ведь баронесса Альтендорф была его сестрой.

– Я вижу, вы не принадлежите к числу тех, кто плохо думает о человеке, не имея явных доказательств, – заметил путешественник. – И мне нравится ваш характер. Но, пока мы беседуем, лошадь моя, брошенная на дороге, наверняка выходит из терпения. Простите, но я не останусь у вас. Через три дня... мне необходимо прибыть в Прагу... А эту ночь я намерен провести в доме барона Альтендорфа. Спустя несколько недель я снова проеду по этой дороге и тогда обещаю возобновить знакомство с вами.

– Вы окажете мне большую честь, – серьезно ответил Вильдон. – Да и Анжела будет рада лично поблагодарить вас за сегодняшнюю услугу.

Простившись с лесничим, путешественник снова углубился в лес. Как следует сориентировавшись, он без труда нашел дорогу и, проходя мимо того места, где случилась потасовка, вспомнил о человеке, которого опрокинул наземь. Но он напрасно искал его: негодяй, всего лишь оглушенный ударом, наконец очнулся и удрал.

Лошадь в кустах спокойно щипала траву. Путешественник сел в седло и продолжил свой путь к замку Альтендорф.

Глава 2

Прибытие в замок Альтендорф

Через двадцать пять минут крепостные башни начали обрисовываться в небе подобно облакам, теряющимся в высоте. Вершины громадных построек сияли в лунных лучах, а основание покрывала густая темнота.

Правый флигель замка далеко выдавался в лес, точно стиснутый со всех сторон гигантскими дубами, которые, как и стены, стояли здесь, будто наперекор усилиям разрушительного времени. От центральной башни до конца правого флигеля ни единого огонька не мелькало в узких готических окнах. Левый флигель, напротив, переполняли огни, часть из них оставалась на месте, другая перелетала из комнаты в комнату. Это освещение, впрочем, только подчеркивало мрачное величие замка, окруженного широкой рекой.

Подъехав к подъемному мосту, вздыбившемуся, как черная масса, над рвом, путешественник затрубил в рог, висевший на цепи у столба. Почти сразу в воротах напротив отворилась калитка и на пороге появился караульный.

– Кто вы? – прокричал он.

– Я прошу приюта до завтрашнего дня, – ответил незнакомец. – Я еду по особому поручению Альбрехта

Австрийского, при мне письма, доказывающие правоту моих слов.

– Барон Альтендорф отсутствует, – произнес караульный почтительным тоном. – Но его сын, господин Родольф, примет вас. Как о вас доложить?

– Меня зовут Эрнест Кольмар, – представился путешественник. – И я заслужил рыцарское звание на поле битвы.

– Пожалуйста, господин рыцарь, – поклонился сторож, опуская мост и отворяя настежь ворота. Про себя он удивился, что человек с таким титулом, да еще служащий Альбрехту Австрийскому, разъезжает без сопровождения.

– Двое моих слуг, – объяснил Эрнест Кольмар, спрыгивая с лошади уже во дворе замка, – будут здесь завтра утром. Они задержались исполнить некоторые мои поручения.

Конюх, вызванный караульным, увел лошадь с собой, а Эрнеста проводили в обширную залу, освещенную лампой из массивного железа, спускавшейся с потолка. В одном конце залы располагалась высокая

готическая дверь, ведущая, очевидно, в капеллу, в другом была широкая лестница, на которую и поднялся караульный, направляясь к левому флигелю.

Добравшись до первого этажа, они долго шагали по длинным многочисленным коридорам, пока проводник не отворил какую-то дверь и не доложил:

– Рыцарь Эрнест Кольмар!

Комната, в которую попал Эрнест, была обширна, высока и меблирована с величием, полностью гармонизировавшим с общей наружностью замка. На столе, стоявшем по центру ее, располагались бутылки с вином, стаканы, бисквиты и фрукты, но за столом никто не сидел.

Единственным лицом, находившимся в комнате, когда рыцарь показался на пороге, был молодой человек, метавшийся взад и вперед в сильном волнении. Но, едва услышав доклад о приезде, он прогнал облако, омрачавшее его лоб, и, приняв любезный вид, подошел встретить гостя. Как только свет лампы, свисавшей с потолка, позволил сыну барона Альтендорфа разглядеть рыцаря, он вздрогнул, побледнел и точно застыл в припадке ярости и изумления. Однако он так быстро оправился, что Эрнест Кольмар не заметил ничего.

– Добро пожаловать, рыцарь, – промолвил хозяин самым приветливым тоном.

– Вы, наверное, извините мне бесцеремонность, с какою я являюсь к вам, – поклонился Кольмар. – Хотя я здесь приезжий и вы, возможно, не знаете моего имени, я отважился попросить у вас приюта на одну ночь, каковой при подобных обстоятельствах буду рад предложить вам в Австрии.

– В дверь замка Альтендорф никогда не стучатся напрасно, – заметил Родольф. – Жаль только, что отец мой уехал в Прагу.

– Я и сам туда еду, – сообщил Кольмар. – Альбрехт Австрийский, которому я имею честь служить, дал мне секретное, особое поручение. Я с удовольствием отвезу вашему отцу письмо от вас.

– Благодарю вас, рыцарь, – отвечал Родольф. – Хотя мой отец уехал только неделю назад, я с радостью воспользуюсь вашей любезностью.

В эту минуту появились слуги, и пока они накрывали на стол и подавали ужин, Родольф и рыцарь продолжали беседовать о разных предметах.

Единственному сыну и наследнику барона Альтендорфа был, как сказал Эрнесту Кольмару лесничий Вильдон, двадцать один год. Высокий,

хорошо сложенный, неоспоримый красавец, с глазами такими большими, черными и сверкающими, что порой они ослепляли своим необыкновенным блеском, выражение лица тем не менее он имел неприятное. Отчего это происходило, трудно определить, но когда глаза его устремлялись на кого-нибудь, они порождали мучительное чувство беспокойства в душе. Смуглая кожа и ярко-алые губы показывали темпераментную натуру. Лоб у него был низкий, брови часто нахмуривались, несчастье уже отягощало его голову. Волосы его, черные как ночь и немного жесткие, вились от природы; зубы были очень ровные и ослепительно белые.

Он проявлял исключительную сдержанность, холодность и надменность в обращении, а с теми, кто находился у него в подчинении, даже деспотичность. До крайности злопамятный, он не прощал и не забывал оскорбления. Для того чтобы расправиться с врагом, он не пренебрегал никакими средствами, но в случае надобности умел скрывать свои чувства и даже выказывать дружбу тем, к кому питал неутолимую ненависть.

Таков был Родольф, единственный сын и наследник барона Альтендорфа.

В чем бы ни заключалась причина волнения, охватившего его при виде Эрнеста Кольмара, он, вероятно, совсем забыл свои переживания, до того откровенной казалась вежливость, вытеснившая прочие эмоции.

Мы не станем описывать подробностей ужина, сообщим только, что Кольмар, аппетит которого крайне возбудил продолжительный переезд, воздал трапезе должное. Родольф, напротив, ел мало и время от времени погружался в какие-то раздумья, которые, похоже, не мог прогнать. Но, очнувшись, он всякий раз снова становился весел и даже остроумен.

Осушив несколько стаканов вина, Родольф встал из-за стола.

– Извините меня, рыцарь, – промолвил он, – но я должен отлучиться: надо отдать приказания приготовить для вас приличную комнату. Я желаю, чтобы вы ни в чем не испытывали недостатка и чтобы вам было здесь удобно.

Эрнест Кольмар поблагодарил, и Родольф удалился, сделав знак одному из пажей следовать за ним.

Прошагав по длинному коридору, Родольф вошел в маленькую комнатку, соседствующую с его собственными апартаментами. Там он бросился в кресло и сказал пажу:

– Ступай скорее в людскую и передай управляющему Губерту, чтобы он немедленно явился сюда.

Мальчик поклонился и исчез.

Через несколько минут в комнату вошел старик с волосами белыми как снег. Тело его держалось совершенно прямо, а движения почти не лишились юношеской гибкости. Но у него было одно из тех бледных и сморщенных лиц, по которым трудно определить сущность человека, ибо если во взгляде маленьких, живых и вечно бегавших глаз светилось что-то зловещее, то на губах читалось доброжелательство, и если лоб говорил о мрачности и строгости, то подобные качества смягчались бесстрашием улыбки. Голос его звучал кротко и почти грустно, а обращение было приятным, но не раболепным.

– Губерт, – начал Родольф, едва заведя управляющего, – вы знаете, что у нас в замке гость?

– Разве вы недовольны ужином, который я велел подать? – спросил Губерт, приметивший что-то особенное в тоне своего молодого господина.

– Напротив, очень доволен, – ответил Родольф. – Ужин был достоин Альтендорфов... но я хочу, чтобы моего гостя устроили на ночь столь же пышно.

– Конечно, как вы прикажете, – поклонился Губерт, заметив теперь непонятную злость в глазах молодого человека. – Я распорядился приготовить Дубовую комнату для рыцаря... Он, по-моему, посланник принца Альбрехта Австрийского?

– Дубовую комнату! – воскликнул Родольф, притворяясь изумленным. – Как пришла вам в голову подобная мысль?!

– Эго самое лучшее, что у нас есть, – пробормотал Губерт, все больше удивляясь словам и поведению своего господина.

– Да... лучшее из всего, что мы используем теперь, – подчеркнул Родольф. – Но не забывайте, любезный Губерт, что Эрнест Кольмар служит у Альбрехта Австрийского и мы, даже не имея чести быть подданными этого государя, должны оказывать его представителю приличествующие почести. Как же вы не додумались приготовить для рыцаря Эрнеста Кольмара Красную комнату?

– Красную! – повторил Губерт, задрожав всем телом, и в глазах его промелькнул ужас. Но потом, немедленно оправившись, он прибавил: – Вероятно, вам угодно шутить со мною.

– Я вовсе не расположен смеяться, – произнес ледяным тоном сын барона Альтендорфа. – Правда, Красная комната находится в правом флигеле замка... да и сам флигель заперт уже много лет...

– Правда и то, – торжественно проговорил Губерт, – что ваш благородный отец не простит ни вам, ни мне, если мы поместим там

рыцаря.

– Вряд ли барон так сильно рассердится, Губерт, – возразил Родольф. – Но в любом случае во время его отсутствия я здесь господин и буду делать что хочу. Болтают, конечно, будто в правом флигеле замка водятся привидения, но лично я никогда не верил этим глупым слухам. Как бы то ни было, мы раскроем тайну в нынешнюю ночь. Случай свел нас с рыцарем, который, будучи чужестранцем, не мог слышать этих смешных историй... И, по всей вероятности, он способен столь же храбро встать лицом к лицу с привидением, как и с неприятелем на поле битвы. Итак, – продолжал Родольф строгим и повелительным голосом, – я приказываю немедленно подготовить Красную комнату. Если рыцарь спокойно переночует там, не будет ли это торжественным опровержением слухов о самой красивой части замка, который со временем перейдет в мою собственность?.. Отец мой первый порадуется полученному результату и поспешит опять отворить флигель.

– Умоляю вас, заклинаю, – слабо пролепетал Губерт, – не принимайте такого безрассудного... необдуманного решения. Ваш благородный отец, без сомнения, имеет основательные причины...

– Верить нелепым басням?! – вскричал Родольф, гневно поднимаясь с места. – Тем больше причин для сына развеять тайну, пока отец в отсутствии... Губерт, – прибавил он, угрожающе устремив свои черные пронизательные глаза на старого управляющего, дрожащего с головы до ног, – или повинуйтесь не колеблясь, или признайтесь, что вам известно гораздо больше о тех комнатах и их зловещих свойствах, чем я могу себе вообразить.

– Я исполню ваше приказание, – прошелестел Губерт так тихо, что его едва можно было расслышать. – Красную комнату немедленно приготовят.

– Хорошо! – сказал Родольф.

Не произнеся более ни слова, он поспешил вернуться туда, где оставил Эрнеста Кольмара. Извинившись перед рыцарем за столь продолжительное отсутствие, он продолжил прежний разговор и выказал столько остроумия и любезности, что Кольмар почувствовал к нему расположение.

Осушили еще несколько стаканов, и целый час пролетел незаметно. Настала ночь.

Родольф, поднявшись со стула, пригласил Эрнеста Кольмара пройти в приготовленную для него комнату. Позвали пажа, и мальчик, держа в руке лампу, зашагал вперед по лабиринту коридоров, за ним следовали сын барона Альтендорфа и рыцарь. Они шли рядом, беседуя между собой.

Наконец они добрались до конца коридора. Там, возле отворенной

массивной двери, стоял старик Губерт. Он тоже держал лампу, при свете которой было видно, что лицо его покрывает синеватая, почти мертвенная бледность. Он бросил быстрый, но умоляющий взгляд на своего господина, как бы заклиная его отказаться от своего намерения, пока еще есть время. Однако Родольф притворился, будто не замечает ничего, и, отослав пажа, приказал управляющему идти вперед с огнем.

Все трое очутились в маленькой передней, и Губерт открыл дверь, находившуюся в глубине. Теперь они попали в комнату средней величины, атмосферу которой переполняли благовония, источаемые турецкими курительными свечами, горевшими на серебряном подносе. Родольф понял, что Губерт употребил их для того, чтобы уничтожить сырость и неприятный запах, характерные для помещения, так долго остававшегося запертным и необитаемым. Мебель здесь была вычищена наскоро, а старые подушки на креслах успели заменить на другие, из левого флигеля замка.

Наконец Губерт привел Эрнеста Кольмара в третью обширную комнату, меблированную так хорошо, как только позволил короткий промежуток времени. На окнах висели свежие занавески, на кровати лежали белые простыни, стулья были снабжены новыми подушками, пол покрывал широкий бархатный ковер, и несколько украшений стояли на массивном камине... Вот главные перемены, которые должны были придать Красной комнате видимость удобства; кроме того запах курительных свечей распространился и здесь.

Губерт поставил лампу на стол, поклонился и вышел. Но едва он ступил за порог, до слуха Родольфа долетел глубокий вздох, вырвавшийся из груди его.

Сын барона Альтендорфа зашел теперь слишком далеко, чтобы отступить, если бы даже и имел такое стремление. Он пожелал гостю доброй ночи и воротился в свои покои.

Глава 3

Тайны замка Альтендорф

Оставшись один, Эрнест Кольмар первым делом решил раздеться и заснуть, ибо он нуждался в отдыхе после продолжительного путешествия.

Но, оглядевшись вокруг, он поразился тому обстоятельству, что комната казалась мрачной и печальной, несмотря на улучшения, о которых мы упоминали и которые должны были скрыть ее ветхий вид. В то же время рыцарь вспомнил, что это помещение находится на значительном расстоянии от той части замка, где он провел вечер с Родольфом, а различные наблюдения, сделанные им, окончательно убедили его, что здесь давно никто не жил и кто в комнате наскоро кое-что изменили нарочно для него. Обои на стенах в некоторых местах были изорваны, пол сгнил, потолок, хотя и вытертый, покрывали плесневые пятна и выбоины у одного угла. Мебель, хотя тяжелая и массивная, была изъедена червями до такой степени, что едва держалась.

Эрнест Кольмар удивился, почему его поместили в такую комнату, ведь, судя по величине и богатству комнаты, в которой они ужинали с Родольфом, он мог ожидать более удобного помещения. Побуждаемый любопытством, Эрнест решил рассмотреть свои покои подробнее. Он приподнял разорванные обои, и они остались у него в руках. Деревянная обшивка за обоями вся сгнила, воздух проникал сквозь широкие щели.

Вдруг в голове рыцаря промелькнуло воспоминание. Вильдон, лесничий, кажется, говорил ему, что нразый флигель замка Альтендорф стоял запертым уже много лет. А все, что он видел, не доказывало ли, что эта комната давно необитаема?..

Пораженный такими соображениями и желая выяснить, в чем дело, Эрнест подошел к окну, протертому наскоро, но со следами прежней грязи. Стекла были до того запачканы, что Эрнест ничего не сумел рассмотреть сквозь них. Однако с помощью своего кинжала ему кое-как удалось отодвинуть шпингалет.

Теперь не осталось никаких признаков грозы, луна сияла высоко в небе, и лучи ее отражались в глубокой воде, наполнявшей ров.

Одного взгляда хватило Кольмару, чтобы определить точное положение своей комнаты: если смотреть из окна, то подъемный мост под центральной башней был слева. Следовательно, рыцарь находился в правом флигеле замка. Сверх того, именно правую сторону замка окружали

деревья. Значит, Эрнеста поселили в той его части, где, по слухам, наблюдались странные вещи и слышались необъяснимые звуки. На мгновение Эрнест Кольмар почувствовал, как трепет пробежал по его телу, но тотчас, гордо выпрямившись и подавив смутные опасения, начинавшие его одолевать, он громко воскликнул:

– Подобный страх недостоин меня! Не для невинных сердец Господь посылает отвратительную и страшную ночь!

Он уже собрался затворить окно, как вдруг заметил что-то белое, медленно двигавшееся между деревьями, которые, как мы говорили, окружали правый флигель замка.

Рыцарь снова вздрогнул и, словно замороженный, устремил взор на этот предмет или, лучше сказать, начал следить глазами, как тот плавно пробирается сквозь листву, становящуюся все гуще и гуще. Предмет шел размеренной поступью, не останавливаясь, не сворачивая и не ускоряя шагов, точно привидение, пока внезапно не исчез совсем, будто под ним разверзлась земля или он растаял в воздухе.

Рыцарь стоял еще около минуты, вперив глаза в то место, где пропал призрак... и когда, сбросив с себя оцепенение, отвернулся от окна, лоб его был покрыт потом.

В сражении не нашлось бы человека храбрее Эрнеста Кольмара, и вот теперь, первый раз в жизни, испытал он влияние суеверного страха. Но он не мог обманывать себя, что предмет в лесу на минуту расстроил его нервы... что ужас заставил его залиться холодным потом... что дыхание его остановилось на мгновение.

Но почти сразу, покраснев от гнева на самого себя, поддавшегося непонятным сомнениям, рыцарь запер окно и решил лечь спать. Однако прежде он вошел в соседнюю комнату, чтобы погасить курительные свечи, запах которых сделался слишком сильным. Потом он проследовал в переднюю и удостоверился, крепко ли заперта дверь, ведущая в коридор. Для большей безопасности он задвинул щеколду, ибо, помещенный Родольфом в Нежилые комнаты, испытывал смутные опасения, что против него замышляют какое-то вероломство, причину которого, впрочем, понять не мог.

Он уже собрался вернуться в спальню, когда внезапно подумал, что поступит благоразумнее, если поищет, нет ли, кроме двери в коридор, иного пути, ведущего в его покои.

Держа в руке лампу, Эрнест Кольмар осмотрел переднюю, стены которой были обшиты гнилыми и проточенными червями досками. Воткнув в них в разных местах кинжал, он повсюду встретил крепкий

камень. Оставшись доволен этим помещением, он прошел в первую комнату. Она тоже имела деревянную обшивку. Испробовав и здесь глубину щелей, сделанных временем в досках, рыцарь также обнаружил под ними только камень. По-видимому, никакой потайной двери не существовало ни в передней, ни в этой комнате.

Эрнест Кольмар передвинулся в огромную, темную спальню и тоже проверил кинжалом стены, как делал это в других комнатах. Результат оказался по-прежнему удовлетворительным. Оставалось осмотреть еще одну часть стены, ту, которую заслоняла кровать, и Эрнест начал раздумывать, как к ней подступиться. Изголовье постели, сооруженной из массивного дуба, возвышалось почти до потолка и венчалось балдахином, с которого падал занавес. Но, твердо решившись соблюсти все предосторожности на случай, если речь пойдет о его жизни или свободе, Эрнест Кольмар сумел, употребив всю свою силу и энергию, отодвинуть кровать на столько, чтобы можно было пролезть к стене. Потом, приподняв обои, он начал вонзать кинжал в щели деревянной обшивки.

Сперва он натыкался только на камень, но внезапно оружие как будто вошло в дерево. Рыцарь поспешно схватил лампу со стола, па котором ее оставил, и внимательно принялся осматривать дырявые доски. Через несколько минут он нашел круглую железную заклепку, походившую на головку гвоздя. Подозревая, что под ней скрыта потайная пружина, он крепко надавил на нее пальцами. Стена подалась и растворилась.

Пораженный странным предчувствием близости какой-то тайны, относящейся к правому флигелю замка Альтендорф, и начиная верить слухам, ходившим об этой части здания, Эрнест Кольмар изучал обнаруженную дверь с самым подробным вниманием, когда от внезапного порыва ветра лампа его чуть не погасла. Он едва успел закрыть ее рукою и, подождав, пока ветер прекратится, осмотрел внутреннюю сторону двери.

За нею располагалась лестница, и Эрнест Кольмар начал спускаться, не колеблясь. Ступени были каменные и очень сырые, но твердые и прочные. Укрывая свою лампу от ветра, рыцарь шагал по лестнице до тех пор, пока его не остановила затворенная дверь. Он открыл ее почти без труда и попал в такой узкий и низкий коридор со сводами, что ему пришлось двигаться вперед, опустив голову. Соблюдая все большие предосторожности, рыцарь прошел шагов сто, когда на его пути встала стена. Но одной секунды ему хватило, чтобы увидеть, что коридор просто поворачивал направо под острым углом, и возобновить свое движение, пока перед ним не появилась вторая дверь. Она тоже отворилась легко, и Кольмар обнаружил за ней другую каменную лестницу, заканчивающуюся

еще одним длинным сводчатым коридором.

Опять его лампа чуть не погасла от порыва ветра снизу, и опять ему удалось спасти слабеющий огонек.

Через шестьдесят шагов рыцарь наткнулся на маленькую, почти круглую комнату, походившую на пещеру, выбитую в скале, – до того камни здесь казались жесткими и массивными. В нише стояло распятие около трех футов высоты, а на полу лежал грубо отесанный гранитный камень, напоминавший тот, на который грешники становятся коленями в некоторых церквах.

Напротив располагалась дверь. Отворив ее как и первые, рыцарь вошел в комнату, которая показалась ему высокой и обширной, оттого что лампа не сумела осветить ее полностью.

Двигаясь с осторожностью, Эрнест Кольмар заметил, что комната эта была выстроена так же грубо, как и пройденные им коридоры. Стены позеленели, а пол покрывала сырость; окон не было, и не вызывало сомнений, что комната никогда не служила жилищем человеческому существу. Разве только несчастные жертвы могли томиться здесь, стоя на коленях на граните и вымаливая у Бога сострадание, в котором отказывали им люди.

Едва Эрнесту Кольмару пришла в голову такая мысль, он вздрогнул и, взяв лампу в левую руку, правую положил на шпагу. В самом дальнем конце комнаты отделялось от темноты нечто, походившее на колоссальную человеческую фигуру. По крайней мере, такое впечатление создавалось при свете лампы, пока рыцарь подходил к непонятному предмету. Быстро уяснив причину феномена, Эрнест Кольмар увидел, что фигура, испугавшая его, не двигается. Тогда, сняв руку со шпаги, он зашагал вперед. Чем больше он приближался, тем сильнее удивляла его открывающаяся картина.

В комнате стояла гигантская статуя женщины, казавшаяся еще выше в дрожащем свете лампы.

Рассмотрев ее как следует, рыцарь убедился, что перед ним статуя мадонны. Она была футов семи в высоту и не имела никакого пьедестала. Ее поддерживало массивное основание, образованное широкими складками платья.

Сперва при виде этого произведения искусства Кольмар испытал изумление, но потом пришел в восторг, любуясь необычайною формою статуи. Она была исполнена красоты и достоинства: лицо, слегка наклоненное вперед, выглядело трогательным и грустным, впечатление еще более увеличивала скромность, с какою руки были скрещены на груди.

Тело мадонны, скрытое одеждой, было грациозно и изящно, несмотря на гигантские размеры статуи. Казалось, она была из железа, чудно отделанного под бронзу; и хотя сюда, в глубинное подземелье, не проникали солнечные лучи, хотя стены и потолок здесь позеленели от сырости, статуя ничуть не проржавела: напротив, она сияла как золото при свете лампы.

Кольмар долго любовался ею. Мы говорили уже, что сперва он почувствовал удивление, а потом удовольствие, каковое, в свою очередь, уступило место уважению. Все это помешало ему не то что дотронуться до статуи, но даже подойти к ней близко. Мадонна выглядела столь величественно и вместе с тем столь трогательно? что рыцарем овладело непонятное благоговение. Он снял шляпу и прочел короткую набожную молитву.

Глава 4

Подземелье замка Альтендорф

Эрнест Кольмар уже собрался вернуться в круглую комнату, когда при свете лампы, которую он держал в руке, увидел небольшую дверь, до сих пор им не замеченную. Решившись исследовать все до конца, рыцарь отворил дверь и, прошагав по низкому и узкому, но недлинному коридору, очутился в комнате средней величины, заполненной воздухом, проникающим через окно, выходившее на ров замка.

На столе, стоявшем у стены, находились разные инструменты, кружки и другие вещи, назначения которых Эрнест Кольмар сначала не понял, но, увидав в углу горнило и как следует рассмотрев незнакомые предметы, сообразил, что в комнате готовили химикаты для чистки статуи и придания ей бронзового цвета. А приглядевшись внимательнее, он заметил, что огонь в горниле разводили совсем недавно, не больше двух-трех дней назад. Следовательно, эти таинственные комнаты не были совершенно закрыты для людей: их периодически посещал кто-то, следивший за статуей. Но для чего о ней заботились? Если ею так дорожили, если так ценили ее, почему скрывали в столь странном месте? Зачем держали в такой темноте?

Обладатель этого прекрасного произведения искусства должен был разместить его так, чтобы им могли восторгаться гости и друзья Кольмар посчитал святотатством прятать подобное изображение, мадонны в подземелье, вместо того чтобы установить его у всех на виду. Находясь в сырой комнате, мадонна поневоле порождала лишние хлопоты и вызывала скуку у тех, кто о ней заботился. Да и само повышенное внимание к статуе, скрытой от глаз людских, было непонятно.

Такие мысли мелькали в голове Эрнеста Кольмара, пока он рассматривал предметы и средства для чистки и полировки статуи. Но скоро внимание его привлекла чередная дверь в противоположной стене комнаты. Он без труда открыл ее и увидал еще одну лестницу с каменными ступенями. Кольмар спустился по ней без малейшего колебания и попал в узкий коридор, который, как он сообразил, располагался ниже рва, ибо окно в предыдущей комнате находилось почти возле воды, а здесь она шумела прямо за стеной.

Сделав несколько шагов, Кольмар очутился в маленькой, чрезвычайно низкой сводчатой комнатке. Там предстало перед его глазами странное зрелище. Почти все помещение занимали шесть объемистых деревянных

цилиндров, расположенных по три, в виде двух пирамид. Оси, на которых вращались цилиндры, одним концом крепились к стене, а с другого их поддерживали огромные столбы. Верхние цилиндры висели на большем расстоянии друг от друга, чем средние, а последняя пара, то есть нижние, почти вплотную. К цилиндрам примыкало множество каких-то железных полос и рычагов. К бокам тех цилиндров, что размещались ближе к столбам, были привязаны три веревки, похожие на цепочки от стальных часов, они проходили в общее отверстие, сделанное в одном из столбов. Несомненно, эта адская машина каким-то способом приводилась в движение именно веревками, обернутыми вокруг цилиндров.

Непосредственно под машиной, почти достигавшей каменного потолка, журчал ручей, вытекавший из узкого отверстия в одной стене и скрывающийся через дыру в стене противоположной.

Так выглядела подземная комната. Такое страшное, таинственное зрелище постепенно открывалось во всех своих подробностях перед изумленными глазами Эрнеста Кольмара...

Несмотря на свои природное мужество и сильный дух, не знакомый с понятиями «страх» и «опасность», рыцарь почувствовал трепет во всем теле. Им овладело странное ощущение, сравнимое разве с тем, как если бы змея, проскользнув под одежду, обвила голое тело своими кольцами.

Резко отвернувшись от дьявольского механизма, Кольмар шагнул в коридор и так торопливо взбежал по каменной лестнице, точно боялся, что его схватит сзади чья-нибудь рука. Но в мастерской, как мы назовем комнату с инструментами и горнилом, свежий воздух, пахнувший рыцарю в лицо, несколько успокоил его лихорадку. Он решил, что поступит благоразумно, если не оставит в таинственном подземелье никаких следов своего посещения, и запер за собой дверь. Проходя через комнату мадонны, он задержал на ней взгляд и решил, что одного этого произведения было бы достаточно, чтобы великий художник стал знаменитостью. Потом он продолжил свой путь, не забывая повсюду закрывать двери.

Наконец, целый и невредимый, он вернулся в свою комнату, запер потайной ход и задвинул кровать на прежнее место.

Устав донельзя, Кольмар снял платье и улегся, но сон никак не смыкал его глаз. Статуя... страшная машина... белая фигура, движущаяся между деревьями, – все это тревожило его воображение. Он спрашивал себя в сотый раз: для чего сын барона Альтендорфа поместил его в покоях, скрывавших тайны замка? Мало-помалу он все-таки погрузился в лихорадочный и тяжелый сон, наполненный страшными образами, в которых являлись ему странные вещи, виденные в подземелье.

Проснувшись от солнечных лучей, бивших в оконное стекло, и смеясь над призраками, которые исчезли вместе с дневным светом, Эрнест Кольмар соскочил с постели.

Он одевался, когда в переднюю постучали. Он поспешил отворить. На пороге стоял старик Губерт.

– Хорошо ли почивали? – спросил управляющий, и рыцарю почудилось что-то особенное в его интонациях и взгляде.

– О, я никогда не спал лучше! – весело ответил Кольмар.

Ему нельзя было ни словами, ни видом давать пищу для подозрений в том, что ночью он нашел нечто необыкновенное.

– Как я рад это слышать! – вскричал старый управляющий, и лицо его внезапно прояснилось. – Приехали ваши слуги, – продолжал он. – Один еще до рассвета, второй – четверть часа назад: они прибыли порознь.

– Конечно, – кивнул Кольмар. – Ведь они выполняли совершенно разные поручения. Потрудитесь прислать их ко мне.

Губерт поклонился и вышел.

Вскоре перед своим господином предстали два молодых человека замечательной красоты, им было лет по девятнадцать-двадцать.

– Какие известия, мои храбрые и верные друзья? – спросил Кольмар, ответив на приветствия молодых людей ласково, но с достоинством. – Говори сначала ты, Лионель, – обратился он к тому, кто был немного выше ростом.

– Я узнал, – промолвил Лионель почтительным тоном, – что знаменитый Жижка разбил лагерь в одном дне пути от замка.

– Прекрасно. Мы нанесем ему визит по дороге в Прагу. – Потом он повернулся к другому пажу. – А ты, Конрад, что сообщишь?

– Я все-таки сумел отыскать грот, в котором обитает отец Киприан, – ответил Конрад. – Он будет ждать вас в двадцать часов. Свидание назначено в маленькой часовне, расположенной в трех милях от замка Альтен-дорф, на большой пражской дороге.

– Благодарю вас, друзья мои, – сказал рыцарь. – Вы оба прекрасно исполнили свои обязанности. Велите приготовить лошадей, а я пока зайду проститься с Родольфом Альтендорфом.

Пажи удалились, и Эрнест Кольмар, одевшись, тоже вышел из комнаты. В коридоре его ждал Губерт. Он проводил рыцаря в залу, где за столом, накрытым для завтрака, сидел Родольф, готовый принять гостя.

Эрнест Кольмар, подавив гнев на то, что его поместили в необитаемых комнатах, с веселым видом приблизился к сыну барона Альтендорфа. На заданный вопрос он ответил, что никогда не спал так хорошо. Рыцарь не

сомневался, что его поместили в правом флигеле замка не случайно, но из гордости даже не подал виду, что подозревает это.

После завтрака Кольмар встал и, – поблагодарив Родо-льфа за гостеприимство так дружелюбно, словно ему не на что было пожаловаться, сказал:

– Не угодно ли вам передать мне письмо или словесное поручение для барона Альтендорфа?

– Что ж, – кивнул Родольф, – я с удовольствием воспользуюсь вашей добротой.

Он подал Кольмару запечатанный конверт.

– Я непременно доставлю его по адресу, – заметил рыцарь, спрятав письмо в полукафтан.

Потом, простившись с Родольфом, он вышел на двор, сел на коня и в сопровождении Лионеля и Конрада, тоже на прекрасных лошадях, медленно проехал по подъемному мосту замка Альтендорф.

Глава 5

Во сколько отец Киприан

оценил богемскую корону

Солнце сияло на безоблачном небе, когда Кольмар и оба его пажа добрались до того места, где широкая дорога, ведущая к столице Богемии, пересекалась узкою тропинкой. Чуть в стороне от перекрестка стояла маленькая, грубо построенная часовня с миниатюрным распятием и четырьмя подсвечниками внутри.

Подъехав к ней поближе, Кольмар заметил сидящего на камне монаха, в котором по одежде узнал бенедиктинца. Тот поднялся на ноги.

– Вот это и есть отец Киприан, – заявил Конрад, рассмотрев бенедиктинца, лицо которого, однако, отчасти скрывал капюшон.

Бенедиктинец тоже узнал пажа и, отбросив капюшон на плечи, подошел к рыцарю.

– Я полагаю, что вы Эрнест Кольмар? – промолвил он.

– Точно так, – ответил рыцарь.

Спрыгнув с лошади, он передал поводья одному из слуг и удалился вместе с монахом. Пока они шагали молча, не начиная разговора о деле, ставшем причиной их свидания, Кольмар изучал наружность отца Киприана.

Монах был человеком высоким, прямым и, наверное, сильным. Его прекрасное сложение угадывалось, несмотря на широкую черную рясу, подвязанную у пояса веревкой. Капюшон, теперь откинутый, имел такую форму, что мог закрывать лицо целиком. За поясом монаха висели четки, на ногах были грубые сандалии: короче, все в нем говорило о суровой, воздержанной жизни.

Но опытный глаз Эрнеста Кольмара не обмануло строгое обличье бенедиктинца. В чертах отца Киприана, отличавшихся необыкновенной красотой, сохранились следы сильных и пылких страстей; чувственное выражение лица не могла скрыть показная холодность, а линия рта и зловещий блеск больших серых глаз не оставляли сомнения в том, что мысли его гораздо больше занимают земные дела, чем он хотел изобразить. Выглядел он лет на сорок, лицо имел бледное, но губы – грубые, толстые и красные.

Таким был отец Киприан. И первое впечатление от него Эрнест Кольмар получил далеко не благоприятное. Поэтому рыцарь решил обращаться с ним сдержанно, соблюдая, однако, вежливость и приличие.

– Мы живем в беспокойные времена, отец мой, – начал рыцарь первым. – И благоразумие повелевает требовать верительных грамот от тех, с кем собираешься толковать о важных делах. Мой паж объяснил вам, что я доверенное лицо Альбрехта Австрийского.

– Если бы вы не служили этому знатному государю, – заметил монах, – вы бы не знали, куда отправить пажа отыскивать меня. Соблаговолите, пожалуйста, сообщить, что поручил передать мне его высочество?

– Его высочество повелел доставить вам письмо, которое должно доказать вам, что я действительно его представитель, – ответил Кольмар, вынимая из кармана пергамент. – Взгляните, – добавил он, – это ваш почерк?

– Мой, – кивнул отец Киприан.

– В этом письме, – продолжал рыцарь, – вы заявляете, что имеете возможность надеть богемскую корону на голову Альбрехта Австрийского.

– Я сказал правду, – пожал плечами монах.

– Но с какой стати, – возразил рыцарь, – человек, жизнь которого целиком заполняют молитвы и умерщвление плоти, вздумал вмешиваться в такие важные политические дела? – При этих словах Кольмар бросил значительный взгляд на рясу монаха и четки, висевшие у него на поясе.

– Что касается причин, руководящих мною, – промолвил Киприан после долгого молчания, – то вы могли бы избавить меня от труда признаваться, что они глубоко эгоистичны. Вы бы и сами догадались.

– Получится гораздо лучше, если мы совершенно поймем друг друга, прежде чем приступим к переговорам, – заметил рыцарь. – Так что перечислите мне средства, какими вы располагаете, и награду, которую требуете за то, чтобы помочь принцу Альбрехту.

– Вам, вероятно, известно, насколько запутаны дела Богемии? – начал отец Киприан.

– Нет, – покачал головой Кольмар. – И вы меня чрезвычайно обяжете, если в двух словах обрисуете точное положение партий, враждующих в стране.

– С удовольствием, – согласился монах. – Много лет прошло с тех пор, как Яна Гуса приговорили к смерти и сожгли. Но чувство, разбуженное им в народе, не исчезло вместе с дымом его костра; из самого праха Яна Гуса, развеянного по ветру, вылетело его дыхание и разнеслось над Богемией. С того времени тайно и осторожно продолжается секретная война. Два года

назад общества, запрудившие страну, нашли себе начальника, неустрашимого Жижку, прозванного Кривым. Этот смуглый человек был камергером богемского короля и...

– Жижку, кажется, разъярили оскорбления совершенно особого рода? – перебил, его рыцарь. – По крайней мере, так мне говорили в Австрии.

– Возможно, и существовала какая-то подобная басня, – пробормотал Киприан, бросая украдкой взгляд на Эрнеста Кольмара. После некоторого молчания он прибавил: – Давайте не будем останавливаться на безделицах. Достаточно того, что Жижка встал во главе всех недовольных, прозванных таборитами. Их лозунга вам не скажу. Напрасно король старался успокоить Жижку, он сам сделался пленником в своем дворце, и страшный начальник таборитов начал управлять Прагою и ближними к ней округами. В то время я жил в пражском монастыре, еще не приняв пострига, и настоятель через меня переписывался с королем: я тайно встречался с ним по ночам. Шесть месяцев назад король умер, на смертном одре поручив мне свою единственную дочь, принцессу Елисавету. Теперь ей восемнадцатый год, и находится она в надежном убежище, где неизвестно ее настоящее звание. Согласитесь, было бы безумством объявить ее богемской королевой при грозном Жижке и его проклятых таборитах. Итак, в последние полгода королевство существовало без монарха, преданное раздорам и безначалию, не знающее другого правителя, кроме страха, внушаемого Жижкой.

– Да, таково положение Богемии, – задумчиво произнес рыцарь. – Что же вы хотите предложить принцу Альбрехту? – добавил он, помолчав.

– Жениться на принцессе Елисавете, – ответил монах. – Богемское дворянство соединится под знаменем короля, известного во всем христианском мире своей храбростью. Приобретя со вступлением в брак право вмешиваться в дела Богемии, он сразит Жижку и всю его орду.

– А принцесса хороша собою? – поинтересовался рыцарь.

– Прелестна как ангел... кротка, очаровательна, послушна, умна, – сказал Киприан. – И по завещанию ее отца я один имею над нею власть.

– Положим, что мой благоприятный отчет повелителю, – промолвил Кольмар, – заставит его высочество согласиться с вами... и положим, что принцесса не будет возражать против этого брака, какую награду тогда вы потребуете за свою помощь и услуги?

– С вами, представителем могущественного принца, я буду говорить откровенно и чистосердечно, – заявил монах. – Из всех государей Европы я выбрал вашего господина как самого достойного обладать сокровищем, находящимся в моем распоряжении. Через меня он может сделаться мужем богатейшей принцессы на свете и, женившись на ней, наденет на голову

богемскую корону. При столь высоком положении кто помешает ему стремиться еще выше? Германский император стар и бездетен; разве найдется кандидат более достойный императорской порфиры, чем человек, носящий уже короны австрийскую и богемскую? Заметьте, рыцарь, что, сажая вашего господина на пражский трон, я направляю его на путь еще более славный, который ведет в Ахен.

Мы должны напомнить нашим читателям, что во времена, описываемые нами, Германия разделялась на множество государств, но вся конфедерация управлялась одним выборным императором, престол которого находился в Ахене. Причем Венгрия и Богемия были независимы от Австрии. Теперь читателям становится понятна сила доводов отца Киприана. Эрнест Кольмар сразу осознал значение его слов.

– Мне все ясно, – произнес он. – Вы подчеркиваете важность услуг, которые собираетесь оказать принцу Альбрехту Австрийскому, дабы требовать соразмерной награды.

– Это чистая правда, скрывать не буду, – ответил монах. Потом лицо его внезапно вспыхнуло в порыве честолюбия, и он вскричал: – Без меня ваш господин ничего не сможет сделать в Богемии! Он не отыщет ни убежища принцессы Елисаветы, ни того места, где спрятаны сокровища. Выходит, он всем будет обязан мне... невестой... богатством... тронem! И взамен я всего лишь требую, чтобы он назначил меня своим министром, великим канцлером королевства!

Эрнест Кольмар невольно вздрогнул, смотря на монаха, воображение которого замыслило, а язык осмелился произнести вслух подобные вещи; он не мог не подумать о том, насколько смелый и отважный дух бенедиктинца противоречит его грубой одежде и скромным четкам.

– Если вы считаете меня слишком самонадеянным, рыцарь, – внезапно сказал отец Киприан, – то наш разговор закопчен.

– Я прошу извинения, если что-нибудь в моих взглядах или движениях оскорбило вас, – произнес Кольмар. – Но, откровенно признаться, ваши требования немного удивили меня, хотя они совершенно соразмерны услугам, которые вы можете оказать моему господину. Итак, от имени Альбрехта Австрийского я принимаю ваше предложение. Однако я обязательно должен быть представлен принцессе Елисавете, ибо – и это очень серьезно – господин мой слишком благороден и слишком честен для того, чтобы жениться на бедной сироте без ее полного согласия.

– Ваше желание будет исполнено, рыцарь, – согласился отец Киприан. – Мы сойдемся в Праге через четыре дня, и вы увидите самую очаровательную принцессу во всей Европе. А если у вас поэтическая душа,

вы получите прекрасную возможность продемонстрировать ее, описывая прелести Елисаветы его высочеству, Альбрехту Австрийскому.

– Не сомневайтесь, я сумею по справедливости оценить ее достоинства, – заметил Кольмар. – А теперь, отец мой, по какой дороге вы пойдете?

– Я отправлюсь прямо, – сказал монах. – Мне было бы опасно попасть в руки Жижки, – объяснил он с горечью. – Мы увидимся в Праге, рыцарь, до тех пор прощайте!

С этими словами монах встал, опять надвинул капюшон и удалился по тропинке, идущей близ часовни. Кольмар скоро потерял его из виду.

Глава 6

Новые тайны, объясняющиеся впоследствии

Было около семи вечера, когда рыцаря и двух его пажей, ехавших по границе леса, неожиданно остановил окрик часового:

– Кто идет?

– Меня зовут Эрнест Кольмар, я рыцарь и еду в Прагу, – было ответом.
– Эти молодые люди мои слуги. Но поскольку лагерь знаменитого Жижки поблизости, я с радостью бы поговорил с ним, прежде чем продолжить путь.

– Мне исключительно легко исполнить ваше желание, – хмыкнул часовой, – потому что я бы все равно не пропустил вас, не отведя сначала к генералу.

Пока солдат изъяснялся таким образом, из лесу вышли двенадцать его товарищей, вооруженных с ног до головы. Четверо приблизились к рыцарю и его слугам, помогли им сойти на землю и увели лошадей, обещая позаботиться о них. Один таборит – известно, что члены шайки, или армии, Жижки назывались этим именем – взялся проводить путешественников в главную квартиру.

Кольмар в сопровождении Лионеля и Конрада дошел за солдатом до обширной лесной поляны с целым городом из палаток и шатров всяческих форм и размеров. Шагая за своим проводником мимо солдат, чистивших и чинивших оружие, рыцарь и его пажи добрались наконец до центра лагеря, где увидели несколько человек, сидящих на мураве перед шатром, который был больше и наряднее остальных. Взгляды рыцаря и его пажей с нескрываемым восторгом устремились на одного из членов группы. Это была женщина самой восхитительной красоты.

Оливковый цвет лица делал ее похожей на испанку, но был он так чист и прозрачен, что, казалось, сквозь кожу просвечивает кровь, текущая в жилах. Лоб ее, благородный и высокий, напоминал лоб статуи, осиненный светом разума. Но более всего поражал блеск ее глаз, черных как ночь и бесконечно глубоких. Впрочем, яркость их смягчалась необычайно длинными, загнутыми ресницами. Волны черных, глянцевого цвета волос падали на плечи. Трудно с точностью описать красоту этой женщины, таившую в себе нечто неизвестное в северных странах.

Костюм ее, столь же странный, как и наружность, казалось, сшили на Востоке. В волосах у нее не было никаких украшений. В ушах висели

серьги из двух жемчужин, таких крупных, что при виде их вспоминались серьги царицы Клеопатры, воспетые историками. Ей нельзя было дать больше двадцати лет, и, судя по всему, табориты очень почитали ее: две молодые девушки-прислужницы, сидевшие чуть поодаль, смотрели на красавицу с уважением, смешанным с восторгом.

Место возле женщины занимал воин с суровым лицом, лет сорока пяти-пятидесяти. Наверное, когда-то он был красив, но потеря левого глаза, строгость, приобретенная благодаря жизни в лагере, целая копна спутанных черных волос, падавших на лоб, военный костюм – все это делало его свирепым и почти страшным.

Рыцарь без труда узнал в нем Жижку, великого Жижку, имя которого гремело тогда по всей Европе. Кольмару оставалось еще выяснить, кем была эта удивительная красавица.

Начальник таборитов несколько минут рассматривал рыцаря с величайшим интересом и выражением удовольствия на лице. Но внезапно он принял холодный и надменный вид.

– Кто вы? – спросил он.

Кольмар любовался женщиной, сосредоточив на ней все свое внимание, и когда Жижка повторил свой вопрос довольно резким тоном, он вздрогнул, точно пробудился от восхитительного сна.

– Кто вы? – снова отчеканил таборит, не отрывая единственного глаза от нашего героя.

Эрнест Кольмар сказал свое имя, звание и прибавил, что он служит принцу Альбрехту Австрийскому.

– Не угодно ли вам присесть, рыцарь, – промолвил Жижка вежливо и даже почтительно. Потом, обернувшись к двум слугам, стоявшим поодаль, приказал: – Арнольд, Генрих, принесите закуску и позаботьтесь, чтоб в вине не было недостатка.

Арнольд и Генрих поспешили повиноваться. Кольмар сел на траву между начальником таборитов и молодой женщиной, пронизательный взгляд которой быстро осмотрел его с ног до головы и на минуту с удовольствием задержался на лице, исполненном чистосердечия и благородства.

– Вы не встретите у нас придворного и дворцового церемониалов, – заметил Жижка. – Не ожидайте же, рыцарь, чтобы я официально представил даму, сидящую от вас по левую руку. Она не только прекрасна, как вы видите, но и приятна в общении, – прибавил таборит с улыбкой и после минутного молчания, во время которого Кольмар кланялся даме, отвечавшей ему грациозным наклонением головы, продолжил: – Надо

сказать, что она не родственница мне... она и родилась не в Богемии. Но я люблю ее как дочь, и нет человека во всей войске, который без малейшего колебания не отдал бы за нее жизнь.

– Вы, вероятно, из отдаленных восточных стран? – обратился Эрнест Кольмар к женщине.

– Да, – ответила она. – Отец мой был одним из самых могущественных монархов, когда-либо царствовавших в странах еще полуварварских. – Устремив на рыцаря глаза, блеск которых точно сжигал его, она прибавила: – Если вы желаете узнать мое имя, то меня зовут Сатанаиса.

Кольмар вздрогнул, услышав столь зловещее, роковое слово, но, тотчас оправившись, заметил, улыбаясь:

– Я знаком с магометанскими верованиями, и ваше имя в переводе означает «дочь сатаны». Но, по-моему, оно не создано для вас.

– Как бы то ни было и каким страшным оно вам ни кажется, а меня зовут Сатанаиса.

– Она говорит правду, – тихим голосом подтвердил Жижка, – она действительно Сатанаиса... Но когда и почему ее так называли – это тайна, делающая историю ее жизни невероятной.

– Вы чрезвычайно заинтересовали меня, – тоже прошептал рыцарь. – Красота, имя, биография, страна – все соединилось, чтобы заключить ее в загадочный магический круг и тайну, куда воображению не проникнуть.

– И не от меня вы услышите объяснения, – заявил Жижка тоном, который заставил Кольмара понять, что его любопытство может перейти границы скромности.

– Я прошу извинения, генерал, – промолвил рыцарь с чистосердечием, вызвавшим у таборита улыбку. – Я виноват тем более, что мы встречаемся в первый раз.

В эту минуту вернулись Арнольд и Генрих и поставили на траву закуску и вино.

Ужинали Жижка, Кольмар, два его пажа, Сатанаиса и ее прислужницы. Таборит ел только хлеб и сухие фрукты, а пил воду. Эрнесту Кольмару показалось, что, когда он подавал Сатанаисе рюмку вина, пальцы женщины коснулись его руки таким образом, что это нельзя было приписать случайности.

Когда ужин кончился, Жижка поднялся и произнес:

– Настала пора отдохнуть после дневных забот... Видите, табориты удалились в свои палатки и в лагере тишина.

Тем временем Кольмар подал Сатанаисе руку, чтобы помочь ей встать, но она, легкая как лань, вскочила сама и, надев шляпу, украшенную пером

огненного цвета, набросила на плечи шарф, который протянула одна из служанок.

– Да хранят вас добрые гении, рыцарь, – сказала она.

Подойдя к Жижке, она скрестила на груди руки, ожидая его благословения. Таборит тихо дотронулся губами до ее лба и проговорил внятным голосом:

– Бог да благословит тебя, Сатанаиса!

Молодая девушка поклонилась, а когда приподняла голову, Кольмар заметил, что она быстро взглянула на него. Но взгляд этот был не длиннее вспышки молнии: в сопровождении своих служанок она зашагала мимо шатра в глубину леса.

Жижка повел рыцаря в палатку, разделяющуюся на два отделения. Кольмар занял одно, а его пажи другое. Когда начальник таборитов ушел, Кольмар сел на постель, приготовленную для него, и впал в продолжительную и глубокую задумчивость. Нужно ли объяснять, что предметом его мыслей была Сатанаиса?

Скорее всего, начальник таборитов испытывал к ней искреннюю и чисто отцовскую привязанность. Но почему она сопровождала его в походе?

Кольмар, ощущая какое-то беспокойство, смешанное с удовольствием, начал серьезно спрашивать себя, не любовь ли чувствует он к необыкновенной женщине.

У него не было ни малейшей охоты спать, голова горела, и он думал, что ветерок освежит его лоб и успокоит волнение. Рыцарь встал, прошел мимо пажей, послушав их ровное дыхание, и выбрался из палатки.

Луна ярко освещала весь лагерь, в том числе шатер Жижки. Вокруг было тихо, часовые охраняли лишь наружную, достаточно далекую границу лагеря и не могли видеть, что происходило внутри него.

Кольмар, двигаясь наудачу, попал на маленькую тропинку, которая привела его в какой-то лабиринт. Внезапно он понял, что Сатанаиса пошла именно в эту сторону, когда отправилась на ночлег в сопровождении своих служанок. Уступая чувству деликатности, он собрался уже вернуться, как вдруг заметил свет сквозь листья деревьев. Любопытство одержало верх: потихоньку шагая вперед, он прошел по маленькому мосту, переброшенному через ручеек, и скоро очутился перед огромной скалой. Свет лился из грота, расположенного в этой скале.

Кольмар остановился в нерешимости, спрашивая себя, идти ли ему дальше или отступить, и внезапно услышал поблизости шорох в траве. Он едва успел спрятаться за дерево, как увидел двоих мужчин и нескольких

женщин, медленно направлявшихся к пещере. У всех на лицах были маски.

Когда процессия исчезла, Эрнест Кольмар потихоньку проскользнул вдоль скалы и тоже вошел в грот. Он очутился в довольно обширном зале, заваленном по бокам огромными камнями. Некоторые валуны достигали даже свода пещеры и точно поддерживали его. Протиснувшись между этими камнями и стеной, рыцарь сумел незамеченным подойти довольно близко к присутствующим и отыскать такое положение, чтобы видеть все происходящее, не опасаясь разоблачения.

На столе горело несколько факелов, двое мужчин и восемь женщин, все в масках, стояли полукругом. Кольмар начал подозревать, что в лагере таборитов наткнулся на тайны такие же странные, как и те, что поразили его прошлой ночью в замке Альтендорф.

Вдруг, в торжественной тишине, открылась дверь в глубине пещеры и явился Жижка, ведя за руку женщину в белой одежде и под покрывалом. Начальник таборитов, нахмутив брови, с выражением почти свирепым медленно обозрел замаскированных мужчин и женщин, а потом свою спутницу.

Кольмара поразила мысль, что если Сатанаиса переменяла живописный наряд, в котором он видел ее два часа назад, на более простой и скромный костюм, то девушка, стоявшая перед ним, и есть она.

Девушка подняла руку и сбросила покрывало с лица, потом медленно обвела взглядом пещеру, как бы удосто-вериваясь, что вокруг нет других людей, кроме находящихся поблизости. Эрнест Кольмар вздрогнул и с величайшим трудом удержался от удивленного восклицания, ибо эти глаза, сверкавшие необыкновенным блеском, были глазами Сатанаисы. Но с другой стороны, такое было невозможно, потому что лицо молодой девушки, на которую он теперь смотрел, отличалось ослепительной белизной, а та, другая, напоминала цветом кожи андалузку. Однако у этой девушки были тот же профиль, те же черты, такое же достоинство в осанке; они изумительно походили друг на друга.

И только Кольмар сделал такие наблюдения, одна из замаскированных женщин шагнула к молодой девушке.

– Марьета, – умоляюще сказала она, – именем всего, что есть у тебя дорогого, вернись к нам. Мы обещаем тебе забвение, прощение прошлого и счастье в будущем.

– Выслушайте меня, я займу у вас несколько минут, – промолвила девушка голосом, проникнувшим в самую душу рыцарю, ибо он показался ему голосом Сатапаисы. – Послушайте меня терпеливо, – повторила она после минутной тишины, такой глубокой, что можно было бы различить

падение булавки. – Я пришла сюда не для того, чтобы отказаться от намерения, которое уже объявила. Я знаю, как строги ваши законы, и потому от всего сердца благодарю за предложение забыть прошлое. Я всегда останусь верна данной вам клятве, но требую, чтобы вы возвратили мне свободу. Согласитесь, и вы получите значительную сумму золотом. Мы ведь условились о цене?

При этих словах, сопровождаемых грациозным движением руки, обнаженной до плеча и удивительно складной, на ее губах появилось выражение презрения и брезгливости.

– Нет, Марьета, – сказала женщина, которая до сих пор говорила одна, – мы предпочитаем золоту твое возвращение.

– Никогда! – энергично воскликнула девушка. – И не называйте меня Марьетой, с нынешнего дня я опять принимаю имя, данное мне матерью, – Этна.

От такого ее заявления луч удовольствия сверкнул в глазах Жижки, стоявшего поодаль, опираясь на шпагу.

В течение следующих несколько минут царил мертвая тишина.

– Ступай, если хочешь! – неожиданно вскричала женщина, которая, казалось, командовала остальными. – Ступай, но не забывай, что...

Но Кольмар не дослушал фразы, ибо ему почудился шорох между камней, среди которых он прятался. Он повернул голову и заметил высокую тень монаха в капюшоне.

Все случилось так быстро, и за появлением монаха так скоро последовало его исчезновение, что Кольмар счел видение игрой воображения. Снова обратив взор в глубину пещеры, он убедился, что женщина продолжает угрожать девушке.

Этна, кажется, слушала ее с пренебрежением, а Жиж-ке, похоже, требовалась вся его воля, чтобы сдерживать гнев, кипевший в груди.

– Ты свободна, – говорила замаскированная женщина. – Ты можешь идти по выбранному тобою пути, но...

– Скоро ли кончится эта сцена? – прервал ее Жиж-ка, терпение которого, видимо, истощилось.

– Очень скоро, – фыркнула женщина. – Но сперва я скажу еще одно слово и требую вашего внимания. От золота, что ты принес, слышишь ли, Жижка, от этого золота, служащего ценой за нынешнюю сделку, я отказываюсь! Я его отвергаю!

– Клянусь небом! – вскричал Жижка, побагровев от бешенства. – Это оскорбление...

– Молчи... тише! Вспомни торжественное обещание! – возопила

женщина, поднимая руки в повелительном движении.

– Погодите... погодите еще минуточку! – взмолилась Этна, бросив на начальника таборитов красноречивый взгляд.

Жижке пришлось сделать над собой усилие, чтобы успокоиться.

– У вас есть что прибавить? – спросила Этна. – По-моему, вы напрасно отказываетесь от суммы, которой начальник таборитов позволяет мне располагать...

– Никто из нас не дотронется до этого золота, – перебила женщина. – А теперь, Этна или Марьета, как бы ты ни называла себя, дрожи, потому что мы отомстим... мы станем преследовать тебя... настигнем... и ты будешь осуждена на казнь...

– Бронзовой Статуи... и «поцелуй» Девы! – раздался громкий и торжественный голос.

В ту же минуту из-за валунов на середину пещеры, протянув вперед правую руку, вышел монах.

Этна пронзительно вскрикнула и упала, словно пораженная громовым ударом.

И тут, как по волшебству, погас свет... пещера погрузилась в кромешный мрак.

Эрнест Кольмар бросился в ту сторону, где видел Этну в последний раз.

Глава 7

Продолжение приключений в пещере

Крик, вырвавшийся у Этны, был единственным проявлением удивления и испуга, произведенным вторжением монаха, его странными словами и внезапной темнотой, в которую вдруг погрузилась пещера. Жижка молчал.

Эрнест Кольмар не имел времени подумать, потому что услышал топот многочисленных ног, торопящихся к выходу, точно мужчины и женщины наперегонки старались покинуть пещеру. Кроме того, в глубине пещеры кто-то затеял отчаянную драку, но через несколько минут тяжело упало чье-то тело, и все прекратилось.

Рыцарь бросился вперед, впотьмах расталкивая убежавших людей и направляясь к Этне.

Убедившись, что против нее замышляют дурное, Кольмар едва успел вырвать девушку из цепких рук врага. Тот ударил рыцаря кинжалом, но, к счастью для Кольмара, темнота была настолько глубокой, что негодяю пришлось бить наудачу, и кинжал, вонзившись в португую, сломался у рукоятки.

Не выпуская Этну, которую он поддерживал левою рукою, Кольмар правою нанес в лицо противника такой сильный удар, что тот повалился навзничь, не успев даже застонать. Умер ли он или только потерял сознание? Рыцарь не стал тратить времени на то, чтобы выяснять это.

Освободившись от своего неизвестного врага, Кольмар понес неподвижную Этну к выходу из пещеры. Девушка не умерла; он чувствовал биение ее сердца, с каждой секундой становившееся сильнее.

Добравшись до выхода, рыцарь вдруг понял, что похищение Этны было предпринято не одним тем человеком, у которого он вырвал ее, а что злодей, вероятно, сговорился с другими мужчинами и женщинами, иначе В наступившей темноте непременно поднялась бы суматоха, между тем как кричала лишь молодая девушка.

Убежденный, что похищение Этны, производилось по плану, имевшему много соучастников, и подозревая, что Жижку подло обманули, о чем свидетельствовал шум драки и падение тяжелого тела, Эрнест Кольмар остановился на минуту, взял в правую руку обнаженную шпагу, а девушку понес на левой.

Он решил пробиться сквозь все препятствия и либо спасти Этну, либо

погибнуть вместе с ней. Он вышел из пещеры. Взор его сразу наткнулся на восьмерых женщин и двух мужчин, и когда они заметили его с Этной на одной руке и обнаженной шпагой в другой, восклицания бешенства, удивления и обманутого ожидания сорвалось с их губ. Эта сцена освещалась лучами луны, проникающими сквозь листья, и было ясно, что злодеи надеялись увидеть с Этной совсем не рыцаря.

– Измена! – вскричал один мужчина.

Заговорщиков охватил внезапный страх, и они разбежались.

Обрадовавшись, что так легко освободился от тех, кто преграждал ему путь, Кольмар двинулся по тропинке, приведшей его в пещеру, обратно в лагерь. Но не сделал он и двадцати шагов, как Этна зашевелилась, потом с губ ее сорвался стон, точно возвращение к жизни вызывало в ней страдания, и рыцарь почувствовал, как поднимается ее грудь. Вспомнив, что поблизости есть ручеек, он поспешил отнести Этну туда и, спрыснув ей лицо водой, помог прийти в чувство. Она медленно раскрыла глаза, мутно посмотрела на рыцаря и снова смежила веки, как бы стараясь собраться с мыслями. Около минуты она еще отдыхала на руках рыцаря, положив голову на его плечо; ее прекрасные волосы спускались ему на грудь, лицо так было близко к его лицу, что дыхание девушки обжигало щеку.

Кольмар с трудом верил, что все происходит в действительности, ему казалось, что он спит. Если б кто-нибудь шепнул ему, когда Этна сняла свое покрывало, что через час эта женщина будет покоиться на его руках и он сможет дотрагиваться до ее длинных волос, он бы счел подобную идею нереальной, нелепой. Однако все это случилось в несколько минут, и в глубине густого леса, посеребренного лунными лучами, у ручейка, журчавшего возле ног, Эрнест Кольмар находился наедине с женщиной, красота которой слепила его. Но ни малейшей нечистой мысли не возникало у рыцаря: он любовался Этной с целомудренным восторгом.

Мы сказали, что прошло около минуты, прежде чем Этна опять открыла глаза. В этот промежуток она, без сомнения, собралась настолько, что вспомнила сцену в пещере и поняла, помог ей или похитил тот, кто поддерживал сейчас.

– Не бойтесь ничего, я друг, – прошептал Кольмар, видя, что она поднимает на него взор.

– Благодарю, благодарю тысячу раз за ваши слова, – проговорила Этна, садясь возле него. Потом, тихо взяв его за руку, она доверчиво прибавила: – Я знаю, кто вы.

– Знаете? – вздрогнул рыцарь.

– Да, – улыбнулась она. – Вы рыцарь Эрнест Кольмар. – Я за вами

наблюдала, хотя вы меня не заметили, пока вы беседовали с генералом и Сатанаисой.

– А кто она – Сатанаиса? И кто вы? – спросил рыцарь с энтузиазмом.

– Сатанаиса моя сестра, – ответила Этна голосом тихим, дрожащим и слегка смущенным.

– Я так и думал! Ни секунды не сомневался! – воскликнул Эрнест, – Как ни различны день и ночь, они все-таки дети одного отца – времени.

– Да, мы близнецы, – меланхолично заметила Этна. – Но скажите мне, – встrepенулась она вдруг, – скажите, что произошло? От какой опасности вы меня спасли, а если опасности вовсе не было, то каким образом я сюда попала?

– Говоря откровенно, – пробормотал Кольмар, – в пещере я стал свидетелем страшной сцены, где вы играли главную роль.

– А что привело вас туда? – нетерпеливо продолжала Этна, устремив на рыцаря глаза, словно хотела поймать мысли с самого дна его души.

– Я не мог заснуть и вышел прогуляться. Скоро я заприметил свет и, побуждаемой любопытством, оказался в пещере. Спрятался за камнем и...

– И оттуда вы все видели, все?! – задрожала Этна от нетерпения. – Но каковы обстоятельства, заставившие вас принести меня сюда?

– Одной минуты будет достаточно, чтобы все объяснить, – заметил рыцарь. – Вы лишились чувств, свет погас – не знаю почему, – и я бросился к вам на помощь. Вас уносил какой-то мужчина. Я случайно наткнулся на него, и когда мои пальцы в темноте коснулись ваших волос, я сразу понял, что это вы, и вырвал вас из рук негодяя. Он попытался ударить меня кинжалом, но промахнулся. Кулаком я сшиб его с ног, убежал из пещеры и принес вас сюда.

– Но человек, у которого вы меня отняли так мужественно, он погиб? – продолжала Этна со странным волнением.

– Не могу сказать, – ответил рыцарь, – там было темно, я не останавливался, чтобы проверить.

– Еще вопрос, – заторопилась девушка. – Как по-вашему, человек, уносивший меня, не тот ли он монах, что появился в пещере и произнес страшные слова?.. – Не закончив, Этна вдруг остановилась и задрожала с ног до головы так, что Кольмар заметил это.

– Ради Бога! Что с вами? Чего вы испугались? – воскликнул он, пожимая ей руку, чтобы успокоить.

– Ничего, ничего, – пробормотала Этна, силясь преодолеть волнение. – Так вы не ответили на мой вопрос о высоком монахе, – добавила она уже с живостью.

– К сожалению, я не знаю, что ответить, – сказал Кольмар. – Темнота... суматоха... смятение...

– Да, вы не могли разобраться, кем был тот человек, – прибавила Этна, доканчивая фразу, начатую рыцарем.

– Но что за странные и непонятные слова выкрикнул монах? – поинтересовался Кольмар. Этот эпизод из сцены, при которой Кольмар присутствовал в пещере, весьма естественно соединялся с необыкновенными предметами, обнаруженными им в замке Альтендорф. – Можете ли вы объяснить, что это означает: «Бронзовая Статуя и «поцелуй» Девы»?

– Остановитесь! Молчите! Ради Бога, не произносите этих страшных слов! – прошептала Этна прерывисто и глухо, неожиданно бросаясь Эрнесту Кольмару на грудь и припадая к нему с ужасом и испугом, как сестра, ищущая покровительства у брата, или как дочь, спасающаяся от опасности в объятиях отца.

– Не бойтесь, я не стану беспокоить вас предметом, приносящим вам такие волнения, – сказал рыцарь. – Но не сомневайтесь, пока я рядом, кем бы ни были ваши враги, они не тронут и волоска на вашей голове.

– Я никогда не забуду вашего великодушия, – промолвила Этна и вдруг воскликнула: – О Господи! Какая же я неблагодарная! Жижка! Он совсем вылетел у меня из головы!

– Ах! – вскричал рыцарь, вскакивая на ноги. – И у меня тоже. Увы! Но с ним, наверное, случилось несчастье.

– О! Надо скорее выяснить, здоров ли он, невредим ли, и помочь ему, пока не поздно, – проговорила Этна, поднимаясь с самым горестным опасением. – Пойдемте, рыцарь, вернемся в пещеру.

– Лучше позвольте мне проводить вас в лагерь, – перебил Кольмар, взяв ее за руку. – А потом я разбужу солдат, и мы...

– Рыцарь Кольмар, умоляю, разрешите мне показать вам дорогу! – вскричала Этна с нотками ужаса в голосе. – Ради Бога, не вздумайте бить тревогу в лагере! Пойдемте со мной. Не надо считать, что я буду вам помехой в случае опасности. Напротив, мои руки, как они ни слабы, станут помогать вам. Посмотрите! Я не беззащитна! – Длинное, тонкое лезвие кинжала, извлеченное ею из складок белого платья, сверкнуло при лунных лучах.

– Странное и загадочное существо, такое же таинственное, как и твоя сестра Сатанаиса! – воскликнул рыцарь. – Приказывай – я повинуюсь! Пойдем – и горе тому, кто осмелится тебе угрожать!

Глава 8

Данная клятва и назначенное свидание

Нескольких минут хватило Кольмару и Этне, чтобы дойти до скалы. Сначала они прислушивались, не донесется ли из пещеры шум чьих-нибудь голосов или шагов, но вокруг было так тихо и темно, точно в недрах земли.

Рыцарь взял Этну за руку и первый вошел в грот. Сделав беспрепятственно шагов тридцать, они наконец наткнулись на стол, к которому крепились факелы во время сцены, описанной нами в прошлой главе.

Кольмар наклонился и начал старательно обшаривать то место, где прежде стоял Жижка, опираясь на шпагу. Рука его наткнулась на тело, неподвижно лежащее на земле.

Он немедленно сообщил о находке Этне, и та, вообразив, что Жижка убит, вскрикнула от горя. На полу действительно лежал начальник таборитов, рыцарь узнал его, ощупав массивное оружие, латы и шпагу.

– Лицо его холодно, но это не холод смерти, – заметил Кольмар. – Нет, жизнь не угасла, по телу пробегает дрожь. О! Огня...

– Подождите! Я сейчас ворочусь! – прервала его Этна, и Кольмар услышал, как она осторожно движется по пещере.

Через несколько минут в отверстии, сквозь которое появился Жижка час тому назад, заблестал свет и вернулась Этна с факелом.

– Он приходит в чувство! – воскликнул рыцарь, едва сумел различить черты таборита. Потом, бросив быстрый взгляд на девушку, он прибавил: – Человека, из рук которого мне посчастливилось вырвать вас, здесь нет.

– Нет, – повторила Этна с очевидным беспокойством. – Если он жив, он убежал, а если умер, сообщники унесли его.

Произнеся такие слова, ясно показывающие, насколько сильна ее тревога, она сразу вспомнила, что Жижка требует всех ее забот и всех мыслей.

– Посмотрите! Генерал только оглушен, – продолжал рыцарь. – Он скоро очнется, губы начинают шевелиться.

– Но, Боже мой! Какой страшный удар он получил! – заметила Этна, опустившись на колени, чтобы поддержать голову генерала. Приподняв со лба его густые черные волосы, она указала на большую рану над правым виском и добавила: – Рядом есть комната, отнесем его туда. Возможно, мы найдем там что-то, что приведет его в чувство. О! – внезапно воскликнула

она в отчаянии. – Если он умрет, я никогда себе не» прощу, потому что здесь повинно только мое упрямство.

– Не огорчайтесь, – постарался ободрить ее Кольмар. – Храбрый и великодушный Жижка не умрет.

С этими словами рыцарь поднял таборита на руки и отнес за валуны, туда, где Этна достала огня. Несмотря на беспокойство, Этна не могла не приметить, с какой легкостью нес Кольмар тело, очень тяжелое. Похоже, рыцарь был столь же силен, сколь и храбр.

Разместив таборита на ложе, устроенном из стульев, находившихся в комнате, Кольмар снял с него латы, между тем как Этна смачивала ему лоб водой.

Через несколько минут Жижка оправился настолько, что понял, где находится, и узнал тех, кто заботился о нем. Пока глаза его перебегали с Этны на Кольмара, он казался очень удивленным, но нисколько не раздосадованным тем, что они находятся в обществе друг друга.

– Я обязана своим спасением рыцарю, – объяснила Этна Жижке, робко глядя при этом на Кольмара. – Он вырвал меня из рук тех, кто вероломно задумал похитить меня у вас и увезти Бог знает куда. – Она судорожно вздохнула.

– Я понимаю, почему ты дрожишь, Этна, – с трудом проговорил начальник таборитов, и на лице его появилось свирепое выражение. – И если они осмелились хоть пальцем тебя коснуться – горе им. Я и под землей их сыщу!

Усилия, которые потребовались начальнику таборитов для того, чтобы произнести эти угрозы, не принесли ему вреда, а напротив, помогли возвратить силы,

– Благодарю вас, рыцарь Кольмар, за роль, сыгранную нынешней ночью, – продолжал Жижка после минутного молчания. – Но ответьте, – добавил он, устремив пронизательный взгляд на лицо нашего героя, но говоря уважительно, – ответьте, почему вы очутились поблизости в такое время?

Эрнест Кольмар привел генералу то же откровенное объяснение, что и Этне, и воин остался доволен.

– Вы оказали девушке, – заметил Жижка, – неоценимую услугу, вызволив ее от врагов. Я тоже обязан вам спасением этого молодого создания, в котором принимаю глубокое участие и люблю не меньше, чем ее сестру Сатанаису. Но вы должны сделать мне еще одно одолжение, рыцарь, – прибавил начальник таборитов.

– Говорите, генерал! – воскликнул Кольмар. – Чего требуете вы от

меня?

– Молчания, сохранения полной тайны относительно сегодняшних приключений, – ответил Жижка торжественным тоном. – Я прошу вас как рыцаря обещать мне считать их сном или чем-то подобным, о чем вы никогда не станете болтать. А если когда-нибудь вы еще встретитесь с Этной, не намекайте ей на случившееся и не спрашивайте о нем. Могу ли я быть уверенным, что вы исполните мою просьбу?

– Да, – проговорил Кольмар. Поднеся к губам эфес своей шпаги, сделанный в виде креста, он сказал твердым голосом: – Клянусь хранить нерушимую тайну обо всем, что я видел и слышал нынешней ночью.

Жижка поблагодарил его, а Этна обратила на рыцаря взор, полный признательности, взор, который дошел до глубины его души.

– Теперь воротимся в лагерь, – сказал начальник таборитов.

Кольмар протянул руку Этне – та взяла ее свободно, точно ночное происшествие уже сделало их короткими друзьями, – и вывел девушку из пещеры. Жижка шел сзади.

Они прошагали по тропинке, перешли через мост, и недалеко от ручейка Этна заговорила:

– Здесь я должна с вами расстаться, рыцарь.

– Но мы же увидимся утром, прежде чем я покину лагерь таборитов? – заметил Кольмар, пожимая ей руку и глядя в лицо, освещенное лунными лучами.

– Нет, – ответила она и прибавила с внезапным и странным волнением: – Я живу очень уединенно, ведь я так не похожа на мою сестру Сатанаису.

– Стало быть, я должен проститься теперь, едва испытав счастье знакомства с вами и даже не зная, встретимся ли мы снова? – Голос Кольмара прервался, невольно выдав мысли, зародившиеся в его уме.

– Разве вы желаете меня видеть? – спросила Этна, озираясь вокруг, дабы удостовериться, что Жижка ее не слышит, хотя говорила она очень скоро и тихо.

– О да! – промолвил рыцарь тем же тоном.

– Вы едете в Прагу... не так ли? – продолжала она по-прежнему торопливым полусшепотом. И когда рыцарь сделал утвердительный знак, она прибавила совсем уже робко: – Первого августа я тоже приеду туда и ровно в полдень буду одна на южном валу города.

– Благодарю, тысячу раз благодарю! – прошептал Кольмар. Схватив руку Этны, он с живостью поднес ее к губам. – В полдень первого августа мы увидимся.

Этна бросила на рыцаря взгляд, который заставил сильнее забиться его

сердце, и, выдернув свою руку, ушла в лес.

Кольмар следил глазами за ее белой фигурой, покуда она не исчезла в листве. Тогда он вздохнул, точно нробу-дившись от сна, и поспешил присоединиться к табориту, который тихо шел впереди.

Добравшись до лагеря, они расстались: один воротился в свою палатку, другой – в шатер.

Глава 9

Обмен перстнями.

Рыцарь Кольмар не доказывает, что умеет размышлять

В девятом часу, на другой день, завтрак был подан в шатер Жижки.

Сатанаиса, усевшись возле Эрнеста Кольмара, принялась угощать его, и всякий раз, глядя на нее, рыцарь более прежнего изумлялся чудному сходству сестер. Различался только цвет лица и волос. Если б Сатанаиса и Этна были статуями, а не женщинами, можно было бы поклясться, что они отлиты из одной формы, и только раскрашены по-разному.

Лицо Сатанаисы и анфас и в профиль выглядело так же, как у Этны; одинаковыми были голова, бюст, даже ногти. А когда Кольмар смотрел в глаза Сатанаисы, он видел в них то же выражение, те же чувства, те же страсти, тот же блеск, что и в глазах Этны.

Но насколько отличались волосы Сатанаисы и Этны! Настолько эбен отличается от золота.

На одной стороне стола с Сатанаисой и рыцарем сидели две молодые девушки, о которых мы уже упоминали; по-видимому, их привязанность и преданность госпоже были безграничны.

Девушек звали Линда и Беатриче. Они были немного моложе пажей Кольмара и, весьма естественно, с удовольствием принимали ухаживания Лионеля и Конрада.

Жижка, совершенно оправившийся от травмы, полученной им в прошлую ночь, ничуть не сердился на внимание, которым рыцарь окружил Сатанаису. Без сомнения, начальник таборитов чувствовал к Эрнесту Кольмару большую симпатию и обращался с ним с уважением.

Во время завтрака никто не произнес ни слова, хоть как-то относящегося к ночным приключениям. Сатанаиса ни разу не упомянула Этну. Когда завтрак кончился, Жижка обратился к Кольмару:

– Надеюсь, рыцарь, что вы окажете нам честь, погостив в лагере несколько дней.

– Я бы с большим удовольствием остался, – ответил Кольмар, – если бы от меня зависело принятие такого любезного приглашения. Но обстоятельства принуждают меня немедленно отправляться в Прагу’.

Рыцарь, подчиняясь влиянию на него Сатанаисы, которому он

сопротивлялся, быстро взглянул на нее и заметил в глазах у девушки что-то похожее на упрек: мол, зачем он уезжает так поспешно. Но уже через секунду он понял, что ошибся, ибо, встав со своего места и сделав знак Линде и Беатриче следовать за ней, она сказала, обращаясь к Жижке и Кольмару:

– Мы оставим вас, вероятно, вы хотите поговорить наедине о важных вещах.

– Погодите, Сатанаиса! – улыбнулся таборит. – Не поможет ли ваше красноречие убедить рыцаря провести с нами несколько дней? Сатанаиса, пригласите рыцаря Кольмара еще раз, добейтесь его согласия.

– Если рыцарь Кольмар окажет нам честь, оставшись у нас погостить, мы будем ему обязаны за такое одолжение, – промолвила Сатанаиса.

Рыцарю вновь почудилась в ее взгляде мольба.

– Я, право, огорчен до глубины души, что принужден отвергнуть ваше гостеприимство, – склонил голову Кольмар, не сомневаясь более, что Сатанаиса интересовалась им.

– Бесплезно настаивать дальше: это было бы даже нескромно с нашей стороны, – заметила Сатанаиса каким-то печальным тоном. – Но в другой раз, – прибавила она, слегка покраснев, – возможно, рыцарь Кольмар удостоит нас более продолжительным посещением.

– Будьте уверены, – зашепел рыцарь, – что я с огромной радостью воспользуюсь первыми свободными минутами и непременно появлюсь у вас...

– Чтобы стать желанным гостем, – дополнила Сатанаиса.

Она вышла из шатра в сопровождении Линды и Беатриче, и когда полог опустился за ней, Эрнесту Кольмару показалось, будто солнце скрылось за тучей. Но, прогнав тотчас такие мысли, он сделал знак своим пажам, и те торопливо удалились, обрадовавшись возможности увидеть опять Линду и Беатриче.

Когда Жижка и Кольмар остались в шатре одни, первый заговорил:

– Вы вчера заявили часовому, что хотите побеседовать со мной. Теперь я готов выслушать вас со вниманием.

Рыцарь начал:

– Генерал, вам уже известно, я еду с поручением Альбрехта Австрийского. Скоро в Праге соберется богемское дворянство, и мой государь должен послать туда представителя для устройства дел этой страны. Его высочество именно меня выбрал своим посланником, и среди инструкций, полученных мною при отъезде из Вены, находится приказ увидаться с вами прежде, чем состоится собрание в Праге.

Жижка сухо поинтересовался:

– С какой целью?

– Чтоб узнать ваше отношение к положению дел в стране, – ответил Кольмар. – Но, – прибавил он с живостью, – если вы почтите меня своим доверием, мне велено не злоупотреблять им.

– Возможно, вам известно, – произнес Жижка, – что я решил не только сопротивляться дворянству, но и не допускать иностранного вмешательства.

– Австрия не замышляет вооруженного конфликта, генерал, – заметил Кольмар. – По крайней мере, пока сохраняется нынешнее положение дел.

– Приятно слышать подобное уверение, – кивнул Жижка. – Вы знаете, каковы планы совета дворян?

– Я вообще ничего не знаю, кроме того, что совет соберется в первый раз второго августа и в ту же самую ночь руководители его, вероятно, сообщат важные известия.

– По-вашему, в ту же самую ночь? – пробормотал таборит.

– Вне всякого сомнения, – подтвердил Кольмар.

– В таком случае я тоже приеду! – вскричал Жижка, стукнув кулаком по столу.

– Как друг или как враг? – спросил рыцарь.

– Вы сами без труда можете угадать, – усмехнулся таборит.

– Стало быть, враг. Но мне всегда казалось, что дворянство и табориты согласны на перемирие или на приостановление вражды, каковое впоследствии тоже привело бы к миру. Так или иначе, но если вы подвергнете себя риску, Жижка, я огорчусь гораздо больше, чем могу выразить словами, – закончил Кольмар самым искренним тоном.

– Вы храбрый и великодушный молодой человек, – заметил Жижка. – И я рад, что встретился с вами. Я знаю вас только несколько часов, но некоторые мои мысли уже претерпели удивительные перемены. Теперь, что бы ни случилось – останется Австрия нейтральной или выберет вооруженное вмешательство, – я все равно сохраню к вам глубокое уважение, рыцарь. Если мы станем врагами, то врагами милосердными. А сейчас, – прибавил суровый воин, – позвольте преподнести вам вещицу, которая послужит пусть слабым, но доказательством моих дружеских чувств и благодарности за ваши услуги нынешней ночью. Пожалуйста, носите это кольцо. – И он протянул рыцарю дорогой перстень.

– С условием, что вы примете взамен это, – откликнулся Кольмар, снимая с пальца прекрасный перстень и подавая его табориту.

– Коли вы так хотите, с моей стороны было бы смешно отказываться, –

улыбнулся Жижка. И едва произошел обмен перстнями, он прибавил уже более сурово, точно скрывал какое-то намерение: – Вы путешествуете по незнакомой стране с поручением довольно опасным. Конечно, я желаю, чтоб Господь сохранил вас от всякого несчастья, но никому не известно, что может случиться через минуту. Итак, если вы попадете в беду, если вас схватят враги, возможно, перстень, сейчас надетый вами на палец, превратится в талисман. По крайней мере, не отчаивайтесь, пока не испытаете его силу.

– Но каким образом я должен ее испытать? – удивился рыцарь, убежденный в том, что не простое суеверие заставило Жижку подать ему этот таинственный совет.

– Превратности судьбы могут засадить вас в тюрьму или швырнуть во власть людей, жаждущих вашей крови, – продолжал таборит. – Если подобные бедствия постигнут вас, покажите этот перстень, как бы нечаянно, тем, от которых будет зависеть ваша жизнь или свобода. Понятно ли я объясняю?

– Совершенно понятно, генерал, – кивнул Эрнест Кольмар. – И я благодарю вас от всего сердца за новое доказательство вашего расположения ко мне. Мне очень жаль, что я должен торопиться. – Рыцарь встал.

– Мы скоро увидимся, – заметил Жижка. – Пойдемте. Поскольку вы спешите, я провожу вас до границы леса, где уже стоят ваши лошади. – С этими словами таборит отдернул полог, закрывавший вход в шатер, и оба выбрались на улицу.

Сатанаиса сидела недалеко, в тени дерева, а Лионель и Конрад разговаривали в стороне с Линдой и Беатриче.

Эрнест Кольмар машинально направился к Сатанаисе и уже поблизости приметил, что она погружена в глубокие размышления. Ее наклоненное лицо излучало меланхолию, а грудь высоко поднималась и опускалась, волнуемая продолжительными вздохами.

Шаги рыцаря внезапно поразили ее слух и вывели из задумчивости: увидев Эрнеста Кольмара, она поспешила встать.

– Извините меня, – поклонился рыцарь, – если я прервал ваши размышления. Но я пришел проститься и поблагодарить за гостеприимство, которое мне оказали в лагере таборитов.

– Итак, вы решили покинуть нас? – вымолвила Сатанаиса и после минутной паузы, покраснев и глядя в сторону Жижки, отдающего приказание офицерам, прибавила: – Наверное, генерал проводит вас до того места, где стоят лошади?

– По-моему, Жижка, так и собирался сделать, – ответил рыцарь.

– Я тоже провожу вас, – выпалила Сатанаиса.

Эти слова музыкой зазвучали в душе Кольмара, он затрепетал от удовольствия.

Надев на голову шляпу, украшенную пером, которую она держала в руке, и небрежно отбросив назад длинные косы, Сатанаиса зашагала рядом с рыцарем к Жижке.

– Я присоединюсь к вам через несколько минут, – сказал им начальник таборитов. – Позвольте пока Сатанаисе послужить вам проводником... Я еще должен сделать важные распоряжения, не терпящие отлагательства.

– Мы пойдем потихоньку, – заявила Сатанаиса.

Молодая девушка и Кольмар углубились в лес, за ними, поодаль, шли Линда и Беатриче.

– Странную жизнь вы ведете, – заметил рыцарь. – Лес служит вам жилищем, полевые цветы украшают ковер, разостланный природой под вашими ногами, а музыку заменяет пение птиц.

– Да... Да! Странную жизнь веду я, странной была она с самой колыбели и странную, без сомнения, останется до самой могилы.

– Но вы счастливы? Счастливы?! – взволнованно спросил Кольмар, чувствуя глубокое участие к женщине столь чудной красоты, окруженной такой непроницаемой тайной.

– Кто совершенно счастлив на этом свете, рыцарь? – прошептала Сатанаиса.

– Верьте мне... верьте, когда я говорю, что меня серьезно огорчила бы мысль о том, что вы несчастны, – сказал Эрнест Кольмар, забывая, что знает эту женщину всего несколько часов, и ощущая к ней дружеское участие брата, а может, кое-что и большее.

– Неужели вы бы смогли притворно изобразить такой пылкий энтузиазм, делая комплименты? – задумчиво произнесла Сатанаиса, устремив взор на Кольмара, как бы пытаясь прочесть в его глазах правду.

– Клянусь небом! Вы дурно судите обо мне, если считаете способным говорить не то, что я думаю! – вскричал рыцарь таким тоном, который не оставлял никакого сомнения в его искренности.

– Как же вы сумели почувствовать ко мне участие за столь непродолжительное время? – робко спросила Сатанаиса, опустив голову, голос ее дрожал.

– Возможно ли, зная вас хоть час, не проникнуться к вам дружеским отношением? – удивился Эрнест Кольмар. – Или вы полагаете, что я без сожаления покидаю лагерь таборитов? Или воображаете, будто я забуду

вас, едва мы расстанемся? Нет! Нет!

– Вы мне льстите, – заметила Сатанаиса, явно смутившись и не найдя, что ответить.

– Какая холодная фраза!

– Неужели вам нужна дружба такого странного... загадочного... непонятого существа, каким я должна казаться? – еле вымолвила Сатанаиса.

– Да... отдайте мне свою дружбу! – воскликнул рыцарь. – Кем бы вы ни были – отдайте и называйте меня другом.

– Примите в этом уверение, – прошептала девушка.

– Я ценю вашу милость, – взволнованно произнес Кольмар. – Но когда мы теперь увидимся?

– Я буду в Праге первого августа, – ответила Сатанаиса, отвернувшись.

– В девять часов вечера мы можем встретиться на несколько минут в дворцовом саду: он будет открыт для публики.

От этих слов Сатанаисы Кольмар вздрогнул и вспомнил о свидании, назначенном ему Этной в тот же день, только в другое время и в другой части города. Почувствовав смущение, замешательство и какой-то стыд, он с удовольствием отметил, что к ним подходит Жижка.

Тут они добрались до дороги, где их ждали три оседланные лошади. Насилу овладев собой, дабы не выказать тягостного замешательства, Кольмар простился с Жижкой, а потом обернулся к Сатанаисе. Рука его дрожала, когда он взял руку девушки и под влиянием очарования, которому не мог сопротивляться, пожал ее. Ему почудилось ответное движение пальцев, и в ту же минуту Сатанаиса подняла на него глаза, говорившие так красноречиво, как только могут глаза женщин: «Помните назначенное мною свидание!»

Потом она с живостью отвернулась и присоединилась к Линде и Беатриче, с которыми только что простились Лионель и Конрад. Рыцарь и пажи его сели на лошадей и поскакали прочь от лагеря таборитов.

Глава 10

Мнение Тремплина, хозяина гостиницы «Золотой Сокол»

Читатели уже знают, что наша история началась в июле, но чтобы сохранить хронологический порядок описываемых происшествий, надобно заметить, что Эрнест Кольмар и двое его слуг двадцатого числа покинули лагерь таборитов, а на другой день, двадцать первого, около семи вечера, въехали в Прагу.

Порасспросив как следует горожан, они остановились в гостинице «Золотой Сокол», самой лучшей в тогдашней столице Богемии.

Гостиница представляла собой большое здание, части которого разительно отличались друг от друга стилями и архитектурой. Постепенные пристройки, добавляемые к дому каждым новым хозяином, доказывали, что дела гостиницы процветают. Окна ее выходили на рыночную площадь, с которой разбегались улицы, ведущие в замок, во дворец и в собор. Сзади располагался обширный сад с уютными деревянными павильонами, где постояльцы «Золотого Сокола» любили проводить жаркие летние вечера.

Хозяин гостиницы по имени Тремплин, наружность которого говорила о веселом нраве, столь необходимом для тех, кто занимается ремеслом трактирщика, был человеком пожилым, краснолицым, с маленькими, вечно бегающими глазками и постоянной улыбкой на губах. Ему помогали жизнерадостная жена и очень хорошенькая дочь.

Добросердечие этой семьи в соединении с гостиничными удобствами еще более возвысили славу «Золотого Сокола».

Нескольких минут хватило, чтобы приготовить комнаты с окнами в сад для Кольмара и его пажей.

Закусив, рыцарь попросил Тремплина подать ему бутылку лучшего рейтвейна и пригласил хозяина распить ее вместе. Кольмар желал получить разные сведения и знал, что никто не сможет преподнести их лучше, чем хозяин многолюдной гостиницы. Пока пажи прогуливались по саду, болтая о Линде и Беатриче, господин их сидел вместе с достойным владельцем «Золотого Сокола».

Перебросившись с Тремплином общими фразами, осушив и опять наполнив стаканы, Эрнест Кольмар сказал:

– Я не встречал города с более приятными и живописными окрестностями, чем ваш. В последних трех милях перед ним сегодня я любовался красивым белым домом на пригорке, окруженным великолепными деревьями.

– А! Там живет добрая и сострадательная баронесса Гамелен. – Не дожидаясь дальнейших расспросов, он поспешил прибавить: – Это превосходная женщина, рыцарь, жемчужина своего пола. Вся Богемия должна гордиться ею. Хотя ей только сорок лет и она очень хороша собой, ее считают матерью бедных и несчастных. Один Господь знает, сколько разбитых сердец утешила она... сколько осушила слез!

– Эта женщина настоящая праведница, – заметил рыцарь, – я был бы рад познакомиться с нею и завоевать ее дружбу.

– Баронесса Гамелен, – продолжал хозяин «Золотого Сокола», – овдовела пятнадцать лет назад, двадцати пяти лет от рождения. Муж ее был богачом, и она наследовала все его состояние и огромные поместья. А когда кончился ее траур, она поселилась в том доме, который вы изволили заметить за три мили от Праги. Но не подумайте, рыцарь, что она выстроила такое огромное здание для удовлетворения гордости и тщеславия. Нет, у нее было совершенно другое намерение.

– Она, наверное, хотела устроить там благотворительное заведение? – предположил рыцарь.

– Вот именно, – ответил Тремплин. – Посещая бедных и сирых, она поняла, что несчастья особенно тяжелы для вдов и сирот, и когда смерть мужа принесла ей громадные деньги, она решила собрать несколько таких женщин и спасти их от горя и нищеты. Дом выстроили очень скоро, и он сделался приютом.

– Вы справедливо сказали, что должны гордиться своей баронессой! – воскликнул рыцарь с энтузиазмом. – Но продолжайте, любезный Тремплин.

– Вот уже двенадцать лет, как баронесса Гамелен поселилась в своем новом доме, – объяснил трактирщик. – С нею вместе живут точно не знаю сколько вдов и сирот. Когда одна умирает, ее заменяет другая, но прежде собирают сведения о характере и нравственности новенькой: вы же представляете, какое множество кандидаток является на вакантное место. Чтобы ее благотворительность была основана на определенных правилах, баронесса установила некоторые ограничения для возраста, обстоятельств и тому подобных вещей. Кажется, вдовы принимаются от двадцати пяти до сорока лет, а молодые девушки – от пятнадцати до двадцати. Баронесса находит, что в эти периоды жизни женщины более всего подвергаются искушениям, которые бедность, нужда и нищета делают почти

непреодолимыми.

– Я непременно должен засвидетельствовать мое уважение баронессе Гамелен, – вставил Кольмар. – Женщина, такая примерная, заслуживает всяческой похвалы.

– Вы изволите говорить правду, – подтвердил Тремплин. – Но я вас предупреждаю, что Белый Дом отворяется не для всех, кто желает в него войти.

– Я очень хорошо понимаю, что, взяв под свою ответственность целую общину женщин, баронесса с осторожностью относится к посетителям, которых пускает в свое жилище. Вы это хотели сказать? – спросил Кольмар.

– Именно. Она должна проявлять величайшую бдительность.

– Это правда! Но как по-вашему, примет она уполномоченного принца Альбрехта Австрийского?

– Непременно, вас примут дружелюбно, – улыбнулся Тремплин. – Тем более что она ярая противница Жижки и его революционной орды.

– Вы говорите о таборитах с горечью, – заметил Эрнест Кольмар. – А может быть, их планы и действия просто оклеветаны?

– Конечно... почему бы нет... – удивленно пробормотал Тремплин. Казалось, он в первый раз слышал подобную мысль. – Но, – продолжал он, – я перечислил вам еще не все добрые дела баронессы Гамелен. Вы не видели за четверть мили от Белого Дома нечто похожее на старинный грандиозный замок?

– Да... помню, я даже остановился рассмотреть его издали, – ответил рыцарь. – Какое отношение имеет он к деяниям баронессы?

– Это здание – замок Гамелен, он тоже принадлежит баронессе, – объяснил трактирщик. – В то время как Белый Дом – он вообще известен под этим именем – начал принимать вдов и сирот двенадцать лет назад, замок превратился в приют для молодых людей от пятнадцати– до тридцатилетнего возраста, не имеющих ни родных, ни друзей. Замок Гамелен и Белый Дом не монастыри. Иногда члены обеих общин под надзором баронессы собираются в Белом Доме, занимаются музыкой, танцуют, разговаривают. Часто эти встречи кладут начало образованию семей, и тогда баронесса дает приданое и помогает новобрачным устроиться.

– Такая благотворительность почти невероятна, – промолвил Кольмар. – Она не женщина, а ангел.

– У нее, похоже, нет других забот, кроме забот о счастье ближних, – заметил Тремплин. – Ах! Я отлично помню, что, услышав о ее

великодушных намерениях, люди во всем городе– осыпали ее похвалами. Но кое-кто все же качал головой с таинственным видом и говорил, что мысль баронессы нехороша... Но, несмотря ни на зловещие слова, ни на странные и страшные предзнаменования перед открытием обоих заведений, они процветают свыше всех ожиданий, и баронесса вознаграждена за свои усилия великим множеством людей, счастье которых она составляет.

– Какие же это странные и страшные предзнаменования? – озадаченно спросил рыцарь.

– Я забыл вам рассказать, что в то время, о котором идет речь, случилась одна необъяснимая трагедия.

Наполнив стакан, трактирщик заговорил серьезным голосом:

– При строительстве Белого Дома баронесса нанимала десятки мастеров. Среди них были три брата по фамилии Шварц – два каменщика и плотник. Когда работы в замке кончились, баронесса отослала всех строителей, вручив каждому кроме жалованья очень хороший подарок. А потом вдруг вспомнила, что надо что-то подправить, какую-то безделицу – не помню какую, – и попросила трех братьев остаться. Те ничуть не огорчились, а, напротив, обрадовались, ведь у них оказалось больше работы, чем они ожидали. Они рассчитывали управиться за несколько дней, а задержались на несколько недель, без сомнения, возбуждив зависть в других мастерах. А потом братья Шварц нопросту исчезли, и исчезли так внезапно и таинственно, что нельзя было сомневаться в их убийстве. Баронесса, уже переселившаяся в свое новое жилище, была жестоко огорчена, узнав о печальном обстоятельстве, и начала действовать с такой энергией и быстротой, какой можно было от нее ожидать. Она предложила большую награду тому, кто укажет на следы, которые помогут выяснить, что случилось с тремя братьями, затем оказала великодушную помощь осиротевшим семействам.

– А узнали наконец их участь? – заинтересовался Эрнест Кольмар.

– Никогда. Некоторых их товарищей задержали по обвинению в убийстве, но ни самые строгие поиски, ни самые подробные исследования не представили против них ни малейшего доказательства. Поэтому их освободили, и баронесса с щедростью, отличающей ее, с лихвой вознаградила арестантов за время, проведенное в тюрьме.

– Однако, – заметил Кольмар, – наверное, все думали, что подозреваемые действительно убили трех братьев из зависти?

– Я помню, что тогда ходило множество противоречивых мнений, – вздохнул Тремплин. – Некоторые склонялись обвинять бедолаг, хотя их уже

оправдали, и осуждали баронессу за то, что она была щедра к подозрительным людям. Другие твердили, что три брата, возможно, вовсе не убиты, а, найдя в замке клад или что-нибудь подобное, захватили его и убежали. Помню и совсем невероятные слухи: якобы трех братьев Шварц видели и узнали на следующую ночь после их таинственного исчезновения: их везли несколько замаскированных всадников за несколько миль от Праги... Говорили еще, что их встретили во второй раз, по-прежнему пленниками верхового, лицо которого скрывала черная маска... Судачат, будто это произошло возле замка Альтендорф, в трех днях пути отсюда.

– Замка Альтендорф! – вскричал Кольмар.

– Ш-ш! Не надо так громко... Умоляю вас! – встревожился хозяин.

– Чего вы боитесь? – не понял рыцарь.

– Только того, что барон Альтендорф находится теперь в моей гостинице и занимает комнату наверху.

– А! В таком случае, письмо, адресованное барону, будет доставлено ему немедленно, – обрадовался Кольмар. – Только чуть погодя. Итак, вы говорили, что ходило много слухов об исчезновении братьев Шварц. Вы поверили тому, что их увезли замаскированные всадники?

– На такую глупость не обратили большого внимания, – пожал плечами Тремплин. – Тем более что неясно было, кто их распустил. Лично я признаюсь, что понятия не имею, о чем и думать. Все-таки двенадцать лет прошло и...

– Ваши впечатления стали смутными и сбивчивыми, – добавил рыцарь. – Вы, кажется, заявили, что не обнаружили никаких следов исчезновения братьев?

– Ни единого, – подтвердил хозяин гостиницы.

– Действительно таинственное происшествие, – заметил Кольмар – А теперь, мой достойный хозяин, – прибавил он, – позвольте задать вам несколько вопросов совсем о другом.

– Если это в моих силах, я буду рад угодить вам, – поклонился хозяин «Золотого Сокола».

– Ответьте же, что жители Праги думают о положении своей столицы и провинций? – начал рыцарь.

– Давайте сперва поговорим о столице, – предложил Тремплин. – Несколько недель назад Жижка и его проклятые табориты стояли под стенами Праги. Но, узнав, что в южных провинциях нарастает возмущение, Жижка отправился туда со всем своим войском. Судачат, что теперь он не только усмирил эти провинции, но и завербовал там множество

новобранцев. Где он теперь и каковы его намерения, – продолжал Тремплин, – не могу сказать. Но когда он отошел от Праги, десятки могущественных вельмож воротились в город, собрав силы для его защиты. Они решили созвать собрание и попросили соседние государства прислать своих представителей. Странное дело, Жижка не сопротивлялся этому плану, хотя наверняка он придуман из ненависти к нему, и пока одни смотрят на его бездействие как на признак слабости, другие боятся, что он внезапно ударит по городу, как гром среди ясного неба.

– А каково ваше мнение, Тремплин? – спросил рыцарь.

– Я держусь мнения последних, – ответил трактирщик. – Потому что я знаю, что Жижка не трус и не станет колебаться, выбирая дорогу. Все его поступки объяснимы, и его бездействие, очевидно, порождено досадой. Словом, рыцарь, – прибавил Тремплин, понизив голос, – я опасюсь, что Жижка позволяет дворянам собраться только для того, чтоб всех их захватить разом.

– Это вполне вероятно! – воскликнул Кольмар, припомнивший свой давешний разговор с начальником таборитов.

Не считая все сообщенное ему тайной, он решил не показывать, что знает Жижку и его намерения.

– В Праге, – продолжал Тремплин, – теперь довольно спокойно благодаря присутствию вельмож и их войск, поддерживающих порядок. Табориты покинули столицу, но торговля страшно пострадала, и все мы с беспокойством ждем великого дня... второго августа, когда соберется совет. Вероятно, тогда решится судьба страны.

– А как в провинциях? – задал новый вопрос Кольмар.

– Там дворянство одерживает верх, и таборитам приходится туго, – пояснил Тремплин. – О, рыцарь! – воскликнул он с внезапной живостью. – Если начнется междоусобная война, она будет страшной, потому что она будет и религиозной войной и обе стороны станут драться с бешеной свирепостью.

– Вы правы, – согласился рыцарь. – И всякий честный человек должен стараться не допустить этого. Но, повторяю, вы говорили о Жижке и его таборитах с горечью.

– Да, они разграбили церкви и монастыри, чтобы купить себе оружие, они хотят иначе распределить налоги – словом, они нагнали страху на всю страну.

– Я полагаю, – заметил Кольмар, – что Жижка и его табориты не так страшны, как их представляют.

– Святая Дева! – закричал хозяин «Золотого Сокола». – Можно,

пожалуй, вообразить, что вы сами таборит!

– Нет, и я имею на то основательные причины, – возразил рыцарь. – Но я убежден, что табориты, как и их начальник, не столь жестоки, как утверждают. Впрочем, они могут сделаться такими, если их доведут до отчаяния. Это более чем вероятно, – прибавил Кольмар тоном глубокого убеждения.

– Какое же ваше мнение? – поинтересовался Тремплин.

– Надо пойти на взаимные уступки – это единственный способ достигнуть согласия и избежать ужасов междоусобной войны.

– Ах, как замечательно, что вы посланы на предстоящий совет! – воскликнул Тремплин. – Здесь хорошо расположены к Австрии, и как представитель герцога Альбрехта вы непременно повлияете на дворян.

– Я исполню свой долг, – сказал Кольмар. – А вы не знаете, куда девалась дочь последнего короля, принцесса Елисавета? – спросил он чуть погодя.

– Безвластие в стране заставило несчастную принцессу скрыться в недоступном убежище, – ответил Тремплин. – Даже самым лучшим и преданным ее друзьям неизвестно, где она теперь.

– Кому она была поручена? – продолжал рыцарь, желая выяснить, насколько хорошо были осведомлены горожане относительно связей монаха Кип-риана с покойным королем и его дочерью, принцессой Елисаветой.

– Все, что касается несчастной принцессы, окружено тайной, – заявил Тремплин. – В момент смерти ее отца Прагу сотрясали сильные волнения и табориты заботили людей больше, чем то, что происходило во дворце. Король умер... дочь исчезла, суматоха стала еще сильнее... Вот и все, что я знаю. Несмотря на ваше расположение к Жижке, он во многом не прав, – прибавил Тремплин, который решительно имел антипатию к начальнику таборитов.

– Говорили, что встать во главе таборитов Жижку вынудила личная обида? – спросил Кольмар.

– Болтали что-то такое, – пробормотал Тремплин. – Но я не уверен, справедливо ли это. Кажется, однако, родная или двоюродная сестра... во всяком случае, родственница Жижки была обижена монахом, но пала ли она жертвой гнусного оскорбления или ее обольстили, точно не скажу. Слухи напоминают легенду, вероятно, не имеющую под собой ни малейшего основания. Добавлю еще, что Жижку всегда считали странным, таинственным, непонятным существом, даже тогда, когда он был камергером при дворе короля и не сделался еще начальником таборитов.

Говорят, что в молодости он любил женщину, стоящую гораздо выше, и она его любила тоже. Неизвестно, изменила она ему или родные принудили ее выйти за другого, но как бы то ни было, Жижка в молодости действительно испытал подобное потрясение, повлиявшее на всю его жизнь. Он беззаветно храбр и еще при дворе слыл великодушным и благородным человеком, хотя к его лучшим качествам примешивались странности. Выходит, нет ничего невозможного в том, что какая-нибудь особенная причина заставила его ополчиться против прежних друзей.

– Уверяют, что Жижка никогда не был женат? – продолжал Кольмар.

– По крайней мере, таково общее мнение, – кивнул Тремплин.

– Но, кажется, вы утверждали, что у него есть родственницы... племянницы, сестры? – осторожно заметил Кольмар.

– По-моему, это только предположения, – покачал головой Тремплин. – Дело в том, что о его частной жизни известно очень мало или почти ничего. Допуская, что кого-то из семейства Жижки оскорбил монах, упоминают только о факте, не сообщая никаких подробностей, а следовательно, в то время, когда это случилось, позаботились о сохранении тайны.

– Слыхали вы когда-нибудь, – произнес рыцарь, – что очень хорошенькая женщина с романтическим именем, таинственного происхождения живет в лагере таборитов и имеет большое влияние на Жижку?

– Вы изволите говорить о загадочном существе, Са-такаисе? – уточнил трактирщик, сделавшись вдруг торжественно серьезным. – Никому не известно, кто она, откуда и каким образом сошлась с таборитами. Действительно ли она человеческое существо, созданное, как мы, из плоти и крови, или нечто выше женщины? Я не знаю. Одни болтают, будто она принцесса, приехавшая с Востока, другие – будто дьявол, злой гений Жижки. Я никогда ее не видел и надеюсь никогда не увидеть, – добавил Тремплин. – Мне рассказывали, что у нее глаза сверкают сверхъестественным огнем. Потом, у нее имя страшное, рыцарь!

– А вы слышали, что с нею в лагере живет приятельница? – продолжал Эрнест Кольмар. – Или, например, сестра?

– Нет, ни разу, – ответил хозяин «Золотого Сокола» и прибавил тоном глубоко серьезным: – Довольно и одного черта в образе женщины, чтоб перевернуть вверх дном христианский мир. Нет-нет, рыцарь, у Сатанаисы нет сестры. Иначе я бы непременно узнал об этом от многочисленных путешественников, устаивающих своим посещением гостиницу «Золотой Сокол».

– Благодарю вас, любезный Тремплин, за удовольствие, которое я

получил, побеседовав с вами полчаса, – сказал рыцарь. – Не стану задерживать вас долее: ваша гостиница так велика, что должна требовать постоянного внимания. Только, пожалуйста, отдайте это письмо барону Альтендорфу, – прибавил Кольмар, вынув из кармана послание Родольфа.

Тремплин взял письмо, поклонился и вышел исполнять поручение.

Глава 11

Что было справедливого в письме Родольфа Альтендорфа

Пока рыцарь Эрнест Кольмар беседовал с хозяином «Золотого Сокола», в комнате над ним происходил очень интересный разговор.

На одном конце стола сидел человек высокий, сильный, с отвратительным лицом и надменными манерами. Ему было никак не менее пятидесяти лет, но проседь едва тронула его густые черные волосы. Мохнатые брови, густые усы и бакенбарды увеличивали его мрачный вид.

Он был одет богато, его бархатный полукафтан украшала великолепная вышивка. Рукоятка кинжала и эфес шпаги были усыпаны драгоценными камнями, а перо к шляпе крепилось бриллиантовой пряжкой.

За столом сидел не кто иной, как барон Альтендорф, один из могущественнейших богемских вельмож.

Другой конец стола занимал отец Киприан, бенедиктинец. Капюшон его, отброшенный назад, открывал бледное утомленное лицо со следами крайней усталости. На лбу его сохранилась отметина от сильного удара, полученного несколько дней назад.

Бутылка вина и два стакана уже встали между ними на стол, и как только слуга, принесший их, вышел из комнаты, монах наполнил свой стакан и опорожнил его разом, как человек, умирающий от жажды.

– Скоро же вы приехали, отец мой, – начал барон.

– Четырьмя днями раньше я находился в гроте, на шесть миль дальше от Праги, чем ваш замок, – заметил монах. – Я должен был ждать там ответа Альбрехта Австрийского на свое предложение.

– И ответ последовал? – вскричал барон с нетерпением. – Впрочем, иначе мы бы не увиделись сегодня в Праге.

– Позвольте мне перевести дух – и вы узнаете все, – буркнул монах. – Помните, что я падаю от усталости и что если бы я прислушивался только к потребностям своего тела, то лег бы спать, а не остался здесь заниматься рассуждениями.

– Неужели вы проделали столь продолжительный путь пешком, да еще за четыре дня? – удивился барон. – Это невозможно!

– Сначала мне удалось достать лошадь, – объяснил Киприан, – но

остаток дороги я действительно шел. Поэтому неудивительно, что я разбит.

– И должно быть, с вами случилось нечто неприятное, – заметил барон, глядя на ушиб на лбу монаха.

– Я за это отомщу! – вскричал Киприан таким тоном, который не оставлял сомнения в его гневе. Однако он скоро овладел собой и продолжал: – Неприятность относится к вопросу, который нас теперь занимает. Спешу сообщить вам, что восемнадцатого числа этого месяца, вечером, молодой паж приехал ко мне в грот и заявил, что господин его, Эрнест Кольмар, прибывший в Богемию от Альбрехта Австрийского, намерен заночевать в замке Альтендорф.

– А... Надеюсь, что сын мой прилично его принял, – пробормотал барон. – Давайте дальше.

– Я отослал пажа, – продолжал Киприан, – назначив его господину свидание на другой день. Мы встретились, и я изложил ему известные вам планы.

– Да-да, вам не нужно напоминать их мне, – сказал барон. – И как австриец принял эти предложения?

– Как нельзя лучше, – заявил монах. – Но он настоял, чтобы его представили принцессе Елисавете в Праге; он хочет услышать от нее самой, что она добровольно соглашается выйти за австрийского герцога. Без представления Кольмар не станет беседовать со своим господином.

– Очень хорошо. А есть сомнение, что принцесса даст согласие? – спросил барон.

– Ни малейшего, – с живостью ответил Киприан. – Она будет повиноваться каждой моей инструкции.

– Я так и думал, – сказал барон.

Взгляды, которыми перебрались монах с бароном через стол, были какими-то странными, таинственными и зловещими.

– Это прекрасно, – продолжал барон Альтендорф. – Все идет бесподобно. Альбрехт Австрийский, несомненно, женится на принцессе Елисавете и сделается богемским королем, и тогда мы непременно выиграем – вы свою игру, а я свою. Но, – прибавил барон, пораженный внезапной мыслью, – как ни послушна принцесса вашей воле, не пожелает ли она выяснить, каков муж, назначаемый ей? В таком случае она, вероятно, начнет расспрашивать рыцаря Кольмара, а он посчитает неприличным объяснять подобные вещи. А поскольку ни вы, ни я никогда не видели Альбрехта Австрийского...

– Успокойтесь, – перебил его Киприан, – мы знаем, что его высочеству нет и тридцати лет, и говорят, что он очень хорош собой. Мне кажется, что

для принцессы этого вполне достаточно, – прибавил он решительным тоном.

– Когда Эрнест Кольмар приедет в Прагу? – спросил барон.

– Сегодня вечером или, наверняка, завтра, – ответил монах, выпивая новый стакан вина.

– Тем лучше. Все соответствует нашему желанию, – сказал барон. – Однако в вас чувствуется какая-то принужденность и тревога... не понимаю. Ради самого черта, что вас терзает?

– Недавно случилось так много неприятного, что я не могу не испытывать беспокойства, – вздохнул Киприан. – Во-первых, хотя поворотом событий я доволен, этот Эрнест Кольмар мне совсем не нравится. А во-вторых, я ему не доверяю и боюсь, не шпион ли он.

– Ого! Ваши опасения действительно важны! – вскричал барон. – Но почему у вас возникли такие подозрения?

– Сейчас объясню, – резко бросил монах. – Сопровождение между австрийским посланником и мною происходило у часовни, на перекрестке дорог, за три мили от вашего замка.

– Я знаю это место, – вставил барон. – Но отчего вы приехали в Прагу не вместе?

– Вот! Именно об этом я и собирался сказать, – огрызнулся Киприан. – У меня были причины остановиться по соседству с лагерем таборитов, и я расстался с Эрнестом Кольмаром под предлогом, что для меня опасно отправляться по большой дороге, пролегающей рядом с Жижкой. Кольмар поскакал по ней, а я по проселочной. В полночь я был в пещере, находящейся близ лагеря. Неважно, как мне удалось проскочить мимо часовых, неважно и зачем я там оказался. Довольно того, что в этой пещере я увидел Эрнеста Кольмара! Да, он прятался между камней, и я тотчас узнал его, а он меня нет, под капюшоном.

– Так он был в лагере Жижки?! – поразился барон.

– Да, во всяком случае, недалеко от него, – подтвердил монах. – Так или иначе, не исключено, что он был в гостях у начальника таборитов. Но каким образом он попал в пещеру и зачем спрятался там? Вот чего не мог я угадать. Впрочем, я опишу вам вкратце случившееся. – Монах понизил голос. – Все было устроено и подготовлено для того, чтобы новая жертва получила «поцелуй» Девы.

– Кто же эта жертва? – Барон вытянул шею и тоже заговорил тихо, всем своим видом выражая величайшее любопытство.

– Женщина или, лучше сказать, молодая девушка: ей нет и двадцати, – ответил Киприан. – Только не старайтесь выяснить, кто она, – прибавил он

после минутного молчания. – Я сообщу вам только, что собирался подвергнуть ее «поцелую» Девы. – Зловещее лицо бенедиктинца помрачнело. – Но пока я нес ее в глубокой темноте, кто-то сильно толкнул меня и вырвал осужденную. Я обнажил кинжал, но попал в портупю, и лезвие сломалось. В ту же минуту я очутился на земле. Боясь угодить в плен к таборитам, я приподнялся и дотащился до выхода из пещеры. Присоединившись к своим соучастникам, я узнал, что человек, спасший осужденную и сбивший меня с ног, был Эрнест Кольмар. Да, они видели, как он выбрался из пещеры с девушкой на руках, и нет ни малейшего сомнения, что именно Кольмар нанес удар, бесславный знак которого сохранился у меня на лбу.

– Но Эрнест Кольмар не знает, кого он ударил? – уточнил барон.

– Нет. Однако его присутствие близ лагеря Жижки возбудило во мне подозрение, появление в пещере – и подавно, а быстрота, энергия и решимость, с какими он поспешил на помощь осужденной, представляют собой и вовсе непонятные факты. Правда, все эти происшествия могли быть случайными, но, с другой стороны, они вынуждают призадуматься.

– По-вашему, девушка, которую он спас, объяснила ему, кто вы такой? – спросил барон.

– Нет, потому что, если бы она даже думала, что унес ее я, она меня знает не под именем отца Киприана, – ответил бенедиктинец.

Барон собрался сделать какое-то замечание по поводу этого происшествия, но его прервал приход хозяина гостиницы.

– Что вам нужно, Тремплин? – нетерпеливо спросил барон.

– Рыцарь Эрнест Кольмар, посланец герцога Альбрехта Австрийского, приехал сегодня в мою гостиницу, – объяснил тот, – и попросил меня отдать вам запечатанный конверт.

Исполнив поручение, Тремплин удалился.

Барон поспешно сорвал печать с письма, адрес которого не оставлял сомнения в том, что оно от сына. Быстро пробежав сообщение, барон молча протянул его Киприану, и тот прочел следующее:

«Любезный и уважаемый отец!

Податель сего письма, рыцарь Эрнест Кольмар, удостоил наш замок своим присутствием, отправляясь в Прагу. Я видел его достаточно, чтобы удостовериться, что он достойный и приятный человек. Он, наверное, окажет честь собранию в Праге, став его членом, если, как я подозреваю, он едет туда. Поскольку приятные известия распространяются быстро, я

имею все основания думать, что господин этот именно таков, каким я представляю его Вам, и, многоуважаемый отец, Вы поступите благоразумно, если примете рыцаря сообразно его достоинствам.

Преданный Вам сын Родольф».

– Письмо в похвалу австрийца, – фыркнул Киприан, возвращая послание барону. – Сын ваш говорит о нем в таких выражениях...

– Да погодите! – воскликнул барон. – Неужели вы думаете, что в наши смутные времена не нужны некоторые предосторожности при переписке? Родольф и я кое о чем условились, и мы увидим сейчас, такое ли значение заключено в письме.

Барон разложил письмо на столе, чистой стороной вверх, потом обмакнул палец в вино и намазал ее. Закончив свои странные действия, он взял бумагу и наскоро прочел то, что получилось. Бенедиктинец смотрел на него с удивлением, смешанным с любопытством.

– Ага! Вот это другое дело! – обрадовался барон. – Посмотрите теперь, и вы увидите настоящее послание.

Киприан взял письмо и, быстро пробежав его глазами, заметил, что оно претерпело некоторые перемены и заключало сейчас следующее:

«Любезный и уважаемый отец!

Податель сего письма, рыцарь Эрнест Кольмар, обесславил наш замок своим присутствием, отправляясь в Прагу. Я видел его достаточно, чтобы удостовериться, что он недостойный и неприятный человек. Он, наверное, обесчестит собрание в Праге, став его членом, если, как я подозреваю, он едет туда. Поскольку неприятные известия распространяются быстро, я имею все основания думать, что господин этот именно таков, каким я представляю его Вам, и, многоуважаемый отец, Вы поступите благоразумно, если примете рыцаря сообразно его достоинствам.

Преданный Вам сын Родольф».

– Теперь мы, конечно, имеем основательные причины не доверять презренному и вероломному австрийцу, – заметил Киприан. – Очевидно, ваш Родольф не только узнал вещи, невыгодные для Кольмара, но и стал свидетелем его подозрительных поступков. Какую цель преследует коварная политика рыцаря? Пока мы не можем этого угадать, но,

согласитесь, что, обращаясь с рыцарем вежливо, мы сумеем втайне наблюдать за ним.

– Безусловно, – согласился барон. – Когда вы намерены представить его принцессе?

– Завтра утром, – ответил бенедиктинец, вставая и опуская капюшон на лицо.

– Где вы собираетесь провести ночь? – спросил барон Альтендорф. – Не лучше ли вам остановиться здесь и отдохнуть до завтра?

– Нет, – покачал головой Киприан. – Мне совершенно необходимо отправиться в замок Гамелен. – После чего простился с бароном и ушел.

Глава 12

Для чего Киприан выбрал самую длинную дорогу

На следующее утро солнце сияло на безоблачном небе. Цветы в саду, куда выходили окна рыцаря Кольмара, наполняли воздух своим благоуханием, далеко разносимым легким зефиром.

Было около девяти часов. Лионель и Конрад получили позволение погулять и воспользовались этим, чтобы обойти город, осмотреть монументы, дворцы и музеи. Эрнест Кольмар заканчивал депеши, начатые накануне, после разговора с хозяином «Золотого Сокола».

Вдруг дверь комнаты открылась, и на пороге появился Киприан.

Монах был одет точно так же, как и в их первую встречу: грубая ряса бенедиктинца полностью скрывала величественный стан, четки висели на веревке, служившей ему поясом, а капюшон был опущен ровно настолько, чтобы закрывать лоб.

Войдя в комнату, он бросил быстрый и зоркий взгляд на Эрнеста Кольмара, чтобы понять, подозревает ли рыцарь, с каким противником боролся, спасая Этну.

Но рыцарь принял его так чистосердечно и вежливо, что бенедиктинец отбросил все сомнения: очевидно, Кольмар не узнал его и не помышлял о том, что монах участвовал в неудавшемся похищении.

– Вы обдумали то, о чем мы недавно беседовали? – спросил Киприан после обычных приветствий.

– Я считал, что мы уже обо всем условились, – заметил Кольмар. – Вам остается только выполнить одно обещание.

– Именно для того я и пришел, – перебил его монах. – Принцесса Елисавета уже знает о нашем разговоре, и она назначила вам на сегодня аудиенцию. Я готов отвезти вас к ее королевскому высочеству.

– Судя по вашим словам, принцесса живет недалеко, – сказал рыцарь, пряча недописанные депеши в комод и убирая ключ от ящика к себе в карман.

– Следуйте за мною, – молвил Киприан, не отвечая на вопрос, скрытый в последней фразе Кольмара.

Они вместе вышли из гостиницы, и бенедиктинец направился к южным воротам города. Именно через них Эрнест въехал в Прагу: они сообщались с той самой дорогой, по которой он сюда добирался.

Но вместо того, чтобы идти прямо, бенедиктинец внезапно повернул

налево и с четверть часа шагал вдоль укреплений.

Они прошли так с полмили – монах впереди, Кольмар сзади – и не перебросились ни словом до тех пор, пока не очутились в небольшом густом леске с извилистой и узкой тропинкой между деревьями.

– Отдохнем здесь несколько минут, рыцарь, – внезапно сказал монах, остановившись на тропе. – Нужно, прежде чем мы пойдем дальше, условиться об одной вещи, о которой я не хотел упоминать в гостинице, ибо там наверняка есть любители подслушивать.

– Говорите откровенно, – попросил Эрнест Кольмар.

– Вы меня извините, – продолжал Киприан с легким оттенком замешательства, – если я напомню слова, которые сказал вам при встрече у часовни на перекрестке дорог. Я вас уверял тогда, что без меня ваш государь ничего не сумеет сделать в Богемии: ни отыскать убежища принцессы Елисаветы, ни обнаружить места, где скрыто ее огромное богатство.

– Я все это отлично помню, – кивнул рыцарь.

– Может, тогда вы сами понимаете, о чем я хочу сказать? – спросил монах.

– Вы, конечно, желаете, чтобы я торжественно поклялся ни при каких обстоятельствах не открывать убежище ее королевского высочества? – улыбнулся Кольмар. – Подобное уверение я могу дать вам без малейшей нерешимости.

– Стрела, пущенная вами, пролетела довольно близко к цели, – покачал головой Киприан, – но она воткнулась не в самый центр моих замечаний. Говоря обыкновенным языком, – прибавил он твердым и решительным тоном человека, отбрасывающего всякие колебания, – бывают случаи, где необходимы самые мельчайшие предосторожности и предельное благоразумие. Мы не только должны понять, кому доверяемся, но обязаны также получить все возможные гарантии того, что наше доверие не употребят во зло. Теперь вы согласитесь, что я совершаю ответственный поступок, провояжая вас в убежище, и убежище тайное, – подчеркнул он, – в коем несчастье принудило скрыться злополучную принцессу.

– Объясните просто, свободно, – сказал Эрнест Кольмар. – Я вижу, что вы хотите взять с меня ручательство сильнее обычного обещания. Хорошо, я вам не знаком... и смуты, волнующие вашу страну, естественно, сделали вас подозрительным. Чем я могу поклясться, что навсегда сохраню самую ненарушимую тайну об убежище ее королевского высочества?

– Ручательство, о котором я собираюсь вас просить, состоит в том, чтобы вы согласились позволить завязать себе глаза, пока мы будем идти

туда и обратно.

– Клянусь небом! – вскричал покрасневший рыцарь, сверкая глазами. – При других обстоятельствах я бы счел подобное требование оскорблением.

– В таком случае пусть между нами будет все кончено, – холодно произнес монах.

– Нет! – сказал Эрнест Кольмар уже более спокойно. – Я принимаю ваше предложение, потому что решил принести любые жертвы для моего государя и желаю доказать вам своими поступками искренность обещания верно хранить тайну. Но если вы столь строго относитесь к нашим переговорам и считаете, что ручательство в таком деле значит все, а слова – ничего, тогда мы должны оговорить одно условие.

– Начинайте! – промолвил монах с нетерпением.

– Я полагаю, – продолжал рыцарь, – что во время свидания между ее королевским высочеством и мною вы должны показать мне те самые сокровища, которые станут собственностью принцессы в день ее брака, ибо принцесса без состояния и без приданого – партия неприличная для моего государя, Альбрехта Австрийского.

– Это условие я исполню, рыцарь, – вымолвил Киприан после нескольких секунд глубокого размышления. – Теперь мы пришли к соглашению во всех пунктах и можем приступить к занимающему нас делу. Следуйте за мною. – Киприан зашагал по маленькой тропинке, и шагов через двести они очутились у небольшого кладбища.

Ничего не могло быть живописнее этого кладбища, спрятанного в глубине восхитительного боскета. Кресты и могильные камни – безмолвные, но красноречивые воспоминания о путешественниках по жизни – возвышались между кипарисами и под меланхоличными ветвями плакучих ив. Свет и тени играли на могилах, точно символы радостей и горестей, составлявших существование тех, кто теперь покоился под мрамором или простым камнем.

Киприан прошел через кладбище, перекрестившись несколько раз с набожным видом, и на противоположном его краю внезапно повернул за угол одного памятника.

Там стоял человек лет сорока, видимо, слуга, он держал под уздцы двух оседланных лошадей и, под мышкой, сверток, который он подал монаху, не произнеся ни слова, потом так же молча удалился в чащу.

Киприан, не теряя времени, развязал узел, который оказался монашеской рясой, и попросил Эрнеста Кольмара надеть ее. Когда рыцарь исполнил его желание, он заставил его снять шляпу и спрятал ее под складками своей рясы.

Затем Киприан опустил на лицо Эрнеста Кольмара капюшон и завязал его таким образом, чтобы он мог дышать, но вокруг ничего не видел. Закончив приготовления, бенедиктинец помог Эрнесту Кольмару сесть на одну из лошадей, а сам сел на другую. Лошадь рыцаря, кроме обыкновенного повода, имела другой, довольно длинный, взяв его в руку, Киприан двинулся вперед.

Так они ехали крупной рысью, но не говоря ни слова.

В лесу Эрнеста Кольмара постоянно хлестали ветви, потом ветер начал развеивать его длинную рясу, и он понял, что находится на открытом месте. Но скоро проводник привез его в другой лес, а затем опять выехал куда-то в поле.

Эрнесту Кольмару внезапно пришло в голову, что Киприан специально выбрал дальнюю, объездную дорогу.

Проникнувшись этим подозрением, рыцарь принялся ловить любые признаки; самые мелкие детали, чтобы удостовериться в правильности этой мысли. Скоро он понял, что монах круто повернул лошадей налево, потом проскакал по полю, все время забирая направо, и опять вернулся на дорогу.

Для всадника, столь ловкого и искусного, как Эрнест Кольмар, такой маневр нетрудно было разгадать, несмотря на капюшон, закрывавший ему глаза, а еще несколько мелких обстоятельств, которые было бы слишком долго описывать, окончательно убедили Кольмара, что Киприан хотел не только лишить его возможности рассчитать, куда они едут, но и заставить думать, будто убежище принцессы Елисаветы располагалось гораздо дальше от Праги, чем в действительности.

Первой части своей цели монаху удалось достичь: долго вертевшись в лесу, окружающем кладбище, рыцарь уже не мог заключить, к северу, югу, востоку или западу везут его; но, что касается второй части, то Кольмар полностью разгадал намерения Киприана.

Они ехали таким образом часа полтора, пока не остановились. Повернулись на своих петлях массивные ворота, застучали по каменной мостовой лошадиные копыта, ворота затворились за ними – они добрались.

– Позвольте развязать ваш капюшон, рыцарь, – сказал Киприан, когда оба слезли на землю.

Голова Кольмара очутилась на свободе, и, снимая с себя длинную рясу, он огляделся вокруг. Он находился посреди обширного, квадратного двора, окруженного со всех сторон высокими зданиями.

Строения эти, правильные и однообразные, имели благородный и величественный вид. Фасады, выходявшие во двор, были мраморными,

окна высокими, длинными, узкими, с отпечатком той архитектуры, что господствовала тогда во дворцах и замках.

Еще Эрнест Кольмар увидел, что два пажа держали лошадей, а два других стояли возле двери, открывающей вход в переднюю необычайной величины. Туда-то Киприан и повел рыцаря.

Пажи шагали впереди по широкой мраморной лестнице, украшенной фарфоровыми вазами с редкими цветами и алебастровыми статуями, державшими в руках лампы.

Пол этажа, на который они поднялись, был покрыт красным бархатным ковром, на стенах висели картины в великолепных рамах, представляющие эпизоды из богемской истории. Направо и налево простирались длинные коридоры, в один из них пажи и повели монаха и рыцаря.

Без сомнения, Киприан находился в знакомом месте: он не обращал ни малейшего внимания на предметы искусства, изобилующие вокруг. В одном месте он перекрестился, не поворачивая головы ни направо, ни налево, но Кольмар заметил в нише распятие, вероятно, известное монаху. Это и некоторые другие обстоятельства говорили о том, что отец Киприан не был чужим в столь великолепном доме.

В конце коридора пажи отворили дверь и, едва монах и рыцарь вошли в изящно меблированную переднюю, где четыре молодые женщины занимались вышиванием, тотчас закрыли ее опять, оставшись снаружи.

Одна из женщин быстро встала со своего места, распахнула следующую дверь, приподняла бархатную портьеру и посторонилась, пропуская монаха и рыцаря.

Киприан и Кольмар переступили порог, портьера опустилась, дверь захлопнулась, и они очутились в богатой комнате. С высокого кресла поднялась и пошла к ним навстречу молодая женщина ослепительной красоты.

Глава 13

Рыцарь Кольмар не предвидел результата

своего свидания с принцессой Елисаветой

Комната, в которую попал Эрнест Кольмар, была, как мы говорили, меблирована очень богато. Балдахин, нависающий над креслом молодой женщины, покрывал фиолетовый бархат с золотой бахромой, остальная мебель была задрапирована белым атласом, пол составляла мозаика самой редкой работы, на стенах висели гербы, золотые и серебряные.

Молодая женщина, занимавшая эту великолепную комнату, была принцессой Елисаветой.

Мы не станем описывать ее, скажем только, что она была высокого роста, миловидная и изящная. Цвет лица у нее, блондинки, говорил о сопутствующем принцессе хорошем здоровье, несмотря на горести и несчастья, ознаменовавшие ее жизнь. Глаза у нее были голубые, брови дугой, маленький рот с первого взгляда казался сладострастным. Но в целом она производила приятное впечатление женщины благородной и утонченной.

Принцесса была одета со вкусом и роскошью, достойными и ее красоты, и щегольского дворца, в котором она жила. Траур по отцу и матери в то время продолжался шесть месяцев, и, поскольку они уже истекли, ее королевское высочество могла одеться прилично своим званию и богатству.

Эрнест Кольмар убедился, что Киприан не только не преувеличил прелестей принцессы, но даже недостаточно расхвалил их.

Принцесса сделала еще несколько шагов навстречу рыцарю и монаху. Первому она любезно поклонилась, а второму сказала мелодичным голосом:

– Добро пожаловать в мое убежище, отец мой.

– Благославляю вас, дочь моя, – промолвил Киприан. – И прошу Бога, чтобы это свидание принесло вам большие выгоды, – прибавил он, поглядывая то на принцессу, то на рыцаря.

– Ее королевское высочество сама распорядится своей судьбой, – выразительно произнес рыцарь, обращаясь и к принцессе, и к монаху.

Принцесса поняла, что ее красота произвела впечатление на

представителя Альбрехта Австрийского, а отец Киприан более не сомневался, что Эрнест Кольмар пошлет благоприятный отзыв своему повелителю.

Яркий румянец разлился по лицу принцессы, и, отвернувшись, она стала играть веером из страусовых перьев, который держала в руке.

Тем временем Киприан удалился в другой конец комнаты, сел там на диван и, похоже, погрузился в глубокую задумчивость. Однако Кольмар сообразил, что монах просто предоставляет ему случай побеседовать с принцессой свободно, и немедленно подошел к ней.

Принцесса опустила на кушетку и веером указала на стул, давая понять, что позволяет рыцарю сесть в ее присутствии, ибо в то время, как и теперь, этикет устанавливал четкие границы между лицами королевской крови и остальными смертными.

Воспользовавшись данным ему позволением, Эрнест Кольмар откровенно и чистосердечно заговорил вполголоса:

– Не подумайте, ваше высочество, что это пустой комплимент, но вид молодой несчастной женщины, обыкновенно трогаящий меня, особенно печалит в настоящем случае. Оставшись сиротой в таком нежном возрасте, лишенная наследственной короны, принужденная томиться в уединении, когда отечество страдает от раздоров, ваше высочество находится в положении, возбуждающем мое живейшее сочувствие. Помните, принцесса, что я говорю не только как христианин и рыцарь, но и от имени моего повелителя, Альбрехта Австрийского.

– И я благодарю вас, – промолвила Елисавета, и по ее щекам потекли слезы. – Благодарю вас, – повторила она прерывающимся голосом, – не только за сочувствие, выражаемое от имени вашего государя, но и за добрые слова, рожденные вашим великодушием.

– Спрашивать, знаете ли вы причину, доставившую мне честь свидания с вашим высочеством, было бы смешным притворством с моей стороны, – заметил рыцарь. – Но я спрошу о другом. Ответьте откровенно, с добровольного ли вашего согласия начались переговоры о вас с его высочеством Альбрехтом Австрийским?

Заканчивая фразу, рыцарь взглянул на монаха, сидевшего в другом конце обширной комнаты, и поразился, почти испугался выражения глаз Киприана, сверкавших из глубины капюшона и устремленных на принцессу. Правда, он немедленно опустил их, едва встретившись с глазами Эрнеста Кольмара, и, поспешив отвернуться, ниже надвинул капюшон на лицо.

В ту же минуту рыцарь поглядел на Елисавету и перехватил ее взгляд,

также устремленный на монаха.

Лоб и щеки принцессы зарделись. Как молния сверкнула у Кольмара мысль, что принцесса смутилась оттого, что он подметил влияние на нее монаха, должно быть, очень сильное, ибо одни его взгляды могли указать, как ей следует действовать и говорить.

– Принцесса, – повторил рыцарь, наклоняя голову и понижая голос, чтобы Киприан не расслышал его слов, – умоляю вас отвечать откровенно. По добровольному ли вашему согласию начаты переговоры о союзе с Альбрехтом Австрийским? В убежище, избранном вами, находитесь вы или в тюрьме, от которой не чаете как избавиться? Скажите, скажите мне, чем я могу помочь вам? – с ударением прибавил Кольмар.

– Да, да, рыцарь, я счастлива, так счастлива, как только можно на этом свете, – ответила принцесса, но в то же время крупные слезы текли по ее щекам.

Эрнест Кольмар поднял на нее взор, исполненный сочувствия и глубокого сострадания: теперь он убедился, что эта несчастная женщина не свободна.

Было ли ее положение следствием притеснения, или оно возникло в результате того влияния, которое монах наверняка получил над сиротой, оставшейся без друзей и родных в столь нежном возрасте, открыто ли проявлял Киприан свою власть над ней или просто пользовался страхом, который внушал девушке, этого рыцарь знать не мог.

Пока Кольмар смотрел на нее, безмолвно выражая участие, он заметил, что принцесса опять украдкой бросила быстрый и испуганный взгляд на монаха.

– Принцесса, – произнес Кольмар еще более тихо и более настойчиво, чем прежде, – вы знатная женщина, а я только смиренный рыцарь, но если вы позволите, я обращусь к вам с несколькими словами. Однако я умоляю воспринимать меня как представителя Альбрехта Австрийского, который почтет за счастье и обязанность заступиться за сироту последнего богемского короля. Пожалуйста, смотрите на меня именно так, а не как на постороннего человека. Если вы желаете отомстить за оскорбления, просить помощи, слова ваши прозвучат не напрасно. Скажите, что вы здесь пленница, и я клянусь – моя шпага проложит вам путь к свободе; скажите, что на свете есть человек, заставляющий вас подчиняться его воле, – и я тотчас расправлюсь с ним! Но не говорите мне, что вы счастливы, принцесса, потому что ваши глаза утверждают обратное.

С глубочайшим вниманием принцесса Елисавета выслушала слова рыцаря, произнесенные тоном откровенным и чистосердечным; слезы не

просто катились по ее щекам – она буквально обливалась ими.

Дрожа, в ужасе повернула она голову к монаху, и тот внезапно вскочил и подошел к ней.

– Дочь моя, – промолвил он, стараясь говорить кротко и успокоительно, – вы хорошо сделаете, если побыстрее ответите на вопросы благоразумнейшего из рыцарей.

– Напротив! – вскричал Кольмар. – Пусть принцесса наедине подумает о переговорах, которые вы, отец Киприан, по-моему, затеяли преждевременно.

– Как! Разве ее высочество...

Монах остановился, не закопчив фразы, начатой запальчивым тоном, вполне подтвердившим подозрения Кольмара. Он теперь не сомневался, что принцесса подчиняется влиянию, от которого избавиться не может.

– Я думаю, отец мой, – с упреком сказал рыцарь, – что лучше всего сейчас прервать свидание. Оно уже тяготит ее высочество, – и прибавил он, обернувшись к Елисавете, напрасно пытающейся подавить волнение, рожденное словами Эрнеста.

– Вы меня простите, – возразил монах, – если я напому вам, в каком положении находится ее высочество. Было бы неблагоприятно и опасно для нее назначать другое свидание только для того, чтобы повторить уверения, которые легко произнести теперь. Позвольте мне сказать несколько слов ее высочеству, и я убежден, что потом встреча кончится самым удовлетворительным образом.

Эрнест Кольмар взглянул на принцессу, но не прочел на ее лице никакой подсказки о том, уйти ему или остаться. К ней вернулись хладнокровие и мужество, но сохранившееся глубокое отчаяние сделало ее холодной и замкнутой.

Кольмар, не зная, как поступить, отошел в сторону, чтобы позволить Киприану сказать несколько слов на ухо принцессе.

Монах, воспользовавшись представившимся ему случаем, наклонил голову так, что капюшон, закрывавший верхнюю часть его лица, коснулся прелестных волос принцессы.

– Елисавета, – прошептал он быстро и повелительно, – я приказываю вам дать этому австрийцу требуемое уверение. Вспомните...

– Молчите... молчите! – пробормотала принцесса.

Это восклицание, произнесенное задыхающимся, глухим и почти замогильным голосом, выразило яснее самого отчаянного крика степень ее ужаса.

– Молчите... молчите! – повторила она, со страхом глядя в мрачное

лицо монаха, казавшееся еще более грозным от тени, набрасываемой капюшоном. – Пусть что свидание кончится, заклинаю вас! Через несколько дней, может быть, завтра, я лучше подготовлюсь к приему посланника.

– Нет, нет! – перебил ее Киприан с какой-то свирепостью. – Мне неудобно водить его сюда десять раз из-за ваших капризов.

– Моих капризов! – прошептала принцесса, бросив на монаха взгляд, исполненный упрека и гнева. – Лучше скажите: моих понятий о чести.

– Нет, – повторил он. – Не советую издеваться надо мной, Елисавета!

– Издеваться над вами! – вскричала принцесса, но не настолько громко, чтобы рыцарь ее услышал. Лицо ее покраснело от негодования.

– Вы, верно, решили рассердить меня, упрямая и злая девчонка, – сказал монах. – Но вы исполните то, что я приказываю, Елисавета. Вы будете повиноваться мне, говорю вам, – угрожающе продолжал он, вздрагивая от бешенства. – Вспомните нашу клятву! Вспомните о том, что делает вас моей рабой, моим орудием, когда серебряный колокол зазвучит в полночь.

– Довольно! Довольно! – прошептала принцесса. Губы ее задрожали, а по лицу разлилась смертельная бледность, точно последние слова монаха заключали в себе некий непостижимый ужас или возбуждали в ней тягостные воспоминания. – Довольно, отец Киприан, не говорите более ничего, – снова шепнула она через несколько минут. – Я успокоюсь... я дам уверение, что...

– Благодарю, благодарю! – произнес монах, сияя от радости. Обернувшись к Эрнесту Кольмару, он прибавил: – Рыцарь, ее королевское высочество уже оправилась от замешательства, в которое, весьма естественно, – ее повергли важные известия, бывшие целью вашего посещения, и теперь готова дать требуемые уверения, соблюдая условие, о котором вы печетесь.

Но пока Киприан произносил эту длинную фразу размеренным тоном, чтобы принцесса успела взять себя в руки. Эрнест Кольмар взглянул на нее и понял, что она всего лишь подчиняется угрозам.

Действительно, было что-то принужденное и неестественное в ее поведении, что-то страшное в усилиях унять дрожь, а тяжелое дыхание, вздымающее грудь, не оставляло сомнения в том, с каким трудом она сдерживает себя.

– Принцесса! – воскликнул Эрнест Кольмар, бросив на монаха негодующий взгляд. – Опасения мои подтвердились, я теперь окончательно уверился в том, что ваше высочество подчиняется чужой воле.

– Я прошу вас ограничиться причиной этого свидания, – проговорила принцесса так медленно и размеренно, точно боялась, что малейшее волнение заставит ее зарыдать. – Вы спрашивали, с моего ли согласия началось сватовство... и... я отвечала вам утвердительно. – Она еле сдержала слезы. – Прощайте, рыцарь! – И принцесса Елисавета выбежала из комнаты в небольшую дверь близ кресла с балдахином.

– Теперь вы должны остаться довольны! – вскричал монах торжествующим тоном.

Но, взглядевшись в лицо Эрнеста Кольмара, Киприан не увидел на нем ничего утешительного для себя.

– Уйдем отсюда, – бросил Кольмар холодным, надменным и даже повелительным тоном.

Но когда он пошел к двери, монах метнул на него взгляд, исполненный такой ненависти и адской злобы, что, как ни был храбр Эрнест Кольмар, но, заметив его, он не мог бы не вздрогнуть.

Рыцарь приподнял бархатную портьеру, отворил дверь и пересек переднюю, где прислужницы принцессы Елисаветы по-прежнему сидели за вышиванием.

Киприан шел позади рыцаря, и мрачное, злое выражение делало отвратительным его лицо, от природы красивое. Очевидно, выдумывая какой-то адский план, он еще больше надвинул капюшон, точно хотел скрыть свои мысли.

Два пажа, провожавшие их до дверей, ждали в коридоре. Они опять зашагали впереди и спустились по мраморной лестнице в нижнюю переднюю.

Рыцарь и монах хранили самое глубокое молчание с той минуты, как покинули комнату принцессы, но вдруг Киприан, взяв Эрнеста за рукав полукафтана, сказал вполголоса:

– Вы видели принцессу Елисавету, и она сама уверила вас, что готова принять предложения вашего повелителя, Альбрехта Австрийского. Не угодно ли вам теперь взглянуть на сокровища, принадлежащие ее высочеству, и на завещание, согласно которому его величество отдал дочь под мою опеку?

– Да, завещание! – воскликнул рыцарь и после минутного размышления прибавил: – Спасибо, что напомнили. Ведите меня, я готов следовать за вами.

Киприан сделал знак пажам, и те немедленно удалились. Потом отворил низкую дверь, спрятанную в тени, под мраморной лестницей, и там, в глубокой темноте, обнаружилась другая лестница.

– Я попрошу вас запереть за собою дверь, – сказал монах, начиная спускаться по ней.

В голове Эрнеста Кольмара промелькнула мгновенная мысль об измене, и он в нерешительности остановился на пороге.

Но ему тотчас же стало стыдно за внезапный страх, и он последовал за монахом. Затворив за собою дверь, он очутился в густой темноте, без малейших проблесков света.

– Спускайтесь смело, рыцарь, – проговорил Кйлриан. – Ступени ровные и крепкие – не упадете. Через несколько минут я достану лампу или факел.

Кольмар спустился твердыми шагами до самого низа лестницы. Движением, свойственным каждому человеку, находящемуся в темноте, он протянул руки и ощупал крепкие стены справа и слева. А поскольку впереди он слышал стук сандалий монаха, то заключил, что находится в длинном подземном коридоре фута в четыре шириной.

Но едва сделал он шагов двенадцать по ровному полу, как что-то с тяжелым лязгом опустилось позади него, точно железный барьер, и, прежде чем Кольмар успел опомниться от удивления, другой такой же предмет упал спереди.

– Измена! – закричал рыцарь, бросаясь вперед.

Но его остановила железная решетка, пересекавшая подземелье от одной стены до другой и возвышающаяся от пола до потолка. Эрнест хотел было вернуться на лестницу. Но и с обратной стороны путь преградил точно такой же барьер.

Подтвердилось его ужасное подозрение, и он стал пленником в клетке, ограниченной двумя решетками, упавшими из отверстия, сделанного в своде.

Вдобавок к его ужасным мыслям монах закричал громким и звучным голосом, казавшимся, доносясь из глубокой темноты, голосом судьбы:

– Еще жертва для Бронзовой Статуи и «поцелуя» Девы!

Потом далеко, в конце коридора, отворилась дверь и тотчас же с шумом захлопнулась, и, когда эхо замерло, полнейшие тишина и темнота воцарились в: подземелье.

Глава 14

Люди в черных масках, или Что случилось с рыцарем Эрнестом Кольмаром

Мы сказали, что Эрнест Кольмар был так храбр, как только может быть мужчина, но, внезапно попав в ловушку и слышав страшные слова, он поневоле затрепетал и лоб его покрылся холодным потом.

Хотя он не имел ни малейшего понятия о том, что значило выражение «жертва для Бронзовой Статуи», и еще менее понимал смысл слов ««поцелуй» Девы», он уже слышал эти фразы при обстоятельствах, которых не мог забыть.

Он вспомнил, какой страшный крик вызвали эти слова у Этны в подземелье и как испугалась девушка, когда он попросил их объяснить. Когда голос Киприана раздался у него в ушах, ему показалось, что именно этот сильный, звучный голос угрожал Этне. Тогда ему пришло на ум, что человек, прятавшийся там за камнями, был Киприаном, и, значит, его ударил он впотьмах и у него вырвал жертву, осужденную на казнь Бронзовой Статуи.

Что же это за таинственная казнь? Как объяснить загадочные слова? Имеют ли они какое-нибудь отношение к прекрасной статуе, которую он видел в замке Альтендорф? И если да, то какую роль играет в происходящем страшная машина, расположенная там же?

Наверное, в словах «Бронзовая Статуя и «поцелуй» Девы» действительно скрывалась ужасная тайна. Они замелькали в голове Эрнеста Кольмара в первые минуты его заточения в темном подземелье. Но затем, скрестив на груди руки, он прислонился к стене и со спокойным хладнокровием стал размышлять над своим положением.

Одно было ясно: он сделался пленником в подземелье великолепного дворца, названия и положения которого не знал, и ему, без сомнения, угрожает страшная, но пока неизвестная участь. Все остальное покрывала завеса тайны, зловецей, ужасной тайны.

Самая мертвая тишина продолжала царствовать в подземелье. Наверняка Киприан вышел в дверь на другом конце коридора почти сразу после своей измены. Но сколько времени продолжится его отсутствие? А нельзя ли до его прихода бежать?

Кольмар тряс руками решетки, сделанные из массивного железа и с

каждой стороны прилегающие к стене. Забравшись довольно высоко, Кольмар обнаружил, как, впрочем, и предвидел, что они спускались из отверстий в потолке, расположенных не менее чем в десяти футах от земли.

Все его усилия оказались бесполезными. Наконец он принужден был признать, что действительно стал пленником в клетке четырех футов шириной, две стороны которой составляли толстые стены, а две другие – прочные решетки.

Во второй раз Эрнест Кольмар скрестил руки, прислонился к стене и предался размышлениям. Перед ним постепенно проплывали тайны Альтендорфа, Сатанаиса, Этна, Киприан, принцесса Елисавета и дорогие существа, оставшиеся на родине.

Проходили часы, и мало-помалу Эрнест Кольмар решил, что, возможно, он осужден умереть в этой клетке с голоду.

– Невероятно, – прошептал он. – Умереть от голода и жажды? О! Нет, нет! Одни демоны способны подвергнуть такой муке человеческое существо. Да и потом, подобная казнь не имела бы ничего общего с Бронзовой Статуей, а монах прямо объявил, что я должен умереть от нее.

Время летело, настала ночь, но ничей голос, ни малейший звук не нарушали молчания.

Но с какой стати Киприану покушаться на жизнь Эрнеста Кольмара?

Как только рыцарь задал себе этот вопрос, шорох, сначала слабый, а потом все более и более внятный, долетел до него. Он затаил дыхание и прислушался.

Да, он не ошибся: он услышал шелест одежды. Точно люди, подобно змеям, коварно скользили вдоль стены. Кольмар положил руку на шпагу и наполовину вынул ее из ножен.

Но тут другие звуки привлекли его внимание. Бренчание цепей, завертывающихся вокруг колеса, сказало ему, что решетку поднимают.

Что должен был сделать рыцарь? Броситься вперед и проложить себе дорогу? Так бы Кольмар и поступил, долго не раздумывая, но менее чем в секунду его схватили со всех сторон, точно исчезнувшие решетки превратились в железные руки, зажавшие рыцаря.

Его противники, похоже, были многочисленны: рыцарь насчитал шестерых. Шпагу у него вырвали, руки связали веревкой, а на плечи набросили монашескую рясу и капюшон опустили на глаза. Затем его повели по коридору; враги шагали по бокам, не говоря ни слова.

Скоро они остановились на несколько секунд: на петлях повернулась дверь, они вышли, и массивная дверь захлопнулась с громом, пробудившим далекие, зловещие отголоски подземелья. Эхо сказало Кольмару, что они

продолжают идти в том же направлении. Да и топот ног по плитам говорил об этом.

Шли по-прежнему молча, в крошечной темноте.

Неожиданно в отверстие на капюшоне он увидел свет, появляющийся и исчезающий с равной частотой. Другая дверь заскрипела на петлях – прошли, – она затворилась со зловещим лязгом. Подземелье казалось бесконечно длинным.

Истекло по крайней мере десять минут с тех пор, как его вывели из клетки, насколько мог рассчитать Эрнест Кольмар, и, судя по скорости движения, они должны были пройти около четверти мили. Едва рыцарь закончил эти вычисления, как услышал шаги, направляющиеся в их сторону.

– Поздно: серебряный колокол уже пробил, – сказал один из караульных Кольмара, впервые за все время нарушив молчание.

– Да, серебряный колокол пробил, – согласился Киприан, голос которого рыцарь узнал и который держал Кольмара за правую руку. – Станем в сторону.

Все остановились у стены. Шаги приближались, и Кольмар видел в отверстие капюшона огни, похожие на метеоры, но не мог различить, кто их нес.

Никто не промолвил ни слова. Точно караульные рыцаря не заметили и не узнали проходивших людей. Во всяком случае, если они переговаривались, то только знаками.

Процессия была многочисленна; насколько мог заключить Эрнест Кольмар, она состояла из семидесяти или восьмидесяти человек.

Все виденное им, все слышанное преподносило тайну за тайной. Что значило замечание: «Серебряный колокол пробил»? Откуда взялась такая длинная процессия в подземелье? И почему никто не разменялся ни единым словом с его тюремщиками?

Вероятно, все они были сообщниками, и именно это убеждение не позволило рыцарю просить помощи и покровительства.

Наконец они пошли опять, быстро, почти бегом, но скоро встретили третью дверь, потом каменную лестницу, а наверху ее еще дверь. Затем Кольмара протащили по комнате, кажется, с мраморным полом, и через несколько минут он очутился на воздухе. Это легко угадывалось по ветерку, поднимавшему его капюшон, и по топоту лошадей. Рыцаря посадили в седло

Но едва он поставил ноги в стремя, как веревкой, перекинутой под брюхом лошади, их связали, и хотя она позволяла скакать, зато лишала

всякой возможности бежать.

Караульные рыцаря тоже сели верхом и поехали крупной рысью под воротами и по подъемному мосту; потом путь продолжался в глубоком безмолвии.

Как только Эрнест Кольмар попал на чистый воздух, он почувствовал прилив сил. Теперь, на широкой и открытой дороге, его положение не казалось ему отчаянным.

Чтобы читатели хорошенько поняли последующие события, мы постараемся еще раз объяснить, в каком положении находился рыцарь Эрнест Кольмар.

Напав на рыцаря в подземелье, неизвестные и невидимые враги привязали его руки к телу, надели на него рясу и капюшон опустили на лицо. Веревка, связывающая ноги, мешала ему соскользнуть с лошади, а по правую и левую стороны скакали четыре человека, вероятно, хорошо вооруженные и, уж во всяком случае, не желавшие упускать его.

Но не сделали они и десяти шагов, как Кольмар начал освобождаться от веревок на руках и через четверть часа вернул свободу правой. Распутать левую было делом нескольких минут; тогда он понял, что половина задачи решена. Он уже почти не сомневался в своем спасении.

Тем временем лошади продолжали скакать. Ту, на которой сидел рыцарь, вел человек, ехавший впереди, так что ночное путешествие Кольмара во многом походило на утреннее, к принцессе Елисавете.

Освободив руки, Эрнест Кольмар осторожно расстегнул одну из пуговиц капюшона, чтобы посмотреть, сколько человек окружают его, как они вооружены и по какой дороге едут.

Слабо светила луна, ночь была туманная и темная. Все это благоприятствовало рыцарю, ведь в подобных обстоятельствах его враги не заметили, что он расстегнул капюшон.

С первого взгляда Кольмар узнал Киприана в человеке, державшего за повод его лошадь. Кроме монаха он насчитал шесть всадников, ехавших по обеим сторонам. Они были вооружены с ног до головы, и сверх того черные маски закрывали их лица.

Тут рыцарь Кольмар вспомнил историю, рассказанную ему хозяином «Золотого Сокола», о трех братьях Шварц, исчезнувших несколько лет тому назад, вспомнил и о слухах, твердивших, будто их видели и узнали среди всадников в черных масках.

Такое совпадение было странно. Кольмар поспешил прогнать из головы печальные мысли и принялся наблюдать за своими спутниками, насколько ему позволяли слабое сияние луны и небольшое отверстие,

проделанное в капюшоне.

Монах наверняка присматривал за ним зоркими глазами, и Эрнест не сомневался, что при первом его движении шесть шпаг вылетят из ножен и столько же бердышей опустятся на него. Несмотря на это, Кольмар решил пойти на все, лишь бы возвратить себе свободу, а поскольку дорога теперь тянулась через лес, он посчитал, что, успев добраться до чащи, сумеет удрасть от погони. Но как освободиться от веревки, связавшей ему ноги?

И тогда он предпринял отчаянную попытку. Осторожно расстегнув остальные пуговицы капюшона и рясы, он начал поддерживать ее так, чтобы при случае сразу отбросить одеяние в сторону. Потом, воспользовавшись тем, что Киприан отвернулся, он сдернул с себя рясу и сшиб монаха, ударив его по голове кулаком. Вонзив шпоры в бока своей лошади, он полетел как стрела.

Этот смелый поступок, внезапность, с какою он был совершен, так поразили сообщников Киприана, что они на несколько мгновений застыли в изумлении. Но Киприан вскочил, не теряя ни минуты, хотя и с трудом, ибо полученный удар ошеломил его. Он тут же принялся посылать своих сообщников в погоню за Кольмаром, и едва сам сел в седло, сразу подал им пример, обещая всякие награды тому, кто схватит Кольмара.

Их промедление, хоть и короткое, помогло рыцарю; он, убегая, сумел отвязать веревку от своей правой ноги. Но, к несчастью, в ту минуту, когда он поздравлял себя с успехом, лошадь его запнулась за камень и упала так внезапно, что не успел Эрнест Кольмар подняться, как монах и его спутники уже подскакали к нему.

Они соскочили с лошадей, окружили рыцаря и сразу схватили его. Это тем оказалось легче для них, что рыцарь еще не выдернул левой ноги из стремени и был безоружен. Но когда рыцарь уже почти лишился всякой надежды на спасение, издали раздавался топот быстро приближающихся лошадей.

– Заткните ему рот и свяжите, не теряйте ни минуты! – вскричал монах, явно опасавшийся, что жертва ускользнет от него.

Полагаясь на свою почти сверхъестественную энергию, рыцарь сделал последнее усилие, пытаясь освободиться от своих врагов, и, вырвавшись из сдерживающих его рук, побежал со всей возможной скоростью к всадникам, приближение которых было для него так кстати.

Пятеро из его гонителей тотчас поскакали за ним и через несколько секунд догнали. Кольмар уже давно не ел, и силы изменяли его воле.

Киприан, не спешиваясь, немедленно подъехал ближе.

– Если он еще осмелится сопротивляться, – закричал он, – убейте его,

как собаку!

Но, подобно льву, который, загнанный охотниками, поворачивается к своим преследователям с решимостью дорого продать свою жизнь, Эрнест Кольмар вдруг обернулся к своим противникам, бешено бросился на человека, стоявшего впереди, и вырвал у него шпагу.

Завладев оружием, рыцарь, призвав к себе все свое мужество и ловкость, сумел защититься от пятерых врагов до тех пор, пока на сцене не появился отряд всадников.

Монах сразу же ускакал прочь. Сообщники его со всех ног кинулись к тому месту, где остался с лошадьми шестой их товарищ, и через две секунды они уже скакали туда же, куда и Киприан.

Отряд, прибытие которого так помогло Эрнесту Кольмару, состоял из шестидесяти хорошо вооруженных человек. Начальник их, мужчина лет сорока, лицо имел кроткое и доброжелательное, насколько Кольмар рассмотрел его при лучах луны, выглянувшей из-за туч. Вообразив, что на Эрнеста Кольмара напали разбойники, он поздравил его с освобождением. Рыцарь решил пока не рассеивать этого заблуждения начальника отряда и не сообщать ему своих подозрений о людях, убежавших так поспешно.

– Я вижу, – сказал он, – что негодяи увели с собой мою лошадь.

– Вы в какую сторону ехали? – спросил начальник отряда.

– Чем скорее я попаду в Прагу, тем лучше, – ответил рыцарь.

– Мы тоже туда направляемся, – заявил начальник. – Или я ошибаюсь, или не более чем через четверть часа наши лошади проскачут по мостовой этого города. Уже давно пробил полночь, и мы очень устали: знаете, мы ведь ехали целый день. Но если вы желаете, мы можем предложить вам лошадь; вероятно, после всего случившегося, вы бы не отказались, чтобы мы проводили вас до Праги.

– С удовольствием, – поклонился рыцарь, – и прошу вас принять мою благодарность. А для того чтоб вы знали, кому так любезно оказали услугу, за которую я постараюсь расплатиться при первом удобном случае, разрешите представиться: рыцарь Эрнест Кольмар, смиренный и преданный служитель его высочества Альбрехта Австрийского.

– Представляюсь с равной откровенностью, рыцарь, и в надежде на более короткое знакомство, – промолвил начальник отряда. – Я граф Роземберг.

– О! Я столько слышал о вашем сиятельстве, что очень горжусь знакомством с вами, – сказал рыцарь.

Потом, сев на предложенную лошадь, Кольмар поехал по правую сторону от графа, продолжая дорогу:

– Несколько дней назад случай привел меня в хижину одного из ваших лесничих, Вильдона. Он говорил о вас в таких выражениях, что я страстно захотел встретиться с вами.

– Этот лесничий один из самых преданных и старых моих слуг, – заметил граф Роземберг, – но давайте поедem побыстрее, а то мы не прибудем в Прагу к часу. – И граф пришпорил свою лошадь.

Эрнест Кольмар и другие всадники последовали его примеру.

Минут через двадцать показались высокие башни замка Гамелен, вырисовывающиеся на темном небе, а чуть позже появились стены Белого Дома, освещенные желтоватыми лучами луны.

«Конечно, я непременно заеду засвидетельствовать уважение добрейшей баронессе... Мне обязательно нужно завоевать ее дружбу», – подумал про себя рыцарь.

Это намерение внушало ему неопределенное чувство любопытства, даже подозрения, в котором он едва отдавал себе отчет.

Через полчаса рыцарь достиг столицы Богемии и искренне обрадовался, узнав, что граф Роземберг не только приехал на совет дворян, который должен был начаться через несколько дней, как нам известно, но что он собирается остановиться в гостинице «Золотой Сокол». Шестьдесят человек, сопровождавших его, были отрядом, который он обязался доставить для защиты города; поэтому их поместили в замке, между тем как начальник остался в гостинице Тремплина.

Едва ли нужно говорить, как Лионель и Конрад обрадовались, увидев, что господин их вернулся целым и невредимым. Оба, по-настоящему испуганные его продолжительным отсутствием, очень сильно беспокоились и ждали, пока он не воротился в два часа ночи.

Глава 15

Свидание с Этной

Настало первое августа. За несколько минут до полудня Эрнест Кольмар поднимался по ступеням на южный вал города. Он был одет щеголевато, и в наружности его сквозили величественность и благородство. Он казался олицетворением истинного рыцарства, и его мужественное, красивое лицо имело то выражение доброжелательства, которое заставляло бедных и несчастных обращаться к нему с уверенностью, что они не получат отказа.

Забравшись на вал, рыцарь остановился, пораженный внезапной мыслью, и улыбка, игравшая на его губах, немедленно исчезла.

Что делает он? Обдумал ли он свой поступок? В минуту слабости, под влиянием очень извинительного чувства, ослепленный красотой, какую редко случается любоваться мужчинам, он условился о свидании с молодой девушкой, которую вовсе не знал и которую окружала какая-то странная тайна. Мало того, подчиняясь таким же чувствам, он согласился и на свидание с другой женщиной, столь же прекрасной и еще более загадочной. Словом, он должен был встретиться с Этной в полдень, а с Сатанаисой вечером того же дня.

Но благоразумно ли, честно ли выполнять два обещания, данные в такую минуту, когда он не был хозяином своим поступкам? Предположим, если он увидится с Этной, хорошо ли потом отправляться ждать Сатанаису? А если сердце его и воображение заставят предпочесть Сатанаису, не честнее ли будет уйти, не дождавшись Этны?

Но мы можем смело заявить, что Эрнест Кольмар никак не мог решить в пользу Этны или Сатанаисы и сделать выбор между полуденным и вечерним свиданиями.

«Притом, – говорил себе рыцарь, – не будет ли невежливо изменить тому или другому обещанию?» Как рыцарь, не обязан ли он осведомиться о здоровье женщины, спасенной им от большой опасности, а также и той, с которой обстоятельства за несколько часов поставили его на короткую ногу?

Предаваясь подобным рассуждениям, Эрнест Кольмар убедил себя, что его долг находится в полдень на городском валу, а вечером – в дворцовом саду.

Был полдень. Солнце сияло на небе, у городских ворот сменялись

часовые.

Эрнест Кольмар тихо брел по валу, как вдруг заметил даму, богато одетую, под вуалью. Он не мог разглядеть ее лица и даже угадать его черты, так густы были складки вуали, но по грациозной походке, по ее изяществу и достоинству, по биению своего сердца Кольмар понял, что перед ним Этна.

Это действительно была она. Приблизившись к нему, она отбросила вуаль и на несколько секунд словно ослепила, очаровала рыцаря. Ему казалось, что он встретился с ангелом, столько прелести, спокойствия, кротости было в лице, которым он любовался.

Кольмар сделал к Этне шаг, взял девушку за руку и нежно поднес ее к губам.

– Возможно ли, – промолвил он наконец, – чтоб мы действительно увидались, что вы вспомнили свое обещание и пришли сюда в назначенный день и час?

– Рыцарь, вы уверяли, что желаете встретиться со мной опять, – ответила Этна, потупив глаза, – и я не нарушила слово, сдержать которое считала своим долгом.

– Да, я знаю, что сам вырвал у вас это обещание, – сказал рыцарь, внезапно сделавшись грустным. – И я почти раскаиваюсь в своем безумстве.

– В ваших словах скрыта горечь, рыцарь, – перебила его Этна таким кротким голосом, что Кольмар не мог не ответить ей нежным взглядом, – Почему вы сожалеете об этом? – продолжала она. – Разве дружеские чувства, которые вы испытали ко мне тогда, должны были исчезнуть вместе с необыкновенными обстоятельствами, породившими их?

– Нет! Нет! Вы ошибаетесь, Этна! – вскричал Кольмар, пожимая руку молодой женщины. Потом, выпустив ее, хотя она и не отнимала, несмотря на то что ее щеки покрылись яркой краской, он прибавил с живостью: – Мне очень жаль, что я увидел вас опять, Этна, потому что наше свидание заставит меня пожелать следующего, и только Бог знает, к вашему ли счастью и к моему ли кончится это.

– Разве вы хотите расстаться со мною так скоро? – тихо спросила Этна таким тоном, который сразу выдал все ее волнение.

– Нет! – воскликнул Кольмар. – Не прошло еще и пяти минут, а вы говорите о разлуке!

– Мне показалось, что вы раскаиваетесь в своем приходе, – промолвила Этна, обратив на рыцаря глаза, способные зажечь в его душе пламя, которым сами горели.

– Это правда, я раскаивался, а между тем был счастлив! Я все еще раскаиваюсь, а между тем остаюсь здесь против воли, – сказал Кольмар. – О! Вы, наверное, более чем женщина, вы – ангел, если обладаете таким могущественным влиянием, таким непреодолимым очарованием для тех, кто любит вас.

– Разве вы не знаете, что я дочь Неба? – произнесла Этна.

Говорила она с видом, в котором лукавство настолько странно смешивалось с таинственностью, что сердце рыцаря так и запрыгало.

Он посмотрел на Этну с восторгом: то ли солнечные лучи вдруг запутались в волосах девушки и отразились в ее глазах, то ли пылкое воображение рыцаря разгорелось до крайней степени, но только Кольмару показалось, что Этна вся сияет сверхъестественным светом, и он опять решил, что перед ним ангел.

Обожание, восторг, пылавшие в его мозгу, дошли почти до безумия; голова его горела, смутная, но сильная надежда заставляла биться его сердце. В глазах потемнело, он был вынужден прислониться к парапету, а когда, опомнившись, поднял глаза, он остался один. Этна исчезла.

Глава 16

Свидание с Сатанаисой

Вечер был великолепный, чудная луна серебрила башни, возвышавшиеся над Прагой, и на вершине каждой точно сияла звезда.

Один, в тишине прекрасной ночи, Эрнест Кольмар вошел в обширный сад пустого дворца. Огромные башни, длинные и узкие окна, белые мраморные лестницы составляли странный контраст с темной зеленью листвы и отчасти терялись в темноте, присутствующей всегда, даже в самую светлую ночь.

Увы! Все было пусто. Не слышались звуки музыки, не прохаживались блестящие посетители, не танцевали и не развлекались. Пышность, роскошь, великолепие исчезли как сон.

Эрнест Кольмар вздохнул, глядя на пустынный дворец, но в ту же минуту нежная рука слегка коснулась его плеча и отвлекла от размышлений. Это была Сатанаиса, богато одетая, но уже более по моде, чем тогда, в лесу. Волосы, черные как агат, распадались шелковистыми локонами по плечам, и красота ее была до того чудесна, что Кольмара, забывшего совершенно об Этне, на минуту ослепил вид этого восхитительного существа.

– Вы желали увидеть меня опять, – молвила она, первая прервав молчание, – и вот я выполняю свое обещание.

– Вы здесь! – вскричал Кольмар.

– Уезжая из лагеря таборитов, вы просили у меня дружбы, и я отдала вам ее. Вы забыли? – продолжала Сатанаиса.

– Забыл! – воскликнул Кольмар, взяв ее руку. – Подобный поступок был бы недостойн рыцаря.

– Значит, я могу положиться на вас?

– Ах! – вздохнул Кольмар. – Возможно, уже скоро я смогу доказать вам свою преданность. Вы теперь дружны с таборитами, но случайности войны могут обратиться против них. Каким ни смиренным кажется мое настоящее положение, я сумею помочь вам.

– Благодарю! Благодарю, – сказала Сатанаиса, и ее черные глаза, устремившись на рыцаря, лучше слов выразили пылкость ее чувств.

– Да, – продолжал рыцарь, – может статься, что моя партия объявит войну вашей секте, но мы навсегда останемся друзьями, милая Сатанаиса, и, даже враждуя с вашими таборитами, я сумею позаботиться о вашей

безопасности Будьте уверены, что в угрожающую минуту вы найдете во мне верного и мужественного защитника. Горе тому, кто попытается вредить вам; месть цастигнет его, где бы он ни спрятался.

– Милый и храбрый друг, – вздохнула Сатанаиса, – почему не могу я предложить взамен вашей преданности дружбу сестры, способной ухаживать за вами, перевязывать раны, если вы попадете на одро болезней? Ах, так определила судьба!

– Какую тайну вы скрываете? – произнес рыцарь. – Кто назвал вас, кроткую, великодушную, именем дочери сатаны?

– О, это ужасная история! Страшная легенда! – воскликнула Сатанаиса, судорожно сжимая руку рыцаря и бросая вокруг испуганные взоры, точно боясь, что привидение появится из густой тени, падавшей от зданий, или белые статуи оживут и пойдут ей навстречу. – Да, – продолжала она тихим голосом, – это страшная тайна, но я не стану отвечать оскорбительным недоверием на ваши уверения в преданности. Может быть, вы поможете мне советами. Знайте же...

Но едва произнесла она эти слова, как мрачный и звучный голос, точно выходящий из недр земли, закричал:

– Дочь сатаны, горе тебе! Ты принадлежишь нам! Твой час настал!

– Прочь, прочь, демон! – возопила девушка в смертельном испуге и, сделав несколько шагов наудачу, упала бы, если б Эрнест Кольмар не подхватил ее.

Демонический хохот, словно смех сумасшедшего, загремел в воздухе, и молодая девушка, лишившись чувств, упала на несколько минут на грудь рыцаря. Тот, испуганный на мгновение этим голосом и смехом, будто доносящимися из ада, прогнал с усилием суеверное чувство и, прошептав молитвы своему святому покровителю, отнес девушку к мраморной лестнице и положил на скамейку в цветочной беседке. Там, когда взгляды их встретились, глаза девушки выразили любовь, доверие, признательность.

– Благодарю, тысячу раз благодарю за вашу доброту ко мне, – пролепетала она. – Но какой ужасный голос, я до сих пор дрожу.

– Объясните мне, милая Сатанаиса, что значат эти страшные слова? Я не суеверен, но тот голос показался мне сверхъестественным. Какие опасности угрожают вам? Я сумею их предотвратить.

– О, не спрашивайте у меня объяснения теперь! – воскликнула Сатанаиса, по-прежнему дрожа и бросая на него умоляющие взоры. – Я не чувствую, что в состоянии сейчас растолковать слова, слышанные вами, и

предостережение, заключавшееся в них, а также свой испуг. Пощадите меня, умоляю, и не принуждайте начинать рассказ, который пробудит во мне воспоминания об ужасах, которые мне пришлось пережить.

Сатанаиса встала и хотела удалиться, но рыцарь остановил ее.

– Когда мы увидимся? – спросил он, тронутый ее печалью и слезами.

– Скоро, – ответила она. – Я не могу пока назначить дня и часа, но не сомневайтесь, я обязательно расскажу вам страшную историю моего рождения. Прощайте теперь, прощайте, не следуйте за мною.

Глава 17

Пажи

Пока происходили описываемые нами события, пажи Лионель и Конрад вышли из гостиницы и отправились погулять по городским бульварам. Близ южных ворот они встретили женщину, уже пожилую, любезного вида. Посмотрев на них с вниманием, она заговорила.

– Вы приезжие, красавчики? И долго останетесь в Праге?

– Мы приехали несколько дней назад, – ответил Конрад, – и вряд ли долго пробудем. Но я не думаю, что это вам интересно; уже поздно, и мы пойдем домой.

– Поздно? – удивилась старуха. – Стало быть, вы служите очень строгому господину, если он требует, чтобы вы ложились спать в такой час, когда развлечения только начинаются в знатных домах. Я отправляюсь отсюда в настоящий рай земной. Там блестящие залы наполнены щеголями и щеголихами замечательной красоты, музыка играет, столы уставлены самыми изысканными кушаньями и самыми лучшими винами. Я могу проводить вас в это восхитительное место. Хотите, или мне уйти одной?

Пажи были свободны, господин отпустил их на целый вечер.

– Пойдем! – воскликнули они, прельстившись удовольствиями, обещанными старухой. – Но нам надо вернуться домой, чтобы одеться приличнее.

– Не стоит, – возразила старуха. – Вы найдете там все необходимое, чтобы нарядиться. Отправимся немедленно: нам придется идти далеко.

При этих словах пажи почувствовали нерешительность, но старуха сказала им тоном, в котором сквозило презрение:

– Неужели вас пугает час прогулки верхом? В таком случае оставайтесь. Если у вас недостает мужества, удовольствия сами не прибегут к вам.

Она повернулась, намереваясь удалиться; самолюбие молодых людей было задето. Лионель остановил ее.

– Простите нам минутную растерянность, – молвил он. – Мы готовы следовать за вами.

– Хорошо, – кивнула старуха, – но предупреждаю: если вы не будете повиноваться мне во всем, то я не сумею доставить вам чудные удовольствия, которые обещала.

– Ступайте, добрая госпожа, – произнес Лионель. – Мы согласны

повиноваться.

Старуха улыбнулась и, опустившись с вала, прошла через городские ворота, пажы за нею. Они прошагали так около мили, пока не добрались до небольшого леса, пересекаемого узкой тропинкой. Через несколько минут они достигли кладбища с могильными камнями, посеребренными луной, потом – часовни, где стоял человек с лошадьми. Одна была под дамским седлом, но, прежде чем молодые люди сели на лошадей, предназначенных им, старуха сказала:

– Наденьте эти рясы и позвольте застегнуть капюшоны, чтобы вы не могли видеть. Необходимо, чтобы дорога осталась вам неизвестна.

Молодые люди ничего не отвечали, но, несколько растревожившись, надели рясы, опустили капюшоны и сели на лошадей с помощью слуги, старуха поместилась в середине, держа их поводья, и они поскакали крупной рысью.

С четверть часа ехали быстро, потом лошади пошли шагом, и старуха воспользовалась этим, чтобы заговорить со своими спутниками:

– Не пугайтесь предосторожностей, принимаемых мною, и некоторой таинственности. Должна вам сказать, что ночь, проведенная в этом роскошном и восхитительном месте, будет неповторимой. А поскольку во второй раз переступить порог этого гостеприимного жилища нельзя, но удовольствия в том земном раю так чудесны, что единожды их вкусивший захочет снова коснуться губами волшебной чаши, необходимо, чтобы гости не могли найти дороги туда.

Едва она договорила, как лошади опять побежали рысью, и около трех четвертей часа все ехали молча. Потом лошади остановились, молодые люди услышали, как отворились ворота, кавалькада прошла на мощный двор и там спешила. Капюшоны были расстегнуты, рясы сняты – и разноцветные огни, сияя в бесчисленных окнах, бросились в глаза пажам. На минуту они точно ослепли, но наконец увидели, что находятся на квадратном дворе, окруженном великолепными зданиями, каменными и мраморными, с теми богатыми стеклами в окнах, тайна которых была известна тогда одной Богемии.

Слуги в блестящих ливреях спустились с крыльца, одни приняли лошадей, другие повели путешественников в дом. Те остановились поблагодарить свою проводницу, но она исчезла.

Они поднялись по ступеням мраморной лестницы и попали в изящно меблированную комнату. Слуга указал на гардероб с великолепной одеждой, попросил выбрать, что им нравится, и предупредил, что через полчаса вернется за ними.

Лионель и Конрад, оставшись одни, нарядились в богатые щегольские костюмы, и если старухе было поручено привезти двух самых красивых и грациозных молодых людей в Праге, она прекрасно исполнила поручение.

Через полчаса появился слуга и повел пажей Кольмара на роскошную площадку перед передней. Здесь, у двери, стояли неподвижно, как статуи, два охранника с алебардами.

В эту минуту пробило двенадцать на громадных часах, мелодично прозвенел серебряный колокол, висевший на потолке, и слуги, отворив двери настежь, открыли перед нашими ослепленными молодыми людьми огромную залу, необыкновенное богатство которой не значило ничего по сравнению с великолепием костюмов, щеголеватостью мужчин и красотой дам, красотой, превосходящей все, что глаза смертных видели до сих пор.

Глава 18

Праздник

Действительно, земной рай открылся перед Лионелем и Конрадом. Какое-то время они не могли оправиться от головокружения, порожденного этим блеском. Когда они начали приходить в себя и смотреть на чудное зрелище с большим спокойствием, то увидели женщину красоты дарственной и мужчину величественной наружности, шествующих через залу. На почтительные поклоны, обращаемые к ним со всех сторон, они отвечали с любезной благосклонностью; наверняка эта женщина была гордой королевой блистательного двора.

Она была уже немолодая, лет сорока, но красота ее принадлежала к числу таких, что сохраняет, несмотря на годы, свежесть молодости, и для нее косметика, если и усиливает прелести, однако не представляется необходимой.

Кавалер ее был такого же возраста. Лицо его, красоты замечательной, носило, однако, отпечаток сильных страстей. Он был одет в бархатное платье пурпурного цвета, на шее у него висела золотая цепь чудной работы, со знаками звания маркиза. Любезность, выказываемая к спутнице, выдавала страстного обожателя, но не супруга.

В зале находилась одна особа, привлекавшая внимание молодых людей, о которой мы должны сказать несколько слов. Это была молодая женщина красоты восхитительной, с голубыми глазами, темными волосами и ангельским лицом. На ней было красное бархатное платье, ее белоснежную шею окружало жемчужное ожерелье непомерной цены. Рука, аристократически изящная, играла веером из редких перьев, но ее задумчивое лицо выражало глубокую меланхолию.

Эти люди более других привлекли внимание наших пажей, прежде чем присутствие их самих было замечено. Но скоро глаза женщины, которую мы описали первой, обратились к ним, и указав на них сопровождающему ее господину, она с улыбкой сделала им знак приблизиться. Они поспешно повиновались и отвесили ей низкий поклон.

– Добро пожаловать в дом мой, – промолвила она. – Раньше чем вы предадитесь удовольствиям, ожидающим вас здесь, вы должны исполнить краткую, но необходимую церемонию. Пойдемте со мною.

Она оставила своего кавалера и повела молодых людей в конец залы. Там они прошли под бархатной портьерой во вторую комнату, а оттуда в

третью, темную и узкую, освещенную одной железной лампой, спускавшейся с потолка.

Едва молодые люди переступили порог, как крик ужаса вырвался у них и они в испуге отпрянули назад.

– Если вы трусы, как вы осмелились явиться ко мне? – произнесла хозяйка. Черты ее обезобразились самым отвратительным гневом, а глаза метали молнии бешенства.

– Нет, мы не трусы и готовы сражаться с живыми... но не с мертвыми, – проговорили пажи со страхом.

– Следуйте за мной, я приказываю вам! – воскликнула хозяйка повелительным тоном, указывая пальцем в глубину комнаты. – Или – горе вам!

Пажи, после новой заминки, решили повиноваться властной хозяйке. И дверь затворилась за ними... но когда она открылась через пять минут, лица их были бледны, губы посинели, а руки так дрожали, что едва сумели вложить в ножны кинжалы, которые пажи держали обнаженными.

Хозяйка же была спокойна, лицо ее опять просияло кроткой и исполненной достоинства, хотя несколько чувственной красотой. Голосом чрезвычайно смущенным пригласила она молодых людей выпить вина из золотых бокалов.

Как только они выпили, румянец вернулся на их щеки, улыбка на губы, пламя в глаза, и, почтительно встав на колени перед хозяйкой, они поднесли ее руку к своим губам.

Она наклонилась и запечатлела жгучий поцелуй на лбу каждого из молодых людей, вложив в их души всю страсть, блиставшую в ее глазах, потом тихо приподняла их и повела обратно в блестящее собрание.

Там она представила Лионеля молодой женщине, о которой мы упоминали, не называя его, ибо у пажей не спрашивали имен, а они не знали имени хозяйки.

– Милочка, – сказала она, – я представляю вам этого молодого красавца, который заслуживает быть посвященным во все таинства нашего сладостного рая, и надеюсь, что вы возьмете на себя такую обязанность.

Не обращая внимания на грусть, разлившуюся по лицу молодой женщины, она представила Конрада другой женщине и, бросив взгляд торжества на обе пары, воротилась к оставленному ею кавалеру, который ждал поодаль.

Впоследствии мы объясним тайны этого неизвестного дома и его безымянных обитателей; теперь же достаточно сказать, что в шесть часов утра Лионель и Конрад, опять надев свои платья, вышли из роскошного

увеселительного дворца. Их глаза опять закрыли капюшоном рясы, и та же самая старуха привезла пажей обратно на кладбище. Оттуда они вернулись в гостиницу, прежде чем проснулся их господин.

Но оставили ли ночные развлечения приятное воспоминание в душах молодых людей? Увы! Действие специального вина кончилось, и с бледными лицами разменивались они взорами печального стыда, припоминая страшную клятву, произнесенную ими.

Глава 19

Совет дворян

В девять часов вечера, на другой день после описанных событий, давно объявленный совет дворян начался в одном из больших готических залов королевского замка в Праге. Человек пятнадцать вельмож собралось на совещание, чтобы обсудить положение Богемии, погруженной тогда в полнейшую анархию. Из всех иностранных государей только герцог австрийский прислал представителя.

В числе дворян находились граф Роземберг, барон Альтендорф и маркиз Шомберг. Последнего, одного из богатейших и влиятельнейших в Богемии вельмож, избрали президентом. Прежде всего он спросил у представителя Австрии верительную грамоту и, рассмотрев ее, обернулся к собравшимся:

– Эта грамота имеет надлежащую силу; рыцарь Эрнест Кольмар действительно представитель герцога австрийского.

– Остановитесь! – вскричал барон Альтендорф, вскакивая и вырывая пергамент из рук маркиза. – У меня есть подозрение.

– Подозрение! – воскликнул Эрнест Кольмар, кладя руку на эфес шпаги. – Клянусь небом, тот, кто осмелится произнести такие слова применительно к моему имени...

– Успокойтесь, рыцарь, – остановил его маркиз. – Не сомневайтесь, что с вами поступят по справедливости. Барон Альтендорф, ваши действия по отношению ко мне и к представителю Австрии...

– Я не признаю его таковым, – перебил барон. – Этот пергамент подложный.

– Подложный! – изумился рыцарь, вставая и глядя на барона с вызовом. – Гордый вельможа, я бросаю тебе в лицо оскорбление и заявляю, что слова твои – гнусная клевета!

В собрании поднялся шум; одни приняли сторону барона Альтендорфа, другие – рыцари Кольмара, но президент призывал к тишине, и барон Альтендорф продолжил:

– Документ, который представил мнимый рыцарь Кольмар, подделан так искусно, что я не удивляюсь, что маркиз Шомберг был обманут. Не говоря уже о том, что никакое придворное звание невозможно применить к тому, кто явился сюда якобы посланником; я утверждаю, что при австрийском дворе нет рыцаря Кольмара и даже имя такое там неизвестно.

Глаза всех собравшихся с гневом и недоверием уставились на рыцаря. Тот на минуту смутился, но скоро к нему вернулось прежнее спокойствие и презрительная улыбка мелькнула на губах. Грациозно поклонившись президенту, Кольмар собирался было обратиться к нему, но, видя, что барон Альтендорф и вельможи, принявшие его сторону, взялись за шпаги, готовые напасть на рыцаря, он гордо встал к ним лицом и, вынув шпагу из ножен, закричал:

– Так-то я должен доказывать подлинность моего поручения и защищать свою честь! Подступайте же, барон Альтендорф, берите с собой всех этих господ, если не осмеливаетесь один на меня наброситься. Но я предупреждаю, что первый приблизившийся к моей шпаге получит справедливую награду за столь гнусное нарушение человеческих прав.

Маркиз Шомберг и граф Роземберг вместе с вельможами, преданными им, бросились останавливать начинающуюся битву.

И когда все успокоились, президент пригласил рыцаря дать объяснение собранию.

Эрнест Кольмар холодно вложил шпагу в ножны, но едва он собрался заговорить, дверь вдруг отворилась и в зале собрания появился страшный Жижка.

Глава 20

Жижка и богемские дворяне

Внезапное появление свирепого начальника таборитов вызвало всеобщий испуг, как ни были храбры благородные богемцы. Они поняли, что Прага и даже замок уже захвачены таборитами.

Оцепенение их продолжалось недолго. Обнажив шпаги, они бросились к Жижке, решив отбиться от врагов или мужественно умереть, отомстив по крайней мере страшному начальнику. Но Эрнест Кольмар кинулся вперед и, закрыв собою Жижку, закричал:

– Остановитесь, благородные вельможи, не начинайте сражения, в котором вы все погибнете! Разве вы не видите, что начальник таборитов пришел с миром, а не с угрозой войны?

Богемские дворяне сделали шаг назад, а Жижка, до сих пор стоявший неподвижно, бросил дружеский взгляд на рыцаря и обратился к собранию:

– Господа, соблаговолите опять занять свои места, и я объясню, на каких условиях вы сможете купить свою жизнь, хотя ваше отношение к этому достойному рыцарю заслуживает сурового наказания.

– Я так и думал! – вскричал барон Альтендорф, более не в состоянии сдерживать свою ярость. – Сей австрийский самозванец – друг и шпион таборитов.

– Если б не было низостью поражать человека, уже лежащего на земле, – холодно произнес Эрнест Кольмар, – я бы заставил тебя проглотить твою ложь.

– Ложь?! – возопил барон. – Да погибнет изменник, осмеливающийся оскорбить меня подобным образом!

Налетев на рыцаря, он попытался ударить его прежде, чем тот принял оборонительную стойку, но Кольмар быстрее молнии обнажил свою шпагу. Оружие скрестилось, и через несколько минут Эрнест выбил тяжелое оружие своего противника, отлетевшее на другой конец залы так, что зазвенело на плитах.

Друзья оттащили барона Альтендорфа назад, спасая от рыцаря, но тот уже вложил шпагу в ножны.

– Клянусь небом! – вскричал Жижка. – Барон заслуживает примерного наказания за то, что осмелился напасть на рыцаря, который гораздо выше вас всех, господа, происхождением и храбростью. Хорошо, если

б он был союзником таборитов, в чем вы обвиняете его, но увы! –

всего вероятнее, он будет их врагом.

Удивленный Эрнест Кольмар подошел к Жижке и прошептал:

– Разве вы знаете, кто я?

– Знаю, – кивнул начальник таборитов.

– Так сохраните мою тайну; я прошу вас именем той дружбы, в которой мы поклялись в вашем лагере, обменявшись перстнями.

– Не бойтесь, я не произнесу ни слова, – ответил Жижка, – ваша тайна в безопасности.

Во время их краткой беседы богемские дворяне, понимая бесполезность вооруженного нападения, вернулись на свои места и начали молча ждать, что им предложит начальник таборитов.

– Господа, – промолвил он, – мое присутствие должно заставить вас сообразить, что всякое сопротивление с вашей стороны бессмысленно. Прага в моей власти, караул обезоружен, мои товарищи окружают вас со всех сторон, и от одного моего слова зависит ваша жизнь. Но я хочу мира, а не гибели и войны для Богемии. Вот чего я требую за вашу свободу. Все мы знаем, что принцесса Елисавета спрятана в замке кого-то из вас. Сокровища последнего короля исчезли вместе с принцессой. В качестве выкупа за вашу жизнь я требую, чтобы мне выдали принцессу и ее драгоценности.

– Клянусь небом! – воскликнул граф Роземберг. – Мне неизвестно, где принцесса, но и в противном случае я бы скорее погиб, чем совершил подобную низость.

– Господа, – продолжал Жижка, – я даю слово, – а вы знаете, что я никогда не нарушаю своих обещаний ни с другом, ни с врагом, – что я стану обращаться с принцессой со всем уважением, какого требует ее происхождение. Но я не желаю предоставлять вам возможность поднять под ее именем знамя войны. Трое из вас – господа Шомберг, Роземберг и Альтендорф – останутся у меня аманатами. Если через шесть недель, день в день, принцесса и ее сокровища не попадут ко мне в руки, я передам моих аманатов палачу. После их смерти я предоставлю вам еще шесть недель, а если и тогда моя просьба не будет удовлетворена, я предам Прагу огню и мечу, разрушу ваши замки. Ко мне, таборитские воины!

И, прежде чем богемские вельможи опомнились от удивления, в каковое их повергли слова Жижки, зала наполнилась солдатами и пленников увели. Других дворян выпроводили из замка; предоставив возможность отправляться куда угодно.

Потом Жижка простился с Эрнестом Кольмаром, и тот медленно побрел к гостинице «Золотой Сокол», думая о роли Австрии в

сложившихся обстоятельствах. Едва сделал он несколько шагов, как его остановила женщина. Она подала ему записку и быстро удалилась, но рыцарь все-таки успел узнать Линду, одну из прислужниц Сатанаисы. А уже входя в гостиницу, он почувствовал, что его тянут за плащ, и, обернувшись, увидал Беатриче. Она приложила палец к губам, призывая к молчанию, и, отдав ему письмо, исчезла подобно легкому призраку, тающему в воздухе.

Рыцарь вошел в гостиницу. Первое письмо было от Этны, второе от Сатанаисы.

Глава 21

Пленница

В той самой комнате замка Альтендорф, где мы уже видели рыцаря Эрнеста Кольмара, тусклые лучи лампы освещали орошенное слезами лицо молодой девушки замечательной красоты. Ей могло быть около двадцати трех лет, и, хотя она была одета как крестьянка, ее отличали природные грация и изящество.

Было десять часов вечера, и луна уже посеребрила речку, протекавшую во рву замка. Именно на этот ров смотрела девушка, ибо она находилась в плену и думала о бегстве от гонителя, похитившего ее и заключившего в комнате необитаемого флигеля замка.

Ходили слухи, будто умершие члены благородной фамилии Альтендорф, не получая прощения небес за свои злодеяния на земле, возвращались в эти комнаты предаваться шумным и грешным празднествам. Говорили, будто тогда из замка доносились радостные крики неистовых тиранов и крики отчаяния их жертв.

Глядя на высокую стену вокруг глубокого, наполненного водою рва, пленница скоро убедилась, что всякая попытка к побегу бесполезна, и уже собралась в отчаянии расстаться с печальным зрелищем, когда взор ее остановился на белой фигуре, скользнувшей между деревьями, росшими возле самого замка.

При этом видении, показавшемся ей сверхъестественным, молодая девушка почувствовала ужас, крик замер в ее горле и ей пришлось прислониться к стене, чтобы не упасть. Итак, слухи о том, что часть замка, где она заперта, посещается привидениями, оправдывались. Так размышляла девушка, пока ее испуганные глаза следили за белым призраком, плывущим среди деревьев не останавливаясь и не оборачиваясь.

Вдруг привидение исчезло так внезапно, точно земля поглотила его или оно растаяло в воздухе. В эту минуту в замке повернулся ключ и Анжела опомнилась: это молодой барон Альтендорф преследовал ее снова, и с большим успехом, чем в первый раз.

Дверь отворилась, и вошел Родольф Альтендорф. Он приблизился с горделивой уверенностью и устремил свои черные глаза на молодую девушку. Но на ее лице он прочел только неизменную решимость с презрением отвергнуть его предложения.

– Вот уже три дня, милая Анжела, как вы живете в замке, – промолвил

он.

– Не добровольно, как вам известно, вы насильно разлучили меня с моими друзьями.

– Выслушайте меня, Анжела, – взволнованно продолжал Родольф, – и узнайте, что я хочу сделать для вас.

– Для чего вы удерживаете меня здесь?! – закричала она. – И каким образом в такие молодые лета вы успели стать столь жестоким и несправедливым?

– Ваша красота, Анжела, свела меня с ума, и вы обязательно будете моею. Выслушайте меня, повторяю, и сами рассудите, благоразумно ли отвергать с презрением мои предложения и с ненавистью мою любовь! О Анжела, не отворачивайтесь! Уже год прошел с тех пор, как случай привел меня в хижину вашего отца. С того времени я вас люблю, с того времени жду улыбки в награду за мою любовь.

– Зачем постоянно твердить одно и то же? – отвечала Анжела. – Не говорила ли я вам всегда, что ваше звание и мое скромное происхождение ставят между нами непреодолимую преграду?

– Да, но моя любовь разрушит все препятствия. Я предложил вам руку вместе с сердцем. Да, я, сын одного из величайших богемских вельмож, хочу повести вас к алтарю, а вы пренебрегаете мною.

– Нет, в моем отказе нет ничего пренебрежительного, напротив: но я отказываюсь от подобной чести.

– Что же тогда удивляться, – вскричал молодой человек, – если я попытался насильно добиться любви, которую вы не отдаете мне с таким невероятным упорством?!

– Господин Родольф! – воскликнула Анжела, зарумянившись от негодования. – Беру небо в свидетели, что ни просьбами, ни угрозами вы не добьетесь от меня любви, ибо в ней вам отказывает мое сердце.

– Молчи, гордая девушка! – прорычал Родольф в припадке бешенства. – Не клянись, чтобы не сделаться впоследствии клятвопреступницей. Я тоже клянусь небом, что ты будешь принадлежать мне. Тебе бы благодарить меня на коленях, что не любовницей ты стала, а возвысишься до звания законной жены. Завтра вечером, в девять часов, в капелле замка будет приготовлен алтарь и придет священник, который нас соединит. Выбирай, тащить тебя к алтарю силой или ты позволишь отвести себя как покорную и счастливую невесту. Верь моей клятве: ты завтра станешь моей женой, если бы даже люди, небо и ад захотели этому воспротивиться.

Родольф, схватив руку Анжелы, прижал ее к губам со всею силою своей необузданной страсти и, прежде чем она успела высвободиться,

оттолкнул девушку сам и выбежал из комнаты.

Анжела, бледная и дрожащая, подавленная горем и страхом, со стоном упала на стул. Но, о ужас! Стон такой же глубокий и горький ответил ей с другого конца комнаты.

Всепоглощающий страх овладел несчастной девушкой. Она бросилась к тому месту, откуда раздался непонятный звук, и, приподняв обои, где ожидала увидеть привидение, начала осматриваться. Но ничто не открылось перед ее глазами, кроме сырых стен. Стараясь убедить себя, что она ошиблась и звук был только отголоском ее собственных вздохов, Анжела вернулась на прежнее место.

Глава 22

Привидение

Сняв с груди небольшую ладанку, Анжела вынула из нее тонкий пергамент со следующими словами:

«Берегись, милая Анжела, барона Родольфа. Если сладкие речи наследника альтендорфского прельстят твой слух и если глаза твои станут отвечать на его взоры любви, эта жалкая страсть кончится кровью и вечным сожалением. Если ты пренебрежешь когда-нибудь моим торжественным предостережением, если ты пойдешь к алтарю с молодым Родольфом, для тебя лучше бы не родиться, ибо проклятие Господа накажет твое преступное неповиновение».

Эту ладанку уже давно отдал ей какой-то незнакомец. Она сохранила ее, и предостережение, заключавшееся в ней, так согласовывалось с инстинктивным движением, заставлявшим девушку отвергать любовь молодого вельможи, что она поверила таинственным словам.

Анжела, погружившись в такие размышления, все более утверждалась в намерении скорее– умереть, чем уступить, когда ее думы прервал легкий стук в дверь. Это не мог прийти Родольф, потому что у него был ключ. Луч надежды блеснул в сердце молодой девушки, она подошла и заметила, что в щель под дверью просовывают пергамент. Она поспешно схватила его и прочла следующие строки:

«За кроватью находится потайная дверь, надавите пружину в ее центре, похожую на гвоздь, – дверь откроется и Вы найдете средство избавиться от угрожающей Вам опасности. Поторопитесь, время не терпит: Родольф может воротиться».

С радостью и надеждой молодая девушка приблизилась к кровати. Она оказалась слишком тяжела для того, чтобы Анжела могла ее отодвинуть, но, к счастью, узкое пространство между кроватью и стеной позволило девушке проскользнуть туда. Проведя ладонью по стене, она отыскала пружину, и дверь отворилась. Не колеблясь она спустилась по лестнице с лампой в руке. Внизу она увидела другую дверь, легко ее открыла и направилась наудачу по длинному и узкому коридору со сводами, не зная, удаляется ли она от своих гонителей или приближается к ним, пока не добралась до круглой комнаты с распятием на стене. Там она стала на колени и после короткой набожной молитвы отворила дверь напротив.

Анжела попала в комнату до того огромную, что лампа с трудом

освещала лишь небольшую ее часть. Однако свет отражался на блестящем предмете, выделявшемся из темноты, и молодая девушка, приблизившись, увидела колоссальную фигуру мадонны.

Она залюбовалась кротким лицом, которое точно улыбалось ей, и уже опустилась на колени, чтобы просить святую Деву покровительствовать ее побегу, когда покрытое саваном привидение, словно появившееся из недр земли позади статуи, медленно приблизилось к ней.

Анжела в неопишемом ужасе дико взглянула на призрак и, поскольку он продолжал двигаться, вскрикнула и упала без чувств.

Глава 23

Белая женщина

Очнувшись, Анжела увидела, что она уже не в той комнате, где так испугалась, и, прежде чем успела дать себе отчет в том, что случилось, нежный и мелодичный голос раздался в ее ушах:

– Не бойтесь ничего, милая девушка, вы не призрак видели сейчас, но существо, испытавшее на этом свете более несчастий, нежели вы можете вообразить.

Анжела обернулась и заметила женщину, лицо которой, чрезвычайно бледное, сохранило остатки былой красоты. На ней была белая ряса кармелиток; возраст же ее трудно было определить, ибо горести гораздо больше, чем годы, наложили на нее свой отпечаток.

– Анжела, – продолжала белая женщина, – я знаю вас, это я послала вам ладанку с предостережением. Но я не могу, не подвергаясь страшным опасностям, открыть вам причины, заставляющие меня действовать, и вы сами, если б вам удалось проникнуть в эту тайну, только увеличили бы несчастья, от которых я страдаю теперь. Я знаю намерения Родольфа и рада, что ваше сердце отвергает его необузданную страсть. Но ни ваши добродетели, ни ваше равнодушие к нему не могут защитить вас ни от его хитрости, ни от насилия. Следовательно, надо бежать прочь от опасного Альтендорфа, от места вашего рождения, от достойных людей, заменивших вам родителей. Готовы ли вы следовать моим советам?

– Да, благородная дама, – ответила Анжела. – Но куда я денусь одна, без опоры, куда я пойду?

– Отправляйтесь в Прагу, там вы найдете графа Роземберга, вашего помещика, он один настолько могуществен, что сумеет защитить вас от преследований Родольфа. Теперь пойдете. Но, прежде чем мы расстанемся, поклянитесь никогда без моего позволения не говорить ни слова о том, что случилось с вами здесь, обо мне, обо всем виденном в замке. Неисчислимы несчастья последуют за единственным неосторожным вашим словом. Могу ли я рассчитывать на полное молчание с вашей стороны?

– Клянусь вам! – воскликнула девушка, став на колени перед своей покровительницей и поднося к губам ее руку в знак повиновения и признательности.

– Да благословит тебя Бог, милое дитя! – промолвила белая дама,

запечатлев продолжительный поцелуй на лбу молодой девушки. – А теперь встань, ночь кончается, а ты должна быть на пути в Прагу до рассвета. Следуй за мной, надо приготовить все необходимое для твоего путешествия.

Белая женщина взяла лампу, отворила дверь в глубине залы и в сопровождении девушки спустилась по крутой лестнице.

Глава 24

Побег

Внизу находился коридор со сводами, похожий на тот, по которому уже шла Анжела. Благодаря массивным стенам он напоминал гробницу.

Через несколько минут Анжела услышала шум воды, и почти сразу белая дама привела ее в комнату маленькую, но громадной высоты. Там глаза девушки устремились на гигантскую машину, уже описанную нами в одной из предыдущих глав. Не понимая назначения странных цилиндров, Анжела, однако, почувствовала холодный трепет: она инстинктивно догадывалась об адском употреблении механизма.

– О! – вскричала она. – Тайный голос говорит мне, что сей предмет, теперь спокойный и безмолвный, несет смерть своими могучими колесами, и когда они приходят в движение, крики несчастных жертв примешиваются к звуку цепей, обвивающихся вокруг балок.

– Молчите, Анжела, – произнесла белая женщина тихим голосом, – вспомните вашу клятву. Забудьте эти мрачные коридоры, эту бронзовую статую, эту ужасную машину – словом, все, относящееся к замку Альтендорф. Увы, увы! Ваша несдержанность может повлечь за собой самые ужасные последствия.

Не ожидая ответа, белая женщина опять сделала Анжеле знак следовать за ней, пересекла комнату и зашагала по длинному коридору, кончавшемуся громадными склепами, поддерживаемыми массивными столбами.

– Здесь, – проговорила белая дама, – находится усыпальница фамилии Альтендорф. Все, носившие это горделивое имя, и мужчины и женщины, погребены под этими сводами.

Она указала Анжеле на памятник из черного мрамора, изображающий лежащую женщину со слегка приподнятыми и сложенными как бы для молитвы руками. С одной стороны монумента была вырезана следующая надпись: «Здесь покоится Эрманда, баронесса Альтендорф, похищенная смертью в расцвете лет и блеске красоты у супруга, нежно любившего ее».

– Это памятник последней баронессе Альтендорф, – молвила белая дама, – жены теперешнего барона и матери Родольфа.

– Бедная женщина! – воскликнула Анжела, вспомнив слухи, ходившие о баронессе. – Она умерла совсем молодой, скоропостижно и загадочно.

– Оставим мертвых в покое, – покачала головой белая дама. – Двадцать

лет прошло после ее смерти, и клевета успела распусть странные слухи, а злословие – повторило их. Но если участь баронессы трогает вас, станем на колени у ее могилы и помолимся за нее.

По окончании молитвы белая женщина опять повела Анжелу. Им пришлось снова идти по длинному подземелью, в котором Анжела непременно заблудилась бы одна.

Наконец они добрались до последней площадки с опускающейся дверью, белая дама легко приподняла ее с помощью потайной пружины. Протянув руку девушке, она проводила ее в небольшую часовню, расположенную в лесу, примыкавшем к правому флигелю замка.

Глава 25

Губерт

Кармелитка старательно закрыла опускающуюся дверь и быстро повела Анжелу к небольшой прогалине в лесу. Там стоял управляющий Губерт и держал оседланную лошадь. Он подал кармелитке кошелек, наполненный золотом, и та протянула его Анжеле. Молодая девушка зашептала слова признательности своей покровительнице и старику Губерту, но последний прервал ее, воскликнув:

– Ради Бога! Не теряйте времени, каждая минута важна, к тому же я должен сообщить вам неприятное известие.

– Что такое? – испугалась кармелитка. – Разве побег Анжелы уже открыт?

– Нет, но барон Родольф получил известие об аресте Жижкой отца, графа Роземберга и маркиза Шомберга. Жизнь этих вельмож в опасности.

– Арестованы! – вскричала кармелитка. – Стало быть, все наши планы, все наши намерения рухнули?

– Нет, – возразил Губерт. – Начальник таборитов теперь всемогущ в Праге, и он поставил перед тремя вельможами такие условия, каких они выполнить не могут. Следовательно, эта молодая девушка немедленно поедет в Прагу и, применив весь свой ум, освободит пленных.

– Вы потеряли рассудок, Губерт, – вздохнула кармелитка, в отчаянии ломая руки. – Что может сделать слабое, незащищенное создание без друзей, в этой орде солдат?

– Сударыня, – заметил старый управитель, – эта девушка очень умна, а опасности, которым она подверглась, доказали ее мужество. Я думаю, что она справится с нашим предприятием, если отдастся ему всем сердцем. Но если успех не увенчает ее усилий, если секира нависнет над головами вельмож, нуждающихся в спасении, если она сама попадет в трудное положение, кто помешает ей заявить начальнику таборитов, что она действует по вашим приказаниям?

– Я понимаю вас, Губерт, – согласилась кармелитка и, обернувшись к Анжеле, добавила: – Поезжайте в Прагу, милое дитя. Эта лошадь ваша, как и кошелек, полный золота. Дорога идет мимо хижины ваших родителей: успокойте их насчет себя, но вспомните свою клятву и не говорите ни слова, которое могло бы даже намекнуть на мое существование. По прибытии в Прагу подумайте о той задаче, что я поручаю вам. Жизнь трех

вельмож находится в ваших руках, да укажет вам Господь, как действовать, а я не могу. Но если все ваши усилия останутся втуне, если смерть неизбежна для них, тогда потребуйте аудиенции у Жижки, бросьтесь к его ногам, покажите этот перстень. Господь решит остальное.

Кармелитка надела на палец Анжелы перстень со сверкающим бриллиантом.

– И еще одно, Анжела, – прибавила кармелитка. – Если вам придется встретиться с могущественным Жиж-кой и использовать силу перстня, чтобы заставить отменить смертный приговор, тогда – но только тогда! – я позволяю нарушить клятву молчать обо мне. В таком случае вы ответите откровенно, без всяких изворотов, без всякой сдержанности на любые вопросы начальника таборита,

– Я в точности исполню ваши приказания, – промолвила Анжела, проникаясь верой в успех своей миссии.

– Прощайте же, милое дитя! – воскликнула кармелитка, прижимая девушку к сердцу в порыве несказанной любви. – Я...

Она внезапно умолкла по знаку Губерта, тихо выпустила из объятий Анжелу и исчезла в глубине леса.

Глава 26

Новое свидание с Сатанаисой

Прошла неделя после того вечера, когда совет дворян столь страшным образом прервал начальник таборитов, и рыцарь Эрнест Кольмар опять направлялся к пустынному саду дворца на свидание с прелестной дочерью сатаны.

Дойдя до террасы, он услышал легкие шаги: гибкая фигура молодой женщины приближалась к нему, и скоро рядом очутилась Сатанаиса.

На ней была та же богатая одежда, что и в первую встречу здесь, и красота Сатанаисы казалась столь изумительной, что, живи она в Древней Греции, ей поклонялись бы как богине.

– Милая Сатанаиса! – вскричал Кольмар, схватив и поднося к губам ее руку. – Благодарю вас за счастье, которое доставляет мне ваше присутствие. Если б вы знали, как я беспокоился за вас с тех пор, как мы расстались! Мне чудится, будто я еще слышу угрозы вашего невидимого врага. Ответьте, умоляю, как я могу защитить вас? И клянусь честью рыцаря, что, предстань предо мной сам сатана, он найдет во мне грозного противника.

– Великий Боже! – вздохнула Сатанаиса. – Вы не понимаете, о чем говорите.

– Напротив, и я готов повторить свои слова, – возразил рыцарь, поддерживая девушку, дрожащую всем телом. – И теперь я более прежнего убежден, что вам угрожает ужасная опасность. Поведайте мне свою историю, Сатанаиса, и, клянусь вам снова, я буду вашим защитником, пускай даже страшная тайна, окружающая вас, принадлежала бы адским силам.

– Выслушайте же эту легенду, загадочную и ужасную, – сказала Сатанаиса, – и судите сами, достойна ли я сочувствия.

Глава 27

История Сатанаисы

«Далеко, очень далеко, в тех восточных странах, богатство которых сравнимо с богатством царей, существовало королевство, где щедрая рука природы, а впоследствии человеческое искусство соединило вместе величие и великолепие. Его могущественные города населяли бесчисленные жители, славившиеся своей красотой и мудростью. Купола дворцов и храмов сияли золотом. На площадях били фонтаны, проливавшие хрустальную воду в бассейны из массивного серебра. Бедность была неизвестна в восхитительной стране, где спелые колосья два раза в год падали под косою жнеца и фрукты точно сами вырастали из плодоносных недр земли. Цветы всех оттенков покрывали луга, как блестящий ковер, и запах их наполнял воздух благоуханием.

Короля этой блаженной страны звали Ильдегримом. Со дня рождения до семнадцатилетнего возраста по закону королевства он находился в строгом заключении во дворце. И вот, когда пышное шествие вельмож государства упало к ногам принца, объявляя, что отец его умер и теперь он властелин сей прекрасной страны, ему показалось, что начинается новая жизнь.

Предоставив управление королевством людям, выбранным им среди наибольших льстецов, он погрузился в удовольствия и разврат, точно хотел наверстать годы вынужденного уныния. Министры с радостью наблюдали, каким путем он пошел, ибо это предоставляло им неограниченную власть.

Никогда более красивый юноша не появлялся на земле: волосы черные и шелковистые, глаза большие, темные, блестящие, горделивая улыбка на губах. Его прозвали Молнией.

Истекло два года, и народ начал роптать:

«Почему Ильдегрим не следует примеру своего отца, заботившегося о наших интересах и защищавшего нас от притеснений сильных?»

Но жалобы не могли достигнуть дворца, и король, обманутый льстецами, считал своих подданных счастливыми и преданными ему.

О всеобщем недовольстве в государстве хорошо знал Мансур, король соседней страны, который давно вознамерился захватить королевство Ильдегрима. Решив, что случай благоприятен, он собрал огромную армию и напал на государство молодого короля, заявляя, что хочет освободить народ от тирании жадных и заносчивых министров и от правления

презренного развратника.

Подданные Ильдегрима, хоть и недовольные своим королем, не пожелали подчиниться иностранному государю; они вооружились и под командованием полководца Карс-Али, которому доверяли, двинулись на неприятеля.

Карс-Али был разбит, и Мансур во главе своих победоносных войск пошел на столицу Ильдегрима.

Эти известия точно гром поразили несчастного государя, пробудившегося от летаргии роскоши и разврата, в которой его держали недостойные министры только для того, чтобы увидеть свое войско уничтоженным, подданных готовыми возмутиться и победоносного врага в двух шагах от столицы.

Бросившись с ложа удовольствий, далеко отшвырнув розовые очки, Ильдегрим внезапно проявил энергию, сообразную угрожавшей опасности.

Облекшись в военную броню, на великолепном боевом коне поскакал он в центр города, призывая своих подданных к оружию. Те, воодушевленные его присутствием, окружили государя, клянясь умереть рядом с ним, защищая свою родину. Он вооружил все мужское население и, не дожидаясь, чтобы неприятель продолжал свои злодеяния, гордо устремился к нему навстречу во главе преданных подданных.

На рассвете завязалась кровавая битва в нескольких милях от столицы, и равнина скоро покрылась мертвыми и ранеными. В пылу сражения король Ильдегрим выказывал чудеса храбрости. Где бы он ни находился, победа повсюду сопутствовала ему, но как только его отзывали на новый пункт, Мансур приводил новые войска и опять выигрывал.

Между тем солнце склонилось к закату и его последние лучи осветили армию Ильдегрима, в беспорядке отступавшую перед победоносным врагом.

Да, молодой король видел, как его войско разбегалось во все стороны. Его усилия, его мужество не могли остановить бегущих. Решив лучше погибнуть, чем пережить известие о поражении и гибели своей страны, он спрыгнул с лошади и стал ждать смерти от первых настигнувших его врагов. Напрасно несколько верных слуг умоляли его спастись бегством, он повелительно приказал им оставить его наедине с печальной участью. И уже в одиночестве несчастный Ильдегрим предался самому сильному отчаянию.

– О, это небесный суд! – вскричал он. – Мои годы разврата и сумасбродств наказаны стыдом, за которым скоро последует смерть. Какой я был безумец! О всемогущий Боже! Приди ко мне на помощь, отведи от

моей столицы приближающегося врага... Увы, увы! Помощи нет. Господь оставляет меня... Ну, сатана! Тебя я умоляю, помоги мне!

И только прозвучали эти слова, как Ильдегрим почувствовал тяжелую руку на своем плече и увидел рядом высокую мрачную фигуру.

– Ты призывал на помощь сатану, – промолвил голос, показавшийся Ильдегриму глухим ревом отдаленного потока, – и сатана не остался глух к твоей мольбе. Говори не колеблясь, ибо войска Мансура надвигаются с яростью урагана.

Тут в темноте блеснул свет, и Ильдегрим разглядел стремительно приближающиеся легионы победителя.

– Спаси меня! – закричал он. – Спаси меня, сатана, от смерти и бесчестья! Спаси мой народ от гибели, мое королевство от нашествия иноплеменных! Сделай это, и я стану поклоняться тебе, я помещу твое изображение в наших храмах...

– Гордый юноша, – перебил его князь тьмы, – что нужды мне до почестей, предлагаемых тобой!

– Тогда сам назначь условия! – вскричал Ильдегрим. – Но поторопись, неприятель уже близко.

– Так слушай, – проговорил демон своим звучным голосом, похожим на отдаленный раскат грома, – ты должен поклясться, что посвятишь мне своего первенца, и через час твои враги рассеяться, как дым, разносимый ветром. Если нет – ты погиб.

– Клянусь! – возопил несчастный государь вне себя.

Едва он произнес эти слова, ему сразу захотелось отказаться от них, но было поздно. Посадив Ильдегрима на свои могучие руки, сатана перенес его к воротам столицы, где столпились беглецы.

Тогда, повинувшись вдохновению, которое внушил ему адский советник, молодой король приказал своим солдатам собраться вокруг него. Голос государя, воодушевленный сверхъестественной силой, оживил их мужество, и, с энтузиазмом вновь вступив в битву, они с бешенством напали на неприятеля, уже подходившего к воротам города.

Но теперь счастье переменилось: князь тьмы невидимо сражался рядом с Ильдегримом. Напрасно Мансур старался сопротивляться неведомому, но непреодолимому влиянию, столь внезапно увеличившему силы молодого короля. Не прошло и часа, как неприятельская армия была рассеяна, подобно дыму, разгоняемому ветром.

Описать восторг подданных Ильдегрима, когда он вернулся в свою столицу, было невозможно. Он сам, упоенный рукоплесканиями, забыл, чем был обязан князю тьмы, и, вернувшись во дворец, оттолкнул

воспоминание о своем помощнике и клятве ему, как пустую мечту своего болезненного воображения».

Глава 28

Продолжение истории Сатанаисы

«Ильдегрим, прибегнув к помощи умных советников, полностью отдался государственным делам. Счастливый народ повсюду благословлял своего государя. Удивлялись только одному: Ильдегрим не женился. Хотя и старался он считать пустым сновидением страшное свидание с князем тьмы, однако воспоминание о нем наполняло его тайным ужасом.

Вельможи, руководствуясь желанием народа, беспрестанно умоляли его изменить положение, вредящее интересам государства. Наконец ему показали портрет дочери грузинского князя. Пораженный ее необыкновенной красотой, Ильдегрим решился-таки просить руки принцессы, и брак был отпразднован с пышностью, достойной обоих государств.

Несколько месяцев спустя королева объявила своему супругу, что скоро станет матерью. Сперва Ильдегрим почувствовал радость, но сразу же ледяная дрожь охватила все его существо: воспоминание о клятве, подобно жгучей молнии, промелькнуло в голове его, и, пытаясь скрыть волнение и замешательство, он немедленно вышел в дворцовый сад.

Тотчас с ним возникла мрачная фигура.

– Скоро, – промолвил князь тьмы, – ты станешь отцом, и я приду требовать исполнения твоего обещания.

– О, сжался, сжался! – закричал несчастный Ильдегрим, бросаясь к ногам саганы.

– Сжалиться?! Кто обращается ко мне с подобной просьбой? – прервал демон голосом, в котором смешивались сарказм и адское торжество. – Это все равно, как если б несчастный, сдавленный кольцами чудовищной змеи, стал просить ее о сострадании. Наше условие существует, твоя клятва записана в аду. Явлюсь в день рождения твоего первенца.

Едва с его презрительных губ сорвались эти жестокие слова, демон схватил своей могучей рукой руку короля. Тот вскрикнул от боли, ибо ему показалось, будто рука его вдруг попала в огонь.

Насмешливый, адский вой раздался в ушах несчастного принца, и после он не видел и не слышал уже ничего, потому что упал на землю без чувств».

Глава 29

Продолжение истории Сатанаисы

«Когда Ильдегрим опомнился, рядом стояла его несчастная супруга. Потрясенный, он рассказал ей все, что случилось с той минуты, как побежало его войско и он, считая себя брошенным небом, обратился к сатане, до той, когда князь тьмы явился напомнить, что он должен исполнить свое обещание.

Исполненная ужаса молодая королева пригласила некое духовное лицо, сопровождавшее ее ко двору, и сообщила ему причину своего отчаяния.

– Не тревожьтесь, – успокоил ее старик, – ребенок не должен принадлежать вам, это правда, но вы можете его спасти. Посвятите дитя всемогущему Богу, повелевающему и демонами, и людьми, и сатана не приобретет над ним власть.

Король и королева поняли, что не существует другого средства спасти их ребенка от ужасной участи, и дали обет в присутствии старика посвятить своего первенца служению Господу.

Едва последние слова были произнесены, шум, подобный тому, какой произвели бы столкнувшиеся крылья, послышался в комнате. Атмосфера стала тяжелой и удушливой, свет принял синеватый оттенок, и демонический хохот поразил слух Ильдегрима и его супруги.

Время шло, и настала минута для королевы сделаться матерью. Полностью доверяя данному им совету, она считала, что ребенок уже не попадет под власть сатаны. Сам Ильдегрим тоже на это надеялся. Но каково же было его изумление и смущение, когда ему доложили, что королева произвела на свет двух дочерей! Значит, одна должна была принадлежать сатане, ведь ее не защищал обет.

Действительно, едва король остался один, перед ним явился князь тьмы.

– Презренный смертный, – сказал он, – ты прибег к моему могуществу в минуту нужды, а теперь стараешься лишить меня должной награды. Но напрасно: из двух родившихся девочек одна посвящена небу, а другая принадлежит мне. Они о. бе вырастут красавицами, но одна будет походить на ангелов, населяющих твердь небесную, а другая получит мрачное великолепие ангелов падших. Эту ты назовешь Сатанаисой, дочерью сатаны. Если ты станешь повиноваться мне, ребенок останется с тобой.

– Я покоряюсь, – вздохнул Ильдегрим, – ребенка назовут Сатанаисой.

– Хорошо, – молвил князь тьмы и продолжил: – Я одарю Сатанаису, мою дочь, красотой столь великолепной в ее мрачном блеске, что никогда свет не увидит более прелестного создания. А по достижении того возраста, когда ее прелести полностью расцветут, самые благородные и храбрые рыцари, охваченные страстью, упадут к ее ногам, умоляя назначить им какое-нибудь опасное предприятие, чтобы доказать свои любовь и смелость. Тогда она заявит им, что адский дух подчинил ее своей власти и для приобретения ее руки и сердца они должны вызвать демона на смертный поединок. Каждый попытается выполнить эту страшную задачу в надежде получить любовь Сатанаисы, а поскольку побежденные будут принадлежать мне телом и душой, красота, которую я дал ей, послужит тому, чтобы быстро и легко населить мое царство.

– Именем всемогущего Бога заклинаю тебя, сатана, – вскричал Ильдегрим, – сказать мне, как дочь моя может избавиться от твоего ужасного влияния!

– Не называй ее своей дочерью, она моя, она носит мое имя! – взревел падший ангел громовым голосом. – Но высшая власть принуждает меня отвечать на твой вопрос. Да, она может откупиться от моего влияния, если христианский рыцарь возьмется защищать ее не для того, чтобы жениться на ней, а из дружбы и сострадания. Она должна найти этого защитника прежде, чем пробьет полночь ее двадцатого года. Потом она будет принадлежать мне без всякой надежды на избавление от моей власти.

Сатана сказал так и исчез, но роковые бедствия, посланные им, начали преследовать моих родных. Подданные моего отца, прежде столь верные, возмутились. Нам пришлось бежать: междоусобная война опустошала государство, и Мансур, воспользовавшийся смутами, снова напал и покорила королевство Ильдегрима.

Отец мой во главе армии, собранной грузинским князем, атаковал Мансура, но был разбит и лишился жизни, проявив чудеса храбрости. Даже грузинского князя изгнали из его владений, и моя мать вместе с нами уехала в Европу.

Почему она избрала убежищем Богемию, я не знаю, но она скоро умерла, а потом последовал за нею в могилу и старый слуга, которому она поручила нас. Уже на смертном одре он рассказал нам эту историю. Эрна пошла в монастырь, а я стала искать рыцаря, который должен спасти меня от ужасной участи...

До сих пор ни один рыцарь не брался напасть на демона, моего властелина, и я уже начала отчаиваться, потому что мне скоро исполнится

двадцатый год. И вдруг я увидела вас, рыцарь Кольмар. Вы предложили мне свою помощь и дружбу в лагере таборитов, моем нынешнем убежище, и тогда я стала надеяться, что наконец избавлюсь от власти демона, притеснявшего моих родных.

И небо говорит мне, что моя надежда в конце концов не будет обманута».

Глава 30

Обет

Произнеся последние слова, Сатанаиса опустилась на колени перед австрийским рыцарем. Никогда красота пленительной дочери сатаны не сияла так ярко. Эрнест Кольмар, онемевший от удивления и оцепеневший от восторга и восхищения, не поднимал Сатанаису.

– О! Говорите, говорите, храбрый воин, не оставляйте меня наедине с жестоким сомнением, – продолжала Сатанаиса. – Вы предложили мне свою дружбу, вы заявили, что, будь даже властелин ада моим врагом, он бы нашел в вас противника. Разве вы сожалеете о своем обещании? Если так, я возвращу его вам. Прощайте, расстанемся, чтоб никогда не видеться более.

– Если бы мне предложили все королевства на земле, – вскричал рыцарь, приподнимая девушку, все еще стоящую на коленях, – я бы и тогда не отказался от своего слова! Беру небо в свидетели, что снова обязуюсь быть твоим защитником и сразится с князем тьмы.

– Ах! Ты храбрейший и благороднейший из рыцарей, – прошептала Сатанаиса взволнованным голосом. – Но подумай, заклинаю тебя, о страшной опасности, которой ты подвергнешься.

– Обет мой уже записал на небесах, – ответил рыцарь, – и ничто не может уничтожить его. Скажи мне теперь, как я доберусь до демона, погубившего твоих родных?

– Итак, если твоя решимость неизменна, вот что ты должен сделать. В полных доспехах, с опущенным забралом, на боевом коне ты отправишься в одиннадцатом часу ночи пятнадцатого числа этого месяца к востоку без всякой свиты, ибо цель твоей экспедиции должна сохраняться в глубокой тайне. Поезжай шагом, около полуночи остановись. Тогда у тебя будет достаточно времени, чтобы дать твоему коню отдохнуть перед страшной битвой. Когда пробьет час ночи, твой противник появится из окружающего мрака. Таинственный и безмолвный, предстанет он пред тобой, и тогда, храбрый воин, да пошлет тебе Господь удачу! Но если ты проиграешь, если злой дух одержит над тобою победу, тогда покорись условиям, которые предпишет тебе сатана; они не коснутся ни веры твоей, ни чести. Этим ты обезоружишь его, и он ничего не сможет против тебя сделать.

– Наберись мужества, милая Сатанаиса! – воскликнул рыцарь, прижимая ее к сердцу. – Все, что ты сказала мне, нисколько не изменило моего намерения. Обещай только, что в ту ночь, когда станет решаться твоя

участь, во время битвы ты будешь молиться всемогущему Богу, чтобы он защитил меня. Если я вернусь победителем князя тьмы...

– Тайные знаки предупредят меня о твоей победе. Недалеко отсюда расположена часовня, запертая таборитами, но я могу войти туда. Там я проведу роковую ночь, там я буду за тебя молиться.

– Туда я приду к тебе, если одержу победу... А если нет... Но я полагаюсь на правоту моего дела и на свою добрую шпагу, – улыбнулся царь со свойственной ему доверительностью.

– А теперь прощай, мой храбрый и благородный защитник! – промолвила Сатанаиса. – Прощай. Да защитят тебя все ангелы небесные в опасной битве. До тех пор мы не должны видеться: небо решит, вечна ли наша разлука.

Сатанаиса медленно повернулась, чтобы удалиться, но Эрнест Кольмар удержал ее и, прижав к сердцу, покрыл лоб, лицо и губы девушки страстными поцелуями. Около минуты она оставалась словно в оцепенении в руках рыцаря, но потом, точно пораженная внезапной мыслью, вырвалась из его объятий.

– Помните, – закричала она, – помните, что только одна дружба делает вас моим защитником!

Снова повернувшись, она исчезла из глаз Эрнеста Кольмара с быстротой призрака.

Глава 31

Поручение

Несколько дней уже Прага находилась во власти таборитов. Аманаты были заперты в крепости, где Жижка устроил свою штаб-квартиру; но то ли из чувства чести, то ли по неведению никто не выдал убежища наследницы богемского королевства.

Однако рыцарь Кольмар, тронутый участием принцессы, которая, по его мнению, была в плену у монаха, и его самого притеснявшего, позвал Лионеля и Конрада.

– Вы знаете, – начал он, – что командир таборитов хочет захватить принцессу богемскую, но я намерен этому воспрепятствовать. Австрия сама предложит ей убежище. Почти наверняка скрывается она в окрестностях Праги, и я поручаю вам найти ее. Действовать следует очень осторожно, ибо предприятие сопряжено с опасностями, ведь кроме таборитов вам нужно остерегаться одного человека, начальника некоего тайного общества, да и всех членов этого общества тоже. Они будут силой или хитростью, мечом или ядом защищать свои секреты. Я уверен, что именно они охраняют богемскую принцессу, но не могу дать более подробных объяснений. Итак, я поручаю вам это важное задание. Если вы справитесь с ним, то окажете Австрии и мне великую услугу.

Пажи, радуясь служить своему господину, с энтузиазмом взялись за вверенное им поручение, и тотчас после их отъезда рыцарь Кольмар отправил важные депеши великому канцлеру австрийского герцогства.

Глава 32

Битва

Ночь 15 августа выдалась тяжелая и бурная. Порывы ветра бешено врывались в узкие улицы Праги, наполняя их свистом, и темень стояла такая, точно ее породил крепкий, осязаемый туман.

Часовые в замке уже сменились, когда рыцарь на великолепном боевом коне, в прекрасной стальной броне, с длинным копьем в руке медленно направился к восточным воротам города.

К великому его удивлению, караульные отворили ему ворота, ни о чем не спрашивая. Едва он проехал по подъемному мосту, разразилась неистовая гроза. Именно такую ночь, полную грома и молний, демон должен был выбрать, чтобы покинуть свое адское жилище и явиться воевать с людьми.

Однако рыцарь не останавливался, по-прежнему направляясь к востоку и время от времени обращаясь к небу с молитвой защитить его в битве с властелином мрачного царства.

Проехав столько, сколько говорила ему Сатанаиса, он слез с лошади, внимательно посмотрел, все ли в порядке в его доспехах, проверил седло и подпруги и, опять сев на лошадь, огляделся вокруг.

В эту минуту темнота исчезла, как по волшебству, луна осветила прогалину, где находился рыцарь, и на фоне близлежащего леса возник всадник гигантского роста, в тяжелой броне, на сильном боевом коне, столь же черном, как и доспехи незнакомца.

Рыцарь Кольмар, вонзив шпоры в бока лошади, устремился на своего противника, и тот тоже понесся как ураган. Натиск был ужасен. Копья с громом ударились о броню. Земля задрожала под тяжестью могучих коней.

Копье рыцаря Кольмара разбилось на тысячу кусков о доспехи черного всадника, который даже не зашатался, между тем как защитник Сатанаисы, сбитый с лошади, упал на землю без чувств.

Победитель, наклонившись к своему противнику и подняв его забрало, влил ему в рот что-то из маленькой склянки. Едва багряный напиток смочил губы рыцаря Кольмара, он почувствовал пламя в груди и жизнь вернулась к нему. Он понял, что проиграл, понял опасность, угрожавшую его бессмертной душе, и полную гибель надежд Сатанаисы.

Но победитель, все не поднимая забрала, заговорил голосом, точно доносящимся к Эрнесту Кольмару из ада:

– Ты принадлежишь мне, самонадеянный воин, и по собственной вине ты подчинен моей власти, ибо любовь, а не дружба сделали тебя защитником Сатанаисы. Я знал, одаривая ее мрачной сверхъестественной красотой, что никогда она не внушит холодного чувства дружбы, а возбудит весь энтузиазм, всю силу самой страстной любви. Однако ты можешь выкупить свою душу и тело, и условия ничем не оскорбят твои жалкие человеческие слабости. Клянешься ли покориться мне?

– Да, – ответил Кольмар. – Я побежден и обещаю выполнить твои условия, если ты не потребуешь ничего такого, что может повредить рыцарской чести и христианской вере.

Услышав подобные речи, черный всадник сделал резкое движение, но, поборов себя, продолжил:

– Итак, ты должен будешь уехать через неделю из Праги и вернуться в Вену, никогда больше не видеться с Сатанаисой, проводить в Вену Этну и целый год не вмешиваться в дела Богемии.

– Я готов это исполнить, – согласился Кольмар. – Но что станет с Сатанаисой?

– Она вернется в свое королевство на Востоке, куда ее призывают подданные.

Внезапно оживление, возвращенное рыцарю выпитой им жидкостью, исчезло: он почувствовал, что им овладевает тяжесть, которую невозможно победить, и точно во сне ему показалось, будто фигура черного всадника, приняв колоссальные размеры, исчезла в воздухе. Когда он опомнился, черный всадник пропал, а над рыцарем склонялось нежное женское лицо.

Глава 33

Встреча

– Вы ранены? – спросила молодая женщина, – спрыскивая Кольмару лицо холодной водою. – Чем я могу быть вам полезна?

– Благодарю, прекрасная незнакомка, – ответил рыцарь, с трудом приподнимаясь. – Меня выбил из седла страшный противник, но я не ранен, хотя и лишился чувств при падении. Однако, если не ошибаюсь, я вас уже видел, и вы щедро платите за услугу, которую я имел счастье вам оказать.

– Ах! Я вас тоже узнаю! – вскричала девушка. – Это вы вырвали меня из рук служителей барона Ро-дольфа.

– Так это он велел вас похитить? Теперь я понимаю его недостойное поведение со мною и заставлю его раскаяться. Но скажите, каким образом вы очутились здесь, далеко от жилища ваших родителей?

– Я еду в Прагу по важному делу, – просто объяснила Анжела, повинувшись приказанию кармелитки.

Лошадь Эрнеста Кольмара, ускакавшая после падения своего хозяина, прибежала обратно и остановилась возле рыцаря; тот тихо ее погладил и, повернувшись к девушке, сказал, слегка вздрагивая:

– Уедем из этого гибельного места; я провожу вас до Праги, если покровительство побежденного рыцаря чего-нибудь для вас стоит.

Девушка согласно кивнула, оба сели на лошадей и направились к столице Богемии.

– Когда покинули вы альтендорфские земли? – спросил рыцарь.

– Десять дней назад, – ответила Анжела. – Я знаю, что четырех дней обыкновенно хватает, чтобы добраться досюда, но мне пришлось часто останавливаться во избежание опасных встреч и пережидать ночи. Я бы и сегодня утром вас не встретила, если бы не одно приключение. Вчера вечером я остановилась в маленькой гостинице близ дороги, хотела переночевать там. Пока я ужинала, в залу вошел монах. Его обращение с хозяином и хозяйкой показывало, что он хорошо им известен: с ним говорили очень уважительно. Он заявил, что переночует в гостинице и поедет в Прагу на другой день, а потом взглянул на меня. Капюшон его был приподнят, и мы узнали друг друга, потому что виделись в замке Альтендорф. Должна вам сказать, что молодой барон Альтендорф похитил меня несколько дней назад и запер в своем замке, но я убежала.

– Как называл монаха трактирщик? – спросил Кольмар.

– Отец Киприан, – ответила Анжела.

– Отец Киприан! – воскликнул рыцарь. – Мне он известен, я чуть было не сделался жертвою его вероломства... Но, пожалуйста, продолжайте, Анжела.

– Монах, – заговорила опять девушка, – видя мой испуг, постарался меня успокоить. «Не бойтесь ничего, – сказал он, – и мои планы, и моя монашеская обязанность повелевают мне защитить вас. Вы едете в Прагу, завтра я вас провожу». Потом, прочтя в моих глазах непонимание того, как он, в монашеской рясе, появится среди таборитов, он прибавил с насмешливым видом: «Я вижу ваше удивление, но завтра я так переоденусь, что даже самый близкий друг меня не узнает». Потом он спросил, есть ли у меня друзья в Праге, а когда я ответила отрицательно, предложил представить меня одной благородной даме, известной своим доброжелательством и гостеприимством и имеющей в окрестностях Праги богатый дворец. Он заверил, что меня наверняка примут дружелюбно.

– Называл он эту даму? – поинтересовался рыцарь, начиная что-то подозревать.

– Нет, – сказала Анжела. – И, прежде чем я успела дать согласие, пожилая женщина почтенной наружности вошла в залу. Монах сразу направился к двери и сделал женщине знак следовать за ним. Я устала и пошла в свою комнату. А там я услышала голоса в соседнем помещении, отделенном от моего тонкой перегородкой.

«Я принесла вам одежду, – произнес женский голос, – и жидкость, чтобы сделать лицо темным».

«Хорошо, – сказал монах, которого я тотчас узнала, – а известия о той, которую мы ищем?»

«Тоже, – ответила женщина. – Сестра Марьета в Праге, и вы можете свершить свою месть».

– Дальше, пожалуйста! – вскричал рыцарь Кольмар, быстро представив сцену, происходившую в пещере близ лагеря таборитов, и вспомнив, что сестра Марьета не кто иная, как Этна.

– При такой новости, – продолжала Анжела, – монах вскрикнул от радости, а женщина спросила:

«Если вам удастся схватить Марьету, как она будет наказана?»

«К чему подобный вопрос? – строго заметил отец Киприан. – Вы же сами входите в число представителей трибунала Бронзовой Статуи».

Разговор на этом кончился или, по крайней мере, стал таким тихим, что более я его не слышала. Побуждаемая неясным предчувствием, я

решила уклониться от общества монаха, осторожно выбралась из гостиницы, велела оседлать свою лошадь и поскакала в Прагу, еще дрожа от неопределенного страха. Вот почему я встретила с вами, рыцарь, ночью в этом уединенном месте.

Рассказ девушки заставил рыцаря понять, что она знает все или часть тайн замка Альтендорф, но поскольку она не намекала на то, что видела, он не стал спрашивать ее. Он только посоветовал ей остановиться в гостинице «Золотой Сокол», и оба, погрузившись в размышления, погнали своих лошадей вперед. Скоро они добрались до городских ворот, в которые рыцарь выезжал несколько часов назад.

Хотя были отданы строгие приказания никого не впускать в Прагу и не выпускать из нее, таинственное покровительство помогало рыцарю: часовые пропустили его вместе со спутницей.

В гостинице «Золотой Сокол» Анжела обратилась к хозяйке, и та отдала ей свою комнату. Поскольку пажи рыцаря Кольмара не явились помочь господину снять оружие, он решил, что они отправились выполнять его поручение.

Глава 34

Грезы

Эрнест Кольмар, сняв с себя доспехи сам, попытался найти на постели отдохновение, в котором так нуждался, но сон его тревожили ужасные картины случившихся за день происшествий. Он увидел себя в дикой, пустынной местности сражающимся с обитателем адского царства. Его мрачное лицо грозно наклонялось к рыцарю, чтобы продиктовать условия победителя. Потом ему показалось, будто звучный голос смягчился, колоссальная фигура превратилась в женскую, и страшное лицо адского духа, сохраняя сверхъестественную красоту, приняло черты Сатанаисы. Действительно, наклонившись к нему, освещенная бледными лучами лампы, горевшей в его спальне, великолепная дочь сатаны смотрела на Кольмара с трогательным выражением нежности и меланхолии.

– Сатанаиса, это вы? – спросил Кольмар тихим голосом, ибо в появлении мрачной красавицы в тот час, когда ночь покрывает своей мантилей обитателей земли, было что-то торжественное и таинственное.

– Да, это я, дочь сатаны, пришла поблагодарить тебя за мужество, которое ты выказал для меня, возвратив мне, по крайней мере отчасти, свободу. Но пришла я, увы, проститься с тобою навек. Завтра, прежде чем рассветные лучи отразятся от вершин домов Праги, я буду на дороге к моей родной стране. Такова моя судьба. Сверхъестественная сила, позволившая мне увидеться с тобою сегодня, решила, что этот раз будет последним. Но, раньше чем мы расстанемся навсегда, я стану умолять тебя еще об одной услуге. Та же неисповедимая судьба, что принуждает меня покинуть Европу и воротиться на Восток, повелевает Этне не ехать со мною. Мы должны разлучиться, и для нее прошу я твоего покровительства.

– Говори, Сатанаиса, я исполню все, чего ты потребуешь, – сказал рыцарь, удивляясь, что одно из условий, предписанных духом тьмы, так легко исполнить.

– О, спасибо, рыцарь с благородным сердцем! – воскликнула мрачная гурия. – Завтра, когда солнце пройдет половину своего небесного пути, ты встретишь Этну в одном из боскетов у реки. Она сама расскажет, какой помощи ожидает от тебя. Теперь прощай, прощай, о мой возлюбленный! Судьба одерживает верх, прощай навсегда!

Произнеся последние слова голосом, дрожащим от волнения и любви, Сатанаиса наклонилась и запечатлела жгучий поцелуй на губах рыцаря. Он

протянул руки, чтобы прижать ее к груди, но встретил пустоту: дочь сатаны исчезла. В ту же минуту лампа погасла и в комнате воцарилась тишина и темнота.

Эрнест Кольмар, не понимая, спит он или нет, старался собраться с мыслями. Но чем больше пытался он осмыслить происшедшую сцену, тем больше сомневался в ее действительности. Наконец он почувствовал такую усталость и такое измождение, что опустился на постель в глубоком сне.

Проснувшись на другой день, он удивился, не увидев своих пажей. Их продолжительное отсутствие пугало его. К тому же он поклялся своему черному победителю покинуть Прагу, не вмешиваясь в дела Богемии, и хотел прекратить поиски принцессы Елисаветы.

Он наскоро оделся, спустился в большую залу «Золотого Сокола» и спросил хозяйку, не оставили ли его пажи какого-нибудь сообщения. Получив отрицательный ответ, он попросил хозяйку осведомиться у Анжелы, нужны ли ей его услуги. Но к своему величайшему изумлению, он узнал, что она утром уехала из гостиницы, ничего никому не сказав.

Глава 35

Анжела спасена

Солнце уже пробежало половину своего пути, и рыцарь Кольмар, верный обещанию, направился к тому месту, где должен был встретить Этну. Находясь еще под впечатлением событий, так быстро следовавших одно за другим в последние часы, он задумчиво ехал по цветистым берегам Молдовы, когда, приподняв глаза, увидел в реке тонущую женщину, увлекаемую быстрым течением. Он тотчас узнал очаровательное личико Анжелы и, повинувшись порыву своей великодушной натуры, бросился в воду. Девушка уже протянула ему руку, но, когда он хотел схватить ее, Анжела исчезла под водой. Рыцарь нырнул, приложив сверхъестественные усилия, поймал девушку за платье и вытащил, бесчувственную, на берег.

Он начал уже опасаться, что появился слишком поздно, но скоро легкий румянец покрыл ее щеки, глаза раскрылись и дико посмотрели на рыцаря. Но при звуках его голоса память вдруг вернулась к ней; девушка поняла, что случилось и кому она обязана своим спасением. Взгляд, брошенный ею на Кольмара, был наполнен самой живой признательностью и, нужно сказать, самой глубокой любовью.

В эту минуту послышался легкий шум прибрежных деревьев. Кольмар обернулся и заметил прекрасную Этну.

Выражение удивления и радости разлилось по лицу прелестной девы неба, ибо мокрые платья молодой девушки и рыцаря сказали ей об опасности, которой они подверглись. Но при виде нежной красоты Анжелы радость ее сменилась мрачной гримасой ревности. Запрятав это чувство в глубине сердца, она приложила к губам свисток из слоновой кости, и уже через минуту из боскета появились Беатриче и Линда с двумя таборитами.

– Поручаю вам эту молодую красавицу, – сказала Этна своим прислужницам. – А вы, друзья мои, – обратилась она к солдатам, – проводите рыцаря в свою палатку и дайте ему одежду на смену. – Потом, повернувшись к Эрнесту Кольмару, она тихо промолвила: – Я подожду вас здесь, если вы пожелаете поговорить со мною.

– Этна, – ответил рыцарь, – я пришел сюда просить ваших приказаний.

Между тем Линда и Беатриче приподняли Анжелу, и та объявила, что вполне может идти. Рыцарь сделал знак солдатам, и все, за исключением Этны, последовали за таборитами.

Шагов через двести проводники остановились на поляне, где

находились двенадцать палаток и возвышался щегольский шатер. Туда Линда и Беатриче ввели Анжелу, дабы окружить ее заботой, в которой она нуждалась.

Офицер таборитов снабдил Эрнеста Кольмара одеждой, и рыцарь, узнав от девушек, что Анжела вне опасности, и, поблагодарив солдат, отправился туда, где должен был найти Этну.

Глава 36

Кинжал Этны

Этна медленно прохаживалась по цветистому берегу Молдовы, лоб ее задумчиво хмурился, плечи были печально опущены, выражение меланхолии омрачало лицо. Она вспоминала, как Кольмар ухаживал за молодой девушкой, спасенной из воды.

Вдруг из лесу появилась пожилая женщина, один вид которой произвел странное и страшное действие на прелестную девушку.

– Демон, зачем ты пришел сюда?! – вскричала она, и ее блестящие глаза заметали молнию на пришлицу, стоявшую перед нею холодно и спокойно.

– Сестра Марьета, – сказала та, – хочешь воротиться к нам? Тебя ожидает теплый прием, прошлое будет забыто...

– Презренная! Как смеешь ты делать мне подобное предложение?! Неужели ты думаешь, что я вернусь в этот монастырь живая...

– Я говорю не о монастыре, сестра Марьета, – перебила старуха, – но о том земном рае, где при звоне серебряного колокола в полночь...

– Молчи, молчи! Приказываю тебе! – угрожающе воскликнула Этна в бешенстве почти адском.

– Сестра Марьета, твой гнев совсем не пугает меня, и я буду предостерегать тебя до тех пор, пока останется еще время покинуть таборитов. Приди, говорю тебе, ты будешь принята благосклонно. Но если ты откажешься, предупреждаю, твой приговор будет произнесен и Бронзовая Статуя потребует своей жертвы.

– Негодная женщина, я презираю твои угрозы, – промолвила Этна уже более спокойно. – Если бы не клятва, которую я дала перед отвратительными и страшными свидетелями, я сообщила бы Жижке такие сведения, что он моментально уничтожил бы вашу общину, превратил ваши дворцы в пепел и жестоко отомстил всем тем...

– Ага! Но твоя клятва удерживает тебя! – саркастически закричала старуха с адским торжеством.

– Остерегайся оскорблять меня, Марта, – сказала Этна, покраснев от гнева. – Да, я обещала молчать, но не обещала щадить моих врагов.

В эту минуту Марта, быстро оглядевшись вокруг и решив, что такое уединенное место вполне подходит для осуществления намерения, задуманного ею сейчас, внезапно выхватила кинжал, который до сих пор

прятала, и закричала:

– Если не хочешь погибнуть, ты последуешь за мною!

Этна с быстротою молнии тоже вытащила из-под складок своей одежды кинжал с длинным и острым лезвием; сталь блеснула на солнце и полностью погрузилась в грудь Марты.

Без единого стога, без малейшего содрогания старуха повалилась к ногам Этны как раз тогда, когда появился рыцарь Кольмар.

– Не судите обо мне худо! – воскликнула Этна умоляющим голосом. – Эта женщина угрожала мне: посмотрите, вот ее кинжал. Я погибла бы, если бы не опередила ее.

– Печальна твоя участь, девушка! – произнес Кольмар с состраданием. – Тебя нельзя осуждать, ибо речь шла о твоей жизни: вот доказательство угрозы, принудившей тебя нанести роковой удар. Но всегда прискорбно видеть, как нежная рука женщины обагрится кровью. Забудем это страшное происшествие, и пусть даже следов не останется.

Схватив труп Марты, он бросил его в реку.

– Теперь, – продолжал рыцарь, – скажи мне, чем я могу тебе помочь? Через несколько дней я уезжаю из Праги в Вену; я не намерен более задерживаться в столице Богемии.

– Ты возвращаешься в Вену? – промолвила Этна. – О! Если бы я смела...

– Говори откровенно, – перебил ее Кольмар. – Я поклялся Сатанаисе повиноваться тебе во всем. Считаю тебя братом.

– Как мне изъяснить тебе свою благодарность? – отвечала Этна. – Я сама желаю поехать в Вену с Линдой и Беатриче, которых отдала мне сестра.

– Позволь же мне и моим пажам проводить тебя, – сказал Кольмар. – Через шесть дней я отправляюсь в путь. Сатакаиса, верно, сообщила тебе причины отъезда?

– Да, я знаю все, – кивнула Этна. – Настанет день, когда я объясню тебе все непонятное, и твои сожаления смягчатся, но теперь я не имею права говорить. С благодарностью принимаю твое предложение проводить меня в Вену. Через шесть дней, на рассвете, я присоединюсь к тебе за воротами, ведущими на дорогу в Австрию. Но, прежде чем проститься, ответь, кто эта молодая девушка, которую ты вытащил из воды? Вероятно, после такого потрясения ей придется остаться у меня на несколько дней.

– Она приемная дочь честных крестьян из окрестностей замка Альтендорф, – сказал Эрнест Кольмар. – И хотя она скромного происхождения, ее красота и добродетель заслуживают твоего

гостеприимства.

– Ты говоришь о ней с жаром, – заметила Этна с некоторой горечью.

– Я многим обязан ей, – объяснил рыцарь. – Прошлой ночью, проиграв в несчастной битве за твою сестру и оставшись лежать на земле без чувств, я был спасен ею и, вероятно, обязан ей жизнью. Поручаю ее твоим попечениям. Но прощай; через шесть дней буду тебя ждать.

Рыцарь и прелестная дочь неба расстались. Первый отправился в Прагу, я вторая в свой шатер, но по пути она повторяла следующие странные слова:

– Он мой, он мой!

Глава 37

Лионель и Конрад

Получив от своего господина приказание отыскать принцессу Елисавету, Лионель и Конрад осведомились у Тремплина, не существует ли ее портрета. Выяснив, что во дворце богемского короля прежде висел портрет, они отправились туда и после долгих и бесполезных поисков добрались наконец до небольшой богато украшенной комнаты, на стене которой действительно находился портрет молодой, прелестной принцессы. На рамке был вырезан королевский герб. Но каково было удивление обоих пажей, когда они узнали в принцессе даму, которой Лионеля представили тем вечером, что сопровождали столь романтические обстоятельства: при одном воспоминании о них пажи еще дрожали!

Они тотчас решили увезти принцессу из этого гнусного места.

Несколько дней блуждали они по Праге и ее окрестностям в надежде найти старуху-проводницу и убедить ее опять послужить проводником, но поиски их оказались бесполезными.

Вечером пятнадцатого августа, в тот самый день, когда рыцарь Кольмар должен был сражаться за Сатана-ису, пажи, прогуливаясь по валу, заметили величественную даму, направляющуюся к южным воротам города.

Проходя мимо них, она вскрикнула от радости и, приподняв вуаль, сделала молодым людям приветственный знак. Те узнали хозяйку праздника во дворце, куда так желали попасть опять. Они поспешили поклониться ей и сказать, что были бы очень счастливы, если бы она приняла их во второй раз. Дама отвечала, что желание их исполнится этим же вечером, и уговорила пажей следовать за нею.

Они добрались до живописного кладбища, опять закутались в монашеские рясы, сели на лошадей и через час приехали в таинственный дворец. Там, как и в первый раз, они переоделись, и, когда прозвенел серебряный колокол, возвещавший полночь, массивные двери отворились и пажи вторично попали в храм удовольствий.

Глаза их немедленно обратились к женщине, чей портрет они видели: пажи ни минуты не сомневались, что находятся рядом с принцессой Елисаветой.

К великой радости молодых людей, хозяйка, как и в первый раз, представила Лионеля принцессе.

– Без сомнения, вы не узнаете меня, – сказал молодой человек.

– Я вас не забыла, – ответила она кротким и каким-то жалобным голосом. – Но как вы попали сюда вторично?

– Важная причина, касающаяся вас, заставила нас вернуться. Вы ведь знакомы с рыцарем Кольмаром. Это он нас послал.

– Стало быть, Австрия еще со мной, – вздохнула принцесса. – Да, рыцарь Кольмар был здесь около трех недель назад. Но как вы отыскали место моего заключения... то есть мое убежище? – поправились она. – И каковы ваши намерения?

– Я служу рыцарю Кольмару, – ответил молодой человек, – и по его приказанию хочу увезти вас отсюда под покровительство Австрии.

– Боже мой! Как я буду вам благодарна! А что вы приготовили к побегу?

– Ничего, потому что мы не знаем, где находимся. Мы полагаемся только на наше мужество и шпаги. Повелевайте, а мы будем повиноваться.

– Тогда нельзя терять ни минуты, – заметила принцесса. – Совсем скоро все двери запрут. А пока мы можем пройти так, что на нас не обратят внимания. Ваш товарищ тоже с нами?

– Да, – ответил Лионель, – он уже покинул свою даму. По какой дороге мы побежим?

– Тут есть подземный ход, ведущий на волю, – объяснила принцесса.

Они направились в переднюю медленно, чтобы не возбудить подозрения, спустились по мраморной лестнице и попали в большую залу, случайно оказавшуюся пустой.

– До сих пор нам все удалось, – заметила принцесса, – а теперь начнутся трудности и опасности.

С этими словами она отворила маленькую, но массивную дверь под мраморной лестницей, и молодые люди увидели еще одну лестницу, верхние ступени которой освещались лампами из залы. Пажи и принцесса бросились туда и заперли за собою дверь. Конрад захватил зажженную лампу, чтобы освещать путь.

Но едва сделали они несколько шагов по сводчатому коридору, как со всех сторон раздались крики удивления и ярости, и вооруженные люди в черных масках устремились на принцессу и ее провожатых. А потом появился Киприан с факелом.

– Не убивайте их! – закричал он. – Это новые жертвы для Бронзовой Статуи и «поцелуя» Девы!

Глава 38

Путешествие

При виде монаха и замаскированных людей принцесса пронзительно вскрикнула и в отчаянии всплеснула руками. Лионель и Конрад взялись за шпаги, но сопротивление было бесполезно: их окружало человек двенадцать. Пажей обезоружили, закутали в рясы с капюшонами и повели по мрачным коридорам. А крики принцессы Елисаветы говорили о том, что ее возвращают туда, откуда она напрасно пыталась бежать.

Ни слова не произнесли те, в чьей власти находились пажи. Они быстро миновали многочисленные коридоры, наконец тяжелая дверь повернулась на петлях и свежий ночной воздух ударил пажам в лицо сквозь капюшоны. Потом послышался громкий голос Киприана, приказывающий готовиться к отъезду.

Молодых людей посадили на лошадей и привязали. Отряд пустился в путь, проехал по подъемному мосту и поскакал крупной рысью по дороге, которую пажи с закрытыми лицами узнать не могли. Путешествие продолжалось в величайшем молчании всю ночь, с первыми лучами рассвета отряд остановился у небольшой гостиницы. Веревки были развязаны, капюшоны сняты, и пажам предложили разделить общий завтрак.

Всадников было четверо, не считая Киприана, которому подали завтрак на отдельном столе. Монах съел только кусок хлеба и выпил стакан воды.

Скоро опять сели на лошадей; к пленникам применили те же меры предосторожности, только не надели капюшонов, и лошади, освеженные отдыхом, скакали с новой энергией.

Ехали еще два дня, останавливаясь лишь подкрепиться. Пажи поняли, что двигались они той самой дорогой, которая вела от замка Альтендорф в Вену.

Утром, на третий день, отряд добрался до места, где дорогу пересекал узкий рукав Молдовы. Через реку был переброшен деревянный мостик для пешеходов, но всадникам пришлось ехать вброд. Едва они направились к реке, как лошадь монаха, возглавляющего процессию, так резко отпрянула в сторону, что менее искусный всадник вылетел бы из седла. Отыскивая причину ее испуга, монах заметил труп женщины, запутавшийся в траве возле берега. Он отвернулся и погнал лошадь вперед, но всадники,

следовавшие за ним и привыкшие к зрелищу смерти в самых отвратительных ее видах, направились к телу. Оно еще хорошо сохранилось, и лицо, хотя несколько раздутое, легко было узнать, да и одежда мертвой не оставляла сомнения. Пажи тоже посмотрели на утопленницу и с ужасом узнали ту, которая возила их в первый раз в дом, ставший для них гибельным.

– Это Марта! – воскликнул Киприан. – Но почему она утонула!

– Ее убили! – вскричал один из всадников, вытаскивая кинжал, оставленный Этной в груди несчастной женщины.

Киприан взял оружие и, едва разглядев тонкое, гибкое лезвие и богатую рукоятку, вскрикнул от бешенства и мрачно скривился. После минутного размышления он спрятал кинжал под рясой и, обернувшись к своему отряду, сказал:

– Это открытие меняет мои планы. Я должен воротиться в Прагу, ибо, если клятвопреступная сестра Ма-рjeta идет в наступление, наши друзья попадут в опасное положение. Продолжайте ваш путь и исполните все так, как исполнили бы при мне.

Всадники сделали безмолвный знак согласия, и Киприан уже собрался поворачивать обратно, когда Лионель попросил выслушать их наедине.

– Удалитесь, – сказал монах всадникам.

Те отъехали на несколько шагов, и молодые люди остались с монахом одни.

– Я не знаю, – начал Лионель, – какую участь вы назначаете нам, однако должен просить вас подумать, прежде чем вы решитесь на последнюю крайность. Это и в ваших интересах, и в наших, потому что господин, которому мы служим, страшно отомстит на нанесенное оскорбление.

– Вы говорите о том, кто назвался Эрнестом Кольмаром? В таком случае ваша угроза не страшна для меня: мне известно о вашем господине больше, чем вы думаете.

– Вы его знаете? – вскрикнули молодые люди.

– Да, я знаю, что он самозванец, – усмехнулся монах. – Каким-то образом он захватил письмо, посланное мною герцогу австрийскому, и воспользовался этим документом, чтобы употребить во зло мое доверие. Мало того, сфабриковав фальшивые бумаги, он стал, мнимым посланником принца Альбрехта. Нам это известно, потому что один из наших людей навел в Вене необходимые справки и выяснил, что никакого Кольмара вовсе не существует ни при дворе, ни среди вельмож. Если бы не Жижка, для которого он, без сомнения, шпионит, месть Бронзовой Статуи уже

настигла бы его, хотя он сумел ускользнуть в первый раз, о чем наверняка вам рассказывал.

– Мы не слышали таких подробностей, – возразил Лионель, – но вы очень ошибаетесь. Для спасения собственных жизней я открою вам тайну нашего господина и убежден, что, узнав о том, какая опасность заставила нас говорить, он простит наше предательство, ибо он столько же великодушен, сколько храбр и могуществен. Приблизьтесь же, потому что вы один должны услышать мои слова.

Удивленный Киприан приблизился к Лионелю, тот наклонился в седле и что-то прошептал ему.

– Клянусь небом, теперь я понимаю все! – вскричал монах. – Да, теперь мне все ясно. Экий я дурак, что не догадался!

– Значит, вы возвратите нам свободу? – обрадовался Конрад.

Монах несколько минут не отвечал, погруженный в мысли, рожденные новым открытием. Наконец он обратился к молодым людям:

– Вас обоих посвятили в таинства дома, где вы видели принцессу Елисавету?

Краска стыда, покрывшая щеки пажей, была самым красноречивым ответом для бенедиктинца.

– И вы ничего не говорили об этом своему господину? – продолжал он.

– Нет, нет!!! – закричали в один голос пажи. – Мы связаны страшной, торжественной клятвой в присутствии ужасных свидетелей...

– Коли так, вам не представится случая нарушить ее, – грозно промолвил Киприан.

С этими словами он сделал знак всадникам, и те подъехали. Он дал им несколько кратких инструкций и поскакал в Прагу.

Несчастные пажи только теперь поняли, что предательство, вместо того чтобы принести пользу, лишь приблизило их смертный приговор. Но они не могли поделить друг с другом мыслями, потому что их стража так погнала лошадей, что не дала возможности разменяться даже несколькими словами.

Отряд продолжал скакать до замка Альтендорф. Там верховые свернули в лес, о котором мы упоминали и который простирался до самых стен. Всадники остановились, спешили и заставили спрыгнуть на землю своих пленников. Скоро один из караульных, посланный вперед, воротился с пожилым человеком, и пажи тотчас его узнали: это был Губерт, управляющий замка.

Взгляд, брошенный им на пажей, доказал, что и он узнал их. Молодым людям почудилось даже, что на лице старика отразилось сострадание и

сочувствие. Но если так, то выражение это быстро исчезло, и пажи скоро уже ни на что не надеялись, наблюдая, как управляющий шепчется с начальником отряда.

– Следуйте за мною, – сказал старик минуту спустя, – и не шумите, потому что при первом же вашем крике о помощи вам немедленно завяжут рот.

Он поднял опускающуюся дверь, расположенную в маленькой часовне, и за ней обнаружилась лестница с узкими ступенями. Пленники и стража спустились вниз. Губерт шел впереди с фонарем. Пройдя по сводчатым коридорам, они очутились в склепе с мраморными гробницами, потом в зале со страшной машиной. Ужас, вызванный этим зрелищем, заставил пажей начать сопротивляться, несмотря на веревки, связывавшие им руки, но их принудили идти дальше до тех пор, пока они не попали в громадную залу, где находилась колоссальная бронзовая статуя.

Не позволяя пленникам останавливаться, караульные повели их в круглую комнату, где лежал кусок гранита и в нише стояло распятие.

– Опуститесь на колени, молодые люди, – сказал Губерт, – и примиритесь с небом, ибо через несколько минут ваша земная жизнь закончится.

Едва встали они на колени перед распятием, послышался заунывный звук колокола. Отворилась дверь, и три человека высокого роста, в черных рясах, с лицами, закрытыми капюшонами такого же цвета, молча вошли в комнату.

– Для чего нас призвали? – спросил один из них глухим, замогильным голосом.

– Исполнить месть Бронзовой Статуи! – торжественно ответил Губерт.

Глава 39

Управляющий и пажи

При появлении палачей молодые люди вскочили и бросились обниматься. Видя, что смерть так близка, они со слезами говорили друг другу вечное прости.

– Эти слезы недостойны нас, – сказал наконец Лионель, – надо мужественно перенести нашу участь.

– О, если бы она ждала нас на поле брани! – воскликнул Конрад. – Но быть убитыми в каком-то подземелье!..

– Время не ждет, молодые люди, – заметил старик Губерт. – Кончили вы молиться Богу, христиане?

Пажи сделали знак, что они готовы, и в последний раз упали на колени перед распятием.

– Вы можете уйти, – сказал Губерт замаскированным стражникам. – Ваши услуги здесь не нужны. Осужденные принадлежат теперь служителям Бронзовой Статуи, и вам нельзя присутствовать на церемонии «поцелуя» Девы.

– Мы это знаем, Губерт, – ответили караульные. – Мы ждали только вашего приказа, чтобы удалиться.

– Тогда следуйте за мною, – продолжал управитель, взяв лампу, – Я вас провожу до места, откуда дорогу вы уже найдете.

Молодые люди остались в темноте. Описывать их тоску, пока стояли они рука об руку, ожидая казни, было бы слишком горестно и слишком долго, ибо мысли пажей переносились к счастливым дням их юности, к погибшим надеждам и нежным личикам Линды и Беатриче.

– Когда же конец?! – воскликнул Конрад. – Это ожидание слишком жестоко, пусть нас ведут на смерть.

– На смерть! – повторил воротившийся Губерт. – Нет, мои юные друзья, вы, конечно, пострадали, но я не мог раньше вас предупредить.

Три человека в черной одежде палачей сбросили с себя печальные платья, и удивленные пажи, еще дрожа, но уже наполняясь надеждой, увидели кроткие и печальные лица, сходство которых говорило о близком родстве.

Губерт дотронулся до пружины, спрятанной в стене, и молодые люди, как и три их новых товарища, вышли в бесшумно отворившуюся дверь, так искусно спрятанную в стене, что непосвященный человек никогда бы не

поверил, что она там находилась.

Зала, открывшаяся за дверью, была обширна и высока, меблирована просто, но прилично и, по-видимому, назначалась для многолюдных собраний.

Губерт сделал молодым людям знак сесть, а три брата подали им вина и фруктов и ушли, оставив их с управляющим.

– Милые дети, – сказал им старик, – я смог избавить вас от ужасной смерти, но не в состоянии вернуть вам свободу. Теперь вы умерли для света, если только какое-нибудь счастливое, но неизвестное мне событие не уничтожит всевластия Бронзовой Статуи.

Тут отворилась дверь, и пажи увидели на пороге женщину в белой рясе кармелитки.

– Молодые люди, – обратилась к ним белая женщина нежным голосом, согласовывавшимся с ее прелестным лицом, – добро пожаловать в это мрачное жилище. Увы! Я не в силах вернуть вас друзьям – вы простились с ними навсегда, – но вы будете здесь не одни. И не сомневайтесь: я сделаю все возможное для того, чтобы сократить ваше заточение.

– Будем надеяться, – начал старик Губерт, – что ваши дела в Праге...

– Да, Губерт, – перебила кармелитка, – Господь направляет нас иногда самым необыкновенным путем, используя для достижения цели самых обычных людей. Поэтому, несмотря на долгие годы жестоких разочарований, душа моя сохраняет веру во Всемогущего, а порой даже надеется.

– Милостивая государыня! – вскричал Лионель, преклоняя колена. – Дай Бог, чтобы вы возжелали чего-нибудь, что позволило бы нам доказать свою безмерную благодарность. Мы обещаем отдать свои жизни при первом вашем знаке и будем ждать его с упованием.

– Упование и надежда свойственны вашим летам, – молвила кармелитка. – И было бы преступлением и безбожием говорить, что надежды нет.

Пажи не успели ответить на ее утешительные слова, потому что в эту минуту четыре двери, которых они прежде не заметили, отворились и пропустили двадцать мужчин в черных платьях и почти столько же женщин в белых кармелитских рясах. Они подошли к белой женщине и с уважением поклонились ей. У всех были печальные, но смиренные лица. Это были жертвы, которых белая женщина спасла от «поцелуя» Девы.

Глава 40

Прибытие в пражский замок

Когда Этна воротилась в свой шатер среди таборитских палаток, начальник ее свиты сообщил, что получил от Жижки приказание проводить девушку в замок со специально подготовленными комнатами, и Этна, ожидавшая этого известия, ответила, что палатки можно убирать и что она готова ехать. Потом она отправилась к Анжеле и, увидев, что та еще слишком слаба для самостоятельного передвижения, предупредила о том, что ее перевезут в замок.

С величайшим трудом удалось Анжеле сдержать свою радость при этой новости. Пленники, которым она поклялась помочь, были заключены именно в пражском замке, туда ей надо было попасть, и Провидение открывало Анжеле дорогу без всяких усилий с ее стороны. Она сумела, однако, преодолеть свое волнение и поблагодарила Этну за заботу.

Анжелу поместили на носилки; рядом, на великолепном коне, ехала Этна под густым покрывалом, Линда и Беатриче тоже были верхом на прекрасных лошадях. Таборитские воины провожали их до самого замка.

Как только Анжела вошла в назначенную ей комнату, с нею сделалась горячка вследствие вынесенных волнений и она надолго слегла в постель.

Глава 41

Четыре дня прошло с тех пор, как Эрнест Кольмар расстался с Этной, а оба пажа не показывались в гостинице «Золотой Сокол».

Беспокойство рыцаря увеличивалось ежечасно. Ему оставалось пробыть в Праге только два дня: как же в такое короткое время сумеет он отыскать храбрых молодых людей?

Пока Эрнест Кольмар предавался своим печальным размышлениям и начинал уже отчаиваться, внезапно его озарило воспоминание о разговоре с Тремплином по приезде в Прагу.

Была ли правда, спрашивал он себя, в рассказе о трех братьях Шварц, которых видели сопровождаемых всадниками в черных масках не только близ Праги, но и в окрестностях замка Альтендорф? Почему этой легенде не быть правдой? Разве его, Кольмара, не захватили замаскированные всадники и не повезли по австрийской дороге мимо замка Альтендорф? И разве Киприан не угрожал ему Бронзовой Статуей и «поцелуем» Девы? Тот же Киприан хотел похитить Этну в пещере возле лагеря таборитов; именно его слышала Анжела в гостинице, когда он пугал Марьету страшной статуей.

Бронзовую Статую и непонятную машину рыцарь видел в подземелье замка Альтендорф, следовательно, там должен заседать тайный трибунал, одним из главарей которого был Киприан. А когда братья Шварц исчезли, они работали в доме баронессы Гамелен. Не туда ли Киприан собирался доставить Анжелу? Не к ней ли привозили его, рыцаря Кольмара, и не у нее ли он видел принцессу Елисавету? В таком случае, баронесса либо сообщница монаха, либо последний обманывал ее, но так или иначе, именно в ее доме собирались члены страшного трибунала Бронзовой Статуи. Пажи, отправленные на поиски принцессы Елисаветы, вероятно, добрались до нее, но, скорее всего, попали в плен к членам трибунала.

Эти мысли, сначала смутные, наконец полностью завладели рыцарем. Но только лишь выяснить участь пажей было недостаточно, следовало их спасти, а каким образом? Выпросить у Жижки таборитов и окружить замок Гамелен было легче легкого, но такое означало выдать ему принцессу Елисавету и вмешаться в дела Богемии, а Кольмар дал клятву воздержаться от этого.

Что же делать? Действовать одному? И рыцарь решился. Оставалась только одна трудность – найти средство пробраться в дом баронессы.

Целый день прошел в размышлениях, и Эрнест Кольмар был вынужден отложить до завтра исполнение своего намерения.

Следующий день, предпоследний из тех, которые ему позволили провести в Праге, рыцарь потратил, придумывая способ проникнуть в проклятый дом Гамелен. Он просил аудиенции у баронессы, но его посыльного отправили обратно без ответа.

Тогда, решив заставить принять себя любым путем, даже силою, если это потребуется, хотя и сознавая, насколько опасна и сомнительна такая попытка, Эрнест Кольмар отправился к Тремплину за последними необходимыми сведениями. Но не успел он и рта раскрыть, как хозяин гостиницы заговорил первым:

– Не желаете ли вы узнать имя вон той дамы благородной наружности, что идет по улице, ведущей к мосту?

– Кто она? – воскликнул Кольмар, охваченный предчувствием близости своей цели.

– Это баронесса Гамелен, – ответил Тремплин.

– Слава Боту! – вскричал рыцарь и, оставив трактирщика изумляться этому восклицанию, устремился к баронессе.

Она была богато одета, по ее плечам небрежно развевалось покрывало. Ее высокий рост и величавая осанка сильно поразили рыцаря, а когда, опередив ее на несколько шагов, он обернулся, то увидел, что красота ее лица соответствовала чудной симметрии форм.

«Возможно ли, чтобы женщина столь благородной наружности была сообщницей убийц и агентом тайного трибунала?» – подумал Кольмар.

В эту минуту баронесса, очарованная мужественной красотой рыцаря, ловко уронила свое покрывало, и ветер отнес его в сторону. Рыцарь поспешил поднять накидку и подать ее баронессе. Та приняла свою вещь, бросив на рыцаря нежный взгляд.

– Осмелюсь спросить, – сказала она, – кому я обязана признательностью за столь вежливый поступок?

– Меня зовут Людвиг Габсбург, – ответил рыцарь.

– Вы приезжий? – продолжала баронесса.

– Я прибыл только несколько дней назад, – пояснил Кольмар, – и должен уехать завтра или послезавтра наверняка. Но я вынуждаю вас стоять на улице, – добавил он, – когда мне бы следовало предложить проводить вас домой.

– Я живу довольно далеко от Праги, – промолвила баронесса, опуская покрывало на лицо и медленно шагая рядом с рыцарем.

– Как бы ни велико оказалось расстояние, я буду счастлив

сопровождать вас, – заявил рыцарь.

Баронесса Гамелен промолчала, но ускорила шаги и, добравшись до городских ворот, остановилась.

– Если вы перейдете за укрепления, – сказала она, – вам будет трудно вернуться в город: часовые таборитов запирают ворота на ночь.

– Что же мне делать? – вздохнул Кольмар. – Я так хочу проводить вас, где бы вы ни жили, но я не здешний и решительно не представляю, где смогу переночевать, если мне не позволят вернуться в гостиницу.

– Если вы действительно желаете сопровождать меня, рыцарь Людвиг Габсбург, – отвечала баронесса, – то можете не сомневаться, что встретите в моем доме самое радушное гостеприимство. Но предупреждаю вас, – прибавила она, бросив на рыцаря пламенный взгляд, – что дом мой – обитель развлечений и любви, и туда должны входить только те, кто мечтает насладиться всеми удовольствиями, доставляемыми хорошим столом, красотой, музыкой и танцами.

– С восторгом принимаю приглашение в такое восхитительное место! – вскричал Кольмар.

– Не колеблюсь более, – кивнула баронесса. – Но вам придется покориться кое-каким предосторожностям, ибо дорогу к моему дому вам знать нельзя.

– Приказывайте, благородная дама, – сказал Кольмар, – я готов повиноваться, а необычность этого приключения добавляет в него новое очарование.

– Пойдемте же, – молвила баронесса, подавая руку рыцарю и быстро увлекая за собой.

Скоро они дошли до кладбища, о котором мы так часто упоминали. Лошади были готовы, и человек, уже встречавшийся Кольмару, держал в руке монашескую рясю.

Дрожь пробежала по телу рыцаря. Ему подумалось, что человек этот наверняка его узнает и предупредит баронессу.

Но его опасения не подтвердились, и слуга безо всякого удивления подал ему рясю. Рыцарь надел ее, капюшон завязали и пустили коней галопом.

Глава 42

Анжела

В тот самый вечер, когда происходили описанные события, Анжела, оправившись от несчастного случая, который мог кончиться очень плохо, просталась с Этной.

– Куда вы направляетесь, Анжела? – говорила прелестная дочь неба. – Не думайте, что я спрашиваю из пустого любопытства, но из симпатии к вам и дружеских чувств.

– Пока я не могу ничего объяснить, – отвечала Анжела. – А ухажу я, желая избавить вас от опасностей и трудностей, сопряженных с предприятием, приведшим меня в Прагу.

– Еще одно слово, – сказала Этна. – Вы сообщили о своей встрече с отцом Киприаном: не доверяйтесь ему никогда, бегите, как от змеи, а в особенности отказывайтесь от гостеприимства любого порекомендованного им лица.

– Благодарю вас, – поклонилась Анжела. – Я обещаю последовать вашим советам. Я и так не доверяла ему, ведь он, говорят, один из самых могущественных членов некоего страшного тайного общества.

– Не пренебрегайте же моими предостережениями относительно этого человека, – побледнев, молвила Этна дрожащим голосом. – А теперь, если вы едете, прощайте навсегда, потому что я тоже оставляю завтра Прагу и Богемию, чтобы никогда более не возвратиться.

С такими словами она поцеловала молодую девушку, и та сразу ушла.

Спустившись по ступеням, приведшим ее к мосту с причаленными лодками, Анжела попросила караулившего их старика дать ей маленькую лодочку, с которой легко управиться. Сторговались скоро. Еще Анжела попросила лампу и все необходимое для того, чтобы зажечь ее. Старик улыбнулся, подумав о какой-нибудь любовной интриге, требовавшей тайны и осторожности. Он сразу дал Анжеле то, что она хотела, и рассказал, как обращаться с лодкой.

Анжела, получив предметы, нужные для смелого предприятия, замышляемого ею, быстро оттолкнулась от пристани и полетела вниз по течению.

Скоро она заметила высокие башни и массивные стены пражского замка. Направив лодочку к крепости, она проникла в узкий подземный канал, ведущий внутрь замка. Молодая девушка не могла унять дрожь,

очутившись в темноте под мрачными сводами, ведь во времена богемских королей ходили слухи, будто неугодные заключенные тайно умерщвлялись в тюрьме замка и ночью перевозились по мрачному каналу, чтобы потом остаться выброшенными в водах безмолвной, глубокой реки.

Но, призвав на помощь все свое мужество, девушка заскользила по каналу со столь страшной скоростью, запали» лампу и поручив себя небу. Течение быстро уносило ее вперед..

Глава 43

Героиня

Сверхъестественная сила духа прелестной девушки позволила ей вверить свой утлый челнок безмолвной, быстрой реке, врывающейся в подземный канал.

Скоро лодка, увлекаемая быстрым течением, сильно ударилась о другую лодку, гораздо большую, причаленную у каменной лестницы; ее ступенями, выходящими из воды, канал кончался. Анжела ловко уцепилась за нижнюю ступеньку, прикрепила свою лодку к железному кольцу, вбитому в стену, и, взяв свою лампу, поднялась по лестнице, погруженной в полную темноту. Наверху ее остановила запертая дверь, К счастью, петли до того заржавели, что сломались при первом прикосновении. Анжела, отворив дверь, пошла дальше и скоро добралась до большой залы с самым разнообразным оружием на стенах. Анжела попала в арсенал богемских королей. Эту дорогу объяснил девушке ее приемный отец, служивший прежде в крепости: Анжела виделась с ним на пути в Прагу.

Анжела заметил[^] доспехи, очевидно, предназначенные для юноши или для молодой амазонки. Шлем с красными перьями казался очень легким, а рядом на стене висела длинная тонкая шпага. Девушка вынула ее из ножен и с любопытством осмотрела богатую резьбу на изящном эфесе и блестящую сталь лезвия, гибкого, как тростник.

Анжела умела владеть шпагой. Приемный отец, старый солдат, научил ее пользоваться разным оружием, и ловкость у Анжелы заменяла мускульную силу.

Шпага эта, точно специально сделанная для нее, подала девушке мысль надеть броню амазонки. Готовясь к встрече с таборитскими часовыми, она поняла, что рассеет все подозрения, если выдаст себя за пажа Жижки, идущего с поручением к пленным. Она поспешно надела доспехи, и те, к счастью, пришлись ей впору: их сделали для одной из прежних богемских принцесс. В своем новом наряде она смело зашагала вперед, не заботясь о производимом шуме и поставив лампу в углу залы, чтобы укрыть ее от ветра. Скоро она пересекла двор, на который выходили окна тюрьмы, где томились пленные вельможи, и храбро постучалась в дверь, расположенную внизу.

Скоро внутри мелькнул свет, и голос таборитского часового спросил: «Кто тут?»

– Отворите, – сказала Анжела, – я пришел к пленникам от генерала.

Часовой торопливо отодвинул тяжелые запоры, и Анжела вошла в низкую сводчатую залу, освещенную железной лампой.

– Поднимитесь по этой лестнице, – сказал часовой. – Когда выйдете на площадку, увидите коридор, именно там их камеры, закрытые на наружные засовы. Но отворяйте только одну дверь сразу, потому что, если пленники станут сопротивляться, мы не справимся с ними вдвоем, а остальные караульные далеко, они не скоро услышат наши крики.

– Не беспокойтесь, – ответила Анжела. – Я исполню ваши указания дословно.

Воодушевленная успехом, до сих пор сопутствовавшим ее предприятию, Анжела проворно поднялась по лестнице, вошла в длинный коридор, отворила дверь и очутилась лицом к лицу с одним из заключенных.

Тот встал и посмотрел на нашу героиню с любопытством, смешанным с опасением, ибо посещение паж Жижки в такой час показалось ему подозрительным, но чистосердечие, отражавшееся на очаровательном личике Анжелы, успокоило его.

– Кто ты, молодой красавец? – спросил он, приметив, что посетитель как будто конфузится начать разговор.

– Я друг, – ответила Анжела. – Но позвольте узнать, с кем я имею честь беседовать?

– С маркизом Шомбергом, – сообщил тот.–

А теперь тоже скажите, кто вы и каким образом сумели добраться сюда?

– Мое имя не значит ничего, – заметила девушка. – Я пришел вас освободить.

– Возможно, и так, – согласился маркиз. – Но вдруг ваше посещение скрывает измену? Тем более что вы упорно не называете своего имени.

– Меня зовут Анжел Вильдон, – заявила девушка. – А теперь, маркиз, выслушайте меня, не прерывая. Между вами и свободой только один таборитский солдат. Необходимо обезвредить его. Но я требую, чтобы жизнь ему сохранили. С таким условием вы побежите со мной из крепости?

– Конечно, прекрасный паж, я пойду за вами без опасения и недоверия...

– Хорошо, – перебила Анжела. – Я сообщу вашим товарищам о том, что явился освободить их.

Она вышла, отворила соседнюю камеру и увидела барона

Альтендорфа, которого встречала несколько раз, но тот не знал ее. Она быстро объяснила ему то же, что и маркизу Шомбергу, и отвела барона в камеру маркиза. Потом отправилась к графу Розембергу.

– Ваше сиятельство, – сказала она, – я пришел возвратить свободу вам и двум вашим товарищам по заключению.

Граф несколько минут смотрел на молодого пажа молча, потом заметил:

– Я уже видел вас, дорогой мой, хотя не помню где.

– Не думаю, – проговорила девушка, – чтобы мы когда-нибудь встречались с вашим сиятельством, но моя сестра, Анжела Вильдон, часто рассказывала о ваших милостях к ее родителям.

– Анжела Вильдон ваша сестра? А я думал, что у нее нет родных.

– Да, я ее брат, – продолжала наша героиня, решив скрыть свое имя. – Меня зовут Анжел, и я вам предан. Я поклялся освободить вас или погибнуть. Но не будем терять время, каждая секунда промедления увеличивает опасность.

В эту минуту к ним присоединились два других заключенных, и они быстро составили план действий. Анжела пошла первой, а пленники, под защитой темноты, сзади, но достаточно близко, чтобы защитить ее в случае надобности. Добравшись до солдата, она сказала, что уже уходит.

– Недолго же вы оставались, – заметил таборит.

И не успел он открыть рот, чтобы продолжить фразу, как Анжела бросилась на него с силой и быстротой молодого тигра. Внезапность нападения не позволила солдату защититься. Анжела опрокинула его и, приставив кинжал к горлу, пригрозила смертью, если он вскрикнет. В это время барон, граф и маркиз подоспели на помощь к своему спасителю. Часового связали, рот ему заткнули кляпом и заперли его в пустой камере первого заключенного.

Потом беглецы вышли на двор, проникли в арсенал и выбрали себе оружие, чтобы суметь защититься в случае нападения. Затем, под предводительством Анжелы, они отыскивали лодку, прикрепленную к кольцу в стене.

В легком челноке поместились все четверо, и скоро лунный свет, серебривший Молдову, возвестил, что освобождение их свершилось. Вельможи стали благодарить своего спасителя за неоценимую услугу, но тот прервал их, напомнив, что они должны поскорее решить, как упрочить возвращенную свободу и что им предстоит ехать всю ночь для того, чтобы убежать подальше от Жижки. Не вызывало сомнения то, что, узнав об их побеге, Жижка повсюду разошлет солдат на поиски.

Вельмож поразила справедливость замечаний молодого человека, выказывающего теперь столько же благоразумия, сколько он выказал мужества, освобождая их. Барон Альтендорф, пошептавшись с маркизом Шомбсргом, обратился к графу Розембергу:

– Я знаю одну благородную даму, имеющую замок недалеко от Праги, давайте отправимся туда. Вы, конечно, слышали о баронессе Гамелен. Она встретит нас гостеприимно и найдет нам лошадей из своей конюшни. Кроме того, она даст нам провожатых, чтобы защититься от нападений таборитов.

– Имя баронессы известно и уважаемо всеми, – сказал граф Роземберг. – Я был бы рад с ней познакомиться.

– Итак, в Белый Дом! – воскликнул барон Альтендорф. – Направьте лодку к противоположному берегу.

– Надеюсь, наш молодой спаситель тоже отправится с нами, – прибавил граф. – Ведь теперь мы обязаны помогать ему, защищать его, словом, окружать безграничной заботой.

И маркиз и барон полностью присоединились к словам графа. Между тем лодка достигла берега, все вышли и быстро зашагали к Белому Дому за бароном Аль-тендорфом, который объявил, что знает кратчайшую дорогу.

Анжела с удовольствием согласилась присоединиться к тем, кого она спасла. Дело ее в Праге кончилось, и она думала о том, как ей увидеться с альтендорфской белой женщиной.

Глава 44

Приключения в Белом Доме

Теперь мы должны вернуться к Эрнесту Кольмару, которого оставили с баронессой Гамелей.

Путь преодолели скорее, чем в первый раз, хотя рыцарь заметил, что они опять делали бесполезные объезды, чтобы сбить его с толку. Когда на большом дворе сняли капюшон, закрывавший лицо Кольмара, он узнал это место.

Баронесса, не подозревая, что рыцарю известно, где он находится и кто она, с приятной улыбкой пригласила его следовать за нею и в большой зале поручила его пажам. Те по великолепной лестнице проводили его наверх, в комнату с костюмами.

Баронесса же отправилась в будуар, облачилась в роскошный наряд и не пренебрегла ничем, чтобы подчеркнуть свою красоту, которая, однако, вполне могла обойтись без заимствованного блеска.

Пробило уже десять часов, когда баронесса закончила одевание и паж пришел доложить ей, что приехал отец Киприан и требует немедленного свидания. Она отправилась в гостиную, где в ожидании ее ходил большими шагами монах.

– Как вы скоро воротились! – воскликнула баронесса. – Вы, должно быть, не останавливались ни днем ни ночью. Но отчего вы так взволнованы? Разве пажи ускользнули от вас и не получили наказания за свою смелость?

– Нет, они погибли, как заслуживали, – ответил монах с жестокой улыбкой. – Но их господин, Эрнест Кольмар, еще свободен.

– Чего же нам бояться? – удивилась баронесса.

– От него всего можно ожидать, – заявил монах.–

Кольмар очень опасен. Зачем, если он не имел враждебных намерений, ему понадобилось пробираться сюда, хотя его посыльного отправили без ответа? Впрочем, его план удался, ибо теперь он здесь. Сторож на кладбище узнал его, и я поспешил отвратить удар, угрожающий нам. И еще об одном я должен поговорить с вами.

– Я слушаю, – сказала баронесса, – У нас еще час до полуночи.

– Во-первых, – продолжал монах, – ответьте, все ли ваши слуги налицо?

– Марты нет с того самого вечера, когда она повезла вам платье в

придорожную гостиницу.

– Она была убита и брошена в реку Марьетой, или Этной, как она любит называть себя. И вот доказательство, – прибавил монах, вытаскивая из-под рясы длинный гибкий кинжал, который он вынул из груди Марты.

– Да, это кинжал Марьеты, я его узнаю, – произнесла баронесса, рассмотрев оружие. – Но вот уже несколько дней, как совершено было убийство, а нового ничего не случилось. Вероятно, Этна действовала вследствие какой-то ссоры или в порыве гнева. Вряд ли она изменила своей клятве. А в день своей смерти не исполняла ли Марта какого-нибудь вашего поручения?

– Да, мы хотели схватить Анжелу Вильдон, которую я встретил в замке Альтендорф. Она, должно быть, слышала наш разговор с Мартой в гостинице у дороги, разговор опасный, если о нем станет известно. Но воротимся к рыцарю. Каким образом! вы познакомились с ним?

– Я увидела его на улице в Праге, поразила бланкетом его осанка и позволила ему заговорить со мной. Он, кажется, меня не знал и представился Людвигом Габсбургом.

– А по-моему, – заявил монах, – просто он хотел пробраться в этот дом. Доказательством тому – фальшивое имя. Но как действовать? Я впервые не понимаю, что я должен делать и на что решиться.

– Он в нашей власти! – вскричала баронесса. – Мы можем страшно наказать его за замышляемую измену. Почему вы колеблетесь? Каждый раз, как враг или предатель попадал к вам в руки, вы решались быстро, ваши приказания тотчас исполнялись, и Бронзовая Статуя хватала свою жертву. Какой же талисман защищает этого австрийца от вас? Не самозванец ли он, как выяснил наш человек в Вене?

– Все правильно, но вы забываете, что рыцарь

Кольмар привез верительные грамоты, подписанные герцогом австрийским и великим канцлером герцогства, а барон Альтендорф стер подписи специальным химическим составом.

– В таком случае австриец не самозванец, и наш посыльный в Вене ошибся, – заметила баронесса.

– Он совсем не самозванец, – торжественно произнес монах. – Он имеет полное право называться не только рыцарем и не только Кольмаром, но и Габсбургом. Пажи открыли мне тайну своего господина, объяснившую все до сих пор непонятное.

– Говорите же! – воскликнула баронесса. – Кто он, этот Эрнест Кольмар, и почему вы не решаетесь отдать его Бронзовой Статуе?

Киприан приблизил губы к уху баронессы и прошептал несколько слов

еле внятным голосом.

– Теперь мне ясна ваша неуверенность, – кивнула она. – И я боюсь, не попадем ли мы в беду.

– Не пугайтесь заранее, – сказал монах. – Возможно, он желает только увидеть принцессу Елисавету, возможно, просто ищет своих пажей, предполагая, что они приехали сюда. Во всяком случае нам необходимо узнать причину, руководящую им, прежде чем решить, что делать. Вы должны пойти к нему.

– Хорошо, – согласилась баронесса после минутного размышления, – я встречу с ним в Фарфоровой галерее. Но если к половине первого я не вернусь, знайте, что мне грозит опасность и требуется помощь.

– Договорились, – сказал Киприан. – В назначенное время я сам приведу вооруженных слуг.

Баронесса вышла из гостиной, где происходило это продолжительное совещание, и остановилась на минуту отдать приказание пажу:

– Эрмах, проводите гостя не в залу, а в Фарфоровую галерею.

Паж поклонился, и баронесса направилась к галерее.

Глава 45

Баронесса и рыцарь

Фарфоровая галерея была одной из достопримечательностей Белого Дома. Несмотря на небольшие размеры, она не могла не вызывать восторга. Построенная с редким совершенством, она служила хранилищем великолепнейшего европейского фарфора.

Туда-то и отправилась баронесса Гамелен ждать Эрнеста Кольмара.

В это время молодой паж Эрмах, красивый восемнадцатилетний юноша, побежал в гардеробную, где в нетерпении томился рыцарь.

– Моя благородная госпожа, – промолвил паж, входя и почтительно кланяясь, – поручила мне проводить вас к ней.

– Я готов, друг мой, – сказал Кольмар. – Но прежде я желаю поговорить с тобой.

– Со мной? – удивился Эрмах.

– Да, – подтвердил рыцарь, положив ему руку на плечо, – В твоём лице, дитя, есть что-то говорящее о чистосердечии и честности. Клянусь небом! Я задел в тебе чувствительную струпу... ты плачешь... плачешь!

– О, слова, произнесенные вами, полны такой доброты... – Молодой паж не сумел договорить, голос его прервался от вздохов.

– Перестань, успокойся, бедное дитя, – промолвил Кольмар. – Что я могу сделать для тебя?

– Уведите меня отсюда. Помогите мне бежать из этого дома! – воскликнул паж, молитвенно сложив руки.

– Я обещаю помочь тебе, если ты объяснишь, каким образом и откуда мы сумеем выйти, когда настанет время, – сказал Эрнест Кольмар. – А потом ты поступишь ко мне на службу.

– Да благословит вас небо! – прошептал Эрмах. – Теперь спрашивайте скорее, мы не должны оставаться здесь долее. Я погиб, если меня застанут с вами.

– Ответь, видел ли ты здесь двоих молодых людей лет девятнадцати в зеленых полукафтанах?

– Да, их привозили сюда несколько ночей назад, – ответил Эрмах. – Они переодевались в этой комнате, а вот их собственные платья, – прибавил он, раскрывая чемодан, стоявший в углу комнаты.

– Это они! – вскричал Кольмар, тотчас узнавший полукафтаны своих слуг, – Слава Богу! Я проследил их. Но скажи мне...

– Если вы хотите спросить, что случилось с ними, – прервал, его Эрмах, – то я не смогу ответить. Верно только то, что они вдруг исчезли, но где и каким образом, я не знаю.

– Еще одно слово, – продолжал рыцарь. – Знаком ли ты с отцом Киприаном, и здесь ли он теперь?

– Он приехал сегодня вечером, – ответил Эрмах, – и баронесса беседовала с ним наедине, пока не приказала мне привести вас.

– А! Так монах здесь? Следовательно, мне надо действовать быстро. Я последую за тобой к твоей госпоже, милый, но очень может статься, что наше свидание получится коротким и мне придется силой прокладывать себе путь отсюда.

– Проводив вас в Фарфоровую галерею, – сказал Эрмах, – я сразу отправлюсь в нижнюю залу и буду там ждать. Потом вы пойдете за мной, и беру Бога в свидетели, что я останусь вам верен.

– Ступай, – промолвил Эрнест Кольмар, – я следом.

Молодой паж отвел рыцаря в Фарфоровую галерею и, прежде чем затворить за собой дверь, переглянулся с Кольмаром, как бы уверяя его, что сдержит обещание.

Дверь закрылась, и рыцарь остался один с баронессой, приблизившейся к нему с улыбкой.

– Я ждала вас с нетерпением, Людвиг Габсбург, – сказала она, протягивая руку. – Но вы как-то напряжены, словно озабочены чем-то, а ведь в этом доме царствует удовольствие. О! Если вы имеете тайну, мучающую вас, доверьтесь мне, и я с удовольствием помогу вам советами или утешением.

– Возможно ли, чтобы под столь обольстительной наружностью скрывалось такое лицемерие! – вскричал Кольмар.

– Что вы хотите сказать, рыцарь? – изумилась она, но, взглянув на песочные часы, стоявшие в галерее, успокоилась, ибо недоставало только пяти минут до половины первого.

– Баронесса Гамелен, – продолжал рыцарь, – я приехал сюда под чужим именем. Я Эрнест Кольмар. Теперь отвечайте мне, куда девались мои пажи?

– Ваши пажи? – повторила баронесса, снова посмотрев на часы.

– Да, два молодых человека, которых я проследил до Белого Дома. Говорите! – закричал он, обнажая кинжал. – Говорите, или я убью вас!

Ко тут пробило половину первого, и в галерею вбежали вооруженные люди в черных масках. Баронесса вскочила с торжествующим восклицанием, и служители Бронзовой Статуи схватили Кольмара.

Однако еще какой-то человек в полной броне, с опущенным забралом вошел в Фарфоровую галерею.

Глава 46

Как Анжела вела себя в Белом Доме

Воротимся к Анжеле Вильдон и к троице вельможам, которых, мы оставили в ту минуту, когда они направлялись к Белому Дому.

Было уже за полночь, когда они добрались до места. Барон Альтендорф постучался, и привратник, разглядев его в форточку, поспешил отворить.

– Баронесса здесь? – спросил маркиз Шомберг.

– Здесь, – ответил, привратник.

Барон и маркиз пересекли двор в сопровождении графа и нашей героини. В передней их встретили пажи, в том числе Эрмах, и: поздравили с освобождением.

– Искренне благодарим вас, наши юные друзья, – поспешно проговорил маркиз, – но велите немедленно оседлать четырех лошадей.

– И пусть нам дадут восемь провожатых, – прибавил барон Альтендорф. – А пока принесите поесть и выпить.

– Отец Киприан здесь, – заявил один из пажей.

– Коли так, веди нас к нему, – сказал маркиз Шомберг.

Первый паж побежал готовить лошадей, второй распорядился относительно провожатых, третий приказал подать закуску, а четвертый пошел в комнату, где баронесса оставила Киприана. Но Эрмах, верный обещанию, данному Кольмару, остался в передней.

Едва услышав, имя отца Киприана, Анжела вспомнила, что Этна предостерегала ее не только опасаться его самого, но не принимать дружбу от его знакомых.

Увидев маркиза с бароном, своих коротких друзей, и графа Роземберга, с которым встречался лишь мельком, Киприан вскрикнул от удивления и вскочил на ноги. Потом глаза его устремились на нашу героиню, и он слегка вздрогнул.

– Какое чудо совершилось в эту ночь? – пробормотал он, озирая попеременно троих вельмож и Анжелу.

– Вот наш избавитель! – заявил Шомберг, указывая на девушку.

– Не обманывают ли меня мои глаза? Возможно ли это?! – воскликнул монах, подходя к молодой девушке и бросая на нее пронизательный взгляд.

– Ваше обращение может заставить предположить, будто вы знаете меня, отец мой, – заметила Анжела, выдерживая его взор с некоторой

надменностью. – А между тем я не помню, где, когда и каким образом мы с вами встречались.

– Тебе хочется разыгрывать со мной роль незнакомки. Пожалуйста, – шепнул монах, наклоняясь к Анжеле так, чтобы она одна слышала его.

И, прежде чем она успела ответить, он прибавил вслух:

– Если действительно этот молодой человек спас вас, господа, надо признаться, что вы не могли иметь более очаровательного избавителя.

– Анжел Вильдон заслуживает огромной признательности, – заметил граф Роземберг. – Я знаю его сестру с детства и заявляю, что храбрость брата может сравниться только с добродетелью сестры.

– А! Так у вас есть сестра? – сказал монах, снова глядя на нашу героиню, словно говоря ей, что для него тайн нет.

– По-моему, – произнесла Анжела, – чем скорее мы продолжим наш путь, тем лучше. Жижка не замедлит разослать солдат во все стороны, как только узнает о побеге; вероятнее всего, он уже знает, ведь часового давно сменили.

– Молодой человек прав, – согласился маркиз Шомберг. – Через пять минут мы уедем. Но прежде я должен сказать баронессе пару слов.

– Пока ее нельзя увидеть, – возразил монах, взглянув на часы, показывающие двадцать минут первого. – Баронесса беседует с рыцарем Эрнестом Кольмаром.

– Эрнестом Кольмаром! – вскричал барон Альтендорф так запальчиво, что никто, даже Киприан со своими рысьими глазами не приметил, что Анжела слегка вздрогнула. – О чем может говорить с баронессой этот самозванец?

– Мне некогда давать вам объяснения, – ответил Киприан. – Я бы вообще не сказал, что у баронессы встреча с рыцарем Кольмаром, если б не ждал от их разговора важных последствий. Кольмар не самозванец.

– Но обладает ли Эрнест Кольмар достаточным влиянием, чтоб заставить Австрию прислать нам войско для победы над проклятыми таборитами? – спросил барон Альтендорф.

– Да, – произнес монах торжественным тоном, – Несколько дней назад мне стали известны странные вещи, и если бы благоразумие не предписывало вам бежать, мы могли бы воспользоваться случаем, чтобы принять важные решения для Богемии. Но мы соберемся чуть позже в замке Альтендорф: сделаем там штаб-квартиру борьбы с таборитами.

Тут отворилась дверь, и вошли два лакея с серебряным блюдом, на котором лежала холодная говядина и стояли отборные вина.

Появление слуг перебило разговор, и Киприан, снова обернувшись к

песочным часам, с беспокойством увидал, что уже половина первого – назначенное баронессой время.

Трое вельмож приблизились к столу, а монах повернулся к лакеям.

– Прикажите вооруженным охранникам немедленно отправиться в Фарфоровую галерею и арестовать человека, беседующего там с баронессой, – тихим голосом велел он им.

Слуги поклонились и исчезли.

Киприан подошел к столу и заметил, что Анжела пропала.

– Куда отправился наш юный друг?! – вскричал Киприан, бросаясь к двери.

Ему пришло в голову, что Анжела, стоявшая близко к нему, слышала, что он сказал слугам.

И он не ошибся, потому что Анжела заперла дверь снаружи.

Выбравшись в коридор, храбрая девушка увидела, что один из слуг, получивших от монаха приказание, вошел в комнату на другом его конце. Она бросилась туда же и спряталась за мраморной колонной. А потом она проследила, как три человека в черных масках в сопровождении слуги пересекли коридор и вбежали в Фарфоровую галерею.

Анжела, опустив забрало и обнажив шпагу, смело кинулась за ними.

Глава 47

Как рыцарь Эрнест Кольмар и Анжела Вильдон

проложили себе путь из Белого Дома

Нескольких слов нам хватит для того, чтобы описать положение дел в ту самую минуту, как наша героиня в броне, с опущенным забралом вбежала в Фарфоровую галерею.

Баронесса Гамелен вскочила с криком торжества. Кольмар, застигнуты® врасплох, на секунду попал в руки служителей Бронзовой Статуи, лакей стоял поодаль, чтоб помочь, если понадобится.

Но внезапное появление нашей героини до того удивило и испугало нападавших, что они выпустили рыцаря. Он обнажил шпагу и встал возле Анжелы, хоть и не узнал ее. Баронесса Гамелен пронзительно вскрикнула и спряталась за замаскированными людьми. Те бросились на рыцаря и Анжелу, слуга, схватив шпагу, присоединился к ним.

– Не теряйте мужества! – воскликнула баронесса. – Отойдите от двери, я схожу за помощью.

Но Анжела уже опрокинула на пол одного из замаскированных, а Кольмар сшиб с ног другого.

Баронесса отчаянно завопила, но сразу умолкла и замерла в неподвижности, следя со странным беспокойством за битвой, продолжавшейся с равными шансами на успех.

Сражались двое против двух. Но рыцарю удалось пронзить сердце своего противника, а последний разбойник, видя, что; он остается один, опустил оружие. Баронесса в бешенстве грохнулась на пол, слуга убежал за помощью, и Кольмар закричал Анжеле:

– Назад! Назад! И запрем дверь!

Анжела повиновалась, оба выскочили из галереи и закрыли ее на ключ! Из комнаты, где Анжела заперла троих.» вельмож и Килриана, доносились стук и брань. Рыцарь и Анжела сбежали с лестницы, но в передней встретили еще восемь замаскированных человек. Это были провожатые, ждавшие графа, барона и маркиза. А тут появился Киприан, сумевший выбить дверь, и заорал, чтобы рыцаря и его товарища схватили.

Эрмах быстро сделал Кольмару знак следовать за ним и исчез под лестницей. Взяв Анжелу за руку, Кольмар бросился за пажом и запер дверь,

прежде чем успели догадаться, что произошло.

– Теперь, если вы дорожите жизнью, поспешим! – закричал паж, стоявший на ступенях с лампой в руке. – Мы должны первыми попасть в замок Гамелей.

С этими словами он побежал по подземелью, а рыцарь и Анжела за ним.

– Все обещает нам успех, – заметил Эрмах. – Кип-риан и его слуги отправились в замок, чтобы нас поймать. Но если они возьмут лошадей, то им придется скакать в объезд, а если пойдут пешком, мы их опередим. Добравшись до замка, мы будем спасены.

Паж, хорошо знакомый с подземельем, скоро вывел беглецов на двор, окруженный высокими башнями, а потом в калитку и на дорогу.

Глава 48

Рыцарь, паж и молодая девушка

Беглецы не замедляли шага до тех пор, пока не добрались до леса. Тогда Кольмар обратился к Анжеле:

– Вы спасли мне жизнь, храбрый незнакомец, и можете рассчитывать на мою признательность. Скажите же, кто вы и каким образом сумели явиться так кстати?

– Слишком долго объяснять, – ответила Анжела.

– Это он спас аманатов Жижки, – вмешался паж.

– Граф Роземберг и друзья его свободны? – удивился Эрнест Кольмар.

– Да, я поклялся освободить их или погибнуть, – сказала Анжела. – Но я думаю, что нам надо расстаться здесь. Я не могу вернуться в Прагу из страха перед Жижкой, но надеюсь скоро увидеть вас.

– Я завтра отправляюсь в Вену, – заметил Кольмар, – провожаю туда одну даму и не могу отложить отъезд даже на день.

– Я поеду в ту же сторону от южных ворот, в место, расположенное в трех днях пути от Праги.

– Мы можем ехать вместе до тех пор.

– С удовольствием, но как только покажутся башни замка Альтендорф, я скажу вам, кто я, почему держал забрало опущенным, и прощусь с вами навсегда.

– Будь по-вашему, – кивнул Кольмар. – Теперь я должен торопиться в Прагу.

– На рассвете я присоединюсь к вам у южных ворот города, – сказала Анжела. – Только приведите мне лошадь.

Они простились и расстались.

Анжела осталась в лесу, а рыцарь и паж отправились в Прагу.

Глава 49

Встреча у южных ворот

Башни, церкви и высокие здания богемской столицы чернели в темном небе, когда четыре всадника медленно выбрались из города через южные ворота.

Впереди ехал Эрнест Кольмар.

В нескольких шагах за ним на лошади, когда-то принадлежавшей Лионелю, ехал Эрмах. Он держал за поводья коня, предназначенного для Анжелы Вильдон. Поодаль следовали слуги с поклажей.

Уже за воротами к ним присоединилась Этна со своими прислужницами.

При появлении сестры Сатанаисы Эрмах вскрикнул от удивления.

Никто не обратил на это внимания, но Эрмах продолжал пристально рассматривать девушку.

Кольмар сообщил Этне, что их еще должен догнать молодой незнакомец, и рассказал испуганной девушке, какие приключения случились с ним. Через несколько минут они услышали шум среди деревьев, окаймлявших дорогу, и к ним приблизилась, как и обещала, Анжела Вильдон.

Она была: по-прежнему в броне.

– Добро пожаловать, мой храбрых! избавитель! – воскликнул Кольмар.

Когда он представил Этне своего друга, она даже не заподозрила, что перед нею та самая Анжела, о которой она заботилась.

Пока наша героиня садилась на лошадь, Этна, обернувшись, в первый раз заметила Эрмаха.

Она вздрогнула, словно ее внезапно укусила змея, потом опять подняла глаза на пажа, и значительный взгляд, брошенный им на девушку, ясно показал, что она не ошиблась.

Глава 50

Комната в гостинице

Солнце уже исчезло за горными вершинами, окаймлявшими горизонт, когда наши путешественники остановились у ворот довольно красивой гостиницы на краю дороги.

И хозяин, и жена его, и все слуги выбежали к приезжим, ибо золотые шпоры рыцаря, говорящие о высоком звании, великолепные одежды Этны, паж, две прислужницы и слуги показывали знатных господ.

Этна ушла в отведенную ей комнату, чтобы привести в порядок свой туалет перед ужином, и Кольмар с Анжелой остались наедине в большой зале гостиницы. Она предупредила рыцаря, что, не желая еще раскрывать свое инкогнито, будет ужинать одна.

Между тем Этна, направляясь в комнату, где сидели Кольмар и Анжела, встретила в коридоре пажа Эрмах.

– Я желала поговорить с вами, Эрмах, – сказала Этна. – Пойдемте ко мне, там нам никто не помешает.

– Хорошо, Марьета, – холодно бросил паж.

– Молчите! Я не ношу уже этого имени, – промолвила Этна тоном полусердигым, полуумоляющим.

Потом, быстро повернувшись, зашагала в свою комнату.

– Чего вы хотите от меня? – спросил Эрмах, пытаясь скрыть волнение под внешней сдержанностью.

– Эрмах, – сказала Этна, – мы будем друзьями... не так ли?

– К чему вам моя дружба, Марьета? – произнес паж, бросая пламенные взгляды на молодую девушку, губы его дрожали. – Когда мы жили в одном доме, я – как смиренный служитель, а вы – словно блестящая звезда, восторгающая всех, я вас любил! Да, я имел смелость любить вас и обожать!

– Ах! Будь она проклята, ваша любовь! – вскричала Этна, – Но вы забыли о ней?

– Нет... не забыл... и не забуду никогда! – покачал головой Эрмах. – Но только потому не забуду, что связал другую цель с этой страстью.

– Какую же? – спросила Этна.

– Мщение, – ответил Эрмах с горечью.

– О! Это жестоко, это низко! – воскликнула Этна, не в состоянии преодолеть охвативший ее гнев.

– Какое мне дело до ваших слов? – произнес Эрмах. – Они не страшнее ваших поступков. Помните, как, бросившись к вашим ногам, я признался вам в любви, сводившей меня с ума? Никогда не забуду я той минуты и никогда полностью не отомщу за себя! Помните, с каким презрением вы меня отвергли?..

– Но вы простите меня? О, вы простите! – взмолилась Этна, серьезно испуганная. – Скажите мне, Эрмах, скажите, что прощаете!

– Никогда! – ответил паж.

– Но чего вы хотите? Каким способом будете мстить мне? – продолжала Этна.

– Вы любите Эрнеста Кольмара! – заявил паж.

– Ах! – вскричала Этна. – Нет... вы ошибаетесь, Эрмах...

– Вы пытаетесь меня обмануть, – прервал ее паж. – По пламенным взглядам, которые вы бросали на него сегодня, по страсти, с какой любовались им...

– Довольно, довольно! – перебила Этна, – Вы правы, я люблю Эрнеста Кольмара.

– Он был очень добр и великодушен ко мне! – воскликнул Эрмах. – Он вызволил меня из этого отвратительного дома...

– Да, вы оба помогли друг другу, – заметила Этна. – Но вспомните вашу клятву, Эрмах, клятву, запрещающую открывать тайны Белого Дома и замка Гамелен.

– Я не нарушу ее, – заявил паж, – но, далее не нарушая, я смогу кое-что сказать рыцарю Эрнесту Кольмару.

– Нет, нет, вы не погубите меня, Эрмах! – вскричала Этна, молитвенно сложив руки. – Вы не захотите, чтобы я умерла от стыда в присутствии человека, которого люблю. Неужели ничто не может вас тронуть: ни слезы, ни просьбы?

– Одно условие... только одно, – пробормотал Эрмах, не спуская глаз с Этны.

– Какое же? – задрожала Этна, предугадывая ответ.

– Это условие, – повторил паж с ударением, приближаясь к Этне настолько, чтобы она почувствовала на своих щеках его жгучее дыхание, – это условие нетрудно угадать в женщине, находящейся в присутствии мужчины, ослепленного страстью и готовую отомстить, если он будет отвергнут.

– Да, понимаю, Эрмах, – сказала Этна, побледнев как смерть. В ее глазах появился зловещий блеск, губы сжались, точно она вдруг решила на поступок, который могло внушить только одно отчаяние.

– Вы меня понимаете и соглашаетесь? – вскричал молодой человек, внезапно просияв от торжества и любви.

– Соглашаюсь, – подтвердила Этна ледяным тоном.

– Я вас люблю! – воскликнул Эрмах с каким-то безумием. – Я сделаюсь вашим рабом, я жизнь за вас отдам. Итак, в эту ночь, Этна... когда все заснут, вы придете, не правда ли? Но без гнева, без холодности, не как жертва...

– Не бойтесь, Эрмах, – сказала Этна, окинув его взглядом, в котором пажу померещилась вспышка страсти, – если я вынуждена уступить обстоятельствам, я сумею покориться моей участи!

– Благодарю, благодарю! – прошептал паж, поднося к губам руку Этны и выбегая из комнаты.

Этна неподвижно просидела несколько минут, стараясь вернуть спокойствие расстроенным лицу и мыслям, и когда она спустилась в залу, где подавали ужин, самый придирчивый наблюдатель не подметил бы следа бури, промчавшейся в ее душе.

Разговор между Этной и рыцарем почти исключительно касался мест, по которым они проезжали, но на другом конце стола царствовало абсолютное молчание. Эрмах был погружен в сладострастные размышления, диктуемые его воображением, Линда и Беатриче, узнавшие от пажы, каким образом исчезли Лионель и Конрад, вдали в глубокую меланхолию.

Едва ужин кончился, все встали и разошлись по своим комнатам.

Несмотря на то что Эрнест Кольмар не отдыхал прошлую ночь, он спать не лег, а вместо того отворил окно и устремил взор в пространство, освещенное серебристыми лучами луны. Он стоял так более получаса, предаваясь самым различным мыслям. Более всего он сожалел о том, что вынужден покинуть Прагу, не узнав об участи своих пажей и не оказав помощь принцессе Елисавете. Подумав о принцессе, он вспомнил, что не успел расспросить Эрмаха об обитателях Белого Дома и о цели, к которой они стремились.

Еще он вспомнил, что баронесса Гамелен на улице в Праге рассказывала ему об удовольствиях и очаровании, царствующих в ее доме, и что Эрмах, умоляя вывести его из замка, говорил о нем, как о проклятом месте, к тому же Кольмар был убежден, что дом этот служит штаб-квартирой членам трибунала Бронзовой Статуи. Перечисленные обстоятельства внушили ему желание выяснить подробности, связанные с этим таинственным, а может быть, и преступным местом.

Поддавшись любопытству, Эрнест Кольмар тихо вышел из комнаты и

осторожно, чтобы не тревожить никого, зашагал по неосвещенному коридору. Но, приблизившись к комнате, занимаемой Эрмахом, рыцарь удивился, заметив в полуотворенной двери свет. Он подошел к самому порогу и там внезапно замер.

Возле кровати, где Эрмаха, изнуренного дневной усталостью, несмотря на назначенное свидание, застиг сон, стояла Этна! Волосы ее, как золотистые волны, рассыпались по алебастровым плечам, в одной руке она держала лампу, освещающую ее смертельно бледное лицо.

Этна около минуты глядела на спящего пажа, потом рыцарь заметил, что с ее лицом произошла страшная перемена: холодная бледность сменилась выражением адского бешенства. Эрнест Кольмар почувствовал трепет во всем теле, и в ту же секунду рука Этны поднялась над кроватью и кинжал сверкнул, как молния, при свете лампы.

Оружие стремительно опустилось, с губ Эрнеста Кольмара сорвался крик ужаса, и он бросился в комнату.

Глава 51

Преданность в преступлении

Внезапное появление Эрнеста Кольмара произвело на Этну ужасное действие. Она не выронила лампу, рука, державшая ее, не пошевелилась, и другая рука не изменила положения, в котором нанесла удар. Этна не произнесла ни слова, ее полуоткрытые губы посинели, глаза лишились зловещего блеска, взор был неподвижен.

С минуту благородный рыцарь и преступная женщина стояли лицом к лицу. Первый с трудом верил, что глаза не обманывают его и что он не видит кошмарный сон, вторая находилась в таком оцепенении, что не имела сил анализировать свои мысли.

Наконец Кольмар подошел к постели, на которой лежал паж. Но всякая помощь тут была бесполезна: клинок проник глубоко в сердце, направленный такой верной рукой, что было неудивительно, почему молодой человек умер, не застонав и не вздохнув.

– Этна, возможно ли это? – еле внятно прошептал Кольмар.

– Пощадите! Сжальтесь надо мною! – вскричала Этна, очнувшись.

Закрыв лицо руками, она заплакала. Горькие слезы текли между пальцами, и, когда в пароксизме горя она судорожно откинула голову назад, рыцарь даже испугался ее.

– Этна... это ужасно... Ужасно! – сказал он мрачным голосом. – Какие причины могут оправдать ваш поступок?

– Причины существуют, – воскликнула сестра Сатанаисы, ухватившись за слова, произнесенные Эрнестом Кольмаром, с тем жаром, с каким человек, падающий в пропасть, хватается за травинку. – Я более несчастна, чем виновна, более достойна сожаления, чем осуждения, потому что обстоятельства... Все жестоко соединилось, чтобы уничтожить ваше ко мне уважение, когда я желаю видеть вас своим другом.

Она опять закрыла лицо руками, сгибаясь под тяжестью самой страшной печали, когда-либо терзавшей сердце женщины.

– Вашим другом! Да, Этна, я хотел бы остаться им, – промолвил Кольмар. – Но вспомните, ради Бога, сцену в боскете возле Праги. Она была полна крови и смерти. Посмотрите на ту, что произошла теперь: опять кровь и смерть.

– Да, да, Боже мой! Но не мучайте меня! – прошептала Этна, падая на колени. Потом, простирая сложенные руки к рыцарю, она закричала со

страстной мольбой: – Выслушайте меня, заклинаю вас! Я знаю, что лишусь вашей дружбы, расстанусь с вами и никогда больше не встречу, но я не хочу покинуть вас убежденным в том, что я хладнокровная преступница. Нет... этот молодой человек страшно оскорбил меня: есть такие вещи, рыцарь, которые могут довести до убийства даже ангела.

– Какие именно, Этна? – спросил Кольмар.

– Рассказ получился бы слишком длинным, – ответила Этна. – К тому же я навсегда погибла в вашем мнении, – прибавила она, вставая, – и мне не остается ничего другого, как проститься с вами навсегда.

Говорила она тихим голосом, но с таким странным выражением на лице, что Кольмару вдруг подумалось, не замышляет ли девушка что-нибудь нехорошее?

– Вы хотите проститься со мною навсегда, но каким образом? Завтра в гостинице узнают, что совершено преступление. Что мы должны отвечать? Ох! – вздохнул Кольмар. – Для чего только я обещал Сатанаисе проводить вас!

– Разве вы сожалеете о том, что сделали для Сатанаисы, лишь потому, что Этна потеряла ваше уважение? – со смиренным видом спросила несчастная девушка дрожащим голосом. – Не надо, Эрнест, не будьте так несправедливы и так невеликодушны, – продолжала она. – Ведь Сатанаиса не утратила прав на вашу дружбу. Скажите мне, рыцарь, скажите, что мои преступления не лишили Сатанаису вашего уважения.

– Сохрани Бог от подобной несправедливости к вашей сестре! – воскликнул Кольмар.

Взглянув на Этну, стоявшую перед ним, Кольмар был поражен выражением радости и торжества, внезапно оживившим ее лицо.

– Благодарю, тысячу раз благодарю за это уверение, рыцарь, – прошептала Этна. – Я предана сестре и не хотела бы, чтобы последствия моих злодеяний отразились на ней.

– Такого незачем бояться, – заметил Кольмар. – Однако ночь проходит, а ничего еще не решено.

– Эрнест, – взволнованно произнесла Этна, – спасибо за вашу доброту ко мне, но выслушайте меня внимательно. Скрыть преступление невозможно, даже если мы спрячем тело, то на простынях останется кровь. Следовательно, я должна прямо признаться в убийстве.

– А последствия, Этна?! – вскричал Кольмар в сильном волнении.

– Не бойтесь ничего, – молвила девушка, подняв глаза на рыцаря, – в чем бы ни состояла угрожающая мне опасность, уверяю вас, что я сумею избежать ее, но я не хочу, чтобы подозревали других.

– Вы действительно сможете справиться с трудностями? – переспросил Кольмар.

– Конечно, – отвечала Этна, – но если помощь, на которую я рассчитываю, не будет мне оказана, тогда моя свобода станет зависеть от вас. Через несколько часов кашу гостиницу займет полиция, а весь этот округ во власти таборитов. Караульный офицер подчинится безропотно вашему приказанию отворить дверь тюрьмы и выпустить меня.

– С какой стати он послушается меня? – с удивлением спросил Кольмар. – Какой талисман поможет...

– А вот, – сказала Этна, указав на перстень, подаренный Жижкой нашему герою.

– А! – произнес Кольмар. – Я рад, что вы заставили меня вспомнить о возможности выручить вас при необходимости.

– Что бы ни случилось, – продолжала Этна решительным тоном, – происшествия нынешней ночи прервали мое с вами путешествие, потому что, если я сумею избежать наказания, мне придется стать беглянкой.

– Итак, вы решились? – спросил Кольмар, глядя с глубоким состраданием на восхитительное создание, участь которой была так печальна и ужасна.

– Ничто не в силах изменить моего намерения, – ответила Этна. – Простимся же, рыцарь, простимся навсегда!

Глаза ее заблестели, увлажнившись, но она немедленно стерла слезы, сиявшие, как жемчужины, на длинных, ресницах, и лицо ее наполнилось неизъяснимой нежностью.

Рыцарь бросил на нее последний сочувствующий взгляд и после минутного колебания ушел. Этна осталась наедине с трупом своей жертвы.

Глава 52

Как Этна сдержала слово, данное Эрнесту Кольмару

В следующие полчаса глубокая тишина царила в доме. Внезапно хозяин и жена его были разбужены громким стуком в дверь их спальни. Хозяин; поспешно встал и спросил, зачем потревожили его сон. Услышав женский голос, он приказал своей жене узнать, в чем дело.

Трактирщица, повинувшись мужу, соскочила с кровати и, отворив дверь, отступила в ужасе и удивлении, увидев в коридоре Этну с растрепанными волосами и в беспорядочной одежде; лицо ее было бледно, глаза, сверкавшие странным блеском, казались еще страшнее от дребезжащего света лампы, которую она держала в руке.

– Святая Дева! Что такое? Что случилось? – спросила трактирщица.

– Скажите вашему мужу, чтобы он встал и шел за мною, – проговорила Этна мрачным голосом.

В интонации и поведении молодой девушки было что-то не допускавшее возражений. Хозяин и жена его наскоро оделись, спрашивая себя, по какой причине тревожат их ночью, настолько испуганные, что не делились даже друг с другом своими мыслями.

– Поскорее! – сказала Этна, которой не терпелось закончить второй акт драмы.

– Мы готовы, – заявил трактирщик, выходя из комнаты. – Ради Бога, что случилось? Не воры ли забрались в дом?

– Молчите и ступайте за мной, – молвила Этна, направляясь к комнате Эрмаха.

Войдя туда, она быстро подошла к кровати, подняла лампу, сделала знак хозяину и его жене приблизиться и, когда те отступили при виде страшного зрелища, открывшегося их глазам, вскричала:

– Преступница – я!

– Вы! Это невозможно! – вскричал хозяин, решив, что девушка от ужаса сошла с ума.

– Боже! Убийство в нашем доме! – воскликнула трактирщица, в тоске всплеснув руками.

И, объятая страхом, она бросилась в коридор с пронзительными криками.

Вопли: «Убийство! Убийство!», раздавшиеся в ночной тишине, скоро сообщили о несчастий всем. Этна заперлась в своей комнате, ожидая, когда ее выдадут властям.

В это время хозяин побежал к комнате Эрнеста Кольмара и через дверь объяснил ему в нескольких словах, что случилось. Потом, не ожидая ответа, он послал за властями и позаботился поставить под окнами Этны одного из своих друзей, другой получил приказание караулить ее дверь в коридоре.

Уже рассвело и первые солнечные лучи озарили горизонт, когда явился отряд таборитов под командованием офицера и в сопровождении бургомистра, человека почтенного и преданного Жижке. Бургомистр прежде приказал офицеру разместить часовых там, где трактирщик расставил своих людей, потом отправился в комнату, где заперлась та, что объявила себя преступницей.

Этна сидела погруженная в глубокие размышления. Рядом стояли Линда и Беатриче, грустно смотревшие на нее. Этна была одета небрежно, ее длинные, роскошные волосы, рассыпанные по обнаженным плечам, ниспадали до пояса. Глаза сверкали странным блеском, до того сильным, зловещим и пронзительным, что ее служительницы пугались. Было очевидно, что мысли ее заняты чем-то важным.

Когда дверь отворилась и вошел бургомистр, Этна встала и приняла его уважительно и скромно.

– Милостивая государыня, – сказал секретарь, – правда ли, что вы объявили себя виновной в преступлении, в которое и поверить трудно?

– Вот эта рука нанесла удар, – ответила Этна.

– Но должны быть серьезные причины для того, чтобы женщина, такая молодая, совершила подобное, – заметил бургомистр. – В любом случае вам придется отправиться со мною.

– Сейчас? Ах! Умоляю вас, не принуждайте меня ехать сразу, позвольте подождать несколько часов.

– Но для чего эта отсрочка? – спросил бургомистр.

– У меня назначено здесь свидание с единственной родственницей моей, и если я не дождусь ее, мы никогда более не увидимся.

– Кто эта родственница? – продолжал бургомистр.

– Моя сестра. Она известна под именем Сатанаиса, – объяснила Этна.

– Сатанаиса! Та загадочная и романтическая девушка, которая, как говорят, была воспитанницей знаменитого Жижки, предводителя таборитов? – уточнил бургомистр, глядя на Этну с любопытством и состраданием.

– Я действительно несчастная сестра Сатанаисы, – отвечала Этна.

– Как ни велико было мое сочувствие к вам, – сказал старик, – оно стало теперь еще больше, ибо я знаю, что табориты благоговоят перед Сатанаисой. Я удовлетворю вашу просьбу и прикажу часовому, стерегущему вас, впустить и выпустить всякого, кто придет повидаться с вами.

С этими словами бургомистр поклонился и вышел.

И как только дверь закрылась за ним, радость и торжество засияли на лице Этны, и, обернувшись к Линде и Беатриче, она сказала с воодушевлением:

– Теперь, мои верные друзья, внимательно слушайте мой план.

Глава 53

Первый часовой

Таборит, стоявший на часах у комнаты Этны, заметил, что дверь отворилась и на пороге появилась Линда.

– Здравствуйте, красотка! – сказал он.

– Вы меня знаете? – спросила Линда.

– Я видел вас и вашу подругу с Сагаиасой в таборитском лагере. Но я не знал, что у Сатанаисы есть сестра, и мне бы хотелось посмотреть на нее, потому что я должен впускать и выпускать всех, кроме самой заключенной.

– Это легко устроить, – кивнула Линда, – Я сейчас вернусь и оставлю дверь незакрытой, тогда вы увидите ее.

Линда отворила дверь, переглянулась со своей госпожой, взяла со стола носовой платок и опять вышла, заперев дверь.

– Какое чудное сходство с Сатанаисой! – вскричал солдат. – Но волосы и цвет лица совсем другие.

– Да, одна дочь мрака, а другая дочь неба, – заметила Линда. – Но скажите, когда вас сменят?

– Через час, – ответил солдат. – А для чего вы спрашиваете?

– Для того, что вы должны объяснить своему товарищу разницу между сестрами. Я не могу отворять дверь и показывать мою госпожу при каждой смене часовых.

Дружески поклонившись, Линда удалилась в комнату, которую занимала вместе с Беатриче. Через несколько минут она вернулась, неся сверток с одеждой, опять разменялась несколькими словами с таборитом и вошла в комнату своей госпожи.

Глава 54

Второй часовой

Прошел час, часового сменили. Только новый караульный занял место, как Линда опять появилась из комнаты.

– Честь имею кланяться, девушка, – промолвил таборит.

– Это вы, Гондибер! – воскликнула Линда, узнав солдата. – Последний раз, когда мы виделись, вы стояли на часах у палатки Сатанаисы, в лесу, где был разбит лагерь, несколько недель назад.

– С того времени я нахожусь в гарнизоне соседнего города. И хотя я очень рад встрече с вами, но сожалею, что она случилась при таких печальных обстоятельствах. Вы представляете, как я удивился, услышав, что у Сатанаисы есть сестра?

– А! – протянула Линда. – Часовой, который здесь стоял, объяснил вам, в чем дело?

– Да, – ответил Гондибер, – он рассказал мне все относительно заключенной.

– А он сообщил, что Сатанаиса теперь у сестры? – прибавила Линда.

– Нет, он не говорил, что Сатанаиса уже здесь! – вскричал Гондибер. – Наверное, когда она приехала, я был в конюшне, иначе о ней стали бы болтать в караульной.

Тут дверь в комнату отворилась, и вышла Беатриче.

– Ступай, Линда, – сказала она, – Сатанаиса хочет ехать в Прагу, чтобы броситься к ногам генерала и умолять его сжалиться над сестрой, но сперва она желает кое-что приказать тебе.

– Иду, – молвила Линда и поспешила в комнату.

Гондибер качал расхаживать по коридору, посвистывая с воинственным видом.

Через несколько минут Линда и Беатриче вышли в слезах. Гондибер приблизился к ним и спросил, не случилось ли нового горя?

– Разве мало того, что есть? – возразила Линда голосом, прерывающимся от вздохов. Потом, сделав над собой усилие, чтобы успокоиться, прибавила: – Сестры прощаются, может быть, навсегда, и мы не стали их стеснять своим присутствием в эту горестную минуту. Сейчас Сатанаиса плачет в объятиях своей бедной сестры, но скоро она выйдет.

– Дай Бог, чтобы она преуспела в своем предприятии, – вздохнул Гондибер. – Дай Бог, чтобы великий Жнжжа удовлетворит ее ходатайство!

Только он произнес эти слова, как дверь створилась и появилась Сатанаиса.

Да, это была Сатанаиса, одевая в тот самый живописный костюм, что и тогда, когда мы в первый раз представили ее читателям: пунцовый бархатный корсаж, открытый на груди и зашнурованный красными шнурками.

На лице ее было выражение глубокой горести, но следы слез уже исчезли.

Едва выйдя в коридор, она затворила за собою дверь и любезно поклонилась табориту. Тот опустил свой бердыш с видом глубокого уважения перед таинственной женщиной, завоевавшей привязанность и восторг, всех солдат Жижки.

– Прощайте, мои добрые и верные друзья! – сказала Сатанаиса Линде и Беатриче. – Я отправляюсь в Прагу, чтобы вымолить прощение для моей сестры. Возвращайтесь скорее к ней и утешайте ее, как можете.

– Прощайте, сударыня! – отвечала Линда, целуя руку Сатанаисы.

– Да защитят вас святые ангелы! – прошептала Беатриче, следуя примеру своей подруги.

– Еще раз прощайте, милые дети! – промолвила Сатаниса дрожащим голосом. Потом, обратясь к Гон-диберу, она сказала: – Добрый и великодушный солдат, служитель Жижки, одна из этих девушек говорила о тебе в таких выражениях, которых я не забуду. Будь уверен, что я побеседую насчет тебя с генералом.

– Да благословит Господь ваше предприятие! – произнес Гондибер, глубоко растроганный. – И дай Бог, чтобы вы избежали опасностей!

Когда Гондибер поднял глаза, которые опустил, не выдержав блестящих взоров молодой девушки, она была уже далеко: он заметил ее, быстро шагающую по длинным коридорам к лестнице, ведущей к тыльной стороне гостиницы. Линда и Беатриче воротились в комнату Этны и заперли за собой дверь

Глава 55

Перстень Жижки

В эту минуту в залу вошел хозяин гостиницы и что-то тихо сказал бургомистру

– Пожалуйста, извините меня и подождите немного, – обратился старик к Кольмару и Анжеле.

Потом он удалился вместе с трактирщиком.

– Мне угрожает опасность, – сказала Анжела, едва двери затворились за ними. – Вероятно, посланцы Жижки напали на мой след.

– Какова бы ни была эта опасность, – заметил Кольмар, – рассчитывайте на мою дружбу.

Дверь распахнулась, и появился бургомистр с офицером, но, прежде чем они успели закрыть дверь, Кольмар и Анжела увидели множество бердышей, сверкавших по другую ее сторону.

– Арестуйте этого человека, – велел бургомистр офицеру, указывая на Анжелу.

Анжела положила руку на эфес шпаги, Эрнест Кольмар – тоже.

– Избегайте насилия, – промолвил почтенный бургомистр и повелительно, и умоляюще. – Из уважения к вашему званию, рыцарь, я собирался арестовать вашего спутника, произведя как можно меньше шума, но если вы пожелали сопротивляться, не забудьте – нас много.

– Вы правы, – согласилась Анжела. – Я не хочу, чтобы из-за меня пролилась хоть одна капля крови. Я сдаюсь.

– Но нам должны назвать причины такого обращения с вами! – запальчиво воскликнул Кольмар.

– Слушайте, – сказал бургомистр, вынимая из кармана бумагу. – Три государственных пленника убежали из пражского замка. На том, кто помог им, была броня, похищенная из арсенала крепости. Во все стороны разосланы гонцы с приказанием поймать преступника, один из этих гонцов сейчас приехал в гостиницу. Теперь, – прибавил он, – когда я все объяснил, надеюсь, что вы не станете сопротивляться и не принудите меня прибегнуть к силе.

– Вы получите этого молодого человека, только перешагнув через мой труп! – вскричал Эрнест Кольмар, заслоня собой Анжелу.

– В таком случае позовите солдат, – пожал плечами бургомистр, повернувшись к двери.

– Остановитесь! – закричал вдруг таборитский офицер, схватив бургомистра за рукав полукафтана и оттаскивая от двери, за которую тот уже взялся. – Посмотрите! – добавил он.

– Ах! – воскликнул бургомистр, внезапно заметив перстень на пальце рыцаря. – Верно ли я понял, – продолжал он, подходя к Кольмару, – что вы намерены воспротивиться аресту незнакомца, оказавшегося виновным в измене Жижке?

– Конечно, я восстаю против этого и буду сражаться до последнего, – заявил Кольмар.

– В таком случае я снимаю с себя ответственность, – сказал старик, – и почтительно преклоняюсь пред влиянием, всеильным для нас. Поручик, велите вашим солдатам уйти.

– Слушаюсь, – отвечал офицер. Он вышел из зала, но почти сразу воротился. – Я сейчас узнал от одного из моих солдат, что Сатанаиса уже навестила сестру и уехала, – сообщил он. – Теперь мы можем увести пленницу.

– Да, нас ничто не удерживает более, – согласился старик.

– Сатанаиса! – вскричал Кольмар, крайне изумленный тем, что Сатанаиса посещала гостиницу. – Неужели она была здесь?

– Она уехала десять минут назад, – объяснил офицер.

– Я должен видеть Этну, я должен увидеть ее одну хоть на несколько минут, – сказал рыцарь. – Я буду вам очень обязан, – обратился он к бургомистру, – если вы позволите мне пройти к пленнице.

– Сперва я узнаю, согласится ли она встретиться с вами, – ответил бургомистр.

Он вышел. Во время его отсутствия Эрнест Кольмар пребывал в глубокой задумчивости. Анжела, тихо вздохнувшая, видя волнение, которое Кольмар почувствовал при упоминании о Сатанаисе и о том, что она находилась в одном доме с ним, – кроткая Анжела посмотрела на рыцаря с сильным, но мучившим ее участием.

Внезапно дверь распахнулась настежь, и появился чрезвычайно взволнованный бургомистр, он тащил за собой Линду и Беатриче.

Лица обеих девушек светились необыкновенным выражением радости и торжества: похоже, они не думали об опасности, угрожающей им самим.

– Что такое, ради Бога? – спросил таборитский офицер с нетерпением.

– Наша пленница... Этна... убежала! – вымолвил бургомистр. – Преступница ускользнула от нас!

Глава 56

Линда и Беатриче

Удивленные восклицания вырвались у таборитского офицера и Анжелы Вильдон, а волнение, произведенное известием о побеге Этны, не дало возможности заметить спокойствия рыцаря, который был в некоторой степени подготовлен к тому, что случилось.

Бургомистр, втащив Линду и Беатриче в залу, запер дверь, крича:

– Надо все выяснить – и те, кто помогали бежать преступнице, понесут заслуженное наказание!

– Но приняли вы меры, чтобы поймать беглянку? – спросил офицер.

– Нет! – воскликнул старик. – Мои мысли до того перепутались, что я и не подумал об этом.

– Я сейчас разошлю моих солдат по всем направлениям, – продолжал офицер. – Мы сделаем все, чтобы схватить ее.

– Постойте, – произнес бургомистр. – Потрудитесь прислать сюда часовых, карауливших Этну: я должен удостовериться, не способствовали ли они побегу.

Офицер скоро воротился в сопровождении солдат, стоявших на карауле под окнами Этны и в коридоре, сообщавшемся с ее комнатой.

Те, которые дежурили под окнами, ничего не могли сообщить, и тотчас были отосланы. Первый часовой из коридора объявил, что совсем коротко поговорил с Линдой об обеих сестрах, Саганаисе и Этне. Солдат уверял, что не видал, как Сатанаиса вошла к сестре, но прибавил, что Сатанаиса ни в коем случае не могла проскользнуть, пока он беседовал с Линдой.

Потом явился Гондибер. Он рассказал, как Линда сообщила ему, что Сатанаиса теперь у сестры, как Сатанаиса вышла из комнаты и поговорила с ним. Но он не мог поручиться, что Этна не убежала незаметно от него.

– Все это не дает нам ключа к тайне, – подвел итог таборитский офицер. – Теперь мы знаем так же мало, как и полчаса назад.

– Это правда, – согласился бургомистр. Потом, обернувшись к Линде и Беатриче, он сказал: – Девушки, сохраняя молчание, вы компрометируете невинных. Наверняка один из часовых был подкуплен вами, и потому ваша госпожа сумела бежать!

– Линда! – вскричал Гондибер. – Вы же знаете, что я невиновен!

– То же самое относится и ко мне! – заметил другой солдат с упреком.

– Выслушайте меня, – произнесла Линда твердым и решительным

голосом, – Торжественно клянусь, что эти два человека ни при чем. Добавлю даже, что разговоры, о которых они упоминали, составляли часть плана, придуманного для побега моей госпожи. Стало быть, на меня должны падать все подозрения, виновна я одна.

Бургомистр отдавал уже приказание арестовать обеих девушек и обоих солдат, когда Кольмар отвел его в сторону.

– О ставьте на свободе обвиняемых, – молвил он. – Прошу именем перстня, подаренного мне знаменитым Жижкой.

– Будь по-вашему, – согласился старик. – Пойдемте, – сказал он своей свите.

Эрнест Кольмар, оставшись с Анжелой, Линдой и Беатриче, спросил, что они намерены делать дальше.

– Продолжать путешествие под вашим покровительством, – отвечали они. – Скоро мы получим новые приказания.

– Хорошо, – кивнул Кольмар, – мы сейчас поедem.

Устроив с хозяином гостиницы похороны Эрмаха, путешественники отправились в путь.

В девять часов вечера они остановились в другой гостинице и, поужинав, разошлись, намереваясь встать рано на другой день.

Но, как ни устал Эрнест Кольмар и телом и душой, он лег, не раздеваясь, и не мог заснуть. Однако глаза его смежились мало-помалу. Внезапно шелест платья заставил его вздрогнуть, он вскочил; перед ним стояла Сатанаиса.

Ода была одета, как тогда, когда Кольмар увидел ее в первый раз в лагере таборитов, чарующая улыбка играла на ее губах. Девушка поразила Эрнеста Кольмара: никогда не казалась она прекраснее.

Сатанаиса объяснила ему свое присутствие в этой гостинице, но рыцарь, наслаждаясь звуком ее голоса, ни о чем не размышлял: его волновали самые непонятные и самые сильные ощущения.

Увлекаемый страстью, Кольмар уверял Сатанаису в своей любви, и она, трепеща, обезумев от радости, принимала его слова с упоением. Часы пролетели, и лампа уже готова была угаснуть, когда Сатанаиса, встав с кресла, на котором сидела возле рыцаря, сказала:

– Я должна расстаться с вами. Завтра мы вместе поедem к австрийской границе.

– До скорого свидания! – промолвил рыцарь, поднеся ее руку к своим губам. – Вы знаете, что я вас люблю, Сатанаиса, и более всего желаю вам это доказать.

В эту минуту лампа погасла, и Эрнест Кольмар остался один в

темноте, но с сердцем, наполненным образом дочери сатаны. Рыцарь старался припомнить все слова, которыми они разменялись при свидании.

Глава 57

Отъезд Анжелы

Настал торжественный, таинственный час, когда Аврора начинает проливать свет на землю, и Анжела Вильдон вдруг пробудилась от восклицания, поразившего ее слух.

Она вздрогнула и, приподнявшись на постели, увидала Этну, наклонившуюся к ней.

– Молчите, не пугайтесь! – сказала Этна тихим и повелительным голосом. Отведя от Анжелы глаза, сверкавшие почти сверхъестественным блеском в полутемной комнате, она осмотрелась вокруг. – Да, вот броня, которая была на вас, я не ошиблась.

– В чем вы не ошиблись? – спросила Анжела.

– В том, кто тот незнакомец, который путешествует с Эрнестом Кольмаром, – ответила Этна мрачным и почти угрожающим тоном. – Но выслушайте меня внимательно, – продолжала она после минутного молчания. – После того как вас вытащили из реки, куда вы упали, вероятно, стараясь достать лодку, мои служанки отвели вас в мой шатер. Потом я предоставила вам комнаты, приготовленные для меня в пражском замке, и вы знаете, как дружелюбно обращалась я с вами.

– Да, вы были ко мне добры и великодушны, – согласилась Анжела. – И теперь обвиняете меня в неблагодарности?

– Разве Анжела Вильдон не употребила во зло мое добро и великодушие? – промолвила Этна.

– Особенности причины заставили меня освободить пленных, – возразила Анжела. – Все, что произошло потом, было делом случая, но клянусь вам, что, когда вы приглашали меня в крепость, я уже намеревалась пробраться туда.

– Но разве мое гостеприимство не должно было заставить вас отказаться от ваших планов, Анжела? – заметила Этна. – Вы же знали, что мне покровительствует генерал Жижка и я принадлежу к таборитам.

– Мною руководило провидение, – ответила Анжела. – Я обязана была спасти пленных.

– Пусть так, – молвила Этна. – Но обещайте мне доказать свою признательность за добро, которое я вам сделала.

– Говорите... говорите! – воскликнула Анжела. – Объясните, как я могу угодить вам?

– Я хочу, чтобы вы оставили рыцаря Эрнеста Кольмара, – сказала Этна, пристально глядя на нашу героиню.

– Сейчас? – спросила Анжела прерывающимся голосом.

– Без малейшего замедления, вы можете только с ним проститься, – повелительно ответила Этна.

– Я вам докажу, что сердце у меня не неблагодарное, – произнесла Анжела после минутного размышления. – Я исполню ваше желание.

– Спасибо, Анжела... спасибо! – вскричала Этна, схватив руку нашей героини и горячо пожимая ее. – Но не забудьте, что мое посещение должно быть сохранено в тайне, и вы не скажете Эрнесту Кольмару, зачем расстаетесь с ним.

С этими словами она исчезла.

С унынием стала Анжела надевать броню, в которой сражалась возле любимого человека, теперь покидаемого ею. Опустив забрало, с трепещущим сердцем вышла она из своей комнаты.

Эрнест Кольмар находился на дворе гостиницы. Приметив Анжелу, он поспешил к ней навстречу и приветствовал со всем дружелюбием истинной и искренней привязанности.

– Здравствуйте, мой храбрый незнакомец! – вскричал он, взяв нашу героиню за руку в железной перчатке. – Вам, наверное, тяжело постоянно носить броню, но я надеюсь, что скоро вы раскроете свое инкогнито.

– Эта минута настала, – заявила Анжела, пытаясь не выдать волнения. – И я говорю, что прощаюсь с вами, возможно, навсегда, – грустно прибавила она.

– Но чем я отплачу за услугу, которую вы оказали мне? – спросил наш герой. – Не стесняйтесь, я имею большую силу при австрийском дворе.

Но тут Сатанаиса в сопровождении Линды и Беатриче появилась в проеме двери, ведущей на двор гостиницы.

Анжела вскрикнула от удивления и восторга при виде женщины, живописный костюм которой чудно выставял ее красоту.

Обернувшись к рыцарю, наша героиня была поражена выражением удовольствия, одушевившем его черты, и подозрение, быстрое как молния, промелькнуло в ее голове.

– Это Сатанаиса, сестра Этны? – спросила Анжела так твердо, как позволяла ее природная гордость.

– Да. Позвольте представить ей вас, раньше чем вы уедете, – сказал рыцарь, направляясь к дверям, где по-прежнему стояла Сатанаиса. – Пойдемте, вы назовете свое имя при ней, чтобы она тоже вас узнала и научилась уважать.

– Нет... О кет! – вскричала Анжела, повинувшись внезапному побуждению. Потом вскочила на уже оседланную лошадь, прищпорила ее и умчалась как ветер, к великому удивлению Эрнеста Кольмара, так и не понявшему этого поспешного побега.

Глава 58

Погребальное шествие

Оставим Кольмара и Сатанису продолжать путь к австрийской границе и воротимся в ту гостиницу, где Этна убила пажа Эрмаха.

Было около восьми часов утра, когда у ворот гостиницы остановился всадник. Он ехал из Праги на великолепной лошади, очевидно, скакавшей очень долго. Сам он выглядел утомленным, броня его блестела от росы, а сапоги покрывала пыль. Рукоятка шпаги была обтянута черным сукном, а рука обвязана крепом. Это был человек пожилой, с жестким лицом и угрюмым взглядом. В его поведении, так же как и в выражении глаз, читались дерзость и преступные намерения.

Медленно слезши с лошади и бросив поводья слуге, подбежавшему принять его, путешественник вошел в гостиницу и спросил стакан воды. Ему поспешили подать, и, утолив жажду, он сообщил о цели своего приезда.

– Вам надо приняться за дело, господин трактирщик, и вам тоже, прекрасная хозяйюшка, – заявил он тоном и фамильярным, и повелительным. – Через час или два здесь пройдет погребальное шествие, и меня послали вперед позаботиться о том, чтобы участники его ни в чем не нуждались в то короткое время, пока они будут здесь.

– А сколько человек участвуют в шествии? – спросил трактирщик.

– Двадцать четыре, – ответил всадник. – Я даю вам два часа, чтобы подготовиться.

Два часа пролетели быстро, и погребальное шествие показалось. Как и обещал гонец, оно состояло из двадцати четырех всадников. Впереди ехала дама в трауре, под толстой вуалью. По ее левую руку располагался монах, лицо которого совершенно скрывал капюшон, по правую – два воина, вооруженные с головы до ног, с опущенными забралами. Потом – четыре молодые девушки, а за ними – четверо пажей замечательной красоты. Следом двигалась погребальная колесница, запряженная четверкой вороных коней и управляемая двумя кучерами в трауре. С каждой стороны катафалка, на котором стоял гроб, покрытый черным сукном с белым крестом, ехало по верховому. Шествие кончалось семью всадниками, вооруженными как тот, которого послали вперед, очевидно, их товарищ. Действительно, лица их переполняли те же решимость и свирепость.

Даму и ее служанок хозяйка отвела в подготовленные комнаты. Монах

проводил их до дверей, потом, остановившись на пороге, прошептал несколько слов старшей прислужнице, почтительно поклонился даме и ушел.

Дама упала на стул от усталости, а, возможно, также и – как подумала хозяйка – от сильного уныния, ибо из груди ее вырвался глубокий вздох.

Монах отправился в залу, где уже накрыли стол для него и вооруженных воинов. Для остальных была приготовлена особая комната.

Воины подняли забрала, один оказался маркизом Шомбергом, а другой – бароном Альтендорфом. Читатели, без сомнения, угадали, что монах был не кем иным, как Киприаном.

– Ее высочество в своей комнате? – спросил барон Альтендорф, когда вошел монах.

– Я проводил ее до порога, – ответил Киприан, отбрасывая капюшон назад, – и велел старшей служанке не допускать сношений ни с кем, пока мы не приедем в замок Альтендорф.

– И тогда мы поднимем богемское королевское знамя. – прибавил барон, – и объявим смертельную войну Жижке и таборитам.

– Да, и все крепости подхватят наш военный клич, – дополнил монах. – Если потребуется, я возьму крест и провозглашу крестовый поход против орды Жижки.

– Граф Роземберг будет сегодня вечером в Альтендорфе. Он успеет предупредить Родольфа о приезде принцессы и собрать всех моих вассалов, – добавил барон. – Хорошо, что граф вызвался отправиться вперед.

– Не надо забывать, что он спешил воротиться в свой собственный замок, чтобы привести его в оборонительное положение, – заметил Киприан. – Граф отлично знал, что Жижка взбесится, услышав о его побеге.

– Да, сегодня граф уже переночует у меня в Альтендорфе, – сказал барон. – Он опередил нас на два дня.

– Хорошо, что мы устроили погребальное шествие, иначе мы бы не сумели перевезти наши сокровища, – прошептал Киприан.

– Отъезд графа Роземберга избавил нас от его подозрений относительно того, что происходило в Белом Доме, – сказал барон.

– О! Для его безопасности будет лучше, если он не станет ничего выяснять, – заметил Киприан.

– А вы все еще не знаете, куда девался Эрмах? – спросил барон. – Я боюсь, не открыл ли он тайны Белого Дома рыцарю Кольмару, ведь тот наверняка все сообщит Жижке.

– Такое невозможно, – возразил монах. – Эрмах мог от нас убежать, но

только не разболтать тайну своего посвящения. Она слишком ужасна, он не осмелится преступить ее. Притом, если б Жижка знал наши секреты, Белый Дом и замок Гамелей давно бы перешли в его руки и превратились в пепел.

– Я полагаю, что рыцарь Кольмар просто отыскивает своих пажей и потому едет в замок Альтендорф, – продолжал барон.

– Пусть так, – сказал Киприан, – но если река не выкинет раздробленные тела этих молодых людей, он их не отыщет. А Эрмаха я найду, и Бронзовая Статуя накажет его за измену.

– Но он должен был останавливаться в этой гостинице с рыцарем и его свитой, – заметил маркиз Шомберг.

– Вы правы, – кивнул Киприан. – Надо узнать у трактирщика, что с ним случилось.

Тут вошел хозяин гостиницы в сопровождении слуг, несших блюда. Пока их ставили на стол, вельможи старались не показывать свои лица, скрываясь от лазутчиков Жижки. Трактирщик получил приказание удалиться со своими людьми, и три члена страшного трибунала сели за стол.

Пообедав, Киприан пошел к трактирщику и жене его, щедро расплатился и скоро выяснил все подробности происшествий, случившихся в гостинице два дня назад: смерти Эрмаха, ареста и побега Этны и непонятного появления Сатанаисы.

Монах заставил несколько раз повторить все детали, особенно касающиеся сестер, покровительствуемых Жижкой. Наконец лицо его приняло выражение свирепой радости.

– Я понимаю все! – вскричал он, словно отвечая на мучившую его мысль. – Да, я разгадал эту загадку. Дрожи теперь, Марьета! Несмотря на твои проделки, несмотря на покровительство Жижки, я отомщу страшным образом!

Потом он велел трактирщику передать свите, что шествие отправляется в путь, а через несколько минут вышел на двор сам, чтобы посмотреть, исполняются ли его приказания. Там он с удивлением увидел и постояльцев, и пажей, и слуг, собравшихся около путешественника, остановившегося у ворот гостиницы. Его слушали с любопытством и испугом.

– Какие новости? – спросил Киприан.

– Преподобный отец, – ответил трактирщик, – похоже, Жижка объявил войну богемским вельможам.

– Вот и начинается междоусобица, – заметил Киприан и, поспешив к

вельможам, ожидавшим его, – вкратце рассказал о смерти Эрмаха и об известиях, привезенных из Праги.

Через десять минут погребальное шествие пустилось в путь в том порядке, какой мы описали выше.

Глава 59

Договор

Жижка действительно устроил смотр своего войска на большой площади в Праге. Остановимся на минуту перед этой величественной сценой: подробности будут полезны для последующего нашего рассказа.

Погода стояла бесподобная, музыканты играли военные марши около городских ворот, откуда табориты шли на площадь. Окна, балконы, башни, купола были заняты пражанами. Распространились слухи, что Жижка собирается обнародовать свои намерения, и потому к любопытству примешивался страх.

Табориты были хорошо вооружены и хорошо обучены, кавалерия обзавелась превосходными лошадьми и несколькими пушками. Над головами развевались знамена с золотыми буквами: «Табор».

Ровно в полдень пушечный удар возвестил, что генерал выезжает из крепости. Его сопровождали только два пажа, составлявшие всю пышность выезда. Голову Жижки венчал шлем, тяжелая кираса защищала его грудь.

Невозможно описать энтузиазм, с каким Жижку встретило его войско. После шумных восторженных восклицаний воцарился порядок, и генерал внятным и звучным голосом произнес речь, сохраненную для нас историей и наполненную замечательным величием и благородством чувств.

По окончании парада генерал воротился в крепость, солдаты разошлись по своим казармам, зрители разбрелись, и в городе восстановилась сравнительная тишина. Но эта тишина была лишь наружной, ибо друзья изгнанных вельмож готовились присоединиться к ним.

Тем же вечером Жижка сидел в одной из зал пражской крепости, рассматривая большую ландкарту, на которой были обозначены замки богемских вельмож. Он был один, и солнечные лучи, падая на него, придавали зловещее и почти свирепое выражение его лицу, суровому уже от природы.

Время от времени какие-то бессвязные фразы и жалобы вырывались у него из груди.

– Намерения мои чисты, мои планы превосходны, – тихо пробормотал он. – И чем бы ни закончилась эта борьба, мир не скажет, что я начал ее из эгоизма. Нет, ведь честолюбие умерло в моем сердце, первая привязанность которого была так губительно разбита. Но для чего оживлять воспоминание о

старой любви? Для чего пробуждать чувство, которое столько лет я старался запрятать в глубины памяти? О Эрманда! Неужели твой образ еще не забыт мною!

Воин стер слезу, готовую выкатиться из глаз, и, чтобы разогнать мысли, затолпившиеся в его уме, продолжил рассматривать карту.

– В Белом Доме живет баронесса Гамелен, – сказал он. – Эта женщина слывет сострадательной и помогающей нуждающимся, но она известна как неприя-тельщица.

Произнеся такие слова, Жижка выдвинул ящик стола, перед которым сидел, и, достав записную книжку, прочитал в ней что-то.

– Вот, – заметил он по-прежнему сам себе, – замок Гамелей, принадлежащий баронессе того же имени, – крепость с обширными подземельями, в ней обитает множество молодых людей, находящихся на иждивении баронессы. Общиной управляет монах; в окрестностях видели несколько вооруженных человек. Но такие сведения можно приписать страху и суеверию. Замок крепок и может стать укрытием для наших врагов. Я пошлю двести таборитов занять его.

Едва Жижка принял это решение, таборит-охранник отворил дверь и сказал:

– Генерал, какая-то дама хочет немедленно говорить с вами.

– Впустите ее, – велел Жижка.

Таборит удалился, и через несколько минут высокая, стройная женщина под вуалью появилась перед генералом. Она постояла несколько секунд, внимательно глядя на него, потом произнесла:

– Простите, что я осмелилась настаивать на свидании с вами, генерал, но выслушайте меня со вниманием.

Тут она откинула вуаль, и Жижка увидал лицо изумительно прекрасное.

– Генерал Жижка, – продолжала женщина, – я пришла умолять о сочувствии и снисхождении. Я не знаю, каким образом изложить вам свою просьбу, потому что я не единомышленница, и мое имя, возможно, произведет неблагоприятное впечатление. Я баронесса Гамелей!

– Я думал о Бас только что, – заметил Жижка со свойственным ему спокойствием, – и я решил послать завтра потребовать ключи от вашего замка.

– Я и пришла протестовать против этого, – заявила баронесса. – Хотите взять с меня слово, что я останусь нейтральной?

– Милостивая государыня, – ответил Жижка, – я сожалею, что не могу исполнить вашей просьбы. В сложившихся обстоятельствах долг мой

приказывает оставаться неумолимым. Вы известны преданностью нашим врагам. Притом вы владеете крепостью с обширными подземельями, недалеко от которой часто видели вооруженных всадников в черных масках.

Баронесса побледнела, но тотчас оправилась и сказала:

– Генерал, я пришла сделать вам важные предложения. Я готова целиком перейти на вашу сторону и оказать вам громадную услугу, но прошу награды соразмерной моим будущим деяниям.

– Говорите, – кивнул Жижка, – как вы можете помочь нашему делу, и тогда я отвечу «да» или «нет».

– А если вы скажете «нет», – заметила баронесса, – обещаете ли вы сохранить мою тайну?

– Хорошо, – согласился генерал, – теперь говорите откровенно и ничего не опасайтесь.

– Прежде я назову мои условия, – продолжала баронесса, – если вы не пойдете на них, нет никакой необходимости объяснять, какую услугу я намерена вам оказать.

– Какие же это условия? – спросил Жижка.

– Во-первых, вы не пришлете солдат в замок Гамелей. Во-вторых, при раздаче земель, не тронете моих, в-третьих, в каких бы интригах я ни участвовала до сих пор, даруете мне полное и совершенное прощение и, в-четвертых, наконец, вы простите одного вельможу, которого я назову вам после. Вот мои условия, генерал Жижка.

– Они таковы, что я могу принять их лишь взамен услуги очень важной для таборитского дела. В последнем случае я соглашусь.

– Очень хорошо! – вскричала баронесса, просияв от радости, глаза ее засверкали торжеством. – Теперь мне нечего опасаться, я уверена даже, что мои требования не покажутся вам преувеличенными.

– А услуга? – поинтересовался Жижка.

– Я выдам вам принцессу Елисавету и ее сокровища, – ответила баронесса тихим, но решительным голосом.

– Она, конечно, в вашем замке?

– Как то, что над нами есть Господь, знаменитый генерал, – промолвила баронесса, – так и то справедливо, что принцесса и ее сокровища находятся не у меня в доме. Общайте Белый Дом, если хотите, общайте замок Гамелен, войдите в подземелья, осмотрите все углы, и вы не найдете ничего. Но если вы решитесь на такое, – прибавила она торжественно, – тогда все будет кончено между нами, включая мое предложение.

– Милостивая государыня, – произнес Жижка после минутного глубокого размышления, – я согласен на ваши условия.

– В таком случае вы дадите мне ручательство, подписанное вами? – спросила баронесса.

Генерал написал под диктовку баронессы ее четыре условия, подписал документ и подал женщине.

– Через неделю, – сказала она, спрятав бумагу па груди, – принцесса и ее сокровища будут вашими. Ко до тех пор договор, заключенный нами, и мое посещение должны сохраняться в глубокой тайне.

Она ушла, и предводитель таборитов остался один.

Он работал долго и уже за полночь решил лечь спать. Но, ко!да он направлялся в спальню, к нему привели гонца, покрытого потом и пылью. Он привез известия об убийстве Эрмаха и побеге Этны. Бургомистр также прислал отчет об аресте неизвестного никому молодого человека, на котором была броня, украденная, как говорили, освободителем троих вельмож. Бургомистр не забыл оправдаться в том, почему он выпустил этого юношу, рассказав о рыцаре, владевшем перстнем Жижки.

Последняя часть письма не привлекла внимания Жижки, так сильно взволновало его известие об Этне, помещенное в первых строках.

Целый час Жижка шагал по комнате в необычайном волнении, его лицо, обыкновенно бесстрастное, было переполнено ужасной тоской. Наконец он позвал доверенного офицера.

– Садитесь на коня, – сказал он, – и возьмите с собою шестерых солдат. Скачите за рыцарем Эрнестом Кольмаром по южной дороге. Вы найдете с ним Сатанаису, привезите ее в Прагу как можно скорее. Поезжайте, нельзя терять ни минуты.

Таборитский капитан, поклонившись, собрался уходить, когда Жижка, пораженный внезапной мыслью, воротил его.

– Возможно, – прибавил он, – Эрнест Кольмар попытается защитить Сатанаису от нас. В таком случае – но только в таком – отдайте ему эту записку.

Сев за стол, Жижка набросал наскоро несколько строк, запечатал бумагу и подал капитану. Офицер ушел, а генерал отправился в спальню.

Глава 60

Развалины старого замка

Мы оставили Эрнеста Кольмара и Сатанаису в ту минуту, когда Анжела Вильдон пришпорила лошадь и умчалась как стрела.

– Почему ваш друг покинул нас так поспешно? – удивилась Сатанаиса, подходя к рыцарю, который, замерев, смотрел туда, где исчезла Анжела.

– Я не знаю!.. – вскричал Кольмар. – Все, касающееся этого молодого человека, исполнено таинственностью.

Через несколько минут маленький отряд пустился в путь. К полудню путешественники добрались до леса, где рыцарь познакомился с Сатанаисой в таборитском лагере, и вскоре достигли развилки.

– Дорога направо, – сказал Кольмар, – проходит близ замка Альтендорф, другая длиннее, хотя тоже ведет к австрийской границе.

– Поедем по этой, – предложила Сатанаиса с некоторым нетерпением, указывая на последнюю дорогу, и, направив свою лошадь туда, произнесла своим обыкновенным, спокойным и мелодичным голосом: – Я предпочла этот путь, потому что там, на вершине, есть развалины старого замка и мы сможем остановиться и полюбоваться их величием.

Скоро доехали до развалин, о которых говорила Сатанаиса, и спрыгнули с лошадей, поручив их слугам. Рыцарь и Сатанаиса, приказав Линде и Беатриче ждать их возвращения, пошли между горами наваленных камней.

Замок возвышался на горе, откуда открывался прекрасный вид. Наружные стены, во многих местах обрушившиеся, простирались по крайней мере на три четверти мили в окружности, здания находились внутри них.

Но не рука времени сокрушила старую крепость, хотя прошло более четырех веков после ее основания. Ее печальная история читалась на стенах, почерневших от огня, на сломанных балках, концы которых торчали из-под камней. Война пронеслась тут, и рука человека разрушила за несколько дней то, что время сохраняло в течение нескольких поколений.

Держась за руки, Эрнест Кольмар и Сатанаиса проложили себе путь между обломками. Но в Сатанаисе появилось что-то странное. Ею овладел какой-то страх с той минуты, как они вступили сюда: она шла медленно и торжественно. Раза два она колебалась и останавливалась, как бы сожалея, что поддалась прихоти. Заметно было, что, несмотря на старания

поддержать разговор, мысли се путались, а сердце сжималось.

Мы не станем следовать за ними по галереям, по длинным коридорам, по помещениям, более или менее разрушенным. Выйдя из комнаты, служившей когда-то для пиршеств, Кольмар и Сатанаиса пересекли переднюю, где висело распятие, и остановились перед большою дверью, наполовину истребленной пламенем.

Они без труда отворили ее и очутились в капелле. Столбы позеленели от сырости, кафедра упала и сломалась, статуи валялись па полу. Алтарь находился в плачевном состоянии.

Рыцарь заметил, какое тягостное действие произвело увиденное на Сатанаису, и поспешил вывести ее по маленькой лестнице за алтарем. Уже на дворе Кольмар попросил Сатанаису подняться на башню, чтобы полюбоваться оттуда окрестностями. Молодая женщина согласилась, они забрались на самый верх: крыша была проломлена в нескольких местах, но парапеты находились еще в хорошем состоянии.

Медленно обводя глазами окружающие просторы, Кольмар заметил вдали, на горе, неясную массу, которая скоро приняла формы стен и башен.

– Посмотрите, Сатанаиса, – сказал он, протягивая туда руку, – там есть другой замок.

– Я уже заметила, – ответила она слегка дрожащим голосом.

– А вот, немного дальше, второй! – вскричал Кольмар.

– Да, я вижу, – сказала Сатанаиса, вздыхая.

– Три замка по соседству, и в нескольких милях один от другого, – прошептал рыцарь, не заметив волнения молодой женщины. – Надеюсь, что те два находятся в лучшем состоянии, чем этот.

– Нет, они тоже разрушены, – сказала Сатанаиса.

– Но что за ужасная судьба опустошила эту страну?

– Уйдем отсюда, Эрнест, уйдем! – воскликнула Сатанаиса, цепляясь за него с внезапным страхом.

– Ради Бога, что с вами, милая Сатанаиса? – спросил он.

– Безумно поступила я, – пробормотала Сатанаиса прерывающимся голосом, – вздумав прийти сюда. Я не предвидела, что мои воспоминания воротятся с такою силою.

Она села на обломок камня и, закрыв лицо руками, предалась своим мыслям. Рыцарь боялся усилить ее страдания, говоря о предмете, вероятно, тягостном для девушки.

Но только он собрался заговорить, как шум шагов заставил его повернуть голову. В ту же минуту и Сатанаиса подняла глаза.

Глава 61

Каким образом Анжела Вильдон

еще раз спасла рыцаря Кольмара

Старик, согбенный летами, с белой бородой, спускавшейся до пояса, медленно приближался к тому месту, где Сатанайса сидела возле Кольмара. Все в старике внушало уважение. Ему было не менее восьмидесяти лет, и хотя он шел, опираясь на палку, он был, по-видимому, еще довольно бодр. Грустное лицо его светилось доброжелательством, а в светлых, спокойных глазах отражалась душа, находящаяся в мире и с Богом и с людьми.

– Почтенный старец, – обратился к нему Кольмар, – неужели вы живете в этих развалинах?

– Я обитаю здесь уже несколько лет и здесь умру, – спокойно ответил патриарх. – Но мне показалось, что эта молодая дама нездорова. Если так, то в моей келье есть чистая вода, провизия, хлеб – пища очень умеренная, но я буду рад предложить ее.

Кольмар поблагодарил старика и обернулся к Сатанайсе узнать, расположена ли она принять приглашение, но его до того поразили вид и поведение Сатанайсы, что слова замерли на губах рыцаря. Она по-прежнему сидела на камне, но тело ее наклонилось вперед, шея вытянулась: Сатанайса смотрела на старика с удивлением, смешанным с испугом, точно старалась найти в его лице что-то, о чем сохранила воспоминание. Словом, она, без сомнения, испытывала сильное беспокойство и любопытство: внезапное появление старика целиком поглощало ее мысли.

– Сатанайса, – промолвил Кольмар, – этот старик предлагает свою келью, если вы хотите отдохнуть.

Страшное чувство волнения, удивления и страха, продержавшее Сатанайсу в оцепенении около минуты, вдруг прошло, и, вскочив, она вскричала:

– Эрнест, милый Эрнест! Уйдемте, умоляю вас!

– Но вы глубоко потрясены и хотите это от меня скрыть, – возразил Кольмар, взяв Сатанайсу за руку. – Мне действительно не следовало забывать, что вы говорили о воспоминаниях, вызванных в вас этим печальным местом.

– Ах! Кто же помнит замок Ильдегард во всем его блеске и великолепии? – сказал старик торжественно и подошел к Сатанаисе, державшей под руку рыцаря. – Не вы, молодая женщина, – продолжал он, устремляя свои голубые глаза на Сатанаису, которая не смогла выдержать его взгляда. – Впрочем, вам ведь лет девятнадцать и вы могли знать людей, живших в этом замке.

– Кто вы? – спросила Сатанаиса, задрожав, точно заранее зная ответ.

– Меня зовут Бернад, и я довольно долго служил барону Ильдегарду.

– Бернад! И вы долго служили барону Ильдегарду? – повторила Сатанаиса вполголоса.

– Сатанаиса, ради Бога, что с вами? – промолвил рыцарь, переполняясь беспокойством. – С той секунды, как мы попали сюда, все вас волнует.

– Не спрашивайте меня сейчас, любезный Эрнест, – прошептала Сатанаиса умоляющим тоном. – Я успокоюсь и совершенно оправлюсь через несколько минут.

Она опять села или, лучше сказать, опустилась на камень, точно подавленная тяжестью своих воспоминаний. Эрнест Кольмар, думая, что она желает побыть одна, чтобы оправиться, подошел к старику.

– Что за развалины виднеются к югу и к востоку? – спросил наш герой. – Кому принадлежали эти замки и почему они и гот, в котором мы находимся теперь, превратились в руины?

– А! Я вижу, что вы нездешний и не знаете истории трех замков, – заметил престарелый Бернад. – Развалины, лежащие под нашими ногами, составляют замок Ильдегард. Там, на горе, к югу, остатки крепости Манфред, а к востоку вы видите почерневшие стены крепости Жоржи. Трое вельмож, самых могущественных в Богемии, владели этими прекраснейшими замками. Моего господина, барона Ильдегарда, великого воина и неустрашимого охотника, прозвали Громом. Посмотрите, рыцарь, на то место у реки, где лежит дерево, разбитое молнией.

– Вижу, – сказал Кольмар. – Но о чем оно напоминает?

– Увы, увы! – воскликнул Бернад, мрачно качая головой. – Там, под этим деревом, в глубоких волнах Молдовы, труп несчастного...

– Молчите! – вдруг вскричала Сатанаиса в ужасе и тоске. Потом, вскочив со своего места, схватила рыцаря за руку и, глядя ему в лицо, сказала изменившимся голосом: – Если вы имеете хоть какое-нибудь чувство ко мне, Эрнест, уведите меня отсюда.

– Прощайте же, почтенный человек, – промолвил Кольмар, доброжелательно посмотрев на старика Бернада. – Теперь, милая Сатанаиса, – прибавил он, – я к вашим услугам.

– Позвольте мне проводить вас, – произнес Берnard.

Прежде чем Кольмар успел произнести слово и прежде чем Сатанаиса успела воспротивиться, Берnard начал спускаться впереди них по лестнице.

Через несколько минут они очутились внизу.

– Эрнест, – сказала Сатанаиса, бросая на своего спутника умоляющий взгляд и пожимая ему руку, – мы достаточно насмотрелись на эти развалины; заклинаю вас, отошлите старика и уведите меня прочь.

Едва она произнесла эти слова, как несколько вооруженных людей под предводительством монаха выскочили из-за камней. В мгновение ока старик Берnard повалился между обломками, сбитый с ног одним из нападающих, а Сатанаиса, встретив взгляд Киприана, пронзительно закричала.

– Умри, и да будет свершено мое мщение! – воскликнул монах, поднимая руку, и кинжал его сверкнул в лучах солнца.

– Нет, умрешь ты, чудовище! – возопила Сатанаиса в отчаянии.

Схватив свой кинжал, она бросилась на Киприана с яростью тигрицы.

Но монах ловко отпрыгнул в сторону и в ту же секунду направил удар в грудь Сатанаисы. Она отскочила, но не достаточно, чтобы уклониться от клинка, ранившего ее в руку. Кровь залила ее платье.

Все это случилось в одно мгновение, прежде чем Кольмар успел выхватить шпагу из ножен. Оружие его рассекло воздух в ту минуту, когда сообщники Киприана примчались на помощь к своему начальнику. Битву продолжали с бешенством, но с весьма неравными шансами на успех, когда Анжела Вильдон, по-прежнему в блестящей броне, появилась из-за угла здания и кинулась в самую гущу схватки.

Глава 62

Вынужденное пребывание в замке Ильдегард

При виде Анжелы нападающие, которые уже встречали ее в Белом Доме, в испуге остановились. Бернард воспользовался минутным замешательством, схватил Сатанаису и унес ее в башню. Киприан погнался было за ним, но отстал. Кольмар, заручившись неожиданной помощью, растерянностью врагов и колебаниями монаха, пронзил шпагой одного, стоявшего ближе к нему, и опасно ранил второго. Третий сам убежал со всех ног. Не собираясь преследовать его, рыцарь бросился за монахом, но тот, видя, что конвой уничтожен, вскрикнул от бешенства и исчез среди развалин.

Эрнест Кольмар хотел уже последовать за ним, но, вспомнив, что Сатанаиса ранена и ее унесли, бесчувственную, прекратил погоню за монахом и взбежал по лестнице наверх.

В это время Анжела Вильдон, радуясь тому, что получила возможность помочь Кольмару защититься от врагов, увидела слуг рыцаря, примчавшихся в испуге, и успокоила их, но сказала, что Сатанаиса была ранена в начале битвы.

– Ранена! – закричали Линда и Беатриче, переглядываясь с каким-то ужасом.

– Но где же она? – продолжала Линда, дико осматриваясь вокруг.

– Ее унесли в эту башню, – отвечала наша героиня.

– Спасибо! – воскликнула Линда и вместе со своей подругой устремилась в указанном направлении.

– Ах, капли крови на ступенях! – вскричала Беатриче. – Увы! Увы! Наша бедная госпожа!

– Она же с посторонним человеком! – с волнением прибавила Линда. – Что теперь будет?

Вернемся к Сатанаисе.

Упав на руки Бернарда, она лишилась чувств. Старик, внезапно обнаруживший энергию, которую никто не мог бы в кем заподозрить, все же вынужден был остановиться, ибо ноша оказалась слишком тяжелой для его слабых рук. Сняв свой галстук, он стал вытирать кровь, лившуюся ручьем из раны Сатанаисы. Видя, что не в силах остановить ее, он перевязал раненую руку и начал подниматься.

В одну из бойниц башни он проследил за тем, как кончилась битва, и,

успокоившись насчет участи друзей Сатанаисы, сосредоточил на ней все свои мысли и заботы. Наконец он добрался до вершины башни. Тут на лестнице, позади него, раздались шаги, и он задрожал при мысли, что их настиг монах: впрочем, старик видел, что монах попал совсем на другую лестницу, а значит, не мог тотчас догнать его. Но Бернард сразу успокоился, когда показался Эрнест Кольмар, взявший от него Са-танаису и со страхом прижавший девушку к своему сердцу.

– Положите се лицом вверх, ближе к воздуху, – сказал старик, – а я схожу за водой в мою келью.

– Пожалуйста, поскорее! – попросил рыцарь.

Пока старик Бернард бегал на другой конец башни, герой наш, став на одно колено, поддерживал Сатанаису.

Бернард воротился с рогом, полным воды. Кольмар спрыснул лицо Сатанаисы, грудь ее медленно приподнялась, потом зашевелились губы, и наконец она вздохнула свободно, раскрыла глаза и кротко улыбнулась, узнав Эрнеста Кольмара.

– Не бойтесь ничего, милая Сатанаиса, – сказала он, сжимая ее в объятиях. – Отгоните неприятные воспоминания: ваши враги разбиты, монах бежал.

– А молодой человек в блестящей броне, ваш неизвестный друг? – прошептала Сатанаиса, на лице которой отразилось внезапное беспокойство. – Что с ним случилось, я имею в виду.

– Он здрав и невредим, – ответил Кольмар.

– Мне теперь лучше, – промолвила Сатанаиса, устремив на рыцаря взгляд, полный нежности. Потом, вспомнив, что она ранена, с ужасом посмотрела на свою руку. – Кто меня перевязал? – спросила она.

Прежде чем ей объяснили, она увидела старика Бернарда, стоявшего поодаль, и задрожала так, точно все ее опасения вдруг родились заново.

– Это я забинтовал вас, как только сумел на темной лестнице, – заметил старик, подходя.

– На темной лестнице? – повторила Сатанаиса, стараясь проникнуть в смысл поступка Бернарда. Потом, успокоившись, сказала: – Искренне благодарю вас. А вам, Эрнест, – прибавила она нежным и тихим голосом, – как я смогу выразить мою признательность и мое восхищение вашей храбростью?

В эту минуту подоспели Линда и Беатриче и, увидев свою госпожу на руках рыцаря и перевязку на ее руке, вскрикнули от радости, потому что их опасения оказались напрасными.

– Милая Сатанаиса, – проговорил Кольмар, – я поручу вас попечениям

ваших служанок, а сам пойду посмотреть, что случилось с храбрым незнакомцем, появившимся так кстати.

– Я с вами, Эрнест! – вскричала Сатанаиса. – И... и...

Слова замерли на ее губах, и она опять лишилась сознания.

– Отнесите ее в мою келью, – сказал Бернارد, – вы найдете там все необходимое, чтобы привести ее в чувство. Этот обморок вызвали потеря крови и волнение.

Эрнест Кольмар помог молодым девушкам перенести Сатанаису, и ее осторожно положили на постель старика Бернарда.

Тут оде я из слуг рыцаря доложил ему, что незнакомец уехал.

– Как уехал?! – воскликнул наш герой, оскорбленный новой странностью своего неизвестного друга.

– Так, – подтвердил слуга. – Он велел передать вам, что важные дела не позволяют ему задерживаться долее, и ускакал вон в ту сторону.

– Эта дорога ведет к замку Альтсндорф, – заметил Бернارد. – Но поскольку вы должны, рыцарь, переночевать у меня сегодня, я покажу вашим слугам, куда можно поставить лошадей.

– Пожалуйста, – сказал наш герой, – я буду ждать вашего возвращения, мне не терпится услышать историю трех замков, от которых остались одни развалины.

Старик Бернارد сделал знак слуге следовать за ним и спустился по лестнице. Узнав от Линды, что Сатанаиса спокойно спит, рыцарь отправился туда, откуда мог видеть обе крепости, – Манфред и Жоржи. На него нахлынули мрачные мысли, он предчувствовал, что грядущий рассказ как-то повлияет на его судьбу. Он вспомнил, какое волнение завладело Сатанаисой среди развалин, как она вскрикнула при упоминании стариком Бернардом дуба на берегу Молдовы, и задрожал, сам не понимая причины.

Старик воротился, сел возле Эрнеста Кольмара и поведал следующую историю.

Глава 63

Рассказ старика Бернарда

«Во всей Богемии не существовало феодального замка великолепнее замка Ильдеград; обширные земли, окружавшие его, были замечательны своей плодородностью и природными богатствами.

Последнего барона Ильдегарда прозвали Громом. Отец его, человек суровый и угрюмый, лишился жены через несколько месяцев после рождения Грома и с тех пор ненавидел женщин. Как только мать положили в могилу, бедный ребенок был предоставлен попечениям лакеев, ибо всех женщин без исключения выдворили из замка. Пока он рос, его постоянно держали внутри крепости, отец вынуждал сына посвящать большую часть времени телесным упражнениям. Жизнь молодого барина протекала не очень счастливо, когда однажды ему пришлось сказать, что отец его умер от апоплексического удара.

Я прекрасно помню, как все было. Управитель, доктор, капеллан и я первые явились поздравить нашего молодого господина с баронским титулом. Ему минуло тогда восемнадцать лет. Высокий и стройный, с волосами черными как агат, он имел глаза, сверкающие необыкновенным блеском.

Барон, восхищавшийся в сыне только воинскими успехами, прозвал его, как я говорил, Громом, и все вассалы, наблюдавшие за воспитанием юноши, ожидали проявления в нем наклонностей еще более воинственных, чем те, что обнаружил его отец. Но велики были их удивление и разочарование. Замок Ильдегард переменился: молодой барон, по видимому, не имел другой цели, как вознаградить себя за суровую жизнь, к которой до сих пор был приговорен. Дни проводил он в самых разных развлечениях, а ночи в разврате. Замок и землями полностью распорядился управитель Корали, и пока барон Ильдегард имел под рукой деньги, обильный стол и веселых, довольных гостей, он не спрашивал себя, как его крестьяне переносили непомерные налоги.

Так пролетело два года. Барон Манфред, владелец замка, развалины которого вы видите вон там, совершил набег на земли Ильдегарда под предлогом, будто ему не уплачены какие-то суммы. Вассалы Ильдегарда взялись за оружие против своей воли и пошли сражаться под командованием Корали. Но скоро они были побеждены и обращены в бегство; сам управитель едва спасся.

От Ильдегарда не стали скрывать отчаянного положения его дел. Тогда, пробудившись от продолжительной летаргии и пренебрегая утешениями своих любовниц, молодой барон призвал всех своих вассалов к оружию, осмотрел свою казну, укрепления замка к приговору выступить навстречу неприятелю.

Битва происходила в нескольких милях от замка Ильдегард. Два года роскоши и праздности не ослабили руку воина: каждый его удар поражал врага, словно за бароном следовал демон убийства. Но войска Манфреда были многочисленны, одушевлены недавними успехами, и настала минута, когда молодой Ильдегард не сумел собрать свое войско.

Прийдя в отчаяние при виде несчастий, навлеченных на тех, кого долг повелевал ему защищать, и понимая, что все погибло, он вонзил шпоры в бока своей лошади. Благородное животное помчалось как стрела, но внезапно упало, и барон покатился наземь.

Когда он раскрыл глаза, он был совершенно один: его лошадь исчезла. Все безумие его прошлой жизни явилось пред ним, и бароном опять завладело глубокое отчаяние.

– Ах! – воскликнул он с тоской. Сейчас я принял бы даже помощь барона Альтендорфа, хотя он глава страшного трибунала!

Едва Ильдегард произнес эти слова самым энергичным тоном, как из леса показался воин, полностью вооруженный, с опущенным забралом, и подошел к нему.

– Ты звал меня на помощь, – молвил барон Альтендорф, – и я здесь. Но каждая минута промедления ухудшает твое положение.

– Спасите меня от бесчестья! – вскричал Ильдегард. – Помогите сразить Манфреда, и я навсегда останусь связан с вами самыми крепкими узами признательности и дружбы.

– Такой награды недостаточно, – возразил барон Альтендорф.

– На каких же условиях согласитесь вы помочь возвратить мои владения и спасти замок от завоевателей? – спросил молодой барон, доведенный до крайности.

– Послушай, – произнес Альтендорф торжественным тоном. – Тебе, без сомнения, известно, что я глава тайного общества, влияние которого распространяется на всю Богемию, трибунала Бронзовой Статуи. К ней поступают на службу так же, как идут в монастырь.

– Продолжайте! – закричал барон, задрожав. – Продолжайте, – повторил он, – и скажите, на каких условиях я могу рассчитывать на вашу помощь?!

– Поклянись отдать своего первенца в услужении Бронзовой Статуе, –

ответил барон Альтендорф, – и через несколько часов твои враги рассеяться, как листья, гонимые ветром.

– Клянусь! – возопил Ильдегард.

Барой Альтендорф пронзительно вскрикнул, к тотчас из леса появились его воины, следившие оттуда за битвой. Ильдегарда посадили на лошадь, и войско Альтендорфа, неожиданно напав на армию Манфреда, пока она не подозревала ни о какой опасности, почти полностью истребило ее.

Следующие три года мы жили счастливо. Несмотря на нерасположение к браку, господин мой просил и получил руку дочери барона Жоржи. Я хорошо помню, с какими словами Жоржи обратился к Ильдегарду, когда согласился отдать за него свою Эмилию.

– Мой юный друг, – сказал он, – я вверяю тебе мою дочь с убеждением, что ты сделаешь ее счастливою. Ее мать, которая теперь на небе, родила мне шестерых детей – одною сына и пять дочерей. Мальчик пропал в двухлетнем возрасте, и у меня есть основания думать, что его украли разбойники. Четыре девочки посвятили себя служению Богу и живут в монастыре, построенном мною поблизости от замка. Если сын не найдется, ты наследуешь все мое состояние; но если он вернется и меня тогда уже не будет в живых, ты отдашь ему замок и земли Жоржи. Для того чтобы не наткнуться на какого-нибудь самозванца, знай, что на правой руке моего сына есть родимое пятно, похожее на ягоду смородины. Я не потерял еще надежды увидеть его: двадцать лет прошло со времени его исчезновения, а я все-таки убежден, что он жив. Клянись же, барон Ильдегард, что ты поступишь честно с моим сыном, если после моей смерти он отыщется.

– Торжественно клянусь! – произнес барон, почтительно поднося к губам руку старика.

Через несколько дней отпраздновали великолепную свадьбу. Венчал новобрачных отец Геракл, капеллан замка, и событие это предоставило Еассалам случай повеселиться.

Я не стану описывать подробности последующих происшествий, только упомяну о них. Однажды прелестная Эмилия объявила своему мужу, что он скоро станет отцом. В порыве радости молодой барин сжал жену в объятиях и покрыл поцелуями. Но внезапно мрачная мысль промелькнула в его голове. У него, однако, хватило душевной силы, чтобы скрыть свою тоску. Он поспешил выйти, взял лошадь и отправился прогуляться. Долго ехал он, погруженный в задумчивость, когда вдруг его назвали по имени. Он остановил уже уставшего копя и, подняв глаза, заметил барона Альтендорфа.

Барон сидел на великолепной лошади, по-видимому, он приехал издалека. Ильдегард вздрогнул: он увидел что-то роковое в этой встрече.

– Я рад случаю, который нас свел, – проговорил барон Альтендорф. – Прежде всего я должен поздравить вас с вашим блестящим союзом. Вы не забыли, что обещали отдать своего первенца на службу Бронзовой Статуе?

– Но нельзя же считать серьезным обязательство, которое я принял в минуту отчаяния, сам хорошенько не понимая, в чем оно состоит! – вскричал барон Ильдегард. – Даже теперь я не имею ни малейшего понятия о деятельности трибунала Бронзовой Статуи.

– Когда вы давали свое обещание, – сказал Альтендорф, – у меня не было времени все вам объяснить, но сейчас я удовлетворю ваше любопытство. Трибунал Бронзовой Статуи – самое старое и самое страшное из германских тайных обществ. Его организация окружена секретностью, его влияние простирается на всю Богемию, а способ, которым оно наказывает тех, кто оскорбляет его членов, ужасен. Будучи обществом тайным, трибунал нуждается в агентах во всех частях страны. Люди, находящиеся на службе Бронзовой Статуи, обязаны доносить на любого, кто нарушит ее законы, будь это даже отец, мать, сестра или брат.

– И я обреку моего ребенка на презренное ремесло шпиона! – возопил барон Ильдегард. – Клянусь Богом, скорее чем довести моего сына или мою дочь до роли убийцы...

– Остановитесь! – перебил барон Альтендорф, повелительно протягивая руку. – Не говорите дурно о служителях Бронзовой Статуи, или обещаю, что вы станете одной из ее жертв... я вам докажу, что это не пустая угроза.

Он свистнул, и тотчас явились четыре вооруженных всадника. Барона Ильдеграда схватили, прежде чем он подумал о сопротивлении, привязали к лошади, завязали глаза и погнали во весь опор.

Солнце давно исчезло за горизонтом. Уже несколько часов барон Ильдегард отсутствовал в замке, и его молодая жена начала волноваться. Я старался успокоить ее. Стало совсем темно, и я не мог больше скрывать своих опасений. Наконец, в час ночи, мы услышали, как кто-то скачет галопом. Мы бросились к лестнице... баронесса встретила мужа на пороге... но в каком он был состоянии!.. Смертельно бледный... с неподвижным взором, выражавшим ужас, волосы стояли дыбом на голове... одежда в беспорядке.

Баронесса вскрикнула от испуга; муж застонал и без чувств упал к ее ногам».

Глаза 64

Продолжение рассказа Бернарда

«Едва открыв глаза, барон дико осмотрелся вокруг, точно боялся встретить нечто ужасное. Но при виде очаровательного лица жены, наклонившейся к нему с улыбкой, опасения его исчезли, и он почувствовал невыразимое облегчение. Он привлек баронессу к себе, покрыл ее поцелуями и поведал о том, что с ним случилось. Его привели в подземелье замка Альтендорф, и там он присутствовал при казни жертв Бронзовой Статуи. Рассказывая, барон сделал произвольное движение, правый рукав приподнялся, и баронесса вскрикнула от испуга. На запястье виднелся черный знак, издали походивший на ленту, но составленный из тысячи точек.

– Это был не сон! – прошептал барон, задрожав.

Все это случилось двадцать лет тому назад, барону Альтендорфу было тогда около тридцати.

Через несколько недель после описанного происшествия, барон Ильдегард нанял нового пажа, молодого человека двадцати трех лет, не кого иного, как Жижку... того, кто держит теперь в руках судьбу Богемии! Господин мой из сострадания предоставил ему убежище, ведь Жижка был и несчастен и беден.

Жижка скоро расплатился с тем, кто дал ему приют: он дважды спасал жизнь своему господину.

Должен вам сказать, что, узнав тайну барона Ильдегарда, отец Геракл отправился в Прагу и пробыл там несколько недель. По возвращении он не согласился сообщить причину своего отсутствия, говоря, что время все разъяснит.

Наконец, в августе, двадцать лет назад, баронесса родила дочь. Это событие более огорчило, чем обрадовало барона: он знал, на какую участь обречен несчастный ребенок.

– Успокойтесь, – сказал ему тогда отец Геракл, посвященный в опасения молодого отца, – обещаю вам, что трибуналу Бронзовой Статуи скоро придет конец.

– Возможно ли?! – вскричал барон, сложив руки и с тоской глядя на старика. – Ради Бога, объяснитесь, мой друг.

– Да, настала минута сообщить вам некоторые подробности, – согласился отец Геракл. – Знайте же, что, отправляясь в Прагу, я

намеревался просить короля уничтожить трибунал Бронзовой Статуи. И я изложил его величеству все известное мне об этом страшном тайном обществе. В ответ король поклялся не оставить камня на камне в замке Альтендорф и приказал мне вернуться в нашу провинцию и заручиться помощью двух-трех могущественных баронов, прибавив, что в нужную минуту он даст нам пять тысяч человек, чтобы атаковать замок.

– О Геракл! – воскликнул Ильдегард вне себя от радости. – Отчего вы не сказали этого раньше?

– Оттого, любезный барон, – ответил старик, – что мне не хочется начинать междоусобную войну, пока баронессе требуется покой. Притом я руководствуюсь обстоятельствами. Завтра я опять поеду в Прагу, – продолжал он, – а вы тем временем приготовьтесь к походу. Ваших войск, в соединении с войсками барона Жоржи и его величества, хватит, чтобы завладеть замком Альтендорф, и я обещаю вам, что всех членов страшного трибунала предадут правосудию.

Но едва старик скрылся за дверью, расположенной в конце комнаты, как другая дверь с шумом отворилась и барон Альтендорф появился на пороге. Ильдегард побледнел, ибо ему пришло в голову, что президент трибунала Бронзовой Статуи, без сомнения, слышал их беседу с отцом Гераклом, и положил руку на эфес своей шпаги.

– Вспомните, что ваша молодая жена лежит в смежной комнате, – заметил барон Альтендорф. – Звон нашего оружия непременно напугает ее. Выслушайте меня не прерывая. Я знаю планы отца Геракла и ваши, знаю и обещание короля, но я так же мало обращаю на все это внимания, как на листья, уносимые ветром. Среди советников короля есть члены трибунала Бронзовой Статуи, они сумеют помешать его намерению.

Барон Ильдегард пенял, что негодование и угрозы не принесут пользы, и унился до того, что начал просить своего врага пощадить его дочь, обещая всю оставшуюся жизнь исполнять его приказания.

– Ваши мольбы напрасны, – произнес Альтендорф с холодной усмешкой. – Даже я, глава трибунала Бронзовой Статуи, не вправе менять его законы и уклоняться от его правил. Через час вы получите страшное доказательство того, что ваши обязательства действительно существуют и тогда не упоминайте моего имени, остерегайтесь даже намекнуть на мое участие в том давнишнем событии, иначе, клянусь небом и всеми демонами ада, я стащу вас ночью с постели и вы умрете под «поцелуем» Девы.

– Какой ужас! – прошептал барон Ильдегард.

Несколько секунд он стоял, точно раздавленный тоской и отчаянием, а

когда поднял голову, барон Альтендорф уже исчез.

Прошел час, во время которого барон Ильдегард размышлял о своем незавидном положении. Наконец он решился отправиться к отцу Гераклу и попросить у него совета.

Он постучался и, не получив ответа, отворил дверь. Страшное зрелище предстало пред его глазами. Старик лежал на полу убитый. Невозможно выразить, какой ужас и какую печаль почувствовал барон. Он понял смысл угрозы, произнесенной Альтендорфом, ибо не сомневался, что отца Геракла убили служители Бронзовой Статуи.

Только спустя очень долгое время барон смог подумать о том, в какое трудное положение попал. Первой его мыслью было позвать людей, донести на барона, как на убийцу, вооружить своих вассалов и немедленно отомстить за смерть старого священника. Но тотчас он вспомнил о словах Альтендорфа и о необходимости в таком случае раскрыть договор, связывающий его с трибуналом Бронзовой Статуи. Не обратятся ли тогда на него подозрения, и не возненавидят ли его собственные вассалы и вся Богемия?

Барон Ильдегард пришел к заключению, что необходимо скрыть страшную катастрофу, и выдумать что-нибудь для объяснения исчезновения старика. Он запер дверь комнаты, положил ключ в карман и воротился к себе. Некоторое время провел он и возле постели жены, а когда настала ночь и все в доме смолкло, отправился в комнату Геракла, положил труп в мешок и, спустившись по потайной лестнице, пробрался в сад. Он собирался похоронить тело в уединенном месте, но волнение и боязнь быть застигнутым сделали его неспособным рыть могилу. Он опять взвалил ношу на плечи и побрел к реке. Но когда, положив несколько больших камней в мешок, он хотел бросить его в Молдову, из-за деревьев показался человек. Барон выронил труп и очутился лицом к лицу с Корали, отстраненным от должности за нечестность. Корали начал грозить донести на барона, как на убийцу монаха, если он не возвратит ему место управителя.

Подчиняясь необходимости, мой несчастный господин согласился. Условились, что на другой день Корали явится в замок, бросится к ногам барона и станет молить его о прощении. Так и было сделано, и через некоторое время негодяй вступил в прежнюю должность.

Однажды рыбаки вытащили неводом из Молдовы мешок с тем, что осталось от трупа. Слуги из замка, проходившие тогда мимо, узнали среди прочих вещей четки и крест, принадлежавшие Гераклу.

Это известие возбудило сильнейшее негодование в жителях.

Вспомнили, что барон Ильдегард распространил в Праге слухи о смерти Геракла, и стали обвинять его в убийстве. Крестьяне, собираясь толпами, клялись отомстить за того, кого уважали, как отца. Они двинулись к замку Ильдегард, выкрикивая самые чудовищные угрозы, и были остановлены только Корали, примчавшимся с отрядом стрелков, вооруженных с головы до ног.

Началось страшное избиение. Не знаю, каким чудом удалось мне вытащить из этого пекла баронессу Ильдегард и маленькую Этну, которой было тогда три года. Мы шли долго и остановились только в лесу. Через час к нам подъехали два всадника, и я узнал барона Ильдегарда и Жижку. У последнего был перевязан глаз и кровь текла по щеке: следовательно, его ранили в схватке.

Порадовавшись, что нашел жену и дочь, барон повернулся к Жижке.

– Каким образом могу я, друг мой, – сказал он, – отблагодарить тебя за услугу, которую ты оказал, вырвав меня из рук бешеных негодяев?

– Я бы не взял никакой награды, – ответил Жижка холодным и строгим тоном, – даже если бы вы были в состоянии вознаградить меня. Я видел, что ваши вассалы хотят убить вас, и, верный моему долгу, подверг опасности собственную жизнь для спасения вашей. Я лишился глаза, но не сожалею об этом, ибо я только расплатился за ваши милости. Теперь, когда вы в безопасности, мы расстанемся. Я благодарю вас, но если вы воротитесь завтра в свой замок, я ии часу более не прослужу человеку, обагрившему руки кровью благородного и праведного старика.

Барон Ильдегард застыл, точно громом пораженный, услышав подобные слова. Но, прежде чем он опомнился от удивления и негодования, прежде чем успел ответить, Жижка ускакал от него во весь опор.

Между тем барон Манфред со своим войском, воспользовавшись возмущением вассалов барона Ильдегарда, занял его замок. Жоржи и его зять собрали настоящую армию и двинулись к крепости, но устроенная ими осада ни к чему не привела: замок сгорел и принял тот облик, в каком вы видите его теперь. Барон Ильдегард, воротившись из этой экспедиции, занемог и умер через несколько дней.

Замок Жоржи, в свою очередь, был взят приступом бароном Манфредом, и баронессу Эмилию взяли в плен вместе с дочерью. Таким образом, лишившись всякого убежища, удалился я на вершину этой башни, откуда смотрю на крепость, где томилась в заключении моя благородная госпожа.

Через год после описанных происшествий барон Альтендорф затеял войну с бароном Манфредом, вероятно, потому, что тот не отдавал

маленькую Этну трибуналу Бронзовой Статуи. Барон Альтендорф взял замок приступом после двадцатидневной осады, барон Манфред погиб, а вассалы его сожгли крепость и уснули вечным сном под ее развалинами.

На этом кончается мой рассказ, ибо с того времени я никогда не слышал ни о баронессе Эмилии, ни о ее дочери. Много причин есть думать, что они погибли при пожаре замка Манфред, ведь баронессу заключили в башню крепости оттого, что она не хотела стать женою Манфреда».

Глава 65

Подозрения

Читатели, наверное, помнят, что, когда старик Бернард начал свой длинный рассказ, у Эрнеста Кольмара родилось странное подозрение относительно Сатанаисы. Он предчувствовал, что услышит удивительные вещи, но вовсе не думал, что они так сильно повлияют на его жизнь.

Уже в середине повествования Бернарда рыцаря поразило его сходство с рассказом Сатанаисы в саду пражского дворца. Ильдегард, прозванный Громом, напомнил ему Ильдегрима, прозванного Молнией, а Корали – Карс-Али в истории дочери сатаны. Наверное, Манфред был Мансуром, а барон Жоржи грузинским князем.

Это открытие, настигнувшее Кольмара, как громовой удар, привело его в смятение. Мы знаем, что он полюбил Сатанаису, а она обманула его. Но, преодолевая свое волнение, рыцарь продолжал слушать старика и по мере того, как события следовали одно за другим, убеждался, что Сатанаиса переиначила подлинную историю с целью, которой он объяснить себе не мог.

Солнце давно зашло, когда старик закончил говорить; вокруг башни сгущались сумерки.

– Ваш рассказ очень заинтересовал меня, – произнес Эрнест Кольмар.
– И я рад, что Этна жива.

– Как?.. Этна Ильдегард жива?! – с удивлением вскричал Бернард. – Где она, Боже мой! Мне бы хотелось броситься к ее ногам, сжать в своих объятиях и взглянуть на нее перед смертью.

– Я не знаю, где она, – сказал Кольмар, – но я видел ее несколько раз.

– И хороша она? Красива? – продолжал старик Бернард, плача, как ребенок. – Счастлива ли она?

– Да, она хороша, хороша, как ангел, – промолвил Кольмар и, уклоняясь от ответа на второй вопрос, поспешил прибавить: – Мать ее давно умерла, по крайней мере, у меня есть причины так думать. Но вряд ли баронесса Ильдегард погибла, как вы предполагаете, при пожаре в замке барона Манфреда. Скажите, не было ли у нее другой дочери, кроме Этны.

– Нет! – воскликнул старик, не скрывая удивления. – Баронесса Ильдегард больше не выходила замуж. Я уже говорил, что, по-моему, несчастная женщина погибла в огне.

– Вы никогда не слыхали, чтобы у Этны была сестра, родственница,

почти сверстница, очень похожая на нее?

– Никогда.

В эту минуту дверь комнаты, в которой лежала Сата-наиса, отворилась, и лучи лампы осветили крышу башни. Из комнаты вышли Линда и Беатриче, и Кольмар, оставив старика Бернарда, поспешил подойти к ним.

– Как теперь ваша госпожа? – спросил он.

Девушки ответили, что ей лучше: она проснулась.

– Могу я навестить ее? – продолжал Кольмар.

– Я доложу госпоже о вашем желании, – сказала Линда и воротилась к Сатанаисе.

Очень скоро она вернулась и сообщила, что Сатанаиса с удовольствием примет рыцаря Кольмара, и, пока девушки занялись беседой со стариком Бернардом, наш герой направился в маленькую комнатку, занимаемую дочерью сатаны.

Глава 66

Горестное объяснение

Комната эта, как мы говорили, освещалась лампой; прекрасная Сатанаиса лежала на постели. Она не раздевалась, ее чудные волосы рассыпались волнами по плечам, а на руке была повязка, наложенная Бернардом и поправленная служанками.

Едва Кольмар появился на пороге, Сатанаиса приподнялась и бросила на него тревожный и пронизательный взгляд, точно понимала, что наступает переломный момент в ее судьбе и результат зависит от мыслей, занимающих ее возлюбленного.

Глаза их встретились: у Сатанаисы они выражали жестокое беспокойство, а у Кольмара – горечь. Почувствовав, что самые ужасные ее опасения подтвердились, и не сумев подавить стон, вырвавшийся из груди, Сатанаиса продолжала смотреть на рыцаря со страхом и отчаянием.

Эрнест Кольмар подошел к постели и взял Сатанаису за руку. Простояв так с минуту в глубоком молчании, он наконец сказал:

– Способны ли вы теперь поговорить со мной о важных вещах?

– Будь я даже при смерти, Эрнест Кольмар, я бы стала умолять вас об этом, – произнесла Сатанаиса голосом, дрожащим от волнения.

– Вы догадываетесь, – продолжал рыцарь с трогательной меланхолией, – что за истекшие часы я мог кое-что узнать от человека, которого мы встретили сегодня в развалинах замка Ильдегард?

– Я вижу, что Берnard беседовал с вами, – молвила Сатанаиса. – Но скажите мне, Эрнест, – с пылкостью вскричала она, – скажите сейчас, если все кончено между нами!

Сев на постели, она посмотрела на него с видом преступницы, понимающей, что ее жизнь зависит от приговора судьи.

– Сатанаиса, – сказал рыцарь торжественным тоном, вы задаете вопрос, на который я не могу ответить немедленно. Ответ вам может дать ваша совесть. Я сейчас узнал вещи очень странные; я услышал рассказ, возбуждавший в моей душе самые жестокие сомнения, и теперь боюсь, что вы не сумеете дать мне удовлетворительное объяснение.

– Коли так, все действительно кончено! – воскликнула Сатанаиса и, упав на постель, закрыла лицо руками.

Когда же она приподняла лицо, Кольмар прочел на нем тысячи страстей, отражавшихся там, как тени: тоску, рухнувшее ожидание,

страдания безнадежной любви, сожаление обманутого честолюбия, стыд, горе разбитого сердца.

И тогда рыцарь убедился, что Сатанаиса на самом деле его любит. Он попытался что-то сказать, придумать утешительные слова, но губы его лишь бесполезно дрожали и голос замирал в горле. И хотя он желал привлечь Сатанаису к себе, прижать ее к сердцу, уверить, что прощает ей прошлое, какое-то непонятное чувство удерживало его и замыкало рот.

Наступило минутное молчание, прерываемое только тяжелыми вздохами Сатанаисы. Она не плакала, не стонала, а в мрачном, безмолвном отчаянии точно замерла, оцепенела.

Наконец к рыцарю возвратился голос, и он промолвил с неизъяснимой тоской:

– Сатанаиса, приговор произнесен вашими собственными устами, мне ничего более не остается, как проститься с вами... проститься навсегда.

– Боже мой! Вот до чего я дошла! – вскричала она с такой горестью, что дрожь пробежала по телу Кольмара и слезы брызнули из его глаз.

Потом, медленно поднявшись, Сатанаиса оперлась локтем о подушку, опустила голову на руку и, устремив на рыцаря печальный взгляд, сказала:

– Да, мы должны расстаться навек, выбора нет. Теперь, когда прошел первый припадок отчаяния, я могу вооружиться мужеством и покориться своей участи. Но для собственного оправдания я должна объявить, что, несмотря на все мои хитрости и притворство, с первой минуты кашей встречи в лагере таборитов я полюбила вас с такой пылкостью и страстью, на которые способны немногие женщины. Да, мы должны расстаться. Но умоляю вас, Эрнест, простите мне прошлое и позвольте надеяться, что вы будете вспоминать меня изредка. Вы никогда более не услышите обо мне, никогда не встретитесь со мною. В затворничестве, на которое я себя обрекаю, чтобы оплакивать свою печальную участь, я не забуду ваш, образ и стану молиться за ваши успехи, счастье и благоденствие. Не презирайте же меня, Эрнест. Скажите лишь одно доброе слово прощения, и я унесу его с собою, дабы сохранить в памяти, как клад!

– Да, Сатанаиса... я прощаю вам прошлое... полностью, искренне прощаю, – произнес Кольмар, пожимая ее руку и тотчас выпуская ее, как бы желая показать, что пытается перебороть ту страсть, что увлекла его на край гибельной пропасти, – Каковы бы ни были причны, – прибавил он, – по которым вы обманули меня, я никогда не забуду о вашей любви. И не сомневайтесь, что я навсегда ваш друг. Но разве вы не объясните мне, почему поступили подобным образом?

– Что я должна объяснить? – спросила Сатанаиса, отирая слезы,

блиставшие на ее длинных ресницах.

– Почтенный Бернард закончил свой рассказ тем, что, по его мнению, баронесса Эмилия и ее дочь Этна погибли в развалинах замка барона Манфреда, – заметил рыцарь.

– Да, я понимаю, ведь он больше ничего не знает, – кивнула Сатанаиса, по-видимому, погрузившись в глубокие размышления.

– Я ни в чем не упрекаю вас, Сатанаиса, я даже простил прошлое, хотя вы нанесли смертельный удар по моему счастью, – молвил рыцарь. – Но по крайней мере объясните откровенно то, что кажется мне непонятным. – Он умолк на минуту, чтобы сверхъестественным усилием подавить волнение, – у Сатанаисы щеки были мокры от слез, – потом продолжил: – Это ваше горе уничтожило бы всякий мой гнев против вас. Нам обоим предстоит жестокое испытание, но мы оба должны запастись мужеством для того, чтоб каждому пойти своим путем.

– Я понимаю вас, Зрпест, – сказала Сатанаиса, – и завтра объясню вам столько, сколько сумею. А пока наша беседа нагнала на меня лихорадку и расстроила мои мысли.

– Будь по-вашему, Сатанаиса, – согласился рыцарь, испытывая искреннее сострадание к женщине, которую видел недавно исполненной надежды и радости и теперь разбитую горем. – Да, сейчас вы нуждаетесь в покое, и мне ни за что на свете не хотелось бы увеличивать ваши мучения. Завтра утром мы увидимся в последний раз.

Эрнест Кольмар взял руку Сатанаисы, пожал ее и выбежал, не смея поднять глаза на женщину, которую он так любил и которая обманула его столь странным образом.

Глава 67

Последнее свидание

Ночь прошла, и через час после восхода солнца Эрнест Кольмар поднялся на башню. Волнуемый единственной мыслью, сжимавшей его сердце, он направился прямо к комнате Сатанаисы.

Он не смыкал глаз всю ночь. Подобно страждущей душе, он бродил среди развалин и по берегу реки, предаваясь самым разным думам, порожденным вчерашними происшествиями. Теперь же его тоска стала совсем нестерпимой.

Призвав к себе все свое мужество и энергию, рыцарь тихо постучался в дверь, и та немедленно отворилась. Линда и Беатриче, поклонившись ему, вышли навстречу. Кольмар заметил, что глубокая печаль застыла на их лицах, а глаза были красны от слез. Но он не стал ни о чем спрашивать их, потому что увидел в глубине комнаты Сатанаису, лежащую на постели. Он перешагнул порог и затворил за собою дверь.

– Вот и вы, Эрнест. Вы пришли на наше последнее свидание, – промолвила Сатанаиса таким тихим голосом, что ее трудно было расслышать. – Но, ах! Какой у вас расстроенный вид! Вы бледны: верно, провели ночь в горестных размышлениях, – прибавила она с беспокойством.

– Да, Сатанаиса... Я провел печальную ночь, – ответил Кольмар, садясь возле постели. – Я вас любил, но надежды мои увяли, как цветок, отравленный ядовитым дыханием. Я не могу более думать о том; чтобы соединить с вами судьбу, а между тем знаю, что люблю вас горячее прежнего. Я не стал бы в последний раз испытывать на себе ваше влияние, если бы чувство могущественнее пустого любопытства не побуждало меня просить у вас обещанных объяснений, ибо в том, что я услышал вчера, много странных вещей.

Рыцарь придвинул стул ближе к кровати и приготовился внимать Сатанаисе.

Молодая женщина глубоко вздохнула, потом, собрав все свое мужество, начала следующее повествование:

– Вы говорили, что старик остановился на разрушении замка барона Манфреда. Он убежден, что баронесса Ильдегард и ее дочь Этна погибли под его развалинами. Прежде чем сообщить, как они спаслись, я должна сказать вам, что после приезда баронессы в замок барон Манфред упорно

преследовал ее своей любовью. Сначала несчастная женщина обращалась с ним с презрением, не скрывая своего отвращения: она видела в нем виновника несчастий, разбивших сердце ее мужа, и злодея, принесшего смерть ее отцу и сестрам, сгоревшим при пожаре. Манфред, повинувшись только своим диким инстинктам, скоро перестал упрашивать и угрожать. Несчастливая, испуганная Эмилия переменяла тактику и начала тянуть время. Надеясь, что потом ее положение изменится, она вымолила год, чтобы оплакивать смерть мужа, обещая, что в конце этого срока выслушает предложения своего палача, плененного ее красотой, в горе ставшей еще чудеснее. Барон согласился, и год уже истекал, когда барон Альтендорф потребовал выдать ему Этну. Манфред сообщил об этом несчастной матери, и та, в ужасе от мысли, что может расстаться с дочерью, бросилась к потам палача, умоляя защитить ее. Манфред объяснил несчастной, на каких условиях поможет ей, и, хотя Эмилия считала его виновником смерти всех своих родных, она согласилась ради Этны. Накануне дня, назначенного для свадьбы, барон Альтендорф пришел со всем своим войском к стенам замка. Свадьба была отложена, и три недели гарнизон храбро защищался, но наконец враги взяли крепость. Манфреда убили, и вассалы в отчаянии подожгли замок. В суматохе Эмилия Ильдегард убежала, унеся Этну на руках, и, благодаря ночной темноте, успела добраться до соседнего леса. Затем она достала крестьянскую одежду для себя и дочери и отправилась в Прагу. К счастью, с ней было множество драгоценностей, подаренных ей на свадьбу бароном Манфредом. Она продала их и купила в уединенном месте скромный домик, где собиралась посвятить себя единственно воспитанию дочери. Чтобы скрыться от барона Альтендорфа, она назвала Этну Марьетой. Прошли два года почти в полном спокойствии. А потом случилось одно происшествие, сильно повлиявшее на будущность Этны.

Сатанаиса остановилась на минуту перевести дух, а также собрать мысли и упорядочить воспоминания. Затем она продолжила рассказ:

– Как-то летним вечером Эмилия сидела возле своего домика, разговаривая с Этной, которой было тогда девять лет, и вдруг недалеко от них показался на дороге всадник. Лошадь неслась так быстро, что испуганная баронесса поспешно вскочила, а лошадь, точно совсем взбесилась, перепрыгнула ров и сбросила всадника у забора, огораживающего сад. Каково было удивление баронессы, когда она узнала в упавшем бывшего пажа своего мужа Жижку! По его движениям она заметила, что он ушиб руку. Старый слуга снял с него платье, чтобы посмотреть, не опасен ли удар, но при виде руки баронесса онемела от

удивления: повыше локтя обнаружился знак, похожий на ягоду смородины.

– Как! Жижка – украденный сын барона Жоржи, брат баронессы Эмилии, дядя Этны?! – вскричал Эрнест Кольмар.

– Да, – ответила Сатанаиса. – Жижка скоро узнал, что жена его бывшего господина приходится ему сестрой. Оставив службу у барона Ильдегарда, Жижка поехал в Венгрию и принял участие в кампании против турок, отличившись в ней незаурядной храбростью и достигнув самых высоких военных почестей. Ушиб, причиненный падением, принудил его остаться на несколько недель у баронессы Эмилии. За это время он очень привязался к своей маленькой племяннице Этне.

– Ему не пришло в голову объявить о своем происхождении и потребовать возвращения своих владений? – спросил Кольмар.

– Нет, – сказала Сатанаиса, – ведь для этого ему следовало заявить, что сестра его жива. Трибунал Бронзовой Статуи, принявшись за поиски, выяснил бы, что Этна тоже не погибла. И Жижка пожертвовал собственным возвышением ради спокойствия сестры и безопасности племянницы. Он вернулся в Прагу, к службе при дворе, но потом опять приехал на несколько дней в смиренный домик сестры. Тогда-то баронесса и занемогла. Чувствуя приближение кончины, она поручила свою дочь Жижке, потом, обняв Этну одною рукою, а другою пожимая руку брата, попросила Бога благословить эти дорогие для нее существа и скончалась.

Сатанаиса, голос которой совсем ослабел и дрожал, вдруг заплакала и, спрятав голову в подушки, прорыдала несколько минут.

– Эти воспоминания жестоко вас волнуют, – заметил рыцарь, когда Сатанаиса немного успокоилась.

– О, если б вы знали все! Если б я осмелилась сказать вам, Кольмар!.. – вскричала Сатанаиса, приподнимая лицо, орошенное слезами, и ломая в отчаянии руки.

– Стойте! Я помню, что Этна тоже употребляла такие выражения, – произнес рыцарь, пораженный подобным совпадением. – Чего же не смела сообщать мне Этна и на что намекаете вы, Сатанаиса?

– Ах! Не мучьте меня, Эрнест, заклинаю вас! – воскликнула Сатанаиса. – Позвольте мне лучше продолжить. Как только моя мать...

– Ваша мать, Сатанаиса? – изумился Кольмар.

Не успел он произнести эти слова, как послышался шум шагов и голосов в башне.

– Неужели нам угрожает новое нападение со стороны монаха? – пробормотал рыцарь, хватаясь за шпагу.

Дверь отворилась, и один из офицеров Жижки, сопровождаемый

шестью таборитами, появился на пороге. За ним шли старик Бернард, Липда и Беатриче.

– Ах! – вздохнула Сатанаиса, узнав офицера, – Наверно, нам угрожает опасность и солдат прислали на подмогу:

– Объявляю вас нашей пленницей, – произнес офицер твердым, но почтительным тоном.

– Пленницей?! – вскричала Сатанаиса. – Это невозможно!

Эрнест Кольмар заслонил ее собою, но по знаку капитана табориты оттолкнули рыцаря, и цока он боролся с троими, остальные схватили Сатанаису.

Отчаянно старалась Сатанаиса вырваться от них и обнажить кинжал, но во время борьбы повязка свалилась с ее руки.

Она вскрикнула; битва между Кольмаром и таборитами вдруг остановилась, и все глаза обратились на Сатанаису, лишившуюся чувств.

Удивленные восклицания слышались со всех сторон. Рука, прежде покрытая повязкой, была белее снега, следовательно, смуглый цвет лица Сатанаисы был неестественным.

– Унесите ее! – закричал офицер.

Но рыцарь оттолкнул солдат от постели, на которой лежала Сатанаиса.

– Одно слово, рыцарь Кольмар, – молвил офицер.

– Нет! – крикнул Эрнест, размахивая шпагой. – Уйдите!

– Мне даны решительные приказания, рыцарь, – настаивал офицер. – Нас послал генерал Жижка.

– Если этот перстень обладает силой, повелеваю вам удалиться, – произнес Кольмар, показывая перстень, подаренный начальником таборитов.

Солдаты сразу узнали его и отступили, готовые повиноваться владельцу талисмана, но капитан, вынув из кармана письмо, подал его рыцарю.

Эрнест Кольмар распечатал послание и быстро пробежал его. Оно было коротко и заключало следующее:

«Остановитесь, пока не поздно. Не сопротивляйтесь приказанию, которое мой посланец должен исполнить любой ценой. Этна и Сатанаиса – одно и то же лицо».

Это известие произвело на Кольмара действие громового удара. Шпага и нисьмо выпали у него из рук, голова закружилась, он зашатался и упал.

Глава 68

Каким образом барон Альтендорф

мечтал добиться короны для своего сына

Читатели не забыли, без сомнения, погребальное шествие из Праги в замок Альтендорф. Они помнят также, что, когда шествие остановилось у гостиницы, где Этна убила пажа Эрмаха, Киприан узнал от трактирщика и его жены все подробности случившегося. Побег Этны возбудил подозрение в монахе, а его проникательность вкупе с тем, что он уже выяснил об этой девушке, скоро довели Киприана до того заключения, что Сатанаиса была вымыслом. Иными словами, Этна и дочь сатаны были одним и тем же лицом.

Подобное открытие только увеличило его желание отомстить. Убежденный, что Этна присоединится по дороге к Эрнесту Кольмару, он взял с собою человек шесть из конвоя и погнался за теми, кого считал смертельными врагами.

Мы знаем результат погони и нападения, но последние объяснения понадобились для заполнения пробела в нашем рассказе. С сердцем, кипящим от ярости, Киприан убежал в лес, к спрятанным лошадям, и там к нему присоединился единственный оставшийся в живых его подчиненный. Они поскакали верхом и почувствовали себя в безопасности, только когда заметили башни замка Альтендорф.

Киприан увидал, что сын барона Альтендорфа уже начал готовиться к приему принцессы Елисаветы. Но приготовления, однако, ограничивались только левым флигелем замка: правый был по-прежнему необитаем. Родольф полагал, что он не успеет привести в порядок комнаты, в которых столько лет никто не жил.

Бурная деятельность кипела в левом флигеле. Залу банкетов украшали знамена, буфеты ломились от серебряной посуды. С окрестных ферм доставлялась провизия в громадных количествах. Кроме того, разосланы были гонцы во все деревни, зависевшие от поместья Альтендорф, дабы призвать вассалов защищать замок.

На следующий день погребальное шествие прошло по подъемному мосту в крепость. Родольф принял принцессу с глубоким уважением, ее встречал почетный караул.

А когда она сходила с лошади, на центральной башне было поднято богемское королевское знамя.

Барон, спрыгнув с коня, подошел к принцессе Елисавете и молвил, преклоняя колено:

– Добро пожаловать в мое жилище, знаменитая королева Богемии!

Воздух огласился радостными восклицаниями, легкая краска залила прелестное лицо Елисаветы, и слабая улыбка промелькнула на ее губах. Тихим, дрожащим голосом она коротко поблагодарила барона Альтендорфа и его сына за вежливость, потом, сделав своим женщинам знак следовать за нею, удалилась в приготовленные для нее комнаты.

Вечером великолепный пир происходил в большой зале, так роскошно украшенной, но королева, как ее называли теперь, сославшись на усталость, не присутствовала на обеде.

Было около полуночи, лампы заливали ярким светом залу, и никто не думал уходить. Вино текло, можем сказать, потоками, ибо вельможи, по взаимному согласию, выбрали барона Альтендорфа командующим королевской армии.

Одного из присутствующих, маркиза Шомберга, обидели почести, которыми осыпали барона Альтендорфа. И хотя он не смел громко протестовать, в сердце у него кипела ярость. Его гордый дух был оскорблен, честолюбие обмануто. Он надеялся, что высокое звание и огромные богатства, делавшие его выше барона Альтендорфа, обязательно примут в соображение, тем более что он уже стал президентом совета вельмож в Праге. Однако он сумел, хоть и с трудом, сдержаться и скрыть свои чувства. Мало того, он присоединил свои приветствия к приветствиям других вельмож, и, похоже, никто не заподозрил его в неискренности.

Итак, было около полуночи, когда энтузиазм гостей достиг вершины. Вдруг музыка прекратилась, один из вельмож встал и знаком попросил молчания.

А потом он красноречиво описал положение той, которую они признали своей государыней. Он представил принцессу более одинокою, чем самый смиренный из ее подданных, хотя она находилась в окружении преданных сердец, готовых умереть за нее. Далее он заговорил о верности престолу и патриотизме барона Альтендорфа, сделавшего из своего замка штаб-квартиру борьбы против таборитов. Затем, вернувшись к одиночеству королевы, заметил, как было бы хорошо для ее счастья и общественных интересов, если бы она вышла за сына какого-нибудь знатного вельможи. Подобный союз, прибавил оратор в заключение, доставил бы удовольствие богемской аристократии, которая с гордостью приняла бы короля,

избранного из ее среды. Народ тоже одобрил бы такую меру, ведь у соседних государств не осталось бы ни малейшего предлога вмешиваться в дела Богемии.

Речь эта вызвала гром рукоплесканий, и вельможи единогласно провозгласили, что супругом королевы Ели-советы должен стать сын барона Альтендорфа. Было более часу, когда гости встали из-за стола и разошлись по своим комнатам. Лампы погасли, усталые слуги удалились, часовых сменили на валах, и тишина воцарилась в большой феодальной крепости.

Глава 69

Монах и барон

Киприан присутствовал на обеде, он ушел за несколько часов до того, как возник вопрос о союзе Родольфа с королевой Елисаветой.

Проснувшись рано на другое утро, он попросил Губерта узнать, может ли принять его барон Альтендорф. Старый управитель удалился и, воротившись через несколько минут, повел монаха в комнату барона.

– Здравствуйте, отец мой, – сказал барон. – Какое дело подняло вас ни свет ни заря? Не неприятные известия, надеюсь?

– Нет, – ответил монах, – просто мне надо сказать вам несколько слов наедине.

– Хорошо, – кивнул барон. – Губерт, вы можете идти.

Старый управитель поклонился и вышел, но вместо того, чтобы отправиться к себе, он проник в комнату, смежную со спальней барона.

– Теперь мы одни, – сказал барон, так что говорите без опасения. Очевидно, вы намерены подробно описать экспедицию, предпринятую вами третьего дня и закончившуюся столь неудачно.

– Нет, я не хочу утомлять вас таким рассказом, – заявил монах. – Достаточно будет сообщить, что, если мы и потерпели неудачу, то лишь благодаря внезапному появлению того самого человека, что вывел вас из пражской крепости.

– Мой освободитель назвался каким-то Анжелом Вильдоном, – заметил барон. – Помнится, вы обещали рассказать что-то интересное о нем. Вы за этим пришли?

– Отчасти, – ответил Киприан. – Знайте, что из крепости вас вывела молодая и очаровательная женщина...

– Женщина?! – вскричал барон. – Это невозможно! Впрочем, теперь я припоминаю, когда она приподняла забрало, там мелькнуло нежное девичье лицо...

– А важнее всего то, что сын ваш страстно в нее влюбился, – продолжал монах. – В первый раз, когда он велел ее похитить, она была спасена австрийцем, ехавшим сюда. Вот откуда происходит ненависть Родольфа и его недоброжелательное письмо к вам. Потом ваш сын сумел схватить Анжелу и держал ее пленницей в Красной комнате.

– В Красной комнате! – повторил барон, побледнев от гнева. – О! Если Родольф осмелился на подобный поступок и если Губерт позволил ему...

– Успокойтесь, – перебил монах, – ваш сын ничего не знает о трибунале Бронзовой Статуи, и если ему пришла фантазия запереть Анжелу в Красной комнате, то Губерт никак не мог этому воспрепятствовать.

– Правда, – согласился барон, подумав. – Понимаете, я всегда хотел, чтобы мой сын не был посвящен в тайны Бронзовой Статуи. Нет, я предпочел бы убить его собственной рукой! – с жаром воскликнул он. – Но совсем не оттого, что я не уважаю трибунал...

– Мне известны причины, – заметил монах. – Вы не желаете, чтобы Родольф знал тайны и реестры нашего трибунала.

– Да, среди жертв записано одно имя, которого он никогда не должен слышать, – проговорил барон, нахмурившись, как туча.

– Перестаньте! – вскричал монах. – Прошлого не изгладить.

– И я не хотел бы, чтобы оно было изглажено, если бы даже мог его уничтожить, – сказал барон. – Нет, тот проступок заслуживал страшного наказания, и я не имею никакого сострадания к той, что была казнена за свои преступления. Но мой сын не должен ничего подозревать.

– Довольно об этом, – прервал его Киприан. – Мы говорили о любви Родольфа к молодой крестьянке по имени Анжела Вильдон.

– И он смеет признаваться в подобной любви! – воскликнул барон. – Конечно, это лишь одна прихоть с его стороны.

– Когда Анжела стала его пленницей, он готов был положить к ее ногам свое звание, имя, будущность и состояние, – возразил Киприан. – Изменила ли его чувства чудесная перспектива, блеснувшая перед его глазами? Это мы увидим. А все-таки Анжела провела здесь три дня и сумела бежать неизвестно каким образом. Родольф убежден, что старый Губерт сжалился над нею и выпустил.

– Не нашла ли она тайного прохода в подземелье? – спросил барон.

– Не знаю, – ответил монах. – Так или иначе, она удрала. В первый раз после побега Анжелы я встретился с нею в деревенской гостинице, в нескольких шагах от Праги. Я хотел отвезти ее в Белый Дом, но не удалось. Потом я видел ее с вами в Белом Доме, в ночь вашего побега из пражского замка.

– Но уверены ли вы, что она не любит Родольфа? – продолжал барон.

– Он был готов жениться на ней, рискуя навлечь на себя ваш гнев, а она скрылась, – возразил монах. – Разве это любовь? По моему мнению, она любит австрийца, ведь она освободила его от слугителей Бронзовой Статуи в Белом Доме, уехала из Праги вместе с ним, а третьего дня вырвала его и Марьету из моих рук.

– Верно, – согласился барон. – Вы говорили, что она еще здесь, по соседству.

– Она третьего дня была в развалинах замка Иль-дегард, – сообщил Киприан.

– Но, возможно, она опять поехала с австрийцем, которому спасла жизнь? – заметил барон.

– Нет, – ответил монах, – кажется, она оставила его и воротилась домой.

– Какое из всего этого заключение? – поинтересовался барон.

– Такое, что Родольф может встретить ее, что красота Анжелы может возродить его страсть и он предпочтет простое баронство с любимой женщиной престолу, который ему придется разделить с королевой, не вызывающей у него никаких чувств, а следовательно, свадьбу нужно отпраздновать немедленно.

– Немедленно, – повторил барон. – А ее величество достаточно подготовлена?

– Не тревожьтесь, это я беру на себя, – усмехнулся Киприан. – Что она такое, как не игрушка в моих руках? И не для того ли она здесь, чтобы стать рабой моей воли? Назначьте брак на завтрашний вечер, сделайте необходимые приготовления, и ее величество явится к алтарю в названную минуту. Богемцы начнут тогда доверять нам: они увидят, что ее величество соединена с одной из самых могущественных фамилий в стране. А что еще важнее, – прибавил монах, понизив голос, – члены трибунала Бронзовой Статуи не колеблясь присоединятся к нам.

– Ваши доводы неоспоримы, отец мой, – сказал барон. – Все будет так, как вы желаете. Но в таком случае нам необходимо ликвидировать Анжелу Вильдон.

– Это лишнее, – покачал головой Киприан. – Теперь, когда мы поняли друг друга, наше совещание закончено.

– Еще одно слово, – попросил барон. – Как вы думаете, доволен ли предстоящим браком барон Розем-берг? Вчера вечером его не было с нами: он приводил свой замок в оборонительное положение. Но он слишком могуществен и способен оказать нам большую помощь, поэтому надо поступать с ним осторожно.

– Он не обидится, – спокойно сказал монах. – Когда бы у него был сын, помогающий руки королевы, тогда другое дело. Притом он уже скомпрометировал себя перед Жижкой и не может отступить назад. Пет, нам нечего бояться честолюбия графа Роземберга. Но если между нами и есть человек, за которым нужно присматривать...

– А! Вы подозреваете кого-нибудь?! – вскричал барон.

– Да, маркиза Шомбсрга, – ответил Киприан. – Я еще ничего не выяснил наверное, но я его знаю и не доверяю ему. Ваше назначение главнокомандующим королевской армией – очевидный удар для маркиза.

Барон запротестовал:

– Но он поздравлял меня так же горячо, как и другие присутствующие.

– Это ничего не доказывает, – возразил Киприан и с этими словами вышел.

Через несколько минут и Губерт выбрался из смежной комнаты и спустился в подземелье через одну из потайных дверей, которых было так много в этом страшном месте.

Глава 70

Измена

В замке быстро распространилось известие о том, что брак королевы с Родольфом совершится на следующий день. Утверждали, будто молодая королева добровольно согласилась на меру, предписываемую ей политикой. Однако Елисавета по-прежнему не покидала своих комнат под предлогом, будто еще не оправилась от утомительного путешествия.

Замок переполняли необыкновенное движение, одушевление и смех: приказания начальников солдатам, веселый хохот гостей порождали повсюду эхо, давно смолкнувшее в старой крепости. Здесь катили бочки с вином на двор, там тащили пушки на валы. Подъемный мост стонал под тяжестью телег с провизией, отряды вооруженных вассалов прибывали со всех сторон. Словом, повсюду царствовала радостная суматоха.

Вечером в банкетной зале собралось блистательное общество. Гости только сели за стол, как слуга доложил о баронессе Гамелен.

Баронессу приняли дружески. Родольф был представлен ей со всеми надлежащими формальностями. Многие из присутствующих знали баронессу лично, но только членам трибунала Бронзовой Статуи было известно, какова она в действительности.

– Какому случаю обязаны мы неожиданным удовольствием видеть вас? – спросил барон.

– Жижка грозит привести гарнизон в мой замок, – ответила баронесса. – Разве я могла положиться на орду дикарей? Потому и приехала искать убежища под вашей гостеприимной кровлей.

– Добро пожаловать, – промолвил барон. – Но что же случилось с теми людьми, которым вы давали приют?

– Позвольте прежде всего поздравить вас с приближающимся браком вашего сына с королевой.

Барон Родольф поблагодарил баронессу, но маркиз Шомберг не сумел прогнать тучи, омрачавшей его лоб, когда его любовница заговорила с тем, кого он считал теперь своим соперником. Зоркие глаза Киприана, устремленные на него, в выражении, промелькнувшем на лице маркиза, заметили подтверждение всех подозрений монаха.

Пир продолжался, но дамы ушли довольно рано.

Баронесса Гамелен удалилась первой, и Киприан тотчас последовал за нею.

Монах догнал баронессу и спросил, настоящую ли причину своего побега из Праги назвала она или существовала другая, тайная. Баронесса успокоила его, прибавив, что Жижка начал энергично готовиться к войне.

– Ехала я так скоро, – продолжала баронесса, – что чувствую решительную потребность отдохнуть. Но завтра, отец мой, мы обязательно поговорим о наших планах и интересах.

– Да, ведь я еще должен рассказать вам о неких странных вещах, – заметил Киприан, – особенно о Марьете.

– Итак, до завтра.

С этими словами баронесса оставила монаха и торопливо зашагала к комнате, приготовленной для нее.

Дорогою она проверила под корсажем платья, не потеряла ли документ, спрятанный на груди. Он был на месте, но баронесса не заметила, что, отнимая руку, выронила бумагу и та упала на пол. Через минуту баронесса вошла в свою комнату и, смертельно усталая, скоро заснула. Киприан увидел бумагу, поднял ее и отправился в свою комнату. К его величайшему удивлению, в бумаге он прочел следующее:

«Дано баронессе Гамелен, взамен ее обязательства выдать мне принцессу Елисавету и ее сокровища. Условия, перечисленные далее, должны быть исполнены только после исполнения обещания, данного баронессою Гамелен.

1. Не приводить гарнизон в замок Гамелен.

2. Обеспечить баронессе владение ее домами и землями, что ни случилось бы.

3. Даровать ей полное прощение за все интриги, заговоры и козни, в которых она участвовала до сих пор.

4. Распространить условия второго пункта на одного вельможу, которого она назовет впоследствии.

Жижка».

Лицо Киприана приняло дьявольское выражение, когда он увидел это доказательство измены баронессы. Он понял, зачем она приехала в замок Альтеидорф, и без труда угадал, что она хотела сделать своим сообщником маркиза Шомберга, которому, очевидно, и вымолила прощение. Вспомнив о своих подозрениях, монах уверился, что маркиз разделял намерения любовницы.

Монах сразу же послал пажа к барону Альтендорфу просить у него немедленного свидания. Барон тут же поспешил к Киприану, и трудно

описать, как он удивился, когда монах подал ему важный документ.

– Без этого положительного доказательства, я назвал бы низким клеветником всякого, кто сказал бы, что баронесса изменяет нам, – вымолвил барон. – Но что делать? Очевидно, она рассчитывала на свое влияние на горничных принцессы Елисаветы, а также на преданность многочисленных служителей Бронзовой Статуи. Благодаря их содействию, она вполне могла бы исполнить свои вероломные планы, и наше дело погибло бы навсегда. Как нам поступить, отец мой? Что посоветуете вы?

– Остается только одно, – произнес монах с мрачным видом.

– Что? – выговорил барон, стараясь прочесть в глазах монаха ответ на свой вопрос.

– Бронзовая Статуя и «поцелуй» Девы, – заявил Киприан. – Эта женщина продала нас Жижке и теперь должна умереть. Неужели мы оставим ее вершить свои козни, пока сами не сделаемся их жертвами, ка какую пощаду можем мы тогда рассчитывать?

– Ни на какую, – согласился барон. – Да, она должна умереть. Но как этот документ попал к вам в руки?

– Она уронила его нечаянно, отправляясь в свою комнату, – ответил монах, – а я поднял.

– Возможно, она уже заметила его исчезновение, – сказал барон. – В таком случае она испугается и тайно покинет замок.

– Распорядитесь, чтобы никого не пропускали без пароля, – перебил Киприан. – Когда пробьет урочный час, три палача явятся в комнату к баронессе и отведут ее к Бронзовой Статуе.

– Будь по-вашему, – кивнул барон. – А маркиз Шомберг?

– Надо подумать, – сказал монах. – Я уверен, что до сих пор ей не представлялось случая говорить с маркизом наедине; стало быть, он еще не знает о соглашении с Жижкой и своей роли в этом деле. Если он так и останется в неведении, то сохранит себе жизнь. Но если ему станут известны планы этой женщины, он тоже погибнет, ибо в теперешнем расположении духа маркизу достаточно будет услышать о существовании средства вступить в сговор с Жижкой и спастись, пожертвовав своими друзьями, чтобы решиться на подобную сделку с предводителем таборитов. Теперь половина одиннадцатого, – прибавил монах, глядя на часы, стоявшие на столе, – в час вы найдете меня здесь с тремя палачами.

Барон согласно кивнул и вышел.

Через полтора часа слабый свет, проливаемый лампой, висевшей на потолке, затмился тенью человека, скользившего по коридору, и монах, спрятавшийся в амбразуре окна, узнал маркиза Шомберга.

Маркиз ступал тихо и осторожно, отсчитывая двери с правой стороны. Дойдя до седьмой, он тихо отворил ее и перешагнул через порог.

«Я это предвидел», – сказал себе Киприан.

Направляясь к своей комнате, он шептал:

– Две жертвы сегодня для «поцелуя» Девы!

Глава 71

Белая женщина и пажи

Спустимся теперь в подземелье, уже известное нам своими страшными тайнами. Было около одиннадцати часов. Вдруг из обширной подземной комнаты, где в числе обитателей находились теперь Лионель и Конрад, вышла белая дама.

Кармелитка держала в руке лампу, за нею следовали пажи в траурной одежде. Лица несчастных молодых людей были бледны, щеки впали, а глаза лишились огня, одушевлявшего их прежде. Вид их поражал глубокой меланхолией, казавшейся еще заметнее на фоне траура и капюшонов, покрывавших головы.

Белая женщина была бледнее обыкновенного и печальнее. Ее голубые глаза, как правило столь кроткие, блестели лихорадочным блеском.

Затворив массивную дверь, так хорошо пригнанную к стене, пажи прошли за кармелиткой через круглую комнату в залу Бронзовой Статуи. Лионель и Конрад трепеща взглянули на великолепное творение, сиявшее при свете лампы, как полированное золото. Им открылась теперь тайна страшной машины, и, увидев ее, они задрожали всем телом, вспомнив, от какой ужасной смерти спаслись десять дней тому назад.

Оставив позади разные известные нам комнаты, белая женщина и пажи вошли в склеп, и первая могила, на которую кармелитка обратила внимание Лионеля и Конрада, была могила с именем Эрманды Альтендорф.

– Здесь покоится жена нынешнего барона? – спросил Лионель.

Он перевел взгляд с эпитафии на статую, украшавшую могилу.

Кармелитка утвердительно кивнула головой. Но внезапно она заметила черный предмет между двумя памятниками. Она остановилась и направила свет лампы на вещь, привлекающую ее.

С удивлением, смешанным с ужасом, она и пажи увидели гроб, обитый черным сукном, с серебряными гвоздями. Надписи никакой не было: похоже, гроб был поставлен тут недавно.

– Что это значит? – промолвила кармелитка. – В замке никто не умирал, а если б и умер, сюда не спускают гробов, не приготовив прежде могилу.

Побуждаемая непреодолимым любопытством, кармелитка нагнулась, сняла крючок, который по тогдашнему обычаю запирает гроб, и подняла

крышку, отворяющуюся, как дверь.

Внутри обнаружился белый саван, но вместо того, чтобы обрисовывать формы тела, он просто лежал сверху. По-прежнему повинувшись безотчетному чувству, кармелитка, отвернувшись, приподняла саван дрожащей рукою. Но лампа, вместо того, чтобы осветить ледяное лицо трупа, заставила засверкать громадное количество золотых монет, богатых вещей, великолепных уборов, золотой массивной посуды.

Удивленные и ослепленные таким неожиданным зрелищем, кармелитка и пажы несколько минут любовались сокровищами.

Потом белой женщине пришло на ум, что, поскольку новая богемская королева находится в замке, то эти богатства принадлежат ей. Убежденная, что разгадала загадку, она закрыла гроб.

– Теперь пойдёмте, – сказала она.

В сопровождении Лионеля и Конрада кармелитка зашагала через склеп к комнате машины и далее туда, где собиралась община. Но тут их слух поразил звук колокола.

Колокол прозвучал лишь раз, и кармелитка, понимавшая страшное значение его звона, вскрикнула с тоской.

Глава 72

Полуночное совещание

Воротимся теперь в комнату, занимаемую баронессой Гамелен. Убежденный, что никто не наблюдает за ним, и нисколько не подозревая об опасности, угрожавшей ему, маркиз Шомберг без опасения вошел в комнату своей любовницы.

Старательно заперев за собою дверь, он приблизился к кровати. Видя, что баронесса крепко спит, он собрался было уйти, но, вспомнив, что на пиру она намекнула ему на необходимость важного разговора, решился разбудить ее.

Положив руку на плечо баронессы, он тихо толкнул ее. Она вздрогнула и, раскрыв глаза, с испугом осмотрелась вокруг, но, узнав при свете лампы маркиза Шомберг-га, вскрикнула:

– Ох! Спасибо, что разбудили: мне снился страшный сон, и вы избавили меня от страданий, пусть и не наяву.

– От каких же это страданий? – спросил маркиз.

– От казни Бронзовой Статуи и «поцелуя» Девы, – ответила баронесса, вздрагивая опять.

– Отбросьте эти страшные мысли, – сказал маркиз.

– Они же мучили меня во сне, – возразила баронесса, – но, слава Богу, вы пришли кстати.

– Уверяют, будто некоторые сны служат предостережением и что сны вообще основаны на чем-то действительном, – заметил маркиз, напрасно старавшийся преодолеть тягостное чувство, овладевшее им. – : Но вы ничего не сделали такого, чтобы навлечь на себя гнев трибунала. Была у вас другая причина для отъезда из Праги, кроме той, что вы назвали?

– Да, – ответила баронесса тихим голосом, – была, и для нее мне нужно ваше содействие.

– Что вы хотите сказать? – пробормотал маркиз Шомберг, почти испуганный ее таинственным видом и торжественностью слов. – Говорите, заклинаю вас!

– Знайте же, – начала баронесса, – что я вступила в стговор с Жижкой. Многие обстоятельства убедили меня, что власть Жижки гораздо сильнее, чем мы думали. Например, смотр войск, недавно происходивший в Праге, доказал, что таборитам сочувствует все население, за исключением аристократии и тех, на кого она имеет влияние. Весь народ восстанет,

чтобы поддержать Жижку. Тогда я решила обеспечить собственную безопасность, и вашу тоже. Я отправилась к Жижке в Прагу, и мы расстались, приняв взаимные обязательства. Жижка дал слово, что не поместит гарнизон в мой замок и не тронет моих земель; что за прошлое дарует мне прощение, как и одному вельможе, которого я еще не назвала.

– И этот вельможа – я? – поинтересовался Шомберг.

– Так что вы думаете об условиях, на которые согласился таборитский генерал? – вопросом на вопрос ответила баронесса.

– Я думаю, что они превосходны, если он одержит победу в начинающейся борьбе, – заметил маркиз. – Но наверняка смерть станет наградой за нашу измену, если восторжествуют роялисты.

– Дело роялистов погибнет уже потому, что я исполню свое обязательство перед Жижкой, – сказала баронесса. – Я обещала выдать Жижке принцессу, или королеву, как ее называют теперь, со всеми ее сокровищами.

– Вы затеяли опасное предприятие, – вздохнул маркиз, – оно может нас погубить.

– Подумайте, что с нами будет, если табориты победят в междоусобной войне, – возразила баронесса, – а они победят, я в этом ни секунды не сомневаюсь. Тогда нам придется бежать из Богемии и терпеть нужду на чужбине. А потом, разве вы желаете повиноваться барону Альтендорфу?

– Лучше погибнуть! – вскричал маркиз. – Когда намерены вы исполнить свои планы?

– Наша задача легка, – улыбнулась баронесса. – Горничные королевы преданы мне. Повинуясь моим приказаниям, они предложат помочь ей бежать к австрийскому двору. С их помощью она покинет замок и приедет в Прагу; там ее выдадут Жижке.

– А сокровища? – продолжал маркиз.

– Вы же знаете, – ответила баронесса, – что барон Альтендорф наверняка спрятал их в подземелье среди могил.

– Действительно, – согласился маркиз, – гроб с сокровищами поместили в склеп тотчас по прибытии погребального шествия.

– Не составит никакого труда похитить его и увезти в Прагу, – заявила баронесса. – Девять из десяти служителей Бронзовой Статуи преданы мне и беспрекословно станут повиноваться моим инструкциям.

– Да, на них вы можете положиться, – кивнул маркиз. – Но почему вы уверены, что Жижка сдержит слово?

– Он дал мне письменное обязательство, – сказала баронесса, – подписанное его именем.

– Покажите мне документ, – с живостью произнес маркиз.

– Он во внутреннем кармане корсажа моего платья, – объяснила баронесса.

Маркиз встал и подошел к стулу, на который баронесса бросила свою одежду. Но напрасно искал он в корсаже: документа там не оказалось.

– Я не вижу никакой бумаги, – заявил он, обернувшись к баронессе с подозрением и испугом.

– Не видите?! – вскричала она, побледнев.

Соскочив с постели, она начала обшаривать платье дрожащими руками.

– Великий Боже! Он потерян! Я погибла! – вскричала она и, сложив руки, упала на колени под тяжестью безумного испуга.

Маркиз тоже окаменел от страха. Они переглядывались с неопишым ужасом, неподвижные, оледенелые и дрожащие, точно предчувствовали, что близка минута их смерти, и потому не могли вымолвить ни слова.

Но вдруг оцепенение покинуло их, и они, бросившись друг другу на шею, дали волю сетованиям и слезам.

– Я погибла! Погибла! – прошептала несчастная женщина, внезапно вырываясь из объятий любовника и ломая руки. – Но ведь когда я вышла из банкетной залы, бумага была у меня: я помню, что смотрела ее в коридоре.

– Может, там вы ее и обронили, – предположил маркиз, цепляясь за такую надежду.

Он бросился в коридор, но дверь оказалась заперта снаружи.

– Да сжалится Господь над нами! – вскричал маркиз Шомберг.

За это время баронесса, несмотря на волнение, успела одеться. Вдруг отворилась дверь.

Маркиз Шомберг обнажил шпагу, но служители Бронзовой Статуи мигом связали его, сделав беззащитным перед страшным трибуналом, в тайны которого он был посвящен. Одновременно три палача в длинных черных плащах и с капюшонами, надвинутыми па лица, схватили баронессу, тоже связали ее и потащили из комнаты.

В коридоре ждали барон Альтендорф и Киприан.

Старик Губерт стоял рядом, держа в руке лампу. Лицо Киприана выражало холодную решимость; барон был мрачен и угрюм, но смертельно бледный престарелый управитель дрожал всеми членами.

Палачи свели несчастную баронессу по маленькой лестнице и внизу отворили дверь капеллы замка. Губерт, проследовав вперед, открыл другую дверь, за алтарем, и там обнаружилась каменная лестница, ведущая в

самую густую темноту.

Несмотря на отчаянное сопротивление и на попытки баронессы вырваться, ее потащили сперва вниз, потом по сводчатым коридорам в круглую комнату. Там баронесса Гамелен получила приказание преклонить колена на камне и примириться с небом. Она машинально повиновалась и, с ужасом устремив глаза на распятие, сложила руки.

Тогда каким-то погребальным голосом заговорил Киприан. Он прочел краткую молитву, прося Бога сжалиться над душой женщины, готовящейся умереть, и три палача снова схватили свою жертву.

В то время, когда Губерт освещал дорогу в залу Бронзовой Статуи, маркиза Шомберга привели в капеллу.

Баронесса Гамелен, ни жива ни мертва, очутилась в комнате, где возвышалась колоссальная статуя; но когда лучи лампы старика Губерта отразились от гладкой поверхности этого прекрасного и чудовищного изваяния, несчастная женщина вдруг словно очнулась, и невозможно выразить, какая страшная тоска сжала ей сердце.

Пронзительный вопль сорвался с ее губ при виде бронзовой статуи, явившейся во всем своем величии. Баронесса с бешенством начала вырваться от палачей, потом стала умолять о сострадании и пощаде. Те откинули свои капюшоны, и баронесса, пораженная кротким и меланхолическим выражением лиц этих людей, которые, по ее мнению, должны были быть свирепыми и безжалостными, решила, что сумеет растрогать их. Но едва такая мысль промелькнула в ее голове, за ней последовала цепь воспоминаний и она узнала палачей: как ни изменили их горести и время, они остались братьями Шварц.

Просьба, с которой баронесса хотела обратиться к ним, замерла на ее губах, и когда грудь жертвы приподнялась от тягостного стенания, ее подвели к бронзовой статуе.

Глава 73

«Поцелуй» Девы

Первый раз в жизни баронесса Гамелен видела изваяние, о котором слышала так много и знала, ведь именно статуя дала название трибуналу, одним из наиболее влиятельных членов которого была сама баронесса Гамелей.

Подняв на статую взгляд, полный невыразимого ужаса, баронесса откинулась назад и точно склонилась перед выражением спокойствия, приданным художником своему произведению. Но она знала, насколько в действительности страшным было ее наказание.

Баронесса, изгибаясь в руках палачей, с пронзительными криками оттащила их назад, к старому управителю, и взмолилась сжалиться над нею и спасти.

Дребезжащий свет лампы бедного Губерта освещал его помертвевшее лицо. Он едва не вскрикнул, когда, нечаянно посмотрев в отворенную дверь круглой комнаты, увидел маркиза Шомберга на коленях, а рядом барона Альтендорфа, Киприана и служителей Бронзовой Статуи. Восклицание, готовое сорваться с его губ, замерло, и, отвернувшись от баронессы, он начал молиться молча и набожно.

Вдруг удар колокола прозвучал в страшном подземелье. Действие, произведенное им в зале, описать нельзя: даже статуя задрожала, точно внутри нее ответил какой-то отголосок.

– Колокол пробьет еще два раза, – прошептал один из братьев Шварц, – и после третьего удара вы подвергнетесь казни, на которую осуждены.

Услышав погребальный звон, баронесса оцепенела: она перестала кричать, точно язык присох к нёбу, а кровь, прежде кипевшая в жилах, оледенела. Но кротость, печаль и даже сострадание, с которыми старший из братьев Шварц сделал ей торжественное предуведомление, тотчас заставили ее опомниться, и она возопила:

– Пощадите! Пощадите!!! Боже, я не могу умереть так внезапно! Помилуйте, заклинаю!

– Это невозможно, – ответил все тот же палач. – Если мы не исполним нашего долга, сами погибнем. Не думайте, однако, что мы желали отомстить за незаслуженные страдания, на которые когда-то вы осудили нас.

Колокол пробил во второй раз, и мелодичный звук пронесся по

обширному подземелью.

– О Боже, сжался надо мною! – прошептала баронесса, падая на колени и опуская голову на грудь.

Потом все смолкло на минуту. В круглой комнате маркиз Шомберг истово молился. Барон Альтендорф смотрел на него с удовольствием торжествующего соперника. Служители Бронзовой Статуи неподвижно стояли возле несчастной второй жертвы, а на пороге залы Киприан прислонился к двери, скрестив на груди руки, с выражением тигра, жаждущего крови.

И тогда колокол пробил в третий раз. Баронесса, доселе точно бесчувственная, вскочила, подобно гальванизированному трупу. Лицо ее было бледно и отвратительно, глаза смотрели на статую с неописуемыми тоской и ужасом. Она хотела что-то сказать, но не смогла издать ни звука, ни даже стоны, и когда палачи схватили ее, взор несчастной точно застлало облако: лампа, люди, статуя – все померкло перед ней и она потеряла сознание.

– Приведите ее в чувство! – повелительно крикнул Киприан, не трогаясь с места. – Безжизненную жертву нельзя предлагать Бронзовой Статуе!

Один из братьев Шварц влил каких-то капель в рот баронессе, женщина пришла в себя или, лучше сказать, вернулась к осознанию чудовищных страданий, предназначенных для последнего часа ее существования.

Едва она раскрыла глаза и огляделась вокруг, палачи подхватили ее, перенесли к бронзовой статуе и принудили принять «поцелуй» Девы.

Описывать подобную сцену во всех ее ужасных деталях мы не имеем мужества. Как только лицо несчастной женщины коснулось лица бронзовой статуи, последняя точно ожила: руки, спокойно сложенные на груди, медленно раздвинулись, как у человека, желающего обнять другого, и колоссальная фигура раскрылась от шеи до ног, как дверь из двух половинок.

Но Боже! Какое отвратительное зрелище предстало пред баронессой, взглянувшей в свою последнюю минуту на страшную машину казни, помещенную внутри статуи. Два копья располагались таким образом, чтобы войти в глаза жертвы, когда статуя сжимала ее в объятиях, а вся внутренняя поверхность изваяния была усеяна острыми лезвиями, предназначенными для того, чтобы пронзить каждую часть тела.

Колокол, невидимый колокол, умолкший после третьего удара, начал звонить непрерывно.

Именно в то время, как истерические вопли баронессы смешались с

этими звуками, братья Шварц и толкнули ее к статуе. Руки чудовища скрестились на шее жертвы... двери затворились за баронессой, и она очутилась внутри...

Читатели помнят, что кармелитка вскрикнула от испуга, заслышав звук колокола, знакомый ей так хорошо. Почувствовав внезапную, слабость, она чуть было не упала, но Лионель успел перехватить лампу у нее из рук, а Конрад – поддержать саму кармелитку. Холодная дрожь сотрясала тело бедной женщины, лицо ее выражало неопишувемый ужас. Она попыталась произнести что-то, но язык не повиновался ей, и пажи, переглядывавшиеся с изумлением и страхом, не знали, отчего на кармелитку так подействовал этот звон.

Со вторым металлическим ударом, прокатившимся по подземелью, машина заколебалась, и тогда пажи внезапно сообразили, что звук этот мог означать только одно.

– Убежим отсюда! – вскричала кармелитка, приподнимаясь, чтобы покинуть комнату, ибо боялась увидеть воочию страшное зрелище.

Она взяла лампу из рук Лионеля и уже кинулась прочь, но, заметив, что пажи оцепенели от ужаса, присосли, так сказать, к полу, остановилась, пытаясь убедить их следовать за нею, не задерживаясь здесь более ни минуты.

Но они не слышали ее, не видели, они совсем забыли о ней, скованные безумным любопытством. Подчиняясь лишь ему одному, они точно окаменели и походили на изваяния. После напрасных попыток вывести их из оцепенения, кармелитка прислонилась к стене, как будто потеряла всякий контроль над своим рассудком и волей. Впрочем, она не выронила лампу, хотя и чисто машинально.

Колокол пробил в третий раз, и крики баронессы достигли слуха пажей. Они понимали, что жертва приносилась Бронзовой Статуе и жертвой этой была женщина.

Через несколько минут вопли баронессы сделались еще ужаснее, и вдруг в потолке открылось отверстие, и через него из внутренности колоссальной статуи женщина упала на верх машины, расположенной в нижней комнате.

Баронесса была еще жива, но теперь ее стенания сменились тягучим воем.

С выколотыми глазами тело ее представляло одну громадную рану, залитую кровью; она свалилась между двух самых высоких цилиндров, а тем временем колокол все звучал.

И громадные цилиндры, повсюду усыпанные остриями, стали

вертеться, вертеться, вертеться, сначала приведенные в движение тяжестью самой жертвы, а потом – веревками, привязанными к ним.

Несчастливая упала на острие и минуту, только одну минуту, изгибалась страшным образом. Но затем жизнь угасла в ней, и раздробленные останки рухнули в ручей, протекающий внизу, и уплыли по течению.

В этом заключалась казнь Бронзовой Статуи, таково было свойство «поцелуя» Девы!

Колокол перестал звонить, отверстие в потолке закрылось, вода, сперва еще обогретенная кровью, смыла все следы адского злодейства, и машина завертелась в противоположную сторону, обвивая веревки вокруг цилиндров, чтобы подготовиться к принятию новой жертвы.

Никакие человеческие слова не смогут описать ужас пажей и кармелитки, ставших свидетелями зрелища, о котором бы они не сумели теперь забыть до последнего своего часа.

Прежде чем они оправились от испуга, прежде чем рассудок уверил их в действительности происшедшего, колокол опять зазвонил. Следовательно, новой жертве предстояло подвергнуться «поцелую» Девы.

Ни за что на свете кармелитка и пажи не согласились бы присутствовать на втором действии адской трагедии. Звук колокола, заставив их вздрогнуть, возвратил им рассудок и способность двигаться: они убежали в склеп, спрятались среди памятников, загасили лампу и сидели не шелохнувшись до тех пор, пока не смогли воротиться в свое подземелье.

Без причины затыкали они уши, чтобы не слышать предсмертных воплей маркиза Шомберга. Он подчинился своей участи с энергией мужественного человека, понимающего, что гибель неизбежна.

Таким образом, в эту достопамятную ночь две жертвы были подвергнуты «поцелую» Девы.

Глаза 74

Привидение

На другой день, вечером, разукрашенную капеллу замка Альтендорф заполнили самые знатные представители богемской аристократии. Знамена всех союзных вельмож развевались вдоль аркад. Готические окна покрывали бархатные занавески с золотой бахромой, богатый ковер лежал на полу. Кресла с великолепными золотыми гербами предназначались для дам, за креслами стояли вельможи и рыцари.

Два престола под балдахином размещались напротив алтаря, однако алтарь был так высок, что его видели со всех сторон капеллы.

Возле большой двери, ведущей в приемную замка, стоял почетный караул, а впереди офицер держал богемское королевское знамя.

Дверь ризницы отворилась, и в капелле появились пять священников. Перед ними пятеро детей несли кадила. Киприан, находившийся среди священников, медленно и торжественно поднялся по ступеням алтаря; потом большие двери распахнулись, барон Альтендорф переступил через порог и провозгласил:

– Королева!

Дамы встали со своих мест, мужчины сделали шаг назад, караул отдал честь, и военный оркестр заиграл национальный гимн, когда появилась Елисавета.

Но какой отвратительной насмешкой казалась вся эта пышность, как ложен был этот блеск! Бледная точно смерть, дрожащая, с испуганными глазами и горестно сжимавшимся сердцем, молодая королева, шатаясь, приблизилась к одному из престолов, стоявших пред алтарем.

Белое платье Елисаветы символизировало чистоту ее души. Несчастливая принцесса была, скорее, достойна сожаления, чем осуждения, потому что она пала жертвою черной и гнусной измены.

Четырем служанкам, сопровождавшим ее во время путешествия, теперь присвоили звания фрейлин. За ними шли двенадцать молодых девушек, выбранных по красоте, положению и по способностям исполнять роль шпионок так же, как и горничные королевы.

Направляясь к назначенному ей престолу, Елисавета холодно отвечала на поклоны вельмож, рыцарей и дам.

Сев на трон, она впала в глубокую задумчивость, точно позабыв обо всем окружающем. Но Киприан не замедлил отойти от алтаря, будто для

того, чтобы поклониться своей государыне, и несколько слов, сказанных им на ухо Елисавете, вывели ее из оцепенения и принудили притвориться, по крайней мере, что она интересуется церемонией.

Почти одновременно с тем, как Елисавета заняла свое место, в капеллу вошел Родольф в великолепном костюме, позади него выступали два оруженосца и шесть пажей. Торжество сияло в его глазах, когда он отвечал на поклоны мужчин и кланялся дамам, улыбавшимся ему. Грациозно приблизившись к королеве, он преклонил колени перед нею и поднес к губам руку, протянутую Елисаветой машинально.

Елисавета встала, и Родольф повел ее к алтарю. Начался брачный обряд, все присутствующие опустили на колени, за исключением Киприана, продолжавшего стоять перед алтарем. Глаза присутствующих были устремлены на тех, кто с минуты на минуту готовился сделаться супругами, и честолюбивый Родольф уже считал себя божественным королем, но внезапно печальный крик раздался в капелле. Крик этот словно доносился из глубины земли, испущенный мертвецом из могилы.

В ту же секунду огненный столб поднялся за алтарем и закрыл его розовым, блестящим облаком, и пока все с удивлением смотрели на странное зрелище, в призрачном блеске его явилась женщина. Лицо ее было бледно, как у трупа, а вместо одежды незнакомку покрывал саван.

Дамы вскрикнули от испуга, мужчины вцепились в эфесы шпаг, но не посмели обнажить их. Елисавета упала в обморок. Родольф неподвижно замер, а барон Альтендорф встал, содрогаясь всем телом.

– Остановите обряд! – молвила женщина в облаке, продолжавшем клубиться около алтаря. – Небо осуждает этот брак! – прибавил голос кроткий и гармоничный, несмотря на его повелительные интонации.

Восклицание ужаса сорвалось с губ барона Альтендорфа, и, упав на колени, он воскликнул, протянув руки к призраку:

– Эрманда! Это ты... ты!..

Разбитый тяжестью нахлынувших воспоминаний, ба-роп рухнул на пол, потеряв сознание.

Поднялась страшная суматоха. Пока призрак таял в темноте, присутствующие кинулись к двери. Дамы бежали, совершенно забыв о королеве, брошенной лежать без чувств, а мужчины, думая только о себе самих, силою пролагали путь к выходу. Родольф поддался общей панике: он услышал слова, обращенные к его отцу, и вообразил, что дух матери запрещал ему (Родольфу) жениться на королеве.

Капелла скоро опустела, только две особы остались в ней: молодая королева и барон Альтендорф. Даже Киприан, обыкновенно такой смелый

и несусеверный, разделил общий испуг. Подобно Родольфу и прочим, знавшим имя баронессы Альтендорф, он не сомневался, что барон говорил с ее духом.

Внезапно человек почтенной наружности, в ливрее альтендорфских лакеев, бросился к лежащей королеве и тихо поднял ее. Это был старик Губерт, управитель. Но, едва взглянув на Елисавету, он испуганно вскрикнул, и крик этот, достигший ушей барона Альтендорфа, заставил его прийти в себя.

Барон вскочил и, вспомнив все случившееся, дико осмотрелся вокруг, точно боялся встретить призрак, на минуту остановивший кровь в его жилах и парализовавший члены.

Но все следы явления исчезли: в капелле по-прежнему горели тысячи свечей, и только серный запах убеждал барона, что он не был игрушкой сновидения. В нескольких шагах от себя он приметил старика Губерта, наклонившегося над королевой, по-видимому, в сильном огорчении.

– Губерт, – еле вымолвил барон, с трудом поднимаясь на ноги, – что случилось с королевой?

– Она умерла, умерла!.. – прошептал Губерт и заплакал. Потом, вынув свою руку из-под головы Елисаветы, старик прибавил: – Последняя надежда роялистов угасла. Эта бедная однодневная королева заснула вечным сном; от горя уже не впадут ее щеки, а несчастье не заставит забиться сердце.

Барон не слушал Губерта. Смерть Елисаветы совершенно изменила положение дел; честолюбивые помыслы барона Альтендорфа не сбылись, корона свалилась с головы его сына.

Когда в замке узнали, что королева умерла и дело роялистов, а следовательно, и аристократов уничтожено, все пришли в смятение.

К довершению несчастий через два дня приехал курьер с известием, что Жижка оставил Прагу и теперь идет к югу во главе многочисленной армии.

Глава 75

Что случилось в башне Ильдегард после отъезда Сатанаисы

Мы не станем описывать осады замка Альтендорф, нападений осаждающих, неукротимой энергии, с какою осажденные отражали приступы. Достаточно будет сказать, что после бесчисленных кровавых схваток Жижке удалось поджечь провиантский склад: он решил победить неприятеля голодом.

Вернемся в башню Ильдегард, где, узнав, что Сатана-иса и Этна одно и то же лицо, Эрнест Кольмар лишился чувств.

Когда рыцарь опомнился, он лежал на той самой постели, что прежде занимала Сатанаиса. Первым порывом его было соскочить с кровати и выяснить, во сне или в действительности происходило то, о чем он вспоминал. Но, с трудом приподняв голову, он тотчас уронил ее на подушку.

Тогда Кольмар решил, что он болел, тяжело болел. Но он не мог сообразить, сколько прошло времени с тех пор, как табориты захватили Сатанаису. Ему казалось, что он едва сомкнул глаза и сразу раскрыл их.

Пока тысячи смутных мыслей сталкивались в его уме, дверь тихо отворилась и молодая, грациозная женщина вошла в комнату.

Внезапное восклицание удивления и радости вырвалось у нее, когда она встретилась взглядом с рыцарем, ибо Кольмар уже не походил на человека, лежащего в горячке и бреде. Но говорить он не имел силы. Спустя минуту молодая женщина сконфузилась, ведь рыцарь продолжал пристально смотреть на нее. Она покраснела, отвернулась и собралась покинуть комнату.

Опасение, что она уйдет, развязало язык Кольмару, и он вскрикнул:

– Анжела, не оставляйте меня!

Его слова тронули сердце девушки так, что она чуть было не лишилась сознания. Она прислонилась к стене, чтобы не упасть, снова взглянула на рыцаря, и краска на ее щеках сменилась бледностью, чистой, как цвет камелии. Она вспомнила, что рыцарь любил другую женщину.

– Почему хотите вы покинуть меня? – спросил Кольмар слабым голосом.

– Я желала уйти, – молвила Анжела, вздрогнув, – только затем, чтобы

приказать Бернарду явиться сюда и объяснить вам некоторые вещи.

– А вы сами не можете мне их объяснить, Анжела? – продолжал Кольмар. – Вы ухаживали за мною, пока я болел, и не оставите меня, прежде чем получите мою благодарность.

– О, я не требую благодарности, – потупилась Анжела Вильдон. – Я только исполнила свой долг и теперь должна удалиться.

Она умолкла, и ее влажные глаза устремились на рыцаря, прощаясь с ним безмолвно, ибо волнение не позволяло ей говорить. Кольмар встретил ее ясный взгляд, исполненный нежности, и внезапно понял, что Анжела любит его.

– Анжела, – сказала он после минутной паузы, – вы заботились обо мне, когда я страдал, и с этой секунды я буду считать вас сестрою. Сядьте рядом и поведайте мне то, о чем я так желаю знать.

Девушка подошла к нему скромно, но с достоинством и села на стул возле постели.

– Ответьте мне, Анжела, – начал рыцарь, – сколько времени я здесь лежу?

– Шесть недель истекло с того дня, когда вы занемогли, – нерешительно произнесла Анжела, не зная, как такие слова подействуют на рыцаря.

– Шесть недель! – повторил он с ужасом. – Неужели я так долго оставался без чувств?

– О, успокойтесь, умоляю вас! – перебила его Анжела с живостью и нескрываемой нежностью.

– Шесть недель, Анжела, вы ухаживали за мною, – повторил Кольмар голосом, дрожащим от волнения.

– С удовольствием исполняла я свой христианский долг, – сказала девушка. – Но, слава Богу, вы теперь вне опасности, кризис миновал, выздоровление приближается, и я молю Господа возвратить вам силу и счастье.

Пока она говорила, глаза ее сверкали любовью и преданностью. Рыцарь снова взглянул на нее, испытывая чувство, еще неизвестное ему.

– Но каким образом очутились вы здесь? – поинтересовался он.

Тут Анжела призналась рыцарю, что именно она сражалась возле него в броне, украденной из пражского арсенала, а потом рассказала о том, что случилось с нею после их последней встречи.

Эту историю мы и передадим нашим читателям.

Глава 76

Кольмар узнает очень важное известие

Тотчас после битвы с Киприаном возле башни Анжела вскочила на лошадь и унеслась галопом. Отправившись к приемным родителям, она поведала им о своих приключениях и переделалась в свое платье. На другой день, побуждаемая непреодолимым любопытством, она вернулась в замок Ильдегард. Там слуги рыцаря сообщили ей, что табориты увезли Сатанаису в Прагу, а Кольмар опасно болен.

Тогда Анжела сказала Бернаруду, что будет ухаживать за рыцарем. Один из слуг Кольмара был послан к лесничему Вильдону, чтоб успокоить его относительно отсутствия Анжелы, а другой отправлен в соседний город за лекарствами, прописанными Бернардом.

Шесть недель Анжела ухаживала за Кольмаром, именно ее попечениям рыцарь был обязан своим выздоровлением.

Когда старик Бернард вошел по обыкновению в комнату больного и обнаружил его совершенно здоровым, он обернулся к Анжеле и, взяв ее за руку, сказал рыцарю:

– Вы должны благодарить сперва Бога, а потом эту девушку, потому что без милосердия Божия и без преданности Анжелы вы давно бы лежали в могиле.

Кольмар тоже взял руку Анжелы и, с усилием приподнявшись на постели, поднес ее к губам.

– Я люблю тебя как сестру, Анжела, – промолвил он. – Бернард, беру вас в свидетели моей братской привязанности к благородной и великодушной Анжеле Вильдон.

– Нельзя воздать ей должную похвалу, – продолжал старик с энтузиазмом. – Желал бы я, чтобы она была моей дочерью; я бы гордился ею.

– Вы еще будете гордиться знакомством с нею и дружбою, – заметил Кольмар.

Анжела с любопытством взглянула на рыцаря: он уже не в первый раз намекал на то, что способен вознаградить людей, служивших ему и преданных.

– Нам не следует утомлять вас своим присутствием, – сказал Бернард после минутного молчания. – Пойдемте, Анжела...

– Нет... не оставляйте меня, милые друзья, – попросил Кольмар, – по

крайней мере, прежде чем успокоите. Что случилось с Сатанаисой?

– Распространились слухи, будто она укрылась в каком-то убежище, чтобы провести там остаток своих дней. Не все знают, что она и Этна – одно и то же лицо. Словом, сцена, происходившая здесь шесть недель назад, сохранена в тайне ее свидетелями.

Как только рыцарь заговорил о Сатанаисе, Анжела отвернулась и ни разу не подняла глаз, пока Бернард давал требуемые объяснения.

– Теперь, пожалуйста, ответьте мне, в каком положении находятся политические дела Богемии? – произнес Кольмар после паузы.

Такой вопрос придал беседе другой оборот, и с души Анжелы точно упал камень.

– За шесть недель болезни вашей случилось много происшествий, – начал старик торжественным тоном. – Во-первых, королева богемская умерла.

– Королева богемская! – вскричал Кольмар. – О ком вы говорите? О принцессе Елисавете?

– Да, – отвечал Бернард. – Ее отвезли в замок Альтендорф как раз во время ваших приключений в этих развалинах и там провозгласили богемской королевой. Говорят, что, когда ее венчали с Родольфом Альтендорфом, явилась какая-то женщина в саване и запретила продолжать обряд. Правда ли это, не скажу, но, наверно, в капели случилось что-то ужасное и королева умерла от испуга.

– Какое странное и печальное известие! – вздохнул рыцарь, не зная, что думать о нем.

– Действительно странное и печальное, – согласилась Анжела таким изменившимся голосом, что рыцарь и Бернард взглянули на нее.

– Анжела, – заметил Кольмар, – похоже, известие, сообщенное почтенным Бернардом, очень взволновало вас.

– О, не спрашивайте меня ни о чем! – воскликнула она, задрожав, точно боялась, что у нее вырвут тайну о существовании белой женщины.

С первых слов Бернарда о происшествиях в замке Альтендорф Анжела поняла, что белая женщина замешана в них.

– Не спрашивайте меня, – повторила она. – Лучше продолжайте свой рассказ, Бернард, пожалуйста.

– Много важного можно передать в нескольких фразах, – опять заговорил старик. – Как только королеву похоронили, Жижка, во главе двадцати тысяч человек, атаковал замок.

– Что же из этого вышло? – спросила Анжела.

– Осада еще продолжается, – ответил Бернард. – Множество раз

Жижка ходил на приступ, но защитники неустрашимо сопротивлялись! Жижке удалось сжечь провиантский склад, и теперь думают, что в замке уже страдают от голода.

– От голода? Боже мой! – воскликнула Анжела, бледнея. – Справедливы ли ваши известия?

– Я только повторяю то, что болтают все, – объяснил старик. – Если и правда, что в замке Альтендорф голодают, то тайна эта строго сохраняется гарнизоном. Никогда крепость не защищалась лучше.

– Таборитский полководец победит, – заявил Кольмар, – потому что он один из величайших воинов нашего времени. Теперь скажите, в каком положении находятся другие части Богемии?

– Табориты торжествуют повсюду, исключая южные провинции, – ответил Берnard. – А когда и юг будет покорен, вся Богемия попадет в руки таборитов.

– Какие еще новости вы сообщите нам? – произнес Кольмар после продолжительного раздумья над словами старика.

– В вашей стране тоже случилось событие, очень для вас интересное, – сказал Берnard.

– И что произошло в моей Австрии? – спросил рыцарь с лихорадочным нетерпением. – Говорите, не томите меня неизвестностью...

– Сигизмунд, германский император, умер.

– Император умер?! – вскричал Кольмар, задрожав так сильно, что кровать затряслась.

– Да, пять недель тому назад старый Сигизмунд испустил последний вздох в Ахене, – кивнул Берnard. – И я узнал, кого выбрали императором.

– Кого же? – вымолвил рыцарь, и глаза его засверкали непонятым лихорадочным блеском надежды, беспокойства и опасения.

– Выбор единогласно пал на человека, не выставившего свою кандидатуру и даже находившегося в отпуске тогда.

– Так кто же он? – опять спросил рыцарь, задыхаясь от нетерпения.

– Новым германским императором, – произнес Берnard, – стал Альбрехт Австрийский.

Кольмар попытался приподняться, но не смог. Кровь прилила к его щекам и покрыла их яркой краской, потом вдруг исчезла и Кольмар стал бледнее прежнего. Он хотел что-то сказать, но язык не повиновался ему. Задыхающийся, готовый лишиться чувств, он находился в таком волнении, точно известие, сообщенное Берnardом, сразило его. Но скоро он опомнился и, медленно повернув голову, с улыбкой устремил на молодую девушку один из тех взглядов, что больше наполнены признательностью,

дружбой и даже любовью, чем самые нежные слова.

Бернард дал рыцарю лекарство, и тот заснул глубоким сном.

Глава 77

Разлука

На другой день Эрнест Кольмар позвал одного из своих слуг и дал ему тайные инструкции. Тот немедленно сел на лошадь и поехал в Вену.

Несколько минут спустя с рыцарем пришла проститься Анжела, и когда Кольмар попросил ее остаться, она сказала:

– Я осталась бы охотно, но мне непременно нужно в замок Альтендорф.

– В замок Альтендорф! – вскричал Кольмар. – Не забыли ли вы, какую власть имеет там Родольф?

– Я ничего не ‘забываю, но если мое предприятие удастся, то меня не увидят ни барон, ни его сын. Я должна пробраться в подземелье; но, как бы ни хотела, я не могу объяснить вам, в чем состоит мой замысел. Поверьте только, что если я подвергаюсь подобной опасности, не прося вашей помощи, то лишь оттого, что не вправе доверить даже вам тайны этого страшного места. Я надеюсь, что еще настанет день, когда вы узнаете все.

– Хорошо, Анжела, ступайте. Но вам придется столкнуться с габоритами, – заметил рыцарь, – и я мог бы помочь вам. Возьмите этот перстень, он принадлежит Жижке, и, если ничего не переменилось, перстень окажет вам помощь и покровительство. Прощайте, и да защитит вас Господь! Ждите меня весною, в начале апреля, я приду к вашим родителям, в их лесной домик.

С этими словами рыцарь привлек трепещущую девушку к своей груди и запечатлел жгучий поцелуй на ее губах. Анжела побледнела, потом покраснела и выбежала из комнаты. Она была счастлива: Эрнест Кольмар любил ее.

Глава 78

Отец Анжелы Вильдон

Голод господствовал в замке Альтендорф. Но когда солдаты услышали, что вся провизия сгорела, они лишь мрачно переглянулись.

Осада длилась уже шесть недель. Все запасы были съедены, и скоро страшные слухи распространились в замке. Солдаты гарнизона начали кровожадно посматривать друг на друга и ночью избегали оставаться в уединенных местах. Смутная тревога подавляла людей, точно в крепости собиралась разразиться чума.

Скоро никто уже не сомневался: самые чудовищные опасения подтвердились. Были найдены останки детей и молодых женщин в различных частях замка, но ни один человек не смел открыто сразиться с людоедами, ни один не мог обвинить их в убийствах, ибо голод разорвал все нити дисциплины и человеколюбия.

Жижка, узнав, до какой крайности дошли осажденные, решил нанести сильный удар, чтобы остановить этот кошмар, возмутительный для человечества.

Утром, в тот день, когда Анжела Вильдон простилась с рыцарем Кольмаром, в лагере таборитов началось оживленное движение. Осажденные усыпали валы замка, издавая воинственные кличи. Гарнизон предчувствовал борьбу, которая должна была кончиться падением крепости или отступлением таборитов.

Мы не станем описывать битву, завязавшуюся с одинаковым бешенством с обеих сторон. Скажем только, что сперва таборитам, отраженным со стен, пришлось отступить. Армия аристократов, желая воспользоваться полученным преимуществом, покинула замок, и сражение продолжилось в поле, в саду, в лесу – словом, вне крепости.

Искусство Жижки, бессильное против стен десятифутовой толщины, полностью выказало себя в свободном поле. Как по волшебству, колонны остановились, и схватка возобновилась с новым пылом. Родольф и отец его во главе войска неустрашимо устремились на неприятеля, трупы горами валились около них, лошади скакали в лужах крови. Но мужество не могло спасти их: оба были взяты в плен.

Это событие остановило сопротивление осажденных, и когда над ними перестало развеваться богемское королевское знамя, они решили, что все погибло, и начали думать только о бегстве. Забыв, что в замке их ждал

отвратительный голод, они кинулись снова запереться в его стенах. Многие утонули, пытаясь переплыть ров, и еще больше несчастных было убито таборитами на подъемном мосту.

Жижка, убежденный, что неприятель долго не продержится, и захватив теперь барона Альтендорфа с сыном, велел прекратить резню и приказал войскам вернуться в лагерь.

Повсюду виднелись только мертвые, раненые и умирающие, сломанные шпаги и копья, шлемы, а что всего ужаснее – лужи крови.

Последние солнечные лучи исчезали на горизонте, когда Анжела Вильдон, закутавшись в плащ, медленно шагала к тому месту, на которое даже самые храбрые не могли смотреть без трепета. Нам известно, какое великодушное намерение руководило ею. Однако она едва не теряла сознание, ступая между трупами и не раз закрывая глаза, чтоб не видеть страшных картин, окружавших ее.

Вдруг она очутилась лицом к лицу с таборитским часовым, его бердыш сверкал в лучах заходящего солнца.

– Кто ты, девушка? – спросил солдат.

– Я не враг, – ответила Анжела своим кротким, певучим голосом и показала перстень Жижки, полученный ею от Эрнеста Кольмара.

– Проходи! – лаконически произнес таборит при виде драгоценной вещи.

Анжела, порадовавшись силе своего талисмана, зашагала дальше по полю брани. Другой часовой тоже пропустил ее; так она добралась до лагеря таборитов и быстро двинулась к часовне, сообщавшейся с подземельем замка Альтендорф.

В часовне она, опустившись на колени, возблагодарила Бога за благополучно заверченный путь, потом встала и внимательно осмотрелась вокруг, чтобы проверить, не наблюдает ли кто за нею.

Помещение освещалось лучами уходящего солнца, проникавшими сквозь деревья, уже лишенные листьев. Следовательно, было не очень темно. Анжела, наклонившись, начала искать дверь в виде люка, сообщавшуюся с подземным коридором. Потрудившись несколько минут, она не заметила никаких ее следов. Она знала, что люк прилажен к полу чрезвычайно искусно, и ожидала столкнуться с трудностями, но не думала, что они будут так велики.

Если предположить, что ей удастся найти камень, служивший дверью, сумеет ли она приподнять его? Этот вопрос Анжела задавала себе раз сто в день. Но она надеялась, что камень заключал в себе секрет, и не теряла мужества.

Но надежда постепенно угасала: прошло десять минут, а глаза ее все еще напрасно вглядывались в плиты часовни и пальцы ощупывали швы между ними. Вечерняя темнота начала сгущаться, и лесные тени снаружи становились чернее. Что она могла сделать? Достать огня было негде. Вдруг она услышала голоса в лесу и затаилась с беспокойством.

– Где теперь вы должны сменять караульных? – спрашивал офицер повелительным тоном. – Разве эту часть леса никто не охраняет?

– На ночь мы всегда ставим солдат в маленькую часовню, вот она, капитан, – отвечал габарит.

За этим кратким разговором послышался шум шагов, и Анжела поняла, что приближается караул. Забившись в самый дальний угол часовни, она легла на пол в надежде остаться незамеченной.

Поток света ворвался в дверь: солдат, первым явившийся на пороге, держал в руке факел. Часовня ярко осветилась, и таборит, осматриваясь вокруг, увидел Анжелу.

– Кто это? – удивился он, шагая вперед.

Тут подоспел капитан в сопровождении еще двенадцати солдат.

– Я живу недалеко отсюда, и я не враг таборитов, – объяснила Анжела и указала на перстень, сверкнувший, как метеорит, при свете факела

– Оставьте ее, не спрашивайте ни о чем, пусть она спокойно идет своей дорогой, – велел капитан.

– Боже, возможно ли это?! – внезапно закричал первый солдат.

Бросившись вперед, он принялся внимательно рассматривать Анжелу. Черты этого человека показались ей знакомыми, но где она видела его и при каких обстоятельствах, девушка вспомнить не могла. Впрочем, сомнения ее продолжались недолго, ибо сам таборит подоспел Анжеле на помощь.

– Да, клянусь небом, у нее то же самое лицо, – пробормотал он с величайшим удивлением, – я узнал бы его, несмотря ни на какое переодевание. Да, лицо то же, однако это женщина! А я принял вас за пажа, красавица! О, с какой ловкостью вы носили свою броню, вероломная!

– Что ты говоришь? Кто эта молодая женщина? – вмешался капитан.

– Кто она? – переспросил солдат, – Та, что сыграла со мною шутку, когда я охранял в пражском замке трех государственных пленников.

– Как! Их освободила женщина? – изумился капитан. – Это невозможно!

– Пусть она докажет, что я ошибаюсь! – вскричал таборит. – Я узнал бы ее лицо при любых обстоятельствах.

– Это правда, сударыня? – спросил капитан. – Что вы ответите на такое

обвинение?

– Я не стану опровергать очевидное, – промолвила Анжела дрожащим голосом, – но если этот перстень имеет какую-нибудь силу, я прошу вас отпустить меня.

– Нет, не получится, – покачал головой капитан. – Приказания генерала относительно перстня изменены. Теперь его влияние не останавливает ареста виновных, кем бы они ни были. Следовательно, я отведу вас к генералу.

– Хорошо! – сказала наша героиня, – Начальник таборитов великодушен, я обращусь к его милосердию. Ступайте, я готова идти за вами.

Отряд пустился в путь, сопровождая Анжелу, достиг лагеря и подошел к шатру полководца. Жижка как раз был один.

Анжела встречала знаменитого Жижку, когда жила в пражском замке с Этной, но никогда не видела его так близко. Беглый тревожный взгляд, брошенный на сурового воина, не внушил Анжеле доверия к нему, ибо выражение его лица, обыкновенно мрачное и строгое, теперь еще более отягощалось мыслью о реках крови, пролитых в этот день. Однако Анжела не потеряла бодрости.

– Что вам нужно? – спросил генерал, пытаюсь говорить как можно мягче: было в Анжеле что-то тронувшее его и возбуждавшее сочувствие.

– Эта девушка наша пленница, – сообщил капитан.

– Пленница? – повторил Жижка с удивлением. – Может ли такая молодая женщина представлять опасность для таборитов?

– Ее обвиняют в том, что она освободила барона Альтендорфа, маркиза Шомберга и графа Роземберга, заключенных в пражском замке, – объявил капитан.

– Я не стану отречься от правды, – молвила Анжела, покрываясь яркой краской.

– Скажите мне, – продолжал Жижка, – какая причина побудила вас забыть о трудностях подобного предприятия?

– Я вовсе о них не думала, – заявила Анжела, выпрямляясь с достоинством.

– Но каким образом часовые пропустили ее через лагерь? – обратился Жижка к офицеру.

– У девушки ваш перстень, генерал, – ответил капитан.

– Да, и потому я прошу у вас милости, – сказала Анжела.

– Мой перстень?! Тот, что я дал австрийцу?! – воскликнул пораженный Жижка. – Какие отношения, сударыня, существуют между вами?

– Только дружеские, – ответила Анжела. – Он вручил мне кольцо, потому что любит меня как сестру и хотел помочь моим планам.

– Что же это за планы? – поинтересовался Жижка.

– Пробраться в замок Альтендорф, – сообщила Анжела.

Жижка сделал офицеру знак уйти.

– Теперь мы одни, и вы можете говорить свободнее, – заметил генерал. – Кто вы, для кого рисковали, освобождая государственных пленников из пражского замка? Каким образом приобрели дружбу знаменитого рыцаря, отдавшего вам мой перстень? И для чего пытались проникнуть в замок Альтендорф?

– Я приемная дочь честных крестьян, живущих поблизости, в лесу. Меня знают как Анжелу Вильдон, – ответила девушка.

– Анжела Вильдон! – вскричал Жижка. – Ваше имя мне знакомо. А, помню! Это вас Эрнест Кольмар вытащил из Молдовы, и вы провели потом несколько дней у Этны в пражском замке.

– Да, – подтвердила девушка. – И если вы знаете, что рыцарь Кольмар спас мне жизнь, то должны понять, откуда возникла его дружба ко мне. На ваш третий вопрос, относительно замка Альтендорф, я отвечу откровенно: там есть одна дама, которой я очень интересуюсь и надеюсь помочь выбраться из этого горестного и ужасного места.

– Ничего не получится, – сказал Жижка. – Замок должен сдаться со всеми своими обитателями, только тогда я посмотрю, что можно сделать для пленников.

– О, великодушный генерал! Простите, если я поступаю дурно, простите и вы, милая незнакомка: для вас я беру на себя великую ответственность! – воскликнула Анжела, дрожа от волнения. – Но Бог знает, что я поступаю правильно.

Достав из корсажа платья маленький бархатный кошелек, она раскрыла его и вынула перстень, полученный от белой женщины. Упав к ногам предводителя таборитов, Анжела протянула ему перстень, прошептав голосом, исполненным беспокойства:

– Тайный голос говорит мне, что сей предмет скажет вам более, чем могу сказать я.

Если бы земля разверзлась у ног Жижки, он не испугался бы так, как при виде этого перстня. Одного взгляда хватило ему, чтобы понять, какая это вещь, и, мгновенно припомнив тысячи обстоятельств, уяснить прошлые события.

– Анжела, говори, не оставляй меня в неизвестности! – взволнованно вскричал Жижка. – Жива ли еще дама, вручившая тебе этот перстень?

– Жива. Она добровольно обрекла себя на существование в подземельях замка Альтендорф., – ответила наша героиня.

– Она жива! Жива!.. – прошептал Жижка.

Потом, пораженный внезапной мыслью, он бросился к Анжеле, схватил за руку, приподнял и, всмотревшись в ее черты с тревожным вниманием, воскликнул:

– Да! Да, все верно! Это сходство! Притом она никому другому не отдала бы перстня...Милая девушка, знала ли ты своих родителей?

– Нет, – ответила Анжела с трепетом, ибо чувствовала, что сейчас услышит важное известие. – Меня еще ребенком поручили честным крестьянам, о которых я вам говорила.

– А сколько тебе лет? – продолжал Жижка, вне себя от волнения.

– Двадцать, – пролепетала Анжела.

– О, я не могу более сомневаться! – вскричал Жижка с восторгом и нежностью. – Приди в мои объятия; Анжела, потому что так же справедливо, как и то, что нас соединил Господь, ты – моя дочь, а я твой отец!

– Отец! – воскликнула Анжела и бросилась на шею Жижке, предводителю таборитов.

Глава 79

Последнее посещение подземелья

Через полчаса после описанной нами сцены Жижка и Анжела вместе вышли из палатки. Предводитель таборитов набросил на плечи широкую солдатскую шинель и надел бархатную шапку, украшенную пером, опускавшимся на его лицо. Анжела закуталась в свой плащ. Они пересекли лагерь быстрыми шагами и направились к маленькой часовне, которая так часто упоминалась в нашем рассказе.

Часовой узнал генерала и пропустил их внутрь. В железном кольце, вбитом в стену, горел факел из соснового дерева. Жижка взял его в руки и начал пристально осматривать пол часовни, но преуспел не больше Анжелы.

Нетерпеливо топнул он своим тяжелым сапогом, подбитым железом, и, к его величайшему удивлению, плита приподнялась: он нечаянно дотронулся до тайной пружины.

Позвав тогда часового, он велел ему оставаться в часовне, не покидая ее ни на минуту.

– Держи люк открытым, – прибавил он, – наблюдай внимательно и, если мы не воротимся через полчаса, подними тревогу. Пускай солдаты идут в подземелье за нами.

– Будет исполнено, генерал, – отдал честь часовой.

– Хорошо., – сказал Жижка. – Теперь, – прибавил он, обернувшись к Анжеле, – продолжим наши поиски.

С этими словами предводитель таборитов, не выпуская из рук факела, спустился по каменным ступеням. Дочь шла за ним, и они благополучно преодолели коридоры, ведущие в склеп.

Факел освещал мрачные монументы, эхо печально повторяло их шаги, но Жижка был чужд страху, а Анжела чувствовала себя твердою при мысли, что находится под покровительством самого грозного воина того времени и что воин этот ее отец.

Читатели помнят, что предводитель таборитов взял с собою факел и, следовательно, часовой остался почти в темноте. Однако луна, уже появившаяся на небе, все ярче освещала предметы. Пока солдат недоумевал, для чего генерал с молодой девушкой отправились в подземелье, лучи луны вдруг померкли на пороге часовни, и он заметил женщину.

– Кто идет? – крикнул он, видя, однако, высокую, грациозную женщину, закутанную в длинный плащ темного цвета.

– Друг! – приближаясь, ответила женщина мелодичным голосом. – Уверяю вас, я действительно друг.

– Я узнаю ваш голос! – воскликнул таборит.

– Тогда, возможно, вы припомните и мои черты? – проговорила женщина и, отбросив свое покрывало, повернулась так, чтобы луна осветила ее лицо.

– Вот вы и воротились, – вздохнул таборит с искренней радостью. – . О вас ходили печальные и страшные слухи, но табориты скорее погибли бы, чем позволили тронуть хоть волос на вашей голове.

– Нет, нет! – возразила она с горечью. – Они не настолько мне преданны. Но скажите, куда девался генерал и молодая девушка, сопровождавшая его? Я все время следила за ними и видела, как они вошли сюда. Они не выходили?

– Нет, – ответил часовой и указал глазами на открытый люк,

– Что значат сие отверстие и ваш взгляд? – удивилась молодая женщина. Потом, пораженная внезапной мыслью, она прибавила: – Не сообщается ли эта дверь с подземельями замка Альтендорфа?

– Весьма вероятно, – заметил солдат. – Туда-то, кажется, и собирался идти генерал.

– В таком случае я отправлюсь за ними, – заявила женщина, снова опуская вуаль и подходя к краю отверстия.

– Вы полезете туда? – удивленно повторил часовой.

– Да, – молвила она.

И спустилась по ступеням, ведущим в подземелье

Глава 80

Киприан и Жижка

Жижка и Анжела двигались по обширному склепу. Дойдя до черной мраморной гробницы баронессы Эрманды Альтендорф, Анжела остановилась, чтобы показать монумент своему отцу.

Полководец, рассмотрев богатый памятник и прочтя со вниманием эпитафию, написанную золотыми буквами, вскричал:

– Какая отвратительная насмешка – эта могила! Какое низкое лицемерие эта надпись!

Отвернувшись, он зашагал прочь так скоро, что Анжела с трудом поспевала за ним. Внезапно факел осветил гроб, стоявший на земле между двумя монументами. Анжела вздрогнула и отступила с ужасом, но Жижка, чересчур привычный к печальным сценам, чтобы бояться смерти, в каком бы виде она ни явилась, поспешно приблизился к гробу и приподнял крышку,

Анжела отвернулась, думая, что внутри лежит труп, но восклицание удивления, вырвавшееся у Жижки, возбудило ее любопытство, и вместо окоченелого тела она увидела в гробу груды золота, вещей и драгоценных камней.

– Это сокровища, оставленные королем Венцелем дочери, – объяснил Жижка. – Но что случилось с баронессой Гамелен, обещавшей передать мне сокровища и принцессу?

Задавая себе этот вопрос вполголоса, он закрыл саваном вещи и снова опустил крышку. Потом, по-прежнему под руководством Анжелы, они двинулись дальше и через несколько минут добрались до комнаты машины.

– О, не ужасно ли это! – прошептала Анжела, дрожа и опираясь на руку отца.

– Да, тут потрудились человеческие демоны, – заметил Жижка.

– Не говорила ли я вам, батюшка, – продолжала

Анжела прерывающимся голосом, – что вы встретите чудовищные вещи, прежде чем мы найдем ту, которую так жаждем обнять? Не предупреждала ли я вас, что тайны и ужасы замка Альтендорф превосходят всякое описание?

– Да, все верно, Анжела, – заметил Жижка. – Но клянусь вечным Богом, царствующим над нами, я уничтожу даже следы гнусного трибунала.

– Дай Бог, чтобы мы встретили ту, которую ищем! – проговорила Анжела, входя в комнату, где хранились инструменты для чистки колоссальной статуи.

– Возможно, ее уже нет в подземелье, – сказал предводитель таборитов с глубоким вздохом. – А может быть... но я не смею думать такие ужасные вещи...

– О Боже! – вскричала Анжела, угадав мысль своего отца. – Давайте надеяться, что голод пощадил ее. – И, задрожав, добавила: – Если она жива, мы обязательно найдем ее здесь.

Отец и дочь вошли в залу Бронзовой Статуи, и когда свет факела Жижки выделил из темноты гигантскую фигуру во всем ее величии, воин смутился, хотя не знал, для каких целей служит это изваяние. Однако он слышал достаточно, чтобы понимать, что перед ними самое страшное орудие смерти, какое только воображение могло придумать.

– Уйдем отсюда, – пролепетала Анжела, цепляясь за руку отца, неподвижно взирающего на статую. – Она пугает меня настолько, что кровь стынет в жилах.

– Ладно, милое дитя, – согласился Жижка, – давай продолжим наши поиски в этом страшном лабиринте.

Теперь предводитель таборитов и его дочь попали в круглую комнату, но, едва они остановились посмотреть на камень и распятие, до них долетел шум массивной двери, повернувшейся на петлях. Взглянув на соседний коридор, откуда он доносился, они увидели, что часть стены медленно отворяется.

Жижка и Анжела не успели ни переглянуться, ни сообщить друг другу свои мысли, когда из отверстия появился человек с фонарем в руках. Но, заметив факел и двух людей в круглой комнате, он вскрикнул от страха и попытался бежать.

– Губерт! Губерт! Мы друзья! – вдруг закричала Анжела, узнав старика и бросаясь вперед, чтобы удержать его.

– Возможно ли это? – молвил старый управитель, пораженный звуком ее голоса. – Боже мой! Анжела, почему вы здесь? – продолжал он, приближаясь к девушке. – И кто это с вами?

– Мой отец, великий предводитель таборитов, – ответила наша героиня, обернувшись к Жижке и с любовью взяв его за руку.

– О! Стало быть, вы знаете все, Анжела, – заметил Губерт. – Вы показали генералу перстень? Но зачем не пришли вы раньше?

Старый управитель закрыл лицо ладонями, чтобы унять слезы, брызнувшие из его глаз.

– О Боже! Что вы хотите сказать?! – вскричала Анжела.

– Говорите, старик, – вмешался Жижка.

– Ах, почему я должен сообщать вам такое известие? – прошептал Губерт с тоскою.

– Какое известие? – спросила Анжела, выпуская руку отца и схватив руку Губерта. – Что случилось с моей матерью?

– Анжела, приготовься к великой горести, – произнес Жижка голосом едва внятным, до того он дрожал. – Нам легко угадать роковые слова, которые губы этого старика не в силах вымолвить. Правду ли я сказал? – обратился генерал к управителю.

– Да, знаменитый генерал, вы, к несчастью, не ошиблись, – ответил Губерт. – Той, за которой вы пришли, не существует более!

– Не существует! – повторил Жижка с замиранием сердца, лишившись последней надежды.

– Умерла! – вскрикнула Анжела и как подкошенная упала на колени.

Генерал поспешил приподнять ее. Тут еще несколько человек вышли из комнаты, с которой сообщалась дверь в стене.

Мужчины в длинных черных одеждах, женщины в кармелитских рясах толпою окружили старого управителя, предводителя таборитов и Анжелу. Но потом, по приглашению Губерта, все вернулись обратно, а Жижка и его дочь последовали за ними.

– Хотя ей почти нечего было есть, как и всем обитателям замка, – начал старый управитель, – моя возлюбленная госпожа умерла не от голода, она скончалась скоропостижно. Ее здоровье расстроили долгие годы страданий и горя, а катастрофу ускорило потрясение, которое она испытала шесть недель тому назад, случайно

сделавшись свидетельницей отвратительной гибели баронессы Гамелен и маркиза Шомберга, получивших «поцелуй» Девы.

– А! Значит, вот как умерла баронесса! – пробормотал Жижка.

– Только три дня прошло с тех пор, как обожаемая госпожа моя испустила последний вздох, – продолжал Губерт, – останки ее еще не преданы земле. Дело в том, что нищета и страдания, до которых осада довела всех обитателей замка, замедлили приготовления к похоронам. Однако, как видите, в участниках похоронного шествия недостатка нет, – прибавил Губерт, медленно обводя глазами окружающих.

Присутствующие смотрели на Жижку с удивлением и страхом, потому что Лионель и Конрад, находившиеся между ними, узнали предводителя таборитов и тотчас указали на него своим товарищам.

– Да, никогда не было горя искреннее, чем их, – сказал Губерт, –

потому что всех этих людей, мужчин и женщин, спасла от Бронзовой Статуи та, чьи останки лежат здесь.

– А также и вы, великодушный старик, – заметил один из братьев Шварц, бросив признательный взгляд на управителя.

– Где же тело моей матери? – прошептала Анжела, взяв за руку почтенного Губерта и устремив на него глаза, полные слез.

– Здесь, милое дитя, и вы можете посмотреть на нее в последний раз, – ответил Губерт.

С торжественным видом отворил он дверь. На кровати, в углу комнаты, лежало тело белой женщины. На ней была кармелитская ряса, которую она обыкновенно носила при жизни, руки были сложены на груди, а лицо выражало ту безропотность, с какою душа ее оставила свою брэнную оболочку.

Анжела, наклонившись, запечатлела поцелуй на лбу матери, и горькие слезы дочери оросили лицо покойницы. Потом предводитель таборитов тоже приблизился, и под стальными латами сердце героя забилося от глубокого волнения, потому что Жижка смотрел на женщину, оставленную им много лет тому назад полной жизни, прекрасной, без малейшей надежды увидеть ее снова живую или мертвую

Полководец и приемная дочь Вильдонов опустились на колени возле постели, а Губерт, протянув руки, как пророк, к мужчинам в черных и женщинам в белых рясах медленно произнес торжественным голосом:

– На колени, братья, на колени, сестры! Помолимся за упокой души Эрманды, баронессы Альтендорф.

Члены общины повиновались, в первый раз услышав, что женщина, совсем недавно бывшая их ангелом-хранителем, не кто иная, как жена барона Альтендорфа, считавшаяся умершей двадцать лет тому назад, в память которой воздвигли монумент, упоминавшийся нами несколько раз.

Все молились около четверти часа: Жижка с дочерью с одной стороны кровати, а Губерт и члены общины – с другой.

Воздав дань торжественного уважения останкам баронессы Эрманды, все покинули комнату, и предводитель таборитов сказал:

– Надо в нынешнюю же ночь похоронить баронессу, и монумент, сооруженный в ее память, перестанет быть отвратительной насмешкой. Я вернусь в лагерь, Анжела, ты останешься здесь, и добрый Губерт сообщит тебе подробности о последних минутах той, которую мы не успели обнять живой. Через полчаса я ворочусь, и мы всех освободим.

Осмотревшись, предводитель таборитов прочел глубокую и живейшую признательность на лицах окружающих. Некоторые чуть не лишились

чувств от радости при мысли покинуть свою могилу, другие упали на колени и стали набожно молиться, многие зарыдали, многие бросились друг другу на шею, а прочие, обезумев, завопили от счастья, забыв, что тело их благодетельницы лежит в смежной комнате. Эта зала, столько лет казавшаяся мрачной, точно изменилась, словно в нее впустили чистый воздух, водворив с ним мир и благополучие.

Но никого так не ошастливило обещание генерала, как Лионеля и Конрада.

Жижка ушел из залы один, отказавшись от предложения нескольких членов общины проводить его по подземельям.

Убежденный, что сумеет найти дорогу, и желая остаться наедине с размышлениями, возбужденными в нем за истекшие часы, предводитель таборитов, взяв лампу, вышел, и дверь аккуратно затворилась за ним.

Он пересек круглую комнату и попал в большую залу, где возвышалась бронзовая статуя. Побуждаемый любопытством, он приблизился к скульптуре, чтобы хорошенько рассмотреть ее. Но едва принялся он изучать подробности, отголоски из подземелья донесли до него шум приближающихся шагов. Он обернулся – круглая комната была уже полна вооруженных людей, быстро окружающих его. Лампа, поднятая Жижкой, дала пришельцам возможность узнать его, и человек двадцать, в один голос повторив его имя, тотчас свирепо кинулись на генерала, желая отомстить виновнику своих страданий и унижений, тому, кто победил их и кому собирались сдать замок на другой день.

– Как?! Жижка здесь? – закричал Киприан, находившийся среди толпы, или, лучше сказать, возглавлявший ее.

Монах, боясь угодить в руки предводителя таборитов, решился с шестьюдесятью солдатами, членами трибуна ла Бронзовой Статуи, воспользоваться ночной темнотой и проложить себе путь, выйдя через подземелье в маленькую часовню.

Увидев, что вооруженные люди бросились на него, Жижка отшвырнул лампу и схватился за шпагу. Но тут нога его поскользнулась на сыром полу, и он тяжело грохнулся оземь. Беглецы кинулись вперед, и шпаги их пронзили бы его, но Киприан крикнул:

– Не убивайте его! Принесем самого страшного нашего врага в жертву Бронзовой Статуе.

Радостные вопли встретили его предложение, и эхо повторило их во всех коридорах. Жижку схватили и подвели к чудовищному изваянию. Водворилась глубокая тишина, и монах, бросив на предводителя таборитов торжествующий и одновременно удовлетворенный взгляд, сам подошел к

статуе и дотронулся до пружины, приводившей ее в движение.

Страшная статуя медленно раздвинула руки и обнажила чудовищные орудия, заключавшиеся в ее груди. Киприан с минуту смотрел на эти снаряды смерти, потом, повернувшись с жестокой улыбкой, сделал знак людям, державшим Жижку, подвести его ближе.

Внезапно, отшвырнув прочь закрывавший ее плащ, с распущенными по плечам волосами появилась прелестная Этна Ильдегард.

Прежде чем изумленные присутствующие успели охнуть, с быстротой молнии, вылетающей из тучи и поражающей дерево в лесу, таборитская героиня кинулась к бронзовой статуе и со сверхъестественной силой толкнула на нее Киприана.

Тот, ошеломленный неожиданностью, ослабевший от голода и утомительной осады, повалился на статую, и две раздвинутые руки сомкнулись. Монах, прижатый к остриям клинков, скоро исчез, раздавленный, как прежде исчезали бесчисленные жертвы его гордости и мщения.

Этна, обернувшись к испуганным беглецам, закричала:

– Вы, свидетели моего возмездия тому, кто погубил меня навсегда, слушайте, служители Бронзовой Статуи: ваше царство кончилось, я презираю вас!

Члены трибунала наконец опомнились от изумления, охватившего их на минуту, и бросились к смелой девушке, но Жижка, воспользовавшись всеобщим остолбенением, вырвался из державших его рук и своей меткой шпагой защитил Этну.

Битва была в самом разгаре, когда в громадную залу ворвался отряд таборитов. Солдат, оставленный Жижкой в часовне, по прошествии получаса поднял тревогу и поспешил с товарищами в подземелье на помощь своему начальнику.

Члены трибунала Бронзовой Статуи защищались с отчаянным мужеством, но, подавленные числом, все погибли: никто из них не пожелал сдаться.

Едва кончилась битва, как еще один таборит прибежал сообщить, что барон Альтендорф и его сын, пытаясь вернуть себе свободу, завязали жестокую схватку, убили множество солдат и мужественно погибли сами.

Таким образом, глава трибунала Бронзовой Статуи и большая часть его сообщников были убиты. Остальные разбежались. Жижка приказал немедленно разрушить статую и чудовищные машины, и с того дня страшный трибунал был уничтожен навсегда.

Глава 81

История баронессы Эрманды

Печальную жизнь прожила баронесса Эрманда, сестра графа Роземберга. Мать их была из тех женщин, величественная красота которых носит отпечаток неукротимого самолюбия. Гордясь своей фамилией, одной из богатейших и старейших в Богемии, она гордилась и тем родом, с которым соединили ее узы брака.

Когда умер их отец, молодому графу Розембергу исполнилось двадцать три года, а Эрманде пятнадцать лет. Графиня, будучи сама неустрашимой наездницей, пожелала, чтобы и дочь училась ездить верхом, а потому принуждала ее выезжать почти ежедневно в лес в сопровождении пажа Жижки. Паж этот был необыкновенным красавцем. Мужество его возбуждало зависть в самых опытных охотниках. Сверх того, он обладал всеми качествами, отличавшими тогда рыцарей: благородством, великодушием, чистосердечием, открытостью и постоянной готовностью защищать слабого от сильного. Невозможно, чтобы такой прекрасный характер не произвел впечатления на сердце Эрманды. Но любовь ее была так чиста, что много месяцев она и не подозревала о ее существовании. Когда же свет промелькнул в ее душе, любовь эта так вкоренилась в сердце девушки, что она не могла уже вырвать ее.

Жижка тоже ничем не намекал на свои чувства, но однажды, когда его поранил кабан, Эрманда не сумела скрыть своих переживаний.

В первый раз сойдясь после того случая, когда ясно прочли правду в сердцах друг друга, паж и Эрманда разменялись быстрыми признаниями и с нежностью пожали друг другу руки. Любовь их росла, и, зная, что им никогда не добиться согласия графини, они решились на важный проступок, за который впоследствии жестоко поплатились – тайно сочетались браком в соседней капелле; венчал их молодой монах Киприан.

Проходили недели и месяцы. Жижка и Эрманда были счастливы: они виделись почти каждый день, и никто не подозревал об узах, соединивших их.

Однажды утром графиня велела позвать Эрманду в большую залу замка. Бедная девушка смертельно испугалась. Она вообразила, что узнали тайну, которую она так старательно скрывала. Даже странно, что глаза матери до сих пор ничего не заметили.

С бледным лицом и волнением в сердце, вся дрожа, отправилась

Эрманда на зов матери. Пятидесятилетняя графиня сидела под балдахином, на котором красовались графская корона и фамильный герб. По левую руку стоял ее сын, граф Роземберг, а по правую – человек высокого роста с красивым, но мрачным лицом, имевшим какое-то зловещее выражение. Выглядел он лет на двадцать пять и одет был великолепно.

Графиня поднялась и, взяв незнакомца за руку, представила его Эрманде:

– Милое дитя, вот барон Альтендорф, которого я назначаю вам в супруги.

Едва графиня произнесла эти слова, молодая девушка, затрепетав, упала на колени.

– Нет, нет, я не могу сделаться его женой! Я жена другого! Я люблю Жижку! О, пощадите! Пощадите! Сжальтесь надо мной!

Протянув руки к матери, несчастная Эрманда лишилась чувств. Никто еще ничего не подозревал, но приглашенный доктор объявил, что через несколько месяцев Эрманда станет матерью.

Легко себе представить, какое впечатление произвело подобное известие. Барон Альтендорф обещал хранить тайну. Необыкновенная красота Эрманды произвела на него сильное впечатление.

Взбешенная графиня хотела приказать убить Жижку, но ее удержал граф Роземберг. Тогда она похитила роспись церкви, где венчались молодые, чтобы уничтожить все следы этого брака, как только того потребуют ее планы, и велела Жижке убраться. Тот действительно уехал и поступил на службу к барону Ильдегарду, но вскоре оставил его, а потом в замок пришло известие о гибели Жижки в битве с турками.

Эрманда родила дочь, но графиня объявила ей, что ребенок умер тотчас после рождения.

Скоро графиня Роземберг занемогла и уже на смертном одре упросила дочь выйти за барона Альтендорфа. Та согласилась и позволила повести себя к алтарю.

Барон Альтендорф обращался с Эрмандой с уважением и даже со всей нежностью, какая была доступна его угрюмому и надменному характеру. Через десять месяцев после их брака родился наследник обширных владений Альтендорфа – Родольф.

Однажды, гуляя в лесу, молодая баронесса вдруг заметила человека, он шел пешком. Едва глаза их встретились, они вскрикнули от радости и бросились друг другу в объятия.

Путешественник оказался Жижкой. Когда первая минута ликования прошла, они принуждены были объяснить друг другу множество вещей.

– Увы! – воскликнул Жижка, узнав, что Эрманда замужем и что свидетельство их брака похищено. – Последняя моя надежда уничтожена, и жизнь видится мне отныне пустой и непривлекательной. У меня не осталось даже честолюбия для борьбы, а между тем я мог бы стать орудием судьбы для того, чтобы изменить положение вещей во всем мире. Послушай, Эрманда, – продолжал Жижка, пораженный внезапной мыслью, – а может, наша дочь и не умерла, ведь тебя и относительно моей смерти обманули. Нам надо расстаться: твоя честь для меня превыше всего. Но знай, я любил тебя нежно и не перестану любить до последнего вздоха. Видишь этот перстень, единственную ценную вещь, которая у меня есть? Возьми его, Эрманда, на память о моей любви, и если я понадобится тебе, пришли мне перстень, я пойму и поспешу явиться, или если ты найдешь нашу дочь...

– О! Тогда я надену перстень ей на палец и отправлю сказать тебе, что ты ее отец, – проговорила Эрманда, со слезами цепляясь за руку своего первого мужа. – Но куда ты идешь, Жижка, какие у тебя намерения?

– Я еще ничего не знаю, – ответил молодой человек. – Возможно, я буду прозябать несколько лет в неизвестности, но рано или поздно стану знаменитым. А теперь прощай, Эрманда, прощай до более счастливых времен или навсегда!

В эту минуту группа охотников выехала из лесу, и Эрманда вскрикнула от испуга, заметив среди них своего мужа. Тот, увидев, с кем она разговаривает, с бешенством бросился на Жижку, обнажив шпагу,

Жижка защищался с отчаянным мужеством, но его скоро обезоружили и схватили.

– Везите их обоих в замок, – молвил барон Альтендорф мрачным голосом.

Пока несколько человек уносили бесчувственную баронессу, Жижка вырвался и, вскочив на одну из лошадей, умчался во весь опор.

Баронессу Эрманду осудили на казнь Бронзовой Статуи, но, поскольку у барона не достало мужества самому присутствовать при экзекуции, управитель Губерт спас Эрманду и спрятал ее в подземелье. Потом баронессе удалось уговорить Губерта, исполнявшего роль главного распорядителя казней Бронзовой Статуи, всегда спасать несчастных, при казни которых больше никто не присутствовал, что время от времени случалось, поскольку обыкновенно осужденные присылались под конвоем простых служителей Бронзовой Статуи, не имевших права наблюдать за исполнением приговора, а важные члены трибунала редко спускались в залу статуи. Губерту не составляло труда приносить пищу и одежду

жителям подземелья, так как он, главный управитель всех имений барона Альтендорфа, мог распоряжаться вещами по своему усмотрению. Впоследствии Губерт открыл баронессе Эрманде, что дочь ее, не кто иная, как Анжела, жива, и из подземелья замка Альтендорф баронесса наблюдала за нею до той самой минуты, когда отдала ей перстень Жижки.

Глава 82

Этна

Граф Роземберг приехал в замок Альтендорф по приглашению Жижки, приславшем ему свободный пропуск. Свидание их было дружеским. Граф Роземберг, обманутый, как и сестра, поверил смерти ее мужа и дочери. На торжественных похоронах баронессы собирались присутствовать ее брат, ее первый муж и многочисленные обитатели подземелья, которых она спасла от «поцелуя» Девы. Граф даже предложил убежище в своем замке людям, уже потерявшим всех родных; между прочими его гостеприимством воспользовались и братья Шварц.

Анжела пожелала увидаться с Этной, чтобы утешить ее и помочь, если потребуется, и получила позволение Жижки: тот велел держать Этну пленницей в комнате, где прежде была заперта Анжела по приказанию Родольфа. Но, войдя в помещение, увидели, что Этна исчезла.

Она привязала к балкону простыни и спустилась вниз на двадцать футов, а потом перелезла через стену, цепляясь за трещины, появившиеся там во время осады. Словом, она подверглась при побеге таким опасностям, перед которыми отступил бы самый неустрашимый горец.

...Долго тянулось время для Эрнеста Кольмара после отъезда Анжелы. Прекрасный характер, героизм и добродетель этой девушки постоянно занимали его мысли. Он сожалел об ее отсутствии, о нежном голосе, так мелодично зазвеневшем в его ушах, о веселых взглядах, которые она всегда бросала ему, улыбаясь.

Когда ночной мрак покрыл землю, Кольмар сумел наконец сомкнуть глаза, но и во сне ему по-прежнему представлялась Анжела. То ему чудилось, что она стоит у его изголовья в виде ангела-хранителя, то являлась, сияя красотой, чтобы носиться в воздухе, как птица. Сон

Кольмара, хотя и волнуемый этими повторявшимися видениями, освежил его и возвратил ему силы.

Бернард пришел доложить, что два пажа желают говорить с ним от имени Жижки. Рыцарь приказал впустить их, и Лионель с Конрадом бросились к нотам своего господина.

После первых излиятий радости они рассказали о своих печальных приключениях, о том, как их спасла от Бронзовой Статуи баронесса Эрмаида, а затем освободил из подземелья Жижка. Предводитель таборитов прислал рыцарю письмо. Кольмар распечатал его и прочел

следующее:

«Замок Альтендорф находится в моих руках; мне стали известны очень важные тайны. Анжела – моя дочь; я не говорил ни ей, ни кому-либо другому, кто Вы, и не скажу до тех пор, пока Вы не снимите с меня обещания, данного Вам в лагере таборитов. Я еду атаковать поляков, ворвавшихся в Богемию, следовательно, не сумею увидеться с Вами. Но я распорядился, чтобы Ваше возвращение в Австрию завершилось благополучно».

Через несколько дней Эрнест Кольмар, совершенно оправившись от болезни, отправился в Австрию в сопровождении своих пажей. Он не видел ни Жижки, ни Анжелы.

Глава 83

Альбрехт Австрийский

Прошло несколько месяцев; зима сорвала с деревьев листья, набросила толстый лед на реки и убелила снегом старые башни замка Альтендорф. С весною окрестности опять облеклись в свои зеленые одежды, и природа пробудилась от продолжительного сна.

Анжела помнила обещание, данное ей Кольмаром в башне Ильдегард в минуту прощания. Кольмар должен был приехать в апреле, если он не забыл своих слов.

Жижка, победив врагов, напавших на Богемию, вернулся, увенчанный славой, в Прагу, народ принял его с энтузиазмом. Хотя отец и приглашал Анжелу пожить в замке Альтендорф во время его отсутствия, она не смогла устоять перед желанием вернуться в то смиренное и скромное жилище, где она провела столько счастливых лет

Там-то и находим мы ее теперь, вместе с Вильдонами и стариком Губертом, ожидающую, чтобы мир, подаренный ее отечеству, позволил ей вернуться в Прагу, к отцу, и поселиться там окончательно.

Как ни дорога была хижина Вильдонов Анжеле, она становилась ей еще дороже при одной тайной мысли: девушка надеялась, что сюда к ней приедет рыцарь Кольмар.

Первая неделя апреля уже близилась к концу, когда в хижину постучался курьер с письмом от предводителя таборитов к дочери: отец приглашал ее к себе в Прагу.

Со слезами на глазах наша героиня приказала готовиться к отъезду. Вильдоны и Губерт отправлялись с нею.

Вечером приготовления были закончены. Анжела подошла к двери домика полюбоваться в последний раз лесом, который знала так хорошо. Усевшись на деревянную скамью перед хижинкой, она устремила взор на чащу, глубоко вздыхая всякий раз, как любое дерево возбуждало в ней воспоминания. Надежда на скорую встречу с отцом не могла переменить течение ее мыслей, и грусть ее переросла даже в огорчение. Кольмар не появился, а она уезжала завтра.

Вот каким размышлениям предавалась Анжела. Но вдруг до ушей ее долетел шум, заглушивший пение птиц и шелест листьев под ветерком. Анжела прислушалась, как робкая лань, застигнутая у ручейка лаем собак. Невозможно было ошибиться: Анжела слышала конский галоп. Надежда

внезапно вернулась в ее сердце, кровь быстрее потекла в жилах и залила лицо яркой краской.

Вдруг ветви раздвинулись в нескольких шагах от нее и какой-то господин, великолепно одетый, вышел на тропинку.

За быстрым взглядом, брошенным на него Анжелой, последовало радостное восклицание, потом она зашаталась, точно испытываемое волнение было свыше ее сил. Но человек бросился поддержать ее, и, подняв голову, Анжела увидела, что ее держит на руках австрийский рыцарь, которого она любила так глубоко. Эрнест Кольмар выполнил свое обещание.

– Вы ждали меня, Анжела? – спросил рыцарь, тихо отводя ее к скамейке и садясь рядом.

– Я думала... то есть я надеялась, что вы меня не забудете, рыцарь, – прошептала Анжела, сердце которой переполнилось счастьем настолько, что она с трудом могла говорить.

– О! Неужели вы могли представить хоть на минуту, что я способен вас забыть, Анжела? – спросил Кольмар, и на его мужественном лице отразилась радость, кипевшая в душе. – Никогда не переставал я думать о вас и приехал не только за тем, чтобы снова заверить в своей дружбе, но для того, чтобы сказать, что мимолетная страсть, внушенная мне другой женщиной, уступила место более сильной привязанности, и предложить вам мою руку, ибо вы владеете моим сердцем.

Анжела не могла отвечать, но взгляд, который она бросила на рыцаря, положив голову на его плечо, был красноречивее всех слов на свете.

В эту минуту Вильдоны, появившиеся на пороге домика, узнали рыцаря, спасшего Анжелу от Родольфа. Губерт тоже вспомнил красивого гостя, которого его господин отправил спать в правый флигель замка.

Тотчас среди деревьев замелькало множество вельмож и нарядных дам. Все они приближались к тому месту, где Кольмар стоял под руку с Анжелой, поклонились ей и расположились полукругом.

– Милостивые государи и государыни, – промолвил Кольмар, оживленный счастьем и благородной гордостью, – я представляю вам дочь великого Жижки, мою невесту!

Анжела, краснея, подняла голову и осмотрелась вокруг. По наружности и обращению дам и мужчин она увидела, какое уважение внушал им тот, кто произнес такие слова, и с неясным страхом героиня наша подняла глаза на человека, назвавшего ее своей невестой.

– Да, Анисела, – сказал он, – время тайн прошло. Высокое положение, которое ты скоро займешь в обществе, откроет более широкое поприще для

твоей благотворительности и доброты. Неужели ты еще не понимаешь меня? – прибавил он, улыбаясь. – Неужели нужно объяснять, что человек, которого ты знала и любила под именем Эрнеста Кольмара, не кто иной, как Альбрехт Австрийский, германский император?

– О Боже мой! Это, наверное, сон, и пробуждение будет жестоким! – прошептала Анжела замирающим голосом.

Она бы упала, если бы император не поддержал ее.

– Да здравствует Анжела, будущая германская императрица! – закричали кавалеры и дамы.

Анжела не могла уже более сомневаться в своем счастье.

Глава 84

Этна Ильдегард

Через два месяца после описанного нами происшествия две крупные церемонии состоялись в Ахене, столице германской империи – женитьба императора австрийского на Анжеле Жижке, сделавшейся таким образом германской императрицей, и коронавание их.

Брак совершался в старинном соборе, где находилась могила его основателя, могущественного Карла Великого, и под мраморными и бронзовыми монументами покоился прах героев, имена которых сохранила история.

Церемония представляла собой величественное и блистательное зрелище. Она происходила вечером, обширное помещение освещалось огнями: к каждому столбу были прикреплены золотые подсвечники с восковыми свечами, с потолка спускались люстры на шелковых шнурах. Мраморный пол покрывал пурпурный бархат, стены украшали знамена и цветы. На дамах сверкали бриллианты и другие драгоценные камни.

На церемонии присутствовали многочисленные германские принцы. Длинный ряд вельмож, рыцарей и пажей составлял свиту императора. Среди них выделялись молодые красавцы – граф Лионель Арлон и барон Конрад Пирна. Но у обоих был грустный вид, потому что один думал о прелестной Линде, а другой об очаровательной Беатриче.

В переднем ряду кресел, поставленных амфитеатром, с правой стороны алтаря, сидел Вильдон с женой. Император сделал его обер-егермейстером всех германских лесов. Вильдон и жена его были одеты с богатой простотой; все знали, что они делали честь своему званию своей порядочностью, честностью и добродетелями. Но они были счастливы не столько собственным счастьем, сколько счастьем приемной дочери.

Старик Бернард тоже сидел в первом ряду. Он стал теперь сенешалем и, следовательно, находился на равной ноге с Вильдонами. Поодаль сидел еще один из наших приятелей, старик Губерт, бывший управитель замка Альтендорф, теперь управляющий дворцом в Ахене.

Недоставало только Жижки. Генерал согласился на этот брак не только потому, что он ставил его дочь в высокое положение, но в основном оттого, что глубоко уважал великодушный рыцарский характер императора

Альбрехта. Однако табористский полководец считал излишним одобрять своим присутствием подобную церемонию. Он остался в Праге,

но благословил Анжелу, прежде чем отправил ее к жениху.

На другой день, утром, к собору повалила толпа. Улицы были усыпаны цветами, в каждом окне виднелись украшения, повсюду возвышались триумфальные арки. Балконы и крыши давно заняли зрители, желающие посмотреть на процессию; войска выстроились в два ряда, колокола трезвонили, а военные оркестры играли национальные мелодии.

Раздался пушечный выстрел, возвещающий о выезде императорского поезда из дворца. Впереди двигалась длинная верховая колонна рыцарей, вельмож и дам, за ними следовал император с той, которую он возвысил до себя.

В том же соборе, где они венчались, император и императрица были торжественно коронованы венским архиепископом.

По окончании церемонии коронования император и императрица вышли из собора со своей свитой и вернулись во дворец под восторженные возгласы народа. Остаток дня все ахенское население провело в празднествах и развлечениях.

Прошел месяц. Как-то вечером Альбрехт и Анжела прогуливались в дворцовом саду, упиваясь благоуханием цветов, и наслаждались удовольствием находиться наедине. Они разговаривали о прошедших событиях и вспоминали различные обстоятельства, познакомившие их, когда увидели графа Лионеля Арлона.

– Этна Ильдегард просит ваши величества принять ее, – объявил молодой человек.

– Если моя кузина во дворце, мы должны удовлетворить ее просьбу, – поспешила ответить императрица и потом шепнула мужу: – Понимаешь, милый Альбрехт, каковы бы ни были ее поступки, она всего лишь жертва необыкновенных обстоятельств.

– Ты просто ангел доброты, – улыбнулся император и сказал, обратившись к графу Арлону: – Проводите Этну Ильдегард в комнаты ее величества, мы придем через несколько минут.

Лионель поклонился и исчез. Очень скоро император и императрица, одни, без провожатых, вошли в гостиную, где с беспокойством ждала их Этна Ильдегард.

Этна была одета во все черное; и хотя щеки ее поражали своей бледностью, глаза не лишились прежнего блеска. Чело ее омрачала тень грусти, а когда появились император и императрица, с ней едва не сделались конвульсии. Но смятение продолжалось не более секунды.

Император тоже пришел в сильное волнение, опять очутившись лицом к лицу с восхитительной красавицей, так страстно любившей его и, будучи

Сатанаисой, так на него влиявшей. Но чувство Альбрехта Австрийского более походило на сострадание, и встреча ее кузины с мужем не возбудила в императрице ни ревности, ни сожаления. Она знала, что Этна воспламеняла только воображение императора, но никогда не владела его сердцем, поэтому Анжела приняла Этну с приятной смесью достоинства, любезности и дружбы.

– Добро пожаловать, милая кузина, – промолвила Анжела, взяв Этну Ильдегард за руки. – Если вы огорчены, мы вас утешим; если вам нужен приют, вы найдете его в нашем доме. Мой дорогой Альбрехт испытывает те же чувства.

– Ты права, Анжела, – подтвердил император. – Прошлое забыто, Этна, и одно будущее должно занимать наши мысли.

– Да, но мне не придется разделить его с вами в вашем доме, – проговорила Этна взволнованным, дрожащим голосом. – Однако я благодарю вас, Альбрехт, и вас, Анжела, за великодушное предложение и сочувствие. Было время, Анжела, когда я вас ненавидела, даже хотела убить, хотела убить и великого человека – вашего отца и моего дядю. Но это время прошло. Я не завидую ни вашему высокому положению, ни престолу, который вы занимаете, ни короне, венчающей вашу голову, но я завидую любви того, чьим сердцем вы владеете и кто возвысил вас до себя. Дай Бог вам обоим счастья: таково теперь желание Этны Ильдегард!

При последних словах голос ее задрожал, и, отвернувшись, она стерла слезы, заблестевшие на ресницах.

Император был потрясен, а императрица растрогана до глубины души.

– Я пришла к вам на несколько минут, – продолжала Этна, призвав на помощь все свое мужество. – Я ношу траур для того, чтобы лишить свои мысли надежд и стремлений, сделавшихся причиной моих несчастий и преступлений. Я поклялась не снимать его целый год и сдержу слово. Но перед отъездом я вверяю вам судьбу моих верных подруг, которых, кажется, любят ваши пажи. Прощайте, милая Анжела, прощайте Альбрехт, прощайте навсегда. Но чтобы вы смогли понять, что я была скорее несчастна, чем виновна, возьмите эту рукопись, здесь описаны события моей жизни, окруженные для вас тайной.

Этна подала императору рукопись, потом, взглянув на него долгим взглядом, стерла слезы, залившие ее лицо, несмотря на все усилия, и поспешно удалилась.

Простившись с Линдой и Беатриче, Этна сообщила им, что поручила их императрице. С трудом сумела она вырваться из их объятий, поцеловала в последний раз, спустила свою вуаль, села на лошадь и уехала одна, в

слезах.

Солнце уже скрылось за холмами, окаймлявшими горизонт на западе, когда Этна выбралась из Ахена. Проехав по подъемному мосту, она остановила лошадь и обернулась в последний раз к имперскому городу.

Над тысячами зданий, окружавшими его, возвышался дворец, покинутый Этной. Башни его блестели в лучах заходящего солнца, и Этна вскричала звучным, мелодичным голосом:

– Прощай, великолепный дворец, пристанище единственного человека, которого я любила!

Потом, точно опасаясь чувств, возбуждаемых в ней открывающимся зрелищем, Этна Ильдегард пришпорила коня и поскакала прочь, заливаясь слезами.

Глава 85

Заключение

Мы не намерены повторять за Этной Ильдегард все подробности рассказа, приготовленного ею для своего оправдания.

Этне Ильдегард было шестнадцать лет, когда дядя отдал ее в монастырь, расположенный по соседству с замком Альтендорф. Там ее увидел Киприан и, узнав, кто она, увез девушку к баронессе Гамелен. Эта развратная женщина, стараясь развратить и Этну, посвятила ее в тайны Белого Дома. А Киприан открыл Этне, что она находится в заведении, зависящем от трибунала Бронзовой Статуи. Услышав такое известие, Этна лишилась чувств. Киприан воспользовался этим, чтобы дать девушке усыпляющий порошок, и, раскрыв глаза, она увидела, что стала его любовницей.

Вместо того чтобы осыпать монаха бесполезными упреками, Этна внутренне поклялась отомстить ему. Воспользовавшись представившимся случаем к бегству, она отправилась к своему дяде, и тот посоветовал ей удалиться в глубину Богемии с Линдой и Беатриче, дочерьми двух приверженцев Жижки, убитых в сражении. Девушки находились под покровительством предводителя таборитов. Потом Этна узнала от странствующей цыганки свойство одного растения, которое придавало коже смуглую, а волосам черную окраску, легко смываемую. Этна думала, что, употребляя это средство, она сумеет обмануть своих врагов, а для того, чтобы сделать переодевание еще убедительнее, сочинила романтическую историю, которую рассказала рыцарю Кольмару.

Хотя она не упоминала в своей рукописи, кто взял на себя роль сатаны в поединке с Эрнестом Кольмаром, император сразу догадался, для кого было важно, чтобы он не вмешивался тогда в дела Богемии: только знаменитый воин того времени мог с такой легкостью одержать верх в поединке с рыцарем, подобным Альбрехту Австрийскому.

Известно, каким образом Жижка пытался купить свободу племянницы и как кончилось приключение в пещере, где скрывался Альбрехт Австрийский. Жижка, узнавший рыцаря, едва тот явился в лагерь, сообщил племяннице, кто он, и любовь ее к будущему императору увеличивалась от блестящей перспективы, которую она усматривала перед собой.

Теперь наше повествование приблизилось к концу. Узнав о падении замка Альтендорф, обитатели замка Гамелен и Белого Дома разбежались

кто куда.

Через некоторое время после посещения Этны Иль-дегард состоялись венчания графа Лионеля Арлона с Линдой и барона Конрада Пирна с Беатриче в дворцовой капелле. На торжестве присутствовали император и императрица.

Мало царствований были так достославны, как царствование Альбрехта, которому посчастливилось сохранить всех своих друзей.

Предводителю таборитов часто приходилось воевать с соседями. Он всегда оставался победителем, но в одном сражении, к несчастью, лишился и второго глаза. Однако, и сделавшись слепым, он продолжал борьбу, и удача не изменяла его знамени.

Жижка только один раз видел свою дочь. Свидание происходило на границе, и, прощаясь, отец с дочерью предчувствовали, что расстанутся навсегда. Действительно, Жижка умер почти скоропостижно немного времени спустя, и более всего сожалел он о том, что не сумел закрепить своих законов, ибо, умея побеждать врагов, он был неискусен в управлении людьми.

Теперь перенесемся во дворец некоего султана в Константинополь.

Комната меблирована с роскошью, неизвестной тогда в Европе. Пол покрыт красным бархатным ковром, вдоль стен стоят диваны, полуоткрытые шторы и атласные занавески колышет тихий ветерок, пропитанный благоуханием самых редких цветов.

В комнате лежит на подушках женщина изумительной красоты. Это любимая жена турецкого султана; ее влияние на мужа безраздельно, но она употребляет его только на пользу подданных. Министры смотрят на ее влияние без зависти, а народ от края до края империи благословляет ее имя.

Двадцать лет царствовала она в сердце султана, а когда умерла на сорок втором году жизни, муж велел воздвигнуть ей великолепный монумент и долго оставался безутешен.

Смерть ее стала национальным несчастьем даже в той стране, где на женщину смотрят скорее как на невольницу, предназначенную для удовольствия мужчины, чем как на украшение его дома.

На ее могиле вырезано имя: Зулема, но в начале своей жизни она была известна в Богемии под именем Этны Ильдегард.

Примечания

1

Кальпурния, жена Цезаря. Здесь имеется в виду поговорка: «Жена Цезаря выше подозрений». – Здесь и далее прим. пер.

2

Не очень (фр.).

Шерман Уильям Текумсе (1820–1891), американский генерал. В Гражданскую войну в США командовал армией северян, которая вышла в тыл южан, что привело к их разгрому.

4

Галера (фр.).

5

Ненавистный человек, пугало (фр.).

6

В здоровом теле – здоровый дух (лат.).

Флоренс Найтингейл (1820–1910), английская медсестра. Организатор и руководитель отряда санитарок во время Крымской войны 1853–1856 гг. Международным комитетом Красного Креста учреждена медаль имени Флоренс Найтингейл (1912 г.).

8

Безумие на двоих (фр.)